

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт российской истории

АУРОВА
Надежда Николаевна

от Кадета до Генерала

*Повседневная жизнь
русского офицера
в конце XVIII —
первой половине XIX века*

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2010

УДК [94:355.332](470+571)"18"

ББК 63.3(2)521-35+68.49(2)23

А 93

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникация
в рамках федеральной целевой программы «Культура России»*

Аурова Н.Н.

А93 ОТ КАДЕТА ДО ГЕНЕРАЛА. Повседневная жизнь русского офицера
в конце XVIII — первой половине XIX века. / Н.Н. Аурова —
М.: Новый хронограф, 2010. — 464 с., ил., — ISBN 978-5-94884-082-9

Настоящая работа представляет собой попытку воссоздать образ русского офицера, начиная с этапа его подготовки в кадетских корпусах и заканчивая выходом в отставку.

Первая часть исследования посвящена определению роли кадетских корпусов как центров образования и просвещения в конце XVIII — первой половине XIX века, как профессиональных учебных заведений, давших русской армии хорошо образованных офицеров.

Основная часть работы посвящена реконструкции образа русского офицера именно через призму повседневной жизни, что представляется наиболее объективным и плодотворным, так как позволяет охватить различные стороны жизнедеятельности офицерского сословия в целом. Особое внимание уделено формированию культурного облика русского офицера, его интеллектуальным занятиям, кругу интересов, участию в общественной и политической жизни эпохи. Наряду с этим анализируется служебная деятельность в мирное и военное время, служба в столичных и провинциальных полках.

Повседневная жизнь русского офицера представляла собой особый тип жизни, непосредственно связанный с характером военной службы, создававшей свою систему ценностей и определенное корпоративное сознание. Несмотря на естественный ход времени все это оставалось в своей сущности неизменным.

При написании данной монографии были привлечены многочисленные источники как архивные, так и опубликованные. Использован также иллюстративный материал, расширяющий наши представления о повседневной жизни русского офицера конца XVIII — первой половины XIX века.

Книга может быть интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей

Агентство СІР РГБ

© Аурова Н.Н., 2010

© Институт российской истории РАН, 2010

© Издательство «Новый хронограф», 2010

ISBN 978-5-94884-082-9

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

часть I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ 32

глава 1

Политика правительства в области военного образования 33

1. Создание системы военного образования 35

Основные тенденции направления политики правительства
в области военного образования

Первый период: середина 80-х — середина 90-х гг. XVIII в.

Второй период: середина 90-х гг. XVIII в. — начало XIX в.

Третий период: 1800-е гг. — середина 20-х гг. XIX в.

Четвертый период: середина 20-х — конец 50-х гг. XIX в.

2. Управление военно-учебными заведениями 52

Роль императорской фамилии. Создание Комитета о военно-учебных заведениях
Образование Штаба по управлению военно-учебными заведениями. Я.И. Ростовцев

3. Формирование образа мыслей воспитанников 60

глава 2

Кадетские корпуса в системе российского образования 75

1. Кадетские корпуса в общей системе дворянского образования 77

2. Специфика кадетских корпусов как самостоятельных учебных заведений 79

Положение о военно-учебных заведениях и уставы.

Правила приема

Учебный план

Подготовка специалистов и выпуск

Статистические данные

3. Столичные и провинциальные кадетские корпуса 84
Кадетские корпуса в конце XVIII в.
Кадетские корпуса в первой половине XIX в.
Привилегированные военно-учебные заведения: Пажеский Его Императорского Величества корпус. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров
4. Организация учебного процесса
Постановка учебно-воспитательного дела
Деятельность Комитета по военно-учебным заведениям 95
Штаты военно-учебных заведений
Дисциплинарные меры

глава 3 Кадетские корпуса
и общественная жизнь России 125

1. Атмосфера и быт 127
Кадетская среда
Корпоративность
Понятие службы государю и Отечеству
Повседневная жизнь
2. Воспитание и образование 141
Кадетские корпуса в восприятии современников
3. Выпускники кадетских корпусов на службе Отечеству 165
4. Кадетские корпуса в переломное время
Накануне реформ 60-70-х гг. XIX в. 170
-

часть II ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ОФИЦЕРА:
МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ 178

глава 4 Между войной и парадом 179

1. Будни армейской службы: «между парадом и бивуаком» 181
Учение, смотры, парады
Досуг: театр, бал, маскарад, карты

Дуэль

Повседневная жизнь во время походов

«Биография, или период жизни» М.А. Войнова

Война 1812 г. в дневнике А. В. Чичерина

Война 1812 г. и заграничные походы в путевых дневниках А. Д. Чертова

«Война и мир» в дневниках Н.Д. Дурново

«Памятник жизни»: воспоминания о русско-турецкой войне 1828 — 1829 гг.

Оппозиционные настроения в офицерской среде в 20-х годах XIX в.

по «Запискам» Н.В. Веригина

2. Кавказ и кавказские войны 225

глава 5 Книги в повседневной жизни русского офицера 235

Личные библиотеки офицеров (конец XVIII — первая половина XIX вв.)

Полковые библиотеки

Книга в формировании мировоззрения русского офицера

глава 6 Образ русского офицера в художественной литературе 293

Война 1812 г. и образ русского офицера

Образ офицера в русской романтической прозе

Кавказские войны и их значение в создании образа русского офицера;

1. Пушкин и «Путешествие в Арзрум»

2. Кавказский цикл в творчестве Бестужева-Марлинского

3. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова

Образ офицера в произведениях Л.Н. Толстого

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 364

ПРИЛОЖЕНИЯ 376

Введение

Предлагаемая вниманию читателя монография состоит из двух частей: первая часть посвящена истории военного образования в России, вторая часть — повседневной жизни русского офицера. События, освещаемые в исследовании, охватывают вторую половину XVIII — первую половину XIX в. Хронологические рамки монографии (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.) совпадают с царствованием Екатерины II и завершаются Крымской войной, которая приходится на конец николаевского царствования и стала водоразделом между двумя эпохами. Именно во время Крымской войны изменяется привычное в России восторженно-уважительное отношение к армии в целом и офицерскому корпусу в частности.¹

Хронологические рамки исследования обусловлены прежде всего тем, что вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. стали временем, когда дворянство достигло наивысшей степени сословной консолидации, а русский офицерский корпус представлял собой наиболее значительную часть этого сословия. Что касается системы военного образования, то описываемый исторический период России совпадает с екатерининской реформой народного образования, непосредственно затронувшей кадетские корпуса и являющейся преддверием реформы военного образования 1862–1863 гг. Мы намеренно не уделяем специального внимания так называемой «милютинской» военной реформе, так как это самостоятельный вопрос, требующий отдельного исследования. Что касается территориальных границ, то в данной монографии исследуется повседневная жизнь полков, размещенных практически на всей территории Российской империи, включая Кавказ. Когда речь идет об участии русского офицерского корпуса в заграничных походах, то рассматриваются территории тех государств, по которым с освободительной миссией продвигалась русская армия.

В монографии представлена попытка показать систему военного образования в контексте эпохи, выявить взаимосвязь между событиями, происходившими в военно-учебных заведениях, и процессами внутренней жизни России, а также воссоздать образ русского офицера во второй половине XVIII—первой половине XIX вв.

История кадетских корпусов является одной из важных страниц в истории русской культуры и истории русского образования. В течение долгих лет кадетские корпуса оставались незаслуженно забытыми. В послед-

нее время в связи с возросшим интересом к военному прошлому нашего государства кадетские корпуса вновь попали в поле зрения исследователей. Изучение системы военного образования в России, составной частью которой являлись кадетские корпуса, во многом помогает воссоздать и скорректировать облик русского офицера, так как кадетские корпуса были именно теми учебными заведениями, в которых формировалась личность будущего офицера.

Кроме того, изучение кадетских корпусов представляет особый интерес в исследовании истории образования в России. В XVIII в. при неразвитости системы гражданского образования кадетские корпуса выполняли функции и гражданских учебных заведений, занимаясь подготовкой гражданских чиновников, по сути, совмещая начальное, среднее и высшее (университетское) образование. В начале XIX в. кадетские корпуса становятся профессиональными учебными заведениями с ориентацией на военную службу, пополняя русскую армию достаточно квалифицированными и образованными офицерами.

Наконец, следует указать на тот факт, что кадетские корпуса, как закрытые учебные заведения, находились под непосредственным контролем главного начальника военно-учебных заведений, которыми в XIX в. последовательно являлись лица императорской фамилии: великие князья Константин Павлович и Михаил Павлович. Особую роль в деле управления кадетскими корпусами играл лично Николай I. Таким образом, существовала тесная связь между правительством и военным образованием, что превращало последнее в особую сферу внутренней политики государства, без учёта которой было бы сложно составить адекватное представление о содержании этой политики в целом.

С другой стороны, абсолютное большинство политических деятелей первой половины XIX в., особенно в николаевскую эпоху, вышло из стен кадетских корпусов, где были заложены основы их политических и нравственных представлений. В этом смысле вне проблемы истории военно-учебных заведений нельзя изучать глобальные проблемы истоков декабризма, жёсткой николаевской политики и либеральных реформ 60-70-х гг. Все эти противоположные по направленности политические тенденции непредставимы без учёта роли корпусов как главного источника военных и административных кадров, во многом определивших лицо как александровской и николаевской, так и пореформенной России.

* * *

Несмотря на существование достаточно обширной дореволюционной историографии, посвященной кадетским корпусам, представляется

справедливым отметить отсутствие крупных комплексных исследований, касающихся роли, места и исторического значения кадетских корпусов в истории России. Впервые в исторической литературе интерес к существованию кадетских корпусов возник ещё в конце 30-х—середине 40-х гг. XIX в., когда их изучением стал заниматься П.Н. Глебов, анализируя состояние кадетских корпусов в эпоху Екатерины II и Павла I². Следующим серьезным исследованием по истории кадетских корпусов стала работа Н.Н. Мельницкого «Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутное ведомство)», увидевшая свет в 1857–1860 гг. В ней рассматривается период с зарождения военно-учебных заведений до середины 50-х гг. Более значительно по хронологическому охвату исследование сотрудника Главного управления военно-учебных заведений, известного военного педагога М.С. Лалаева «Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению», вышедший в 1880–1892 гг.; в нем излагалась краткая история создания кадетских корпусов и военных гимназий с 1731 по 1882 гг.

В начале XX в. появляются исследования П.В. Петрова «Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк», где кадетские корпуса рассматриваются как часть системы военно-учебных заведений; Ф.В. Грекова «Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910»; и В.А. Бернацкого «Пятидесятилетие Главного управления военно-учебных заведений». Все эти работы были написаны по заданию Военного министерства и Главного управления военно-учебных заведений и отражали официальную точку зрения на процессы, происходившие в военно-учебных заведениях. Несмотря на то, что эти исследования носят в основном описательный характер, они содержат богатый фактический материал³.

История кадетских корпусов рассматривалась также в исторических обзорах и очерках по истории конкретных военно-учебных заведений конкретных типов. Такие очерки часто создавались накануне юбилеев тех или иных кадетских корпусов. К их числу можно отнести работы Д.А. Соколова, А.В. Висковатова, А.П. Карабанова, А.Н. Антонова, П.Ф. Лузанова, Г.А. Милорадовича, О.Р. фон Фреймана, Д.М. Левшина, Н.П. Жерве, В.К. Строева, Н.А. Ломана, Т.В. Львова, Ф.Ф. Веселаго, М.С. Лалаева, П.П. Карцова, А.Н. Петрова, А.Н. Поливанова и др. Эти материалы отразили историю развития военно-учебных заведений со времени их возникновения до начала XX в., хотя в большинстве перечисленных работ отсутствует анализ выпусков, состояния учебно-воспитательного процесса и других сторон деятельности кадетских корпусов⁴.

Особое место в историографии при изучении данной темы следует отвести статьям, опубликованным в периодических изданиях, прежде всего в ведомственном печатном органе Главного управления военно-учебных заведений «Педагогический Сборник», в котором печатались аналитические статьи ведущих военных и гражданских педагогов России. В 1900-е гг. появляется ряд биографий деятелей, проявивших себя на поприще военного образования и воспитания (И.И. Бецкого, Ф.Е. Ангальта, Г.Г. Даниловича, М.С. Лалаева)⁵.

После Октябрьской революции 1917 г. изучались отдельные вопросы реорганизации в области военного образования, главное внимание уделялось анализу социально-политических и экономических факторов в стране и их влияния на состояние офицерского корпуса и вооруженных сил России в целом. Впервые «табу» на изучение кадетских корпусов было снято во время Великой отечественной войны. В 1944 г. в связи с созданием суворовских училищ была защищена кандидатская диссертация Т.П. Жестковой по теме: «Кадетские корпуса. Краткий исторический очерк».

В эти же годы появляется ряд статей Н.И. Алпатова, а в 1948 г. он защитил докторскую диссертацию по истории кадетских корпусов и военных гимназий, текст которой был опубликован в виде отдельной монографии в 1958 г. Автор дал детальный анализ системы организации военно-учебных заведений с момента их зарождения и до 1917 г., а также общих педагогических принципов, которым следовали воспитатели будущих офицеров. Однако идеологические требования, характерные для конца 40—50-х гг. XX в., существенно ограничивали возможности адекватной интерпретации истории кадетских корпусов, что в полной мере отразилось и в работах Н.И. Алпатова⁶.

В дальнейшем, вплоть до начала 90-х гг. XX в., история кадетских корпусов не становилась объектом специального исследования. Лишь отдельные краткие экскурсы, затрагивающие связанную с ней проблематику, вошли в ряд трудов общего характера по военной истории и истории конкретных военно-учебных заведений, а также стали частью биографических очерков, посвящённых жизни выдающихся полководцев и военных деятелей. При этом в исследованиях рассматриваемого круга проблем в советское время обобщен значительный фактический материал. Нуждающийся в ряде случаев в известном уточнении, он тем не менее в целом охватывает все основные этапы истории военно-учебных заведений. Однако эта аналитическая сторона вопроса не получила достаточного развития. Значительные архивные материалы остались за пределами внимания советских исследователей. Общая направлен-

ность их работ, предполагавшая заведомо критическое отношение к истории «классово чуждой» им царской армии, не позволяла должным образом осмыслить реальные идеологические и институциональные механизмы, определявшие деятельность рассматриваемых учреждений, что значительно обедняло общую картину.

На общем фоне исследований 40–80-х гг. выделяется фундаментальная монография П.А. Зайончковского, посвящённая истории русской армии (в том числе и военно-учебных заведений) конца XIX—начала XX вв. Монографию отличает свобода оценок и выводов, максимально возможная в советский период. Ряд страниц был посвящён интересующим нас вопросам. Однако история военно-учебных заведений дореформенного времени не стала предметом специального изучения и в этом случае, поскольку она интересовала автора лишь в качестве предыстории рассматриваемой им проблематики, что в полной мере относится и к другой фундаментальной монографии П.А. Зайончковского, вышедшей в начале 50-х гг. XX в., объектом исследования в которой стали военные реформы 60-х—70-х гг. XIX в.⁷

Конец 80-х—начало 90-х гг. XX в. были ознаменованы подъёмом интереса к истории дореволюционной России, в том числе и кадетских корпусов. Работы, появившиеся в последнее десятилетие, характеризуются прежде всего значительным расширением исследуемой проблематики: музыкальное воспитание кадетов, специфика подготовки офицеров различных военных специальностей, социальный состав и динамика изменения численности выпускников военно-учебных заведений, формирование нравственного и культурного облика будущих офицеров и др. При этом в научный оборот были введены новые архивные материалы, позволившие существенно уточнить наши представления о военно-учебных заведениях, в частности, об их истории в дореформенное время. Однако в большинстве случаев речь идёт не о специальных исследованиях, а о разделах в энциклопедиях, справочниках, работах, посвящённых более общим вопросам или конкретным персоналиям. Среди работ последних лет можно отметить монографию С.В. Волкова «Русский офицерский корпус», в которой автор приводит большой фактологический материал и статистические данные по истории всех военно-учебных заведений России. В монографии В.М. Крылова «Кадетские корпуса и российские кадеты» исследуется роль кадетских корпусов в подготовке офицерского корпуса России в XVIII–XIX вв., особенно артиллеристов и военных инженеров. Недавно увидела свет монография О.А.Хазина «Пажи, кадеты, юнкера», посвященная 200-летию Пажеского Его Императорского Величества корпуса, самого элитного военно-учебного заведения России.⁸

* * *

В процессе исследования нами были использованы источники самых разных жанров, как опубликованные, так и архивные, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Было изучено более 80 архивных источников и около 150 опубликованных. Особый интерес представляют источники, находящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве г. Москвы (РГВИА). Прежде всего это касается фондов Пажеского и 1-го Кадетского корпуса, в которых собрана практически вся история этих военно-учебных заведений, при этом большинство документов этих фондов в течение долгого времени находилось вне поля зрения исследователей.

Документальной основой монографии послужили источники, которые можно разделить на несколько групп:

1. Нормативные акты.
2. Документы официального делопроизводства.
3. Дневники, мемуары, воспоминания.
4. Публицистика и периодическая печать.
5. Каталоги библиотек.
6. Произведения художественной литературы, написанные современниками изучаемой эпохи.

Нормативные документы по военному образованию («Высочайшие» приказы, рескрипты, предписания о необходимости строгого надзора за нравственностью и образом мыслей воспитанников) содержатся в Полном собрании законов Российской империи, в канцеляриях архивов военно-учебных заведений и дублируются в официальных ведомственных публикациях: в Своде военных постановлений, Сборнике постановлений по военно-учебным заведениям.

В материалах официального делопроизводства особое место занимают законодательные документы: документы канцелярии великого князя Константина Павловича, документы канцелярии военного министерства и служебная переписка великого князя Константина Павловича с главным директором Пажеского и всех сухопутных кадетских корпусов П.П. Коновницыным; важное место в ней занимают их переписка по поводу «якобинских настроений среди выпускников Пажеского и 1-го Кадетского корпуса» 1822 г. и переписка с главным директором Пажеского и всех сухопутных кадетских корпусов П.В. Голенищевым-Кутузовым «об ослушании, оказанном начальству прапорщиком лейб-гвардии Литовского полка Довре» в 1824 г. Значительная часть нормативных и законодательных документов находится в Российском государственном военно-историческом архиве.

Среди документов официального происхождения большое значение имеют журналы заседаний Комитета о военно-учебных заведениях. Журналы заседаний позволяют сделать вывод об основных направлениях деятельности Комитета в 1826–1830 гг. Важнейшими документами, разработанными Комитетом, были «Устав» и «Общие положения для военно-учебных заведений»⁹.

В исследовании было использовано большое количество документов из фондов Пажеского и 1-го Кадетского корпуса, Дежурства главного директора Пажеского и кадетских корпусов, связанных с формированием личности, началом служебной карьеры выпускников кадетских корпусов. В этой связи были использованы материалы Следственного комитета по суду над декабристами в многотомном издании «Восстание декабристов».

Относительно преподавательского состава и штатов военно-учебных заведений были использованы формулярные списки, хранящиеся в фондах этих учебных заведений. Формулярные списки позволяют судить о социальном происхождении и образовательном уровне тех лиц, кому было вверено воспитание и образование российского дворянства, а также о динамике административного состава за разные годы¹⁰.

К третьей группе использованных источников относятся документы личного происхождения. Из опубликованных источников в работе использованы дневники, воспоминания, переписка бывших воспитанников кадетских корпусов, преподавателей военно-учебных заведений и современников. Воспоминания Н.П. Брусилова, П.М. Дарагана, В.А. Бельгарда, Н.К. Имеретинского, С.Н. и Ф.Н. Глинки, А.Е. Розена, М.И. Пущина, В.Н. Погожева, Л.М. Жемчужникова, В.Г. фон Бооля, братьев Бестужевых, В.И. Штейнгеля, Н.В. Веригина, П.П. Карцова, М.А. Домонтовича и многих других дают яркое представление о кадетских корпусах изучаемой эпохи. Всего было изучено около 115 источников мемуарного жанра. Основная тема воспоминаний — внутренний мир, атмосфера, быт, нравы, понятие товарищества и воинской чести, воспитание и образование, а также воспоминания о выдающихся однокашниках. Особо следует подчеркнуть тот факт, что мемуары выпускников военно-учебных заведений, представителей и высшего, и среднего, и мелкого дворянства, за исключением нескольких наименований, практически не использовались при анализе системы военного образования и его влияния на дальнейшую судьбу выпускника, а также при изучении дворянского образования в целом.

К публицистическим работам относятся прежде всего рукописные журналы, которые вели сами кадеты и которые оказали непосредственное

влияние на формирование их мировоззрения. В монографии приведены рукописные журналы 1-го Кадетского корпуса в Петербурге за период 1789–1794 гг. Из материалов периодической печати особое значение имеют журналы «Русский Архив», «Русская Старина», «Исторический Вестник», «Русский Вестник», «Военный Сборник», «Голос Минувшего» и ряд других за 1850–1917 гг.

Особым видом источников являются каталоги библиотек Пажеского и 1-го Кадетского корпуса, которые были в закрытых учебных заведениях часто самым ярким источником сведений об окружающем мире.

При написании монографии также использовались произведения художественной литературы: «Кадетский монастырь» Н.С. Лескова и «Очерки кадетской жизни» А.И. Лемана, где необыкновенно образно были показаны и все проблемы кадетской жизни и в то же время подчеркивалось своеобразное обаяние сурового кадетского быта¹⁴.

Во второй части данной монографии представлена попытка реконструкции облика русского офицера через призму повседневной жизни, связанной непосредственно с военной службой и имеющей свою специфику. В монографии были проведены исследования по изучению социокультурного облика русского офицера, формированию сословных черт, присущих замкнутой военной среде с ее строгой иерархичностью и проявлению этих черт в повседневной жизни. Кроме этого, в задачи исследования входило проследить пути военной карьеры, сопоставить службу офицеров в столичных полках и службу провинциального офицерства, бытовые условия, развлечения, остановить внимание на таких проблемах, как участие офицеров гвардейских полков в придворной жизни. Особое внимание уделялось изучению повседневной жизни офицерства во время военных походов.

До последнего времени оценки образовательного, культурного и нравственного облика русского офицера в значительной мере сводились к упрощенным представлениям, обеднявшим реальное положение, отличавшееся сложностью и многоплановостью. В исторической литературе существовало несколько стереотипов: это герой 1812 г., представление об облике которого можно было получить из «Писем русского офицера» Ф.Н. Глинки и «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского, преимущественно будущий декабрист; блестящий кавалергард, предназначение которого было в том, чтобы «красиво мерзнуть на параде», или ограниченный службист, подобный Грибоедовскому полковнику Скалозубу или полковнику Б. из рассказа Л.Н. Толстого «После бала». Конкретные личности, не соответствовавшие этим схемам, по сути, рассматривались как исключения, скорее подтверждавшие, чем опро-

вергавшие установленную норму. Исследования последних лет несколько изменили это положение, однако ещё не привели к коренному пересмотру сложившихся стереотипов. В целом в настоящее время представления об офицерском корпусе варьируются от декабристов и Чаадаева до таких неординарных личностей, как А.А. Аракчеев и А.Х. Бенкендорф.

Достаточно сложное явление представлял собой и офицер николаевского времени. Это не только беспрекословный службист, преданный «душой и телом» государю, или «самолюбивая посредственность». Так, характеризуя офицера николаевского времени, воспитанного на твердом убеждении, что, только умея подчинять свою волю, человек имеет право командовать другими людьми, но не сделавшего головокружительную карьеру, так называемого «среднего» человека, можно привести слова Л.Е. Кедринной о своем отце: это «человек, благоговейно чтивший имя царя, пламенно любивший свою Родину, твердо веривший в ее высокое предназначение, смотревший на свои обязанности как на священный долг, который надлежало нести бескорыстно, безропотно и безупречно; человек, замкнутый в самом себе, неизменно сдержанный, редко общительный, не терпевший лжи даже в шутку, до странности щепетильный в отношении до всего того, что могло бы заставить заподозрить его в стремлении к популярничанью; человек старого закала, «николаевец», всегда верный самому себе, человек с виду холодный, но на деле до самоотверженности участливый к ближнему своему»¹².

В нашем представлении реконструкция образа русского офицера именно через призму повседневной жизни является наиболее объективной и плодотворной, так как позволяет охватить различные стороны жизнедеятельности офицерского сословия в целом — тем более что офицеры, оставившие свои воспоминания, употребляют если не сам термин «повседневная жизнь», то «жизнь и быт», «быт и нравы», «столичный гвардейский быт», «провинциальный армейский быт». Интересны, в первую очередь, формирование культурного облика русского офицера, его интеллектуальные занятия, круг интересов, участие в общественной и политической жизни эпохи. В то же время анализируется служебная деятельность в мирное и военное время, служба в столичных и провинциальных полках, взаимоотношения офицеров в полках, а также отношения со столичным и провинциальным обществом. Особое внимание обращается на придворную службу, общение с лицами императорской фамилии.

Новый взгляд на офицерскую среду первой четверти XIX в. представлен в работах Ю.М. Лотмана, прежде всего в статье «Декабрист в повседнев-

ной жизни», где рассматривается социокультурный облик и модели поведения офицера-декабриста. Эти сюжеты затрагиваются в исследованиях Н.А. Марченко «Приметы милой старины...» (М., 2000) и «Быт и нравы пушкинского времени» (СПб., 2005). Среди историков конца XIX—начала XX в. подобный подход был представлен в исследованиях М.О. Гершензона: «Декабрист Кривцов и его братья», «История молодой России», «Образы прошлого»¹³.

В последние годы появился ряд работ, посвященных культуре повседневности офицерского корпуса в целом. Следует указать на исследование А.Н. Назарова «Подготовка военных кадров и культура офицерского корпуса России». Сюда можно отнести сборник статей «Быт русской армии XVIII—начала XX века» под редакцией С. Карпущенко,¹⁴ состоящий из очерков разных авторов, в основном из «Военного сборника», и исследование А.И. Бегуновой «Повседневная жизнь русского гусара в эпоху Александра I» (М., 2004). В этом исследовании внимание автора сосредоточивается на появлении гусарских полков в России и других странах Европы, их формировании, форме одежды гусар, распорядке дня, понятии «гусарской чести», подвигах русских гусар на полях сражений. Наиболее удачно, на наш взгляд, удалось описать внутреннюю атмосферу в полках, особенности быта в мирное и военное время.

О повседневной жизни русской армии второй половины XVIII в. рассказывается в научно-популярной монографии С.Д. Охлябинина «Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн» (М., 2004). Автор представляет повседневную жизнь офицера через знакомство с бытом и нравами той эпохи, показывает привычки, причуды и забавы военных людей, знакомит с их экипировкой и вооружением.

В исследовании Г.С. Чувардина «Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции» (Орел, 2005) анализируются история возникновения и эволюция русской гвардии, воспитание и образование будущего гвардейского офицера, принципы комплектования гвардейского офицерского корпуса, психологический тип офицера императорской гвардии, а также роль полковых библиотек как фактора формирования мировоззрения офицера.

При анализе образа русского офицера в художественной литературе указанного периода использовался ряд литературоведческих работ и монографических исследований¹⁵. Для освещения роли книги в повседневной жизни и влияния книги на формирование мировоззрения и создание культурного уровня офицеров в монографии анализировались исследования историков, книги и каталоги сохранившихся до наших

дней частных библиотек¹⁶, а также переписка, дневниковые записи, воспоминания и такой специфический источник, как Следственные дела по суду над декабристами.

К архивным источникам, отражающим служебную деятельность офицеров, можно отнести источники официального происхождения. Это приказы гвардейским полкам, исходящие от лиц императорской фамилии,¹⁷ документы канцелярии военного министерства, переписка великого князя Константина Павловича, служебные записки. Значительная часть документов официального делопроизводства находится в Российском государственном военно-историческом архиве и Государственном архиве Российской Федерации.

Среди архивных источников личного происхождения следует назвать, прежде всего, фонд 95 П.П. Дурново Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, из которого были использованы документы, отражавшие служебную и повседневную деятельность флигель-адъютанта, генерал-майора Н.Д. Дурново. Это дневниковые записи и письма, а также письма к нему его друзей и родственников, «каталог библиотеки» его дяди И.Н. Дурново¹⁸.

Любопытным архивным источником является «Биография, или период жизни» штабс-капитана Александрийского гусарского полка Маркиана Андреевича Войнова (1784–1856), написанная им в 1855–1856 гг. Представленный в этой рукописи материал охватывает практически весь период жизни автора и позволяет сделать интересные наблюдения об эпохе наполеоновских войн, об Отечественной войне 1812 г. играничных походах. Мемуары М.А. Войнова также хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹⁹.

Проблемы, связанные с исполнением служебных обязанностей, освещены в «Записной книжке» за 1829–1830 гг. флигель-адъютанта В.С. Апраксина (1796–1833) — адъютанта московского генерал-губернатора Д.В. Голицына.²⁰

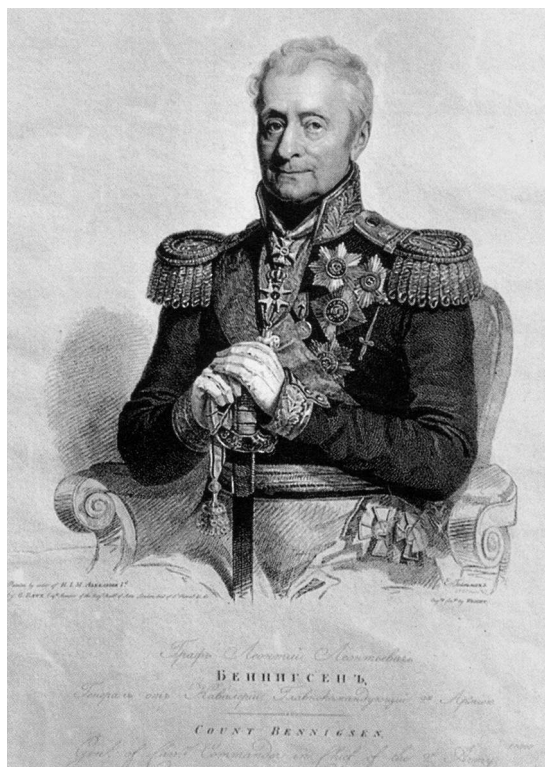
Несомненно, ценным источником для представления о службе в столичных гвардейских полках являются «Воспоминания о Государе-Императоре Николае Павловиче», написанные в 1885 г. командиром 31-й пехотной дивизии, генералом от инфантерии Н.Н. Вельяминовым (1822–1892), служившим в 40–50-е годы в лейб-гвардии Преображенском полку²¹. Автор воспоминаний очень точно фиксирует события, связанные и с несением придворной службы, обращая внимание на ее специфику, и подробно останавливается на материальных и бытовых условиях, на внутренней атмосфере полка. Большое внимание Н.Н. Вельяминов уде-

ляет Николаю I, оказавшему на автора воспоминаний поистине магическое воздействие, а также личностям командиров полка и их взаимоотношениям с Николаем I.

Во второй половине XIX в. в отечественных журналах появляются многочисленные воспоминания, написанные участниками сражений русской армии, — наполеоновских войн 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г., Кавказских войн, Крымской войны. Их авторы, находившиеся порой на военной службе большую часть жизни, решили таким образом увековечить свое боевое прошлое.

На страницах журналов «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник» печатаются воспоминания русских офицеров, участников знаменитых походов начала XIX в. Среди них можно отметить «Записки графа Л.А. Беннигсена о войне с «Наполеоном 1807 г.» и его же «За-

писки о кампании 1812 года»; «Записку о войне 1812 года» князя А.Б. Голицына; «Офицерские записки, или воспоминания о походах 1812, 1813

Л.А. Беннигсен

Е.И. Гейтман.
1821 г.

и 1814 годов» князя Н.Б. Голицына; «Военные записки» Д.В. Давыдова; «Записки кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой; «Воспоминания о походах 1812 года, составленные

из рассказов офицера» А. Зайцева; «Рассказы о походах 1812-го и 1813-го годов прапорщика Санкт-Петербургского ополчения Р.М. Зотова; «Поход во Францию 1814 г.» И.М. Казакова; «Записки генерала Каховского

о походе во Францию в 1814 году» М.И. Каховского; «Записки графа А.Ф. Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 году»; «Мемуары А.И. Михайловского-Данилевского 1814–1815 гг.»; «Автобиографические записи» А.Н. Муравьева; «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя» В.С. Норова; «Капитуляция Парижа» М.Ф. Орлова; «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год» артиллерии подполковника И.Т. Раджицкого; «Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов» А.Ф. Раевского; «Походные записки прапорщика Пензенского ополчения 1813 и 1814 годов» К.И. Селунского; «Журнал» Л.А. Симанского; «Записки» А.Х. Эйлера.

В 1900–1907 гг. под редакцией В.И. Харкевича вышли в свет 4 выпуска сборников воспоминаний участников войны 1812 г. — «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». ²² Накануне столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. вышел сборник воспоминаний участников войны 1812 г. под редакцией К.А. Военского ²³. В 1912 г. увидел свет сборник воспоминаний, составленный В.В. Калашем ²⁴.

В 90-е годы XX в. были изданы сборники, включающие военные дневники, переписку и воспоминания воинов русской армии, участников битв Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. ²⁵ Тщательный анализ воспоминаний участников войны 1812 г. дал А.Г. Тартаковский в своей монографии «Война 1812 г. и русская мемуаристика» (М., 1980).

К русскому офицеру конца XVIII—первой половины XIX вв. отношение не было однозначным, оно менялось в связи с изменением настроений в обществе. Повседневная жизнь русского офицера представляла собой особый тип жизни, непосредственно связанный с характером военной службы, создававшей свою систему ценностей и определенное корпоративное сознание, которые, несмотря на эволюцию, оставались в своей сущности неизменными.

Формирование типа личности будущего офицера начинало складываться обычно уже с детских лет, так как большинство офицеров получали военное образование в кадетских корпусах. Именно там они постигали азы военной науки, представления о нормах поведения, своде определенных правил, составляющих сущность военной службы, о воинской корпоративности и кодексе военной чести. Выйдя из корпуса и прибыв в полк, молодой офицер уже на практике осваивал военную науку и в большинстве случаев посвящал ей всю жизнь.

Попав в полк, он, оказавшись в новых условиях, стремился воплотить в жизнь традиции военно-учебных заведений, потому что для большинства офицеров, особенно первой половины XIX в., военная служба являлась логическим продолжением полученного образования.

С другой стороны, что было характерно для конца XVIII в., в частности для выпускников корпуса Сухопутного Шляхетного корпуса эпохи графа Ф.Е. Ангальта, молодые люди по прибытии в полк нередко оказывались обманутыми в своих представлениях о военной службе в связи с тем, что ожидало их в действительности. Так, современники говорят о том, что полученное в корпусе «оранжерейное воспитание» приходило в противоречие с буднями армейской службы.²⁶ Сменивший на посту директора Сухопутного Шляхетного корпуса Ф.Е. Ангальта М.И. Кутузов вызвал своими методами воспитания, ориентированными прежде всего на военную службу, неудовольствие — как среди воспитанников, так и среди офицеров-воспитателей. Многие офицеры подали в отставку. В их числе оказался будущий знаменитый драматург В.А. Озеров. Здесь проявилась еще одна проблема: как в реальной жизни воплощались положения Устава о воинской службе Петра I, воинских уставов по разным родам войск, Воинской комиссии, созданной в июле 1804 г., различных положений о военном законодательстве, вошедших в «Свод военных постановлений» и Полное собрание законов российской империи²⁷.

Тем не менее, прибыв в полки, молодые офицеры продолжали следить за событиями и внутренней жизни, и внешней политики России, часто становясь прямыми участниками событий. Повседневная жизнь и столичного, и провинциального офицерства состояла не только в подготовке к разводам, смотрам, парадам, в карточных играх и кутежах. Несмотря на эти неотъемлемые атрибуты повседневной жизни офицерства, они сохраняли привычку к чтению и умственному труду, что было характерным для человека второй половины XVIII—первой половины XIX вв. Они выписывали книги и журналы, заводили полковые библиотеки, продолжали заниматься самообразованием.

Так, в «Записной книжке» П.Х. Граббе содержатся воспоминания о том, как к совершенствованию своих знаний в иностранных языках молодых офицеров поощрял командир полка, сам хорошо образованный человек. Он призывал своих подчиненных заниматься самообразованием даже в походных условиях. Именно ему П.Х. Граббе, по собственному признанию, был обязан хорошим знанием иностранных языков. Подобные явления находят отражения и в мемуарах Н.И. Цылова, и в воспоминаниях А.Л. Филипповой, посвященных ее отцу, генерал-лейтенанту Л.А. Васильковскому.²⁸ Так, А.Л. Филиппова рассказывает о том, что ее отец, и выйдя в службу из Сухопутного Шляхетного корпуса, продолжал вести дневники, куда заносил мысли из прочитанных книг, а также занимался алгеброй, геометрией, естественными науками, о чем свидетельствуют многочисленные выписки, рисунки, чертежи. И инте-

рес к этим занятиям он сохранял всю жизнь. Здесь надо отметить, что генерал-лейтенант Л.А. Васильковский военной службе отдал, за исключением небольшого перерыва, почти 60 лет, посвятив ей практически всю жизнь.

Среди офицеров, составлявших интеллектуальную прослойку, была популярна переводческая и литературная деятельность. На этом фоне гробоводский полковник Скалозуб, с его знаменитым «фельдфебеля в Вольтеры дам», вызывал у современников откровенную насмешку. Здесь надо отметить, что интенсивная умственная жизнь в полках не прекращалась и в походных условиях, ведь в конце XVIII—начале XIX в. Россия практически непрерывно вела войны. Это стремление к самосовершенствованию, широкое распространение масонства в дворянской офицерской среде создадут условия уже в начале XIX в. для возникновения организаций, многие из которых впоследствии назовут декабристскими. Недаром представления о военной среде как об образованной части дворянства прежде всего связаны с декабристами.

Образ русского офицера первой четверти XIX в. освещается в дневниках и воспоминаниях А.В. Чичерина, Н.Д. Дурново, Н.В. Веригина, В.Н. Погожева, А.А. Одинцова²⁹, а также из воспоминаний и переписки целого ряда других их современников³⁰. Эти воспоминания принадлежат лицам, не ставшим непосредственно участниками декабристских организаций, а если и причастным к ним в начале их существования, то впоследствии отошедшим от своих радикальных устремлений и выбравшим иную дорогу. Именно они представляют, на наш взгляд, особую ценность, так как лишены заранее обусловленной политической ориентации, несмотря на то, что большое место в них занимают описания событий, носящих политический характер.

Не менее интересны воспоминания офицеров армейских полков, расквартированных в провинции. Эти воспоминания позволяют судить о жизни не только определенного гарнизона, но и в немалой степени дают картину провинциального общества. Так, сведения о характере службы офицеров армейских полков содержатся в воспоминаниях П. Аренбашева, В.Д. Кренке, В.С. Мышецкого, В.Н. Никитина, Н.А. Попова, И.Р. Тимченко-Рубана, дневниках И.И. Гладилова, П.К. Менькова.³¹

В 30–40-е годы XIX в. в повседневную жизнь многих офицеров, оставивших воспоминания, прочно входит Кавказ: служба на Кавказе, участие в кавказских войнах. Так, интересным источником для изучения русско-турецкой войны 1826–1828 гг. может послужить «Памятная книжка» офицера лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады³², в которой подробно отражен и походный быт и описаны боевые действия.

Особые акценты авторы кавказских воспоминаний делают на новых условиях службы по сравнению с Петербургом, а также с губернскими и уездными городами европейской России, на тех отношениях, которые складываются в атмосфере максимальной опасности. Яркие воспоминания о своей службе на Кавказе оставил выпускник Пажеского корпуса В.А. Бельгард³³, тяжело раненный там и чудом оставшийся жив. Многие офицеры, служившие на Кавказе, не могли представить себе службу в каком-либо другом месте, независимо от того, какими целями они первоначально руководствовались, по какой причине оказались на Кавказе³⁴.

В большинстве воспоминаний значительное место занимают рассказы о непосредственной военной службе, об исполнении служебных обязанностей, ученьях, императорских и инспекторских смотрах, парадах. Для участников военных походов это, несомненно, описание событий, связанных с походной жизнью, и самих сражений. Разумеется, в повседневную жизнь офицера входили заботы и о материальном благосостоянии, и о личной жизни, о взаимоотношениях в полку со своими товарищами и начальством. Эти проблемы отражены практически во всех воспоминаниях. Особая тема — это взаимоотношения с членами императорской фамилии.

Таким образом, повседневная жизнь русского офицера тесно переплеталась с одной стороны, с его военной службой, а с другой стороны, офицеры были неотъемлемой частью и столичного, и провинциального общества, посещали одни и те же заведения: театры, маскарады, балы, вечера, — что и чиновники. Нередко они имели один и тот же круг знакомых. Не случайно авторы воспоминаний сопрягают свою службу с обществом («служба и столичное общество», «служба гвардейских офицеров и светское общество Петербурга и Москвы», «армейская служба и провинциальное общество»).

Жители провинциальных городов, в которых стояли полки, не представляли уже себе другой жизни. Поэтому с выходом полка из города у обывателей возникало ощущение, что «жизнь кончилась». О подобных настроениях гражданского населения свидетельствует расквартирование батальона Преображенского полка в имении графини Самойловой под Павловском. Д.Г. Колокольцев пишет: «...жители до такой степени свыклись с полком, что, бывало, когда мы долгое время остаемся в лагере или на маневрах, то они ждут, не дождутся, скорейшего возвращения батальона на Славянку»³⁵.

Повседневная жизнь русского офицера, так же как и система военного образования, представляется важной и актуальной для исследования те-

мой, и вне изучения культуры повседневности офицерской среды невозможно понять повседневную жизнь русского дворянства в целом. Тем более что офицерский корпус занимал значительное место в жизни русского общества, а в определенные периоды играл и главную роль.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ

- 1 В настоящей работе мы не ставим цель подробно останавливаться на Крымской войне, так как это самостоятельный вопрос, требующий отдельного исследования. В данном исследовании повседневная жизнь и особенности военного быта русского офицера во время Крымской войны показаны на примере анализа «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого.
- 2 *Глебов П.Н.* Материал для истории русских военно-учебных заведений: военно-учебные заведения в царствование императора Павла I // ОЗ. 1839. Т. 4. № 7; Военно-учебные заведения, подведомственные Е.И.В. — главному их начальнику в царствование императрицы Екатерины II // ОЗ. 1845. Т. 42. № 10.
- 3 *Мельницкий Н.Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутное ведомство). — СПб., 1857–1860. Т. 1–4; *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. — СПб., 1880. Ч. I, II (1700–1880); СПб., 1892. Ч. III. (1881–1892); *Он же.* Исторический обзор регламентации воспитания и обучения в наших военно-учебных заведениях от основания первых школ до последнего времени // Военный Сборник. 1875. № 10; *Петров П.В.* Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк // Столетие военного министерства. Т. 10. — СПб., 1910; *Греков Ф.В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. — М., 1910; *Бернццкий В.А.* Пятидесятилетие Главного управления военно-учебных заведений. — СПб., 1913.
- 4 *Соколов Д.* Историческое и статистическое описание Горного кадетского корпуса. СПб., 1830; *Висковатов А.В.* Краткая история 1-го Кадетского корпуса. — СПб., 1832; *Карabanов А.П.* 125-летний юбилей 1-го Кадетского корпуса. 1732–1857. — СПб., 1857; *Антонов А.Н.* Первый кадетский корпус: краткие исторические сведения. — СПб., 1906; Празднование 175-летней годовщины 1-м Кадетским корпусом. 1732–1907. — СПб., 1907; *Лузанов П.Ф.* Сухопутный шляхетский кадетский корпус (ныне 1-й Кадетский корпус. — СПб., 1907. Вып. 1; *Милорадович Г.А.* Материалы для истории Пажеского Е.И.В. корпуса. 1711–1875. Киев, 1875; *Фрейман О.Р. фон.* Пажи за 185 лет (1711–1896): Биографии бывших пажей с портретами. Фридрихсгамн, 1894–1897; *Левшин Д.М.* Пажеский Его Императорского Величества корпус за 100 лет. — СПб., 1902. Т. 1–2; *Жерве Н.П., Строев В.Н.* Исторический очерк

- 2-го Кадетского корпуса. — СПб., 1912. Т. 1; *Ломан Н.Л.* Историческое обозрение 2-го Кадетского корпуса. — СПб.; *Львов Т.В.* 2-й [Петербургский] Императора Петра Великого корпус: начальствующий персонал за двести лет и весь учебно-воспитательный и административный состав за последнее пятидесятилетие. — СПб., 1912; *Веселая Ф.Ф.* Очерки истории Морского кадетского корпуса. — СПб., 1852; *Лалаев М.С.* Исторический очерк образования и развития Первого Московского кадетского корпуса, что ныне Первая Московская гимназия. 1718–1878. — СПб., 1878; *Карцов П.П.* Исторический очерк новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса): Сост. к 50-летию юбилею; *Петров А.Н.* Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-сиротского дома 1798–1898 гг. — СПб., 1898; *Поливанов А.Н.* Пятидесятилетие 2-го Московского кадетского корпуса. — М., 1899 и др.
- 5 *Петров П.В.* Граф Ф.Е. Ангальт. Биографический очерк // Педагогический сборник. 1901. № 9; *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. — СПб., 1904; *Прокопьев М.* Памяти Григория Григорьевича Даниловича, как выдающегося педагога // РС. 1908. Т. 135. № 9; *Симонов И.С.* Памяти М. С. Лалаева // ПС. 1912. № 12.
- 6 *Жесткова Т.П.* Кадетские корпуса. Краткий исторический очерк. М., 1944. См. также: *Богоявленский Г.П.* М.И. Кутузов на посту директора военно-учебного заведения // Советская педагогика. 1943. № 7. С. 32–34.; *Алпатов Н.И.* Историческая справка о кадетских корпусах в России XIX в. // Советская педагогика. 1944. № 1. С. 18–21; *Он же.* Опыт кадетских корпусов — суворовским училищам. // Пограничник. 1945, № 20. С. 44–48.; *Алпатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958.
- 7 *Бескровный А.Г.* Военные школы в России в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1953. Т. 42. С. 285–300; *Он же.* Очерки по источниковедению военной истории России. — М., 1957; *Он же.* Очерки военной историографии России. — М., 1962; *Он же.* Русская армия и флот в XVIII в. — М., 1958; *Он же.* Военное образование в России в XVIII в.: доклад на секции сравнительной военной истории XIII Международного конгресса исторических наук. — М., 1970; *Алтышуллер Р.Е.* Кутузов как военный педагог-директор кадетского корпуса // Вопросы военной истории XVIII — первой половины XIX вв. — М., 1969; Там же. История высшего военно-морского Ордена Ленина Краснознамённого Ордена Ушакова училища имени М.В. Фрунзе; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870-х гг. в России. — М., 1952; *Он же.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. — М., 1973.
- 8 *Каменев А.И.* История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990; *Он же.* Военная школа России. — М., 1999; *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. — М., 1993; *Назаров А.Н.* Подготовка военных кадров и культура офицерского корпуса России. — М., 1994; *Он же.* Формирование

правственной культуры у воспитанников военно-учебных заведений в России. — М., 1997; *Айрапетов О.Р.*, Н.Н. Обручев. Жизнь и деятельность. — М., 1994; *Он же*. Н.Н. Обручев. Забытая карьера «русского Мольте». СПб., 1998; *Семичев В.В.* Музыкальное воспитание в системе военного образования России, 1700–1917 гг. Историко-педагогический анализ. СПб., 1994; *Романов Б. Г.* Создание в Советском Союзе сети суворовских военных училищ (по типу кадетских корпусов России) в 1943–1944 гг. и в первой половине 1950-х гг. // *Бомбардир*. 1995. № 2. С. 54–57; *Харламов В.И.* Военное образование в России в XVIII в. // *Военно-исторический журнал*. 1997. № 4. С. 50–59; *Крылов И.О.* Военно-учебные заведения // *Отечественная история: история России с древнейших времён до 1917 г.* Энциклопедия. — М., 1994. Т. 1, С. 426–428; *Он же*. Кадетские корпуса // Там же. Т. 2, С. 434–437; *Крылов В.М.* Роль кадетских корпусов в подготовке артиллерийских и инженерных офицерских кадров русской армии в XVIII–XIX вв. М., 1995; *Он же*. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998; *Он же*. «Укрепившись в силах и по приобретению надлежащих познаний...». Подготовка военных кадров артиллерии накануне военных реформ 1860–1870 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2002. № 10. С. 26–30; *Михайлов А.А.* Псковский кадетский корпус, 1882–1917 гг. — СПб., 1994; *Он же*. Руководство военным образованием в России во второй половине XIX–XX века. Псков, 1999; *Жуковский В.П.* Военное образование в России: Преемственность, опыт, традиции // Под редакцией Корнева Г.Л. Саратов, 1999; *Российский военный сборник*. Офицерский корпус русской армии: опыт

самопознания. — М., 2000 Вып.17; *Змеев В.А.* «Обучать...к воинскому искусству потребным наукам». Первые кадетские корпуса в России. // *Военно-исторический журнал*. 2001. № 11. С.49–53; *Хазин О.А.* Пажи, кадеты, юнкера. Исторический очерк. — М., 2002

- 9 РГВИА. Ф. 945. Дежурство Главного директора Пажеского и кадетских корпусов. Оп. 1. Д. 27. О недопущении, дабы в учебные заведения мог вкрасться дух вольнодумства и якобинизма. ЛЛ. 1–7. Об. 17–29 июня 1822 г.; РГВИА. Ф. 25. Военная канцелярия цесаревича Константина Павловича. Оп. 2/161а. Д. 983. Об ослушании, оказанном начальству прапорщиком лейб-гвардии Литовского полка Довре. ЛЛ. 1–9. 1824 г. РГВИА. Ф.326. Комитет о военно-учебных заведениях под председательством К.И. Оппермана.
- 10 РГВИА. Ф.314. 1-я Петроградская гимназия военного ведомства (1-й Кадетский корпус). Оп. 1. Т. 1. Д. 184. Формулярные списки всего корпуса в 1820 г.; Д. 187. Формулярный список о службе учителей 1-го Кадетского корпуса. Октября 22 дня. 1831 г.; Т. 2. Д. 3829. Список чинам корпуса с 1794 г. по 23 сентября. 1794 г.; Д. 4008. О покупке книг для корпусной библиотеки. 18 апреля 1806 г.; Ф. 318. Петроградская гимназия военного ведомства (Пажеский корпус). Оп. 1. Т. 1. Д. 191. Дело по канцелярии Пажеского корпуса о доставлении сведений о гг. учителях, где кто служит и сколько получает жалованья. 1812 г. и др.
- 11 *Брусилов Н.П.* Воспоминания Н.П.Брусилова // ИВ. 1893. № 4. С. 4–57; *Дараган П.М.* Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны //

- Союз пажей: Сб. воспоминаний. — Париж, 1956. № 2. Отт. из РС. 1875. Т. 12. № 4; *Бельгард В.А.* Автобиографические воспоминания В.А. Бельгарда // РС. 1880. Т. 29. № 9. С. 1-42; № 12. С. 823-850; 1881. Т. 30. № 1. С. 1-26; № 3. С. 487-518; Т. 31. № 7. С. 327-370; *Имеретинский Н.К.*, кн. Записки старого пажа // РВ. Т. 190. № 8. С. 663-703. Т. 191. № 9. С. 224-254; *Глинка С.Н.* Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895; *Глинка Ф.Н.* Взгляд на прошедшее // Москвитинин. 1846. № 2; *Розен А.Е.* Записки декабриста. — СПб., 1907, М., 1983; *Пушкин М.И.* Записки // РА. 1908. Кн. 3. № 11. С. 410-411. № 12. С. 504-576; *Погожев В.Н.* Воспоминания // ИВ. 1893. Т. 52. № 6. С. 700-731. Т. 53. № 7. С. 84-111; *Жемчужников А.М.* Мои воспоминания из прошлого. — Л., 1970; *Бооль В.Г.* Воспоминания педагога // РС. 1904. Т. 117. № 3, 4. Т. 118. № 7, 8, 9. Т. 120. № 10,11; Воспоминания Бестужевых. — М. — Л., 1951; *Штейнтель В.И.* Записки барона В.И. Штейнгеля // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981; *Веригин Н.В.* Записки // РС. 1892. Т. 76. № 10. С. 45-80. № 11. С. 294-314. 1893. Т. 77. № 2. С. 405-447. N. 3. С. 579-625. Т. 78. № 4. С. 107-146. Т. 124. № 10. С. 39-79. N. 11. С. 332-350; *Карцов П.П.* Новгородский кадетский корпус. Его открытие и первые годы // РС. 1884. Т. 41. № 1-3. С. 519-544; *Он же.* Из прошлого. Личные и служебные воспоминания. Ч. I. 1831-1876. — СПб., 1888; *Домонтович М.А.* Полтавский кадетский корпус в первые годы его существования // ИВ. 1890. № 10-12. С. 444-474; *Корсаков А.Н.* Воспоминания московского кадета // РА. 1879. Кн. 2. № 7. С. 304-326. 1880. Кн.1. №2. С. 449-473. 1882. Кн.1. № 2. С. 358-376; *Лесков Н.С.* Кадетский монастырь. — Полное собрание сочинений. — М., 1957. Т. 6; *Леман А.И.* Очерки кадетской жизни. — СПб., 1888.
- 12 *Кедрина Л.Е.* Русский Архив. 1917. № 1. С. 102.
 - 13 *Гершензон М.О.* Декабрист Кривцов и его братья (М.,1915); История молодой России (М.,1912); Образы прошлого (М., 1923).
 - 14 *Карпущенко С.П.* Быт русской армии XVIII — начала XX вв. — М., 1990 (*Карпущенко С.П.* «Введение»; *Бутовский Н.Ф.* «Очерки современного офицерского быта»; *Кочергин П.* «Нужды русского солдата»; *Лениновский П.* «Очерк из быта войск в военное время»; штабс-капитан *Лоссовский* «Забава и дело в казарме»; *Гейне фон Базедов.* «Путевые заметки о военной России»).
 - 15 *Архипова А.В.* Литературное дело декабристов. Л., 1987; *Дурылин С.Н.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. М., 2005; *Мещеряков В.П., Себул М.Н.* «Дела давно минувших дней...» Историко-бытовой комментарий к произведениям русской классики XVIII-XIX веков. М., 2003; История русской литературы XIX век. 1800-1830-е годы. В двух частях. Ч. 2 / Под ред. В.Н. Аношкиной, А.Д. Громовой. М., 2001; *Роговер Е.С.* Русская литература первой половины XIX века. СПб. — М., 2005.
 - 16 *Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX в. М., 2003; *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России. М. — СПб., 1911-1912; ОР РГБ. Ф. 20. *Г.С. Батенькова.* Картон 13. Д. 56. Каталог книг на русском и французском языках. ЛЛ.1-24; ОР ГРМ. Ф. 4 Ф.П. Толстого. Д. 32. Каталог книг на русском языке; ОР РГБ. Ф. 95 П.П. Дурново. Д. 7680 Каталог российским книгам

- библиотеки Ивана Николаевича Дурново. Начало XIX в. ЛЛ.1-43.
- 17 ОР РГБ. Ф. 95 П.П. Дурново. Папка VII. Д. 1. Приказы лейб-гвардейским полкам. 1798-1799 гг. ЛЛ.1-270; ГАРФ. Ф. 728 Зимнего Дворца. Оп. 1. Т. 1. Д. 481. Дневные и строевые рапорты лейб-гвардии Преображенского полка. 1797-1798 гг. ЛЛ.1-15; Там же. Д. 507. Рапорты от Главной гауптвахты лейб-гвардейского Его Императорского Высочества Александра Павловича полка. Ведомости. 1799, 1800 гг. ЛЛ.1-7; Рапорты от лейб-гвардии Измайловского полка. 1799 г. ЛЛ. 1-10.
 - 18 ОР РГБ. Ф. 95. П.П. Дурново
 - 19 ОР РГБ. Ф. 218. Картон № 762. Д. 8. ЛЛ.1-62.
 - 20 ОР РГБ. Ф. 11, раздел II. Д. 172.18.
 - 21 ОР РГБ. Ф. 218. Д. 121. Воспоминания о Государе Императоре Николае Павловиче и его времени. ЛЛ. 1-130. 1885 г.
 - 22 *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-учебного архива Главного штаба. Вильна, 1900-1907, выпуски 1-4.
 - 23 *Военский К.А.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911 (Опубликованы воспоминания И.К. Арнольди, А.Б. Голицына, Н.Г. Изюмова, С.С. Малиновского, И.К. Орурка, Я.С. Храповицкого).
 - 24 *Каллаш В.В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912 (Представлены воспоминания П.А. Вяземского, Д.В. Давыдова, Ф.В. Ростопчина, П.А. Тучкова).
 - 25 1812 год. Военные дневники. Составитель А.Г. Тартаковский. М., 1990 (Впервые опубликованы, выявленные в разных архивах России дневники участников Отечественной войны 1812 года — известных военачальников и квартирмейстерских офицеров: «Дневник 1812 г.» Н.Д. Дурново; «Дневник 1812-1814 гг.» Д.М. Волконского; «Журнал». 1812 г. В.В. Вяземского; «Выписка из дневника 1812 года, сентября 3-го и 4-го дня» И.П. Липранди; «Военный журнал 1813 года» А.А. Щербинина; «Журнал 1813 года» А.И. Михайловского-Данилевского.); 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Составитель Ф.А. Петров и др. — М., 1991 (Впервые опубликованы воспоминания участников Отечественной войны 1812 года, хранящиеся в собрании Государственного Исторического музея «Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. 1818 г.» Г.П. Мешетича; «Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г.» М.М. Петрова; «Воспоминания участника войны 1812 года. 1820 г.» И.Р. Дрейлинга; «Записки отставного подполковника Михаила Петровича Романова военным действиям в России и за границей с 1812 и по 1817 год, в которых он участвовал. 1838 г.»; «Из воспоминаний» И.М. Благовещенского. 1859 г.; «Мое воспоминание. Из рассказов дедушки моего, прапорщика Сергея Яковлевича Богданчикова» М.А. Богданчикова. 1911 г.); 1812-1814 г. Дневники офицеров русской армии. М., 1992 — воспоминания, секретная переписка, дневники офицеров русской армии.

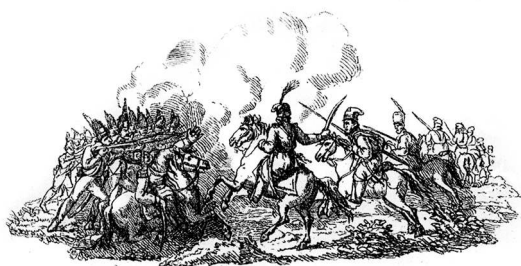
- Часть IV. («Дневник» 1813 г.
Ф.Ф. Шуберта; «Дневник 1813–1814 гг.» А.А. Лехнера; «Путевые дневники 1813–1814 гг.» А.Д. Чертова; «Дневники 1813–1814 гг. И.Ф. Соловьева).
- 26 *Глинка Ф.Н.* Воспоминания // Москвитянин. М., 1846. Ч. 1. С. 46; *Глинка С.Н.* Записки. — СПб., 1895. С. 40, 76.
- 27 «Устав о службе воинской Петра I, Его Императорского Величества Воинский Устав о полевой гусарской службе» М., 1797; «Свод военных постановлений».
- 28 *Цылов Н.И.* Воспоминания // Шукинский Сборник, Вып. 5. — М., 1906. С. 367–375; *Филиппова А.А.* Из воспоминаний // Русский Архив. 1917. № 2/3, С.45–55.
- 29 *Чичерин А.В.* Дневник 1812–1813 г. — М., 1966; *Дурново Н.Д.* Дневник 1812 года // 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 48–113; *Веригин Н.В.* Записки // Русская Старина. 1892. Т. 76. № 10. С. 45–80; № 11. С. 294–314 и др.; *Одинцов А.А.* Посмертные записки // Русская Старина. 1889. Т. 64. № 11. С. 289–322; 1890. Т. 65. № 1. С. 24–34.
- 30 *Кренке В.Д.* Отрывки из воспоминаний // Исторический вестник. 1885. Т. 21. № 8. С. 265–294; *Львов А.Ф.* Записки // Русский архив. Кн. 2. № 4. С. 225–260; Кн. 3. № 5. С. 65–111; *Мамаев Н.И.* Записки // Исторический вестник. 1905. Т. 85. № 7. С. 25–75; № 8. С. 417–438; № 9. С. 784–827; Т. 86. № 10. С. 46–72; № 11. С. 428–470; № 12. С. 864–882; *Остроухов И.М.* Воспоминания // Русская старина. 1874. Т. 10. № 5. С. 46–59; *Тимирязев Ф.И.* Страницы прошлого. Воспоминания об отце генерал-лейтенанте И.С. Тимирязе-ве // Русский архив. Кн. 1. № 1. С. 155–180; № 2. С. 298–330; *Титов Н.А.* Воспоминания // Русская старина. 1870. Т. 1. № 2. С. 148–149; Древняя и новая Россия. 1878. Т. 3. № 12. С. 265–286 и др.
- 31 *Аренбашев П.* Записки моего отца // Современник. 1859. Т. 77. № 9. С. 153–236; *Кренке В.Д.* Быт саперов 50 лет назад // Исторический вестник. 1885. Т. 21. № 8. С. 264–294; *Мышецкий В.С.* Воспоминания // Исторический вестник. 1896. Т. 66. № 11. С. 536–554; № 12. С. 878–920; *Никитин Н.В.* Воспоминания о старинном военном быте // Наблюдатель. 1889. № 6. С. 219–239; № 7. С. 209–253; № 8. С. 62–87; *Попов Н.А.* Из воспоминаний старого кавалериста // Исторический вестник. 1894. Т. 46. № 11. С. 368–387; Русская старина. 1912. Т. 149. № 1. С. 175–188; № 2. С. 357–364; *Тимченко-Рубан И.Р.* Из воспоминаний о прошлом // Исторический вестник. Т. 41. № 7. С. 94–114; № 8. С. 304–333; *Гладилов И.И.* Отрывки из дневника ротного командира И.И. Гладилова // Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И. Щукина. Ч. 8. — М., 1901. С. 174–185; *Меньков П.К.* Записки. В 3-х томах. Т. 2. Дневник. — СПб., 1898.
- 32 ОР РГБ. Ф. 178. Д. 9313. Памятник жизни 1828, 1829, 1830 гг. Воспоминания русского офицера лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, участника русско-турецкой войны, написанные на основе дальнейших записей. Не ранее 1829 гг. 18 л.
- 33 *Бельярд В.А.* «Автобиографические воспоминания» // «Русская Старина», 1899. Т. 97. № 2. С. 411–438
- 34 Андреев Василий — офицер отдельного Кавказского корпуса,

воспоминания об эпизодах Русско-иранской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войнах, об армейском быте (Кавказский сборник. 1876. Т. 1. с. 121); Багговут А.Ф. — генерал от кавалерии, участие автора в походе сводного гвардейского полка на Кавказ, Русско-иранская война (1826–1828), осада Эривани (Русская Старина. 1883. Т. 40. № 10. С.111–136); Бриммер Э.В. — генерал от артиллерии, начальник артиллерии Отдельного кавказского корпуса; участие автора в 20–40-е годы в экспедициях в Кабарду, Чечню, Ичкерия, в Русско-иранской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войнах (Кавказский Сборник. 1894. Т. 15. С. 52–260 и др.); Варун-Секрет И.Л. — офицер Камчатского пехотного полка, воспоминания об участии полка в Русско-турецкой войне (1828–1829) (Русская Старина. 1879. Т. 25. №5. С.159–172); Гангблов А.С. — декабрист, участие в Русско-иранской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войнах и кавказских экспедициях 30-х гг. (Воспоминания декабриста А.С. Гангблова. М., 1888); Голицын Н.С. — генерал от инфантерии, участник Русско-турецкой войны(1828–1829), (Русская Старина. 1880. Т. 29. № 11. С. 599–611; № 12. С. 883–890 и др.); Граббе П.Х. — генерал-адъютант, командующий войсками на Кавказе (1837–1839); участие автора в Русско-турецкой войне (1828–1829 гг.) («Записная книжка П.Х. Граббе» М., 1888); Дондуков-Корсаков А.

М. — служба автора на Кавказе в 40–50-х гг., личность М.С. Воронцова. (Мои воспоминания // Старина и новизна. 1902. № 5. С. 119–234; 1903. № 6. С. 41–215); Красовский А.И. — генерал от инфантерии, участник Русско-иранской войны (1826–1828гг.) (Дневник генерала Красовского 1826–1828 гг. // Кавказский сборник. Т. 22. С. 1–68); Славской — офицер, участие в экспедициях по покорению Кавказа. (Воспоминания и рассказы старого кавказского воина // ЖЧВВУЗ. 1849. Т. 77. № 305. С. 5–40; № 306. С. 111–142; №307. С. 225–260); Степанов П.А. — участие полка в Русско-турецкой войне (1828–1829), личность графа Залусского; (Двадцать пять лет в Егерском полку. Из записок старого егеря // Военный сборник. 1877. Т. 113, №1. С. 191–210. № 2. С. 363–440; Т. 114, №3. С. 179–220; Т. 116. № 7. С. 172–188 и др.); Филиппсон Г.И. — генерал от инфантерии, участие в экспедициях против горцев, служба на береговой линии Кавказа (1839–844) (Воспоминания // Русский архив. 1883. Кн. 3. № 5. С. 173–200; № 6. С. 241–356 и др.); Цылов Н.И. — генерал-майор, воспоминания о службе в Георгиевске в 1817–1820-х гг. (Шукинский Сборник. Вып. 5. М., 1906. С. 367–442, вып. 6. М., 1907, С. 1–76) и др.

Колокольцев Д.Г. Лейб-гвардии Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера с 1831 по 1846 г // Русская Старина. 1883. Т. 38. № 5 С. 273–311

глава 2

Кадетские корпуса в системе российского образования

1. Кадетские корпуса в общей системе дворянского образования

Уже в начале XIX в. с появлением сети университетов и увеличением числа гимназий в разных городах России у дворянства появляется возможность дать своим детям иное образование, помимо военного. Тем не менее и в 30-е, и в 40-е гг. XIX в. дворянство по-прежнему стремилось отдавать своих детей в военно-учебные заведения. Дело в том, что кадетские корпуса имели благотворительное значение, давая возможность получать образование и содержание детям неимущих и умерших офицеров и дворян, а для беднеющего дворянства большое значение имела возможность дать своим детям образование за государственный счет, за счет казны, и тем самым обеспечить их будущее. Пребыва-

ние в кадетских корпусах было спасением для сыновей большей части дворянства, особенно для детей вдов и круглых сирот. Так, по высочайшему повелению Александра I были размещены в разные военно-учебные заведения Петербурга сыновья покойного екатеринославского губернского почтмейстера, коллежского советника Данилова: «после смерти екатеринославского губернского почтмейстера коллежского советника Данилова в крайне бедственном положении осталась его вдова с 3 сыновьями и 3 дочерьми. Старший сын Василий 14 лет был зачислен в Дворянский полк, Петр 12 лет и Николай 5 — в 1-й Кадетский корпус».¹ Именно для последней категории были основаны, помимо Императорского Военно-сиротского дома, два корпуса: Александровский кадетский корпус для малолетних (1830 г.) вместо упраздненного Царскосельского Благородного пансиона и Александринский сиротский кадетский корпус при 1-м Московском кадетском корпусе.

Обучение и воспитание в кадетских корпусах, несмотря на негативные черты корпусной жизни (оторванность от внешнего мира и семьи, непростые внутренние отношения между кадетами и их наставниками, а также в среде самих кадетов, часто отсутствие элементарных удобств), способствовали консолидации дворянского сословия, вырабатывали представление о чести, долге и обязанностях перед государем и Отечеством, делали незыблемым в сознании дворянской среды тезис «*Dulce et decorum pro Patria mori*» («Сладко и почетно умереть за Родину»).

С другой стороны, отдавать детей в корпус стало традицией дворянства: «Все знатные дворянские семьи считали долгом отдавать сюда своих сыновей. Вскоре это превратилось в традицию. Кадетский корпус заменил для дворянина гимназию и университет. Как бы далеко от Петербурга ни жили родители, какими бы средствами они ни обладали, жажда определить сына в корпус была одинаково сильна. Корпус выдвигал дворянству широкие возможности для быстрого выдвижения в государстве, получению чинов и видных мест в управлении страной».²

Таким образом, основными причинами, по которым родители предпочитали отдавать сыновей в корпуса, были: 1) долг дворянина — служить Царю и Отечеству; 2) в XVIII в. — неразвитость системы гражданского образования; 3) возможность получения бесплатного государственного образования, что было особенно важно для беднеющего дворянства; 4) традиция в дворянской среде, сложившаяся в петровскую эпоху, давать сыновьям именно военное образование.

Кадетские корпуса также были основным каналом, по которому осуществлялось пополнение офицерского корпуса лицами с военным образованием. В начале XIX в. даже не успевающие в науках воспитанники могли быть выпущены в пехотные и кавалерийские полки офицерами.³

Особый интерес представляют просьбы о зачислении в корпуса сыновей иностранцев, служивших на русской службе. В прошении Madam Schilling на Высочайшее имя (Александру I) о зачислении ее сына в Пажеский корпус указываются следующие причины, побудившие ее обратиться с данной просьбой: Знатное происхождение ее сына («Sorti d'une famille anciennement noble»), его стремление к достижению славы, которую дает военное звание («il ambitionne la Gloire qu'offre l'etat militai-re»), воодушевление примером деда бригадира Schilling, прослужившего пятьдесят лет («ayant pour exemple feu son grandpere, le Brigadier de Schulling, qui avait servi cinquante ans»), отставка по причине плохого здоровья мужа («Mon Mari le Lieutenant de Schulling a ete forse de Quitter le service a cause du mauvais etat de sa sante») и последовавшая за этим нужда («la derniere indigence»). Madam Schilling надеялась, что ее сын будет зачислен в Пажеский корпус, «сможет принимать участие во всех добрых делах, предоставляемых хорошим воспитанием, которое единственное может дать ему возможность со временем успешно служить («l'y faire participaire aux bien faits d'une bonne Education qui seule peut le rendre capable de servir un jour avec succes»)).⁴

В кадетские корпуса зачислялись также дети польских дворян (Приказ по военно-учебным заведениям от 30 января за № 271). Так, среди кадетов 1-го Кадетского корпуса оказался Николай Глиноецкий, будущий исто-

рик Генерального штаба.⁵ Так как число желающих поступить в кадетские корпуса постоянно возрастало, то со временем прием стал обуславливаться служебными заслугами родителей. Но преимущественно принимали сирот и неимущих, причем существовало 26 разрядов по правам на казенное воспитание, в соответствии с которыми и определялась очередность приема. В Александровский малолетний и малолетнее отделение 1-го Московского кадетского корпуса принимались дети 6–8 лет, в остальные корпуса 9,5–11,5 лет после экзамена.⁶

С созданием в 1832 г. Штаба по управлению военно-учебными заведениями открывается ряд кадетских корпусов в провинции, в губернских городах. Такие учреждения появляются в Нижнем Новгороде, Полоцке, Полтаве, Воронеже, Орле и других городах. Для кадетских корпусов строятся большие, светлые и просторные здания, стоимость каждого из которых достигает до 3 миллионов рублей.⁷ Тем не менее, даже окончив уездное училище в провинции, юный дворянин отправлялся в столицу, чтобы получить образование в одном из кадетских корпусов, так как по свидетельству современника и в 30-е, и в 40-е гг. «не было другой карьеры для дворянства».

2. Специфика кадетских корпусов как самостоятельных учебных заведений

ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ. УСТАВЫ

В первой четверти XIX в. контроль за военно-учебными заведениями осуществлялся Главным начальником военно-учебных заведений (великим князем Константином Павловичем), главным директором Пажеского и всех сухопутных кадетских корпусов (генерал-майором Ф.М. Клингером в 1802–1820 гг., генералом от инфантерии П.П. Коновницыным в 1820–1822 гг., генерал-адъютантом П.В. Голенищевым-Кутузовым в 1822–1826 гг., Советом о военных училищах, Дежурством главного директора Пажеского и всех кадетских корпусов, военным министром и лично императором. В октябре 1802 г. в связи с открытием Пажеского корпуса как военно-учебного заведения Ф.М. Клингером был разработан «Устав Пажеского Его Императорского Величества корпуса», в котором были определены «цель и задачи воспитания благо-

часть

I

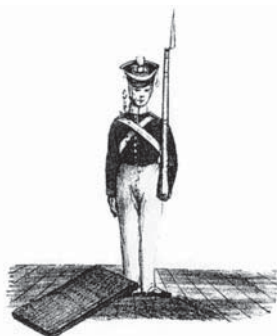
КАДЕТСКИЕ КОРПУСА В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

глава **1**

Политика правительства в системе военного образования

1. Создание системы военного образования

История кадетских корпусов и военного образования не может быть адекватно воспринята без учёта изменений в направлениях правительственной политики. С самого момента возникновения корпуса находились под пристальным наблюдением правительства и непосредственно лиц императорской фамилии. Все изменения в политической сфере немедленно отражались на кадетских корпусах. Это явление было вполне закономерным, если учесть, что

система образования в целом и военного образования в частности никогда не воспринималась в правительственных кругах исключительно как подготовка специалистов. Не менее (если не более) важным был фактор иного рода: система образования могла стать почвой для распространения антиправительственных идей, очагом для формирования типа личности, настроенной в антиправительственном духе. Но она же при соответствующем подходе, как считалось, могла воспитывать молодых людей в духе верности престолу, создавать человеческий тип, соответствующий задачам и направлениям политики самодержавия. Взгляды на эти задачи и этот тип личности не оставались неизменными. Неодинаково представлялись и черты личности, идеально пригодной для государственной службы как в гражданской, так и в военной сфере.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

И НАПРАВЛЕНИЯ

ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В ОБЛАСТИ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В своей монографии мы старались отразить основные направления правительственной политики в системе военного образования в конце XVIII–первой половине XIX вв., указать на основные тенденции её эволюции, а также выявить комплекс факторов, оказывавших непосредственное влияние на ход этой эволюции в каждый конкретный пе-

риод. Что касается периодизации, то представляется целесообразным выделить следующие основные периоды:

- I. Середина 80-х гг. — середина 90-х гг. XVIII в. Время, когда политика в сфере военного образования проводилась в соответствии с концепцией «просвещённого абсолютизма». Корпуса были общеобразовательными учреждениями, выпускавшими как офицеров, так и гражданских чиновников.
- II. Середина 90-х гг. XVIII в. до начала XIX в. Отступление от положений, восходивших к постулатам философии Просвещения. Начало «военизации» кадетских корпусов.
- III. Начало — первая четверть XIX в. Развитие тенденций, наметившихся в предшествующий период. Ограничение элементов гражданского образования в системе кадетских корпусов основами знаний, необходимыми будущему офицеру. Корпуса перестают выпускать специалистов гражданских профессий. Начинают складываться учреждения военного образования в провинции.
- IV. Середина 20-х-конец 50-х гг. XIX в. Завершение процесса формирования общенациональной системы военного образования. Оформление сети провинциальных кадетских корпусов. В конце 50-х гг. начинают разрабатываться первые проекты новой коренной реформы системы подготовки офицерских кадров. Мы говорим именно о «новой» реформе, поскольку в течение всего рассматриваемого периода (конец XVIII-середина XIX вв.) кадетские корпуса, будучи любимым детищем правительства, находились в состоянии почти непрерывного реформирования. Эта большая проблема (изменения в системе военного образования в рамках либеральных реформ 60-70-х гг.) выходит за пределы нашей монографии.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД: СЕРЕДИНА 80-х —

СЕРЕДИНА 90-х гг. XVIII в.

Уже с самого основания кадетские корпуса рассматривались как учреждения ярко выраженного сословного характера, главной задачей которых было воспитание типа дворянина, верного своим сословным обязанностям, к которым он был жёстко привязан. Вместе с тем на протяжении XVIII в. социальный и правовой статус дворянина неуклонно повышался. Дворянство приобретало всё более явно выраженные аристократические черты. Корпус должен был дать такое образование и воспитание, которое соответствовало этому статусу, вне зависимости от материального положения кандидата. Наоборот, получение

такого образования было особенно актуальным для детей бедных дворян, которым при приёме в корпус неизменно оказывалось предпочтение: их отцы либо погибли на полях сражений или умерли от ран, либо не могли себе позволить дать детям достойное домашнее воспитание. Во время работы Уложенной комиссии в 1767–1768 гг. от дворянства Московской, Смоленской, Воронежской, Белгородской и других губерний поступали предложения открыть корпуса для обучения в них шляхетских детей в губернских и провинциальных городах. Таким образом, кадетские корпуса были призваны способствовать укреплению сословной солидарности дворянства в целом.

Молодые дворяне готовились в корпусах как к военной, так и к гражданской карьере. Соответственно вся система обучения и воспитания в кадетских корпусах выстраивалась с учетом этих реалий, и круг преподаваемых там предметов был достаточно широк. Не случайно в рапорте на высочайшее имя, поданном в 1752 г. директором старейшего из кадетских корпусов — Сухопутного Шляхетного — генералом Люберасом, среди прочего, мы встречаем и следующее замечание: «А понеже не каждого человека природа к воинскому склонила, тако же и в государстве нужно политическое и гражданское обучение: того ради иметь при том учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции, танцевания, музыки и прочих полезных наук, дабы, видя природную склонность, потому б и к учению определить».¹

Зарождение в России военно-учебных заведений связано с именем Петра I. В 1701 г., вернувшись из заграничного путешествия, он основал в Москве Школу математических и навигацких наук — с 1715 г. Академия морской гвардии, впоследствии переведенная в Петербург (позднее, в 1752 году, эта Академия была преобразована в Морской Шляхетный кадетский корпус). В 1712 г. Петром в Москве была создана Инженерная школа, через семь лет переведенная в Петербург. Впервые слово «кадет» на русском языке было употреблено в 1713 г. сподвижником Петра I французом Сент-Илером в одном из его проектов организации Морской академии.

Однако после петровских начинаний военно-учебные заведения не играли лидирующей роли в системе подготовки офицеров для армии и флота России: основное значение имела служба в «коренных» гвардейских полках — Преображенском и Семеновском, где молодые дворяне проходили солдатскую службу и достигали сержантского чина. Это позволяло получить низшее офицерское звание (прапорщика или корнета) при выходе из гвардии в армию. Изменения в эту систему были привнесены лишь в период правления императрицы Анны Иоанновны. По инициа-

тиве известного военного деятеля графа Миниха и будущего кабинет-министра П.И. Ягужинского в июне 1731 г. в Петербурге были открыты классы, образно названные «Рыцарской академией». Вслед за этим последовал указ императрицы от 29 июля 1731 г. об учреждении Сухопутного Шляхетного корпуса. 17 февраля 1732 г. состоялось официальное открытие корпуса, который располагался в здании бывшего Меншиковского дворца на Васильевском острове (владения всесильного временщика в связи с его опалой были отписаны в казну, а сам он уже умер в ссылке). Эта дата и стала впоследствии отмечаться как день основания корпуса. Число кадет было первоначально установлено в 200 человек (по другим данным, в 360).² В корпус принимались сыновья русских и эстляндских дворян в возрасте от 13 до 18 лет, сгруппированные в несколько рот. Каждая рота получала свое знамя. Кадеты были одеты в особую униформу, в которой они предстали на первом официальном смотре корпуса, состоявшемся в присутствии императрицы Анны Иоанновны 8 октября 1734 г. Воспитанники вышли на смотр в кафтанах из темно-зеленого сукна с отложным воротником, с золотыми на борту позументами, в камзолах и брюках цвета слоновой кости («лосинного», как говорили в ту эпоху), в белых галстуках, с напудренными, заплетенными в косу волосами, перевязанными черной лентой. При этом гренадеры были вооружены ружьями, фузелеры — драгунскими фузеями, а сержанты и капралы — алебардами. Как сообщал один из очевидцев, «кадеты экзерциции делали с великой исправностью, к особливому увеселению ее величества».³

При составлении учебной программы П.И. Ягужинский исходил прежде всего из модели военного образования, развивавшейся в западноевропейских странах, прежде всего во Франции, а также в Дании и Пруссии. Соответственно в программу обучения, наряду со специальными военными предметами (военная история, тактика, фортификация, артиллерия и некоторые другие), входили также Закон Божий и основы точных (математика, физика), естественных (география) и гуманитарных наук. Преподаванию последних уделялось особое внимание. Изучались «российская словесность» (язык и литература), история (в том числе история Древней Греции и Рима, курс которой предполагал ознакомление воспитанников с произведениями древних авторов не только в современных французских и немецких переводах, но и на латинском языке⁴), геральдика и генеалогия (их введение наряду с обучением верховой езде, фехтованию, танцам было обусловлено закрытым аристократическим характером учебного заведения), юриспруденция, а также новые и древние языки — французский, немецкий, английский (препо-

давался факультативно), итальянский (правда, в учебных программах он сохранялся относительно недолго), латинский.

Об уровне преподавания латинского языка говорит тот факт, что некоторое время этим занимался Филипп Анохин, переводчик Синода, который ещё при Петре I получил задание перевести на русский язык «французскую с латинским диалектом грамматику в пользу к обучению российскому шляхетству».⁵ Впрочем, не стоит излишне идеализировать ситуацию: не все преподаватели латинского языка обладали столь высоким авторитетом и прочными знаниями. Так, предшественник Ф. Анохина по должности преподавателя латинского языка некий И. Магницкий в прошении, поданном в 1733 г., честно признавался, что «латинскому языку не искусен и затем положение должное не отправляет, токмо обучал кадетов по-российски писать», а потому и желал освобождения от этих столь обременительных для него обязанностей.⁶ Но даже подобные казусы не отменяют той огромной роли в развитии классического образования в России, которую сыграли кадетские корпуса во второй четверти XVIII в., т. е. в период, когда иных светских форм такого образования ещё не существовало. Что касается новых языков, то у нас есть достаточно конкретные сведения о том, каким уровнем их знания должен был обладать воспитанник каждого года обучения. Трёхлетний курс изучения иностранного языка предполагал в течение первого года усвоение воспитанниками начальных навыков чтения и письма на соответствующем языке, в течение второго — грамматики и техники перевода, к концу же третьего, завершающего, года обучения кадеты должны были уметь излагать свои мысли на иностранном языке письменно, соблюдая правила стилистики⁷.

Сказанным не исчерпывается то огромное значение, которое Сухопутный корпус приобрёл в культурной жизни Петербурга к середине XVIII в. Библиотека корпуса насчитывала до 10 тыс. томов и являлась одной из самых богатых в России. Широкую известность получил основанный кадетами самодеятельный театр, один из первых в России. Выпускник корпуса драматург А.П.Сумароков на сцене корпусного театра ставил свои пьесы. В 1749 г. на трагедии А.П. Сумарокова «Хорев» присутствовала императрица Елизавета Петровна и осталась очень довольна игрой кадетов. Здесь же выдающийся русский актер Ф.Г. Волков, в бытность кадетом, получил первые навыки актёрской игры.

Приступая к разговору о реформах кадетских корпусов конца XVIII в., необходимо отметить тот факт, что многое в организации их внутренней жизни зависело от личности и взглядов директора корпуса, который обладал значительной властью и был достаточно автономен в своих ре-

шениях и предпочтениях. В XVIII–начале XIX вв. смена директора корпуса нередко влекла за собой и полное изменение системы педагогических приёмов и подходов. Вместе с тем директора назначались по высочайшему повелению и руководствовались в своей деятельности положениями правительственной политики, как они её воспринимали.

Коренные изменения в организационную структуру и систему образования в 1-м Кадетском корпусе вносятся впервые в период, когда должность его директора занимает человек из ближайшего окружения императрицы Екатерины II — И.И. Бецкой (1765–1783). Его назначение состоялось в марте 1765 г., когда императрица специальным указом Сенату взяла корпус в своё непосредственное ведение, вручив руководство им генералу-поручику Бецкому, повелев ему «принимать все словесные по управлению корпусом указы государыни и приводить их в исполнение».⁸ В развитие этих положений в 1766 г. он создаёт устав военно-учебных заведений. Будучи широко образованным человеком, в своей деятельности он руководствовался идеями французских философов, в частности Монтеня и особенно Руссо. В основу обучения, по мнению И.И. Бецкого, должен быть положен русский, а не французский язык. В целом система преподаваемых предметов была достаточно пёстрой и хаотичной (всего было 19 общеобразовательных, 3 специальных и 9 видов внеклассных занятий). Бецкой видел это, но предлагал весьма своеобразный выход из положения: не требовать совершенства в знании всех этих предметов, что ещё более запутывало и усложняло ситуацию.

Устав Бецкого просуществовал до 1784 г., но не оправдал себя по причине многопредметности. Так, проверка Сухопутного Шляхетного корпуса в 1784 г. показала, что ни в одном классе положенные предметы не проходились полностью, а знания кадет зачастую оказывались поверхностными, огромные затруднения вызывали согласования прохождения курсов различных дисциплин.⁹ Екатерина II поручила графу П.В. Завадовскому вместе с академиком Эпинусом обследовать состояние Сухопутного Шляхетного корпуса, Артиллерийского и Инженерного корпуса и Пажеского корпуса. В итоге было констатировано, что предметы изучаются крайне беспорядочно. Поэтому было рекомендовано отказаться от многопредметности и сосредоточиться на подготовке офицеров. П.В. Завадовский предлагал «проходить в кадетских корпусах гражданские науки в сокращённом виде, насколько их нужно и полезно знать военному человеку, а обучение вести на французском языке». Но реальный учебный план, составленный Комиссией, при этом не включал военных предметов, а на первое место ставил гуманитарные

и математические науки, что приближало учебный план кадетского корпуса к учебному плану главных народных училищ. Императрица утвердила план Комиссии Завадовского, но, одобрив этот план, признавала необходимым добавить в программу Пажеского корпуса преподавание «греческого и латинского языков».¹⁰ В итоге в результате работы Комиссии все ограничилось устранением попавшего в немилость Бецкого. Тесная связь военных и общеобразовательных предметов в XVIII в. объяснялась тем, что в рассматриваемый период военные науки еще только начинали обретать самостоятельность, отделяясь от естественных и математических. Так, во второй половине XVIII в. в Сухопутном Шляхетном корпусе воспитанники изучали более 35 предметов, в том числе воинское искусство, артиллерию, фортификацию, математику, механику, физику (общую, особенную, генеральную и экспериментальную), историю священную и светскую, географию и хронологию. Военная экзерциция не числилась в расписании, но, по свидетельству официальных документов, производилась в корпусе во внеурочное время. В Артиллерийском и Инженерном корпусе перечень наук включал 26 дисциплин, в том числе военную науку, артиллерию, фортификацию, военную экзерцицию и «художество воинское».

Преемником И.И. Бецкого стал граф Ф.Е. Ангальт (1787–1794 гг.), дальний родственник Екатерины II, который во многом продолжал политику И.И. Бецкого и способствовал созданию «новой породы людей».

В 1778 г. фаворитом Екатерины II С.Г. Зоричем был основан кадетский корпус в Шклове (переведен впоследствии в Гродно, затем в Смоленск, Ярославль, а после Отечественной войны 1812 г. — в Москву, где стал называться 1-м Московским кадетским корпусом). Несколько ранее, в 1762 г., петербургская Инженерная школа была преобразована в Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус (с 1800 г. Второй кадетский корпус). Его программа не дублировала программу других кадетских корпусов не только в области специальных военных дисциплин (что было естественным), но и в области преподавания дисциплин общеобразовательных. Так, в 1775 г. при Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе была основана «Греческая гимназия» (впоследствии «Корпус чужестранных единоверцев»), созданная первоначально для обучения детей проживавших в России выходцев из православных стран (главным образом греков и албанцев, испытывавших жестокий политический и религиозный гнёт Османской империи). Особое внимание в этой гимназии изначально уделялось преподаванию греческого языка. Первым её начальником был подполковник Вальховский, а затем гимназию возглавил А.И. Мусин-Пушкин, известный знаток древ-

ностей, первооткрыватель и исследователь «Слова о полку Игореве». Как видим, уникальность характера военно-учебных заведений нередко привлекала в их стены в качестве преподавателей и директоров лиц, сыгравших значительную роль в истории русской культуры XVIII в.

Особое место среди кадетских корпусов занимал Пажеский корпус. Как военно-учебное заведение с задачами, сходными с задачами кадетских корпусов, Пажеский корпус начал действовать с 1802 г., однако начало институту пажей в России положил уже Пётр I в 1711 г. В 1759 г. был основан собственно Пажеский Его Императорского Величества корпус, воспитанники которого первоначально размещались в доме адмирала Крюйса.¹¹ В 1766 г. корпус был переведён в здание на углу Мойки и Зимней канавки. В правление Екатерины II значение корпуса возрастает. Он превращается в особо элитарное учебное заведение. В число пажей могли быть теперь включены лишь сыновья и внуки полных генералов от кавалерии, инфантерии и артиллерии. Некоторые исключения делались лишь для отпрысков наиболее знатных русских, грузинских или польских родов.

В 1785 г. в ходе реформы образования в Пажеском корпусе, наряду с другими корпусами, произошли изменения в программе. Срок обучения устанавливался в 8 лет и подразделялся на четыре двухлетних класса. Учебная программа корпуса должна была включать следующие предметы: Закон Божий, русский и иностранные языки, латынь, греческий, чистописание, рисование, арифметику, этику, геометрию, историю, географию, законоведение, а также обязательные для молодого аристократа танцы, верховую езду и музыку (по желанию). Характерная для времени деталь: особо оговаривалось, что науки должны были «...преподавать на русском языке, исключая того случая, когда не найдётся преподавателей из русских, тогда преподавать на том языке, в котором будут сильны ученики».¹²

В целом образование в кадетских корпусах в XVIII в. имело универсальный характер: они давали среднее, военно-специальное и высшее, по сути, университетское, образование.¹³ В кадетских корпусах проходили подготовку не только будущие офицеры, но и будущие чиновники государственных учреждений. Сухопутные кадетские корпуса готовили офицеров для всех родов войск, а Морской корпус — для флота. Но, несмотря на свою универсальность и разносторонний характер образования, кадетские корпуса XVIII в. во многом явились прообразом кадетских корпусов XIX в. — времени, когда они сложились как система. Традиции, заложенные во время обучения и воспитания в корпусах, явились связующей нитью с последующей эпохой.

детей от четырёх до шести лет и где маленькие воспитанники, преимущественно сироты или дети малоимущих дворян, не имеющих материальной возможности дать им достойное воспитание, под присмотром

*Портрет писателя
В.А. Озерова
Около 1845*

бонн постепенно привыкали к нормам корпусной жизни (от посещения занятий они освобождались). Помимо этого, для старших воспитанников были впервые в истории русских военно-учебных заведений введены летние полевые лагеря. В учебном плане особое место заняли тактика и военная история, которые преподавал сам будущий фельдмаршал: например, занятия по тактике обязаны были посещать не только кадеты, но и офицеры.¹⁵

ТРЕТИЙ ПЕРИОД: 1800-е гг. —

СЕРЕДИНА 20-х гг. XIX в.

«Военизация» кадетских корпусов

Наметившаяся при Павле I тенденция к превращению системы кадетских корпусов в чисто военные учебные заведения ещё более чётко проявляется при его сыне Александре I. Показательно, что в это время во главе кадетских корпусов оказываются люди, стремившиеся упрочить в них военное начало, а дисциплинарные требования сблизить с армейскими. В 1-ом Кадетском корпусе эти черты проявляются уже при преемнике М.И. Кутузова Ф.М. Клингере, сменившем его в 1800 г. на посту директора корпуса и одновременно исполнявшем должность главного начальника Пажеского и всех сухопутных кадетских корпусов.

В тот же период уходит в прошлое и «неопределённость» характера Пажеского корпуса. По указу от 10 октября 1802 г. он был превращён в военно-учебное заведение закрытого типа, Устав которого был составлен Ф.М. Клингером. В указе отмечалось: «...корпус сей есть такое военное установление, где благородное юношество через воспитание приуготовля-

часть **Т**

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

ется к воинской службе строгим повиновением, совершенною подчинённостью, но добровольным выполнением должностей своих. Пажеский корпус — привилегированное учебное заведение, цель которого доставить сыновьям заслуженных родителей, предназначенным к офицерской службе, преимущественно в войсках гвардии, как общее военное образование, так и соответствующее их предназначению воспитание».¹⁶

Таким образом, начиная с 1802 г. Пажеский корпус был прежде всего военным заведением. Это непосредственно отразилось и на учебном плане. В двух специальных классах, предшествующих выпуску, систематически изучались чисто военные предметы: военная история, тактика, фортификация, артиллерия, топография и ряд других. «Военизация» корпуса, как уже было отмечено, была неслучайной и проводилась в рамках государственной политики в области образования в целом. С развитием гражданской школы, становлением общенациональной сети уездных училищ, гимназий и университетов необходимость в подготовке соответствующих специалистов в системе военного образования отпадала. Кадетские корпуса старого образца — детище XVIII в. — полностью выполнили свою первоначальную просветительскую функцию и теперь должны были готовить исключительно офицеров.

Тенденция к подобной специализации прослеживается уже в указе императора Александра I от 15 августа 1801 г., в основу которого был положен проект, составленный шефом 1-го Кадетского корпуса, бывшим фаворитом Екатерины II, графом П.А. Зубовым. В дополнение к системе кадетских корпусов в стране создавалось 17 так называемых «военных училищ» — подготовительных учебных заведений, выпускники которых, согласно установленным квотам, направлялись после выпуска либо в кадетские корпуса, либо в университет. Восемь «больших училищ» создавались в Дерпте, Гродно, на Волыни, в Киеве, Нижнем Новгороде, Казани, Вологде и Смоленске. Кроме того, девять «малых» училищ были основаны в Твери, Владимире, Ярославле, Рязани, Орле, Харькове, Саратове, Оренбурге и Tobольске. Таким образом, одна из неотъемлемых функций кадетских корпусов — обучение «предварительным наукам» — была изъята из их ведения.¹⁷ В 1802 г., с возникновением министерств, возникла мысль о подчинении военно-учебных заведений министру народного просвещения — с целью объединить все, что касалось вопросов образования и воспитания; в то же время указывалось на необходимость выделения этих вопросов в отдельное ведомство.¹⁸ Выработанный учрежденною в 1803 г. комиссией под предводительством великого князя Константина Павловича «План военного воспитания» предполагал, что все губернские военные училища, также как и столичные корпуса, будут

управляться «Советом о военных училищах». Устройство губернских военных училищ возлагалось на местное дворянство, среди которого был организован сбор пожертвований. В училища предполагалось принимать мальчиков в возрасте 7–9 лет. Успешно сдавшие выпускные экзамены переводились в кадетские корпуса для дальнейшей офицерской службы.

Следующим этапом стало утверждение 21 марта 1805 г. Александром I «Плана военного воспитания». Военные училища (в некоторых губерниях они получили название дворянских училищ) аналогичного типа должны были создаваться теперь уже в каждой губернии, а их выпускники направлялись теперь исключительно в кадетские корпуса (позднее некоторые из училищ сами дали начало новым кадетским корпусам).¹⁹ Наконец, по указу от 29 марта того же года был учреждён особый «Непременный Совет о военно-учебных заведениях», первым председателем которого стал брат императора великий князь Константин Павлович. В задачу этому учреждению была вменена унификация всей системы воспитания и образования в кадетских корпусах, внутренний распорядок и учебные планы в которых ранее определялись их руководством применительно к сложившимся традициям и местным условиям. При «Непременном Совете» состояли Комитет и Канцелярия Совета, разделившаяся на три экспедиции: 1) ученую и общей переписки, 2) счетную и инспекторскую и 3) комиссариатскую. В 1819 г. из-за постоянного пребывания великого князя Константина Павловича в Варшаве был учрежден второстепенный орган управления военно-учебными заведениями в лице «Главного Директора Пажеского, кадетских корпусов и Дворянского полка». При Главном Директоре состояло «Дежурство» с канцелярией из 3 отделений: инспекторского, учебного и хозяйственного.

Направление проводимых преобразований понять несложно: в кадетских корпусах укреплялось военное начало, а различия с системой гражданского образования становились всё более очевидными. Например, вводимые с 1811 г. меры поощрения лучших кадетов и солдат Дворянского полка²⁰ предполагали создание в военно-учебных заведениях особых гренадерских рот, в которые зачислялись лучшие по успехам воспитанники. В свою очередь, лучшие кадеты этих рот производились в унтер-офицеры.²¹ Одним из свидетельств военизации учебных заведений в начале XIX в. является отмена преподавания латинского языка, о чем говорится в «Проекте об учреждении военных училищ»: «...в гимназии положено преподавать науки в высшей перед воинскими училищами степени, т.е. ныне вместо учителя латинского языка назначать другого, который преподавал правила полевых укреплений и ситуационных чертежей, такого учения будет достаточно для обыкновенного полево-

го офицера, и тогда те кадеты, которые не одарены особенными способностями и не подают о себе дальней надежды, могли бы выпускаемы быть прямо из гимназий прапорщиками... кто же, имея дарования, не захочет учиться, то выпускать унтер-офицерами, сообразно сей предполагаемой перемене».²² Ещё более последовательно военный характер корпусов утвердился с введением в 20-х гг. XIX в. специальных уставов для каждого кадетского корпуса. В 1822 г. военизация затронула и Императорский царскосельский лицей: с этого времени он входит в систему военно-учебных заведений, а в 1824 г. дела Лицея и состоящего при нем благородного пансиона вместе с делами Пажеского корпуса были переданы в Военное ведомство генерал-адъютанту барону Дибичу.²³

Аналогичные по духу меры были распространены и на преподавателей корпусов. Преподавательский состав комплектовался из числа выпускников Московского университета, Санкт-Петербургского высшего педагогического Института (с 1819 г. — Петербургский университет), а также из числа выпускников самих кадетских корпусов. При этом служба в кадетских корпусах не считалась особенно почётной и приносила весьма скромные доходы. Стремясь повысить престиж офицеров, проходящих службу в корпусе, правительство пошло чисто военным путём: в 1810 г. преподавателям 1-го и 2-го кадетских корпусов были пожалованы преимущества одного чина против их армейских коллег. При этом размеры жалования существенно не возросли, но зато была затронута слабая струна в сердце любого военного человека: выше по формальному положению теперь находились лишь офицеры-гвардейцы, имевшие преимущество в два чина. В 1811 г. такие же преимущества были распространены на офицеров Пажеского корпуса, а в 1825 г. — на офицеров Военно-сиротского дома и Московского кадетского корпуса.

ЧЕТВЁРТЫЙ ПЕРИОД:

СЕРЕДИНА 20-х — КОНЕЦ 50-х гг. XIX в.

*Создание органов по управлению военно-учебными заведениями.
Роль императорской фамилии в деле управления
военно-учебными заведениями*

Вторая четверть XIX в. — николаевская эпоха — принесла в военно-учебные заведения новое усиление военного направления в системе внутреннего распорядка и образования. Так, в Манифесте от 13 июля 1826 г. одной из главных причин восстания на Сенатской площади

называлась «пагубная роскошь полузнаний». По мнению Николая I, инакомыслие являлось следствием неправильного воспитания. Он не видел другого выхода, кроме «правильного воспитания армии», которая должна была всегда строго соответствовать своему прямому назначению: служить интересам и самодержавия и государства (впрочем, в царствование Николая само понятие государства сопрягалось с понятием самодержавия). Он сразу взял корпуса под свой личный патронат и контроль. Николай I становится шефом I-го кадетского корпуса, а в списки кадетов этого корпуса вносит имя цесаревича Александра Николаевича — будущего Александра II.

В рескрипте, направленном в 1827 г. министру народного просвещения А.С. Шишкову, говорилось о необходимости введения единообразия в программы учебных заведений: «Сличить и уравнивать все уставы учебных заведений империи, а также рассмотреть и подробно определить на будущее время все курсы учений, означив и сочинения, по коим они должны быть впредь преподаваемы. Я с сожалением вижу, что в них не существует должного и необходимого единообразия, на коем должно быть основано как воспитание, так и учение. Предмет сей столь быстро может иметь влияние на благо государственности, что нужно без всякого отлагательства поспешить исправлением сего недостатка в нашей учебной системе».²⁴ Что нужно было предпринять для того, чтобы поднять учебные заведения на должный уровень и одновременно их унифицировать, видно из рескрипта Николая I А.С. Шишкову:

- «1) Сличить все уставы учебных заведений Империи, начиная с приходских до самих университетских;
- 2) Рассмотреть и сличить курсы учений, в них преподаваемых, приведя для сего предварительно на вид, по каким книгам или сочинениям оные преподаются;
- 3) Засим, уравнивать совершенно, по всем местам Империи все уставы оных заведений, сообразуясь со степенями их возвышений, допустить оные изменения для округов: Дерптского и Виленского;
- 4) Определить на будущее время все курсы учений, означив и сочинения, по которым оные впредь быть преподаваемы;
- 5) При сем случае, решив, которые из существующих хороши, вместе с тем распорядиться о дополнении недостающего, избрать для того,... надлежащих профессоров и академиков из утверждения моего, дабы оные за совершенствованием сего следили, воспретив всякие произвольные преподавания учений по произвольным книгам и тетрадам».²⁵

Наиболее приемлемой «педагогической» теорией для кадетских корпусов в эпоху Николая I стала «теория официальной народности» графа

С.С. Уварова, так как из воспитанников военно-учебных заведений, скованных строгой дисциплиной, гораздо легче было сделать «идеальных» чиновников. Николай I завершил и усовершенствовал систему военного образования. Он, как никто другой из его предшественников, уделял ей особое внимание. Этот интерес был достаточно прагматичным, поскольку монарх хотел быть уверенным в надежности офицерского корпуса — вопрос особенно важный после восстания декабристов. Особая роль стала придаваться «образу мыслей», нравственности, личной преданности Царю и Престолу. Кадетские корпуса стали своеобразным памятником, монументом его эпохи, его главным творчеством, его любимым детищем. Ведь несмотря на то, что основные черты системы кадетских корпусов оформились при Александре I, Николай привнес в нее целый комплекс важных преобразований, придав ей заверченный вид.

Он гордился этим и сумел создать в восприятии воспитанников кадетских корпусов «идеальный» образ Государя. Стремление Николая ко всеобщему упорядочению в значительной мере стало продолжением тенденции, намеченной политикой Петра I, Павла I и последних лет царствования Александра I.

14 декабря 1825 г. стало водоразделом между «старой» эпохой и «новой». Восстание декабристов послужило уроком Николаю на всю жизнь, и он принял твердое решение: «завоевать» офицерский корпус, чтобы установить в России столь необходимый ей порядок. Завоевание корпуса следовало, по его мнению, начинать с малолетства. Встреченный в самом начале своего царствования при посещении I-го Кадетского корпуса лестницей с пятью повешенными мышами, Николай I впоследствии сумел внушить к себе такую любовь и почитание, доходившие до благоговения, которому мог бы позавидовать Александр. Николаем одинаково восхищались все: и мужчины, и женщины. Недаром один из воспитанников кадетского корпуса сравнил свое обожание Николая I с обожанием институтки. Ни одного монарха не награждали столь лестными эпитетами: «он нам был как добрый отец», «как родной отец». По воспоминаниям современника, «Николай I знал по фамилиям почти всех офицеров и фельдфебелей, большинство пажей Пажеского корпуса, многих воспитанников Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и кадетских корпусов. А между тем ознакомление с этими многими сотнями лиц производилось несистематично: государственные дела отнимали у Николая Павловича много времени, но, раз узнав фамилию офицера на ученье в карауле, на гауптвахте или на придворном балу, а воспитанника при посылке на ординарцы, он уже не забывал ее.»²⁶

Личное обаяние Императора магически действовало на воспитанников, свое восхищение им они проносили через многие годы. Что восхищало кадетов в Николае? Это и внушительный внешний вид (внешность «идеального» самодержца), и «непередаваемая ласковость взгляда», и «необъяснимое обаяние», и «отеческая доброта», и даже «суровость, являвшаяся следствием этой доброты».²⁷ Николай всячески старался поддерживать такое отношение к себе. Он, насколько мог, посещал кадетские корпуса, не только столичные, но и провинциальные, приглашал наиболее отличившихся кадетов во Дворец для игр со своими сыновьями, а летом во время петергофских лагерей был еще более доступен: он нередко гулял в царском парке Александрия, где общался с кадетами (интересно, что правом гулять в парке пользовались только кадеты, офицерам посещать парк запрещалось). Николай I не только становится шефом 1-го Кадетского корпуса, но и привлекает к воспитанию своих сыновей — великих князей Константина и Михаила Николаевичей — ротного командира 1-го Кадетского корпуса К.К. Мердера, известного своим справедливым и доброжелательным характером; на должность преподавателя военных наук к наследнику, цесаревичу Александру Николаевичу, он приглашает директора Пажеского корпуса А.А. Кавелина; в 40-е годы математику великим князьям преподает инспектор классов 1-го Кадетского корпуса А.Я. Кушакевич.

Даже возможность получения наказания от Государя Императора воспринималась со священным трепетом. В корпусах нередко складывалась своеобразная ситуация: преклонение перед монархом и неуважение корпусного начальства. Подобная ситуация не могла возникнуть во второй половине XVIII в., когда директора кадетских корпусов (Ф.Е. Ангальт, П.И. Мелиссино) обращали внимание прежде всего на создание гармоничной личности, что было продиктовано политикой Екатерины II. У Николая была другая установка: нужно научиться управлять своей волей посредством беспрекословного подчинения, чтобы уметь управлять другими людьми.²⁸

Впрочем, Николай старался быть не столько «рукой карающей, но рукой милующей». Он проводил не только репрессивные меры в целях создания «правильного» образа мыслей, но и брал под свой личный патронат лиц, обвиненных в политической неблагонадежности. Так, будучи еще великим князем, в 1820 г. он принял преподавателей, изгнанных Д.П. Руничем за неблагонадежность из Университета, на службу в военно-учебные заведения. В их числе оказались знаменитый лицейский преподаватель А.С. Пушкина А.П. Куницын, назначенный начальником 1-го отделения Дежурства главного директора Пажеского и кадетских корпусов, известный словесник В.Т. Плаксин, прослуживший впоследствии в военно-

учебных заведениях более 40 лет, историк Арсеньев. «Карательные» функции при Николае осуществлял его младший брат великий князь Михаил Павлович, гроза всех нарушителей дисциплины, Устава и курильщиков, вылавливавший свои жертвы с упорством, доходящим до фанатизма. Правда, в одном из воспоминаний высказывается мысль о том, что Михаил Павлович сознательно казался более строгим, чем он был, «чтобы образ его брата был еще более совершенным». Великий князь Михаил Павлович был шефом гренадерской роты 2-го Кадетского корпуса, которой в 1831 г. было присвоено наименование роты Его Высочества. После смерти великого князя Михаила Павловича в его бумагах был найден документ — завещание «Прощание с моими детьми — воспитанниками военно-учебных заведений». В этом завещании подробно излагались мысли Михаила Павловича о системе военного воспитания и обязанностях воспитанников, в нем он подводит итог своей деятельности на посту главного начальника сухопутных кадетских корпусов и Пажеского корпуса. В этом прощальном письме Михаил Павлович, обращаясь к воспитанникам кадетских корпусов, дает им следующее напутствие: «Дети, отпуская вас на службу, я обращаюсь к вам не так, как ваш начальник, но как отец, вас душевно любящий, который следил за Вами с юных ваших лет, который радовался вашим успехам, вашему развитию. Теперь вы выходите на поприще жизни, жизни военной; прощаюсь с вами, внемлите моему совету. Не забывайте никогда Бога, родителей ваших,... помните всегда, что вы одолжены вашим существованием Государю Императору, его постоянным к вам милостям: он с младенчества вас призрел, он вас взлелеял и, наконец, снабдил всем нужным для нового вашего поприща.» Далее он призывает кадетов никогда не забывать о том, что в «России священные имена Государи и Отечества нераздельны; эта нераздельность — наша сила, пред которой неприятели наши всегда сокрушаются и крамоле не будет места.» Особое место в «Завещании» занимали рассуждения Михаила Павловича о военной службе, долге, чести и обязанностях офицера: «Военная служба, сия благородная служба, сколь представляет она в будущем славы! Слава на поле битвы для благородной души столь имеет отрады, и если участь удручила пасть на нем, то остается память, окружающая поверженного. Но это ли слава военного? Ежечасное самоотвержение, постоянство и самоотвержение в трудах, без ропота, без усталости — сколь они почтенны! Достойный офицер обязан, прежде всего, повиноваться начальникам и наблюдать неукоснительно за исполнением приказаний; повиновение сие должно быть искренно и безусловно. Помните, что настоящая честь военного человека состоит в благородном поведении, а потому избегайте всякого соблазна и не забывайте слов Спасителя: не вве-

ди нас в искушение.» Действительно, в воспоминаниях многих воспитанников имеются свидетельства и того, как ревностно придерживался великий князь Михаил Павлович этих постулатов и в то же время проявлял нередко и отеческую заботу: тайно из своих средств покупал обмундирование бедным выпускникам, помогал неимущим кадетам.²⁹ (В 1887 г. с восстановлением кадетских корпусов Михаила Павловича 1-я рота 2-го Кадетского корпуса получила высочайшее повеление наименоваться: Рота Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича). Неожиданным оппонентом Михаила Павловича и его деятельности на посту главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка выступает такая известная личность николаевского времени, как Леонтий Васильевич Дубельт, человек, получивший от современников в основном негативную оценку. По мнению Л. В. Дубельта, Михаил Павлович не годился для роли воспитателя: «Да разве он может быть хорошим воспитателем юношества? Да разве он имеет понятие об истинном воспитании? Человек он честный, но сердитый, который умеет думать только о том, чтобы у мальчишки пуговицы были застегнуты, чтоб фронт хорошо равнялся и чтоб дети проворно метали ружье. Игрушки! Да разве в этом состоит истинное нравственное воспитание? — Воля ваша, а этот человек — беда России. Своим фронтом он сбил с толку и Государя.» В провинциальных кадетских корпусах отношение к Государю Императору и его брату было более спокойным вследствие отдаленности корпусов от столицы и достаточно редкого посещения корпусов августейшими лицами.³⁰

2. Управление военно-учебными заведениями

СОЗДАНИЕ КОМИТЕТА

О ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

13 мая 1826 г. на имя инженер-генерал-лейтенанта графа Карла Ивановича Оппермана от начальника Главного Штаба пришло циркулярное письмо, в котором последний сообщал о желании «Государя Императора составить Особый комитет, который бы рассмотрел и определил учебные курсы для кадетских корпусов и других заведений по воспитанию молодых дворян, назначенных для военной службы.»³¹

часть I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

По распоряжению Николая I:

- «1) Сей Комитет должен быть открыт под председательством К.И. Оппермана и состоять из генерал-адъютанта Г.В. Жомини, Директора Пажеского корпуса, начальника Главного Инженерного училища, Директоров: 1-го и 2-го кадетских корпусов, начальника артиллерийского училища, а в случае отсутствия его — из генерал-майора Козена, Директора Императорского Военно-сиротского Дома, и из контр-адмирала Крузенштерна.
 - 2) Первейшими задачами сего Комитета должны быть: рассмотрение курсов наук, кои ныне преподаются, разделение классов заведений, постепенный переход по оным, сравнивая выгоды и невыгоды оных и способы к усовершенствованию.
 - 3) Потом сей Комитет должен определить, какие курсы из ныне существующих могут остаться нормальными для всех вообще воспитательных военных заведений, делая на оные свои замечания, какие из сих курсов должно дополнить, какие сочинить вновь и с руководством каких именно классических сочинений. При сем должно непременно определить в подробности сии сочинения и извлечения, кои из оных должно сделать и представить особенное обозрение о способах сие исполнить, равно о возможности изданий новых учебных сочинений с тем, чтобы
 - 4) равным образом определить план учения каждому из сих учебных заведений и изложить общее мнение всех членов насчет будущего образования, вообще по учебной части каждого из сих заведений, в случае же разногласия изложить мнение каждого несогласующегося члена. Особенно, причем однако же иметь общим правилом, чтобы корпуса: Пажеский, 1-й и 2-ой кадетские и Императорский Военно-сиротский Дом имели учебный план общий, с различием только в Морском корпусе необходимого для морской части и чтобы артиллерийские и инженерные училища, держась тех же правил в основании учения, следовали в вышних науках, кои в каждой части, смотря на их связи с Главною инженерною и Артиллерийскою наукой, должны получить обширнейший круг.
 - 5) Комитет сей открыть без отлагательства и Журналы оного представлять еженедельно Его Императорскому Величеству, чрез меня».³²
- Одним из самых деятельных членов нового Комитета был барон Г. В. Жомини. Он с энтузиазмом взялся за дело и в письме К.И. Опперману от 10 июля 1826 г. представил свой план преобразования военно-учебных заведений. По мнению Г.В. Жомини, «... вместо того, чтобы основывать будущий труд на недостаточном порядке вещей, короче и проще определить те науки, кои будут преподаваемы в различных заведениях, и те,

кои исключаются из прежних программ. Можно потом распределить сии науки по разным классам и ...составить краткую программу предметов, кои войдут в каждый курс. Программа сия должна быть единообразна для Закона Божия, чистописания, языков, географии, истории, арифметики, алгебры, рисования, риторики, начальной геометрии, тактики. Далее можно заняться составлением особых программ высших наук точных для частных училищ (Ecoles Speciales).»⁵³

Программа, предложенная Г.В. Жомини, явилась основополагающей при составлении программ для кадетских корпусов. Жомини касается и системы преподавания в целом. Так, он полагал, что «...хорошая система преподавания должна состоять из 4 различных степеней: преподавание начальное, преподавание высшее, преподавание высших наук точных, применение сих наук к различным видам службы... сии различные степени преподавания не должны заключаться в одном заведении и что гораздо лучше иметь: А) Для первых двух степеней: Кадетские, Военно-Сиротский и Пажеский корпуса, лицеи, приготовительные училища инженеров и артиллеристов; Б) Для преподавания высших наук точных: Центральное училище наподобие политехнического во Франции». ⁵⁴ Необходимость создания Центрального политехнического училища он объяснял тем, что оно «было бы полезнее и нужнее в России, чем где-нибудь... В нем бы образовывались воспитанники в то же время и для разных родов службы государственной и национальные профессора для заведений, находящихся внутри Империи». ⁵⁵ Впоследствии Г.В. Жомини составил очень интересную записку о создании в России Политехнической школы, с которой внимательно ознакомился и которую одобрил Николай I. ⁵⁶

Одной из самых главных задач Комитета по военно-учебным заведениям было составление «Общего положения и Устава о военно-учебных заведениях». С этой целью 17 июня 1826 г. членам Комитета были предложены вопросы, ответы на которые и легли в основу «Общего положения». На вопросы отвечали генерал-лейтенант Гогель, генерал-майор Перский, генерал-майор Маркевич, контр-адмирал Крузенштерн, генерал-лейтенант Сиверс, генерал-адъютант Жомини, полковник, флигель-адъютант и кавалер барон Деллинсгаузен, генерал-майор Козен:

- «1) Должен ли прием в кадетские корпуса быть как поныне, во всякое время года и в различных летах, или один раз в год в определенных летах и с определенными познаниями?
- Прием в кадеты один раз в год и с познаниями, летам соответственными, — необходимо нужен: как для соблюдения порядка и облегчения преподавания.

- 2) Должно ли в военно-учебные заведения принимать малолетних?
- Сообразно благотворным видам правительства, малолетним детям за- служенных чиновников и оставшихся после них сиротам нужно доста- вить приличное их возрасту воспитание там, где представится к тому удобность по общему плану учреждения корпусов.
- 3) С каких лет принимать малолетних?
- Малолетними считать детей от 7 до 14 лет; принимать же их в военно- учебные заведения, для воспитания их назначенные, от 7 до 13 лет. Впрочем, в рассуждении сего пункта члены Комитета были неодинако- вого мнения, а именно: Инженер-генерал Опперман и генерал-майоры Козен и Маркевич не полагали за нужное иметь при малолетних каде- тах женского присмотра, а были бы при них для нравственного над ни- ми надзора заслуженные офицеры средних лет, отличного поведения, способностей и знающие иностранные языки. Генерал-лейтенанты Го- гель и граф Сиверс, генерал-майоры Арсеньев и Перский и контр-адми- рал Крузенштерн полагают, чтобы сими малолетними от 7- до 9-летне- го возраста поручить надзор по заведённому в 1-м Кадетском корпусе порядку — женщинам, знающим иностранные языки, потому, во-пер- вых, что в означенном возрасте дети не могут еще продолжительно за- нимаемы быть обучением в классе, а потому и нужно воспользоваться сим временем для упражнения их в иностранных языках разговорами; для сего удобнее будет приискать женщин, нежели мужчин; во-вторых, что когда и из женского полу достойные допущены будут к участию в воспитании малолетних, то чрез сие самое умножатся способы к весь- ма трудному приисканию людей, потребных для воспитания детей в ка- зенных заведениях.
- 4) Удобно ли иметь малолетних в одном заведении вместе со взрослыми или воспитывать одних и других в особенном заведении.
- Инженер-генерал Опперман, генерал-лейтенант граф Сиверс, генерал- майоры Козен, Арсеньев и Маркевич такого мнения: малолетних иметь в одном заведении со взрослыми неудобно, потому что, во-первых, от такого соединения число воспитанников непомерно увеличилось бы в одном и том же заведении; во-вторых, малолетние и взрослые требу- ют различного рода присмотра, различных правил воспитания, как в физическом, так и в нравственном отношении, а поэтому и полезнее малолетних и взрослых воспитывать в особых заведениях: причем од- нако само собою разумеется, что воспитание в заведениях малолетних должно соответствовать общему плану для образования молодых вои- нов.³⁷ Генерал-лейтенант Гогель, генерал-майор Перский и контр-адми- рал Крузенштерн полагают: весьма бы выгодно было воспитание и ма-

лолетних в одном заведении со взрослыми (разумеется, в особых отделениях без сообщения со взрослыми). Польза от сего была бы, что они, малолетние, с самых юных лет приготавливаемые в том направлении, как по общему плану военного воспитания предназначено и под одним и тем же начальником, поступая по мере возраста в высшие степени, не только сами могли лучше привыкнуть к единству общего порядка, но и начальство, наблюдая за постепенным развитием их способностей и образованием их нравственности, надежнее может направлять их к общей цели военным воспитанием.³⁸

- 5) Если же в особенном, то где им быть: в столицах или губерниях?
 - Ежели разрешено будет воспитывать малолетних, то полезно иметь их в обеих столицах и в некоторых губернских городах, дабы в различных местах обширной империи распространить способы к приему и воспитанию детей.
- 6) Одних ли только малолетних принимать в военно-учебные заведения, или же принимать взрослых прямо из родительских рук, в каких летах и с какими познаниями. В сем последнем случае в каких летах и с какими познаниями?
 - В военно-учебные заведения принимать не только малолетних, но и взрослых, последних не моложе 14 и не старше 16 лет, не иначе, как по предварительному экзамену с точным наблюдением определяемых на сей предмет правил и по возможности касательно нравственности: на основании начальника каждого заведения.³⁹

При создании «Устава» и «Положения о военно-учебных заведениях» «вопросные листы» становятся их составной частью.

На одном из заседаний Комитета о военно-учебных заведениях (18 декабря 1828 г.) особо оговаривался вопрос о необходимости сохранения в корпусах замкнутого сословного статуса. Так, было предложено переименовать Императорский Военно-сиротский Дом в Императорский военно-сиротский дом для офицерских сыновей, чтобы он имел одинаковое положение с другими кадетскими корпусами не формально, а фактически. При основании Военно-сиротского Дома 23 декабря 1798 г. «было определено воспитывать в Военно-сиротском Доме не только дворянских, но и солдатских детей, в том числе и девиц: с разделением дома на два отделения, одно для благородных детей, а другое для солдатских.»⁴⁰ Но с 1817 г. в Военно-сиротский дом принимали «только благородное юношество мужского пола», которое «обучается, содержится и выпускается на службу совершенно на одинаковом основании с кадетскими корпусами.»⁴¹

По мнению членов Комитета, предубеждение «почтенных родителей» происходило из-за того, что они не знали об «одинаковом» положении Во-

енно-сиротского Дома с кадетскими корпусами и «судя по одному названию Военно-сиротского Дома полагали, что в нем по-прежнему воспитываются и солдатские дети.»⁴² «От такой причины сие военно-учебное заведение может несколько терять из того уважения, которое должно происходить от всемилостивейшего сравнения оного с кадетскими корпусами.»⁴³ Исходя из этого члены Комитета и выдвинули предложение на Высочайшее имя: «...Военно-сиротский дом наименовать: Императорский Военно-сиротский Дом для офицерских детей.»⁴⁴ Это предложение Комитета было Высочайше одобрено и с 1829 г. Императорский Военно-сиротский Дом стал называться Павловским кадетским корпусом, что окончательно уравнивало его в правах с остальными кадетскими корпусами.

Негативным моментом для членов Комитета был и факт поступления в кадетские корпуса в «большом возрасте», и «вред сей замечен в двояком виде»: 1) такие взрослые воспитанники, ежели не имели случая приобрести добрую нравственность, либо по неспособности к тому их родителей, либо по сиротству и другим причинам, развращают и других, в заведении находящихся, сообщая им дурные привычки и дурные понятия, 2) случалось, что в 14-летнем и еще в большем возрасте представляемые были в кадетские корпуса юноши, ничего и почти даже грамоты не знающие. Из них невозможно было сделать учеников хороших, и они, многие годы занимая места в заведениях, не могли потом собою принести и службе пользы».⁴⁵

Результатом деятельности Комитета были «Проекты Общего Положения и Устава для военно-учебных заведений», утвержденные в апреле 1830 г. В «Общих Положениях для военно-учебных заведений» была определена цель учреждения военно-учебных заведений: «военно-учебные заведения учреждаются с тою целью, чтобы юному российскому дворянству дать приличное звание сему воспитание, в том направлении, как ему быть должно, дабы укоренить в воспитанниках сих правила благочестия и чистой нравственности, и, обучив их всему, что в предопределенном для них звании знать необходимо, нужно сделать их способными с пользою и честью служить Государю, и благосостояния всей жизни их основать на непоколебимой приверженности Престолу.»⁴⁶

Во второй главе «Устава о военно-учебных заведениях» была определена цель нравственного воспитания: «...в соделании воспитанников добродетельными и благочестивыми (17),...характер человека должен быть основан на ясном и правильном понятии об истинных обязанностях его и на душевном убеждении о необходимости точного оных исполнения... Все, что имеет влияние на образование мыслей, должно входить

в соображение при нравственном воспитании (18)». Одной из главных задач было определение нравственных чувств: «чувства, кои должно стараться вселять в душу воспитанников так, чтобы они были неразлучны с ними, во все продолжение их жизни: страх Божий, благочестие, чувство долга, беспредельная преданность Государю, повиновение начальству, нежная почтительность к родителям, уважение к старшим и любовь к ближнему». Вслед за утверждением «Общих Положений и Устава для военно-учебных заведений» заседания Комитета прекратились.⁴⁷ (Выборка из «Общих положений и Устава для военно-учебных заведений» представлена в приложении № 1 к монографии). Вместо Комитета по военно-учебным заведениям был учрежден Совет о военно-учебных заведениях.

ОБРАЗОВАНИЕ ШТАБА ПО УПРАВЛЕНИЮ ВОЕННО-УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ. Я.И. РОСТОВЦЕВ.

25 июня 1831 г. после смерти великого князя Константина Павловича главным начальником Пажеского, всех кадетских корпусов и Дворянского полка был назначен великий князь Михаил Павлович.⁴⁸ С целью дальнейшего усиления контроля военного ведомства над корпусами 29 февраля 1832 г. при главном начальнике был организован Штаб управления военно-учебными заведениями, позднее преобразованный в Главный Штаб. По новому положению власть начальника этого штаба была приравнена к власти министра и всё руководство сосредоточивалось в одних руках. Первым начальником Штаба Его Императорского Высочества был назначен генерал-майор Кривцов, а с апреля 1835 г. — Я.И. Ростовцев. В 1834 г. к Штабу по управлению военно-учебными заведениями было присоединено Дежурство главного директора Пажеского и кадетских корпусов. С декабря 1834 г. начинается регулярное издание приказов по военно-учебным заведениям, продолжающееся до преобразования последних в 1863 г. Таким образом, в середине 30-х годов XIX в. пришел конец относительной «вольности» кадетских корпусов, когда они «были предоставлены самим себе и зависели исключительно от воли и взглядов своих начальников».⁴⁹ К 1841 г. Штаб по управлению военно-учебными заведениями состоял из 5 отделений: 1) инспекторского, где производилась вся переписка по определению и выпуску воспитанников; 2) 2-го инспекторского, в котором сосредоточивались все дела относительно служащих при заведениях чинов;

часть I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

3) учебного, ведению которого подлежало все, что касалось умственного образования воспитанников; 4) хозяйственного, где хранились дела по содержанию заведений, и 5) счетного, где сосредоточивалась вся отчетность по военно-учебным заведениям, подчиненным с 1841 г. ревизии Государственного контроля.⁵⁰

При Штабе был создан Учебный комитет, занимающийся рассмотрением общих и специальных предметов в кадетских корпусах, просмотром педагогических книг и пособий, рекомендуемых учителям. Председателем Учебного комитета был назначен Яков Иванович Ростовцев, неординарная личность, человек, вызывавший и восхищение своей военно-педагогической деятельностью, и осуждение за поступок, совершённый им в 1825 г. и рассматривавшийся современниками как нарушение норм дворянской и офицерской чести. Мы имеем в виду факт его доноса великому князю Николаю Павловичу о планах декабристов накануне 14 декабря. Отношение к Я.И. Ростовцеву было двояким и со стороны бывших воспитанников военно-учебных заведений: одни рассматривали его как человека, искренне заботящегося о порученном ему деле (о чем красноречиво свидетельствовал пышно отмеченный в 1860 г. 25-летний юбилей Я.И. Ростовцева на посту начальника Штаба по управлению военно-учебными заведениями), другие же считали его тенью великого князя Михаила Павловича и в связи с этим убеждением видели в его деятельности лишь проявление верноподданнических чувств.

Выпускник Пажеского корпуса, Я.И. Ростовцев сделал удачную военно-административную карьеру, не в последнюю очередь благодаря своим особым отношениям с императором: в 1828 г. он был назначен на должность адъютанта великого князя Михаила Павловича, а с 1835 г. — на пост начальника Штаба по управлению военно-учебными заведениями. Влияние Я. И. Ростовцева особенно возросло после смерти его прямого начальника, великого князя Михаила Павловича (1849 г.): в 50-е гг. он подчинялся исключительно императору и имел практически неограниченную свободу действий. По воспоминаниям современников, Я.И. Ростовцев активно проявил себя на поприще начальника Штаба военно-учебных заведений и много времени и сил отдавал поднятию кадетских корпусов на высокий уровень, который был снижен в конце 30-х — начале 40-х гг. По мнению же самого великого князя Михаила Павловича, именно Я.И. Ростовцеву принадлежала «вся честь и слава работы» по разработке нового положения для военно-учебных заведений, он отмечал роль последнего в «издании по всем предметам превосходных учебных руководств», к которым «министерство просвещения при всех сравнительно огромных средствах его не сделало до сих пор

и приступа». Я.И. Ростовцев принимал участие не только в усовершенствовании преподавания сугубо военных предметов и борьбе за дисциплину, но также в разработке программы по русской словесности, к написанию которой он привлек известного словесника А.Д. Галахова.⁵¹

3. Формирование образа мыслей воспитанников

Заметим, что уже в последние годы царствования Александра I особому контролю со стороны императора и лиц императорской фамилии стал подвергаться «образ мыслей воспитанников». В июне 1822 г. издается приказ великого князя Константина Павловича: «О недопущении, дабы в учебные заведения мог вкрасться дух якобинизма и вольнодумства», в результате которого возникла переписка великого князя с главным директором Пажеского и кадетских корпусов графом П.П. Коновницыным. Константин Павлович был обеспокоен «якобинскими» настроениями среди выпускников Пажеского и 1-го Кадетского корпусов. Так, в предписании от 9 июня 1822 г. великий князь указывал: «Здесь произошло со стороны молодых офицеров несколько предусмотрительных поступков, означающих род вольнодумства и якобинизма, причем я заметил, что оные офицеры воспитывались в Пажеском и кадетском корпусах... По сему имею честь сообщить Вашему сиятельству и просить: на образ воспитания молодых людей как в Пажеском и в 1-м Кадетском корпусах, так и в прочих вверенных Вам учебных заведениях обратить особенное внимание и отнюдь не допускать вкрадываться в оные вредному и нестерпимому духу вольнодумства и якобинизма. О мерах же, какие изволите предпринять, не оставьте меня уведомлением Вашего сиятельства». П.П. Коновницын в своем объяснении писал, что с самого вступления в настоящее звание, он «обращал неослабное внимание на всю часть управления военно-учебными заведениями... и в особенности не заметил никаких следов вольнодумства ни в котором из означенных заведений. Случающиеся в оных время от времени частные пороки только виновникам их вредные. Учителя принимаются на предварительном испытании. Хотя по трудности отыскать способных за малое жалованье, иногда допускают в сие звание людей без довольных сведений; но на образ их мыслей, во время испытания и по утверждению их в должности, обращается

всегдашнее внимание. Офицеры и прочие воспитатели определяются в корпус с разбором и надлежащею осмотрительностью. А из чего, Ваше Императорское Высочество, усмотреть изволите, что в состоящих под начальством Вашего Императорского Высочества заведениях нет никакого повода воспитанникам впасть в вольнодумство. Да и занятий, учебных и практических, особенно в Кадетском корпусе, они столько имеют, что не остается времени обращать внимание на некоторые предметы. Впрочем, нельзя и полагать, что из столь великого числа кадетов, поступающих в службу, ни один не отступил от правил, внушенных ему воспитанием, ибо по неопытности своей они могут перенимать вредные мысли в сообщении с другими, участвуя в суждениях нелепых». Вместе с тем П.П. Коновницын вынужден был обратить внимание на причины, способствующие укоренению подобных настроений, хотя, на наш взгляд, сознательно старался уйти от ответа. Этой причиной он считает чтение. Второй пункт его «изъяснений» как раз был посвящен тому, какие книги и каким образом следовало читать: «По утверждению директорами, дабы книги из библиотек выдаваемы были кадетам не иначе, как с позволения ротных командиров... А дабы в назначении

книг, даваемых кадетам для чтения, не произошло ошибок, то я считаю нужным составить в библиотеках особые отделения из тех книг, кото-

П.П. Коновницын

Гравюра Р. Райта
с оригинала Д. Доу.
1823

рых употребление кадетами строжайше должно быть запрещено и содержать оные за печатями директора. Но поскольку корпусному начальству невозможно знать всех книг, не одоб-

ренных правительством, то для соображения по сей части, снести с Министерством внутренних дел о доставлении каталогов иностранных книг, запрещенных Цензурным комитетом, и оные препроводить директорам с предписанием, чтобы запрещенных Цензурным комите-

том книги, если таковые находятся в библиотеках, помещены были в вышеназванное особое отделение, и впредь подобные оным отнюдь не покупались. Подтвердить директорам, чтобы воспитанники не брали никаких книг со стороны, без позволения ротных командиров». ⁵² П.П. Коновницын скончался 8 августа 1822 г., а новым начальником предложенные меры, по всей вероятности, не были приведены в исполнение. К тому же директором 1-го Кадетского корпуса был генерал-майор М.С. Перский, ученик графа Ф.Е. Ангальта, стремившийся возродить атмосферу, созданную учителем. В августе 1822 г. в кадетские корпуса поступил рескрипт Александра I министру внутренних дел В.П. Кочубею от 1 августа 1822 г. «о запрещении масонских лож» с целью получения списков учителей и офицеров, состоявших на службе в разных военно-учебных заведениях, бывших членами масонских лож. Сведения главному директору Пажеского и всех кадетских корпусов генерал-адъютанту графу П.П. Коновницыну поступили от директора Пажеского корпуса И.И. Гогеля, директора 1-го Кадетского корпуса М.С. Перского, директора 2-го Кадетского корпуса А.И. Маркевича, директора Императорского Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардта. Из большинства представленных списков видно, что лица, входившие в масонские ложи, в большинстве своём были иностранцами по происхождению. ⁵³

Главной заботой правительства в начале 20-х гг. являлись участвовавшие случаи неповиновения среди молодых офицеров, оппозиционные настроения в армии: история Семеновского полка, бунт офицеров лейб-гвардии Литовского полка (арест Н.Н. Пущина, Н.В. Веригина, П.В. Довре). Вслед за этими происшествиями появился ряд приказов великого князя Константина Павловича, бывшего главным начальником военно-учебных заведений: «О буйстве перед фронтом» ⁵⁴, «Об ослушании, оказанном начальству прапорщиком лейб-гвардии Литовского полка Довре» — отказ идти на палочный пикет ⁵⁵ (история Павла Довре, выпускника Пажеского корпуса, известна также по «Воспоминаниям» Н.В. Веригина). ⁵⁶ По поводу «ослушания, оказанного начальству прапорщиком лейб-гвардии Литовского полка Довре» с великим князем Константином Павловичем объяснялся новый главный начальник Пажеского и кадетских корпусов П.В. Голенищев-Кутузов (прапорщик Довре намеренно совершил ряд ошибок на фронте и на приказ командира идти в караул отвечал отказом).

Великий князь выражал крайнее недовольство и объяснял это следующим образом: «Все способы, употребленные к приведению его в раскаяние, оказались тщетными. При всем знании, сколь велико его преступление, при сильнейшем убеждении, сколь строго ожидается наказание, остался он непреклонным в превратных своих мечтаниях.

Воспитание сего офицера в Пажеском корпусе дает мне повод обратить внимание Вашего Превосходительства на сей странный его поступок, тем более и в других, выпускаемых из одного в военную службу камерпажах и пажах замечен был дух строптивости и неповиновения.

Известно, что в некоторых полках корпус офицеров весьма неохотно принимает таковых в свое сообщество. Распространение сего зла может иметь весьма пагубные последствия, ибо сколько приметно происходит оное от духа времени, появляющегося во всех почти учебных заведениях и напитывающего умы юношей пренебрежением установленных законом властей и самих законов. Искоренение одного должно быть первейшим внимания начальства предметом: почему я прошу Ваше Превосходительство вникнуть со всею подробностью в образ воспитания и обращения молодых людей в Пажеском корпусе для открытия причин явно сказывающегося в них духа строптивости и дерзновения».

Далее Константин Павлович предлагает ряд мер, которые, по его мнению, должны наладить дисциплину в корпусе. «Пажеский корпус, как место, в коем воспитываются дети, принадлежащие к образованнейшей части дворянства, казалось бы, должен быть чужд сего пагубного влияния духа времени. Тем более, что ежедневный пример беспрекословного повиновения одного к другому, добрые советы наставников и учителей, бдительный надзор, справедливость в распределении наказаний за проступки и доведение о важных до сведения высшего начальства и, наконец, похвалы и награждения достойных — словом, все употребляется к утверждению в нем священнейших обязанностей любви к Государю и престолу; но, к сожалению, пример показывает, что по выпуске из корпуса не все сохраняют правила, кои стараются в них поселить.

Дабы сколь возможно оградить воспитывающихся от внешнего влияния, я изустно подтвердил Директору корпуса генерал-майору Гогелю 4-му, обратить особое внимание на отпуска пажей в праздничные дни, увольняя их к родственникам с возможною осмотрительностью и разбором». Ещё один подобный случай получил отражение в запросе от 10 марта 1825 г., поступившем из Сената в Пажеский корпус. В нём выяснялось: «находится ли подсудимый паж Николай Ржевский в Пажеском корпусе или из корпуса выбыл, то куда именно»: в 1818 г. в публичном маскараде паж Ржевский нанес оскорбление отставному генерал-майору Головинскому.⁵⁷

Восстание декабристов вызвало новую волну репрессий. Непосредственно с тайными декабристскими организациями связан вопрос «О существовании в Пажеском корпусе Тайного общества в 1819–1820-х гг., об участии членов общества в «Арсеньевском бунте» и о связи главы обще-

ства Креницына с декабристом Александром Бестужевым; дело о воспитаннике Царскосельского благородного пансиона Искрицком». ⁵⁸

В последующие годы устанавливается все более тесная связь между успехами в науках, поведением и образом мыслей. Так, в «Деле о наблюдении самой строгой справедливости в назначении камер-пажам и пажам в науках и поведении баллов» говорится о необходимости «наблюдать самую строгую справедливость, дабы камер-пажи точно были убеждены, что одно только собственное их прилежание и благонравие могут продлить или ускорить курс их учения и доставить им законченные выгоды при определении на службу... Дежурный генерал-адъютант Н.И. Демидов желает иметь сведения о пажих, которые отличнейшие и всегда непоколебимой нравственности, соединенные с прилежанием и успехами в науках, обращают на себя особенное влияние, а равно по таковым, которые не заслуживают еще хорошего замечания начальства... директора кадетских корпусов и Пажеского корпуса должны особое внимание обращать на обучение воспитанников религии, так и на утверждение их в правилах непоколебимой и беспорочной нравственности;...особое внимание в наблюдении строгой справедливости при назначении баллов за успехи в науках и поведении....отличнейший поведением воспитанник должен давать преимущества пред теми, кто учится хорошо, но в поведении менее надежен». ⁵⁹

Тогда же в Пажеский корпус поступило секретное предписание Н.И. Демидова «Об установлении строгого надзора за образом мыслей и поведением воспитанников военно-учебных заведений», в котором выделяется приоритет хорошего поведения — залога политической благонадежности — над успехами в науках: «воспитанников несамопроизвольно виновных в неуспевании и во уважении их хорошей нравственности... отнюдь не поставлять наряду недостойнейших внимания начальства, ибо хорошей нравственности, при некоторой даже неуспеваемости в науках, от недостатка способностей должна быть отличаема, паче самих наук, но, напротив, тех, кои от пылкости способностей, но замеченные в непохвальных чертах, хотя и отлично успевающие в науках, отнюдь не поставлять наряду достойнейших воспитанников» (10 мая 1830г.), «каждый из воспитанников должен быть тщательно наблюдаем во всех правилах нравственности и как главнейшее составляющее оное: суть покорность, послушание и учтивость, то сии добродетели иметь во всегдашнем предмете и на таковых основывать все правила воспитания каждого из благородных юношей». ⁶⁰

Секретный надзор велся и за «поведением и нравственностью офицеров военно-учебных заведений»: из Павловского кадетского корпуса в Серпу-

ховской уланский полк был «переведен тем же чином поручик Суражевский за то, находился на петергофском гулянии в неприличном для офицера состоянии». ⁶¹ 11 декабря 1832 г. был удален за вольнодумство поручик 2-го Кадетского корпуса Белокопытов. ⁶² И все же главную опасность в возможности возникновения в корпусах «либеральных настроений» представляли учителя, среди них особое место занимали иностранцы, подвергавшиеся тщательной проверке. Так, в июне 1831 г. было заведено дело «о наведении справки об учителе словесности Бельшеве и бывших кадетах 1-го Кадетского корпуса: Рашевском, Пономареве, Погоржельском, Унковском, графе де Мориоле и Романовиче, подозреваемых в намерениях к ниспровержению самодержавия». ⁶³

Один из подозреваемых, «дворянин Оршанского уезда Могилевской губернии Петр Романович, выпущенный из 1-го Кадетского корпуса в 1828 г. с чином 14-го класса, признался, что будучи в корпусе слышал от кадет Пономарева, Погоржельского, Унковского и графа де Мориоля, учителя российской словесности Бельшева и некоего Рашевского весьма дерзкие суждения о правительстве и изъявлении преступных их намерений к ниспровержению оного строя». Неизвестно, какие последствия имело это дело для перечисленных лиц, но директор 1-го Кадетского корпуса М.С. Перский на запрос из канцелярии Главного Штаба отвечал, «что все упомянутые лица были хорошей нравственности и поведения, а учитель российской словесности и черчения Бельшев состоит ныне при корпусе, служит усердно, имеет беспредельную преданность к Государю и приверженность к Престолу».

В связи с революционными настроениями во Франции было заведено секретное дело на учителя французского и латинского языков в Царско-сельском Лицее Делеско Аллерта и учителя Репцевича, ⁶⁴ а также на учителя Александровского кадетского корпуса для малолетних Даниэля. ⁶⁵ В 1843 г. была утверждена такая форма контроля за военно-учебным заведением, как Инспекторский смотр, когда военное заведение подвергалось всестороннему и тщательному контролю со стороны инспектора, присланного из Главного штаба военно-учебных заведений.

Подвергался контролю и круг чтения воспитанников. Так, в 1828 г. главный директор Пажеского и кадетских корпусов генерал-адъютант Н. И. Демидов издает приказ ⁶⁶, что «поскольку чтение книг преимущественно же нравственных и исторических не только утверждает в молодых людях приобретенные сведения, но изощряет память и усиливает способности», то в обязанности директоров заведений вменяется «стараться приохотить воспитанников, в свободное от занятий время, особенно в рекреационные дни, — читать нравственные и исторические книги,...

поручив надзор как за самим чтением,...так и наблюдать, что бы воспитанники брали только те книги, которые выданы из библиотек». В течение 1834 г. появляется ряд приказов великого князя Михаила Павловича относительно «умственного образования воспитанников военно-учебных заведений», в которых обращено внимание на содержание библиотек. Так, в одном из них Михаил Павлович пишет, что, «рассматривая каталоги библиотек и музеев военно-учебных заведений,...нашел, во-первых, много книг, не только не заслуживающих по нравственной цели их, храня в заведении воспитательном, но даже и служить для чтения всякому благородному юноше воспитание свое уже окончившем...» Исходя из этого Михаил Павлович признал нужным «поручить рассмотрению означенных каталогов члену Совета о военно-учебных заведениях генералу от инфантерии Довре, с тем чтобы он представил в Совет на мое рассмотрение (т.е. великого князя Михаила Павловича — Н. А.) мнение свое о книгах, которые будут подлежать из библиотек к исключению». Следующей мерой, предложенной Михаилом Павловичем, была необходимость «составить по два реестра каждой библиотеки: одни книги, которые должны служить пособием для преподавателей, а другие собственно для чтения воспитанников».⁶⁷

Воспитанникам корпуса запрещалось иметь книги, полученные без разрешения ротных командиров. Офицерам строжайше вменялось в обязанности следить за тем, что читают кадеты, а нарушивших установленные правила пользования литературой сурово наказывать. При посещении кадетских корпусов самим императором Николаем I, его братом великим князем Михаилом Павловичем и инспекторами из Главного Штаба военно-учебных заведений на это обращалось серьезное внимание. В одно из таких посещений Николай I обнаружил во 2-й роте Военно-сиротского дома «частные» сочинения у воспитанников, за что посадили ротного командира на гауптвахту. При расследовании оказалось, что таким «частным» сочинением было житие святых отцов, списанное кадетом из «Четьи-минеи», а другое (в рукописи) стихотворения, переписанные из разных журналов.

В 1841 г. выходит ряд приказов Я.И. Ростовцева по 2-му Кадетскому корпусу, когда он заменял уехавшего в отпуск директора корпуса генерал-майора А.И. Бибикова. Часть приказов касалась непосредственно офицеров, служивших в корпусе, и была направлена на более четкое обозначение их обязанностей и в то же время свидетельствовала о наделении их широкими полномочиями. Так, в одном из приказов говорилось, что «отделенный офицер есть ближайший и непосредственный воспитатель, т.е. наблюдатель и руководитель своих кадет и предметом его деятель-

ности должны быть все части, входящие в состав образования фронтового, физического, учебного и нравственного». Особенное внимание Я.И. Ростовцев обращал на обязанности отделенных офицеров по учебному и нравственному образованию воспитанников. По учебному образованию отделенный офицер обязан был приходить каждый день в канцелярию инспектора классов и получать от его помощника все сведения об успехах или неудачах, оказанных кадетами его отделения накануне. По нравственному образованию отделенный офицер должен был «приводить в исполнение все нравственные правила, изложенные в Своде военных постановлений; советами, внушениями и взысканиями, предоставленными его власти, направлять кадет к цели их воспитания, вести штрафные журналы каждого дня своих воспитанников, и по истечении недели, каждую пятницу, представлять выводы своих замечаний, и письменно и словесно, ротному командиру». Еще одно свидетельство о власти отделенного офицера — тот факт, « что без согласия и одобрения отделенного офицера ни один из воспитанников не может быть ни уволен со двора, ни получить какую либо награду или отличие». Таким образом, кадеты полностью оказывались в руках своего непосредственного начальника. 26 сентября 1841 г. выходит приказ Я.И. Ростовцева № 9, связанный с массовым беспорядком, который кадеты устроили батальонному командиру К. летом 1840 г. В этом приказе обращалось внимание прежде всего на долг кадетов быть благодарными Государю Императору за ту милость, которую он оказывал, предоставив им возможность учиться в корпусе; здесь звучит прямое напоминание о тех благах, которые дает предоставленное им воспитание и необходимость ценить его: «...не забудьте, что вы дети заслуженных и большею частью бедных родителей, не забудьте, что определение вас в корпус есть Высочайшая награда Государя за честную их службу, что многих из вас отцам и матерям не было бы средств не только воспитать, но даже обути, одеть и прокормить вас; не забудьте же, что, приняв вас под отцовский покров свой, Государь имел двоякую цель: сделать из вас честных, верных и полезных слуг Себе и Отечеству и, вместе с тем, наградить ваших отцов: наградить их и огромными издержками на ваше воспитание и производством вас, впоследствии, в Офицеры, чтобы открыть вам тогда обширное поприще чести, пользы и славы». Исходя из этого прямой обязанностью воспитанников являлось «любое приказание и советы начальников принимать со священным чувством сыновней преданности и уважения», так как только этим кадеты могут «отблагодарить Государя и Великого Князя и утешить своих родителей». Какие же недостатки у воспитанников находит Я.И. Ростовцев? «У весьма многих

кадет есть один чрезвычайноважный недостаток, порожденный ложными понятиями о вещах и сильно укоренившийся временем: они не умеют положить границы между лестью и рыцарским внешним обращением, т.е. обращением воина-дворянина». Для того чтобы заслужить имя воина-дворянина, по мысли Я.И. Ростовцева, нужно было «вникнуть умом в свое сердце; отделить лесть и лицемерие от правоты, благородства, вежливости, откровенности и благодарности; быть рыцарями и в чувствах и в наружных действиях.»⁶⁸ Одним из очевидных следствий преобразований, проведенных по инициативе Я.И.Ростовцева⁶⁹, стало всё более последовательное ужесточение мер дисциплинарного характера: воспитанники находились под неусыпным контролем воспитателей, а их приказания не подлежали обсуждению. Выход из корпуса для кадета был возможен лишь в сопровождении служителя или родственников. Обратной стороной суровости нового распорядка стало проявление в корпусах неуставных взаимоотношений. Круговая порука в среде кадетов превратилась в единственное средство, способное противостоять жестокости контроля со стороны начальства. В 30–40-е гг. XIX в. в корпусах начинает культивироваться тип «старого кадета», отличающегося неряшливым внешним видом, с грубыми и распущенными манерами.⁷⁰

Однако внимание уделялось не только чисто дисциплинарным аспектам воспитания, но и аспектам идеологическим. События на Западе в конце 40-х гг. вызывают тревогу и беспокойство у Михаила Павловича и Я.И. Ростовцева. В 1847 г. при Штабе военно-учебных заведений были созданы комиссии для пересмотра программ и руководств, вновь был поставлен вопрос о необходимости единообразия в учебной работе. О целесообразности этой меры Я.И. Ростовцев писал великому князю Михаилу Павловичу: «Составление единообразных руководств по всем без исключения предметам весьма важно не только в умственном, но и в политическом отношении; ибо без таковых руководств, во-первых, военно-учебные заведения никогда не достигнут единства в образовании своих воспитанников, а во-вторых, что еще гораздо важнее, высшее начальство никогда не будет определено знать, в каком направлении воспитывает оно своих учеников, что при неблагонамеренности, хотя и малого числа лиц, может постепенно привести Россию на край пропасти, ибо, пользуясь правом избирать для себя руководства (как это делается ныне в Министерстве народного просвещения и до сих пор делалось у нас), преподаватель может читать воспитанникам, что захочет. Когда же все наши руководства поспеют, тогда направление, средства и цель умственного образования будут, как лошади в вож-

жах, в руке главного начальника, захочет поворотить вправо, влево, остановит, прибавит рыси и т.д.; учитель же, отступивший произвольно от руководства, подвергается суду, как преступник».⁷¹ Как дальнейшее развитие этих идей в 1848 г. Я.И. Ростовцев составил «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», утверждённое императором 24 декабря того же года. Оно было составлено в духе официальной народности и в качестве основополагающих выдвигало принципы, по которым тип офицера определялся как «христианин, верноподданный, русский добрый сын, надёжный товарищ, скромный и образованный юноша, терпеливый и расторопный офицер». Именно с этими качествами воспитанник военно-учебных заведений должен был «переходить со школьной скамьи в ряды императорской армии, с чистым желанием отплачивать Государю честною службою, честною жизнью и честной смертью». «Наставление...» Я.И. Ростовцева было подробно рассмотрено и одобрено Советом о военно-учебных заведениях, и в качестве главных принципов, заслуживающих внимания, были определены следующие:

- «1) Цель воспитания кадета (будущего офицера) обозначена ясно, отчетливо, в высшей степени религиозно, нравственно и патриотически.
- 2) Преподавание наук, прямо отвечающих военному назначению воспитанников, указано как цель, прочих же, как необходимое средство.
- 3) Военно-учебному заведению поставлено в обязанность готовить не чисто ученого, не собственно светского человека, а честного и образованного члена семейства и государства, верного подданного и офицера, постигающего сознательно прямые обязанности будущего своего назначения.
- 4) Основа всего воспитания и учения укреплена на развитии нравственном и умственном, а не на труде одной памяти;
- 5) все преподавание проникнуто любовью к Вере, Государю, России, Закону и Долгу;
- 6) все науки освобождаются от схоластики, от утопических гипотез и от предметов придаточных, вредных и способностям учащихся и направлению их воспитания.
- 7) Учение, верное современному достоинству каждой науки, упрощается до возможности весьма значительно против прежнего сокращения и укладывается свободно в рамку кадетского курса».⁷²

«Наставление для воспитанников военно-учебных заведений» послужило логическим обоснованием завершившимся к этому моменту преобразованиям.

Таким образом, в военно-учебных заведениях отразились все проблемы и процессы, происходившие в государстве, государственный строй

и система военного образования находились в постоянном соприкосновении и взаимодействии. С момента возникновения военно-учебные заведения оказались в центре внимания правительства и непосредственно лиц императорской фамилии. В кадетских корпусах прослеживались изменения и внутренней, и внешней политики правительства. Данный отрезок времени: конец XVIII — первая половина XIX вв. — время подготовки отмены крепостного права и одновременно последняя консолидация дворянства как сословия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

- 1 Мельницкий Н.Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. — СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1. С. 14.
- 2 Волков С.В. Российский офицерский корпус. — М., 1993. С. 101. «29 июня 1731 г. в Петербурге по инициативе графа П.И. Ягужинского учрежден Кадетский корпус по образцу существовавшего в Пруссии. Он был открыт 17 февраля 1732 г. В корпус принимали грамотных детей дворян в возрасте 13-18 лет. Учебный курс состоял из 4 классов, причем в трех старших учеба должна была продолжаться 5-6 лет. В 1732 г. штат корпуса включал 360 кадет, а в 1760 г. увеличен до 490».
- 3 Савельев А.И. Первые кадетские смотры. 1734-1737 гг. // Русская Старина. 1890. № 5. С. 351-352.
- 4 Подробнее об этом см. ниже.
- 5 Лузанов П.Ф. Сухопутный Шляхетный корпус (ныне — 1-ый Кадетский корпус). — СПб. 1907. прил. № 3.
- 6 Там же.
- 7 Лузанов П.Ф. Указ. соч. прил. 3.
- 8 Глебов П.Н. Военно-учебные заведения, подведомственные его Императорскому Высочеству, Главному Начальнику, в царствование Императрицы Екатерины II. // Отечественные записки. 1845. № 9-10, С. 65-66.
- 9 Петров П.В. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. // Столетие военного министерства. Т. 10. С. 35-37
- 10 Листовой С. Граф Петр Васильевич Завадовский. // Русский Архив. 1883. № 3. Кн.2. С.105.
- 11 РГВИА. Ф.318. Петроградская гимназия военного ведомства (Пажеский корпус). Оп. 1. Т. 2. Д. 1843. О разыскании сведений о времени, с которого имел свое начало Пажеский корпус. Инструкция, данная ее императорским величеством из придворной канторы Двора ее величества гофмейстеру пажей Федору Генриху барону Шуди. 1759 г.
- 12 Мельницкий Н.Н. Указ. соч. С. 21-22.

- 13 *Хафламов В.И.* Военное образование в России в XVIII веке. // Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 57.
- 14 *Кутузов М.И.* Документы. — М., 1950. Т.1. С.361 — Приказ № 486 от 26 января 1797 г.
- 15 *Аллатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). — М., 1958, С. 45-50.
- 16 Из «Устава для Пажеского Его Императорского Величества Корпуса». РГВИА, Ф. 1 (Канцелярия военного министерства). Оп. 4. Ед. хр. 958, ЛЛ. 242-248.
- 17 *Мельницкий Н.Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. СПб, 1858, Т. 1. Ч. 2. С. 6.
- 18 *Левшин Д. М.* Пажеский Его Императорского Величества корпус за 100 лет. СПб., 1902. Т. 1. С. 143
- 19 Там же, С. 23. В кадетские корпуса были преобразованы военные училища в Оренбурге и Хабаровске, а также дворянские училища в Туле и Тамбове. Специальное рассмотрение истории провинциальных кадетских корпусов, по структуре не отличавшихся от столичных, выходит за рамки настоящей работы. Подробнее о них см.: *Аллатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). — М., 1958, С. 26.
- 20 Дворянский полк был создан в марте 1807 г. как особое военно-учебное заведение, подобное по структуре кадетским корпусам, но по содержанию учебного плана отличавшееся большим вниманием к практической (тактической и строевой), чем к теоретической подготовке воспитанников. Курс обучения был более кратким (3 года — для получения унтер-офицерского звания и 4 года — обер-офицерского (начиная с прапорщика и корнета)), поскольку в Дворянский полк принимались лица дворянского звания в возрасте от 16 лет, как правило, уже имеющие среднее образование (в том числе студенты). В целом волонтеры Дворянского полка имели худшие стартовые условия для продвижения по службе, и поэтому он считался менее престижным, чем собственно кадетские корпуса. В 1855 г. полк был преобразован в Константиновский кадетский корпус (с 1859 г. — Константиновское военное училище). Подробнее об этом см.: *Седков Е.И.* Воспоминания // Русский архив, 1909. Кн. 3. № 11. С. 286-318; *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. — М, 1993, С. 109.
- 21 *Драке Л. А.* Кадетский быт 50-х гг. (отрывочные воспоминания). — СПб., 1911. С. 4-8. *Крылов Н.А.* Кадеты сороковых годов. Личные воспоминания // Исторический вестник, 1901. Т. 85. С. 954. Такие роты сохранялись до 1830 г., когда они были упразднены.
- 22 РГВИА. Ф. 328. Временная комиссия для составления Плана военным училищам. Оп.1. Ед. хр.1. Л.153 (об.)
- 23 РГВИА. Ф. 945. Дежурство Главного директора Пажеского и кадетских корпусов, Оп.1, д. 33 // О передаче в Военное ведомство дел по Пажескому корпусу, Императорскому Царскосельско-

- му лицу и благородному пансиону от 17 февраля 1824 г.
- 24 Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. — СПб, 1880. Т. 1. С. 3.
- 25 РГВИА. Ф.326. Оп.1. Ед. хр.1. ЛЛ.3-4.
- 26 Мещеряков П. Из недавнего прошлого. // «Русская Беседа». 1896. № 9. С. 96-111; Шиман Н.П. Император Николай Павлович. Из записок и воспоминаний современников // Русский архив. 1902. № 3. С. 460
- 27 Кедрина Л.Е. Из воспоминаний. // РА. 1917. № 1. С. 403.
- 28 Левшин Д.М. Сто лет Пажескому Его Императорского Величества корпусу. — СПб., Т.1. С. 373.
- 29 Рота Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича. — СПб., 1887, С. 11-12.
- 30 См. Воспоминания А.Ф. Петрушевского, П.П. Карцова, М.А. Домонтовича и др.
- 31 РГВИА. Ф.326. Комитет о военно-учебных заведениях. Оп.1. Д.1. Переписка с Начальником Главного Штаба и членами Комитета о военно-учебных заведениях., Л.1 — от 13 мая 1826.
- 32 РГВИА. Ф. 326. Оп.1. Д.1. Переписка с Начальником Главного Штаба и членами Комитета о военно-учебных заведениях: «о создании, организации и деятельности Комитета; журналы заседаний комитета. ЛЛ.1-1 (об.)
- 33 РГВИА. Ф.326. Оп.1. Д.1. Письмо К.И. Опшерману от Г.В. Жомини от 10 июля 1826 г. Л. 87.
- 34 РГВИА. Ф. 326. Оп.1. Д. 1. Л. 87(об.)
- 35 Там же.
- 36 РГВИА. Ф. 326. Оп.1. Д. 1, Л. 87.; Д.9. Записка генерал-лейтенанта Жомини об учебных предметах, преподаваемых в военно-учебных заведениях.
- 37 РГВИА. Ф. 326. Оп.1. Д.1. ЛЛ.113-114.
- 38 Там же. Л. 114.
- 39 Там же. Л. 115.
- 40 РГВИА. Ф.326. Оп.1. Д. 14. Журналы заседаний Комитета о разработке учебной и медицинской части «Положения» и «Устава для военно-учебных заведений», проекты учреждения Александровского кадетского корпуса (для малолетних), «Общего положения» и «Устава для военно-учебных заведений.» Л. 27. Об.
- 41 Там же. Л. 27. Об.
- 42 Там же. Л. 27. Об.
- 43 Там же. Л. 27. Об.
- 44 Там же. Л. 27. Об.
- 45 Там же. Л. 28. Об.-29.
- 46 Там же. Л. 37. Журналы заседаний Комитета о разработке Учебной и медицинской части «Положений и Устава для военно-учебных заведений, проекты учреждения Александровского кадетского корпуса (для малолетних), «Общего Положения» и «Устава для военно-учебных заведений и Александровского кадетского корпуса». Начато: 1 февраля 1826 г. — окончено 1829 г.

- 47 См.: Мельницкий Н.Н. Указ. соч.; Лалаев М.С. Указ. соч.
- 48 Лалаев М.С. Указ. соч. С. 41.
- 49 Аллатов Н.И. Опыт кадетских корпусов — суворовским училищам. // Пограничник, № 2, 1945, С. 44.
- 50 Лалаев М.С. Указ.соч. С. 41.
- 51 ГА РФ. Ф. 728. Оп.1. Д. 1817. Дневник М.А. Корфа. Ч.6. 1843 г. ЛЛ.153; 154; Галахов А.Д. Мои сношения с Я.И. Ростовцевым // РС. 1879.№ 2. С. 317–334.
- 52 РГВИА. Ф. 945. Дежурство Главного директора Пажеского и кадетских корпусов. Оп. 1. Д. 27. О недопущении, дабы в учебные заведения мог вкрасться дух якобинизма и вольнодумства. Переписка Главного директора Пажеского и кадетских корпусов П.П.Коновницына с Великим князем Константином Павловичем о «якобинских настроениях» среди выпускников Пажеского и кадетских корпусов», 17–22 июля 1822 года.
- 53 РГВИА. Ф. 945. Оп.1. ЛЛ.30–68.
- 54 РГВИА. Ф. 318. Петроградская гимназия военного ведомства (Пажеский корпус), Оп.1. Т. 1. Д. 528. 1823 г.
- 55 РГВИА. Ф. 25. Военная канцелярия Цесаревича Константина Павловича. Оп. 2/461а., Д. 983. Об ослушании, оказанном начальству прапорщиком лейб-гвардии Литовского полка Павлом Довре. 1824 г.
- 56 Веригин Н.В. Записки // РС, 1893. Т. 76. № 10. С. 50–67.
- 57 РГВИА. Ф. 318. Оп.1. Д. 582. О доставлении сведений, находится ли подсудимый паж Николай Ржевский в Пажеском корпусе или же если из корпуса выбыл, то куда именно. 10 марта 1825 г. ЛЛ.1–1. Об.
- 58 РГВИА. Ф. 945. Оп.1. Д. 49. Дело о существовании в Пажеском корпусе Тайного общества в 1819–1820-х гг., 1825 г.; об «Арсеньевском бунте». См.: Левшин Д.М. Указ. соч., С. 324–326.
- 59 РГВИА. Ф. 318. Оп.1. Т. 1. Д. 726. Дело о наблюдении самой строгой справедливости в назначении пажам и камер-пажам в науках и поведении баллов. 4 февраля — 5 августа 1828 г. Предписания от 14 февраля и 13 марта 1828 г.
- 60 РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 338. Дело об установлении строгого надзора за образом мыслей и поведением воспитанников военно-учебных заведений. 10 марта — 30 ноября 1828 г. ЛЛ. 1–10.
- 61 РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 85. Дело об установлении секретного надзора за поведением и нравственностью офицеров военно-учебных заведений. 23 июня — 5 июля 1830 г.
- 62 РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 117. Дело об удалении из 2-го Кадетского корпуса поручика Белокопытова за вольнодумство. 11 декабря 1832 г. ЛЛ.1–2. Об.
- 63 РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 100. О наведении справки об учителе словесности Бельшеве и бывших кадетах 1-го Кадетского корпуса Рашевском, Пономареве, Погорельском, Унковском, гр. де Мориоле и Романовиче, подозреваемых в намерениях к ниспровержению самодержавия. 19–21 июня 1831 г.

- 64 РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 103. Дело об установлении строгого надзора за учителями-иностранцами Делеско Аллертом и Репцевичем в связи с революционными событиями во Франции. Сентябрь — ноябрь 1830 г.
- 65 РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 123. О наклонностях к либеральным идеям учителя Александровского кадетского корпуса Даниэля. 30 марта — 10 августа 1833 г.
- 66 Мельницкий Н.Н. Указ. соч. С. 35.
- 67 Мельницкий Н.Н. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 205-206.
- 68 Симонов И.С. Русская военно-педагогическая старина // Педагогический Сборник. № 4. 1915. С. 460-461.
- 69 Там же. С. 459.
- 70 См. напр. воспоминания бывших кадетов: Бооль, В.Г. фон. Воспоминания педагога // Русская старина, 1904, Т. 118, № 5, С. 381-388; Драке Л.Л. Указ. соч., С. 7-13; Крылов Н.А. Указ. соч., С. 943-945; Скалон Д.А. Воспоминания // Русская старина, 1907, Т. 131, № 9, С. 516-526.
- 71 Алпатов Н.И. Указ. соч. С. 61.
- 72 Мельницкий Н.Н. Указ. соч. Т. 3. Ч. 3. — СПб., 1858. С. 261.

глава 2

Кадетские
корпуса
в системе
российского
образования

1. Кадетские корпуса в общей системе дворянского образования

Уже в начале XIX в. с появлением сети университетов и увеличением числа гимназий в разных городах России у дворянства появляется возможность дать своим детям иное образование, помимо военного. Тем не менее и в 30-е, и в 40-е гг. XIX в. дворянство по-прежнему стремилось отдавать своих детей в военно-учебные заведения. Дело в том, что кадетские корпуса имели благотворительное значение, давая возможность получать образование и содержание детям неимущих и умерших офицеров и дворян, а для беднеющего дворянства большое значение имела возможность дать своим детям образование за государственный счет, за счет казны, и тем самым обеспечить их будущее. Пребыва-

ние в кадетских корпусах было спасением для сыновей большей части дворянства, особенно для детей вдов и круглых сирот. Так, по высочайшему повелению Александра I были размещены в разные военно-учебные заведения Петербурга сыновья покойного екатеринославского губернского почтмейстера, коллежского советника Данилова: «после смерти екатеринославского губернского почтмейстера коллежского советника Данилова в крайне бедственном положении осталась его вдова с 3 сыновьями и 3 дочерьми. Старший сын Василий 14 лет был зачислен в Дворянский полк, Петр 12 лет и Николай 5 — в 1-й Кадетский корпус».¹ Именно для последней категории были основаны, помимо Императорского Военно-сиротского дома, два корпуса: Александровский кадетский корпус для малолетних (1830 г.) вместо упраздненного Царскосельского Благородного пансиона и Александринский сиротский кадетский корпус при 1-м Московском кадетском корпусе.

Обучение и воспитание в кадетских корпусах, несмотря на негативные черты корпусной жизни (оторванность от внешнего мира и семьи, непростые внутренние отношения между кадетами и их наставниками, а также в среде самих кадетов, часто отсутствие элементарных удобств), способствовали консолидации дворянского сословия, вырабатывали представление о чести, долге и обязанностях перед государем и Отечеством, делали незыблемым в сознании дворянской среды тезис «*Dulce et decorum pro Patria mori*» («Сладко и почетно умереть за Родину»).

С другой стороны, отдавать детей в корпус стало традицией дворянства: «Все знатные дворянские семьи считали долгом отдавать сюда своих сыновей. Вскоре это превратилось в традицию. Кадетский корпус заменил для дворянина гимназию и университет. Как бы далеко от Петербурга ни жили родители, какими бы средствами они ни обладали, жажда определить сына в корпус была одинаково сильна. Корпус выдвигал дворянству широкие возможности для быстрого выдвижения в государстве, получению чинов и видных мест в управлении страной».²

Таким образом, основными причинами, по которым родители предпочитали отдавать сыновей в корпуса, были: 1) долг дворянина — служить Царю и Отечеству; 2) в XVIII в. — неразвитость системы гражданского образования; 3) возможность получения бесплатного государственного образования, что было особенно важно для беднеющего дворянства; 4) традиция в дворянской среде, сложившаяся в петровскую эпоху, давать сыновьям именно военное образование.

Кадетские корпуса также были основным каналом, по которому осуществлялось пополнение офицерского корпуса лицами с военным образованием. В начале XIX в. даже не успевающие в науках воспитанники могли быть выпущены в пехотные и кавалерийские полки офицерами.³

Особый интерес представляют просьбы о зачислении в корпуса сыновей иностранцев, служивших на русской службе. В прошении Madam Schilling на Высочайшее имя (Александру I) о зачислении ее сына в Пажеский корпус указываются следующие причины, побудившие ее обратиться с данной просьбой: Знатное происхождение ее сына («Sorti d'une famille anciennement noble»), его стремление к достижению славы, которую дает военное звание («il ambitionne la Gloire qu'offre l'etat militaire»), воодушевление примером деда бригадира Schilling, прослужившего пятьдесят лет («ayant pour exemple feu son grandpere, le Brigadier de Schulling, qui avait servi cinquante ans»), отставка по причине плохого здоровья мужа («Mon Mari le Lieutenant de Schulling a ete forse de Quitter le service a cause du mauvais etat de sa sante») и последовавшая за этим нужда («la derniere indigence»). Madam Schilling надеялась, что ее сын будет зачислен в Пажеский корпус, «сможет принимать участие во всех добрых делах, предоставляемых хорошим воспитанием, которое единственное может дать ему возможность со временем успешно служить («l'y faire participaire aux bien faits d'une bonne Education qui seule peut le rendre capable de servir un jour avec succes»)).⁴

В кадетские корпуса зачислялись также дети польских дворян (Приказ по военно-учебным заведениям от 30 января за № 271). Так, среди кадетов 1-го Кадетского корпуса оказался Николай Глиноецкий, будущий исто-

рик Генерального штаба.⁵ Так как число желающих поступить в кадетские корпуса постоянно возрастало, то со временем прием стал обуславливаться служебными заслугами родителей. Но преимущественно принимали сирот и неимущих, причем существовало 26 разрядов по правам на казенное воспитание, в соответствии с которыми и определялась очередность приема. В Александровский малолетний и малолетнее отделение 1-го Московского кадетского корпуса принимались дети 6–8 лет, в остальные корпуса 9,5–11,5 лет после экзамена.⁶

С созданием в 1832 г. Штаба по управлению военно-учебными заведениями открывается ряд кадетских корпусов в провинции, в губернских городах. Такие учреждения появляются в Нижнем Новгороде, Полоцке, Полтаве, Воронеже, Орле и других городах. Для кадетских корпусов строятся большие, светлые и просторные здания, стоимость каждого из которых достигает до 3 миллионов рублей.⁷ Тем не менее, даже окончив уездное училище в провинции, юный дворянин отправлялся в столицу, чтобы получить образование в одном из кадетских корпусов, так как по свидетельству современника и в 30-е, и в 40-е гг. «не было другой карьеры для дворянства».

2. Специфика кадетских корпусов как самостоятельных учебных заведений

ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ. УСТАВЫ

В первой четверти XIX в. контроль за военно-учебными заведениями осуществлялся Главным начальником военно-учебных заведений (великим князем Константином Павловичем), главным директором Пажеского и всех сухопутных кадетских корпусов (генерал-майором Ф.М. Клингером в 1802–1820 гг., генералом от инфантерии П.П. Коновницыным в 1820–1822 гг., генерал-адъютантом П.В. Голенищевым-Кутузовым в 1822–1826 гг., Советом о военных училищах, Дежурством главного директора Пажеского и всех кадетских корпусов, военным министром и лично императором. В октябре 1802 г. в связи с открытием Пажеского корпуса как военно-учебного заведения Ф.М. Клингером был разработан «Устав Пажеского Его Императорского Величества корпуса», в котором были определены «цель и задачи воспитания благо-

родного российского юношества». Устав Ф.И. Клингера, по сути, стал руководством для всех существовавших военно-учебных заведений.

Новые изменения в устройстве военно-учебных заведений в законодательном порядке произошли с учреждением 11 мая 1826 г. Комитета по военно-учебным заведениям. В результате 4-летней работы Комитета были созданы проекты «Общего положения» и Устава для военно-учебных заведений, высочайше утвержденных в апреле 1830 г. По Новому Положению все военно-учебные заведения разделены были на 3 класса. К 1-му классу причислялись губернские кадетские корпуса и Дворянский полк, ко 2-му классу — Пажеский и столичные сухопутные кадетские корпуса и к 3-му — артиллерийское и инженерное училища и Морской кадетский корпус. Общей целью всех военно-учебных заведений было определено: «Сообщение сыновьям дворян приличного их званию воспитания, дабы, укоренив в воспитанниках правила благочестия и чистой нравственности и обучив их всему, что в определенном для них военном звании знать нужно, сделать их способными с пользою и честью служить Государю и благосостояние всей жизни их основать на необходимой приверженности Престолу».

Здесь же были определены основные правила приема и выпуска воспитанников на службу и подробности внутреннего устройства военно-учебных заведений. Устав военно-учебных заведений состоял из трех частей: 1-я часть Устава посвящена физическому и нравственному воспитанию кадет, 2-я часть — умственному образованию, в 3-й части заключались постановления по управлению каждым из военно-учебных заведений. (Выдержки из Устава для военно-учебных заведений приведены в главе 1 и в приложениях к монографии).⁸ Примечательно, что формирование русского военного образования как целостной системы происходило параллельно с созданием системы университетского образования, начало которой было положено уставом 1804 г., а завершение складывания этой системы было юридически оформлено уставом 1835 г. При этом и в составлении Положения 1830 г. о военно-учебных заведениях, и Устава 1835 г. принимали участие и И.Ф. Крузенштерн, и граф Е.К. Сиверс, и некоторые другие.

ПРАВИЛА ПРИЕМА В КАДЕТСКИЕ КОРПУСА. ПОДГОТОВКА И ВЫПУСК СПЕЦИАЛИСТОВ

По Положению о военно-учебных заведениях 1836 г. для приема в кадетские корпуса были установлены следующие предельные нормы возраста: в Александровский кадетский корпус (для малолет-

часть I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

них) и в Малолетнее отделение 1-го Московского кадетского корпуса — от 6 до 8 лет, а во все остальные корпуса — от 9,5 до 11,5 лет. В Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (с 1838 г.) и в Дворянский полк (до 1851 г.) принимались молодые люди в возрасте от 13 до 15 лет по особо установленным программам. Для приема в кадетские корпуса были установлены вступительные экзамены по Закону Божию, русскому языку и арифметике.⁹

Для всех корпусов в 1836 г. был введен единый учебный план и установлен общий порядок организации и устройства. Все предметы состояли из трех курсов: приготовительного (1 год), общего (5 лет) и специального (3 года). Помимо военных наук в кадетских корпусах преподавались Закон Божий, русский язык и литература, немецкий и французский языки, математика, естественные науки, география, история, статистика, законоведение, чистописание, рисование и черчение. С 40-х гг. в составе старших классов существовали одногодичные артиллерийские и инженерные отделения, где преподавались соответствующие дисциплины. Сначала специальные классы существовали только при столичных корпусах и были рассчитаны на 2 года. Но с 1854 г. к ним был добавлен третий класс для подготовки к переходу в артиллерийское и инженерное училища и военную академию. Также третьи специальные классы были открыты в Павловском, 1-м и 2-м Кадетских корпусах в Петербурге, 1-м и 2-м Московских и Александринском Сиротском кадетских корпусах, причем в каждом заведении они делились на три отделения — артиллерийское, инженерное и Генерального штаба.¹⁰

По правилам, существовавшим с 1830 г., после экзамена Воспитательный комитет определял выпускника в тот или иной род войск. Самые лучшие получали направление в гвардию, лучшие — подпоручиками в армию (в 1847–1849 гг.) или производились в прапорщики артиллерии и инженерных войск с прикомандированием к соответствующим училищам, а также (в 1840–1853 гг.) к Генеральному штабу для поступления через два года в академию. Остальные выпускались прапорщиками в армию.

Малоуспешные ученики выпускались после первого специального класса прапорщиками в линейные батальоны, а достигшие 19 лет и неспособные к дальнейшей учебе после четвертого общего класса — во внутреннюю стражу. Выпускники, неспособные по состоянию здоровья к военной службе, направлялись на гражданскую службу с чинами X, XII или XIV класса в зависимости от полученных баллов.

В середине 50-х гг. накануне милютинской военной реформы был проведен ряд изменений в правилах приема и выпуска из корпусов. В 1857 г.

двухгодичные специальные классы открыты во всех кадетских корпусах, и они стали выпускать воспитанников прямо на службу, а лучших — переводить в третий класс Константиновского кадетского корпуса (бывший Дворянский полк). Было установлено, что во все кадетские корпуса (кроме Константиновского, Финляндского, Александринского Сиротского, Оренбургского и Сибирского) принимаются на казенное содержание дети 10–12 лет, а своекоштные — 10–14 лет; дворяне 14–17 лет могли поступать по экзамену сразу в соответствующий возрасту класс. Все дворяне со средним и высшим образованием, а недворяне с высшим образованием могли теперь поступать экстернами (с правом проживания дома) в специальные классы кадетских корпусов. Действительная служба им засчитывалась с 16-летнего возраста, а права по выпуску они имели равные с кадетами. При этом все лица с высшим образованием должны были окончить только один третий специальный класс при Константиновском кадетском корпусе. С 1858 г. выпуск из корпусов стал практиковаться постоянно в июне.¹¹

Александровский Брестский корпус (переведенный в 1854 г. в Москву, а в 1860 г. в Вильно) стал называться Александровским, а Александровский малолетний корпус в Царском Селе в 1857 г. упразднен (родителям их воспитанников вместо этого выдавалось по 300 руб. в год на воспитание детей). В 1857 г. вместо Неранжированного корпуса в Киеве 30 августа открыт Владимирский Киевский кадетский корпус. С 1861 г. вместо третьего специального класса выпускники направлялись прямо в артиллерийские и инженерные училища. Таким образом, артиллерийские и инженерные отделения третьих классов слились с соответствующими училищами.¹²

В продолжение царствования Николая I Пажеский корпус и кадетские корпуса, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и Дворянский полк подготовили для военной службы около 17 тысяч офицеров.

В 1731–1806 гг. основным центром по подготовке артиллеристов и военных инженеров был 2-й Кадетский корпус, подготовивший 940 артиллеристов и 120 военных инженеров, что составляло в общей сложности 69,2% от общего числа всех артиллеристов и инженеров, выпущенных 1-м Кадетским корпусом, Дворянским полком, Пажеским и Московским корпусами. Преобладающая роль 2-го Кадетского корпуса в подготовке артиллерийских и инженерных офицеров сохранилась и в период с 1807 по 1833 гг. С 1834 по 1862 гг. основную роль в подготовке артиллерийских военных инженеров выполняет Дворянский полк, являвшийся до 1832 г. филиалом 2-го Кадетского корпуса и превратившийся с 1833 г.

часть I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

в самостоятельное военно-учебное заведение, и Московский кадетский корпус. За этот период из стен Дворянского полка вышло 1239 артиллеристов и 189 военных инженеров. В Московском кадетском корпусе были подготовлены: 431 артиллерист и 74 инженера, во 2-м Кадетском корпусе: 368 артиллеристов и 74 инженера. Таким образом, всего за 131 год с 1731 по 1862 гг. основной вклад в подготовку артиллерийских и инженерных кадров русской армии внес 2-й Кадетский корпус, в котором эти специалисты составили 54 % от всех выпускников корпуса за данный период.¹³

СТАТИСТИЧЕСКИЕ

ДАННЫЕ

*Численность воспитанников
кадетских корпусов
к концу царствования
Александра I¹⁴*

НАЗВАНИЕ	Число воспитанников	Число воспитателей	Число учителей	Сумма на содержание
Пажеский корпус	170	9	25	218,580
1-й Кадетский корпус	1000	27	63	622,230
2-й Кадетский корпус	700	29	56	461,830
Императорский Военно-сиротский дом	500	14	41	270,150
Московский кадетский Корпус	500	14	38	293,450
Дворянский полк с кавалерийским эскадроном	2236	36	17	546,900

*Численность кадетских корпусов
к концу царствования Николая I
(по данным на 1854 г.)*

НАЗВАНИЕ	Число воспитанников	Число воспитателей и учителей	Сумма на содержание
Пажеский корпус	156	64	100,384
Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров	226	51	132,867
Дворянский полк	758	165	334,301
1-й Кадетский корпус	587	120	214,938
2-й Кадетский корпус	595	123	178,669
Павловский кадетский Корпус	483	120	184,478
Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус	402	41	96,173
Александровский кадетский корпус (для малолетних)	357	47	96,842
1-й Московский кадетский корпус с малолетним отделением	629	106	201,837
2-й Московский кадетский Корпус	380	67	155,864

3. Столичные и провинциальные кадетские корпуса

Как уже говорилось, процесс складывания системы военно-учебных заведений начинается в начале XIX в. и завершается в 30-е гг. XIX века, в николаевскую эпоху. По мнению С.В. Волкова, военно-учебные заведения, связанные с подготовкой офицеров, можно разделить на три группы: 1) непосредственно готовящие офицеров (выпускающие своих воспитанников офицерами или с правами на офицерский чин); 2) гото-

часть
I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

вающие для поступления в заведения первой группы; 3) занимающиеся повышением квалификации и переподготовкой лиц, уже имеющих офицерские чины. До 60-х гг. XIX в. учебные заведения двух первых групп представляли собой единое целое в лице кадетских корпусов, и лишь затем функциональное различие между тремя типами учебных заведений было твердо установлено.¹⁵

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ И КОНЦЕ XVIII в.

Во второй половине XVIII-го века в России существовало три военно-учебных заведения по подготовке офицеров. Это — Сухопутный Шляхетный корпус, Артиллерийский и Инженерный Шляхетный корпус и Морской Шляхетный корпус. При Екатерине II, уже в 1762 г., штат Сухопутного Шляхетного корпуса был увеличен до 600 человек. Право на поступление предоставлялось детям штаб-офицеров, причем преимущественным правом среди них пользовались дети неимущих, раненых и убитых на войне. Родители давали подписку в том, что не будут забирать детей даже во временные отпуска.¹⁶ С 1766 г. деление на роты было отменено и введено деление по возрастам. Всего их выделялось пять. За воспитанниками первого возраста надзор поручался боннам, остальные подчинялись воспитателям-мужчинам из числа офицеров и гражданских чиновников. Лучшие воспитанники получали при выпуске чин поручика, остальные — прапорщика или корнета. Худшие могли быть выпущены лишь в чине унтер-офицера. Кроме того, был установлен особый порядок для прохождения службы лицами, исключенными из корпуса за неуспеваемость.

Все ученики Инженерной и Артиллерийской школ считались нижними чинами армии и при поступлении в школу приводились к присяге. Они получали от 12 до 36 рублей жалованья и первое время жили на частных квартирах. По окончании курса выпускники поступали унтер-офицерами в соответствующий род войск и, по представлению своего начальства, производились в офицеры, малоуспешные ученики выпускались рядовыми. В 1756 г. генерал-фельдцейхмейстер, главноначальствующий над инженерным корпусом граф П.И. Шувалов объединил Инженерную и Артиллерийскую школы в одно учебное заведение под названием Артиллерийской и Инженерной дворянской школы (обучавшиеся в Артиллерийской школе солдатские сыновья вместе с воспитанниками того же звания из Крепостной школы были переведены в обра-

зованную в 1759 г. Соединенную солдатскую школу, составившую особое отделение нового учебного заведения).⁴⁷

В 1762 г. Артиллерийская и Инженерная дворянская школа была преобразована в Артиллерийский и Инженерный Шляхетный кадетский корпус (с 1800 г. 2-й Кадетский корпус) со штатом в 146 кадет; в 1784 г. штат увеличен до 393 человек. На протяжении нескольких десятилетий почти весь состав артиллерийских и инженерных офицеров комплектовался из воспитанников этого корпуса. Его программа не дублировала программу других кадетских корпусов не только в области специальных военных дисциплин (что было естественным), но и в области преподавания дисциплин общеобразовательных.

Таким образом, в ХУШ в. подготовка офицеров сухопутных войск осуществлялась в двух учебных заведениях — общевоинском и инженерно-артиллерийском. За это время Сухопутный кадетский корпус выпустили 3300 офицеров, а Артиллерийский и Инженерный Шляхетный кадетский корпус — 1600. 10 марта 1800 г. Сухопутный корпус переименовывается в 1-й Кадетский корпус, а Артиллерийский и Инженерный — во 2-й Кадетский. Греческая гимназия, существовавшая в 1775–1796 гг., выпустила 190 офицеров (в том числе 100 для флота).

Одним из лучших учебных заведений считался Морской корпус. Он занимал особое место среди военно-учебных заведений и требует специального исследования.⁴⁸ Морской корпус являлся не только средним учебным заведением, но и высшим (с 1867 г.). Подчинялся он не Главному штабу военно-учебных заведений, над которыми стоял Главный начальник всех сухопутных кадетских корпусов, а Морскому министерству и непосредственно морскому министру. Штат Морского шляхетского корпуса был разработан в 1752 г. и утвержден 15 декабря. В нем должно было обучаться 360 человек, в дальнейшем предназначенных «только в корабельную службу». Учащиеся были разделены на 3 класса: 1-й (старший) класс — 120 гардемарин, 2-й и 3-й классы — по 120 кадетов. Из трех учебных групп по 40 человек в каждой составлялись роты — соответственно гардемарин, кадетов 2-го и 3-го классов.

Из кадетов 2-го класса отбирали 30 наиболее способных для подготовки к службе в морской артиллерии. Было также предусмотрено специально готовить 30 геодезистов. Перевод из класса в класс был возможен только на освободившиеся вакансии, как и производство в офицерский чин наиболее подготовленных учеников-гардемарин.⁴⁹ Реформа организации учебного процесса в Морском корпусе продолжалась около 10 лет. В ее ходе был разработан «Регламент о Морском шляхетском кадетском корпусе» от 5 апреля 1756 г. с перечнем задач корпуса и изуча-

емых в нем наук. Среди наук — «арифметика, геометрия, тригонометрия как прямоугольная, так и сферическая, алгебра, механика, гидростатика, навигация, география, артиллерия, фортификация, рисование, генеалогия, история, политика, риторика, языки французский, английский и немецкий, праворечие русского языка, правописание, фехтование на рапирах и танцы и прочие шляхетские науки», всего 28 предметов. Их перечень показывает стремление дать широкий кругозор кадетам не только в морском деле, но и в гуманитарных науках. Все предметы были обязательны, и только иностранный язык можно было выбрать по собственному усмотрению. Тем, кто овладел одним языком, позволяли дополнительно изучать и второй.²⁰

В обязанности директора корпуса входили забота об обучении и воспитании учеников, об учебных пособиях, наблюдение за тем, чтобы в учебных классах «на стенах иметь картины, а именно: для эволюций — корабли и галеры, нарисованные в разных эволюционных учреждениях, а где обучаться навигации — там морские карты и планы разных портов и рейдов».²¹ Назначить директора корпуса предполагали из числа флагманов, то есть моряков, имевших адмиральское звание. Но фактически в течение восьми лет на эту должность никого не назначали, и вся реорганизация учебного заведения с бесчисленным множеством больших и мелких вопросов легла на плечи капитана 1-го ранга А.И. Нагаева — заместителя директора корпуса, с 1752 г. ставшего его директором.²² Кадры преподавателей, воспитателей и даже административный состав Морской шляхетный кадетский корпус готовил для себя сам.

Что касается качества преподавания, то на высоком уровне здесь обучали военно-морским и военным наукам. Основательно изучались математика, без которой невозможно было изучение морских дисциплин, астрономия, артиллерия, морская практика, навигация.²³ Морской корпус комплектовался кадетами морской роты Александровского малолетнего кадетского корпуса и кандидатами «со стороны». Принимались в корпус только: 1) дети флотских офицеров; 2) дворяне, внесенные в 4, 5 и 6-ю части родословных книг (т.е. иностранного происхождения, титулованные и могущие доказать принадлежность своего рода к дворянству до 1685 г.); 3) дворяне великого княжества Финляндского и трех прибалтийских губерний, имеющие не менее чем 100-летнее дворянство; 4) дворяне царства Польского; 5) дети особ первых 4 классов.

Уже через десять лет существования Морского корпуса стала очевидна необходимость изменения учебного и воспитательного процесса. В сентябре 1762 г. директором был назначен молодой и деятельный капитан 2-го ранга И.Л. Голенищев-Кутузов, пробывший на этом посту 40 лет до

1802 г. Опытный моряк и мореплаватель в прошлом, он окончил Морскую академию и уже преподавал в корпусе, был человеком начитанным, любившим русскую литературу, в совершенстве знавшим немецкий и французский языки, общавшимся с писателями и художниками. Свою деятельность новый директор начал с улучшения бытовых условий учащихся и их обучения, укрепления дисциплины. Ему удалось добиться и увеличения денежных ассигнований на корпус, что в значительной мере способствовало решению множества вопросов повседневной жизни кадетов. В структуре корпуса произошли изменения: число обучающихся артиллерии было увеличено до 60 человек.²⁴

На время директорства И.Л. Голенищева-Кутузова пришелся важный период в морском военном образовании России. В последние десятилетия XVIII в. были возрождены флотские традиции начала столетия, флот стал важной ударной силой в решении внешнеполитических проблем страны. Это предопределило усиление внимания к Морскому корпусу, совершенствованию преподавания военно-морских дисциплин, которые заняли ведущее место. К 1790-м гг. численность кадетов возросла до 1 тысячи человек. Пропорционально увеличилась и численность преподавателей, ротных офицеров и унтер-офицеров. В 1783 г. в учебном плане к прежним предметам добавились итальянский и шведский языки, кадеты получили возможность выбирать из 5 иностранных языков. Латынь учили в обязательном порядке.²⁵

4 мая 1771 г. в Петербурге на Васильевском острове вспыхнул большой пожар, бушевавший несколько суток. Сгорела значительная часть построек между 7-й и 21-й линиями, в том числе и здания корпуса. Кадетов вывели в Галерную гавань, в западную часть Васильевского острова, в то время заросшую лесом. Здесь был развернут летний лагерь. А через неделю было принято решение о переводе Морского корпуса в Кронштадт, в здание Итальянского дворца (сейчас здание Кронштадтского дома офицеров флота) и прилегающие к нему постройки.

Возведенный в начале XVIII столетия всесильным Меншиковым, дворец находился в запущенном состоянии, так как долгие годы в нем помещалась таможня и другие административные учреждения. Кадеты переехали в Кронштадт 12 августа, а уже 1 ноября начались занятия. Морской корпус оставался в Кронштадте целую четверть века, так как средства на восстановление дома на Васильевском острове отсутствовали.²⁶ Только 8 декабря 1796 г. состоялось решение о возвращении корпуса в Петербург на Васильевский остров, где к основному зданию было куплено еще несколько расположенных рядом домов. С 1753 по 1802 гг. Морской Шляхетный кадетский корпус выпустил 3036 офицеров для

военно-морского флота и армии. 1802 г. стал годом перемен. Корпус получил новое имя, потеряв указание на «шляхетский» характер учебного заведения. Теперь он назывался Морской кадетский корпус.

Сухопутный, Морской и Артиллерийский и инженерный шляхетные кадетские корпуса не были единственными военно-учебными заведениями, действовавшими в России во второй половине XVIII в. В конце XVIII в. появились еще два военно-учебных заведения, готовившие офицеров: императорский Военно-сиротский дом и Шкловское благородное училище. Сиротский дом образован в 1795 г. из двух школ, созданных для сирот и сыновей инвалидов-военнослужащих в Гатчине и на Каменном острове Павлом I незадолго до его воцарения; в 1798 г. это заведение, переведенное к тому времени в Петербург, преобразовано в Императорский Военно-сиротский дом, первое отделение которого предназначалось для 200 сыновей неимущих дворян и офицеров, преимущественно сирот. Воспитанники назывались кадетами и обучались Закону Божьему, русскому и немецкому языкам, арифметике, геометрии, артиллерии, фортификации, тактике, истории, географии и рисованию; они выпускались в армию юнкерами и портупей-прапорщиками, а отличников производили в офицеры сразу при выпуске. Второе отделение предназначалось для 800 солдатских сыновей, обучавшихся ремеслам. 24 января 1778 г. на собственные средства фаворитом Екатерины II С.Г. Зоричем сначала как частное благотворительное заведение был открыт шляхетский корпус в Шклове (Шкловское благородное училище, с 1799 г. Кадетский корпус). Училище предназначалось преимущественно для сыновей бедных дворян и было рассчитано на 250 человек. Выпускники получали места на военной и гражданской службе, а с 1785 г. многие из них производились в офицеры прямо при выпуске. После воцарения Павла I училище переведено в казенное ведомство, а в ноябре 1799 г. названо кадетским корпусом, который вскоре был переведен в г. Гродно. До 1801 г. это учебное заведение выпустило 470 офицеров.

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

С начала XIX в. система военно-учебных заведений постоянно расширялась. Можно выделить два основных периода ее развития — до милютинских реформ 60-х гг. и после них, когда произошло принципиальное разделение военно-учебных заведений на подготовительные (дающие общее среднее образование) и собственно военно-специаль-

ные, непосредственно выпускающие офицеров. До этого кадетские корпуса, принимая воспитанников в раннем возрасте, выпускали их уже офицерами. В первой половине XIX в. офицеров выпускали кадетские корпуса, Военно-сиротский дом, Пажеский корпус, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, Дворянский полк, юнкерские школы, некоторые общегражданские учебные заведения и специальные военные училища (артиллерийское, инженерное, топографическое, юридическое.) В первом десятилетии XIX в. в связи с наполеоновскими войнами произошло почти двойное увеличение числа подразделений русской армии, что потребовало соответствующего пополнения армии офицерами.

В монографии С.В. Волкова «Русский офицерский корпус» приводятся следующие данные по численности, составу и штатам военно-учебных заведений этого времени. На данный момент эти данные являются наиболее полными, и далее мы будем опираться на них в нашем исследовании. Итак, по положению 1817 г. штат 1-го Кадетского корпуса был рассчитан на 800 учеников (плюс 200 учеников малолетнего отделения), 2-го — на 700, Военно-сиротского дома — на 500. Такие штаты сохранились к 1825 г. В это время остальные учебные заведения, подведомственные Главному управлению военно-учебных заведений, имели следующие штаты: Пажеский корпус — 170 кадетов, Московский кадетский корпус — 2700, Дворянский полк — 2236, Тульское училище — 86 и тамбовское — 80. Всего 5272 человека. В 1725 г. учебные заведения Главного управления военно-учебных заведений выпустили 415 человек, в том числе в гвардию — 11, армию — 299, артиллерию — 72, в инженерные войска — 30 и во внутреннюю стражу — 3. За 1801–1825 гг. Пажеский корпус, 1-й и 2-й Кадетские корпуса выпустили в общей сложности 4845 офицеров, Военно-сиротский дом — 721.

Императорский Военно-сиротский дом, учебный план и программы которого с 1817 г. не отличались от плана и программ 1-го кадетского корпуса, в 1829 г. преобразован в Павловский Кадетский корпус. С 1830 г. он, 1-й и 2-й Кадетские корпуса состояли из 4 строевых и 1 нестроевой (для детей 10–12 лет) роты по 120 человек (в Павловском — по 100); Московский кадетский корпус с 1828 г. также состоял из 4 строевых и 1 нестроевой роты (по 110 кадетов в каждой) и малолетнего отделения на 100 человек (для детей до 10 лет).²⁷

Дворянский полк. В связи с почти двойным увеличением армии в ходе наполеоновских войн и ростом потребности в подготовленных офицерах Высочайшим рескриптом 14 марта 1807 г. установлено, что дворяне, до-

стигшие 16 лет, вместо определения прямо в войска должны являться в Петербургские кадетские корпуса для ознакомления с порядком службы и подготовки к офицерскому званию. Туда же было разрешено принимать студентов и других выпускников гражданских учебных заведений. Эту миссию принял на себя 2-й Кадетский корпус, при котором был сформирован «Волонтерский корпус», наименованный в следующем году Дворянским полком (из 2 батальонов); уже в 1808 г. он выпустил 276 офицеров. В 1811 г. при нем сформировали Дворянский кавалерийский эскадрон на 110 человек. Первоначально в Дворянском полку обучали 600 человек, в 1813 г. — 1700, в 1815 г. — 2400, а по штату 1816 г. — полагалось иметь 2000 человек плюс 236 человек в кавалерийском эскадроне. Они получали в основном только военную подготовку и ускоренными выпусками направлялись в войска с офицерским чином.

В 1826 г. кавалерийский эскадрон в Дворянском полку был упразднен, а с 1832 г. там полагалось иметь 2 батальона по 500 человек. С 1833 г. выпуски офицеров из провинциальных кадетских корпусов не производились, а их воспитанников для окончания курса переводили в дворянский полк. До 1851 г. в него принимали также детей 13–15 лет «со стороны» по конкурсному экзамену. Третьи специальные классы были открыты в Дворянском полку на два года раньше, чем в столичных кадетских корпусах — уже в 1852 г. 17 апреля 1855 г. Дворянский полк преобразован в Константиновский кадетский корпус, который с 1857 г. переведен в Петербург, а в 1859 г. первым из всех корпусов преобразован в Константиновское военное училище. За первые 25 лет своего существования Дворянский полк подготовил 9070 офицеров.²⁸

В 30-е — 40-е гг. XIX в. происходит дальнейшее расширение кадетских корпусов. В 1830 г. открыт Александровский корпус для малолетних детей в Царском Селе для подготовки их к поступлению в кадетские корпуса, в связи с чем малолетнее отделение при 1-м Кадетском корпусе было упразднено. С 1832 г. штат Александровского корпуса составляли 400 учеников в возрасте 7–10 лет, разделенных на 4 роты (в т. ч. морская), а срок обучения был рассчитан на 5 лет (с 1836 г. — 3 года). В том же году в кадетские корпуса были преобразованы Тульское и Тамбовское военные училища (в 1844 и 1846 гг. с открытием кадетских корпусов в Орле и Воронеже первые два были преобразованы в неранжированные, т. е. в малолетние роты этих корпусов). Новое положение 1830 г. о Финляндском кадетском корпусе определяло его штат в 90 учеников. Туда принимались по экзамену дети 12–17 лет, а курс обучения был рассчитан на 6 лет (в 1845 г. штат увеличен до

105 казеннокоштных и 15 своекоштных кадетов, а курс обучения продлен до 7 лет).

Все кадетские корпуса делились на две группы. Корпуса первой группы — 1-й и 2-й Кадетские, 1-й и 2-й Московские, Финляндский, Павловский, Александринский Сиротский, Новгородский графа Аракчеева, Орловский Бахтина, Михайловский Воронежский, Полоцкий, Петровский Полтавский, Александровский Брестский, Оренбургский Неплюевский и Сибирский (как и Пажеский корпус, Дворянский полк, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) — непосредственно готовили офицеров, а корпуса второй группы, имевшие пятилетний общий курс, — Александровский малолетний, Тульский Александровский, Тамбовский, Владимирский Киевский и малолетнее отделение при 1-м Московском кадетском корпусе — переводили воспитанников в корпуса первого класса. В кадетские корпуса принимались только дети офицеров и дворяне (в Оренбургский и Сибирский корпуса — также выходцы из других сословий; в Финляндский — только уроженцы великого княжества Финляндского). За каждым корпусом были закреплены определенные губернии. Все корпуса за 1825 — 1856 гг. дали 17653 офицера, причем в 1825 — 1850 гг. на военную службу было выпущено 14415 человек офицерами и 1517 нижними чинами и на гражданскую службу — 963 человека классными чинами и 302 неклассными.²⁹

На пожертвования дворянских губернских обществ и частных лиц (графа Аракчеева, полковника Бахтина и других) был открыт целый ряд новых кадетских корпусов. В 1834 г. был сформирован Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус из 4 рот по 100 человек в каждой и позднее — еще три корпуса с таким же штатом: в 1835 г. — Полоцкий, в 1840 г. — Петровский Полтавский и в 1842 г. — Александровский Брестский. В 1843 г. был открыт Орловский Бахтина кадетский корпус (на 300 казеннокоштных воспитанников), а в 1845 г. такой же Михайловский Воронежский корпус. В 1849 г. открыт 2-й Московский кадетский корпус (4 роты), а вслед за этим имевшийся в Москве Александринский Сиротский институт был преобразован в Александринский Сиротский кадетский корпус на 400 офицерских детей-сирот. Наконец, 1 января 1852 г. открылся Неранжированный Владимирский Киевский корпус (из 2 рот по 100 человек) для малолетних воспитанников.³⁰

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ:

ПАЖЕСКИЙ КОРПУС.

ШКОЛА ГВАРДЕЙСКИХ ПОДПРАПОРЩИКОВ

И КАВАЛЕРИЙСКИХ ЮНКЕРОВ

Как уже говорилось, особое место в системе кадетских корпусов занимал Пажеский корпус. 14 октября 1802 г. шеф Пажеского корпуса граф Николай Петрович Шереметев получил письмо от Александра I, в котором император писал:... «план преобразования Пажеского корпуса, сочиненный генералом Клингером, утвердил и сообразно тому поручил ему, по сношению с Вами, составить начертание обязанностей каждого чиновника сделать штаты и прочие распоряжения по исполнению сего плана... по представлению о бывшем директоре генерал-майоре Шапошникове за 38-летнюю его службу, повелел я произвести ему половинный оклад из кабинета»³¹.

При Пажеском корпусе в 1801–1802 гг. существовал пансион Бильтерлинга (Бильдерлинга), получавший на содержание от Пажеского корпуса 5 тыс. рублей в год³². Число пажей, проживающих в пансионе, с первоначальных 25 человек по личному указанию Александра I было увеличено до 35: «жене содержателя пансиона Бильтерлинга вместо состоящих в ее пансионе 25 пажей содержать 35». В 1810 г. штат Пажеского корпуса был рассчитан на 50 пажей и 16 камер-пажей. Корпус построен по образцу кадетских корпусов. Срок обучения составлял 7 лет (5 — общий курс и 2 — специальный). Изучались Закон Божий, русский язык и литература, немецкий и французский языки, математика, механика, физика, статика, история, география, статистика, политэкономия, дипломатия, а из военных наук — фортификация, атака и оборона крепостей, тактика, минное дело, артиллерия и военное судопроизводство.

В 1810 г. Пажеский корпус был переведен в здание бывшего Воронцовского дворца, где до 1801 г. располагался Капитул Мальтийского ордена, которому, как известно, покровительствовал Павел I и в царствование которого Орден получил это здание. Этот факт чисто внешней преемственности получил неожиданное развитие в системе воспитания пажей. Символика мальтийских рыцарей утвердилась в корпусе до последних дней его существования. Белый мальтийский крест стал официальным знаком Пажеского корпуса: такие кресты были изображены на корпусном знамени, они сохранились во внутренней отделке помещений,

а кроме того, нагрудный знак такой же формы получали выпускники, успешно закончившие это учебное заведение. В корпусе, помимо православной церкви, была в память о прежних владельцах здания сохранена и католическая (мальтийская) капелла — случай беспрецедентный для истории военно-учебных заведений России. Заветы мальтийских рыцарей, выбитые на стенах капеллы, сохраняли свое значение в Пажеском корпусе в качестве обязательных для пажей моральных и этических норм. Следование им способствовало развитию самосознания вновь принятых как членов закрытого и привилегированного сообщества.

По положению 1827 г. Пажеский корпус представлял собой в строевом отношении роту (134 пажа и 16 камер-пажей); по правилам 1829 г. назначение в пажи и зачисление их в Пажеский корпус проводилось по собственному избранию Его Величества. С 1832 г. право на поступление в корпус предоставлялось также детям лиц, имевших «генеральские» ранги (I-го — IV-го классов) на военной и гражданской службе, а с 1837 г. это право ограничено первыми тремя классами (не ниже генерал-лейтенанта и тайного советника). Выпускники Пажеского корпуса почти исключительно (до 90 % и более) направлялись в гвардию.³³

Разумеется, и в Пажеском корпусе не все предметы преподавались на одном уровне. Так, преподавание русского языка и словесности, истории, статистики и математики было поставлено особенно удачно, при этом учебным планом 1836 г. изучению языков уделялось более трети учебного времени. Языки (французский и немецкий) преподавались, как правило, носителями соответствующих языков для пажей всех шести классов в течение всего курса обучения. Особое внимание уделялось устной практике и переводам, в том числе художественной литературы (краткие курсы истории французской и немецкой литературы также читались воспитанникам). Еще ранее, с 1802 г., для пажей в качестве особого предмета было введено обучение деловой переписке не только на русском, но и на иностранных языках, изучаемых в корпусе.³⁴ Уровень знания языков, которые получал человек, прошедший столь фундаментальную школу, мог уступить лишь уровню, получаемому прожившим длительное время в стране изучаемого языка. Едва ли можно порицать корпус за то, что он не предоставлял такой возможности (тем более что немалое число его воспитанников могло себе позволить такое в частном порядке).

4. Организация учебного процесса. Постановка учебно-воспитательного дела. Деятельность Комитета о военно-учебных заведениях

С образованием в 1832 г. Штаба по управлению военно-учебными заведениями происходит усиление централизованного руководства военно-учебными заведениями, когда власть главного начальника военно-учебных заведений была приравнена к власти министра и таким образом все руководство было сосредоточено в одних руках.³⁵ При Штабе был создан учебный комитет под руководством Я.И. Ростовцева, которому были поручены разработка вопросов, относящихся к преподаванию общих и специальных предметов в кадетских корпусах, просмотр педагогических пособий и книг, рекомендуемых учителям.

Особое значение для понимания путей проведения педагогических идей в военно-учебные заведения имеет записка «Афоризмы о воспитании кадетов», присланная из Главного штаба в Комитет о военно-учебных заведениях на рассмотрение графу К.И. Опперману. Записка посвящена вопросам военного образования, его месту в общественной жизни. При этом подчеркивается, «что военный — прежде всего человек, со всеми присущими чертами человеческой природы. Поэтому его образование должно отвечать общим принципам образования. Жизнь офицера гораздо насыщеннее жизни другого индивидуума, он проводит жизнь в командовании другими людьми, в занятиях, и каждая минута в течение дня у него расписана... Его образование не должно отличаться от образования любого другого члена человеческого общества.³⁶ Большое место в «Записке...» занимают вопросы о наказаниях, дружбе, организации занятий, развлечениях, быте кадетов.³⁷

В 1826–1830-х гг., благодаря деятельности Комитета о военно-учебных заведениях были составлены уставы для каждого кадетского корпуса, установлены кандидатские списки для соблюдения очереди при поступлении в корпус и выработаны общие принципы аттестации кадетов за успехи и поведение. Была введена 100-балльная система, в которой 100 считалось баллом отличным, 90–99 — весьма хорошим, 70–89 — хорошим, 30–69 — посредственным, 1–29 — худым и 0 — безнадёжным баллом.³⁸

Для усиления контроля за преподаванием в каждом кадетском корпусе было предложено избрать наставников-наблюдателей, которые должны

были сличать программы учителей, ведущих одни и те же предметы, наблюдать за ходом преподавания и применяемой учителями методикой, проверять успехи воспитанников, присутствовать на экзаменах.

В 1834 г. была введена новая балльная система оценки знаний воспитанников. Успеваемость по этой системе была разделена на 6 степеней, каждой из которой придавалось определенное число баллов.

6-я степень соответствовала 12 баллам. Это была высшая оценка успеваемости, или «отлично — хороший успех». Такой балл выставлялся ученику, если он «обнаруживал весьма основательные знания всего пройденного, проявлял в ответах уверенность, четко и систематично развивал мысли, разрешал вопросы, опровергая все возражения, выражаясь при этом точно, связно и свободно».

5-й степени, или «весьма хорошему успеху», соответствовали баллы 11 и 10. Эти баллы выставлялись в тех случаях, когда кадет проявлял «основательные знания пройденного, отвечал определенно, разрешая важнейшие вопросы и опровергая возражения без затруднений, делая правильные выводы и выражаясь ясно и связно».

4-ю степень — баллы 9–8 — кадеты получали за хороший успех, когда выяснялось, что «пройденное они усвоили прочно, но мысль развивают не совсем определенно и точно, вопросы без помощи преподавателя разрешают иногда не свободно, при возражениях останавливаются, говорят не совсем плавно, повторяясь или изменяя содержание сказанного».

3-ю степень и баллы 7–6 кадеты получали за «удовлетворительный успех», достаточный для перевода в высший класс и выражающийся в знании и понимании пройденного, «но обнаруживающих при ответах некоторую неопределенность, однако довольно легко вспоминая пропущенное, но затрудняясь при возражениях и выражаясь недостаточно ясно».

2-я степень соответствовала баллам 5–4, или «посредственному успеху», при котором ученик «понимал многое неясно, сбивчиво, пропущенное вспоминал нелегко и с помощью учителя, смешивая разные понятия, отвечал с частыми ошибками или говорил заученное наизусть слово в слово».

1-й степени, или баллам 3–2, соответствовал «худой успех», при котором воспитанник «многого не знал или все темно и ошибочно понимал и, оставшись в классе в будущем году, не мог нормально проходить учебного курса».

Вне степеней находились баллы 1 — 0, которые получали кадеты за «безуспешность», выразившуюся в слабом знании и плохом понимании материала, требующих его перевода в низший класс». ⁵⁹ Данная система баллов оставалась все последующее время существования кадетских корпусов, несмотря на попытку Педагогического комитета Главного управления военно-учебных заведений заменить ее в 70-е гг. XIX в. шестибалльной.

В 1835 г. в классах были заведены красные и черные доски, на которых записывались имена лучших и худших учеников. В рекреационные залы были помещены мраморные доски с именами отлично окончивших учебное заведение воспитанников. В том же году были введены аттестационные тетради на воспитанников, в которые заносились все проступки и все успехи кадета в классе. При переводе воспитанника в другой кадетский корпус вместе с ним передавалась аттестационная тетрадь, поступавшая в руки нового ротного командира. Аттестационные тетради никогда не показывались воспитанникам, и о содержании записей они не знали.⁴⁰

Учебные планы и программы. Уже 17 мая 1826 г., т.е. всего через несколько дней после Высочайшего утверждения на заседании Комитета обсуждались «учебные планы и программы по общеобразовательным и специальным предметам для Пажеского корпуса, 1-го Кадетского корпуса, 2-го Кадетского корпуса, Императорского Военно-сиротского дома, Главного Инженерного училища, Артиллерийского училища», в которых указывались предметы, изучаемые в каждом из военно-учебных заведений с 1-го по последний класс, количество часов, отпущенных на них, учебные пособия по предметам (для Императорского Военно-сиротского дома).⁴¹ Программы предметов, рассмотренные на заседаниях Комитета о военно-учебных заведениях впоследствии были утверждены как общие для всех кадетских корпусов и оставались в основных чертах неизменными до 1863 г.

Еще в 1823 г. на заседаниях Комитета по разработке учебных пособий под председательством А.И. Маркевича были сформулированы «нормы» так называемого «среднего уровня знаний», нужных «хорошему офицеру»: «...поелику соответственно времени, употребляемого кадетами на изучение разных наук и словесности и на воинские и гимнастические упражнения, невозможно от них требовать, чтобы они во всех учебных предметах в корпусе преподаваемых, могли достигать до самых высших степеней познаний, до каких мест доведены все науки, и потому и положили, так как главная цель Пажеского и кадетских корпусов состоит в том, чтобы доставлять армии хороших артиллерийских, инженерных и прочих офицеров, то все книги, к наукам относящиеся, должны быть пространнее других. Математические книги, поелику они служат основанием высшим наукам, то такие должны быть довольно пространны, но лишь столько, сколько необходимо нужно для артиллерийских и инженерных офицеров, не вдаваясь в дальнейшие глубокие выкладки, нужные для астрономов или морских офицеров. Относительно до политической истории, то российская должна быть изложена пространнее

и подробнее других, равным образом география и статистика... Что же касается до языков, то российский преимущественно должен быть доводим до возможного совершенства... французский же и немецкий языки, поелику из опытов многих лет уже известно, что (кроме Пажеского) (по причине его особой элитарности — *Н.А.*) в кадетских корпусах невозможно довести до того, чтобы они могли свободно и правильно обшаться на сих языках, а тем не менее давать на оных какие-либо сочинения, но и назначить предметом их знаний в сих языках то, что они, читая французские и немецкие книги, могли совершенно их понимать и переводить на французский язык и имели бы такие познания в правилах сих языков, чтобы могли потом сами... усовершенствовать себя более в сих языках». ⁴²

Комитетом была составлена «Сравнительная таблица сведений о нынешнем устройстве учебной части в Пажеском корпусе, Главном Инженерном Училище, 1-м Кадетском корпусе, 2-м Кадетском корпусе, Императорском Военно-сиротском доме, Морском кадетском корпусе, Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров». ⁴³ Данные таблицы позволяют нам выявить сходства и различия в учебных пособиях в тех или иных учебных заведениях. Например, в Пажеском корпусе историю изучали по «тетрадам учителя Корша», в Инженерном училище — по «Краткому начертанию всемирной истории Кайданова», в Артиллерийском училище по — «Кратким запискам, составленным учителем истории Арсеньевым», в 1-м Кадетском корпусе — по «тетрадам учителя истории России Талызина». ⁴⁴

Столь же разнообразны были учебные пособия по российской словесности. Так, в Пажеском корпусе российскую словесность изучали по «Краткой российской грамматике», изданной Главным правлением училищ, «Сокращенной библиотеке Железникова», тетрадам учителя; в Инженерном училище — по «Краткой российской грамматике» и «Начальному основанию риторики и поэзии», по 1-й и 2-й частям сочинения Талызина; в Артиллерийском училище — по «Краткой российской грамматике», «Детской библиотеке Железникова» и «Начальному основанию риторики и поэзии» Талызина; во 2-м Кадетском корпусе — по «Азбуке», «Краткой российской истории», изданной для народных училищ, «Краткой российской грамматике», «Основам российской грамматики» сочинения Никольского; в Военно-сиротском доме — по «Азбуке», «Священной истории», «Краткой российской грамматике». ⁴⁵

Одним из авторов новых программ для военно-учебных заведений становится такой видный представитель российской словесности, как лицейский учитель А.С. Пушкина — Николай Федорович Кошанский. В август-

те 1826 г. он представил К.И. Опперману план по новому курсу словесности, состоящему из трех частей, из которых «две составляли риторику, а третья — пиитику.» Далее Н.Ф. Кошанский полагал, что «каждый урок будет состоять из 10 и более кратких, ясных и решительно верных положений или правил, кои должно применять к летам и способностям слушающих — изъяснять словесно, избегая, сколько можно, многословий и пустых школьных украшений». ⁴⁶

В связи с необходимостью составления новых программ для кадетских корпусов перед Комитетом о военно-учебных заведениях встала задача создания новых учебных пособий. Так, на одном из заседаний Комитета было принято решение о написании учебника по истории. ⁴⁷ Деятельное участие в этом проекте принимает Г.В. Жомини. В письме К.И. Опперману от 16 июня 1826 г. история названа «одним из главнейших вопросов военного образования». ⁴⁸

Жомини считал, что именно «хорошее изучение сей науки образует государственных людей»; «...худо преподаваемая история являет тысячу опасностей»; «...хорошим офицером может быть и не знаток истории, однако же очень редко может возвыситься тот, который не имеет в оной главных, по крайней мере, оснований»; «...если история есть наука царей и министров, то она должна также быть и наукою генералов, она может быть даже необходима для образования хороших судей и добродетельных граждан». ⁴⁹ В чем же, по мнению Жомини, состоит опасность от «худо преподаваемой истории»? «Ежели историю худо преподают, более еще ежели худо понимают и худо в нее вникают, то она преимущественно пред прочими науками может совратить с пути умы неопытные. Сего довольно, чтобы доказать важность как самой науки, так и необходимость дать ей хорошее направление». ⁵⁰

Далее Жомини давал конкретные указания, как должно быть построено пособие по всеобщей истории. Так, перевод всеобщей истории Ивана Миллера он предлагал ограничить «сообразно сей точки зрения, что не республиканское правление было причиною величия Рима; но нравы воинские и патриотические добродетели, совершенно не зависимые от образа правления». ⁵¹ Также Жомини полагал, что к всеобщей истории следовало «прибавить несколько особенных глав, для главнейших эпох военных...: именно борьба Аннибала и Пирра с Римом, походы Александра, походы Кесаря, крестовые походы, рассматриваемые политически и стратегически, Новейшие войны со времен Густава Адольфа составили бы 5 главнейших эпох: борьба Карла V и Франциска I; войны шведов в Германии; войны Людовика XIV и Петра. Век Фридриха был бы четвертой. Последние войны могли бы составить пятую эпоху. В особой главе

можно было бы разобрать причины первенства англичан на морях или историю соперничества Англии, Франции, Испании и Голландии». ⁵²

В качестве авторов будущего учебника Жомини предлагал определить «...кого-либо из отличных офицеров на составление сих прибавлений», а на «профессора Арсеньева возложить труд составить начальную основу». ⁵³ В заключение Жомини так обосновал необходимость создания этого труда: «ни один народ не имеет подобного сочинения и оно равно бы славно было для России, как и бесценно для образования молодых офицеров». ⁵⁴

В январе 1829 г. на заседании Комитета о военно-учебных заведениях рассматривался вопрос «о потребном для военно-учебных заведений экземпляров учебных книг для преподавания Закона Божия». ⁵⁵ Было решено определить следующее количество экземпляров:

НАЗВАНИЕ ВОЕННО-УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ	Краткой Священной истории и краткого катехизиса	Пространного катехизиса
Пажеский корпус	120	75
1-й Кадетский корпус	600	250
2-й Кадетский корпус	200	500
Дворянский полк	300	600
Павловский кадетский корпус	350	250
Московский кадетский корпус	600	500
Императорский Царскосельский Лицей	20	20
Главное инженерное училище	20	20
Артиллерийское училище	20	20
Морской кадетский корпус	400	20056

5 сентября 1829 г. на заседании Комитета по военно-учебным заведениям обсуждалось сочинение ординарного профессора математики Дерптского университета Бартельса «Mathematische Vorlesungen uber höhere Analysis» («Высшая аналитика и употребление оной»). ⁵⁷ Автор предполагал, что данное сочинение будет выходить в свет тетрадями, каждая

из которых будет содержать 10, а с гравировками 9 листов и каждый составит по себе отдельные сочинения». ⁵⁸ Бартельс надеялся «издавать ежегодно, по крайней мере, 4 таковых тетрадей, содержа в себе полный курс всей аналитики и употребление оной в отношении к геометрии, механике и физической астрономии». ⁵⁹

Карл Иванович Опперман обратился к профессору математических наук Чижев с просьбой дать заключение о том, «полезно ли будет сие сочинение для военно-учебных заведений». ⁶⁰ Профессор Чижев, хотя и отметил, что это сочинение не может быть «принято непосредственно в руководство для преподавания в упомянутых здесь заведениях, но... может быть весьма полезно для чтения как самих преподающих, так и тех учащихся или окончивших сие учение, кои имеют особую склонность к наукам сего рода... и потому я считаю за нужное иметь в каждой библиотеке военно-учебных заведений по крайней мере по одному экземпляру оного и тем содействовать как пользе самой науки, так и поощрению в совершении великих трудов». ⁶¹

20 октября 1830 г. на рассмотрение Комитета пришла рукопись книги священника Инженерного замка Алексея Малова «Письма к воинам». ⁶² Сочинение носило верноподданнический характер, и как заявил автор в обращении к графу Опперману, «сочинение сие написано именно в том духе, каковой предполагается вести при воспитании кадетов». ⁶³ Здесь имеется в виду положение «Устава о военно-учебных заведениях», по которому воспитаннику военно-учебного заведения «предназначено читать такие книги, которые бы вкореняли в воспитанниках правила чистой нравственности и беспредельную преданность Богу, Государю и Отечеству» ⁶⁴, т.е. положения, которые впоследствии станут органической частью «теории официальной народности».

К. И. Опперман выразил одобрение рукописи и отметил, что «автор в виде писем от отца к детям поместил все, что может быть полезно для воинов... правила в ней чистые, слог легкий и вразумительный, и все истины изложены так, что после краткой теории на все приведено много примеров из военной и вообще отечественной истории почерпнутых; и читатели сей книги доводятся до всего доброго неотяготительным умозрением, но более примерами и образцами, достойными подражания... книга сия соответствует всему тому, что о ней выше сказано, а потому и будет она полезна для чтения или извлечения примеров готовящимся в военно-учебных заведениях вступить в военную службу, как и вообще для военнослужащих». ⁶⁵

Комитетом о военно-учебных заведениях были подготовлены правила «подготовки и проведения экзаменов и оценки успеваемости воспитанни-

ков», по которым устанавливалось, что при «ежегодном испытании господ кадет присутствует директор корпуса, инспектор классов, господа штаб-офицеры и те из господ профессоров и учителей, кои по надобности быть бывают».⁶⁶

В ходе работы Комитета были установлены полные баллы для каждого предмета.

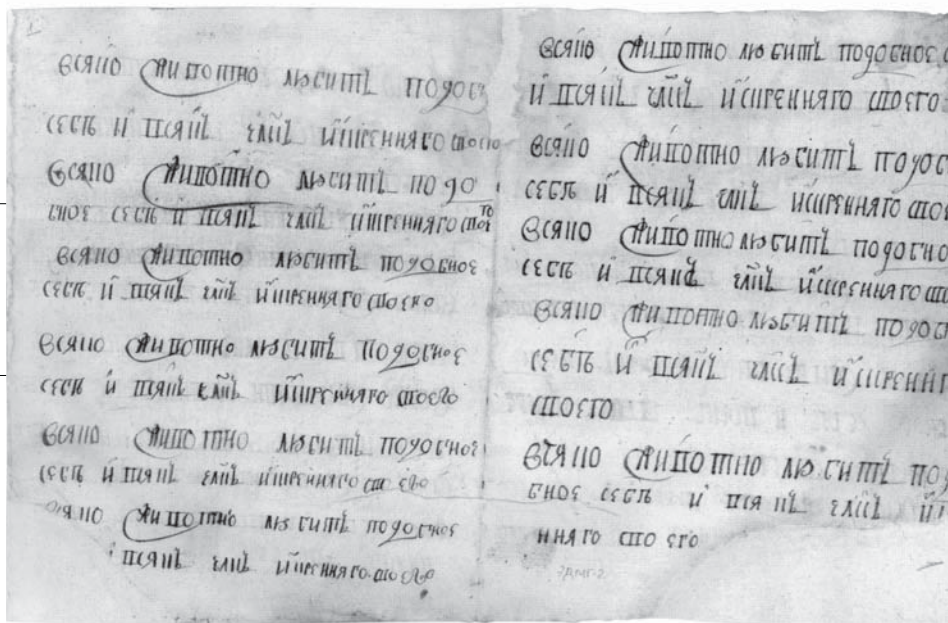
1. Закон Божий и Священная история — 100
2. Арифметика — 40
3. Алгебра — 80
4. Геометрия — 80
5. Тригонометрия — 30
6. Дифференциальные и интегральные исчисления — 80
7. Конические сечения — 60
8. Практические исчисления — 20
9. Фортификация полевая — 40
10. Фортификация долговременная — 85
11. Фортификация иррегулярная — 45
12. Атака и оборона крепостей — 45
13. Минерное искусство — 45
14. Артиллерия — 80
15. Физика и химия — 40
16. Статика и динамика — 80
17. Тактика и стратегия — 60
18. Изучение планов — 50
19. Рисование — 30
20. Язык российский — 100
21. Язык немецкий — 100
22. Язык французский — 100
23. История — 80
24. География — 60
25. Статистика — 60
26. Военно-судная часть и производство военно-письменных дел — 60
27. Чистописание российское — 15
28. Чистописание немецкое — 15
29. Чистописание французское — 15
30. Фехтование — 15
31. Верховая езда — 15.⁶⁷

Уже говорилось, что в 1834 г. была введена 12-балльная система оценки знаний. См. об этом в рубрике данной главы: постановка учебно-воспитательного дела.

В конце 20-х гг. в России не было учебного заведения, в котором могли бы совершенствоваться офицеры. Впервые с идеей создания офицерских классов выступил И.Ф. Крузенштерн в рапорте от 1 июля 1826 г., бывший в то время инспектором классов в Морском корпусе.

Вскоре И.Ф. Крузенштерн разработал «Программу учения в офицерских классах». С офицерами предлагалось в течение «первого года в «нижнем»

Учебные
упражнения

классе изучать по 6 часов в неделю дифференциальные и интегральные исчисления, а также астрономию. По 4 часа в неделю отводилось на аналитическую геометрию, теорию корабля и сочинение чертежей, физику и химию, историю и физическую географию, российскую словесность. На теорию артиллерии и черчение артиллерийских планов предусматривалось по 2 часа. В «верхнем» офицерском классе планировалось преподавание по 8 часов в неделю механики и астрономии, 6 часов отводилось на теорию кораблестроения и сочинение чертежей, по 4 часа — на физику, химию и начертательную геометрию и по 2 часа в неделю на теорию артиллерии, фортификацию и российскую словесность. Предложения И.Ф. Крузенштерна были утверждены 28 января 1827 г., и дата стала основанием в России офицерского класса.⁶⁸

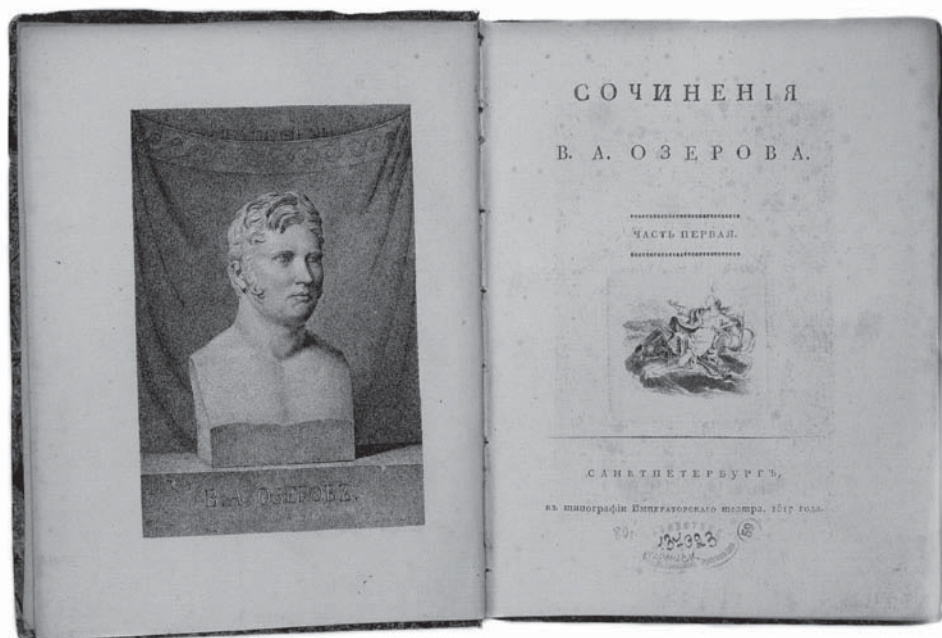
В 1834 г. в программу кадетских корпусов был внесен еще один предмет — законоведение. Так, на имя директора Пажеского корпуса Н. П. Игнатьева поступило распоряжение от главного директора и всех сухопутных

глава

2

Кадетские корпуса
в системе российского образования

кадетских корпусов и Дворянского полка И.О. Сухозанета «заблагорассудить изволить присовокупить к предметам, в Пажеском корпусе преподаваемым, чтение государственного права, для дворянства русского столь необходимого». ⁶⁹ В курсе законовещения кадеты изучали государственные законы. Статистика рассматривала государство с точки зрения составных ее элементов: верховной власти, народа и террито-

*Сочинения
В.А. Озерова*

рии. ⁷⁰ В 1836 г. был утвержден следующий план для кадетских корпусов. Из него следует, что значительное время (24 часа — на немецкий и французский языки, 25 часов — на русский язык) отводилось на языки, обучение которым было с первого по последний класс. На первом месте стояла математика — 31 час.

С 1848 г. в учебный план были внесены существенные изменения.

Самостоятельными предметами были выделены физика, химия, механика, математическая и физическая география. На наш взгляд, особенно интересными представляются программы курса русской словесности и истории: «...кадеты изучали литературу от начала письменности до XIX в., познакомились с содержанием и языком «Русской Правды», летописей Нестора, «Поучением» Владимира Мономаха, «Словом о Полку Игореве», Печерским патериком, повестью Софрония, похвальным словом Дмитрию Донскому, описанием путешествий в чужие края. Далее они изучали историю книгопечатания, образцы новых грамматик

и словарей, творчество С. Полоцкого, Д. Ростовского, Г. Бужинского и Ф. Прокоповича. В третьем периоде русской словесности... юноши должны были знать творчество М.В. Ломоносова, его заслуги как преобразователя русского языка, его лирику, ознакомиться с сочинениями А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, И.М. Долгорукова, А. Капниста, Ю.И. Нелединского-Мелецкого, М.М. Хераскова, М.Ф. Богдановича, Я.Б. Княжнина, В.А. Озерова, Д.И. Фонвизина, исторических писателей М.М. Щербатова, И. Болтина, И. Голикова... В четвертом периоде давалось обозрение деятельности Александра I и Николая I в распространении образования в России... Из писателей изучались: творчество Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, Ф.Н. Глинки, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Д.В. Давыдова, Е.А. Баратынского, А.И. Дельвига, И.И. Козлова, М.Н. Загоскина, А. Марлинского и Н.В. Гоголя... История распределялась в классах следующим образом: в 3-м общем классе — история древних азиатских и африканских народов, в 4-м классе — история Греции и Рима, в 5-м — история римских императоров, история средних веков до крестовых походов и русская история до Ивана III. В специальном отделении — новая история и русская история (до Петра I)». ⁷¹

ШТАТЫ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Главным действующим лицом корпуса и его полновластным «хозяином» был, несомненно, директор этого учебного заведения. Именно от его методов руководства зависела внутренняя жизнь корпуса. Еще в 1802 г. при учреждении Пажеского корпуса так определялись задачи директора: «а как директор должен подавать ревностно к подражанию пример своим подчиненным, то и надлежит ему неослабно смотреть, каким образом выполняют они свои должности, и не упускать из виду ни единой части». Были только два обстоятельства, при которых могла измениться однообразная корпусная жизнь (т.е. внутренний распорядок, быт и нравы): при восшествии на престол нового императора и при назначении нового директора. При всем контроле со стороны императора, главного начальника военно-учебных заведений, директор вправе был сам принимать решения о поощрениях и наказаниях. Известен случай, когда разгневанный проступком кн. А.И. Барятинского, будущего покорителя Кавказа, директор Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров барон К.Е. Шлиппенбах бросил ему в лицо: «Вы не князь, а грязь! Я не выпущу Вас в гвардию!» Слово свое Шлиппен-

бах сдержал, а Барятинскому не помогли никакие родственные связи. Часто единственное, что могло спасти ослушника, это заступничество самого Императора во время посещения им корпуса.

Иногда личность директора была настолько яркой, что о человеке нередко вспоминали спустя долгие годы. Такова личность Ф.Е. Ангальта. Ангальт, как и его любимый ученик и последователь, сменивший его впоследствии на этом посту, М.С. Перский, жил только ради корпуса, не имел собственной семьи и после смерти оставил только долги. Самым ценным из его имущества оказались письма Екатерины II, российские Ордена Апостола Андрея Первозванного и св. Александра Невского, 538 «книг разных» и долги на сумму 2565 рублей.⁷²

Для директоров имело место прохождение службы в разных военно-учебных заведениях. Например, командир Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров барон К.Е. Шлиппенбах был назначен директором I-го Кадетского корпуса вместо генерала П.П. Годеева.⁷³ В 1854 г. В.П. Желтухин, директор I-го Московского кадетского корпуса, был назначен директором Пажеского корпуса.⁷⁴ Подобные передвижения по службе производились, очевидно, для того, чтобы директор, а от него — и инспектор, мог лучше узнать будущий офицерский корпус. Правда, иногда происходили и курьезные случаи: так, директор Императорского Военно-сиротского дома (с 1829 г. — Павловского кадетского корпуса) Арсеньев был назначен директором Дома для умалишенных.

В конце XVIII — первой четверти XIX вв. штат преподавателей и в военных, и в гражданских учебных заведениях часто совпадал (преподаватели совмещали работу в нескольких местах из-за небольшого жалования). Это относилось и к профессорам. Например, по сведениям на 1812 г., по Пажескому корпусу большинство преподавателей работало в разных военно-учебных заведениях: «Учитель Василий Стуковский служит в Морском корпусе, откуда получает жалованье 400 рублей, учитель Козьма Горбунов служит в Морском корпусе, откуда получает жалованья 700 рублей. Профессор математики, коллежский асессор Матвей Резанов служит, кроме Пажеского корпуса, в Педагогическом институте, получая там жалованья по 600 р. в год, учитель Иван Горяинов служит в армейской семинарии, откуда получает жалованье 300 рублей».⁷⁵

При этом профессор, статский советник Крафт, имеющий смотрение за кабинетом натуральной истории из корпусной суммы получает 146 руб. 25 коп., учитель физики надворный советник Иван Вольмут, кроме Пажеского корпуса, служит в 1-м Кадетском корпусе, получая 450 р., и Горном корпусе 750 р. 9-го класса Матвей Талызин получает в год

сверх Пажеского корпуса 500 р., служит в 1-м Кадетском корпусе с получением в год 650 р.⁷⁶ Список чиновников 1-го Кадетского корпуса, получающих жалованье по разным местам их службы, с означением, из каких сумм.

Преподавателями в Пажеском, в Кадетском корпусах часто были известные представители российской словесности, например: лицейский учитель А.С. Пушкина Н.Ф. Кошанский, переводчик Ч. Диккенса и У. Теккерея И.И. Введенский, Н.И. Греч, А.А. Комаров, В.Т. Плаксин. В начале XIX в. в корпусах работали в основном лица, окончившие Петербургский Главный Педагогический Институт, Московский университет или кадетский корпус. Ещё в 20-е гг. среди учителей 1-го Кадетского корпуса были лица, окончившие в XVIII в. мещанское отделение этого же учебного заведения. Об уровне образования, социальном происхождении свидетельствуют формулярные списки учителей.⁷⁷

Данные формулярных списков позволяют нам сделать заключение и о том, что большинство преподавателей военно-учебных заведений были представителями непривилегированных сословий, т.е. разночинцами: «из мещан, кантонистов, солдатских детей, из духовного звания». Особую категорию составляли учителя-иностранцы. В основном это были обрусевшие немцы и французы, не один год прожившие в России и принявшие присягу на верность императору и новой родине. Учителя-иностранцы имели преимущество в жаловании перед русскими учителями. Так, если учитель немецкого языка за 15 учебных часов получал 900 рублей в год, то учитель русского языка за 18 часов — лишь 300 рублей.⁷⁸

Нередко учителя приходили на занятия бедно одетыми, в поношенном платье и сапогах. По воспоминаниям Н.В. Вохина, выпускника 2-го Кадетского корпуса, в начале XIX в. учителя были так бедны, что «дозволяли кадетам наполнять пустые учительские карманы кусками хлеба, мяса, каши и масла в бумажках». ⁷⁹ В 20–30-х гг. ситуация не изменилась. Известен случай, когда Николай I принял учителя русской словесности Иванова за бродягу, встретив его в одном сюртуке в декабре бегущим по набережной Невы. Впоследствии выяснилось, что он спешил на занятия в корпус, а по бедности не мог купить себе новой шинели. Получив от начальника Иванова лестную для бедного преподавателя характеристику, Николай велел вдвое увеличить Иванову жалование и назначить ему пенсию по выходе в отставку.⁸⁰

Подобная ситуация могла иметь место, поскольку учителя не пользовались привилегиями, которые получали чиновники за выслугу лет. Умирая, они часто оставляли свои семьи без всяких средств к существованию.

Так, учитель Пажеского корпуса Лельо, прослужив 33 года, «оставил жену с тремя малолетними детьми в самом бедственном положении, без всякого пропитания, и вдова обращается с просьбой «об определении её сына в Царскосельский благородный пансион и о назначении пособия».⁸¹ Статус учителей в корпусах оставался неопределённым до 1836 г., когда были изданы «Положения о службе по учебной части». Одним из преимуществ новых «Положений» было право учителей на пенсию, что приравнивало их к статусу государственного чиновника. По «Положениям» 1836 г. к числу преподавателей военно-учебных заведений должны были относиться:

- 1) инспекторы классов, их помощники, преподаватели наук, языков и искусств;
- 2) репетиторы наук и языков;
- 3) библиотекари, смотрители кабинетов и музеев;
- 4) помощники учителей: фехтования, гимнастики, танцев, верховой езды и плавания.

Отныне все эти лица считались состоящими на государственной службе.⁸² По новому «Положению» ближайшим начальником всех лиц, служащих по учебной части, избирался «начальством заведения из людей, известных своими правилами, имеющих основные сведения в науках и достаточную опытность в деле воспитания». Выделялось три группы преподавателей: «к 1-му принадлежат военные и гражданские чиновники, которые, состоя на службе (не учебной) при одном из военно-учебных заведений или в другом ведомстве, занимаются преподаванием учебных предметов только во время, свободное от настоящей не учебной своей должности; ко 2-му принадлежат преподаватели, коих учёная или учебная действительная служба считается при других ведомствах; и к 3-му — преподаватели, в военных и гражданских чинах состоящие, коих учебная действительная служба считается в ведомствах военно-учебных заведений... Учителя 3-го рода могут преподавать не только в нескольких военно-учебных заведениях, но и в других ведомствах, а также быть членами какого-либо Совета, Комитета и учёного общества, считаясь однако же в действительной службе при том единственном военно-учебном заведении, где послужной их список, где хранятся все документы об их происхождении, звании и правах, и откуда он представляется по выслуге лет и производстве в чины».

По «Положению» 1836 г. для желающих преподавать в корпусах должны были проводиться предварительные испытания. От испытаний освобождались преподаватели, имеющие звание профессора или адъюнкта в военно-учебном заведении, окончившие полный курс наук в одном из

русских университетов, Главном педагогическом институте, а также в лицеях, духовных академиях и семинариях и получившие соответствующий документ (аттестат). Конкурс в военно-учебное заведение состоял в том, что каждый из соискателей вакантных мест давал пробную лекцию в присутствии инспектора классов, одного или двух старших учителей того же предмета этого же военно-учебного заведения и профессора высшего учебного заведения.⁸³

Начиная с 40-х гг. и особенно в предреформенное время преподавателями в кадетских корпусах всё чаще становились лица с университетским образованием, которые, помимо общего повышения уровня образования, вносили в корпусную жизнь отзвуки общественно-политических проблем эпохи. Однако в целом уровень обучения в кадетских корпусах оставался неровным, и далеко не повсеместно успели сложиться собственная богатая традиция, сформироваться значительная библиотека и система специальных учебных кабинетов. При этом главными факторами всё-таки оставались личность и уровень квалификации самих преподавателей, выбор которых во многом зависел лично от директора. Так, с 1834 г., в бытность директором Дворянского полка Н.Н. Пущина (ранее воспитанника этого же учебного заведения), уровень образования здесь значительно вырос, о чём свидетельствуют в своих воспоминаниях бывшие воспитанники полка. В этом полку, как и в любом другом учебном заведении военного ведомства, учитель рассматривался учащимися как посредник «между казармой и миром», а потому они всегда предъявляли к нему особенно высокие требования. Прежде всего это относилось к учителям гуманитарных предметов. Из воспоминаний Д.А. Скалона воспитанника 1-го Кадетского корпуса узнаем, что на выпускных экзаменах 3-го специального класса были предложены достаточно серьезные темы: «По истории — «Борьба императора Генриха IV с папою Григорием VII; по законоведению — «Историческое развитие законодательной власти в России»; по военной истории — «Трехдневный бой под Красным»; по литературе — «Влияние Буало на литературу европейских народов».⁸⁴

И следует заметить, что, как это ни парадоксально, именно в эпоху «мрачного семилетия» (1848 — 1855 гг.) в кадетских корпусах оказывается целая плеяда талантливых и любимых воспитанниками преподавателей, что относилось не только к столичным (1-й Кадетский в Петербурге, 1-й Кадетский в Москве, Александринский сиротский в Москве, Дворянский полк), но и к провинциальным корпусам, в которых роль преподавателя как проводника «передовых идей» сквозь умственные плотины была особенно велика. Так, по воспоминаниям М.А. Домонтовича,

в Полтавско-Петровском кадетском корпусе именно благодаря учителю словесности выпускникам стало известно о жарких спорах западников и славянофилов. Не случайно в воспоминаниях бывших воспитанников именно деятельность преподавателей, как единственных проводников свободной мысли, оценивалась особенно высоко, гораздо выше, чем деятельность директора и служивших там офицеров.

Однако в провинциальных корпусах в роли учителей нередко выступали всё те же служащие в них офицеры. Их деятельность далеко не всегда оценивалась мемуаристами негативно. В частности, в воспоминаниях А.Ф. Петрушевского, П.П. Карцова, М.А. Домонтовича отмечается, что в подобных случаях учителя-офицеры «подтягивая нас, подтягивались сами». Но прежде всего для корпуса, как для столичного, так и для провинциального, была характерна всё же не фигура офицера-учителя, а офицера — ротного командира, офицера — воспитателя, дежурного офицера, которые, как правило, были гораздо менее популярны в среде воспитанников, так как именно этой категории должностных лиц выпадали тяжкие и неприятные обязанности распоряжаться о наказаниях воспитанников за совершенные ими провинности. Они ведали «нравственным, физическим и военным обучением», несли ответственность за поведение кадетов, назначали наказание за проступки и руководили всей повседневной жизнью в корпусе. С 1835 г. в кадетских корпусах были организованы воспитательные комитеты, обязанные курировать все перечисленные выше вопросы, а также ведать «умственным образованием» воспитанников. Председателями таких комитетов в корпусах становились их директора, а членами — инспекторы классов, батальонные командиры и полицмейстеры. Комитеты следили за выполнением приказов Штаба по военно-учебным заведениям, обсуждали способы исполнения их решений, составляли ежегодные отчёты, заслушивали ротных командиров и периодически обсуждали результаты успеваемости воспитанников.⁸⁵

Итак, в первой половине XIX в. происходят большие изменения по совершенствованию системы военного образования. Вместе с тем в постановке учебно-воспитательной работы содержалось серьезное противоречие: проводниками правительственной идеи в военно-учебных заведениях должны были выступать люди, которым сама идея была чужда в силу их социального происхождения. Таким образом, ставилась под сомнение главная задача существования кадетских корпусов: консолидация дворянского сословия. В 40-50-е гг. дворянская среда начинает постепенно «размываться», эти процессы находят отражение и в военно-учебных заведениях.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕРЫ: ПОощРЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Рассматривая учебно-воспитательный процесс в кадетских корпусах, нельзя не обратить внимание на дисциплинарные меры, характерные для того или иного кадетского корпуса и для всех военно-учебных заведений в целом. Не случайно тема «преступления и наказания» — одна из самых популярных в кадетских воспоминаниях. Причем наказания всегда превалировали над поощрениями. Между тем дисциплинарные меры как часть воспитательной работы всегда находились в центре внимания и правительства, и корпусного начальства, с 1826 г. — Комитета по военно-учебным заведениям, а с 1832 г. Главного штаба по управлению военно-учебным заведениям. Тема «наказания» занимает центральное место в записке «Афоризмы о воспитании кадетов».

До 30-х гг., по сути, не было четко оформленной педагогической программы в области воспитания. В конце XVIII в. в кадетских корпусах воспитание еще во многом проводилось согласно «Уставу...» И.И. Бецкого, по которому «благородное российское юношество», освобождалось от телесных наказаний (так, директор Шкловского благородного училища С.Г. Зорич не смог подвергнуть телесному наказанию кадетов, так как последние сочли эту меру ущемлением прав дворянства). С завершением века Просвещения изменилось и отношение к телесным наказаниям: розги и карцер начинают применяться повсеместно. Так, в Особом комитете при «Совете о военно-учебных заведениях», где обсуждались вопросы организации военно-учебных заведений, состояние дисциплины кадетов, по настоянию великого князя Константина Павловича и графа Аракчеева было принято решение о наказаниях в кадетских корпусах розгами, что должно было «истребить в поведении и нравах учащихся их порочные склонности, служа юношам предупреждением к необходимости хорошего поведения». Данное решение было утверждено Александром I как «совершенно справедливое». Даже в Пажеском корпусе, несмотря на обязанности директора смотреть, чтобы «обхождение с пажами было вежливое, непринужденное, благопристойное, и не только на деле, но и на словах», и при этом предполагалось, что при этом условии «поступки молодых людей будут свободны, откровенны и полны доверенности к их начальникам, что послужит доказательством хорошего и дворянству свойственного воспитания», дисциплина была не менее жесткой, чем в других военно-учебных заведениях. Директор военно-учебного заведения обязан был доносить «о всех чрезвычайных случаях» великому князю Константину Павловичу⁸⁶.

Жизнь воспитанников была полностью регламентирована. Их день начинался с барабанного боя и проходил под неусыпным контролем и наблюдением. Воспитанники не могли самостоятельно выходить из здания корпуса, их выпускали только в сопровождении служащих корпуса, родственников или за ними присылали лиц, находящихся в услужении у родителей. Иногда складывались совершенно нелепые ситуации: за кадетом выпускного класса присылали его младшую сестру. Эта мера вызывала открытое недовольство воспитанников и приводила к столкновениям с корпусным начальством. Обычно воспитанников отпускали «со двора» по большим церковным праздникам — на Рождество, Крещение, Пасху. Отпуска по воскресным дням были редки, чаще всего их получали воспитанники, имевшие родственников и знакомых в том городе, где находился корпус. При этом обязательным условием получения отпуска было примерное поведение.

На заседаниях воспитательных комитетов в кадетских корпусах и в учебном комитете Главного штаба военно-учебных заведений неоднократно обсуждался вопрос об утверждении баллов за поведение. В 1835 г. были утверждены единые для всех кадетских корпусов баллы за поведение, которые в 1842 г. пересматривались Особым комитетом под председательством Я.И. Ростовцева. Все баллы за поведение были разделены на пять разделов: баллы 1, 2, 3 соответствовали дурному поведению, баллы 4, 5, 6 — посредственному, баллы 7, 8, 9 — хорошему, баллы 10 и 11 — весьма хорошему, балл 12 — отличному. В «Правилах для назначения баллов воспитанникам военно-учебных заведений за поведение» даются критерии каждому разряду⁸⁷.

- 1) Поведение дурное. К этому разряду относились те воспитанники, «которые по испорченности и по наклонности к дурному неоднократно впадают в предосудительные поступки, не показывая при этом желаний загладить оные.» Такими поступками являлись: а) дерзость или невыполнение приказаний начальников или учителей, б) клевета, в) похищение чужой собственности, г) увлечение товарищей в безнравственные проступки, д) постоянно проявляемая в течение последних лет лень, ведущая к отставанию в классах на два года от сверстников. К попадавшим в этот разряд воспитанникам применялась или «крайняя мера» в зависимости от тяжести проступка (например, за воровство), или перевод, в случае исправления, в следующий разряд.
- 2) Поведение посредственное. «Сюда причисляются воспитанники, впадающие в дерзкие проступки не по закоренелой наклонности к дурному, а более по увлечению вредными примерами других, по неосновательности или испорченности характера, легкомыслию и малодушию, обна-

руживающие дурное домашнее воспитание, если, впрочем, при увещеваниях и взысканиях они показывают раскаяние и тем подают надежду на свое исправление.» К числу дурных поступков относились: а) грубое и дурное обращение с товарищами, б) ложь, обман, утайка чужих вещей, хотя бы самых незначительных, грубость, нескорое повиновение начальству и лень, в) злобность, мстительность, г) учинение запрещенных поступков.

- 3) Поведение хорошее. К данному разряду относили воспитанников, «доказывающих поступками своими внимание к постановлениям начальников, заботливость о приобретении доброго о себе мнения, прилежных и успешно обучающихся.» Воспитанники этой категории могли совершать некоторые проступки «по рассеянности или неосмотрительности, но всегда в них признававшиеся и стремившиеся исправиться».
- 4) Поведение весьма хорошее. Сюда причислялись воспитанники, которые долгое время проявляли себя с хорошей стороны и были испытаны в «благородстве чувств и в постоянном усердии к исполнению своих обязанностей», умеющие управлять своим поведением и воздерживаться от нарушения дисциплины.
- 5) Поведение отличное. Этой характеристики удостоивались только те воспитанники, которые, по обоюдному мнению всех членов Воспитательного комитета того или иного кадетского корпуса, «были не только в правилах нравственности, но, отличаясь основательным и благородным образом мыслей и любовью к наукам, успели приобрести такое доверие начальства, что удостоены править частями, и такое уважение товарищей, что примером своим имеют на них полезное влияние».

Баллы за поведение имели в жизни кадета определяющее значение. Так, имеющие 7 баллов за поведение переводились в гренадеры, 8 — назначались ефрейторами, 9 — младшими унтер-офицерами. При выпуске из корпуса балл за поведение также имел решающее значение: при наличии у выпускника 7 баллов он назначался офицером во внутреннюю стражу, имевшие же 12 баллов становились офицерами гвардии. В течение первых 4-х месяцев вновь принятым воспитанникам не назначались баллы за поведение, и на первый раз максимальный балл не мог превышать 7. Воспитанники младших рот (неранжированной и второй мушкетерской) свыше 9 баллов не получали.

В результате в кадетских корпусах сложилась следующая практика поощрения и наказания воспитанников. В качестве поощрения использовались следующие меры: 1) похвала или благодарность в присутствии товарищей; 2) хорошие отзывы, посылаемые родителям и родственникам; 3) отпуска в праздничные дни домой, в театр или на прогулки; 4) разре-

шение ходить по городу без провожатых; 5) освобождение в праздничные дни от караулов; 6) назначение ординарцами и вестовыми во дворец; 7) за отличные успехи первые места в классе; 8) благодарность в приказе по корпусу или по Главному штабу; 9) перевод из мушкетерской роты в гренадерскую; 10) прибавление баллов за поведение; 11) назначение в ефрейторы, унтер-офицеры и фельдфебели; 12) производство в камер-пажи (в Пажеском корпусе); 13) приглашение на обед к наследнику престола; 14) раздача в Лицее двух золотых и четырех серебряных медалей окончившим курс наук, а в корпусах — похвальных листов и подарков с занесением имен награжденных в особую книгу.⁸⁸

Наказаниями служили: 1) замечание или выговор (наедине или перед товарищами); 2) стояние в углу, у классной доски, запрещение играть, лишение первого и второго блюд; 3) внеочередные караулы в праздничные дни; 4) повторение уроков в праздничное время; 5) сажание в классах за особый стол ленивых и стояние у стола или барабана во время обеда; 6) стояние на коленях; 7) перевод в мушкетерскую роту из гренадерской; 8) понижение балла за поведение; 9) выговор в приказе; 10) лишение темляка и снятие погонов; 11) арест и содержание в карцере на хлебе и воде; 12) перевод из высшего класса в низший; 13) разжалование из ефрейторов, унтер-офицеров и фельдфебелей; 14) ношение старой или серой куртки; 15) наказание розгами; 16) исключение из кадетского корпуса.⁸⁹

Перечисленные меры по поощрению и наказанию воспитанников предлагались уже в Записке «Афоризмы о воспитании кадетов» («Aforismes sur l'education des cadets») и обсуждались на заседаниях Воспитательного комитета и впоследствии были приняты во всех средних военно-учебных заведениях. В воспоминаниях выпускников наказания занимали большее место, чем поощрения, если даже непосредственно не касались самих авторов. Самыми распространенными наказаниями, судя по воспоминаниям, было лишение блюд, внеочередные караулы, снижение балла за поведение, лишение темляка и снятие погонов, содержание в карцере, разжалование и самая крайняя мера — исключение из корпуса. Проступки воспитанников, подвергавшихся тем или иным наказаниям, не были равнозначны — и поэтому в зависимости от «тяжести вины» кадеты несли те или иные наказания.

В качестве примера приведем записи из журналов Воспитательного комитета на 1835 г.: «Кадет Николай Чагеев, 17 лет, за то, что дурно сидел за столом, равнодушно принимал замечания дежурного офицера, наказан перед ротой розгами, понижен 2 баллами за поведение», «кадеты Иван Тургановский и Михайлов опоздали в строй, наказаны арестом»; «кадет

Владимир Леонтьев 4-й, за то, что замечен был Главным начальником в неисполнении должной воинской учтивости перед встретившимся офицером, возвращен в корпус, наказан двухдневным арестом и лишен права пользоваться отпуском вплоть до усмотрения...»; «кадет Николай Ельчанинов, 17 лет, за то, что прибил товарища, нарушившего и не подержавшего бывшее обыкновение некоторых кадетов не говорить несколько времени со вновь поступающими в роту, понижен 2 баллами приказом директора, отданным по корпусу, переведен из роты Его Величества по возрасту его, в 1-ую Мушкетерскую роту и посажен в уединенную комнату впредь до приказа»; «Михайло Розенгейм, 15 лет, за то, что занимался в классе посторонним предметом, наказан неотпуском на 2 раза со двора»; «кадет Модест Маркович, 19 лет, за леность по предмету тактики наказан не отпуском трех раз со двора»; «кадеты Александр Афанасьев, 18 лет, Донат Квицинский, 18 лет, Всеволод Кузьмин, 16 лет, за то, что во время обеденного стола, вопреки приказаниям, кушали из одной тарелки, высланы из-за одного и арестованы на один день»; «кадет Петр Басов, будучи уволен на праздник к родственникам, под вымышленным предлогом болезни, не явился в корпус для перемены белья, сверх сего выпросил для отпуска шинель у музыканта Петра Семенова, продал оную фельдшеру, за таковое ослушание и в особенности за низкий поступок его наказан: за первую вину лишен права на отпуск впредь до приказа, а за последнюю — 20-ю ударами розог, посажен в уединенную комнату и понижен 3 баллами за поведение»; «кадет Константин Савицкий, 16 лет, за леность в географии постоянно оказываемую, наказан 10 ударами розог и на все рекреационное время посажен за особый стол учиться». ⁹⁰

Наказаниям розгами подвергались также за насмешки над товарищами кадеты Михайло и Егор Арнольды; Цесарий Клугин, Федор Расцветаев — «неотпуску со двора за леность в предметах, за отлучку из роты без спросу, за невнимание во фронте, за опоздание в строй». Была и определенная специфика в определении проступков в различных учебных заведениях: так, в Дворянском полку было принято подвергать аресту выпускных кадетов за то, что они надевали офицерский мундир до того, как был подписан приказ о производстве их в офицеры. В Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров особенно тщательно следили за тем, чтобы кадеты не пользовались экипажем. За этим строго следил сам великий князь Михаил Павлович. Дело в том, что воспитанники Школы, единственные из всех воспитанников военно-учебных заведений, были лишены права пользоваться экипажем и извозчиком. В случае «поимки» «ослушники» подвергались аресту

с заключением в карцер. О подобных происшествиях сохранились многочисленные воспоминания бывших воспитанников Школы. Таким же преследованиям подвергались и курильщики, они вынуждены были быть очень изобретательными, чтобы не попасться на глаза корпусному начальству.

За драку могли оставить еще на год в корпусе: так, «2-го Кадетского корпуса кадеты Николай Сипенко и Григорий Бердяев, представленные к производству в офицеры в артиллерию, поссорившись со своим товарищем побили его, за таковой проступок, что они не умели ценить такой милости, которой по всегдашнему до сего хорошему их поведению и успехам в науках были удостоены, — по соизволению Его Императорского Высочества Цесаревича, исключены из числа представленных к производству в офицеры с оставлением в корпусе, покуда не изгладят своего поступка.⁹¹

Самой страшной мерой наказания на протяжении всего существования кадетских корпусов было исключение из корпуса. Проступки, вызывавшие такую кару, не менялись практически столетия. К числу таких проступков можно отнести в первую очередь воровство, затем следует неподчинение приказам начальства (например, ротному командиру, дежурному офицеру, иногда самому директору, хотя причины неповиновения были различными), бунты из-за плохой еды, драки. Последнее слово в решении об исключении оставалось за императором. Так, в юности за кражу «черепаховой табакерки в золотой оправе и 500 рублей ассигнациями» из Пажеского корпуса был исключен будущий замечательный русский поэт Евгений Баратынский. В феврале 1816 г. пажи Евгений Баратынский и Дмитрий Ханыков, «будучи отпущены на масленицу к родственникам с присланными за ними людьми, а вместо того пошли к камергеру Приклонскому по знакомству их с сыном его камер-пажом Приклонским и вынули у него из бюро черепаховую в золотой оправе табакерку и 500 рублей ассигнациями... Посажены будучи под арест в две особые комнаты, признались, что взяли упоминаемые деньги и табакерку, которую изломав, взяли себе только золотую оправу и, накупив себе разных вещей на 270 р., прокатали и пролакомили 180 р., да найдено у них 50 р., как вместе с отобранными у них купленными вещами, возвращены камергеру Приклонскому».⁹²

По высочайшему повелению Александра I, было приказано «исключить из корпуса пажей Ханыкова и Баратынского за негодные их проступки, отдать их родственникам с тем, чтобы не принимаемы были ни в гражданскую, ни в военную службу, разве захотят загладить свои проступки и попросятся в солдаты, в таковом случае дозволяется принять их в во-

енную службу». Этот проступок был темным пятном на репутации Баратынского и только благодаря ходатайству А.И. Тургенева, В.А. Жуковского и А.С. Пушкина он получил первый офицерский чин (ему удалось выслужиться до прапорщика) и вышел в отставку. Впоследствии поэт по-другому пытался представить свой проступок, сославшись на то, что им двигали высокие мотивы «отмщения», хотя поведение Баратынского в корпусе не указывало, что он совершил проступок как вызов корпусному режиму, и он не являлся членом «общества квилков» или «мстителей», существовавшего в эти годы в Пажеском корпусе. Такой же мере наказания в декабре 1852 г. был подвергнут кадет 1-го Кадетского корпуса Софроний Дмитриев: «Воспитанник... 3-й Мушкетерской роты Софроний Дмитриев, 13 лет, замеченный неоднократно в дурном поведении, в минувшем ноябре месяце присвоил себе чужую вещь. За таковой поступок он был наказан розгами и лишен погонов, после сего сильного взыскания, в нем незаметно не только раскаяния, но напротив того, он показывает явное равнодушие к наказанию и впадая в новые поступки... По повелению Его Императорского Величества воспитанник Дмитриев будет определен в псковский батальон военных кантонистов».⁹⁵

Существовала еще одна причина, по которой воспитанника и офицера-воспитателя могли исключить из корпуса: это так называемые «пороки, свойственные закрытым учебным заведениям»: онанизм, гомосексуализм. Причем и офицеры, и воспитанники не исключались совсем из военной службы, а направлялись в армейские полки, главным образом на Кавказ. Иногда случаи «вылавливания» лиц, замеченных в «дурных наклонностях» носили массовый характер. Так, в одном из кадетских корпусов было выявлено 15 кадетов и отправлено в один из батальонов военных кантонистов. В это число вошли кадеты, не повинные в том, в чем их обвиняли. Трагизм этой ситуации для них состоял в том, что в силу закрытости этой темы из-за ее «неприличия» им не было предъявлено того обвинения, по которому они исключались из корпуса. Об истинной причине своего исключения они узнали спустя долгие годы, и это было для них сильным ударом. Понятно, что на эту тему бывшие воспитанники военно-учебных заведений писать не любили и в воспоминаниях касались ее вскользь. Однако эти вопросы обсуждались в русском обществе в 30-40-е гг.

В сентябре 1827 г. «за дурные поступки» (бунт во время обеда — *Н.А.*) были высланы из Пажеского корпуса сразу несколько пажей: «князя Дмитрий и Сергей Оболенские с определением их рядовыми в Финляндский отдельный корпус, а также пажи князь Дмитрий Церетели, Николай То-

поркин, Александр Веригин и граф Яфимовский с отправлением их к родителям, а если впоследствии они пожелают поступить на службу, то не иначе, как рядовым». Этот случай описан в воспоминаниях бывшего пажа В.А. Бельгарда, который сам принимал участие в этом происшествии, «бросив кусок хлеба в воспитателя Гюне, за что был лишен права отпуска на три месяца и потерял 40 из 90 баллов за поведение». ⁹⁴

Вообще, большинству бывших воспитанников военно-учебных заведений было свойственно придавать своим поступкам политический характер, что объяснялось тем, что приятнее было ощущать себя фрондерами, чем обычными хулиганами. Так, паж М. в 30-ые гг. XIX в. бросился в пролет лестницы со второго этажа в знак протеста против наказания розгами, а наказан был за то, что в пьяном виде был встречен дежурным офицером и инспектором корпуса. В Морском корпусе также были распространены различного рода наказания. Выдающийся деятель русской науки В.И. Даль, учившийся в корпусе в 1814–1819 гг., писал, что «в понятии остались одни розги... трудно ныне поверить, что не было другого исправительного наказания против ошибки, шалости, лени и даже в случае простой бессмысленной досады любого из 25 офицеров». Одним из видов наказаний было отправление воспитанников в различные армейские полки. Массовое отправление произошло в июле 1826 г., когда в различные армейские полки было отправлено 30 человек. Некоторые воспитанники сами хотели оставить корпус. Так, кадет 2-ой роты Н. Всеволожский во что бы то ни стало решил уйти из корпуса. И так как ему в этом было отказано, то он разбил окна в одной из служебных квартир и сам доложил об этом командиру роты капитан-лейтенанту А.А. Киреевскому. Директор корпуса доложил об этом проступке Николаю I, и тот приказал: «Н. Всеволожского наказать розгами перед корпусом и определить матросом в 1-й экипаж». В сентябре 1830 г. в корпусе в гардемаринской роте произошел инцидент, который приехал разбирать лично Николай I. Во время разбора происшествия из строя вышел гардемарин Большов и признался, что это он организовал протест в столовой. Николай I приказал высечь его при всех воспитанниках, велел разжаловать его в матросы и отправить на флот. Из 114 гардемарин роты 60 были отчислены из корпуса и посланы рядовыми или унтер-офицерами на Кавказ и в армейские полки. ⁹⁵

В 1841 г. Я.И. Ростовцев издал целый ряд приказов по «поднятию дисциплины» во 2-м Кадетском корпусе. 22 сентября 1841 г. при посещении классов 2-го Кадетского корпуса Я.И. Ростовцев «заметил, что некоторые из воспитанников не умеют даже пристойно встать при входе Начальника; многие стоят или расставивши ноги или опираясь на лавку руками;

а неприличие иногда простиралось до того, что они оканчивали между собою разговор, которым до того были заняты, один из них даже позволил себе улыбнуться. Подобного невежества, и незнаний условий приличий и правил общежития я никогда не надеялся найти между воспитанниками военно-учебных заведений. Этот случай убеждает меня, что, к общему стыду нашему, между воспитанниками 2-го Кадетского корпуса есть такие, которые незнанием самых простых правил благопристойности доказывают, что они не умеют понимать и ценить милостивого внимания и попечения об них Его Императорского Высочества Главного нашего начальника и не постигают чести и счастья называться питомцами Государя Императора». ⁹⁶

Неудовольствие Ростовцева выразилось в следующих приказах: «Роты Его Императорского Величества кадета А. перевести, по возрасту, в 1-ю Мушкетерскую роту; виц-унтер-офицера О. лишить ефрейторского звания, и обоих их не увольнять со двора 6 месяцев; 1-й Мушкетерской роты кадета В. и 2-й Мушкетерской Т. в продолжение целого года не увольнять из заведения и всем четырем сбавить по баллу за поведение. О кадете П., осмелившемся улыбаться, последует особое распоряжение». В подобном инциденте Ростовцев винит корпусных офицеров: «...подобное невежество никогда бы не могло существовать между благородными юношами, ежели им были бы внушаемы меры общежития и благородства, и это меня самое заставляет думать, что господа офицеры во 2-м Кадетском корпусе мало пекутся о вверенных их надзору воспитанниках». И в заключение Ростовцев предупреждает офицеров, «что ежели в будущее время замечено будет подобное равнодушие к исполнению... возложенного на них священного долга воспитателей», то он должен будет «принять строгие и решительные меры». ⁹⁷ Особые меры наказания назначались за проступки, связанные со «свободным образом мыслей».

Таким образом, мы видим, что в конце XVIII — первой половине XIX вв. кадетские корпуса постоянно оказывались в центре внимания правящих кругов, которые не только следили за сохранением у воспитанников «правильного» образа мыслей, но и непосредственно участвовали в разработке учебных программ, способствующих формированию определенного мировоззрения. С другой стороны, намерения лиц из органов управления военно-учебными заведениями, разрабатывающих учебно-педагогические задачи, постоянно попадали в те или иные коллизии, сталкиваясь с реальной обстановкой дел в кадетских корпусах, особенно в конце 40 — середине 50-х гг. Но, несмотря на эти противоречия, из стен корпусов выходили молодые люди с хорошей военной подготовкой и достаточно широким кругозором, развитым чувством долга и пред-

ставлением о своих обязанностях. Не вызывает сомнения и тот факт, что, выходя в жизнь, вчерашние кадеты приходили в столкновение с армейским бытом, но привычка к военной дисциплине, заложенная в корпусах, помогала справляться с трудностями и адаптироваться к новым условиям.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

- 1 РГВИА. Ф.314. 1-ая Петроградская гимназия военного ведомства (1-й Кадетский корпус) Оп.1. Т.1. Д. 4757. Предписания Главного директора Пажеского и кадетских корпусов. Л.27.
- 2 Аллатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). — М., 1958. С. 13.
- 3 Волков С.В. Русский офицерский корпус. — М., 1993. С. 100.
- 4 РГВИА.Ф. 318. Петроградская гимназия военного ведомства (Пажеский корпус). Оп. 1. Т. 1. Д. 50. Письма к генерал-майору Клингеру от графа Н.П. Шереметева, Александра I и др. Л. 57-57. Об. 18 марта 1802 г. Письмо мадам Шиллинг с просьбой о зачислении ее сына в Пажеский корпус на фр.яз.
- 5 РГВИА. Ф.314. Оп. 1. Т. 5. Д. 5433. О недоросле из дворян Царства Польского Николае Глиноецком.
- 6 Волков С.В. Указ. соч. С. 105.
- 7 Аллатов Н.И. Указ. соч. С.13.
- 8 РГВИА. Ф.1. Канцелярия военного министерства. Оп. 1. Д. 958. Устав для Пажеского Е.И.В. 1802 г. ЛЛ. 242-248; Ф. 326. Оп. 1. Д. 14. Журнал заседаний Комитета о разработке учебной и медицинской части «Положения» и «Уставы для военно-учебных заведений. ЛЛ. 37-49. Об.
- 9 Волков С.В. Указ. соч. С. 105.
- 10 Там же. С. 105.
- 11 Лалаев М.С. Исторический очерк учебных заведений подведомственных Главному их управлению. — СПб., 1880, Т. 1. С. 136; Волков С.В. Указ соч. С.107.
- 12 Там же. С. 59.
- 13 Лалаев М.С. Указ.соч. С. 92.
- 14 Волков С.В. Указ соч.. С. 100.
- 15 Там же. С. 101.
- 16 Там же. С.102.
- 17 Там же. С.101.
- 18 Архив Морского корпуса находится в Санкт-Петербурге в фондах Главного Военно-морского архива (Ф.432), поэтому в работе использованы воспоминания воспитанников и архивные документы из фондов РГВИА (Ф. 326. Комитет о военно-учебных заведениях).

- 19 Там за Невой моря и океаны. — М., 1976. С. 34.
- 20 Там же. С. 36.
- 21 Там же. С. 37.
- 22 Там же. С. 39.
- 23 Там же. С. 43.
- 24 Там же. С. 47.
- 25 Там же. С. 47.
- 26 Волков С.В. Указ. соч. С. 104.
- 27 Там же. С. 109.
- 28 Там же. С. 104.
- 29 Там же. С. 109.
- 30 Там же. С. 106.
- 31 РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 50. Письма к генерал-майору Клингету от графа Шереметева, Александра I и других. 1802 г.
- 32 РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 15. По канцелярии Пажеского корпуса. О содержании пансиона Бильдерлинга. 1801 г. Л. 2. РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 15. Л. 8.
- 33 Волков С.В. Указ. соч. С. 108-109.
- 34 Там же.
- 35 См. об этом главу 1.
- 36 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 27. Записка под заглавием «Афоризмы о воспитании кадетов», составленная неизвестным автором, присланная из Главного Штаба и рассмотренная инженер-генерал-лейтенантом Опперманом на франц. яз. 7 августа 1827 г. Л. 2.
- 37 Там же. ЛЛ. 2. Об.-12.
- 38 Аллатов Н.И. Указ. соч. С. 53.
- 39 РГВИА. Ф. 725. Оп. 1. Д. 4. Л. 60-1834 г.
- 40 РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 5, Д. 7544. Журнал Воспитательного Комитета на 1835 г. ЛЛ. 1-2 Об. О ведении о каждом воспитаннике со времени вступления его в заведение до самого выпуска из оною аттестационных тетрадей, род формулярно-кондуктивных списков; Аллатов Н.И. Указ соч., С. 79.
- 41 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 2. Учебные планы и программы по общеобразовательным и специальным предметам для военно-учебных заведений. Л. 4-32. Об.
- 42 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 5. Выписки из журналов заседаний Комитета, образованного в 1823 г. и письма его членов о рассмотрении учебных пособий для Пажеского и кадетских корпусов, представляемые председателем Комитета генерал-майору К.И. Опперману. июнь — август 1826 г. ЛЛ. 21-21. Об.
- 43 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 14. Сравнительная таблица статистических сведений об организации учебной части в военно-учебных заведениях. июнь 1826 г. ЛЛ. 1-4. Об.
- 44 Там же. Л. 4. Об.
- 45 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 14. Л. 4. Об.
- 46 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 5. Л. 38. 26 августа 1826 г.
- 47 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 26. Дело о назначении профессора Арсеньева составителем нового учебника по истории для военно-учебных заведений. Июнь — июль 1826 г.

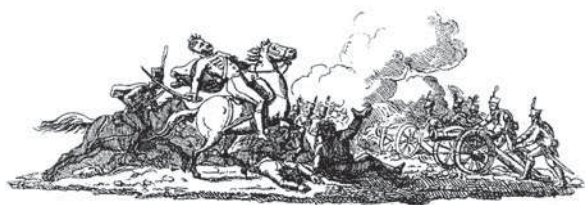
- 48 Там же. Л. 1.
- 49 Там же. Л. 1.
- 50 Там же. Л. 1.
- 51 Там же. ЛЛ. 1-1. Об. Курсив — Г.В. Жомини.
- 52 Там же. Л. 1. Об.
- 53 Там же. Л.1. Об.
- 54 Там же. ЛЛ. 1. Об. — 2.
- 55 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 28. Переписка с Главным Штабом и начальником военно-учебных заведений о наличии спроса на учебные пособия по «Закону Божьему» для военных училищ и корпусов. Январь — март 1829 г.
- 56 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.
- 57 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 29. Л. 1. Дело об издании сочинения ординарного профессора математики дерптского университета Г. Бартельса «Mathematische Vorlesungen uber honere Analisis» («Высшая аналитика и употребление оной»).
- 58 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
- 59 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
- 60 Там же, Л. 4.
- 61 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.
- 62 РГВИА. Ф. 326. Оп.1. Д. 34. Дело об одобрении Цензурным Комитетом рукописи монархической книги священника Инженерного замка Малова «Письма к воинам». Октябрь — декабрь 1830 г.
- 63 Ф. 326. Оп. 1. Д. 34. Л. 1. Об.
- 64 Ф. 326. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.
- 65 Там же. Л. 2. Об.
- 66 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 15. Правила подготовки и проведения экзаменов и оценки успеваемости воспитанников, представленные начальниками и директорами военно-учебных заведений. 1827 г.
- 67 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 15. ЛЛ. 23-23. Об.
- 68 Там за Невой моря и океаны. — Л., 1975. С. 79.
- 69 РГВИА. Ф. 318. Петроградская гимназия военного ведомства (Пажеский корпус). Оп. 1. Т. 1. Д. 824. О присоединении к предметам по сем корпусу российского правоповедения и о поручении чтения оного адъюнкту Палибину. Л. 1. 11-13 сентября 1834 г.
- 70 Там же. Л. 65.
- 71 Аллатов Н.И. Указ.соч. ЛЛ. 63-65.
- 72 РГВИА. Ф. 314. 1-ая Петроградская гимназия военного ведомства (1-ый Кадетский корпус). Оп. 1. Д. 1. Бумаги и счета относительно по смерти генерал-поручика и кавалера графа Ф.Е. Ангальта. ЛЛ. 749. Об.
- 73 РГВИА. Ф. 314. Оп. 71. Т. 4. Д. 5067. О назначении бывшего командира Школы Гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, генерал-лейтенанта барона Шлиппенбаха Директором 1-го Кадетского корпуса, а бывшего директора оного корпуса генерал-лейтенанта Годаина I Членом Совета и инспектором военно-учебных заведений. 1843 г. Л. 2.
- 74 Левшин Д.М. Указ. соч.

- 75 РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 91.
О доставлении сведения гг.
учителям, где кто служит и сколь-
ко получает жалованья. 1812 г.
ЛЛ. 2-4.
- 76 Там же. ЛЛ. 2-4.
- 77 См: Ф. 314 (Первая Петроградская
гимназия военного ведомства
(бывший 1-й Кадетский корпус.
Оп. 1. Т. 1. Д. 187. Формулярный
список о службе учителей 1-го
Кадетского корпуса. 1820 г.; Там
же, Оп. 1. Т. 1. Д. 187. Формулярный
список о службе учителей 1-го
Кадетского корпуса, 22 октября
1831 г.; Там же. Оп. 1, Д. 189:
Формулярные списки преподава-
телей на 1835 г.
- 78 Аллатов Н.И. Указ. соч., С. 53-54.
- 79 Вохин Н.В. Воспоминания //
Русская Старина, 1893, Кн. 3,
С. 553.
- 80 Записки Е.Н. Львовой // Русская
Старина. 1880. Т. 27, № 3, С. 637.
- 81 РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 586.
ЛЛ. 1-2 (об.) — 3 марта 1825 г.
- 82 Мельницкий Н.Н. Сборник
сведений о военно-учебных
заведениях в России (сухопутного
ведомства). СПб, 1857, Т. 2, Ч. 3,
С. 73-74, 209.
- 83 Там же. С. 74-77.
- 84 Скалон Д.А. Воспоминания //
Русская Старина. 1908. № 3. С. 190.
- 85 Аллатов Н.И. Указ. соч., С. 75.
- 86 РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 381.
Дело по предписанию Главного
Директора Пажеского и кадетских
корпусов о донесении Его Импера-
торскому Высочеству Цесаревичу
о всех чрезвычайных случаях
и представлять к нему. Л.1.
13 февраля 1820 г.
- 87 РГВИА. Ф. 725. Д. 2157. Л. 3.
- 88 Аллатов Н.И. С. 78.
- 89 РГВИА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 2.
- 90 РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 5. Д. 7544.
Журнал Воспитательного комитета
1-го Кадетского корпуса на 1835 г.
ЛЛ. 4. Об. — 23.
- 91 Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 504. Дело о про-
ступках кадет 2-го Кадетского
корпуса Сипенко и Бердяева,
которые представлены были
в офицеры и по соизволению
Его Императорского Высочества
Цесаревича исключены из числа
представленных в офицеры
с оставлением в корпусе. ЛЛ.1-1.
Об. — 28 декабря 1822 г.
- 92 Ф. 318. Оп. 1. Т. 4. Д. 3830. Дело об
отдаче по Высочайшему повеле-
нию пажей Ханыкова и Баратын-
ского за негодное их поведение
родственникам их. ЛЛ. 1-3. Об. —
2 февраля 1816 г.
- 93 РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 4. Д. 5956.
Дело канцелярии 1-го Кадетского
корпуса № 131 О выписании по
Высочайшему повелению Софро-
ния Дмитриева в Батальон
военных кантонистов за дурное
его поведение. Декабрь 1852 г. —
июнь 1853 г.
- 94 РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 691.
Дело о проступках пажей князей
Дмитрия и Сергея Оболенских
и о выписании их в рядовые, равно
и о пажах Дмитриии Церетели,
Николае Топорине и Александре
Веригине и графе Яфимовском.
ЛЛ. 1-10. 17 сентября 1827 г.;
Бельгард В.А. Автобиографические

воспоминания // Русская Старина.
1899. Т. 97. №1. С. 167.

- 95 *Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни // ОР РНБ. Ф. 856.
Д. 1. ЛЛ. 63-65 чит. по книге: Там,
за Невой моря и океаны. С.83.
- 96 *Симонов И.С.* Русская военнопедagogическая старина.(Из приказов генерал-майора Я.И. Ростовцева по 2-му Кадетскому корпусу) // «Педагогический Сборник». — СПб., 1915. № 4.
Ч. 2 — неофициальная. С. 459.
- 97 Там же.

глава 3

Кадетские
корпуса
и общественная
жизнь России

1. Атмосфера и быт

КАДЕТСКАЯ

СРЕДА

Кадетская среда — это особый мир, особая когорта, кастовость. Это своего рода избранность не только по принадлежности к высшему сословию (в стенах корпуса все были одинаково равны перед наказанием), но и по принадлежности к тому или иному учебному заведению; эти чувства сохранялись и после окончания корпусов — во время службы офицерами. Воспитание и обучение в кадетских корпусах представляет собой специфический тип мужского воспитания.

Если говорить о наиболее характерных жизненных путях лиц, окончивших кадетские корпуса, то для большинства выпускников полученное образование

имело прямое отношение к дальнейшей военной карьере вплоть до отставки, или до конца жизненного пути (смерть на «боевом посту»: погибли в сражениях, умерли при исполнении служебных обязанностей, от болезни, от ран), или происходил переход с военной службы на гражданскую.

Что же происходило в кадетских корпусах? С одной стороны, за время обучения в корпусе происходило отчуждение воспитанника от семьи, от родителей. Кадеты, привезенные из отдаленных уголков России, годами не видели своих родных, и кадетский корпус, как бы жестоко они в нем ни страдали, особенно на первых порах, становился для многих родным домом, с которым до конца дней они связывали самые теплые воспоминания. Так, выпускник одного из кадетских корпусов, приезжая в Москву, всегда навещал бывшего директора и любимого преподавателя географии.

Кадетские корпуса — своего рода «государства в государстве»: со своими внутренними уставами, своими нормами и правилами жизни. Часто в воспоминаниях бывших воспитанников встречается такое определение внутренней жизни в корпусах, как «военно-монастырская» (у Н. С. Лескова беллетризованные воспоминания Г. Н. Похитонова также называются «Кадетский монастырь»). С другой стороны, жизнь в гарнизонах во многом походила на жизнь в корпусе: то же однообразие, тот же рас-

порядок дня, та же иерархия, только в отличие от корпуса бывший воспитанник, став офицером, не подвергался телесным наказаниям, а сам получал право командовать другими людьми.

Большинство воспитанников мирились с суровым бытом, считая, что это своеобразная закалка характера и что именно такое воспитание должно было сделать их способными к перенесению всех трудностей военной жизни. Практически все выпускники, избравшие военную стезю, испытывают благодарность к своим корпусам. Действительно, несмотря на воплощение в кадетских корпусах «умственных плотин», подавление воли и постоянный надзор за образом мыслей, кадеты жадно следили, насколько, конечно, могли, за всеми изменениями «внешнего мира», читали все, что могла предоставить им корпусная библиотека, и то, что могли тайком принести от родных и знакомых.

Многие, достигшие высокого военного или гражданского положения или известности начинали свою карьеру с Александровского корпуса для малолетних в Петербурге (Н.Н. Обручев, В.Г. фон Бооль, братья В.М. и Л.М. Жемчужниковы, Г.Г. Данилович, М.С. Лалаев). Различное социальное происхождение, уже начиная с корпуса для малолетних, сводилось к формальному равенству. Часто детям из достаточно родовитых и обеспеченных семей «доставалось» гораздо больше со стороны воспитателей и офицеров (неприязнь к Л.М. Жемчужникову со стороны мадемуазель Боньо). В Александровском корпусе для малолетних учились дети бедных дворян (сироты) и дети из аристократических семей, внезапно лишившиеся матери (братья Жемчужниковы). Был и другой момент формального равенства: равенство перед наказанием. Перед наказанием были одинаково равны и выходец из бедной семьи, и выходец из богатой.

Можно выделить несколько стадий, которые переживали воспитанники в процессе адаптации к корпусной жизни: 1) тоска, чувство одиночества, забытости; 2) возмущение корпусными порядками; 3) привыкание и смирение; 4) ощущение себя неотъемлемой частью этой среды. Что традиционно не приветствовалось в кадетской среде? Карты, пьянство. Но в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров эти явления не осуждались, а напротив, считались особым шиком. Особое чувство кадеты испытывали при выпуске из корпуса: они получали вождеденные погоны, что для них означало не только конец заточенья, но и получение официального статуса.

КОРПОРАТИВНОСТЬ

Одним из проявлений сохранения корпоративности и корпусного братства были товарищеские обеды, на которые собирались кадеты разных выпусков, создание обществ взаимопомощи для неимущих однокашников, помощь вдовам своих корпусных товарищей при воспитании детей. Во 2-й половине XIX в., по мнению известного теоретика военного искусства Н.Н. Головина¹, русское офицерство не было корпоративным в силу пореформенной «размытости» дворянского сословия. С ним не во всем можно согласиться, так как Пажеский корпус и во 2-й половине XIX — начале XX вв. оставался жестко сословным военно-учебным заведением, в котором сохранялись традиции предшествующих лет.

При этом не было товарищества между кадетами различных кадетских корпусов. Нередко чувство враждебности сохранялось на протяжении всей жизни. Кадеты 2-го Кадетского корпуса в Петербурге неприязненно относились к воспитанникам Дворянского полка. Выпускники Пажеского корпуса называли выпускников кадетских корпусов «бурбонами». В то же время в гвардейских полках не любили бывших пажей выпускники других учебных заведений, например, Школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Школа, входя в систему кадетских корпусов, наряду с Пажеским корпусом была привилегированным военно-учебным заведением. Только в Школе юнкера знали заранее, в каких полках будут служить. В других военно-учебных заведениях при зачислении в полки играла роль только успеваемость и наличие вакансий, хотя в отдельных случаях имели место родственные связи.

Отличительной особенностью пажей по сравнению с воспитанниками кадетских корпусов было совмещение учебных занятий с необходимостью еженедельно дежурить при дворе. С одной стороны, пажи отрывались от учебы и сетовали на это, с другой, — сами использовали возможность отлучиться из корпуса. Вообще, «дежурство во дворце — неотъемлемая часть быта, так же как и малые выходы в церковь».² Но в рождественских, крещенских и пасхальных дежурствах в Зимнем дворце принимала участие сводная рота из всех корпусов. Особый характер в конце XVIII в. имел в Пажеском корпусе «обряд посвящения в камер-пажи», «имевший характер рыцарский». Паж преклонял колено, государыня дотрагивалась рукою до его щеки, вручала ему шпагу. Еще одной отличительной чертой было получение пажами от казны жалованья — 200 рублей ассигнациями в год. Во время больших парадных обедов камер-пажи переменили приборы и подавали кушанья лицам царской фамилии³.

Появлением и сохранением корпоративных связей в корпусах было создание музеев своих учебных заведений при 1-м Кадетском корпусе, при 2-м Кадетском корпусе, при Пажеском корпусе. Музеи создавались по инициативе директора и педагогов и поощрялись государем императором. Бывший паж Отто Рудольфович фон Фрейман выпустил сборник биографий пажей, выходявший дважды — в 1894 и 1897 гг.⁴ В музее Пажеского корпуса хранились биографии практически всех пажей. Среди них биографии лиц, сыгравших важную роль в отечественной истории. Это биографии Михаила Илларионовича Воронцова, графа Ивана Ивановича Шувалова, графа Федора Васильевича Ростопчина, декабриста Василия Сергеевича Норова, Александра Александровича Пушкина (старшего сына поэта) и многих других⁵.

ПОНЯТИЕ СЛУЖБЫ

ГОСУДАРЮ И ОТЕЧЕСТВУ

В первой половине XIX столетия происходит изменение в самом отношении к службе: если в ангальтовскую эпоху основным считается «быть полезным государству и обществу», в «клингеровскую» эпоху — «государю, государству и обществу», то у Николая I на первое место выдвигается верность престолу, что находит логическое завершение в «Наказе» Я.И. Ростовцева.

При выходе из корпуса кадеты оставались детьми во многих житейских вопросах — «не знали жизни». Вместе с тем они имели четкие и сознательные представления о государственной службе, в данном случае — военной, по сравнению с выпускниками гражданских учебных заведений. Слова «служба», «долг» звучат практически во всех воспоминаниях бывших воспитанников кадетских корпусов. У недавних студентов представления о службе часто были расплывчатыми. В этом проявлялось главное различие образа жизни, образования студентов и кадетов, воспитания в них разного отношения к службе и к общественным идеалам. У кадетов формировалось чувство долга и преданности идее служения государю и Отечеству, у студентов — представление о служении «высоким идеалам», часто достаточно туманным. Отсюда — различное понимание, осознание самих себя, своего места и предназначения в обществе. В 40-е гг. происходит «размывание» дворянской среды; университеты пополняются разночинцами, в то время как военное сословие остается все еще консолидированным.

Вместе с тем при готовности в любой момент отдать жизнь за государя и Отечество кадеты не были безразличны к тому, где им предстояло

часть I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

служить при выходе из корпуса. Так, выпускник I-го Кадетского корпуса М.И. Пущин не был доволен распределением в лейб-гвардии саперный батальон. Он полагал, что при его успехах в науках он достоин быть выпущенным в артиллерию, а саперный батальон не считался престижным подразделением для службы. Возмущение Пущина вызвало неудовольствие со стороны Николая I, что в дальнейшем определило судьбу бывшего кадета⁶.

Другой выпускник 1-го Кадетского корпуса, В.Н. Погожев, наоборот, не желал быть выпущенным в артиллерию, так как ему не нравился этот «род службы»: «Воображение мне рисовало блестящие виды в будущем, исполнение которых я не мог ожидать, служа в артиллерии... Для этого на выпускном экзамене я притворился не знающим необходимых для артиллерийского офицера частей математики». Директор М.С. Перский понял уловку Погожева и предупреждал его о раскаянии в будущем. Поскольку Погожев не желал идти и в саперы, то был выпущен в армию в Софийский пехотный полк⁷.

С другой стороны, для большинства выпускников кадетских корпусов было характерно кредо, которого придерживался всю жизнь один из воспитанников 1-го Кадетского корпуса Н.И. Цылов: «Никто мне не протектировал, я всегда оставался доволен и своею судьбою, и начальством»⁸.

В отличие от выпускника кадетского корпуса выпускник университета, особенно словесник («потенциальный литератор») — подозрительная личность, не желающая служить. Это противоречило идеалу Николая I — обязательная служба на благо престола и Государства, так как для него главным было, чтобы человек «служил», то есть занимался делом и тем самым проводил в жизнь его собственные идеи. Любое отступление от нормы (а служба — это норма) — преступление против государства и общества. По мнению Николая I, лица, получившие образование в университетах, в большинстве случаев не оправдывают затраченные на них средства, в то время как военный приносит видимую пользу государству и в любой момент может пожертвовать своею жизнью.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Распорядок дня. Жизнь в корпусе была строго регламентирована: подъем по барабану, утренняя молитва, завтрак, занятия, прогулка, обед, приготовление уроков, игры, сон. В 1841 г. был введен единый для всех кадетских корпусов распорядок дня:

- 5.30–7.00 — подъем, туалет, молитва, завтрак;
- 7.00–8.00 — приготовление уроков;
- 8.00–11.00 — две лекции, между которыми 15-минутная прогулка на свежем воздухе в любую погоду (до минус 10 градусов — без шинелей);
- 11.00–12.00 — фронтовое учение;
- 12.00–13.00 — гимнастика, фехтование, танцы, пение;
- 13.00–13.30 — прогулка на свежем воздухе;
- 13.30–14.00 — обед (из 3 блюд);
- 14.00–15.00 — отдых;
- 15.00–18.00 — две лекции, между которыми прогулка;
- 18.00–18.30 — отдых;
- 18.30–20.00 — приготовление уроков;
- 20.30–21.00 — ужин, проверка, молитва;
- 21.00–21.30 — построение, отбой.⁹

Бытовые условия. В начале XIX в. состояние помещений кадетских корпусов нередко не соответствовало гигиеническим требованиям. Они были малы, имели плохую вентиляцию. Во 2-м Кадетском корпусе и Сиротском доме юноши спали по трое на двух кроватях и дышали ночью спертым воздухом, образующимся особенно от горения сальных свечей.

Антисанитарное состояние кадетских корпусов создавало благоприятные условия для массового распространения различных заболеваний. В 1817 г. ревизия учебных заведений установила наличие во всех помещениях столичных корпусов сырости, нечистот, тесноты и огромного количества больных воспитанников. Из 2250 учащихся корпусов более 600 человек оказалось в лазаретах, из них с чесоткой 442 воспитанника¹⁰.

Периодически в корпусах проводили ремонты. Так, в 1827 г. во время ремонта Воронцовского дворца, занимаемого Пажеским корпусом, пажей перевели в Петергоф.

Одним из спорных моментов в кадетских воспоминаниях является оценка питания. Большинство авторов указывают, что оно было организовано плохо, и объясняют, в силу каких причин: воровство, экономия, повара, скудость средств, отпущенных на стол. Действительно, нередко именно из-за плохой еды в корпусах происходили бунты, в особых случаях оканчивающиеся исключением воспитанников из корпуса и вмешательством Государя императора. Обычный завтрак и обед кадета в первой половине XIX в. состоял из следующих блюд. Утром давали «габер-суп» (овсянку) или кусок черного хлеба с солью. В 12 часов дня получали обед, состоявший из супа или щей с куском жесткой говядины,

пирогов, а по праздникам — хвороста, в 4 часа дня давалась булка и стакан воды и на ужин суп и гречневая каша¹¹.

С другой стороны, для многих кадетов, не имевших родственников, кадетская пища становилась родной¹². Еда была одним из немногих факторов, свидетельствующих о различном имущественном положении воспитанников: обычно около корпусных зданий располагались лавки со снедью, и имеющие деньги кадеты могли пользоваться их услугами. Но в большинстве случаев расплата производилась только при производстве в офицеры. Бедные кадеты тоже находили выход из положения: за деньги или за еду они решали задачи для лучше обеспеченных, но нерадивых однокашников¹³.

В конце XVIII в. быт пажей отличался от быта в кадетских корпусах не только тем, что у пажей «не было формы», но и тем, что «стол был общий, чай каждый имел свой, камер-пажам еду приносили в комнаты». ¹⁴ В царствование Николая I бунты из-за плохой еды выражались прежде всего в отказе принимать пищу, иногда в повара летели ложки, стулья и прочие предметы. Подобные инциденты внимательно рассматривало корпусное начальство. В отдельных случаях дело доходило до главного начальника кадетских корпусов великого князя Михаила Павловича и самого Николая I. Наказание зачинщикам полагалось в любом случае: и при условии, что еда была действительно плохой — если так решило посчитать высокое начальство, и если оно приходило к выводу, что «голодный бунт» не имел почвы. В последнем случае виновных могли исключить из корпуса. Конечно, не во всех корпусах питание было таким скудным. Иначе обстояло в Пажеском, и Горном корпусах. Выпускник Горного корпуса Н.И. Мамаев с гордостью вспоминал, что «стол был даже лучше, чем в Пажеском корпусе». ¹⁵

Проблема с питанием возникала не только из-за скудости средств — на каждого воспитанника младших классов ассигновалось 35 копеек в день, старших — 45 копеек — но и по причине таких негативных явлений, свойственных большинству закрытых учебных заведений, как воровство, нерадивость, незаинтересованность экономов, поваров и попустительство директора корпуса. Эконом был одним из главных лиц в корпусной иерархии, именно он отвечал за быт, атмосферу и в какой-то мере здоровье воспитанников. Не случайно личности эконома в кадетских воспоминаниях отводилась большая роль. Так, в 1-м Кадетском корпусе искренней любовью и уважением пользовался за свое бескорыстие эконом Андрей Петрович Бобров, не раз удостоившийся упоминаний в корпусных поэмах, — ему посвятил стихотворение и К.Ф. Рылеев¹⁶.

Как следили за здоровьем кадетов? Если воспитанник заболел, его осматривал корпусный врач и помещал в лазарет. Больных также могли вывозить в Старую Руссу, на Кавказ, после тяжелых заболеваний на год отправить кадета домой. Склонность к некоторым заболеваниям (например, легочным, к туберкулезу или золотухе) была обусловлена тем, что уроженцы южных губерний плохо переносили климат Санкт-Петербурга. В наиболее тяжелых случаях после годичного пребывания заболевшего дома комиссия врачей могла отчислить воспитанника из корпуса по состоянию здоровья.

Досуг. Значительную часть досуга воспитанников составляли внеклассные занятия: занятия музыкой и пение, плавание, верховая езда. В отдельных случаях воспитанников обучали столярному и слесарному делу, труду каменотеса и другим ремеслам, которые могли пригодиться будущему офицеру. Воспитанников Пажеского корпуса возили на экскурсию на Оружейный завод в Сестрорецк. Об этой экскурсии сохранились воспоминания камер-пажа К.К. Жерве (см. приложения). В провинциальных корпусах часто устраивались игры на свежем воздухе, прогулки в лес. Самыми приятными развлечениями воспитанников были театральные и музыкальные вечера. Во 2-м Петербургском кадетском корпусе каждую среду устраивались фортепианные вечера, в которых принимали участие и воспитанники, и преподаватели¹⁷.

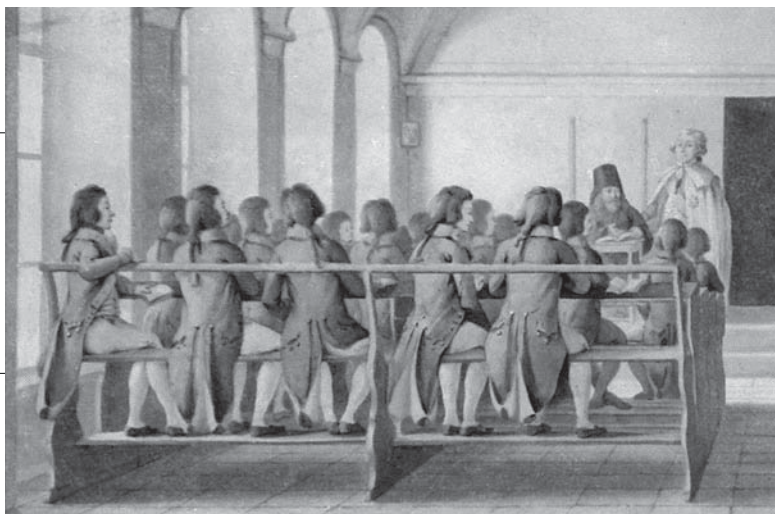
В Морском корпусе в 1831 г. по инициативе И.Ф. Крузенштерна были осуществлены театральные постановки. По случаю выпускных экзаменов гардемарины старшей роты разыграли «два театральные представления». Текст пьес был написан ротным командиром капитан-лейтенантом Шаховским. Все роли, в том числе и женские, исполняли гардемарины. Представления завершились «небольшим балетом», в котором 6 гардемарин исполнили тирольский и русский танцы и «Матлот». Зрителями были около 170 кадетов и около 100 преподавателей, которые пришли на представление с семьями.

Эти развлечения оживляли суровую корпусную атмосферу, вносили разнообразие в жизнь и быт кадетов. Театральные представления были характерны особенно для провинциальных корпусов, где начальство принимало самое живое участие в организации кадетского досуга. Они способствовали созданию более теплой обстановки в корпусе и обществе провинциальных городов. Так, в Новгороде на спектакле кадетского корпуса собиралось не только корпусное начальство, но и высшее общество города. В Омске в Войсковом казачьем училище (с 1845 г. в Сибирском кадетском корпусе) силами воспитанников устраивали театральные представления, на которые с 1830 г. приглашалась состоятельная публика из

города. В организации театральной жизни принимали непосредственное участие жена директора корпуса Ф.А. Шрама и его дочери¹⁸. В провинциальных корпусах директор или корпусные преподаватели приглашали на воскресные обеды воспитанников, не имевших в городе родных, чтобы те как-то почувствовали себя в семейной обстановке. Впрочем, такую заботу о воспитанниках проявляло начальство и в столичных корпусах.

*Урок закона Божия
в Кадетском корпусе
в марте 1792 г.*

Дергун.
1792 г.

Важной частью досуга, оказывавшей непосредственное влияние на формирование мировоззрения воспи-

танников в закрытом учебном заведении, являлось чтение. Поэтому был так важен вопрос создания библиотек и налаживания книгопечатания в кадетских корпусах. Что касается формирования и пополнения библиотек, то нередко, попадая вновь в свой корпус в качестве офицеров-воспитателей или учителей, этим занимались сами бывшие воспитанники. В этом, например, активно принимали участие Н.В. Веригин в Дворянском полку, В. Г. фон Бооль в 1-м Кадетском корпусе. Книги приносились из дома, от знакомых, родственников и тщательно просматривались. На этот счет были особые постановления правительства и распоряжения Главного начальника военно-учебных заведений.

Особую роль играла библиотека 1-го Кадетского корпуса, ставшая своеобразным памятником культуры XVIII в. История библиотеки очень интересна. В первые годы существования корпуса Анна Иоанновна купила для него библиотеку (в 7 тысяч томов) скончавшегося коменданта г. Данцига Эггерса, где был прекрасный подбор лучшей военной литературы на русском, немецком и французском языках. В дальнейшем библиотека пополнялась книгами по математике, истории, географии, литературе, философии.

В 1744 г. в ней было около тысячи томов, и она состояла из трех разделов: русских книг, иностранных книг и военного отдела. К 1787 г. библиоте-

ка, значительно умноженная, была «представлена на пользу» петербургской публике. В конце 80–90-х гг. корпусная библиотека была открыта 3 раза в неделю «для чтения всех ученых и любителей наук. Всякому позволялось требовать от библиотекаря книги, какие пожелает, и делать из оных выписки в особливо на то учрежденной комнате. Брать книги на дом разрешалось только находящимся при корпусе».¹⁹

В 1909 г. было издано описание музея 1-го Кадетского корпуса. В конце его говорилось, что в библиотеке, имеющейся при музее корпуса, находятся книги сподвижника Петра I генерала Любераса. Всего же в библиотеке насчитывается около 15 000 томов и 369 томов рукописей кадетов. В настоящее время полностью сохранившаяся иностранная часть библиотеки — 7640 книг — и 548 томов на русском языке находятся в Отделе редкой книги Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Изучение состава библиотеки говорит о том, что она пополнялась лучшими образцами литературы по различным отраслям знаний, которые кадеты могли использовать для своих занятий. Можно с полной уверенностью сказать, что именно в корпусе юноши задумывались над проблемой возможности и оправданности социальных потрясений — независимо от того, кто впоследствии выйдет на Сенатскую, кто станет верным слугой престола. Среди исторических сочинений были представлены многотомные обзоры Анкетиля, Роллена, Милло, истории революций: «История революции в Португалии», «История революции в Швеции», «Американская революция» Рейналя, сочинение о революциях в Англии и Испании, речи Мирабо. На полках стояли «*Mercure de France*» за 1787–1791 гг. и «*Journal encyclopedie*» за 1780–1792 гг. Занимаясь в корпусе, будущие декабристы могли познакомиться с «Путешествием в Грецию» Пуквиля, с сочинениями Корнеля, Расина, Бомарше, Мольера, Руссо, Вольтера.

Особый интерес представляет «Реестр книгам для библиотеки 1-го Кадетского корпуса от 18 апреля 1806 г.»²⁰ Это время обучения в корпусе К.Ф. Рылеева и других декабристов. Все перечисленные в реестре книги на русском языке — это переводная философская, историческая и художественная литература и произведения русских писателей и историков. Последнее особенно ценно, потому что сочинения русских историков в то время были не во всех русских богатых частных библиотеках. А здесь мы видим «Историю» князя М.М. Щербатова (15 книг), «Историю Российскую» В.Н. Татищева, «Историческое описание российской коммерции» Чулкова (21 том), «Историю естественную», изданную Озерцовским и Северниным (7 частей с фигурами), «Критические примечания на историю Российскую Леклерка», сочиненные И.Н. Болти-

ным (в 2-х частях). Также среди этих книг было и «Путешествие молодого Анархасиса по Греции» (2 тома), «Разговор о множестве миров» Фонтенеля и многое другое²¹. Библиотека корпуса может служить одним из важнейших источников для изучения формирования общественно-политических, философских, исторических и литературных взглядов декабристов. При 1-м Кадетском корпусе находилась типография. В XVIII в. набор книг, издаваемых в типографии, особенно переводной художественной литературы, был очень разнообразен. Типография просуществовала почти 80 лет — до закрытия в 1835 г.

Богатая библиотека была и в Пажеском корпусе, в котором учились многие декабристы. Чтение было любимым занятием пажей. Кн. Имеретинский, например, будучи пажом, «перечитал почти все романы Вальтер Скотта, Купера, Дюма, Сю, Бальзака.» Активным читателем книг из корпусной библиотеки был и Л.М. Жемчужников²². Несколько лет назад книги из этой библиотеки были найдены в Таврическом дворце. В настоящее время о ее составе могут свидетельствовать «Каталоги российским, французским и немецким книгам, находящимся в библиотеке его императорского величества корпуса от 24 марта 1830 г.», а также каталоги библиотеки, опубликованные в 1894 и 1912 гг.²³

В Морском корпусе библиотека официально была основана в 1769 г., в действительности же собрание книг для чтения было заведено в этом военном учебном заведении много раньше²⁴. Известно, что после 1762 г., когда директором корпуса стал И.Л. Голенищев-Кутузов (дядя прославленного полководца М.И. Голенищева-Кутузова), библиотека пополнялась русскими и зарубежными изданиями. Среди приобретенных были собрания сочинений Тацита, 26 частей полного описания художеств и ремесленных дел, книги по математике, фортификации, по этике и другим отраслям знаний. Многие книги были на иностранных языках. Наиболее ценные из них, в том числе «Механику» Эйлера, перевели на русский язык. Те переводы, которые не печатали, переплетали и хранили в библиотеке в рукописях. С 1764 г. началась реорганизация и расширение библиотеки.

После пожара 1791 г. было отдано особое распоряжение по корпусу о восстановлении библиотеки: «К составляемой после пожара при кадетском корпусе библиотеке надлежит определить человека, способного быть библиотекарем...» Выполняя это распоряжение, Н.Г. Курганов передал библиотеку Г. Сегесбену, который также знал иностранные языки и многое сделал для пополнения фонда. Были куплены книги по математике, астрономии, истории. Некоторые преподаватели, а также частные лица, узнавшие, что в Морском корпусе покупают книги, предлага-

ли свои собрания. Списки этих изданий И.А. Голенищев-Кутузов просматривал лично и разрешал приобретать только действительно нужные и представляющие литературную ценность²⁵.

Помимо библиотеки Морской корпус имел и свою типографию. В ней прежде всего печатались книги, необходимые для учебного процесса: «Искусство военных флотов, или сочинение о морских эволюциях», «Буггерово новое сочинение о навигации», переведенные с латинского языка геодезистом Российской академии наук Н.К. Голеневским, таблицы для вычисления движения спутников Юпитера и др. В октябре 1764 г. Н.Г. Курганов сдал в типографию новое учебное издание по геометрии, тригонометрии и геодезии.

Типография печатала также художественную литературу. Так, в 1765 г. в корпусе были переведены на русский язык и изданы произведения «Задиг, или судьба», «Свет, каков есть, или видение Бабука» знаменитого французского просветителя и писателя Ф.М.А. Вольтера²⁶. С 1803 г. Морская типография была взята на государственное содержание, был утвержден ее новый штат во главе с директором в чине генерал-майора. Теперь она выполняла и заказы Морского министерства. В первой четверти XIX в. ее подчинили непосредственно Министерству, в связи с чем на нее не распространилось влияние царской цензуры. В 60-е гг. XIX в. именно здесь в «Морском сборнике» увидели свет многие прогрессивные работы в области педагогики. С 1836 по 1863 гг. издавался «Журнал для воспитанников военно-учебных заведений», в котором печатались в основном отрывки из произведений русских классиков (К.Н. Батюшков, Н.И. Гнедич, Ф.Н. Глинка, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин и др.), а также слова и речи духовные, манифесты государя, высочайшие грамоты и рескрипты, дипломатические ноты, приказы, академические речи и т.п.

Существенной частью досуга являлись развлечения, доступные кадетам. В первую очередь это театр, корпусные спектакли (последнее было распространено в кадетских корпусах), посещение выставок, музеев, экскурсии и, конечно, балы, которые раз или два в год давались в корпусах. Одним из любимых и самых популярных занятий было ведение рукописных журналов. В конце XVIII в. в Сухопутном шляхетском корпусе велись несколько журналов: «Плоды счения (сокращение от «сочинения» или «чтения» — Н.А.) господ кадетов», «Утро праздничных дней», «Утро тысячи и одной недели», в XIX в. в Морском корпусе «Блуждающая комета».

Рукописные журналы 1-го Кадетского корпуса являются бесценным источником по изучению литературных вкусов, философских, нравственно-

этических и политических представлений эпохи Просвещения, т.е. культуры XVIII в. в целом — и западноевропейской, и русской, а также важным источником по генеалогии. В этих журналах встречаются подписи Каховского, Краснокутского, П.Н. Лунина. Лунин 1 октября 1792 г. по собственному почину начал тетрадь под названием «*Cahier surnumeraire*», где записывали стихи Я.Б. Княжнина, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и воспитанники, и учителя. Журналы «Плоды счисления господ кадетов» (1790–1794) знакомили кадетов с основными просветительскими понятиями и ценностями, которые прочно усваивали их предшественники. Наиболее часто записи отражают представления о добродетели, пороке, добре, счастье, благополучии, государстве, законе, обязанностях человека перед обществом, бедности, лести. Так, 19 января 1790 г. кадет Данненберг сделал следующую запись: «Порок есть такое чудовище, что дабы его возненавидеть, надобно только его увидеть». 15 февраля 1790 г. кадет Константинович писал: «К благоразумию и мудрости восходят по трем ступеням: первая — познать добродетель, вторая — любить добродетель, третья — быть добродетельным». Журналы велись во время Великой Французской революции и, вероятно, не случайно в них преобладают мысли о государстве, о гражданском долге, о предназначении человека. Запись от 22 июля 1790 г.: «Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам» (Шватер) Эта запись была наиболее популярна у кадетов. 7 января 1790 г.: «Послушание и повиновение суть первые должности человека, хотящего исправить свою должность. Тот, кто хочет повелевать, должен сам быть первым» (Маловиневский). 17 февраля 1790 г.: «Сделаться полезным обществу есть самое приятное удовольствие, которое одаренное разумом творение в свете сил достичь может» (Смирнов). 18 января 1790 г.: «Всякий должен избирать такой род жизни, в котором может оказать добрые и полезные людям и отечеству услуги» (Петров). 25 марта 1792 г.: «Первейшая должность человека есть служить своему Отечеству» (Шубников). 8 июля 1792 г.: «Законы столь нужны в обществе, сколь необходимо в знаниях основание, а в часах пружина» (Мармолев). 25 августа 1794 г.: «Все сочлены гражданского общества должны о состоянии оно-го усердно стараться» (Грабб)²⁷.

Журнал «Утро тысячи и одной недели» позволяет судить и об определенных литературных вкусах, и о нравственно-этических представлениях. Первая запись в этот журнал была сделана 21 октября 1790 г. кадетом Михаилом Калатинским: «Украшать мой разум, очищать мое сердце, удерживать язык, занимать мою руку, есть умеренно и мало спать — вот моя философия». В этот день было записано еще несколько любопытных

высказываний: «Один стряпчий, увидя к себе презрение от некоего президента по причине его младости, сказал ему: «Государь мой, я молод, но я читал старые книги» (Дзивович); «Честность есть неоцененное сокровище» (Нейхардт); «Хорошие законы суть подпорою государства»²⁸. В одном из номеров рукописного журнала «Утро праздничных дней» 24 июня 1793 г. записал басню «Лев и крыса» декабрист В.К. Тизенгаузен²⁹. Рукописные журналы, по-видимому, пользовались популярностью в кадетской среде и в XIX в. Возможно, именно из них черпали вдохновение будущие знаменитые авторы «сочинений Козьмы Пруткова» братья В.М. и А.М. Жемчужниковы, учившиеся в корпусе в 40-х гг. XIX в. Не случайно часть «Досугов...» Козьмы Пруткова получила название «Плоды раздумья» и некоторые из афоризмов имеют почти дословные текстологические совпадения с записями из журналов «Плоды счисления господ кадетов».

Другим видом кадетского творчества было написание поэм, посвященных корпусной жизни. Такова «Звериада» в 1-м Кадетском корпусе, которую дополняли в течение столетия. Поэмы не всегда носили безобидный характер, иногда их содержание, по сути, являлось пасквилем на корпусной порядок и непосредственно затрагивало корпусное начальство. И «обнародование» таких произведений имело неприятные последствия не только для авторов, но и для начальства. В корпусах велись сатирические журналы, газеты, происходило приобщение к журналистике и литературной деятельности (Н.П. Брусилов, М.Ю. Лермонтов, Л. М. Жемчужников и др.).

Одной из самых распространенных традиций в кадетских корпусах было празднование корпусных юбилеев. Празднование юбилеев дат основания корпусов принимало особенно торжественные формы. Принято было отмечать также юбилеи наиболее известных преподавателей и начальников. Так, в 1-м Кадетском корпусе широко отмечали юбилей 50-летней творческой деятельности Н.И. Греча и 25-летний юбилей Я.И. Ростовцева на посту главного начальника военно-учебных заведений.

Итак, нельзя сказать, что кадеты были менее начитанны, чем студенты, менее интересовались вопросами общественной и культурной жизни, но у них был специфический круг чтения, определенный «Журналом для чтения воспитанников военно-учебных заведений». С другой стороны, богатый состав корпусных библиотек во многом расширял кругозор воспитанников и помогал им стать достаточно образованными людьми. Знакомство с «внешним миром» часто осуществляли педагоги-словесники. Лекции В.Т. Плаксына, А.А. Комарова, И.И. Введенского были окном во внешний мир.

2. Воспитание и образование

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В ВОСПРИЯТИИ ВОСПИТАННИКОВ

В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX вв.

Бывшие воспитанники военно-учебных заведений давали различную оценку системе воспитания и образования в кадетских корпусах. Общее в их воспоминаниях: мысль об определяющей роли директора учебного заведения, благодаря руководству которого складывалась та или иная обстановка в учебном заведении. Часть воспитанников, особенно выпускники Пажеского корпуса, выделяли приоритет воспитания над образованием (например, П.М. Дараган, А.С. Гангелов, В.А. Бельгард), другие же отдавали предпочтение образованию. Педагоги, так же как офицеры-воспитатели, ротные командиры, делятся на «любимых» и «нелюбимых». Причем оценки одних и тех же лиц в основном совпадают в воспоминаниях за один промежуток времени.

Система отношений преподавателей и воспитанников определялась прежде всего военным характером учебного заведения. Последние должны были подчиняться требованиям военных уставов, участвовать в строевых смотрах и ходить в караулы. Однако не только эти факторы определяли повседневную жизнь кадетов. Многое зависело от личности и взглядов директора корпуса, который обладал значительной властью и был достаточно автономен в своих решениях и предпочтениях. В XVIII — начале XIX вв. смена директора корпуса нередко влекла за собой и полное изменение системы педагогических приемов и подходов. Это хорошо видно на примере деятельности трех директоров 1-го Кадетского корпуса, последовательно занимавших эту должность на рубеже XVIII — XIX вв.

Граф Федор Евстафьевич Ангальт (Фридрих-Август), четвертый сын наследного принца Вильгельма-Густава, родной внук знаменитого полководца Леопольда I и родственник императрицы Екатерины II в третьем поколении⁵⁰, будучи генерал-лейтенантом саксонской службы, перешел в 1783 г. на русскую службу и приобрел почетную известность как сподвижник Екатерины на педагогическом поприще. Вскоре по прибытии в Россию, не довольствуясь той подготовкой, которую дало ему книжное знакомство с ней, он предпринял путешествие с целью лучше узнать страну. На путешествие граф Ангальт потратил три года, посещая

даже отдаленные пределы России и особенно интересуясь торговлей, благотворительными и учебными заведениями.

Характер обращения графа Ангальта с воспитанниками был не совсем обычен даже для XVIII столетия, когда «властители дум» эпохи Просвещения обратились к проблемам воспитания. Так, он говорил, что наставник должен «предоставлять себя терпению, а в руки воспитанников передавать цветы». Вероятно, граф Ангальт следовал этому правилу, чем заслужил восторженную любовь своих питомцев. С чувством благодарности и признательности вспоминают о нем бывшие кадеты С.Н. Глинка, В.А. Селиванов, И.С. Жиркевич и др.

О либеральной обстановке в корпусе в ангальтовскую эпоху свидетельствуют записки знаменитого русского филолога А.Х. Востокова. Он был принят в корпус гимназистом, но «не имел надобности обучаться военным экзерцициям и мог посвятить себя совершенно мирным наукам». В корпусе Востоков становится близким другом П.С. Железникова, который познакомил воспитанников с сочинениями Карамзина, «выступившим только тогда на сцену в «Московском журнале»³¹.

При графе Ангальте в корпусе установился своеобразный обычай. В зале стояло несколько досок, на которые кадеты должны были заносить по очереди мысли писателей и ученых, обратившие на себя их внимание. Мысли эти извлекали из книг, которые в изобилии были предоставлены кадетам для пользования³². По воскресеньям кадеты собирались в зале, и здесь, в присутствии графа Ангальта, происходило чтение всего накопившегося за неделю материала. Результатом установленного графом Ангальтом обычая беседовать с кадетами явилось собрание изречений, которыми покрывались стены «Рекреационной залы» и особой стены в саду корпуса. Об этой стене рассказывает М.Ф. Каменская: «...родственник Императрицы Екатерины II, известный умница граф Ангальт для облегчения маленьким кадетам будущего их учения придумал расписать каменную стену вокруг их сада фресками и изобразить на них известные исторические события, страны света, географические карты, светила, планеты небесные и все, что впоследствии должно было войти в их уроки. Стену эту расписали тогдашние мастера прекрасно, и граф назвал ее «La muraille parlante» (говорящая стена — Н.А.). И точно, стена эта наглядно говорила о многом, так что мальчуганы, еще не учась серьезно, бегая и играя в саду, невольно заглядывались на картинки и приходили в классы уже приготовленными»³³.

На «Говорящей стене» записаны и собственные мысли графа Ангальта, по сути, изложение его педагогической системы. Вот некоторые из них: «Неотделанный алмаз не может служить украшением. Его надо отполи-

ровать для того, чтобы он показался в полном блеске. Пусть эта мысль чаще служит основанием для аналогии в ваших суждениях, сохраняйте ее в вашем уме, чтобы она никогда не оставляла вас. Милые мои дети, дорогие друзья, прошу вас, изучайте как можно прилежнее искусство хорошо читать. Вы и не подозреваете, до какой степени это важно и достойно ваших забот. Коль скоро вы научитесь читать как следует, вы полюбите чтение, а если вы с охотой будете читать и у вас будут хорошие и полезные книги, само собой разумеется, вы научитесь хорошо мыслить, хорошо говорить, хорошо писать и, наконец, поступать и вести себя»⁵⁴.

А вот совет графа Ангальта своим воспитанникам уже как профессиональным военным: «Придет время, дорогие дети... когда вы должны будете приказывать, тог-

Е.И. Ангальт

А.П. Екимов.
Начало XIX в.

да приказывайте, прошу вас, мягко и спокойно, но твердым и уверенным тоном. Все это производит более, чем обычно думают, впечатления на подчинен-

ных. Не позволяйте себе гнева, запальчивости, высокомерия и надменности и не унижайте никого, так как это возмущает»⁵⁵. По окончании корпуса каждый кадет получал в подарок книгу «La salle de recreation» (рекреационная зала), перед титульным листом которой был рисунок, изображавший две руки, стягивающие узел, с надписью: «Настанет день, мои милые дети, когда вы оставите этот дом; но я льщу себя надеждою, что ваше удаление отсюда еще более укрепит ту связь, ту любовь и ту признательность, которой вы обязаны этому заведению».

Однако такое воспитание, несмотря на все благие намерения и прилагаемые усилия графа Ангальта, приходило в серьезное столкновение с реальной жизнью: воспитанники корпуса, выйдя из него, нередко оказывались совершенно неприспособленными к жизни, не могли служить, хотя о службе мечтали с детства. В конце XVIII в. в ряде полков происходят самоубийства среди молодых офицеров, среди которых были и выпускники Сухопутного шляхетного корпуса⁵⁶. Ф.Н. Глинка писал: «Ангальтовскую систему воспитания порицали, и не без основания. Метода Ангальта превратила корпус в какую-то нравственную оранжерею. Отделенные своею стеною от мира гражданского, питомцы науки и теории оставались за этою стеною безвыходно около десятилетия, вынося из своего уединения избыток чувствительности, доброты, часто простодушной до забавного, и романтическую наклонность к мечтам, они, несмотря на всю роскошь своего воспитания, долго не могли сделаться деловыми, годными работниками...»⁵⁷ И сам Ангальт говорил своим воспитанникам: «Мне кажется, мои милые дети, что в этом саду, в наших рекреационных залах, в наших дортуарах и классах мы окружены, как оболочкой,... приятными и полезными средствами для нашего развлечения, для наших занятий и для нашего образования»⁵⁸.

Серьезное противоречие заключалось в мысли о создании государственного учебного заведения, где коллективно воспитывались бы граждане, и именно эти граждане должны были занять определенное место в иерархической структуре самодержавной власти. И граф Ангальт бессознательно усугублял это противоречие. Ангальтовская система привела к тому, что «мечтатели» при определенных условиях могли оказаться «политическими мечтателями», как впоследствии и вышло, но уже при другом директоре и в других условиях. Скончался Ф.Е. Ангальт в 1794 г., как говорили, из-за переживаний, вызванных объяснением с Екатериной II по поводу воцарившегося в корпусе крамольного духа. Ревностный сторонник педагогики Просвещения, Ангальт стремился внести в атмосферу отношений преподавателей и воспитанников начала товарищества и сотрудничества. В корпусе имела открытое хождение европейская (уровень знания кадетами основных европейских языков фактически исключал языковой барьер), а также русская периодика (издания И.А. Крылова, Н.М. Карамзина и некоторых других) — и это в эпоху Великой Французской революции! По воспоминаниям выпускника корпуса С. Н. Глинки, в одном из залов корпуса на специальном столе помещалась свежая европейская и русская периодика, доступная всем воспитанникам. По воскресеньям в этом же зале происходило обсуждение прочитанного. На досках в том же зале кадеты в течение всей недели

часть I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

могли письменно изложить свои мысли о прочитанных книгах и статьях. Эти записи так же становились предметом для обсуждения³⁹.

В директорство Ф.Е. Ангальта процветал корпусный театр, лучшим актером которого был один из преподавателей — словесник П.С. Железников (во всяком случае, его считал таковым бывший воспитанник корпуса Ф.В. Булгарин)⁴⁰. Свободное же время в хорошую погоду кадеты проводили в саду корпуса, окруженном «говорящей стеной», на которой были изображены выдающиеся события всемирной истории. Она была своеобразной границей, отделявшей воспитанников от тягот и жестокостей окружающего мира⁴¹. При всей идилличности отношений такого рода, оппоненты ангальтовской системы «оранжереинного воспитания» (в частности, Ф.Н. Глинка) указывали на психологические сложности, возникающие у бывших воспитанников в процессе адаптации к реалиям суровой военной (да и не только военной) жизни⁴².

Что касается образования в Сухопутном Шляхетном корпусе конца XVIII в., то, по мнению выпускника корпуса генерал-лейтенанта Л.С. Васильковского, образование было составлено основательно. По воспоминаниям его дочери А.Л. Филипповой, «отец основательно владел французским и немецким языками, был знаком с литературой XVIII в. и отчасти XVII столетия. Впоследствии все свободное время от службы он посвящал чтению». Филиппова нашла тетради отца из синей бумаги с чертежами, геометрическими и алгебраическими задачами, а также с выписками из прочитанных книг за всю жизнь⁴³.

При сменившем Ф.Е. Ангальта на посту директора корпуса герое Измаила и будущем выдающемся полководце М.И. Кутузове жизнь в корпусе кардинально изменилась, как уже говорилось выше. С этого момента начинается последовательное превращение корпуса в военно-учебное заведение. Несмотря на то, что нововведения М.И. Кутузова нашли отклик далеко не у всех, тем не менее он оставил у воспитанников благоприятные воспоминания. Постепенно привыкнув к новому директору (хотя именно с приходом Кутузова розга становится неотъемлемой частью корпусной жизни), они впоследствии вспоминали, что «директор имел вид грозный, но не пугающий» и посвятили ему восторженные строки в «Прологе» к 125-летию юбилею корпуса.

Не менее кардинальные изменения, хотя и иного рода, последовали при преемнике М.И. Кутузова Ф.М. Клингере, сменившем его в 1800 г. на посту директора. Клингер, приехав в чужую страну, вынужден был полностью принять ее правила и представления. Поэт-бунтарь, известный немецкий писатель, давший своей пьесой название известному литературному направлению «Буря и натиск» («Sturm und Drang»), автор ро-

от практики екатерининского бригадира (т.е. отца К.Ф. Рылеева — Н.А.): детей при нем секли так же нещадно, как и дворовых на конюшне Рылеева в Киевской усадьбе. Клингер не догадывался, что среди его воспитанников находится будущий собрат его по Парнасу. Немец был занят сочинениями, которые посылал для печати в Германию, каждый раз предупреждая русскую цензуру о необходимости наложить на них строжайший запрет, если они проникнут в Россию: свои произведения он считал опасными и вредными для варварской страны. Занятый в часы досуга дрессировкой собак, он мало интересовался воспитанием вверенных его попечению молодых дворян, полагая, что розги — самое надежное педагогическое средство⁴⁵.

А вот как вспоминает об Ф.М. Клингере бывший воспитанник корпуса декабрист А.Е. Розен: «...кадеты прозвали его «Белым медведем». Почти все время он проводил на своей квартире, лежа на длинных вольтеровских креслах, в белом халате и колпаке, с длинной трубкой во рту, с пером и книжкой в руках. В Германии до сих пор считается знаменитым поэтом. «Белый медведь» строго требовал от дежурных кадет, чтобы в кабинет к нему входили тихо, без доклада, не шаркали, не орали, отдав рапорт, и не

Ф.В. Булафин
1841

хлопали бы дверьми, коих было с полдюжины до его кабинета. Сам же, когда заметит перед собой кадета навтыжку, рта не смеющего раскрыть, то

медленно поворотит голову и кивнет, а дослушав рапорт, снова в книжку носом уткнется, не вынув трубки из рта⁴⁶. Свою деятельность Клингер начал с того, что закрасил «Говорящую стену».⁴⁷

Тем не менее, при Клингере успешно продолжал свою деятельность учитель российской словесности П.С. Железников. По свидетельству Ф.В. Булга-

рина, «он был лучшим воспитанником при графе Ангальте, а также одним из лучших актеров корпусного театра. П.С. Железников знал русский язык основательно и притом был весьма силен в языке французском, немецком, итальянском. Еще будучи кадетом, он перевел Фенелона «Телемака». Особое значение Ф.В. Булгарин придает изданию П.С. Железниковым «классной книги под заглавием «Сокращенная библиотека» (в 4 частях)». Это «избранные места и отрывки (имеющие полный смысл) из лучших русских писателей (в стихах и прозе), из древних классиков и знаменитейших французских, немецких и английских старых и новых писателей в отличных переводах. Железников извлек, так сказать, эссенцию из древней и новой философии, с применением к обязанностям гражданина и воина, выбрал самые плодотворные зерна для посева их в уме и сердце юношества. Различные отрывки в этой книге заставляли нас размышлять, изощрять собственный разум и искать в полных сочинениях продолжения понравившегося нам в отрывках. Кроме того, в «Сокращенной библиотеке» мы находим образцы слога и стиля языка, примеры систематического изложения мыслей и военного красноречия. Книга эта была для нас путеводной звездой на мрачном горизонте и сильно содействовала умственному нашему развитию и водворению любви к просвещению».⁴⁸

В то же время Н.И. Греч именно на «Сокращенную библиотеку» указывал как на источник вольнодумства и легкомыслия К.Ф. Рылеева: «Откуда залезли в него либеральные идеи? Прочие заговорщики были воспитаны за границей, читали иностранные книги и газеты, а этот неуч, откуда набрался вздор? Из книги «Сокращенная библиотека», составленной для чтения кадет учителем корпуса, даровитым, но пьяным Железниковым, которая помещала в себе целиком разные республиканские рассказы, описания, речи из тогдашних журналов. Утверждали, что «Мятежники 14-го декабря» были большей частью лицеисты. Большею частью были в их числе воспитанники 1-го Кадетского корпуса, читатели библиотеки Железникова. Заманчивые идеи либерализма, равенства, республиканских должностей ослепляли молодого необразованного человека».⁴⁹

Нельзя согласиться с Н.И. Гречем, что К.Ф. Рылеев был неучем: он сам признавал, что «Рылеев учился довольно хорошо тому, чему учили в корпусе».⁵⁰ Об этом свидетельствует и факт, что при выходе из корпуса К.Ф. Рылеев был выпущен в артиллерию как окончивший одним из лучших, т.е. по 1-му разряду. Но что касается политического воспитания, то Н. И. Греч в данном случае абсолютно прав: при Клингере кадеты были предоставлены сами себе — он не задавался целью воспитать «граж-

дан», да и не очень заботился о том, чтобы воспитать верных слуг Государю. Кого запреты (например, закрашивание «Говорящей стены») вполне устраивали, у кого будили протест. Тут играл роль и характер. Н.И. Греч писал о К.Ф. Рылееве, что он «вел себя порядочно, но был дерзок с начальниками и с намерением подвергался наказаниям, его секли нещадно, он старался выдержать характер, не произнося жалобы, ни малейшего стоны, и встав на ноги опять начинал грубить офицеру».⁵¹

Угрюмым и суровым человеком называет Клингера и бывший кадет К. Зенденгорст: «В продолжение 19-летнего правления корпусом генералом Клингером не было сделано никаких улучшений ни в нравственном, ни в физическом, ни в учебном воспитании кадетов, то было время какой-то безжизненности в корпусе». Негативной чертой, по мнению Зенденгорста, было то, что Клингер не желал выучиться русскому языку, который «не мешало ему знать как директору учебного заведения в России, с кадетами Клингер объяснялся на французском языке, и инспектор классов переводил нам по-русски»⁵². Черствость и равнодушие к кадетам, мрачный и мизантропичный характер директора во многом объяснялся трагедией, связанной с гибелью в войне 1812 г. единственного сына Клингера — Александра. Нельзя не обратить внимание и на такой положительный факт, как создание Клингером совместно с экономом А.П. Бобровым фонда в 100 тысяч рублей для того, чтобы на проценты с этого капитала экипировать неимущих воспитанников. С другой стороны, несмотря на сложные отношения с кадетами, Ф.М. Клингер был близким другом В.А. Жуковского, который принимал живое участие в судьбе Клингера, особенно после того, когда тот попал в опалу и оказался в отставке.

Во время директорства Клингера воспитанники корпуса жили преданиями о «золотом веке» корпуса эпохи Ангальта, которые они получали из рукописных журналов, где стояли подписи их родственников, возможно, у кого-то и старших братьев. Так, встречаются подписи А.М. Каховского, будущего декабриста С.Г. Краснокутского, П.Н. Лунина. Кстати, тетрадь П.Н. Лунина «*Cahier surnumeraire*» велась и во время обучения в корпусе К.Ф. Рылеева, — об этом свидетельствуют интересные «Мысли вслух» Ф.В. Ростопчина, в которых говорится о пагубности французского влияния.

В Морском шляхетном кадетском корпусе в 90-е годы XVIII в. качество обучения резко упало. Стали процветать грубость и невежество. Телесные наказания, порка провинившихся были обычным явлением. В своих воспоминаниях о жизни корпуса в этот период выпускник 1799 г. декабрист В.И. Штейнгель писал, что И.А. Голенищев-Кутузов, будучи чрез-

мерно загружен делами в различных государственных учреждениях, после перевода корпуса в Кронштадт почти не появлялся там. Фактически всем правил капитан 1-го ранга Н.С. Федоров, человек грубый и необразованный. Что касается командиров рот, то они, «казалось, хвастались друг перед другом, кто из них бесчеловечнее и безжалостнее сечет кадетов. Каждую субботу... в дежурной комнате целый день вопль не прекращался».⁵³

К началу XIX в. относятся сохранившиеся на страницах мемуарных сочинений впечатления от учебы в корпусе. Среди них есть те, которые указывают на особенности и слабые стороны в системе образования, беспорядочность в обучении, бессистемность, особенно в младших классах. По воспоминаниям М.А. Бестужева узнаем, что «учебников не было. Каждый учил, сообразуясь с тем, как его самого учили». «Уроки вели по старым запискам, их под диктовку переписывали безграмотные кадеты, переваривая все до бессмыслицы. Записанное зубрили. Способнейшие из кадет, раздражаясь бестолковостью обучения, изощряли способности в озорстве. Шалости пресекались розгой, но порки никто не стыдился, хвастаясь своими рубцами, как воины ранами. Были, конечно, и другие учителя. Когда, озадаченный нешуточной отцовской угрозой лишиться его своей дружбы, Николай Бестужев, что называется, взялся за ум, то, оглядевшись, он увидел себя в классе знаменитейшего в корпусе Кузнецова, учителя математики. Этот и самых отчаянных шалунов мог увлечь своей только с виду сухой и скучной наукой. Николай Бестужева он сделал первым учеником».⁵⁴

Самое замечательное впечатление оставил о себе у Николая Бестужева инспектор классов Платон Яковлевич Гамалея. «Гамалея был мученик от науки: добровольно возложил на свои согбенные плечи тяжелый крест и нес его одиноко, безропотно. Он поставил себе задачу, едва разрешимую: написать учебник по всем важнейшим из корпусных дисциплин. Начал с астрономии, навигации, высшей математики, — все это излагалось, применяясь к детскому разуму. Не ждал он ни помощи, ни благодарности... Чтобы усовершенствовать слог в своих учебниках, сделать его понятнее, задавал им вопросы, выслушивал внимательно, самые удачные ответы записывал. По слепоте своей Гамалея не различал уже фигур, начертанных на доске, даже в очках, и не мог прочитать математических формул. Учеников заставлял объяснять все словами. Гамалея учил их не математике, не астрономии, — учил их мыслить и жить... «Не говори, братец, — повторял он им, — не говори, прошу тебя, так, как если не знаешь еще, как именно. Не говори, следовательно, когда из твоих слов, прежде сказанных, еще ничего не следует.» Он учил их ясности,

логичности мышления на примерах таких строгих наук, каковы навигация, астрономия, высшая математика, где точность мысли служит отчетливости поступков и где логическая пунктуальность неотделима от пунктуальности поведения, неотделима от его безупречной четкости, а стало быть — и честности. Ибо всякое отступление от истины поведет неизбежно к искажению курса, к потере искомой цели». ⁵⁵

С теплотой вспоминает о П.Я. Гамалее В.И. Штейнгель: «Юность не размышляет о пользе, а польза была явная; в это время началось преподавание высшей математики и теории кораблевождения. Преподавателем был незабвенный кротостию и добротою Платон Яковлевич Гамалея, у которого самый строгий выговор заключался в словах: «Экой ты, братец, печальной». Я у него был первым в классе и после, из старших унтер-офицеров, первым вышел и по выпуску». ⁵⁶

П.Я. Гамалея окончил корпус в 1788 г. и с 1795 по 1811 г. был инспектором классов корпуса, видным ученым, действительным членом Академии наук. Именно он возглавлял учебное дело в корпусе в то время, когда в нем училось большинство морских офицеров, будущих декабристов. П.Я. Гамалея находился в близкой дружбе с А.Ф. Бестужевым — в прошлом боевым офицером, участником морского сражения близ острова Сескар и Красной Горки (23 мая 1790 г.).

С другой стороны, в первые десятилетия XIX ст. в Морском корпусе продолжала насаждаться мелочная опека над гардемаринами. Ротным командам вменялось в обязанность больше бывать среди учащихся. Кроме главного ротного дежурного офицера, в каждой роте появились дежурные офицеры, круглосуточно находившиеся в корпусе. Цель опеки — не допустить появления в корпусе «свободного образа мыслей». После восстания декабристов, в ноябре 1826 г., морское министерство провело полное инспектирование корпуса. Его результатом стало появление нового положения о Морском кадетском корпусе и новый штат. Морской кадетский корпус был приравнен к экипажу, равному в строевом отношении армейскому батальону. Должность капитана 1-го ранга была переименована, теперь заместитель директора стал называться командиром экипажа. На этой должности остался капитан 1-го ранга П.Ф. Качалов ⁵⁷.

19 октября 1827 г. сменился директор корпуса. Вместо назначенного губернатором и главным командиром Кронштадта контр-адмирала Рожнова им стал И.Ф. Крузенштерн, занимавший эту должность до 1842 г. И.Ф. Крузенштерн как директор сосредоточил свое внимание на улучшении учебного процесса, повышении качества общей и профессиональной подготовки кадетов. Новый преподавательский состав уже к 1830 г. подготовил к печати новые руководства по начертательной гео-

метрии, географии, тактике, арифметике, алгебре. Также удалось повысить с 10 до 14 лет возрастной ценз для приема детей в младшую группу. Особое внимание директор уделял налаживанию учебного процесса в офицерском классе, который по праву считал своим детищем⁵⁸.

В силу своей элитарности особым учебным заведением являлся Пажеский корпус. В разное время в нем учились П.И. Пестель, В.С. Норов, Я.Н. Толстой, В.И. Ивашев, П.П. Свистунов, И.П. Коновницын, братья В.М. и А.М. Голицыны и многие другие декабристы и лица, причастные к их движению. Они, разумеется, были знакомы с традициями своих предшественников. А традиции им оставили не только бывшие пажи, но и мальтийские рыцари, покинувшие Россию в 1817 г. Так, они оставили 8 заповедей, которые пажи старались соблюдать, что видно из записок П.М. Дарагана: «Ты будешь верен всему тому, чему учит церковь, и будешь исполнять все ее предписания. Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником. Ты будешь любить страну, в которой родился. Ты не отступишь перед врагом. Ты будешь вести с неверными беспощадную и постоянную войну. Ты не будешь лгать и останешься верен данному слову. будешь щедр и будешь поборником справедливости и добра против несправедливости и зла»⁵⁹

О системе образования в Пажеском корпусе в конце XVIII в. остались немногочисленные воспоминания. В записках Н.П. Брусилова встречается критическое отношение к уровню образования пажей. «Учили по-гречески и по-латыни, но едва ли кто из нас умел читать по-латыни и едва ли кто знал греческую азбуку от альфы до омеги»⁶⁰. Таким образом, обучение древним языкам носило нередко формальный характер.

Из «Записок камер-пажа» П.М. Дарагана (пажа великой княгини Александры Федоровны в 1817–1819 гг.), мы узнаем, что «Пажеский корпус, хотя и находился в то время в числе военно-учебных заведений, причем состоял под начальством Главного управления этих заведений, но во многом резко отличался от них. Это был скорее аристократический придворный пансион....Пажи не делились, как кадеты, на роты, но на отделения. Вместо ротного командира у них был гувернер, вместо батальонного командира гофмейстер пажей».⁶¹

Формированию атмосферы непринужденности во многом способствовало и само здание, где находился Пажеский корпус. Прежде дом, занимаемый корпусом, принадлежал бывшему государственному канцлеру при Елизавете Петровне, затем он являлся резиденцией Мальтийского Ордена. П.М. Дараган так пишет о внутреннем убранстве дворца: «Дворец... не был еще приспособлен к помещению учебного заведения и носил все

признаки роскошного жилья богатого вельможи XVIII столетия. Великолепная двойная лестница, украшенная зеркалами и статуями, вела во 2-й этаж, где помещались дортуары и классы... Все дортуары имели великолепные плафоны. На плафонах изображались сцены из Овидиевых превращений, с обнаженными богинями и полубогинями. В комнате 4-го отделения, где помещалась моя кровать, на плафоне было изображение освобождения Персеем Андромахи. Без всяких покровов прелестная Андромаха стояла прикованная к скале, а перед нею Персей, поражающий Дракона. Непонятно, как никому из начальственных лиц не пришло на мысль, что эти мифологические картины тут вовсе не у места, что беспрестанное невольное созерцание обнаженных прелестных богинь могло пагубно действовать на воображение воспитанников и что гораздо целесообразнее было бы снять эти картины (они были очень ценны). Но главное начальство мало интересовалось нами. Главный начальник военно-учебных заведений, великий князь Константин Павлович постоянно жил в Варшаве и ни разу не посетил корпуса. Заступивший его место генерал Клингер занимался немецкой литературой и писал философские романы. Это был человек желчный, сухой, угрюмый, один из первых писателей реальной школы в Германии». ⁶²

Далее у Дарагана представлены преподаватели, которым он дает весьма не лестные характеристики. Так, «инспектор классов, Ode-de-Sion, французский эмигрант, любил более хорошее вино, хороший обед и свою ма-сонскую ложу, в которой он занимал место Великого Мастера. Иногда, в послеобеденные часы, пред тем, как отправиться в ложу, приходил он в класс и там, где не было учителей, садился подремать на кафедре. Один наш гофмейстер, полковник Клингерберг, был к нам близок и жил нашей жизнью. Это был душа-человек, простой, ласковый, сильный. Пажи любили, уважали и боялись его, но круг его деятельности был ограничен наблюдением за порядком и приготовлением пажей к военной службе... Что касается до научного образования, то в то время и мы, как и все, учились понемногу «чему-нибудь и как-нибудь». В ответ на «Записки» П.М. Дарагана вышли «Воспоминания» бывшего камер-пажа В.Ф. Адлерберга. По его мнению, «суждение об начальствующих лицах Пажеского корпуса не совсем справедливо, равно, как суждение о преподавании наук, по крайней мере, в сравнении с тем, что было во время моего пребывания в корпусе. Конечно, тогда образование учеников стояло гораздо ниже уровня теперешнего, но все-таки оно не было так низко, как говорит о том автор записок» ⁶³. Вероятно, воспоминания П.М. Дарагана не лишены предвзятости, так как П.И. Пестель, вернувшись из Дрездена, где он получил европейское образование, серьезно готовился

для того, чтобы сдать вступительный экзамен в Пажеский корпус, и приложил усилия, чтобы выйти из корпуса первым учеником. Так же серьезно занимался и В.С. Норов, учась в Пажеском корпусе. В.С. Норов своими способностями обратил на себя внимание императрицы Марии Федоровны, «которая брала его часто во дворец к своему сыну Николаю Павловичу. Все свое свободное от занятий время паж Норов стал употреблять на самообразование. Он прочел большинство классиков французских, многих из немецких. История, в особенности военная, была его любимым предметом; при этом он уделял праздное время на уроки рисования и черчения, которые брал у одного из учеников Академии художеств»⁶⁴.

Дараган видит в обучении и другие недостатки: «В Пажеском корпусе преподавали без системы, поверхностно, отрывочно». (Но эти недостатки были характерны для всех учебных заведений данного периода — и военных, и гражданских. Такого рода замечания мы встречаем и в «Дневнике» Н.И. Тургенева, и у М.А. Корфа.) Зато «нравственным настроениям» в корпусе Дараган дает очень высокую оценку: «Но если преподавание наук было отрывочно и вообще слабо, то нравственное настроение пажей было особенно замечательно. Почти все сыновья аристократов и сановников — пажи из своих семейств приносили в корпус и укореняли тогдашний лозунг высшего общества «noblesse oblige» (положение обязывает) и использовали понятие о «point d'honneur» (дело чести). Гордясь званием пажа, они сами более своего начальства заботились, чтобы между ними не допущен был никто, на кого бы могла падать хотя бы тень подозрения за какой-нибудь неблагоприятный поступок. Не так страшно было наказание, ожидавшее виновного от начальства, как то отчуждение, тот остракизм, которому неминуемо подвергался он среди своих товарищей».⁶⁵

Несмотря на близость ко двору, начиная с 1815 г. в Пажеском корпусе постоянно возникают «тайные общества». В 1819–1820 гг. составилось «Общество квилков», один из участников которого, Арсеньев, стал причиной истории, известной под названием Арсеньевского бунта. Для Арсеньева проступок имел неприятные последствия, он был исключен из корпуса, но меры ужесточения не пресекли «дух вольномыслия». Находясь в заключении, бывший паж А.С. Гангеблов прямо пишет, что «школьный бунт этот был детищем тех же учений, которые привели к декабрьской катастрофе»⁶⁶. (Декабрист В.И. Штейнгель был не прав, когда указывал в письме Николаю I из крепости на то, в каких учебных заведениях был «разлит дух вольномыслия», исключив кадетские корпуса)⁶⁷.

Для сравнения посмотрим, что же происходило в первой четверти XIX в. в гражданских учебных заведениях? Лучше всего известны нам Лицей, Московский университетский благородный пансион и Московский университет, пансион аббата Николя. Об этих учебных заведениях, о быте, порядках, ученическом и педагогическом составе оставили воспоминания, записи в дневниках бывшие воспитанники этих учебных заведений. Они дают разные оценки тому, чему их учили, тем, кто их учил, но все отмечают непринужденную и либеральную обстановку. В многочисленных лицейских журналах находим иронические отзывы о преподавателях:

Пусть о нас заводят споры
С Энгельгардтом профессоры,
И они ведь нули
Ай, люли.⁶⁸

Инспектор классов Фролов, исполнявший перед Энгельгардтом должность директора, пытался навести порядок, за что и удостоился следующих строк:

По поведенью мы хлебаем,
А все молитву просыпаем.
* * *
Ты первый ввел звонка тревогу
И в три ряда повел нас к Богу.
* * *
Наверх пускал нас по билетам,
Цензуру учредил газетам.
* * *
Французским забросал Вальвиля,
Эмилией зовешь Эмиля.⁶⁹

Насмешливое отношение к преподавателям встречается и в рукописных журналах 1-го Кадетского корпуса. Разными лицами часто высывались полюбившиеся им строчки:

Танцовщик, ты богат, профессор, ты убог,
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

Разумеется, в Лицее были и другие преподаватели, оставившие глубокий след в сердцах лицеистов. Здесь надо назвать А.П. Куницына, А.И. Галича и И.К. Кайданова. Именно они повлияли и в умственном, и в политическом отношении на своих воспитанников, привили им свобододолюби-

вые идеи, привезенные «из Германии туманной». Конечно, не все лицеисты первого выпуска были довольны и характером преподавания. Так, не устраивал метод переписывания лекций, даже таких интересных, как Куницына. На него жалуются М.А. Корф⁷⁰ и С.Д. Комовский. Он в своем дневнике от 21 марта 1821 г. пишет: «Я имел вовсе это время весьма много дела; ибо профессора наши беспрестанно задавали, особливо переписывать, одна эта переписка занимала весьма много времени и занимала его самым скучным образом»⁷¹. В этих лицеистах Куницын явно не зажег «чистой лампы», но для остальных он остался другом.

П.В. Анненков в интересной работе «Пушкин в Александровскую эпоху» пишет о преподавателях и преподавании: «Группа учителей, выбранная в руководители ея (т.е. молодежи) — Н.Ф. Кошанский, А.П. Куницын, П.И. Карцов, И.К. Кайданов, потом А.И. Галич и другие... свидетельствуют об усилиях снабдить заведение лучшими представителями того времени. Не за ними, ни около них мы не видим в 1811 г. ни одного русского имени, которое имело бы более прав на звание образцового преподавателя, чем эти, тогда еще молодые имена. И совершенно справедливо Анненков замечает, что основы воспитания не были еще выработаны тогда ни у кого. И потому опрометчиво было бы говорить о полном крахе педагогического эксперимента. Да, атмосфера в Лицее была настолько непринужденной, что воспитанники скоро взяли власть в свои руки, и учителям ничего не оставалось, как им подчиниться. Например, «уроки А.И. Галича» превратились в непринужденные и часто веселые беседы с воспитанниками, которые даже не оставались на своих местах, а окружали толпой кафедру снисходительного лектора, в свободные часы дружески посещали его в отведенной ему комнате. Впрочем, надо прибавить, что при обширных познаниях Галича нельзя считать его бесед с лицеистами бесполезными для их образования».⁷²

Касаясь в своих воспоминаниях Галича, которого Пушкин выставил эпикурейцем, Матюшкин рассказывает очень интересную подробность об этом жизнерадостном профессоре: «Галич обыкновенно привозил с собою на урок в Лицей какую-нибудь полезную книгу и заставлял при себе одного из воспитанников читать ее вслух».⁷³

Этот метод очень напоминает метод, использованный в XVIII в. графом Ангальтом в 1-м Кадетском корпусе, тогда Сухопутном Шляхетном. И вообще, какой бы несерьезной ни казалась система образования самим лицеистам, но о полезности преподаваемых предметов, о сожалении об участии Куницына мы узнаем из письма Е.А. Энгельгардта, человека, несомненно, гуманного, но не разделявшего новейших либеральных воззрений, к Ф.Ф. Матюшкину от 25 июня 1821 г. «Ты,

вероятно, уже слышал,...что «Естественное право» Куницына, напечатанное по приказанию Министра народного просвещения и с одобрения цензуры, конфисковано и запрещено, как книга пагубная, разрушающая веру христианскую и расторгающая все связи семейные и государственные; что Куницын от всех должностей отставлен и запрещено ему что-либо и где-либо преподавать. Жаль! А Куницын умел учить и добру учил». ⁷⁴

А в 1822 г. Лицей из ведомства Министерства Просвещения попадает в ведомство главного начальника военно-учебных заведений. Как раз в это время и ведется оживленная переписка графа П.П. Коновницына с великим князем Константином Павловичем по поводу укоренения в учебных заведениях «духа якобинизма и вольномыслия». В.И. Семевский в «Политических и общественных идеях декабристов» приводит интересные сведения о нравственной атмосфере Лицея В.Н. Каразина и неизвестного автора сочинения «Нечто о царскосельском лицее и духе оногo». ⁷⁵

На следствии по Делу 14 декабря С.С. Татищев обнаруживает в бумагах декабриста Д.И. Искрицкого письмо его брата, воспитанника Царскосельского пансиона при Лицее. Возмущенный С.С. Татищев пишет военному генерал-губернатору, что сам Искрицкий «словесно показал, что слышал от него, что в упомянутом пансионе многие из его товарищей думают так же, как он». ⁷⁶

Из стен Московского университетского благородного пансиона и Московского университета тоже вышли будущие декабристы. Здесь учились (были студентами) или посещали лекции: Н.М. Муравьев, Н. И. Тургенев, И.Д. Якушкин, С.П. Трубецкой, А.П. Юшневский. Они учились в разное время, но некоторые познакомились на университетской скамье. И университет, и пансион последовательнее, чем в других учебных заведениях, продолжали традиции XVIII в.: и ведение рукописных журналов, что вообще, вероятно, характерно для всех учебных заведений конца XVIII — первой четверти XIX в., и манера изложения лекций. Любопытно, что Лицей считали прямым продолжением Университетского благородного пансиона. «Бесспорно, что многие порядки, введенные в Москве, в Университетском пансионе, были перенесены в новосозданный Царскосельский Лицей. Это объясняется тою лестной репутацией, которою пользовался Университетский пансион как среди общества, так и среди тогдашнего педагогического мира. Так, например, образование Литературного сообщества среди юных лицеистов можно объяснить тем, что из числа воспитанников первого курса Лицея шесть человек поступило туда из Московского университетского пансиона». ⁷⁷

Разумеется, и в Университетском пансионе были свои недостатки, но так ли уж прав был всегда скептически настроенный Николай Иванович Тургенев, столь нелестно оценивая пансион и отдавая предпочтение домашнему воспитанию! В его дневнике от 6 августа 1807 г. появляется такая запись: «Некоторые, имеющие состояние, чтобы воспитывать детей своих дома, думают (совсем несправедливо), что в пансионе лучше быть воспитанну. Нет! Они ошибаются и самым грубым образом. Надобно войти во все подробности сего общественного воспитания. Как можно оставить мальчика лет 12 и более на его произвол? (Конечно, на его произвол, потому что в пансионе ни к чему принудить не можно). И как полагаться на надзирание какого-нибудь немца (Фрейденрейх)... или университетского студента, который только что читает по-русски, как, говорю, полагаться на надзирание такого невежды, как вверять невинных младенцев таким необразованным людям? О, несчастные жертвы!.. Я сам был лет 8 в сем пансионе, но не в таком положении, я был полупансионером, это совсем не то. Сам видел несчастных, которые надолго загубили себя. Всех бы (начальника Антоновского и надзирателей) не жалко перевешать. Начальником тут давно Антоновский, профессор энциклопедии — это довольно, чтобы дать понять о его познаниях». (Совсем иная характеристика пансиона Прокоповича-Антоновского у М.А. Дмитриева). И в Университете Тургеневу нравилось только на первых порах, 8 сентября он говорит, что чувствует пользу лекций, 3 декабря он замечает, что самые приятные часы, которые он проводит в Университете, «суть лекции Мерзлякова».⁷⁸

С другой стороны, о преимуществах общественного воспитания писал известный русский просветитель Александр Федорович Бестужев. Вместе со своим другом И.И. Пниным в 1798 г. он издавал «Санкт-Петербургский журнал», где поместил свой трактат «Относительно воспитания благородного юношества». О чем писал в своем трактате А.Ф. Бестужев? Он считал, что «дворянским детям, которым общественные условия даруют великую власть над людьми, необходимо смолоду прививать чувствительность к человечеству, дабы они обходились с другими людьми, как и с собой бы желали и не делали бы другим, чего себе не хотят; чтобы каждый сознавал, что слуга и всякий самый малейший человек заслуживает уважения как сотворенный ему подобно. Власть без добродетели и достоинство без заслуги суть истинные причины надменной глупости».⁷⁹

Через много лет его старший сын Николай тоже запишет в своих «Мыслях о воспитании»: «Дети, воспитывающиеся под глазами родителей, по большей части бывают неспособны управляться сами собою в свете:

беспрестанное внимание, предупреждение всех желаний, исполнение всех надобностей, даже прихотей, при самом благоразумном воспитании, лишает детей способности действовать собственным рассудком и в особенности прилагать свои понятия к действительности. Как много видел я достойнейших молодых людей с прекрасными чувствованиями и с высоким образованием, со всеми развернутыми душевными качествами, как скоро они оставались одни и должны были действовать по собственной воле, впадавших ... в отчаяние от того, что у них не было наставника, руководителя, который сопровождал бы их действия в свете, как то было дома. Все способности, все чувствования обращались тогда в какое-то болезненное нервное ощущение, и чем нежнее было образование, тем мучение становилось сильнее. Напротив того, не хваля во всем объеме общественного воспитания, скажу, что противопоставляя вышеописанным молодым людям, если большая часть людей, получивших образование в общественных заведениях, не может представить таких блестящих успехов в образовании, зато они способнее к отправлению обязанностей, требуемых от гражданина; лучше могут приложить немногие сведения свои к действиям — если чувствительность душевного организма не доведена до столь высокого развития, то взамен сего мы видим их с силою характера и воли, действующих давно, с малолетства, по собственным внушениям, идущих твердою стопою без страха по давно знакомым им стезям света».⁸⁰

В конце XVIII — первой четверти XIX вв. разный характер обучения воздействовал на умы учеников, вызывая свободолобивые вначале мысли и мечты, а затем определенное умонастроение: и жесткая, даже где-то деспотическая дисциплина, как, например, в кадетских корпусах, или же воспитание, подобное лицейскому, обучение в самом Лицее, Московском университетском благородном пансионе, а также и в Школе колонновожатых. Разумеется, нельзя говорить о формировании четких и ясных политических убеждений, но основы уже, несомненно, были заложены. Направление было дано, которое в определенный момент оказалось решающим. Конечно, из одних и тех же стен, читая одну и ту же литературу, и учебную, и художественную, и политическую, выходили люди с различными убеждениями. Но даже если брать и таких различных деятелей, как Рылеев и Булгарин, то и Булгарин в молодости «грешил» либеральными настроениями. А обучались они в одном и том же учебном заведении — 1-ом Кадетском корпусе. То, что Булгарин резко изменил свою позицию — другой вопрос, он поступил соответственно изменившейся политической ситуации, он был более мобилен.

И в этом, наверное, и сказался «дух времени», что из учебных заведений, имеющих целью воспитать преданных царю и Отечеству служителей, вышли люди со «свободным образом мыслей», если не явные революционеры, то настроенные оппозиционно. «Традиция» и «дух времени» уживались и нередко дополняли друг друга. Полученное воспитание сказалось на всех: и на участниках восстания, и на лицах, близких к ним, и на их политических противниках. Что выбрал каждый из них, зависело, конечно, от психологического типа, о чем блестяще пишет М.О. Гершензон. «Фанатики» по своему психологическому складу, продолжали уже в иных условиях развивать ту политическую культуру, которую получили в юности. А поскольку политическая культура является частью общей культуры, а ее, в свою очередь, формировала система воспитания, заложенная в эпоху Просвещения, те, кто стал политическими деятелями, декабристами, продолжали углублять те политические идеи, которые стали по своей сути уже кризисными и были заранее обречены, даже в России. И несмотря на знакомство с новейшими либеральными произведениями, эти идеи их все же не коснулись внутренне: большую часть своей жизни они прожили представлениями иной эпохи. Конечно, высказывания относятся в основном к старшему поколению декабристов, хотя и для младшего поколения, особенно для тех, кто учился в провинциальных гимназиях, произведения великих французских просветителей были основным источником либеральных идей. В закрытых же учебных заведениях традиции в системе воспитания сохраняются гораздо дольше, чем при воспитании домашнем, куда все-таки гораздо свободнее проникает «дух времени». Воспитание не только формировало мировоззрение, давало направление уму, но и мировоззрение вырабатывало определенный стиль и мышления, и поведения, и изложения. Удивительное сходство стилей в период обучения в Лицее, Университетском благородном пансионе и 1-м Кадетском корпусе проявляется в дневниковых записях С.Д. Комовского, письмах к родителям Н.И. Тургенева и К.Ф. Рылеева. Названия предметов, изучаемых и в гражданских, и в военных учебных заведениях: гражданское право, естественное право, римское право — говорят сами за себя.

Таким образом, системы воспитания, утверждавшиеся в кадетских корпусах в конце XVIII — первой четверти XIX вв., имели много сходных черт с аналогичными системами, принятыми в других учебных заведениях. Для корпусов был характерен общий для той эпохи «дух неповиновения и якобинизма», одним из главных проявлений которого стал выход из этих стен многих участников декабристских организаций.

часть I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В «НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ»

Все изменилось с восшествием на престол Николая I. Не без оснований новый царь считал причиной всего произошедшего «пагубный дух» образования, приведший к неповиновению, ставшему, в свою очередь, системой. В Манифесте от 13 июля 1826 г. он объявил «подобную роскошь полужнаний едва ли не главной причиной восстания». Политика правительства направлялась в дальнейшем на то, чтобы предотвратить второе повторение подобного революционного взрыва. В своем рескрипте от 19 августа 1827 г. на имя А.С. Шишкова Николай поставил перед Министерством народного просвещения задачу так перестроить систему народного образования, чтобы во всех учебных заведениях «предметы учения и сами способы преподавания были по возможности сообразаемы предназначениям обучающихся». ⁸¹

Министерство просвещения с особенной тщательностью стало следить (и не без оснований) за преподаванием словесности. В циркулярном письме Министра просвещения попечителям от 27 мая 1833 г. последним поручалось «наблюдение»: обучается ли юношество с надлежащим тщанием российскому языку и отечественной словесности? Внушаются ли ему при всяком удобном случае преданность к престолу и повиновение власти?» ⁸² Начинается строгий надзор и за преподавателями, и за учениками.

В эти же годы в Московском университете были блестящие преподаватели (Н.И. Надеждин, М.Т. Каченовский), а студенты стали через несколько лет новыми «властителями дум». Идеи декабристов обсуждались в кружке братьев Критских и Сунгурова; возникали философские кружки А.И. Герцена, Н.В. Станкевича, В.Г. Белинского, литературный кружок Лермонтова. Новые «властители дум» были чужды установленной системе порядка и показали, что теперь не только военные могут снискать известность и славу своей оппозиционностью. Хотел того Николай или нет, но значительная часть общества была настроена враждебно по отношению к нему, в первую очередь — формирующаяся разночинная интеллигенция.

Характеристика корпусного воспитания в 30-50-е гг. со стороны бывших воспитанников неоднозначна, практически все авторы записок сходятся во мнении о появлении большей строгости. Небольшая деталь из обстановки в Пажеском корпусе: в 1827 г. Николай I велел сделать в нем ремонт и при этом распорядился закрасить все фривольные сюжеты на плафонах дворца. К 1830 г. дворец приобрел внутри вид казенного заведения. Вместе с тем существовало и мнение, высказанное одним из вос-

питанников 1-го Кадетского корпуса, что «со вступлением на престол императора Николая I для корпуса началась блестящая эпоха: милости, издаваемые обожествляемым монархом на корпус, были бесчисленны». Одной из таких «милостей» было «пожалование Николаем I 1-му Кадетскому корпусу портретов своих предков от императрицы Анны Иоанновны до Александра I». ⁸³

В то же время при директоре корпуса П.П. Годайне (Годеине) существовал суровый порядок: «Дисциплина (не рассуждать), характер, терпение, прямота, крепкое товарищество, остальное : «не могу знать» и «точно так». Недаром Л.М. Жемчужников, начинавший учиться в корпусе при П.П. Годеине, с переходом в 1845 году в Пажеский корпус от-

О.С. Лихонин

Б.Ф. Борель

мечал перемены к лучшему в своей жизни: здесь произошло его знакомство с К.И. Брюлловым, к которому он ходил на занятия в мастерскую Академии художеств. Директор Пажеского корпуса Н.В. Зиновьев, зная об увлечении Л.М. Жемчужникова, предоставлял ему возможность заниматься на его квартире. Особенно тягостной была обстановка в 1-м Кадетском корпусе во время директорства О.С. Лихонина (1847–1851), который был неприветлив с кадетами, бессердечен, мстителен, злопамятен, не умел отличить детской шалости от серьезного порока. Экзекуцией при нем занимались музыканты, которые надевали железные кольца для более сильного удара. Кадеты всегда сторонились его ⁸⁴.

У воспитанников Пажеского корпуса был иной взгляд на николаевскую эпоху. Так, по словам князя Н.К. Имеретинского, «история Пажеского корпуса — это история царствования Николая I. Стоило бы выстроить весь корпус, и перед глазами явилась бы в лицах история царствования Николая I». Далее, характеризуя воспитание и образование в Пажеском

часть

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

корпусе в 1843–1848 гг., он отмечает «три стороны тогдашнего воспитания пажей: 1) научное образование, 2) служба при дворе, 3) собственно военное обучение».⁸⁵

Большая роль в организации внутренней жизни Пажеского корпуса в этот период принадлежала ротному командиру Карлу Карловичу Жирардоту, который был душой и двигателем всего, что делалось в корпусе. К.К. Жирардот очень внимательно следил за соблюдением пажами придворного этикета, за хорошим знанием французского языка и хорошими манерами. Во время летних лагерей он отделял пажей от воспитанников других военно-учебных заведений, стремясь сохранить элитарность и обособленность пажей⁸⁶.

В провинциальных корпусах часто учились лучше, и успехи в науках объяснялись самолюбием и желанием сделать карьеру не хуже, чем ее делали выпускники столичных кадетских корпусов. Большое значение сами кадеты уделяли самообразованию, уровень их начитанности часто превышал столичный. В провинциальных корпусах чаще, чем в столичных, наблюдались «семейные отношения» между кадетами, преподавателями и ротными командирами⁸⁷. Была одна проблема провинциальных корпусов, включая и московские (Москва, хотя и вторая столица, но имела другой, нестоличный уровень), состояла в том, что они находились дальше от Двора, от государя императора, главного начальника военно-учебных заведений, поэтому чаще страдали от злоупотреблений власти корпусного начальства⁸⁸.

Главной воспитательной мерой в 30–40-е гг. в кадетских корпусах продолжала оставаться розга. Но данный «педагогический прием» кадеты 30–40-х гг. не связывали (за редким исключением) с Николаем I и великим князем Михаилом Павловичем, а только с директором, инспектором классов, ротным командиром, дежурным офицером и нелюбимыми учителями.

С другой стороны, уже в конце 40-х гг. во многих корпусах произошел переворот в сторону «смягчения нравов» — видоизменилось отношение к поркам у самих воспитанников: если в 30 — сер. 40-х гг. тип «бывалого» кадета, «закала» вызывал уважение и восхищение, то в конце 40-х гг. — начале 50-х гг. «быть сеченым считалось позором». С другой стороны, по мнению одного воспитанника, розгам, применяемым за неуспех в науках, подвергались одни и те же лентяи⁸⁹.

Перелом в восприятии корпусной жизни в целом совпадает с периодом «мрачного семилетия» 1848–1855 гг. В воспоминаниях Н.А. Крылова, А.Н. Корсакова, Л.Л. Драке, Д.А. Скалона, Л.М. Жемчужникова, П. Мещерякова, в беллетризованных воспоминаниях А.И. Лемана «Очерки ка-

детской жизни» ощущаются веяния нового времени, события, происходившие за стенами корпуса. Тип «старого кадета», о вредном влиянии которого на воспитанников кадетских корпусов говорится во всех воспоминаниях, начинает исчезать из корпусной жизни в конце 40-х гг., когда в 1848–1849 гг. в действующую армию из кадетских корпусов отправляли всех второкурсников. К концу 50-х гг. почти полностью исчезают и телесные наказания. Это отмечают сами воспитанники и столичных, и провинциальных кадетских корпусов. Начальство военно-учебных заведений начинает понимать, что подобные наказания формируют тип старого кадета, гордящегося своими рубцами. От такого кадета в будущем нельзя ожидать верности престолу. Тем более что своими одноклассниками «старый кадет» нередко воспринимался как борец за справедливость, даже теми, кто ни разу не был высечен. В это время изменяются и взгляды директоров кадетских корпусов, ведь во многих заведениях телесные наказания были личной прерогативой директора. В 50-е гг. кадеты начинают усиленно читать современные журналы: «Современник», «Искру», «Отечественные записки», «Библиотеку для чтения», «Время». Любимыми писателями становятся Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Н.Г. Помяловский, Ф.М. Достоевский.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в николаевское царствование внутренняя атмосфера в корпусах коренным образом изменилась. На первое место, по воспоминаниям бывших воспитанников, вышли такие качества, как любовь к государю и верность престолу. Эти верноподданические чувства были достаточно искренними и глубокими, несмотря на общую жесткость режима, установившуюся в эту эпоху и отмеченную повсеместным распространением телесных наказаний и подавлением личной инициативы воспитанников. Именно в николаевскую эпоху военно-учебные заведения оказались вовлеченными в систему корпоративных ценностей офицерско-дворянской среды, объединявшей в едином духовном братстве весь офицерский корпус — от самого императора до самого младшего из кадетов — будущих офицеров, и последовательно противопоставлявшей его непрестижному и подозрительному слою «гражданских». По-видимому, именно чувство причастности к этому избранному братству, поддерживавшееся постоянными личными визитами в корпуса самого Николая I и членов императорской фамилии, стало главным фактором, определившим чувства и мысли воспитанников. Характерно, что смерть императора и поражение в Крымской войне вызвали деморализацию кадетов и падение дисциплины, поставившие вопрос о необходимости преобразований военно-учебных заведений.

часть I

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

3. Выпускники кадетских корпусов на службе Отечеству

Среди выпускников кадетских корпусов мы встречаем деятелей, оставивших яркий след в самых разных сферах общественной, политической и культурной жизни, помимо, естественно, военной. В разное время через систему военного образования прошли: основатель русского театра Ф.Г. Волков, художники В.В. Верещагин, П.А. Федотов, Н.А. Ярошенко, автор «Толкового словаря» В.И. Даль, писатели А.Н. Радищев, А.П. Сумароков, С.Н. Глинка, ФН. Глинка, Ф.М. Достоевский, Д.В. Григорович, А.И. Куприн, поэты М.Ю. Лермонтов, В.Г. Бенедиктов, С.Я. Надсон, композиторы Н.А. Римский-Корсаков, Ц.И. Кюи, основатель русской физиологии И.М. Сеченов, выдающийся русский географ и исследователь П.П. Семенов-Тянь-Шаньский. В кадетских корпусах и военных

Ф.Г. Волков
Е.П. Чемесов
с оригинала
Лосенко.
Конец XVIII в.

училищах получили образование видные деятели русского революционного движения. Среди них декабристы К.Ф. Рылеев, П.И. Пестель, В.С. Норов, братья Бестужевы, П.П. Свистунов и многие другие, а также историк, географ и революционер князь П.А. Кропоткин.

Среди лиц, окончивших кадетские корпуса и ставших известными военными деятелями или сделавшими гражданскую карьеру, многие оста-

вили воспоминания, где главную заслугу в своем становлении отдают учебным заведениям, их воспитавшим. Это генерал от инфантерии Валериан Александрович Бельгард, выпускник Пажеского корпуса; генерал от артиллерии Эдуард Владимирович Бриммер, выпускник 1-го Кадетского корпуса; Семен Богданович Броневский, генерал-лейтенант, генерал-губернатор Западной Сибири, сенатор, окончивший Шкловский кадетский корпус; Иван Иванович Венедиктов, гвардейский офицер, впоследствии вице-директор Управления военно-учебных заведений, чиновник департамента полиции, Главного управления путей сообщения и государственного контроля, воспитывавшийся в корпусе для малолетних в Москве и Дворянском полку в Петербурге; генерал-лейтенант Дмитрий Григорьевич Колокольцев, выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров; генерал-лейтенант и писатель Виктор Данилович Кренке, выпускник Военно-сиротского дома в Петербурге; генерал-лейтенант, поэт и писатель Михаил Александрович Марков, обучавшийся в Дворянском полку; генерал от инфантерии, комендант Петербурга, нижегородский генерал-губернатор Алексей Алексеевич Одинцов, прослуживший на военном поприще 60 лет, окончивший 1-й Кадетский корпус; генерал-лейтенант и композитор Николай Алексеевич Титов, учившийся в I-м Кадетском корпусе; офицер-педагог, генерал от инфантерии, член Государственного совета Владимир Георгиевич фон Бооль, учившийся в Александровском кадетском корпусе для малолетних и 1-м Кадетском корпусе; Михаил Алексеевич Домонтович, боевой генерал, участник Крымской и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., впоследствии генерал-лейтенант в Ведомстве военно-учебных заведений, военный писатель, получивший образование в Петровско-Полтавском кадетском корпусе (отец Александры Коллонтай); историк, публицист, общественный деятель, редактор и издатель журнала «Русская старина» Михаил Иванович Семевский, выпускник Полоцкого кадетского корпуса, и многие другие.

В войне 1812 г. приняли участие 31 генерал из выпускников 2-го Кадетского корпуса. Бывшие воспитанники 2-го Кадетского корпуса впоследствии стали крупными изобретателями, деятелями науки, культуры и искусства. Среди них один из родоначальников отечественной ракетной артиллерии А.Д. Засядко, профессор математики В.И. Висковатов, академик живописи А.Е. Коцебу, поэт В.Г. Бенедиктов и другие.

Выпускники кадетских корпусов были активными участниками общественной и научной жизни. Например, им принадлежала инициатива кругосветных путешествий. Командирами двух военных трехмачтовых

парусных кораблей «Надежда» и «Нева», совершивших в 1803 г. первую русскую кругосветную экспедицию, были И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский, выпускники Морского Шляхетного кадетского корпуса. Они также являлись участниками Гогландского, Эландского, Ревельского и Выборгского сражений в годы войны со Швецией. Среди опытных офицеров экипажей «Надежды» и «Невы» был выпускник Морского корпуса П.П. Арбузов, мичман, а затем лейтенант Ф.Ф. Беллинсгаузен, кадет О.Е. Коцебу. Десятки питомцев Морского корпуса участвовали в кругосветках, среди них М.Д. Анненков, Е.А. Беренс, А.С. Лесков, О.Е. Коцебу, Ф.П. Врангель, Л.А. Гагемейстер и М.П. Лазарев.

В войну 1812 г. многие морские офицеры отличились в сухопутных боях, например, моряки морского Гвардейского экипажа сражались в составе 1-й Западной армии генерала М.Б. Барклая-де-Толли (капитан-лейтенанты Г.К. Горемыкин, П.А. Колзаков, лейтенанты А.Е. Титов, А.Д. Валуев, А.И. Дубровин, Н.И. Ушаков, мичманы Н.П. Римский-Корсаков и М.Н. Лермантов.

Боевым офицером был мичман Н.П. Римский-Корсаков (дядя композитора Н.А. Римского-Корсакова), будущий директор Морского кадетского корпуса. Он был награжден орденом за наведение мостов через Десну и Березину, участвовал в сражении под Смоленском, Бородином и Тарутином, служил ординарцем у генерала Н.Н. Раевского, а затем у главнокомандующего русской армией М.И. Голенищева-Кутузова, при генерале А.П. Ермолове.

Выпускникам Морского кадетского корпуса, прославленным флотоводцам М.П. Лазареву, П.С. Нахимову, В.А. Корнилову, В.И. Истомину и их ученикам принадлежит выдающаяся роль в развитии отечественного парусного флота.

Михаил Петрович Лазарев, блестяще окончив Морской кадетский корпус, в 1803 г. в числе 30 гардемарин отправлен на практику в английский флот, служа в котором участвовал в Трафальгарском сражении. Исключительные боевые качества командира и мужество проявил Лазарев в боях и сражениях русского флота. За участие в Наваринском сражении (1827 г.) весь личный состав его корабля «Азов» впервые в истории русского флота получил высшую награду — Георгиевский кормовой флаг, а сам командир был произведен в контр-адмиралы и награжден орденом. В течение 17 лет Лазарев был командующим Черноморским флотом.

В 1802–1809 гг. в корпусе учился Николай Александрович Бестужев. Глубокие научные знания Бестужева обратили на него внимание корпусного начальства, и он был оставлен в корпусе сначала воспитателем, а затем

преподавателем «морских эволюций, морской практики и высшей теории морского искусства». За исследования по истории русского флота Н. А. Бестужев был избран почетным членом Государственного адмиралтейского департамента и назначен историографом флота. Его «Опыт истории российского флота» признан выдающимся научным трудом, несмотря на то, что охватывает период от начала X в. до Гангутского сражения в 1714 г. Рукопись этого труда долгое время считалась утраченной, но в конце 50-х гг. XX столетия обнаружена сотрудниками Центрального государственного архива Военно-морского флота.

С 1815 по 1818 г. в Морском корпусе у П.Я. Гамалеи, Н.А. Бестужева и др. учился адмирал Павел Степанович Нахимов, герой обороны Севастополя. Его товарищем по корпусу и кругосветному плаванию на фрегате «Крейсер» был будущий декабрист Д.И. Завалишин. За участие в Наваринском сражении, где Нахимов командовал батареей корабля «Азов», он «действовал с отличною храбростию, за что был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом».

В 1823 г. Морской кадетский корпус окончил еще один будущий герой Севастополя — вице-адмирал В.А. Корнилов. Участник Наваринского боя, он командовал кораблями на Балтийском и Черном морях, в течение 5 лет возглавлял штаб Черноморского флота.

При обороне Севастополя своим мужеством отличились многие выпускники Морского кадетского корпуса: Г.И. Бутаков, В.И. Истомин, И.Г. Руднев, И.А. Шестаков и другие.

Среди более 3 тыс. офицеров, подготовленных в первой половине XIX в. Морским кадетским корпусом, многие стали крупными учеными, литераторами. Это выпускник 1841 г., внук А.Н. Радищева, известный живописец-маринист А.П. Боголюбов. Он стал автором серии реалистических картин на тему истории русского флота. Одна из них — «Афонское сражение 18 июля 1807 г.» была подарена Боголюбовым корпусу в 1852 г., когда отмечался столетний юбилей этого учебного заведения.

В 1857 г. в Морской кадетский корпус поступил К.М. Станюкович, сын адмирала М.Н. Станюковича. После кругосветного плавания, в котором он находился с 1860 по 1863 гг., в «Морском сборнике» он опубликовал свои первые рассказы об этом плавании. В чине лейтенанта К.М. Станюкович вышел в отставку и посвятил себя литературной деятельности. Его произведения воспевают море, романтику парусного флота, дальних плаваний, героике матросских будней. Вместе с тем писатель обличает крепостнические порядки царской России, поднимает в своих произведениях острые социальные вопросы⁹⁰.

Несмотря на «закрытость» военно-учебных заведений, препятствовавшую общению с «внешним» миром, в стены корпусов проникали известия о всех волновавших современников событиях. Для кадетов конца XVIII в. это прежде всего Великая Французская революция и кампании, которые успешно вела Россия: Русско-турецкие войны и походы Суворова, обстоятельства смены царствований. В первой четверти XIX в. — войны с Наполеоном 1805–1807 и Отечественная война 1812 г., а также трагическое событие внутривоспитательной жизни страны — восстание декабристов, к нему оказались причастны многие выпускники кадетских корпусов. Во второй четверти XIX в., в правление Николая I, это — казнь декабристов, дуэль и смерть Пушкина, кавказские войны и Крымская война, многочисленные европейские революции. В войне 1812 г. приняли участие практически все воспитанники кадетских корпусов конца XVIII — начала XIX вв. Многие из них прямо из стен корпуса уходили в поход против Наполеона. Среди них будущие декабристы П.И. Пестель, В.С. Норов, К.Ф. Рылеев и другие.

Впоследствии многие воспитанники кадетских корпусов стали непосредственными участниками или очевидцами восстания 14 декабря в Петербурге. Вот как описывает события, происходившие в этот день в столице, в своих записках выпускник Пажеского корпуса В.А. Бельгард: «Начальство совсем растерялось, и человек десять пажей, я в их числе, воспользовавшись этим, удрали на Сенатскую площадь»⁹¹. Активное участие приняли в событиях 1825 г. морские офицеры, бывшие воспитанники Морского корпуса. Несколько десятков флотских офицеров и более тысячи матросов Гвардейского экипажа вышли на Сенатскую площадь. Среди них братья Бестужевы, В.И. Штейнгель, А.П. Беляев, Д.И. Завалишин, А.П. Арбузов, В.А. Дивов и многие другие. Непосредственными очевидцами восстания оказались гардемарины: они ушли на Сенатскую площадь вопреки приказу директора корпуса П.Ф. Качалова.

В течение всего периода своего существования кадетские корпуса были неотъемлемой частью русской общественной жизни. Хотя свойственный им закрытый характер имел целью изолировать воспитанников от общества, однако на деле эта цель достигалась далеко не полностью. Вместе с тем выпускники военно-учебных заведений, выходя за их стены, вливались в общественную и политическую жизнь, связанную с самим характером их сословия, которое, будучи господствующим, всю свою историю оставалось по преимуществу военным. Эти люди приносили на свое новое поприще элементы тех идей и представлений, основы которых были заложены в период их кадетской юности. Кроме того, не-

сомненно высокий уровень общего образования, дававшийся корпусами своим воспитанникам даже в период после завершения «военизации» корпусов, воплотился в деятельности тех выпускников, которые вошли в научную, литературную и музыкальную жизнь России.

4. Кадетские корпуса в переломное время: накануне реформ 60–70-х гг. XIX в.

В середине 50-х гг. XIX в. в русском обществе возникает осознание ненормального положения некоторых моментов в постановке учебного дела и воспитания в кадетских корпусах. Так, начинает критиковаться неуместность совместного воспитания почти взрослых молодых людей с детьми, чрезмерное увлечение строем и физическими упражнениями в ущерб общеобразовательным дисциплинам. Ставится вопрос о необходимости совмещения у наставников фронтальной подготовки со специальным педагогическим образованием.

Предреформенное брожение в обществе отразилось в жизни кадетских корпусов массовым падением дисциплины, неповиновением старшим офицерам и корпусному начальству, вспыхивавшими время от времени беспорядками. Примером проявления падения дисциплины является дело 1854 г. о «буйстве» воспитанников Орловского корпуса, переведенных в Дворянский полк. Причиной беспорядков было то, что в этом заведении широко использовались телесные наказания розгами и произвольно выставлялись кадетам баллы за успехи, а воспитанники в классах распределялись не по знанию и возрасту, а по росту. Результатом стало появление огромного числа неуспевающих, которые исключались из корпуса. В начале 50-х гг. беспорядки охватили столичные кадетские корпуса (I-й Кадетский корпус в Петербурге, 1-й Кадетский корпус в Москве).

Недовольство существующими правилами вызывало беспорядки и в других кадетских корпусах. Во всех этих случаях Главный штаб действовал силой. Но после Крымской войны, в период роста общественного движения в России, беспорядки в ряде случаев начинали приобретать политическую окраску, а сведения о них стали проникать в печать, в частности в «Колокол» Герцена. Теперь самодержавие стало с беспокойством

относиться ко всякому происшествию в кадетском корпусе и искать других мер воздействия.

Не следует переоценивать политического значения беспорядков в кадетских корпусах, воспитанниками которых были сыновья дворян. Однако наличие их свидетельствовало о необходимости не только усиления воспитательного влияния на молодые умы, но и некоторых изменений в самой системе подготовки дворянской молодежи, что и было сделано позднее⁹².

В качестве образца «протеста» воспитанников можно привести события 14 апреля 1861 г. в 4-й роте 1-го Кадетского корпуса. Во время вечернего повторения уроков кадеты в присутствии поручика шаркали ногами, после ужина плохо пели молитву, а закончив ее, стали шуметь. Внешним поводом к беспорядку стало то, что во время ужина один из воспитанников обратился к поручику с просьбой дать ему компот. В ответ на эту просьбу офицер предложил кадету обратиться с этой просьбой к ротному командиру. Тогда обиженный юноша сказал: «Зачем же обращаться к ротному командиру, когда вы дежурите»? Поручик, находя ответ невежливым, наказал кадета лишением отпуска. За пострадавшего вступились товарищи. Они распространили в роте слух, что в корпусе предстоят беспорядки, и призывали всех воспитанников принять в них участие. Воспитанники охотно отозвались на этот призыв шарканьем ног и криками протеста. Зачинщики беспорядка были наказаны розгами, посажены в карцер, а вся рота лишена отпусков⁹³.

К недостаткам корпусного воспитания сторонники реформ относили низкий уровень нравственности кадетов. Большинство их еще из семьи привозило дурные пороки, связанные с крепостным правом и всеми его порождениями. «В число кадетов, — замечает современник, — попадали юноши, в науке не прошедшие дальше азбуки, но изучившие разврат в совершенстве, привыкшие в деревне давать раздолье своей барской воле над крепостной челядью и усваивать себе отрицательную сторону нравственности», естественно, что в интернате эти пороки, передаваясь друг другу, только умножались⁹⁴.

Другим негативным моментом, по мнению сторонников реформ, было полное подчинение личности кадетов корпусному начальству. В Пажеском корпусе Николай I велел делать осмотры личных ящиков воспитанников, что было распространено на все остальные военно-учебные заведения. Малейшая неосторожность в словах не пропусклась без последствий. Так, еще в 1835 г., при посещении Николаем I и Михаилом Павловичем Новгородского Аракчеевского кадетского корпуса, священник в своем слове выразился так: «Отечество вверило свой покой и свое

благоденствие воле и попечению монарха самодержавного». Михаил Павлович с укором заметил ему: «Бог вверил, а не Отечество».⁹⁵

Отношение к кадетским корпусам не было однозначным во все время их существования: от одобрения и благодарности со стороны большинства выпускников до критики и осуждения со стороны современников. Негативно к военно-учебным заведениям относились такие разные люди, как А.С. Пушкин и Л.В. Дубельт. А.С. Пушкин в записке «О народном воспитании», написанной в 1826 г. специально для Николая I, писал, что «кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большего присмотра за нравами, которые находятся в самом гнусном запустении». По мнению Л.В. Дубельта, «в кадетских корпусах свирепствует такой дух непокорности, такое отчуждение от всего прекрасного, такой страшный эгоизм, что и самый лучший юноша заражается этими недугами; потом вносит их в общество и распространяет их там; а как общество наполнено воспитанниками корпусов, так и мудрено ли, что эта зараза каждый день делается сильнее. Корпуса стоят казне очень дорого, а корпуса губят Россию, истребляя все хорошие чувства в молодых людях и заменяя добрые родительские правила каким-то неукротимым буйством.» Окончательно негативное отношение к кадетским корпусам с требованием кардинальных перемен возникло уже после смерти Николая I, прежде всего, из-за позора Крымской войны — практически все русское общество воспринимало поражение в Крымской войне как позор (записки А.Ф. Тютчевой)⁹⁶. Система кадетских корпусов закономерно должна была рухнуть после смерти Николая, как рушилось все, им созданное, а кадетские корпуса были его любимым детищем, которым он гордился.

Тем не менее и годы спустя выпускники кадетских корпусов сохраняли о своих учебных заведениях добрую память. Так, бывший воспитанник 1-го Кадетского корпуса К. Волховский писал: «Не будем касаться, насколько было необходимо уничтожение корпусов и создание военных гимназий, не то гражданских, не то военных, насколько была сохранена верность старым традициям, столь важная для военных; оценка всему этому — дело будущего, дело истории... Но все-таки практика заставляла возвратиться к военной организации корпусов, так как преобразователи не справились ни с историей, ни с опытом, а реформировали в силу своего влияния или власти... Вряд ли безошибочно скажем, что прежние кадетские корпуса по образованию стояли выше современных им гражданских гимназий.... Как ни строго и даже жестоко было подчас начальство корпуса, как ни далеко стояло от призвания воспитать юношество, ставя себя в большинстве случаев в антагонизм с каде-

тами, но зато оно спланивало кадет в одну массу, которая воспитывала сама себя, укореняла чувства чести, справедливости, долга, терпение, прямоту; сглаживала национальности, религии, связывала дружбою, искореняла пороки, вырабатывала массу цельных характеров, в большинстве случаев помогших преодолеть препятствия и житейские невзгоды, не дав себя увлечь среде, жить, работать, бороться, служить и помогать товарищам... То же большинство осталось верным старым кадетским традициям: «Честность, доброе имя, дух товарищества.» В этом емком и несколько патетичном высказывании К. Волховского сконцентрирована сущность предназначения кадетских корпусов и та роль, которую они сыграли в истории России.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

- 1 Головин Н.Н. Российские офицеры / Подгот. И.В. Образцов // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 46.
- 2 Брусилов Н.П. Воспоминания // ИВ. 1893. № 4. С. 51,52.
- 3 Бельярд В.А. Автобиографические записки // РС. 1899. Т. 97. № 1. С. 166.
- 4 Фрейман О.Р. фон. Пажи за 185 лет. — Фридрихсгамн, 1894; То же. 1897.
- 5 РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 6. Д. 9626. Документы и биографии бывших пажей. Л. 1-7; Т. 6. Д. 9224. Норов В.С. 1812 г. Д. 9308. Пушкин А.А. 1851 г.
- 6 Пущин М.И. Записки Михаила Ивановича Пущина // РА. 1908. № 11.
- 7 Положев В.Н. Воспоминания // ИВ. 1893. № 5. С. 709-710.
- 8 Цылов Н.И. Записки о моей жизни // Щукинский сборник. — М., 1906. С. 53.
- 9 Назаров А.Н. Формирование нравственной культуры у воспитанников военно-учебных заведений России. — М., 1997. С. 67.
- 10 Алпатов Н.И. Указ. соч. С. 56.
- 11 Алпатов Н.И. Указ. соч. С. 55.
- 12 См. Леман А.И. Очерки кадетской жизни.
- 13 См. Воспоминания Филипповой А.В. об отце Васильковском В.А.: Филиппова А.В. Из воспоминаний // РА. 1917. № 2-3. С. 45-46.
- 14 Брусилов Н.П. Воспоминания // ИВ. 1893. № 4. С. 49.
- 15 Мамаев Н.И. Записки Н.И. Мамаева // ИВ. 1901. Т. 83. № 3.
- 16 Кропотков Д.А. Несколько сведений о Рылееве: По поводу

- записок Греча // РВ. 1869. Т. 80. № 3.
- 17 Леман А.И. Очерки кадетской жизни. — СПб., 1888. С. 76; Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатского типа: Из опыта кадетских корпусов. — М., 1958. С. 85.
- 18 Там за Невою моря и океаны. — М., 1976.; Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX в. — М., 1995. С. 90, 95.
- 19 Георги Г.И. Описание Санкт-Петербурга и его достопримечательностей. — СПб., 1794. С. 373-374; То же. СПб., 1996. С. 322.
- 20 РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 2. Д. 4194. Л. 1-10.
- 21 РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 2. Д. 4194. Л. 2. Об.-3.
- 22 Имеретинский Н.К. Пажеский корпус в 1843-1848 гг. Записки старого пажа // РВ. Т. 190. 1887. № 9. С. 702.
- 23 В настоящее время историей библиотеки занимается секретарь Суворовского училища О.В. Сильченко. Согласно сообщению программ «Ленинградская панорама» от «Телекурьера», в библиотеке Таврического дворца имеются книги из библиотеки Пажеского корпуса. РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 268. 24 марта 1830 г. Каталог российских, французских и немецких книг, находящийся в библиотеке Его Императорского Величества Пажеского корпуса. Л. 40-62. Об.
- 24 Там за Невою. С. 44-45.
- 25 Там же. С. 47-48.
- 26 Там за Невою. С. 43.
- 27 РНБ ОР. Ф. 1057. Д. /б.н./. Рукописные журналы 1-го Кадетского корпуса «Плоды счисления господ кадетов. 1790-1794 гг.
- 28 Там же. 1790. Т. 1. Л. 6, 12, 13, 14.
- 29 Там же. 1793. Т. 4. Л. 1, 101.
- 30 См.: Петров П.В. Граф Ф.Е. Ангальт // Педагогический сборник. 1901. № 9. С. 200-201.
- 31 Срезневский В.И. Заметки А.Х.Востокова о его жизни // Сб. ОРЯС. — СПб., 1901. Т. 70. № 6. С. 7.
- 32 Рекреационный зал Императорского Сухопутного Шляхетного корпуса в исходе прошлого столетия // Педагогический сборник. 1883. № 4. С. 244.
- 33 Каменская М.Ф. Воспоминания. — М., 1991. С. 47-48.
- 34 Говорящая стена // Педагогический сборник. 1883. № 6. С. 462-465.
- 35 Там же. С. 465.
- 36 Глинка С.Н. Указ. соч. С. 40.
- 37 Глинка Ф.Н. Воспоминания // Москвитянин. 1846. Ч. 1. С. 46.
- 38 Педагогический сборник. 1883. № 6. С. 456.
- 39 См. Глинка С.Н. Записки. — СПб., 1895. С. 76.
- 40 Булафин Ф.В. Воспоминания. — СПб., 1864. Ч. 1. С. 289-290.
- 41 О жизни и педагогической деятельности Ф.Е. Ангальта подробнее см. Петров П.В. Граф

- Ф.Е.Ангальт // Педагогический сборник. 1901.; *Аурова Н.Н.* Идеи Просвещения в 1-м Кадетском корпусе (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Вестн. МГУ. Сер.8. История.1996. № 1. С. 34-42.
- 42 *Глинка Ф.Н.* Воспоминания // Москвитянин. Ч. 1. — М.,1846. С. 46.
- 43 *Филиппова А.А.* Из воспоминаний А.А. Филипповой // РА. 1917. Кн. 2-3. Вып. 2. С. 45.
- 44 Там же. С. 8-9.
- 45 *Смолян О.А.* Клиnger в России // Учен. зап. Ленингр. Гос. пед. ин-та. — Л., 1958. Т. 32. Ч. 2. С. 31, 33.
- 46 *Чулков Г.И.* Мятежники 1825 г. — М., 1925. С. 45.
- 47 *Розен А.Е.* Записки декабриста. — СПб.,1904. С.12.
- 48 См. Педагогический сборник. 1883.
- 49 *Бумфарин Ф.В.* Воспоминания. — СПб., 1864. Ч. 2. С. 72-73.
- 50 *Греч Н.И.* Из записок Н.И. Греча // РВ. 1868. Т. 75. № 6. С. 378.
- 51 Там же. С. 377.
- 52 *Зенденгорст К.* Первый кадетский корпус в 1813-1825 гг. // РС. Т. 24. 1879. № 2. С. 305.
- 53 *Кротков А.* Морской кадетский корпус. — СПб., 1901. С. 91.
- 54 Воспоминания Бестужевых. — М. — Л., 1951. С. 206.
- 55 *Цурикова Г.И.* Сто прапорщиков: К портрету одного поколения. — Л., 1989. С. 27-29.
- 56 Мемуары декабристов. Записки В.И. Штейнгеля. — М., 1981. С. 181.
- 57 Там же. С. 76.
- 58 Там же. С. 76, 81-83.
- 59 РГВИА Ф. 318. Оп. 1. Т. 3. Д. 3322; *Попова О.В.* Гордое звание русского пажа // Отчизна. 1991. № 7. С. 27.
- 60 *Брусилов Н.П.* Записки // ИВ. 1893. № 4. С. 50.
- 61 *Дараган П.М.* Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны // Союз пажей. — Париж, 1956. № 2. С. 2.
- 62 *Милорадович Г.А.* Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса, изданные флигель-адъютантом Его Императорского Величества, графом Г.А. Милорадовичем. Киев, 1871. С. 43.
- 63 *Дараган П.М.* Указ. соч. С. 3.
- 64 *В.С. Коров* По его письмам / Подгот Н.П. Поливанов // РА. 1900. кн 1, № 1-4, с. 274
- 65 *Дараган П.Н.* Указ. соч. С. 779-780.
- 66 *Левшин Д. М.* Пажеский корпус за 100 лет. — СПб., 1902. Т. 1. С. 323-326.
- 67 *Гангблов А.С.* Воспоминания А.С. Гангблова // РА. 1886. кн. 2, № 6. С. 249. *Штейнгель В.И.* Письма В.И. Штейнгеля на имя Николая I. Письмо [11 января 1826 г.] // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С.248.
- 68 *Грот К.Я.* Пушкинский лицей, 1811-1817. Бумаги 1 курса. — СПб., 1911. С. 735.

- 69 Грот К.Я. Указ. соч. С. 235–236.
- 70 Записка М.А. Корфа // Грот К.Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. — СПб., 1887. Прил.
- 71 Грот К.Я. Пушкинский лицей, 1811–1817. — СПб., 1911. С. 12.
- 72 Пушкин в Александровскую эпоху. — М., 1874. С. 31, 35; Грот К.Я. Указ. соч. С. 24.
- 73 Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицей. — СПб., 1911. Т. 1. С. 7.
- 74 Грот К.Я. Указ. соч. С. 39.
- 75 Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. — СПб., 1909. С. 202.
- 76 РГВИА. Ф. 945. Дежурство Главного директора Пажеского и кадетских корпусов. Оп. 1. Д. 49. Дело о воспитаннике Царскосельского благородного пансиона Искрицком. Л. 4.
- 77 Гастфрейнд Н. Указ. соч. Т. 1. С. 3.
- 78 Тургенев Н.И. Дневник Н.И.Тургенева за 1806–1811 гг. // Архив братьев Тургеневых. — СПб., 1911. Вып. 1. Т. 1. С. 81–82; С. 84–97.
- 79 Цурикова Г.И. Указ. соч. С. 12.
- 80 Бестужев Н.А. Статьи и письма. — М., 1933. С. 243.
- 81 Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. Т. 2. Отд. 1. С. 60–61.
- 82 Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1866. Т. 1. Прил. С. 30.
- 83 Антонов А.Н. Первый кадетский корпус: Краткие исторические сведения. — СПб., 1907. С. 21; Волховский К. Первый кадетский корпус, 1732–1863 гг. — СПб., 1884. С. 12.
- 84 Волховский К. Указ. соч. С. 12.
- 85 Имеретинский Н.К. Пажеский корпус в 1843–1848 гг. Записки старого пажа // РВ. Т. 190. 1887. № 8. С. 675; Т. 191. 1887. № 9. С. 248.
- 86 То же // Там же. Т. 190. 1887. № 8. С. 670; Т. 191. 1887. № 9. С. 224–226, 242–243. Петрушевский А.Ф. Из моих воспоминаний: В кадетском корпусе // РС. 1907. Т. 129. Январь — март. С. 134–141; Карцов П.П. Из прошлого: Личные и служебные воспоминания. — СПб., 1888. Ч. 1. С. 22–27; Домонтович М.А. Полтавский кадетский корпус в первые годы его существования // ИВ. 1890. № 10–12. С. 446–457.
- 87 См. воспоминания о Московском корпусе 30–40-х гг.: Корсакова А.Н. Воспоминания московского кадета // РА. 1880. Кн. 1. № 2. С. 464 — 473. 1882. Кн. 1. № 2. С. соч. С. 141–143; Карцов П.П. Указ. соч. С. 33.
- 88 См. Домонтович М.А. Указ. соч. С. 446.
- 89 Щербачев Г.Д. Идеалы моей жизни: Воспоминания из времен царствований имп. Николая I и Александра П. — М., 1895. Ч. 1. С. 10–12; Яковлев Р.Н. О воспитании в военно-учебных заведениях // Воспитание. 1862. Т. 12. С. 26–27; Крылов Н.А. Кадеты 40-х гг. (личные воспоминания) // ИВ. 1901. Т. 85. № 9. С. 962; Домонтович М.А. Указ. соч. С. 445–449.

- 90 Там за Невой моря и океаны. — М., 1976. С. 61, 67, 84, 88 и др.
- 91 *Бельгард В.А.* Воспоминания // РС. 1899. Т. 97. № 1. С. 166.
- 92 Там за Невой. С. 70.
- 93 *Аллатов Н.И.* Указ. соч. С. 83.
- 94 РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 5. Д. 7584. Л. 29-30; *Аллатов Н.И.* Указ. соч. С. 82.
- 95 *Яковлев Р.Н.* О воспитании в военно-учебных заведениях // Воспитание. 1862. № 7.
- 96 *Аллатов Н.И.* Указ. соч. С. 84; *Тютчева А.Ф.* Записки фрейлины // Тайны царского двора. — М., 1997. С. 244-254.

часть

II

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ОФИЦЕРА:
МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ
И ПРОВИНЦИЕЙ

глава 4

Между войной и парадом

1. Будни армейской службы: «между парадом и бивуаком»

Действительно, жизнь русского офицера конца XVIII — первой половины XIX в. протекала между двумя противоположными полюсами. По мнению Ю.М. Лотмана, «парад был полной противоположностью боя», и «если бой ассоциировался в сознании современников с романтической трагедией, то парад отчетливо ориентировался на кордебалет».¹

Участие в сражении открывало возможность для личной инициативы, между тем как парад был прямой противоположностью — он строго регламентировал поведение каждого человека. Инициатива полностью перемещалась в центр, на личность командующего парадом. Со времен Павла I этой личностью был император. По мнению Т. фон Бока, человека близкого декабристским кругам, «парад есть торжество ничтожества,

— и всякий воин, перед которым пришлось потупить взор в день сражения, становится манекеном на параде, в то время как император кажется божеством, которое одно только и думает, и управляет».²

Фанатично любил парады не только Павел I, эта любовь передалась по наследству и его сыновьям: горячими поклонниками парадов были и Александр I, и Николай I, великие князья Константин Павлович и Михаил Павлович. Именно последнему принадлежит знаменитое выражение: «война портит солдат». Под этим Михаил Павлович имел в виду, что во время войны как раз и нарушается «однообразная красивость», присущая действиям солдат и офицеров на парадах, отточенность движений, т.е. нарушается сам установленный порядок.

Вместе с тем, хотя любовь к фрунту лиц императорской фамилии и встречала осуждение в среде боевого офицерства, что нашло отражение в документах той эпохи, наука фрунта входила в тонкое знание тайн службы, и игнорировать ее не мог ни один военный.³ Так, знатоком строя был П.И. Пестель, знанием строевой службы отличался М.С. Лунин, который именно этим заслужил расположение великого князя Константина Павловича.

УЧЕНЬЯ, СМОТРЫ, ПАРАДЫ

При Павле I Петербург просыпался рано: в четыре часа загорались окна царского кабинета, и офицеры начинали подготовку к ежедневному вахтпараду, который при Павле принял статус государственного дела.⁴ Вахтпарад — ежедневная смена караула. В екатерининскую эпоху вахтпарад был капральским делом, но уже Павел стал ежедневно присутствовать на церемониях, обращая внимание на тщательность выправки, стройность рядов и четкость выполнения команд. До Павла доходили слухи о недовольстве гвардейских офицеров: «До меня доходит, что господа офицеры гвардии ропщут и жалуются, что их морозу на вахтпарадах. Вы сами видите, в каком жалком положении служба в гвардии, никто ничего не знает, каждому надо не только толковать, показывать, но даже водить за руки, чтобы делали свое дело».⁵

Так, в приказе от 10 февраля 1799 г. «подтверждается вторично всем господам штаб- и обер-офицерам, также и унтер-офицерам, чтоб, когда холод не свыше 15 градусов, приезжали всегда на вахтпарад в половине девятого часа».⁶

Тем не менее за успешное участие в разводах бывали и поощрения: 31 декабря 1798 г. «Его Императорское Величество жалует по одному фунту говядины на человека учившемуся сего дня разводу лейб-гвардии Преображенского полка, генерал-майора князя Гика, батальону»; 1 января 1799 г.: «Его Императорское Величество жалует по одному фунту говядины на человека учившемуся сего дня разводу лейб-гвардии Семеновского полка, генерал-майора Недоброва, батальону»; 8 января «Его Императорское Величество жалует по фунту говядины и по чарке вина учившемуся сего дня разводу лейб-гвардии Преображенского полка генерал-лейтенанта Козлятьева, батальону»; 13 февраля: «...генерал-майору Миллеру 1-му объявляется благодарность за скорую обмундировку рекрут и обучение их службе»; 18 февраля «Его Величество объявляет свое благоволение генералу от инфантерии Вязьмитинову за порядок и исправность его полка и в содержании караулов»; 28 февраля «Его Величество объявляет свое благоволение за порядок, который изволил найти в течение сырной недели во всех частях»; 8 марта «Его Величество объявляет свое удовольствие Мушкетерскому графа Эльтмана полку за исправность караула».⁷

Граф Евграф Федотович Комаровский, бывший при Павле прапорщиком лейб-гвардии Измайловского полка, вспоминал: «Образ нашей жизни офицерской совсем переменился: при императрице мы помышляли

только, чтоб ездить в общество, в театры, ходить во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе; и учили нас всех, как рекрут».⁸ Ему вторит в своих сетованиях Сергей Никифорович Марин, офицер и известный поэт, прославившийся своими остроумными эпиграммами и пародиями. Он, отличившийся храбростью на полях сражений, был разжалован на несколько месяцев в солдаты за то, что при параде сбился с ноги перед Зимним дворцом. Современники оставили свидетельства проявления императорского гнева: Павел мог за плохо начищенную амуницию или недостаточно вытянутый носок ноги при разводе отправить в крепость, в Сибирь. Рассказывали анекдот, как однажды при разводе Павел I, прогневавшись на одного гвардейского офицера, закричал:

— В армию, в гарнизон его!

Исполнители подбежали к офицеру, чтобы вывести его из строя. Убитый отчаянием офицер громко сказал:

— Из гвардии да в гарнизон! Ну, уж это не резон!..

Император расхохотался:

— Мне это понравилось, господин офицер, — сказал Павел, — прощаю вас.⁹

Офицеры, нарушившие дисциплину, подвергались достаточно жестким наказаниям, вплоть до исключения из военной службы. Приказы по лейб-гвардии гвардейским полкам за 1798–1799 гг. дают представления об этом. Так, 3 января 1799 г вышел приказ: «Инженерного корпуса поручика Горбунова за нетрезвое поведение и нерадение исключить из службы»; 6 января «Мушкетерского графа Елблита полка подпоручика Степанова за непристойное поведение исключить из службы»; «По приказанию баталионного командира Голынского прапорщик Пильблар за неприлежание к своей должности наряжается на два дня по баталиону дежурить»; «Его Императорское Величество делает выговор генералу от кавалерии фон дер Палену и генерал-лейтенанту князю Голицыну за неисправность Конной гвардии»; 15 января «Его Императорское Высочество рекомендует господам офицерам не опаздывать к разводу и всегда в половине девятого часа приезжать»; 28 января «Его Высочество делает выговор подпоручику Савельеву за то, что поехал в отпуск и приехал из оно́го, не являясь к генерал-майору Недоброву и полковнику Сукину, и рекомендует ему лучше знать службу»; 2 февраля «Его Высочество подтверждает господам офицерам, стоя во внутреннем карауле, не выходить из комнаты ни под каким видом, разве по необходимости нужде, и как можно менее снимать перчатки»; 4 февраля «Его Высочество делает выговор адъютанту Агапчевскому за его непристойное поведение и рекомендует впредь до подобных напоминаний не доводить себя»; 12 февраля «Егерского генерал-майора Ламздорфа полка поручик

Василевский за ложный рапорт на начальство исключается из службы», «...генерал-адъютант князь Голицын за непристойный поступок отставляется от службы»; «Его Высочество делает выговор своему батальону за вчерашнее ученье. И если еще раз будет примечено, что батальон становится хуже, что людей берегут, то несмотря ни на какие морозы и погоду, будет всякий день до тех пор, пока будет хорош, и к стыду Гренадерского батальона примечается, что в Мушкетерском гораздо более старания, чем в них»; 13 февраля «Гренадерского Бенкендорфа полка прапорщик Левершерн за неявку к полку, на срок исключается из службы»; 19 февраля «Его Императорское Величество рекомендует лейб-гвардии Измайловского полка поручику Алсуфьеву, подпоручику Малышеву и прапорщику Рославлеву не опускаться и иметь более прилежания»; 20 февраля «Его Величество делает выговор господам офицерам, опоздавшим к разводу и рекомендует господам батальонным командирам строго за сим наблюдать и неотложно каждый день подавать ему записки об опоздавших, которые и будут арестованы. Подпоручик Кикин и прапорщик Неклюдов сажаются под арест, в пример другим»; 21 февраля «Его Высочество рекомендует поручику Толстому опрятнее ходить. (Не требуется новых мундиров, а только, чтоб старые чисто вычищены были и хорошо выколочены)»; 22 февраля «Его Высочество рекомендует господам офицерам остерегаться, чтоб в театрах как можно меньше шуметь и для того палаш таким образом надевать на руку, чтоб не можно было его уронить»; 27 февраля: «Лейб-гвардии Гренадерскому полку делается выговор за буйство и дурное поведение. (оного же полка подпоручика Стрельникова, судить военным судом, а полкового командира арестовать)»; «Его Высочество делает выговор адъютанту Ржевскому: 1) за то, что унтер-офицеры иные были у парада в новых шапках; 2) за то, что не умел выбрать порядочного человека к государственной лестнице»; «лейб-гвардии Конного полка полковник Раевский за лень и нерадение к службе исключается из оной»; 2 марта «Исключается из службы за неявку в полк, на срок, Кирасирского Михельсона полка поручик Бедряга. Арестовывается на то время, сколько он просрочил, потом-таки принимается в оный с определением в том же чине»; «Генерал-майор фон Клуге по дошедшим жалобам за непозволительные поступки во взятии подвод исключается из службы»; «Его Высочество делает выговор прапорщику Ганецкому за то, что, стоя в карауле, был очень не исправен»; 4 марта «Его Величество делает выговор лейб-гвардии Преображенского полка генерал-майора Федорова батальону сегодняшнему разводу и рекомендует штаб- и обер-офицерам не лениться. В противном случае будут выписаны в армейские пол-

часть

II

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА:
МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

ки»; 5 марта «Его Императорское Величество делает выговор Преображенскому полку за неисправность и рекомендует не опускаться. Оно же полка поручик Яхонтов и граф Толстой 3-й выписываются в гарнизонный Вязьмитинова полк»; «Его Высочество делает выговор господам офицерам за то, что опять начинают опаздывать на развод и рекомендует всем, как можно более прилежать к своим должностям, чтобы не довести себя до стыда, случившегося сего дня с преображенцами», «...господам батальонным командирам строго смотреть за исправностью ружей и взыскивать оную с ротных командиров»; 7 марта «Ставропольский комендант генерал-майор Кнышев за прошение в отставку, в не поставленное на то время, исключается из службы»; 8 марта «...генерал-майору Кологривову делается выговор за то, что целый взвод, оттого, что упал один гусар, остановился»; «Его Высочество делает выговор капитану князю Щербатову за то, что не поправил ошибки»; 10 марта «Портупей-прапорщик капитан Шеншин поставлен был на 4 часа за то, что держал копье у знамени ребром»;

Александр I

Гудлет, Моррисон
по рисунку В. Долле
с оригинала Ф. Крюгера.
После 1837 г.

15 марта «Его Высочество рекомендует господам офицерам живее и ровнее скидывать шляпы, стоя во фрунте»; 21 марта «...генерал-майору Шицу делается выговор за незнание службы и незнание эскадронов по номерам»; 22 марта «...поручик Петров и подпоручик Мельнанд арестованы за то, что ряды у них были не верны, и за то, что опоздали выйти в ружье Его Высочеству»; 11 апреля «делается выговор лейб-гвардии Преображенского полка полковнику Рахманову за незнание службы».¹⁰ Как видно из этих приказов, выговоры встречаются гораздо чаще, чем поощрения и великий князь Александр Павлович был не менее взыскателен, чем его отец.

Став императором, Александр I продолжил традиции в проведении учений и парадов, заложенные его отцом, и оказался таким же поклонником шагистики. Так, в 1814 г., всего через несколько дней после возвращения гвардии из Заграничных походов, был отдан приказ по Гвардейскому корпусу о полковых учениях. Как и при Павле I, широко применялись «экзерциции» и «эволюции». Учения проводились ежедневно, кроме летних месяцев, когда солдаты отпускались либо на «вольные» работы, либо уходили в отпуск. Учения происходили или на плацу перед казармой, или манежах, или на одном из городских полей. Зимой учения роты какого-нибудь полка происходили в большой дворцовой зале под присмотром самого императора.

Ежедневные ученья чередовались со смотрами. Смотры назначались регулярно то одному полку, то другому, то сразу нескольким. На смотрах войска производили движения колоннами «дробных частей баталионов и рот», «походной колонной» и «к атаке». После посещения одного смотра великий князь Константин Павлович оставил следующие одобрительные строки: «Необычайная тишина. Осанка, верность и точность беспримерны, маршировка цельным фронтом и рядами удивительны, в перемене фронта взводы держали ногу и шли параллельно столь славно, что должно уподоблять движущимся стенам, и вообще, славные ребята и истинные чада российской лейб-гвардии». ¹¹

Во всех частях Петербурга стояли казармы гвардейских полков: в самом центре города близ Зимнего дворца на Большой Миллионной — казармы Первого батальона Преображенского полка; на Марсовом поле — Павловского полка; у Исаакиевской площади — Конного полка и Конногвардейский манеж; на Кирочной улице близ Таврического сада — казармы двух батальонов Преображенского полка; в том же районе, на Воскресенском проспекте — корпуса огромных казарм Кавалергардского полка и Кавалергардский манеж; в четвертом квартале Московской части, на Загородном проспекте и в «ротах» — Семеновского полка; на Литейной улице — Первой гвардейской артиллерийской бригады; у Семеновского моста на набережной Фонтанки — Московского полка; в районе Обводного канала — Егерского полка; на Петербургской стороне, вдоль набережных реки Карповки и Большой Невки, тянулись казармы Гренадерского полка; на 18-ой и 19-ой линиях Васильевского острова помещался Финляндский полк; на Выборгской стороне — Литовский полк; в Нарвской части — Измайловский полк; за Шлиссельбургской заставой — Казачий полк; на Охте — Вторая гвардейская артиллерийская бригада; на Екатерингофском проспекте близ Никольского собора находились казармы Гвардейского экипажа. ¹²

Гвардейские казармы чаще всего представляли собой целый комплекс зданий, в который входили солдатские корпуса, офицерский корпус, хозяйственные и служебные помещения, склады, госпиталь, полковая церковь. Площади, занимаемые Семеновским и Измайловским полками, были столь обширны, что улицы здесь назывались «ротами».

Нередко здания казарм возводились по проектам выдающихся архитекторов и становились настоящим украшением города: например, Павловские и конногвардейские казармы, построенные по проектам архитекторов К.И. Росси и В.П. Старова.

Раз в 7–10 дней каждый из расквартированных в Петербурге гвардейских полков «заступал в караул», которых в городе было множество. Караулы назначали на главные гауптвахты в Зимнем дворце, в Петропавловской крепости, на Сенатскую площадь, в Аничков дворец, в Арсенал, в губернские присутственные места, в Ассигнационный банк, в Воспитательный дом, на Сенную площадь... Разводы караулов, за которыми наблюдало высшее начальство, «происходили с церемонией».¹³

Парады устраивали по различным поводам — в день рождения императора и императрицы, на Рождество, на Крещение, в годовщину вступления русских войск в Париж, по случаю приезда иностранных монархов, по случаю вступления в брак августейших особ.

Грандиозными парадами были парады, проводившиеся на Марсовом поле или на Дворцовой площади, где выстраивали 20 — 30 тысяч солдат — пехоту, конницу и артиллерию. Придерживались определенного порядка: сперва — торжественный молебен, затем — преклонение знамен, бой барабанов, «музыка всех полков и трубы кавалерии» и церемониальный марш. И зимой солдаты маршировали на смотрах и парадах в одних мундирах. Если было ниже 10 градусов мороза, то к месту парада следовали в шинелях, а затем их снимали и складывали позади фронта.

Парады привлекали множество зрителей. Один из петербургских жителей писал: «Кто станет отрицать, что военные эволюции, как ни механическими нашей гражданской философии кажутся, пленительны; что это многолюдство, составляющее правильные фигуры, движущиеся, перемежающиеся одна в другую по одному мановению как бы волшебным образом, что эта приятная и блестящая пестрота среди единообразия занимает взор необыкновенно, как звук музыки и гром пушек — слух».¹⁴

Шестого октября 1831 г. по приказу Николая I состоялся грандиозный парад. Император писал в Варшаву фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу: «Смотр и вся церемония были прекрасны, войска было 19000 при 84 орудиях, погода прекрасная и вид чрезвычайный».¹⁵ Для увековечения этого па-

рада Николай поручил художнику Г.Г. Чернецову изобразить его на полотне. На картине, получившей название «Парад на Царицыном лугу», художник, кроме массы войск — конных и пеших, представил и «весь Петербург».

Не менее великолепный парад по случаю открытия Александровской колонны состоялся 30 августа 1834 г. на Дворцовой площади. В нем участвовало стотысячное войско. Мимо колоннами за дворцовыми грендерами прошли воспитанники военно-учебных заведений: Пажеского и кадетских корпусов, за ними пехота, пешая кавалерия, конная артиллерия. В этом параде принимали участие и войска Пруссии, бывшей союзницы России в войне с Наполеоном. Парад начался в одиннадцать часов утра, а закончился в четвертом часу дня.

Любопытные наблюдения о проведении парадов, смотров и учений в Петербурге и лагерях оставил Николай Николаевич Вельяминов, бывший в 1840–1842 гг. пажом и служивший в 40-е — середине 50-х гг. в лейб-гвардии Преображенском полку.

«Весной, после экзаменов, на Царицыном лугу, бывал ежедневно парад Гвардейского корпуса и с ним отряд военно-учебных заведений. Рота пажей с ротой гвардейских подпрапорщиков и ротой Императорского инженерного училища составляли сводный батальон, который с двумя батальонами Дворянского полка составляли первый полк. Батальон 1-го Кадетского корпуса и Павловского кадетского корпуса составляли второй полк под общим начальством барона Шлиппенбаха, командира Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Парад нам не был страшен, а боялись мы репетиции великого князя Михаила Павловича, для которой всех собирали на плацу 1-го Кадетского корпуса. Великий князь был очень строг по фронту, при малейшем беспорядке он выходил из себя, горячился. Разносил начальство и оставил целые части учиться на несколько часов. Парада мы вовсе не боялись, все лезли из кожи, чтоб заслужить царское спасибо, и когда он нам его скажет, мы с исступлением отвечали: рады стараться.

Парад начинался вступлением на указанные места на линию и долгим равнением начальства. Объезжал сначала нахмуренный великий князь и проверял равнение — горе тому, у кого не было чисто выравнено, подымался крик, следовало взыскание. В час ровно выезжал Государь на белом коне, окруженный блистательной громадной свитой. Сидел он на коне — великолепно-величественный вид его поражал. Так он от всех отличался. Действительно, войска видели перед собой настоящего русского царя. Ему отвечали «Здравия желаем» и заливались бесконечным «Ура!». Объехав все пять линий войск, он выезжал на правый фланг, —

встречать Императрицу, которой он подавал строевой рапорт и возле ее щегольской колясочки, запряженной *a la Daumont*, вторично объезжал все пять линий.

Погода в эти дни, как нарочно, всегда бывала великолепна. Блистательные линии войск, перелив «Ура», «Боже, царя храни», которое продолжала после царя играть музыка, наконец, громадная свита, сопровождавшая Государя, — все вместе производило глубокое впечатление на зрителей. После отъезда Императрица с великими князьями выходила из коляски и садилась в нарочно приготовленный зеленый шатер. Начинался церемониальный марш: первым проезжал Государь, салютовал Императрице и становился возле шатра. Проезжала Главная квартира, великий князь Михаил Павлович и все возможные начальства и под звуки флейтчиков и барабанщиков подходил наш батальон»¹⁶.

«По воскресеньям бывал в час «развод с церемонией» в Михайловском манеже от вступающего в караул полка. Развод был от батальона, занимавшего караулы 1-го отделения в центре города и для парадирования присылались караулы от всех кадетских корпусов. Эти парадующие караулы представляли из себя как бы вступающий на целый день в корпус караул, но они только пройдут мимо Государя. Их отведут в корпус и распустят всех по домам».¹⁷

«В первый день Рождества праздновалась память «избавления России от нашествия галлов, а с ними 12 языков». После обедни во всех церквях служили особенно молебны и при коленопреклонении читалась особая молитва... В Петербурге в этот день в залах Зимнего Дворца, был парад всем Георгиевским кавалерам и служившим в Отечественную войну. Нижних чинов 1812 г. в полках уже не было, были в роте дворцовых гренадер, но генералов, штаб-офицеров было еще много с медалями 1812 г. Отставные нижние чины тоже бывали во Дворце и их угощали обедом. В строю были от каждого полка по взводу кавалеров, получивших орден в Турецкую 1828–1829 года, Персидскую и Польскую войны. Взводами командовали командиры полков, батальонные командиры, имевшие ордена за храбрость. Всем парадом командовал великий князь Михаил Павлович очень серьезно. Государь сначала обходил все залы, где стояли войска, здоровался и потом с Императрицей и всем двором шел большим выходом в большую церковь Зимнего Дворца, где их встретил митрополит со всем духовенством и служил после обедню. В конце обедни Государь вышел к войскам. Крестный ход с образами, хоругвями, митрополитом, духовенством, певчими в сопровождении императрицы и всего Двора двинулся из церкви и прошел мимо войск через гербовую залу в портретную галерею, ...и здесь служили благодарственный моле-

бен с коленопреклонением. В конце молебна после многолетия царской фамилии протодиакон протрубил Вечную память Александру I и его сподвижникам».¹⁸

Вместе с тем к увиденному параду у Н.Н. Вельяминова достаточно критическое отношение. Так, этот парад ему «показался не православным». «Едва крестный ход вошел в залу, как мы увидели Государя в шляпе с обнаженной шпагой, командующего: слушай, на караул! — вытянувшись, как в строю. Войска в киверах держали на караул, барабанщики били поход, музыка играла веселые марши, а перед ними несли образа, перед которыми приличнее было бы православному воинству с обнаженными головами перекреститься. Это было странно и меня неприятно поразило. Зачем такой парад, смешанный с религией. Видел я солдат с оружием в руках и с покрытыми головами в римско-католических костелах, может, оно делается и в лютеранских костелах, но зачем у нас?»¹⁹ Автору воспоминаний представлялось, что «приличнее было бы пропустить крестный ход перед войсками без киверов, чтоб православный мог перекреститься перед святыней», «после окончания духовной церемонии делай какие угодно парады, эволюции, церемониальные марши».²⁰

Торжественные выходы войск бывали и по церковным праздникам. По словам Вельяминова, «видел еще Государь свою гвардию на параде во Дворце, в первый день Рождества и в Крещение при водоснятии». Так, «6-го января, в день Богоявления, назначен выход с войсками, после обедни должны идти на Иордан, на водоосвящение.<...>. Государь прошел по войскам, установленным в залах со знаменами, и после обедни с крестным ходом пошел на Иордан»²¹. На Пасху, «в первый день праздника, был развод на площадке между Дворцом и Адмиралтейством. Ровно в час, вступающий в караул на площадку с музыкой, выравнивался и ожидал. Ровно в час Государь выходил с блистательной свитой, обходил батальон и прочие караулы пешком, останавливался на середине площади.<...> По окончании развода он входил во Дворец завтракать, а потом ездил с поздравлениями к великим княгиням и статс-дамам».²² В продолжение Пасхальной недели разводы с церемонией на площадке производились ежедневно.

После летних лагерей Николай I обычно уезжал за границу или путешествовать по России и возвращался к ноябрю: «После Гусарского праздника 6 ноября, возвращается в Петербург 8 ноября и тут уже всякое воскресенье присутствует у развода в Михайловском манеже. Разводы эти продолжались вплоть, пока государь не пересмотрит все батальоны, что продолжается до Масленицы. В это же время он видит полки, которые празднуют полковые праздники, да осенью и зимой внезапные парады всего Гвар-

дейского корпуса, для которого стягиваются все войска из окрестностей. Парады эти в походной форме делались, говорят, для поддержки солдатских артелей, так как за парад солдатам давалось по полтине». ²³

Подчеркивая любовь Николая к этой стороне деятельности армии, Вельяминов заключал: «Куда бы он ни поехал, в театр ли, в собрание, в маскарад, везде караулы, везде часовые. В Зимнем Дворце, кроме роты со знаменем, на Главной гауптвахте внутренний караул от пехоты, два пикета от Гвардейской кавалерии. Государь, проходя мимо караула или часового, всегда обращал внимание, здоровался и не удивительно, что он, знал не только офицерство, но и солдат. Ничего его глазу не упускалось, всякое упущение он замечал, и потому все были настороже». ²⁴

Особую роль при подготовке и проведении парадов и смотров Н.Н. Вельяминов отводил великому князю Михаилу Павловичу, который за строгость и придирики был не особенно любим в войсках. «Великий князь Михаил Павлович говорил, что ничто так не портит солдат, как война. Его убеждением и в чем он хотел убедить своих подчиненных, было то, что солдат должен был вылит как бы из одной формы, что он должен стоять так, чтоб все было прямо, голова поднята, руки округлены, ноги прямые, но не натянутые, ходьба, повороты однообразные, одним словом. Он добивался общего однообразия, поле поэтому было обширное. Можно было давать ход воображению и требовать невозможного.

Мы на это смотрели, как на средство занимать войска, чтоб отвлекать их от рассуждений, от дурного подстрекательства; он хотел фронтом задушить в солдатах всякое мышление, хотел его одурить, сделать из него чистую машину, ожидающую команду, чтоб ее исполнить. Требовалась во фронте мертвая тишина и полное внимание. Горе, если команда исполнилась не моментально или неряшливо. Поднимался страшный шум. Если какая-нибудь часть доходила до требуемого совершенства, Великий князь выдумывал что-нибудь новое, и это новое вводилось опять во все полки. Разумеется, при этом имелось в виду и занять офицеров.

Раз великий князь смотрел лейб-гвардии Московский полк, его любимый, которого он считался шефом. Смотр шел хорошо. Обошел фронт, нашел, что стойка хороша, ружейные приемы хороши. Идет полк церемониальным маршем, великий князь молчит, смотрит, ни слова не говорит. Полковой командир и все высшее начальство начинают смущаться. Вдруг великий князь командует: стой, остановись. В Московском полку есть что-то в паху, объявляет он, не знаю что, я приглядывался и не мог найти именно что, но есть что-то, извольте разыскать и мне донести. Сел в сани и уехал. Остался весь генералитет в манеже. Ходил, тыкал в пахи солдат — ничего не находил. Пропустил мимо себя начальник пехоты —

ничего не находил. Стемнело уже, отпустили полки, и со страхом поехал престарелый генерал-адъютант Ушаков донести, что при самом тщательном разыскании ничего в Московском полку в паху не нашел. «Вы все ничего не видите, — заключил великий князь, — я обдумал и нашел: размолу шага нет, вот что!» Что такое «размолу шагу», едва ли кто знал, что это такое, а везде только и разговоров, что о размолу шага». ²⁵

Смотры полков в той или иной форме проводились практически непрерывно. «С наступлением Великого поста начинались смотры полков великим князем в манеже у Инженерного замка. Предполагалось, что одинокая выправка была окончена, сводились батальоны и полки, требовалось, чтоб весь полк по команде делал ружейные приемы, как один человек. Много делалось репетиций, проверяло начальство, а все-таки, как ни были однообразны и приемы, и маршировка, а великий князь не бывал доволен и тогда разносил начальство и полки до последней степени. Лишь после смотра полки говели. К концу поста начинало таять, ученья шли на плацу, несмотря на раннюю весну. В первый день Святой был уже развод с церемонией на воздухе, на площадке между Зимним Дворцом и Адмиралтейством. Площадку эту называли Собачьей, неизвестно отчего: от того ли, что на ней весной бывали собачьи свадьбы, или от того, что на ней собачился великий князь. Разводы с церемонией продолжались всю неделю: в первые дни просто разводы, а после с батальонными учениями. Тут производилось свертывание в колонну, деплоирование и уже рассыпалась цепь. Но рассыпной строй только начинался, а водили более колоннами и развернутым фронтом». ²⁶

Вспоминал Вельяминов и о собственном несении караульной службы: «Фронтом великий князь тоже унимал полки. Раз я наряжен был в караул с лейб-гвардии Егерским полком. Приезжаю на место развода, команду караулу на плечо, караул хватил, как один человек. Направо повернулись как бы по веревочке. Скорым шагом марш. И караул от Гарновского дома у Измайловского полка до Арсенальной гауптвахты прошел подтянутый, как на ученьи. Стою я в карауле; при первом ударе колокола люди выбегают как угорелые так живо, как я никогда еще не замечал. Вечером при рапорте старшего унтер-офицера спрашиваю его: что-то у вас такой необыкновенный порядок. «Да, Ваше Благородие, наши егеря, говорят, ночью на Семеновском плацу ограбили старуху, да на лицо на Обводном канале обидели, т.е. побили, так великий князь и говорит: «доберусь до егерей». Приходится востро стоять, всего ожидать». Что меня в этом карауле поразило, что страх был нагнан не только на унтер-офицеров, последний солдатик был напуган, и в ожидании разгрома все и всех подтягивали в полку так, что шалости егерей были уняты тем, что налегли на фронт». ²⁷

Много строк в воспоминаниях Вельяминова занимают размышления о дисциплине: «Программа занятий войск в Петербурге была очень обширная. Как выше сказано, великий князь был убежден, что война портит людей, т. е. портит их стойку, а со стойкой они теряют дисциплину, поэтому после больших маневров в конце лагеря и еще более после копанья картофеля, стойка и вместе дисциплина должны страдать не менее, как после войны. Вот с возвращением с работ усиленно занимаются в казармах уравниванием стойки, ружейными приемами и маршировкой. Каждый день развод с церемонией. великий князь обходит шеренги вступающего в батальон караула и сортирует, какой полк лучше стоит, какой правильной ходит, а подготавливаешь к разводам при государе, тут идет страшный шум. Великий князь приходит часто в гнев, кричит, и случалось, что уезжает».²⁸

Столь же значительное место в воспоминаниях Вельяминова отводится летним маневрам. Так, по словам Вельяминова, «в первой половине июня Гвардия выступила в лагеря большими маневрами, продолжались они сутки. Преображенский полк шел обыкновенно в резерв, но в колоннах в одну линию, по полям, по кустам, и мы очень уставали. Все, бывало, ходим, мучимся, слышим вдали пальбу, редко нас водили в первую линию, но и то для атаки, и тогда после последнего удара — отбой к общей радости. После отдыха нас ведут в лагеря, где голое поле. Видны только разрушенные валики для палаток от прежних лет. Впереди солдатики составляют ружья и располагаются бивуаком. Целую неделю дают на устройство лагеря. Окапывают опять валики, покрывают дерном, натягивают палатки, посыпают дорожки песком, и лагерь принимает щеголеватый вид. Великий князь не допускал ни дерева, ни газона. Лагерь был должен иметь вид суровый, спартанский. Офицеру давалась двойная палатка, в середине он устраивался сам, а между палатками его денщики, не дозволено было иметь под палаткой деревянного балагана для прикрытия от дождя. Во время корпусных маневров лагерь валился, т. е. опускали палатки. И горе, у кого был деревянный балаган. Стоять летом в палатках было плохо и от солнца, и от дождя, который осыпал пылью. Мы устраивались по два в одну палатку, а другую отдавали денщикам. Вокруг палатки устраивали земляные диваны, покрытые дерном, и тут весь день проводили вместе. Молодость свое берет, болтали, хохотали, ругали лагерь и все и, бывало, очень весело проводили время».²⁹

Учения и маневры вызывали беспокойство не только среди офицеров гвардейских полков. Так, из письма к Н.Д. Дурново от его приятеля, командующего 49-м егерским полком, расположенным в Сосницах, становится известно, что когда «26 сентября (1818 г.) смотрел бригаду главноко-

мандующий барон Сакен (он весьма взыскателен), ...объезжал и смотрел по шеренгам, потом церемониальным маршем, а в заключение — ученье с порохом и маневр, он был доволен особенно моим (т.е. 19-м егерским полком — *Н.А.*); окружающие говорят, что это редкость, ибо каждому указал недовольство». ⁵⁰

Озабоченность предстоящими маневрами звучит в письмах к Н.Д. Дурново от его дяди Н.Н. Демидова, одного из богатейших людей в России, на свои средства собравшего полк во время Отечественной войны 1812 г. Летом 1821 г. он стоял в Смоленске и неоднократно обращался к племяннику, служившему в Главном штабе, с вопросами, правда ли, что «Государь изволит прибыть к расположению Гвардейского корпуса в августе, и что будут маневры, и если сей слух подтвердится, то так же, пожалуйста, меня уведошь, как равно, не слышно ли действительно о маневрах?». Слухи о маневрах подтверждаются. Так, в письме от 4 августа Демидов пишет, что «около половины сего месяца, мы выступим на маневрах, которые, сказывают, будут между Бешенковичами и Чашниками. И там, Бог ведает, какая будет наша судьба». В письме от 9 августа Демидов сообщает, что «получили повеление дабы изготавиться к выступлению на маневры около Бешенковичей», и полагает, что вслед за этим будет «повеление о выступлении; ибо дальний полк Его Величества короля Прусского, который находится в Дорогобуже, отстоит от места маневров верстах в 240». В конце письма Демидов вновь сетует: «Как-ково-то, даст Бог, нам на оных, показаться вышнему начальству, особливо бедным полкам 1-й Гренадерской дивизии», и спрашивает Дурново, «не будет ли он на маневрах», и не знает ли он, «изволит ли Государь проехать через Москву» и нельзя ли его (т.е. Н.Н. Демидова — *Н.А.*) об этом уведомить, так как «в таковом случае Его Величество изволит объехать идущий из Дорогобужа на маневры полк короля Прусского». ⁵¹

В письме от 31 августа он сообщает Дурново, что «подтвержден слух о том, что полки 1-й Гренадерской дивизии за отдаленностью на маневры не пойдут»; но «корпусный командир дал ему знать, что он бы весьма желал, чтобы я (Н.Н. Демидов) и бригадные командиры, на оные приехали». В этом же письме он дает любопытные сведения о том, как гвардейские офицеры готовились встретить на маневрах Александра I. «Сказывают, что господа гвардейские сочлены от генералов до прапорщиков сложились на сумму 50 тысяч для угощения Государя на маневрах и всюду послали для закупки всех изящностей, какие только могут быть. Из сего видно, что им неудобно было объяснить свое намерение нам, вандалам, ибо мы, имея из себя хотя и бедных сослуживцев, но почли бы за честь участвовать в сем намерении». ⁵² Последний факт Демидова очень возмущает.

13 сентября из местечка Бешенковичи Н.Н. Демидов сообщает о встрече с Александром I накануне маневров и предстоящем банкете: «У государева хозяина графа Хребтовича был обед, где были приглашены генералы по записи, в том числе и я. А сегодня был Государь у обедни. В палатке был у него обед, и я также имел счастье быть приглашенным, а завтрашний день назначены маневры, и после одного великолепный обед, коим угощают Государя императора генералитет, штаб и обер-офицеры гвардейских полков. Во весь обед будет играть вся вместе музыка всех гвардейских полков, и во время питья будут стрелять из пушек и весь корпус станет около шалаша, в коем все станут кричать ура! Словом сказать, все будет великолепно и пышно».³³

Маневры прошли удачно. Александр был доволен. Об этом Н.Н. Демидов извещает Дурново в подробном письме от 24 сентября 1821 г. из местечка Дубровны: «Праздник был истинно славнейший; Государь предупредил пить за его здоровье и, взяв бокал, встал со стула, громко сказал во весь стол, за коим было с лишком 700 человек и, провозгласив за здоровье храброго гвардейского корпуса, везде и всегда покрывавшего себя славою. Но за сим «Ура!» не восклицали, вслед же за сим Главнокомандующий, взяв бокал, провозгласил: за здоровье Государя, и с сим словом весь стол закричал: «Ура!» А Государь ответствовал «ура!» Гвардейскому корпусу вместе с 30-тысячным корпусом, стоявшим около самого бивака».³⁴

Н.Н. Демидов спешит поделиться с Дурново и другой радостью: «...я получил удовлетворение на все мои записки». Он имеет в виду, что в результате успешных маневров он выхлопотал для своих подчиненных материальное вознаграждение: «Ивану Александровичу (Набокову — Н. А.) 25 тысяч, Фрейтагу и Леонтьеву аренды, Томашевскому 5 тысяч доход за 2 года, и еще за 4 года до вступления во владение арендою», «сверх того просил я еще в каждый полк для офицеров по 4 тысячи, но сие еще не решено, а велено спросить, кто из них именно, имеет нужду».³⁵ В заключение Демидов пишет, что он «не может достаточно возблагодарить Господа за таковую восхитительную удачу в пользу своих сослуживцев».³⁶

Вообще впечатления об ученьях, маневрах, смотрах, парадах занимают в большинстве воспоминаний и столичных гвардейских, и провинциальных офицеров — одно из центральных мест, поскольку перечисленным занятиям отводилась большая часть времени в армейских буднях. Особенно сильно предстоящие смотры и маневры беспокоили командиров полков, так как они несли основную ответственность за их успешное проведение. Наряду с воспоминаниями Н.Н. Вельяминова, письмами Н.Н. Демидова, можно указать на воспоминания генерал-майора И.Г. Бурцова, А.И. Веригина, дневниковые записи И.И. Гладилова, «Рассказы» инженер-ге-

нерал-лейтенанта Е.А. Егорова, мемуары отставного генерал-лейтенанта барона В.Р. фон Каульбарса, воспоминания Д.Г. Колокольцева, П.А. Степанова, А.Х. Эйлера и на ряд воспоминаний офицеров первой половины XIX в., в которых подробно освещены данные сюжеты.

ДОСУГ: ТЕАТР,

БАЛ, МАСКАРАД, КАРТЫ

«В Петербурге каждый день начинался парадом (или просто службой) и оканчивался холостой пирушкой, в театре, клубе или на балу». ³⁷ Для наиболее обеспеченной части столичных гвардейских офицеров, как следует из воспоминаний «старого преображенца» Д.Г. Колокольцева, главным развлечением в их повседневной жизни был театр, увлечение которым было, по его словам, «повальным» и нередко приводило к фатальным для офицера последствиям, что негативно сказывалось на его карьере. ³⁸

В то же время Н.Н. Вельяминов, служивший с ним в одном полку, отмечал, что посещение театра было для него слишком дорогим удовольствием. Страстным театралом можно назвать Н.Д. Дурново, на страницах его дневника часто встречаются записи о посещении им разных спектаклей. Любителем театральных постановок был и А.Д. Чертков, который и во время заграничных походов старался изучить репертуар местных театров. Известно, что во многих полках офицеры ставили любительские спектакли, в которых принимали участие и солдаты. Так, известно, что в любительских спектаклях принимали участие и солдаты лейб-гвардии Семеновского полка. Ставили спектакли со своими воспитанниками и офицеры Морского кадетского корпуса и Новгородского графа А.А. Аракчеева кадетского корпуса.

Неотъемлемой частью повседневной жизни офицерства было участие в балах. Для столичного офицерства это были придворные балы, участие в которых было обязательным. Вариантом бала был маскарад или костюмированная конная карусель, особенно популярная в николаевскую эпоху. На маскарады офицеры, обладавшие хорошей выправкой, предпочитали облачаться в лезгинские и чеченские костюмы, чтобы, по замечанию современника, еще больше подчеркнуть свою осиную талию». Но обычно бал представлял интерес только для молодых офицеров. Как впоследствии писал тот же Н.Н. Вельяминов, только первый бал, на котором он оказался в Зимнем Дворце, произвел на него сильное впечатление. Возможно, такое отношение во многом объяснялось и усталостью от служебных обязанностей.

На бал предписано являться в определенной форме одежды. Военная администрация установила для офицеров специальную бальную форму. Так, в первой четверти XVIII в. в комплект этой одежды входил виц — мундир, присвоенный полку, кюлоты короткие, чуть ниже чашки колена штаны из тонкого белого сукна, белые шелковые чулки и черные туфли, иногда лакированные и с пряжками. Так, военные, собираясь танцевать, должны были являться на бал без шпор, а шпагу оставлять с верхней одеждой. Войти в зал в шпорах — значит показать, что танцевать, не намерен. Правда, иногда военные щеголи, нарушая это правило, являясь на бал в шпорах. В прическах также не допускались вольности. Военные обычно были хорошими танцорами, ведь искусству танцевать их учили с детства: в Пажеском и Кадетских корпусах танцы были обязательным предметом. Очень гордился своим умением танцевать Э.И. Стогов, получивший образование в Морском корпусе.³⁹

Большой любительницей танцев была знаменитая «кавалерист-девица» Н.А. Дурова, танцевавшая на балах мужскую партию. В своих «Записках» она вспоминает о балах, которые давал в мае — июне 1810 г. киевский военный губернатор граф М.А. Милорадович. Об одном из балов у нее остались наиболее яркие впечатления: «Блестящий, великолепный бал. Залы были наполнены гостями; большой старинный сад был прекрасно иллюминирован; но гулять в нем нельзя было и подумать: Милорадовичу вздумалось угощать свой Апшеронский полк, что и было после причиною смешного происшествия; вечером бесчисленное множество горящих ламп, гремущая музыка и толпы прекрасных дам привлекли любопытство находившихся в саду наших храбрых сподвижников; они подошли как можно ближе к стеклянным дверям залы, охраняемой двумя часовыми... Теперь уже сам Милорадович велел затворить двери; порядок восстановился, музыка заиграла, красавицы рассыпались по зале и снова заблистали взорами на гусар, улан, кирасир, драгун, одним словом, на все, носящее мундир и шпоры».⁴⁰

Веселые балы проводились в преддверии войны 1812 г. в Виленской, Волынской, Гродненской и Минской губерниях — именно в тех местах, где уже летом 1812 г. развернулись боевые действия с французскими войсками. (Известно, что сам Александр получил известие о переправе наполеоновской армии через Неман на балу, который давал в его честь в своем загородном имении близ города Вильно генерал от кавалерии граф Беннигсен).

Иоганн фон Дрейлинг, корнет Мариупольского кирасирского полка, в будущем боевой офицер, участник войны 1812 года и заграничных походов, оставил воспоминания об этом беспечном времени: «На этих балах было очень оживленно, чему немало способствовал флирт с хорошень-

кими польками; сам генерал ухаживал за хорошенькой кокетливой Розалией, женой городничего...»⁴¹

Особенно желанными кавалерами на балах были офицеры в губернских и уездных городах, куда они прибывали при расквартировании полков. В провинции бал воспринимался иначе и самими офицерами: часто он бывал практически единственным развлечением, кроме чтения книг, карточной игры и полковых обедов, устраиваемых в складчину.

Карточные игры, с которыми пробовал бороться Петр I, не прекращались ни при Павле, ни при Александре. Особенно карточная игра распространилась среди гвардейской молодежи: «сильная» игра шла в «Красном кабачке» под Петербургом, который содержала немка-маркитантка. Распространение карточных игр в русском обществе, по словам Ю.М. Лотмана, «напоминало эпидемию», и были они практически «канонизированы».

Постепенно карточная игра получила повсеместное распространение: она становится популярной не только среди придворного офицерства, но и среди офицеров провинциальных армейских полков, а также и среди офицерства декабристского круга. Так, друг Н.Д. Дурново, князь Михаил Путятин, сообщает ему в письме, что в Париже он играет в вист с С.П. Трубецким и М.С. Луниным.⁴²

По воспоминаниям декабриста А.Е. Розена, «в полку все от полкового командира до последнего прапорщика почти все играли в карты». Далее он представляет следующую картину: «Случалось мне при дежурстве по батальону рапортовать в 9 часов вечера дежурному по полку штабс-капитану Саргеру и подходить к карточному столу, не будучи никем отмеченным, оттого, что подходя, ступал я не по полу, не коври, а по колодам карт, разбросанных несчастливыми понтерами и банкометами. Постепенно начал и я принимать участие в игре, как постепенно новички начинают курить или нюхать табак и пить водку. Сначала выигрывал — незаметным образом сделался страстным игроком. Не жажда к деньгам и к прибыли увлекала меня, а легкое занятие, развлечение в бесцеремонном кругу, угадывание счастья были сперва наслаждением, после стали потребностью...»⁴³

Чрезмерное увлечение карточной игрой нередко приводило к неприятностям. Розен в «Записках» приводит историю своего молодого сослуживца Калакуцкого, который, будучи квартирмейстером полка, проиграл в карты казенные 30 тысяч рублей. За это в 1819 г. он был предан военному суду, лишен чинов и дворянства и отправлен в Сибирь на поселение.⁴⁴ Случалось, когда в растрате служебных денег были замечены шефы и командиры полка. Правда, небольшие растраты им обычно удавалось покрывать, и военная администрация закрывала на это глаза.

Карточная игра офицеров, наряду с дуэлью, становится одним из самых популярных сюжетов в художественной литературе в конце XVIII — первой половине XIX вв.

Кроме карточной игры, в офицерской и особенно гусарской среде, были распространены «гуляния», когда офицеры в какой-то определенный день недели вечером собирались, чтобы варить жженку. Описание этого процесса содержится в воспоминаниях Д.Е. Остен-Сакена: «Попойка жженкою принимала всегда воинственный вид: в комнате постланы ковры; посредине на полу, в каком-нибудь сосуде горит сахар в роме, что представляет костер дров на бивуаках; кругом сидят в несколько рядов пирующие с пистолетами в руках; затравки залеплены сургучом. Когда сахар растаял, вливают в сосуд шампанское и готовую жженкою наполняют пистолеты, начинается попойка. Музыканты, трубачи и песенники размещены в других комнатах или на дворе... В самое время разгула пирующих, когда обыкновенно происходят объяснения в любви и целования, начальник, по капризу, надуется и примет грозный вид: все встают, пьяный начальник делает выговор пьяному подчиненному, иногда отправляет на гауптвахту; подчиненный с кротостью агнца повинувается, не смея возразить ни слова; говорит «виноват...» и отправляется на гауптвахту. Скоро после этого начальник смягчается, просит всех садиться и повторяется невинное занятие...».⁴⁵

Остен-Сакен перечисляет и напитки, бывшие тогда в ходу в офицерских компаниях: шампанское, жженка, ковенский мед (очень дорогой и крепкий напиток, по 10 рублей бутылка), пунш, виленская мятная водка. Напитки менялись, так как следовало не мешать их, а пить в течение месяца или двух что-то одно. Между прочим, Д.Е. Остен-Сакен приводит и другой любопытный факт из гусарской жизни. Несмотря на любовь к «гуляньям», пить в одиночку среди гусарских офицеров считалось «полным развратом». В 20-х годах, когда мода на пьянство прошла, по словам Остен-Сакена, «почти все, кто пили мертвую чашу, совершенно отрезвились и некоторые не употребляли вовсе горячительных напитков».⁴⁶

ДУЭЛЬ

Особое место в образе жизни русского офицера второй половины XVIII-XIX вв. занимает дуэль. Дуэль ни в коем случае нельзя отнести к развлечениям, хотя среди офицеров были известны и «записные дуэлянты», для которых дуэль стала образом жизни. К самым известным дуэлянтам можно отнести Ф.А. Толстого-Американца, на счету ко-

того было 11 убитых им человек, А.И. Якубовича, печально прославившегося, прежде всего в знаменитой четверной дуэли. Это был классический пример «романтической» дуэли из-за балерины А.П. Истоминой между А.П. Завадовским — В. В. Шереметевым и А.И. Якубовичем — А.С. Грибоедовым, поводом к которой послужила ревность.

В.В. Шереметев, узнав, что А.С. Грибоедов привез Истому в дом А.П. Завадовского, был взбешен, хотя сам был с ней в ссоре и разъезде. А.И. Якубович, имевший славу бретера, посоветовал Шереметеву драться, а раз туда ее привез Грибоедов, то, следовательно, было уже два лица. Таким образом, составлялась четверная дуэль. Участник преддуэльных разговоров и свидетель Ион вспоминал: «Барьер был на двенадцати шагах. Первый стрелял Шереметев и слегка оцарапал Завадовского: пуля пробила борт сюртука около мышки. По вечным правилам дуэли Шереметеву должно было приблизиться к дулу противника <...> Он подошел. Тогда многие стали довольно громко просить Завадовского, чтобы он пощадил жизнь Шереметеву.

— Я буду стрелять в ногу, — сказал Завадовский.

— Ты должен убить меня, или я рано или поздно убью тебя, — сказал ему Шереметев, услышав эти переговоры. — Зарядите мои пистолеты, — прибавил он, обращаясь к своему секунданту.

Завадовскому оставалось только честно стрелять по Шереметеву. Он выстрелил. Пуля пробила бок и прошла через живот, только не навывлет, а остановилась в другом боку. Шереметев навзничь упал на снег и стал нырять по снегу, как рыба». ⁴⁷

Образ умирающего Шереметева всю жизнь преследовал Грибоедова. Его дуэль с Якубовичем была отложена: они стрелялись на Кавказе, куда Якубович был вскоре после дуэли сослан. Грибоедов, стреляя, промахнулся, Якубович прострелил Грибоедову левую руку. Современники считали, что Якубович сделал это нарочно: он знал, что Грибоедов превосходный музыкант.

Участие в дуэли, на которой он убил человека, всю жизнь терзало декабриста князя Е.П. Оболенского. Тем более что он принял участие в дуэли, чтобы не подвергать опасности единственного сына родителей. Оболенский принял чужой вызов и убил противника. И по выражению В.А. Олениной, знавшей Оболенского до 14 декабря, он, как «Орест, преследуемый фуриями, уже нигде не находил себе покоя». ⁴⁸

В офицерской среде происходили дуэли из-за нарушения военной субординации и были вызваны неподчинением младшего по званию старшему, перешедшим затем в открытый конфликт и приведшим к дуэли. Один из таких случаев был в Сумском гусарском полку, где произошла дуэль

между командиром полка Д.А. Деляновым и командиром одного из ротных эскадронов ротмистром Хвостовым.

Изначально конфликт был вызван тем, что Делянов, как полковой командир, был недоволен исполнением ротмистром Хвостовым своих служебных обязанностей и объявлял это в приказах по полку. Тот, в свою очередь, считал, что Делянов к нему придирается, и написал рапорт, в котором заявил, что не будет исполнять его нелепые распоряжения. После смотра, на который Хвостов со своим эскадроном прибыл с получасовым опозданием, Делянов приказал арестовать ротмистра и вести пешком вслед за эскадроном.

Ротмистр пришел в бешенство и явился на квартиру к полковому командиру для выяснения отношений. В присутствии двух офицеров Сумского гусарского полка противники обнажили сабли. В ходе поединка Делянов разрубил Хвостову левое плечо до кости, но, несмотря на это, Хвостов продолжал его оскорблять. Делянов нанес Хвостову удар саблей по левой руке. Секунданты с большим трудом разняли противников, которые уже были готовы сойтись в рукопашной схватке.

Следствие по этому поединку длилось более года. По решению Александра I Хвостов был разжалован в рядовые, а Делянов отстранен от командования полком. Тем не менее Делянов принимал участие в боевых действиях в войне 1812 г. и заграничных походах, и в сентябре 1813 г. он получил чин генерал-майора.⁴⁹

Еще один подобный случай произошел в Гродненском гусарском полку в августе 1811 г., когда молодой корнет Владислав Казакевич самовольно отлучился от своего взвода. Ротмистр М.И. Закревский, командир эскадрона, служивший в полку с 1807 г., вызвал его к себе для воспитательной работы. Но она успеха не имела. Корнет не признал своей вины. Беседа переросла в ссору, в ходе которой Казакевич вызвал Закревского на дуэль. Противники стрелялись на пистолетах, и Закревский был убит. По решению военного суда Казакевич был лишен дворянства и воинского звания и сослан на вечную каторгу в Сибирь.⁵⁰

Известны, правда, и трагикомические случаи. Об одном из них пишет в письме от 16 мая 1821 г. из Старой Руссы к Н.Д. Дурново его дядя, командир 19-го Егерского полка Н.Н. Демидов: «У нас, Слава Богу, все благополучно, но, однако же, все-таки не вовсе без происшествия, ибо не доходя Новгорода в полку наследного Принца Прусского полка между двумя офицерами была дуэль, и один другого ранил в самое то место, посредством которого вкушаются любовные плоды; раненый есть обидчик другого, а посему и виноват; но, однако же, рана не смертельна: оставлен же сей офицер долечиваться в новгородский госпиталь».⁵¹

Правительство пыталось бороться с дуэлями: петровские законы присуждали обоих дуэлянтов к смертной казни, Екатерина II грозила им лишением прав и ссылкой в Сибирь; посредники при поединке, секунданты, рассматривались как участники в убийстве. Но, несмотря на то, что постановления Екатерины вошли, как действующее узаконение, в Свод законов 1832 г., на деле они не применялись.

Правительство считалось с мнением дворянского сословия, видевшего в дуэли право и способ привилегированной защиты чести, данной благородному сословию, и самой сильной мерой наказания за дуэль употребляло разжалование в солдаты, обычно заменяемое переводом из гвардии в армейские полки. Так, хотя М.Ю. Лермонтов за дуэль с Барантом в 1840 г. был присужден к лишению чинов, дворянства и разжалованию в рядовые, но сам же военный суд ходатайствовал о замене этого наказания трехмесячным арестом на гауптвахте и переводом в том же чине на Кавказ, в армейский полк. При этом нельзя сказать, что Лермонтов пользовался особой любовью Николая I, тот считал его беспокойным и ненадежным офицером. Подобному наказанию был подвергнут впоследствии и Н.С. Мартынов, убивший на дуэли М.Ю. Лермонтова.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ВО ВРЕМЯ ПОХОДОВ

Военные походы были излюбленными темами в воспоминаниях русских офицеров. Особенно много места отведено в них было наполеоновским войнам 1805 — 1807 гг. и Отечественной войне 1812 г.. Многие из авторов воспоминаний оказались впоследствии участниками кавказских войн, Русско-турецкой и Русско-персидской, а также войн против непокорных кавказских народов и участие в них отразили в своих воспоминаниях. Для русских офицеров 50-х гг. таким сюжетом станет Крымская война.⁵² Неизменное внимание к своему боевому прошлому характерно для всех офицеров, так как само предназначение офицера, его сущность можно определить как предназначение «человека, созданного для войны».

Свои наблюдения над военным бытом, над жизнью в походных условиях оставили не только известные военные деятели, проявившие себя на разных поприщах, но и рядовые офицеры. Среди воспоминаний участников походов русской армии 1805 — 1807 гг. и 1812 — 1815 гг.⁵³ можно привести «Воспоминания» М.А. Войнова и «Походный журнал» И.Ф. Соловьева, «Дневник» 1812 года А.В. Чичерина, «Путевые журналы» А.Д. Черткова и А.А. Лехнера.

«БИОГРАФИЯ, ИЛИ ПЕРИОД ЖИЗНИ»

М.А. ВОЙНОВА

Маркиан Андреевич Войнов — штабс-капитан Александрийского Гусарского полка, участник наполеоновских войн 1805 — 1807 гг. и Отечественной войны 1812 г. В 1801 г., 17-летним юношей, он вступил унтер-офицером в Александрийский гусарский полк, располагавшийся в местечке Глубоком Дриссенского уезда Минской губернии. В 1805 г., уже в чине прапорщика, он начинает со своим полком военную кампанию. Необходимо отметить, что М.А. Войнов оставил очень скудные описания продвижения полка, увиденных им городов и селений, а также непосредственных военных действий.

Итак, Александрийский гусарский полк движется к австрийской границе «через города Минск, Вильну, древнюю столицу владетельных некогда князей литовских, и другие уездные города». ⁵⁴ Они дошли до «пограничного города Брест-Литовска, где собравшиеся российские войска перешли границу, учрежденную по реке Бугу, и вступили в пределы Австрии, по коей продолжили направление по назначению; но по некоторым политическим обстоятельствам были в Галиции задержаны и близ прусских границ простояли немалое время». ⁵⁵

И через много лет после увиденного автор с нескрываемым интересом рассказывает о силезских городах, его искренне восхищает их устройство: «...мы были проведены через Силезию, где находится сей провинциальный главный город Бреславль, столь значительный по своим великолепным зданиям и блестящему народному богатству граждан в оном живущих», «В сей провинции видна деятельность неусыпных трудов жителей, обилующих (так в источнике — *Н.А.*) всеми благами земного бытия, так-то при въезде в селение полагаешь, как будто в какой-либо германский городок, имеющий прямые улицы, обсаженные по сторонам заборов деревьями, с особенным устройством домов каменных, и у редкого хозяина не устроены дома в два этажа; да и против, во дворе, постройки, даже и ограды от улицы с возвышенности для въезжих ворот столбами, все каменные, при всем изобилии жителей». ⁵⁶

Дальнейший маршрут полка лежал через «разные города и крепости, близ австрийских границ находящиеся, и переходили чрез протяжение Карпатских гор; некоторые из них покрыты вечными снеговыми глыбами и льдом, близ коих находятся неисчерпаемые соляные копи, именующиеся Величковскими». ⁵⁷

По словам автора воспоминаний, «наконец, дошли к месту Аустерлицкого военного побоища, уже на окончание сей битвы, где Россия принимала

участие в военных делах Австрии против Наполеона», «за окончанием же сей, безуспешной для Австрии кампании российские войска поведены были к пределам своих границ через Венгрию». ⁵⁸

М.А. Войнов делает интересные наблюдения над народами, населяющими проходимые полком края, отмечает богатства и благоприятные климатические условия. Иные впечатления у Войнова от Галиции и жителей Львова: «в сей провинции жители по роду своей жизни находятся в самом жалком и бедном положении». ⁵⁹

Полк недолго находился на квартировании в местечке Вишневцах Кременецкого уезда Волынской губернии, «в коем находился замок или Дворец знаменитых некогда князей Мнишек, известных по историям о событиях в России о самозванцах Отрепьевых». ⁶⁰ Через некоторое время полк перевели на квартирование в местечко Камень-Каширский Ковельского уезда той же Волынской губернии. И уже отсюда полк выступил «форсированным маршем к пределам границ прусских». ⁶¹ Полк был протянут цепью над Вислой, «и штаб-квартира остановилась в городе Праге, против гордящейся некогда знаменитостью (так в источнике — *Н.А.*) королевства Польского, обширного и великолепного зданием города Варшавы». ⁶²

За этим городом, «в местечке Блони встретили мы незваных гостей французов. А как не подоспели к тем местам в большом количестве наши войска, как бы преградою столь быстрым их успехам в военных действиях в Пруссии, — то по малочисленности отступили мы за реку Нарев, и в ноябре месяце открылась настоящая военная кампания и начались военные действия». ⁶³

Здесь автор воспоминаний принимает боевое крещение. Поскольку Александровский гусарский полк прикрывал отступление войск, то его преследовали французские конные егеря. По словам Войнова, «из коих один офицер слишком отважно бросился на наши аванпосты, к перестрелке егерей и ко мне». Но встречен был «с не меньшим присутствием духа, с коим столкнувшись и саблею выбивши из его рук палаш, и после сбил с его головы шишак, а подоспевшие донские казаки на том же месте лишили его жизни». ⁶⁴ В этой же перестрелке у Войнова «во многих местах шинель и мундир пулями были прострелены».

Далее страницы воспоминаний Войнова посвящены описанию сражения под Пултуском («под коим 14 декабря произошло сильное поражение французов»). Но, как отмечает автор, несмотря на успех последнего, «командующий войсками генерал от кавалерии, барон Бенигсен, имея сведения о действиях и движениях отряда генерала Буксгевдена, предложил на другой день сделать отступление, посему наш полк опять

был оставлен для прикрытия отступающих наших войск до города Остроленки». ⁶⁵ В этом месте на несколько дней были прекращены военные действия, и полк провел Рождественские праздники. В январе полк вступил в «старую Пруссию» и здесь снова встретился с французами «под Грабовым». С этого времени Александрийский гусарский полк преследовал корпус маршала Бернадотта, «под сим местечком Грабовым в ночной экспедиции мы захватили все его, маршала, кареты и обоз, а сам он спасся в прикрытии ксендзом или тамошним приходским священником, у коего он имел ночлег». ⁶⁶

Как пишет Войнов, «далее последовала ретирада, или отступление, наших войск до города Прейсиш-Эйлау, которое продолжалось несколько дней с сильным напряжением на наш арьергард французами». «Двум эскадронам полка было велено атаковать французов и, тем самым, защитить егерей 4-го Егерского полка от неизбежной гибели» ⁶⁷. У самого Войнова в этом же «ручном (так в источнике — *Н.А.*) бою по столкновении был прорублен саблею баварским гусаром на голове кивер с малым просечением тела на лице (так в источнике — *Н. А.*)». ⁶⁸ При отступлении полка под лошадь Войнова ударило ядро, сильно «оконтузившее» его в ноги. Лошадь упала. Войнов, по собственному признанию, пришел в немалый испуг, «видя себя оставленного на произвол судьбы» и «чувствуя в ногах сильную боль, чрез которую не мог встать с лежащей лошади, что хотя бы пешком присоединиться к своим за отступающими эскадронами». ⁶⁹ Но «провидением Всевышнего» лошадь Войнова «через некоторое время с большими усилиями приподнялась», и он «кое-как присоединился к своему месту — к стоящим в некотором отдалении эскадронам». ⁷⁰ Полк понес значительные потери в лошадях и людях.

Очень эмоционально Войнов изображает и само сражение под Прейсиш-Эйлау, произошедшее 27 января 1807 г., отмечая страшные потери с обеих сторон, подробно описывая преследование русскими войсками французской кавалерии, которую они «при помощи артиллерийских картечей обратили в тыл, преследуя ее почти до расположенных их линий, пехота же наша с двинувшимися французскими колоннами имела жестокое действие, где в коротком времени груды тел навалены были с невероятным воплем и стоном; и таково стремительно-порывистое нападение французов было удержано». ⁷¹ Примечательно, что в свои воспоминания Войнов вставляет выдержки из писем Наполеона к Жозефине.

За участие в сражении под Прейсиш-Эйлау Войнов получил «Знак отличия Золотого креста». После окончания военных действий Александрийский гусарский полк был переведен в местечко Мансарич Корецкий Ровенского уезда Волынской губернии, «в окрестностях коего существует

Корецкая фарфоровая, фаянсовая и стеклянная фабрика». ⁷² Здесь же в марте месяце 1809 г. он был произведен в поручики.

Так как из-за ослабленного здоровья, вызванного сильной лихорадкой и болями в суставах, он не мог принять «участие в действиях полка, назначенного опять к выступлению за границу, по открывшейся в Австрии с французами войны», ⁷³ он был оставлен в резерве для формирования новых эскадронов.

С началом Отечественной войны 1812 г. был получен приказ о «присоединении новосформированных эскадронов к действующей армии» и, пишет Войнов, «мы шли с новыми эскадронами, через города Рыльск, Дмитровск, губернский город Орел, Белев и прибыли в губернский город Калугу в последних числах августа месяца». Войнов обратил свое внимание на Калугу, отметив, что «город сей Калуга по великолепным зданиям церквей, домов и прочих построек, богатству жителей, обширности и многолюдству по Москве и Санкт-Петербургу есть из первых городов русских». ⁷⁴

Из-за такого дальнего перехода «сии эскадроны не подлежали, чтобы они участвовали в действиях Бородинского сражения, но поступили в отряд, в несколько тысяч составлявший, под начальство генерал-майору Николаю Ушакову 2-му». ⁷⁵ Вскоре М.А. Войнов становится при нем дивизионным адъютантом и впоследствии всегда будет тепло отзываться о своем начальнике. Отряд, в котором находился Войнов, выступил из Калуги в Москву, но, не доходя до нее 15 верст, «был остановлен на пути съехавшимися фельдъегерями из Главной квартиры с разных родов войск, кои по движению военных действий и сами не знали, где находится главная квартира армии». ⁷⁶

Таким образом, отряд простоял «несколько дней, делая разъезды», чтобы «нечаянно не напали на них французы, рассыпавшиеся в разных местах для добычи». ⁷⁷ Войнов и его товарищи были свидетелями «пламени, пожирающего великолепные здания опустелой Москвы». Их отряд влился в состав действующих войск под Тарутином, отступали с ними к Малоярославцу. В это же время Войнов был «поражен пулей в правую ногу с повреждением берцовой кости, от каковой раны жестоко страдал», и несколько дней находился для излечения раны в Калуге. Получив «от сей раны облегчение», Войнов вновь встает в строй и под началом генерал-майора Н.А. Ушакова отправляется в Тулу, где находится «казенный оружейный и разных военных орудий завод». Вообще, о своем начальнике Н.А. Ушакове Войнов всегда отзывался с неизменным уважением, отмечая его душевные качества, «кроткое и внимательное обхождение». Дальше путь Войнова лежал через Венев, Зарайск, губерн-

ский город Рязань, имение родных генерала Ушакова Кобяково, где он имел удовольствие провести несколько дней весьма приятно, «быв от них много обласкан». ⁷⁸

Так через Касимов, Меленки, Ардатов, Арзамас Войнов прибывает в Нижний Новгород, где пробыл со своим отрядом «несколько дней, любясь местоположением оною, и древними зданиями церквей и возвышенной каменной стены, бывшей некогда оградой укрепления от нападения Чингисханских татар, но со временем полуразрушившейся». ⁷⁹

Войнов попадает в город Муром, «где было учреждено начало дальнейшего устройства кавалерийских обозов» под начальством генерала от кавалерии А. Кологривова. Находясь в Муроме, он был послан с донесениями генерала Кологривова в Главную квартиру действующей армии, расположенную в Вильне. Туда Войнов пробирался «с немалыми трудностями, опасаясь, чтобы не попасться французам, везде разбредшимся для добычи». В Вильну он попадает в середине декабря 1812 г. В Вильне Войнов оказывается в центре важных событий: он дожидается приезда Александра I и впоследствии с восторгом описывает события, которых он стал очевидцем. Он видел одушевление, с которым встречали царя, описал встречу императора с Кутузовым, которую посчитал очень трогательной, видя, как монарх, «обнявши руками сего почтенного старика, и от умиления прослезился, целуя его в голову, сединами украшенную». ⁸⁰

На обратном пути из Вильны Войнов навестил своих родных, прибыв к ним вечером 25 декабря, «в день праздника Рождества Христова». Встреча «родных сколько обрадовала, столько удивила их о таковом моем приезде, ведая, какие военные в России происшествия, никогда и на мысль им не приходило, чтобы в такое критическое время к ним явиться, а за осведомлением от меня чрез представленные доказательства с Главной квартиры о неимоверно-успешных военных событиях, несколько печатных экземпляров, кои везде были читаны с восторгом удивления». ⁸¹ Итак, накануне нового, 1813 г., погостивши несколько дней у родных, он пускается в обратный путь.

Одно событие омрачило Войнова на обратном пути: его неприятно поразил прием, оказанный ему в Туле. Въехав в этот город на рассвете, в «неимоверную стужу», он «от жестокого холода продрог так, что вынужден, почти на выезде из города заехать в какой-нибудь дом, чтобы обогреться». ⁸² Но когда он попытался войти в указанный ему дом, чтобы согреться в наиболее теплой комнате в доме и подождать, когда согреется чайник, то хозяин дома привел его в людскую, где была «такая смрадная нечистота», что он «не мог и на короткое время в ней остаться». Тогда Войнов стал требовать у хозяина дома, чтобы тот пустил его

в комнату, в которой он сам проживает, на что хозяин заявил, что ему нельзя туда было входить. Войнов вошел туда, несмотря на возражения хозяина, и был приятно удивлен, что нашел там «довольно опрятную, теплую комнату, и всего лучше — стоявший возле дверей в уголке столика самовар с кипящею водою».⁸³

На этом дело не кончилось: только стал Войнов искать в чемодане свой сахар, как из другой комнаты вышла «безобразная русская харя, и как видно, хозяйка, которая вместо доброго приветствия, видя у себя дома военного, начала грубыми выражениями выговаривать, как <я> смел без ее позволения войти в комнату, где она с мужем имеет всегдашнее пребывание», и после, «обратившись к мужу, кричала на него в неистовстве бешенства, и совершенная фурия — произносила бранные слова, каких <я> во всю жизнь <мою> не только над собою, но и над другими не слышал подобных ругательных слов».⁸⁴ Тем временем хозяин побежал жаловаться полицейскому чиновнику на «самоуправство» Войнова. Войнов же, «не зирая на такие глупые и строптивые сей женщины произношения, расположился около столика и, приготовивши чай, возражал ей в ответ: «Жалею крайне, что Отечество наше много пострадало от нашествия врагов, но желал бы, чтоб они навели таких злокачественных людей, как ты, и дали бы почувствовать таким харям все горести, претерпенные другими жителями, тогда бы ты понимала, как уважать военных людей, жертвовавших своею жизнью и здоровьем для спокойствия мирных жителей, но ты недостойна быть в числе благомыслящих сограждан».⁸⁵

В конечном итоге конфликт разрешился, хотя полицейский чиновник, явившийся разбирать ситуацию, вначале пригрозил Войнову, что «жалоба полицмейстеру дошла», но, «увидев из подорожной, кто таков» Войнов, «сделался уважительным в разговорах». Приведенный Войновым случай показывает, что жители, которых непосредственно не затронули военные события, далеко не всегда относились с пониманием и должным уважением к защитникам Отечества.

Дальнейшие записи Войнова так же подробны, в основном они касаются формирования резервов, отставки любимого начальника Н.А. Ушакова, не поладившего с князем Лобановым-Ростовским, ставшим главным начальником над формирующимися резервами. Одним из ярких впечатлений этого периода у Войнова был бал, дававшийся «по случаю коронации» Александра I 15 сентября в Торне. С окончанием заграничных походов Войнов продолжает служить до января 1817 г., выйдя в отставку «по причине расстроенного здоровья», но на самом деле вызванную и действиями нового командира полка полковника Рейтер-

на. Честолюбивый командир не пришелся по вкусу многим офицерам Александрийского гусарского полка, также вынужденным выйти в отставку. Когда Войнов через несколько лет, удрученный различными семейными неурядицами, вновь хотел вступить в военную службу, то его оставшиеся в полку сослуживцы отсоветовали ему это сделать, описавши ситуацию, сложившуюся в полку. С тех пор боевой офицер осел в родных местах до конца своих дней, ведя со своими родственниками изнурительную тяжбу из-за имения. Тем не менее он не забывал своего боевого прошлого; сыновья Войнова получили образование в кадетских корпусах, из которых вышли в военную службу.

ВОЙНА 1812 г.

В «ДНЕВНИКЕ» А.В. ЧИЧЕРИНА

Двадцатилетний поручик лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерин начал свой дневник в трагические для России дни: 6 октября 1812 г. в Подольске, когда русская армия отступала, было принято решение сдать Москву. Молодой офицер много раз вспоминал в своем дневнике это тяжелое время. «... Первого сентября я увидел себя у врат Москвы. Мечта отдать жизнь за сердце Отечества, жажда сразиться с неприятелем, возмущение вторгшимися в мою страну варварами, недостойными даже подбирать колоски на ее полях, надежда вскоре изгнать их, победить со славою — все это поднимало мой дух... В три часа утра приказано было выступать. Мы находились всего в двух верстах от Москвы... Когда мы шли через город, казалось, что я попал в другой мир. Все вокруг было призрачным. Мне хотелось верить, что все, что я вижу, — уныние, боязнь, растерянность жителей — только снится мне, что меня окружают только видения. Древние башни Москвы, гробницы моих предков, священный храм... — все требовало мести... Предо мной была Москва, охваченная пламенем... мрачное молчание в главной квартире, смятенные лица... Любовь к Отечеству должна заставить меня все позабыть... Я еще буду сражаться у врат Москвы... Я не усташу никаких опасностей, я брошусь вперед под ядра, ибо буду биться за свое Отечество, ибо хочу исполнить свою присягу и буду счастлив умереть, защищая свою Родину, веру и правое дело...».⁸⁶

Чичерин страдал от того, что «мало бывал в сражениях»: в «Бородинской битве только четырнадцать часов стоял под пулями, только три часа пробыл в бою под Дрезденом».⁸⁷ Многие страницы его Дневника посвящены любви к Родине: «Я никогда не подумал сравнивать кого бы то ни

было с моими родителями. Любовь, которую я к ним питаю, это чистое пламя, возвышающее мое сердце; она служит источником тихой радости, эта любовь, принадлежащая только им, образует часть моего существа, я не расстанусь с ней до гроба. Такова же любовь, которую я питаю к своему Отечеству... я никогда, ни на минуту не хотел бы поселиться под иным небом, в иной стране, чем та, где родился и где почит прах моих предков. Разве я могу отказаться от того, что привязывает меня к жизни, от родных и друзей, от тех мест, которые я не могу видеть без сердечного волнения... никогда не слышать языка, которому учила меня мать... Нет, принести такую жертву не могут заставить никакие соображения».⁸⁸

Друзьями Чичерина были его однополчане: С.П. Трубецкой, долго жвший с ним в одной палатке, И.Д. Якушкин, М.И. Муравьев-Апостол, т.е. будущие декабристы. Они часто собирались в палатке Чичерина, вели споры, вызванные чтением французских просветителей конца XVIII века, в частности знаменитым трактатом Ж.Ж. Руссо «Общественный договор».⁸⁹ Чичерин часто беседует и с солдатами. Так, об одном артиллериисте, восхищаясь его благородством, он пишет в дневнике, что будет помнить его до конца своих дней. В Плоцке, едва оправившись от тяжелой болезни, он идет в госпиталь, чтобы навестить своих подчиненных. Жизнь А.В. Чичерина трагически оборвалась из-за смертельной раны, полученной в Кульмском сражении. Стрелки третьего батальона, где служил Чичерин, под командованием полковника П.С. Пущина атаковали заня-

тую противником высоту. Бой продолжался и на следующий день. Участник этого сражения Н.Н. Муравьев-Карский пишет в своих «Воспоминаниях»: «... Никогда не видел я чего-либо

Н.Н. Муравьев-Карский

Э. Демезон.
1850-е

подобного тому, как батальон этот пошел на неприятеля. Небольшая колонна двинулась скорым маршем в ногу. На лице у каждого выражалось желание скорее столкнуться с французами. Они отбили орудия... но лишились всех

своих командиров, кроме одного прапорщика Якушкина, который и остался батальонным командиром». ⁹⁰ <...>

Чичерин своим примером ободрял солдат. Он влез на пень, надел коротенький плащ свой на конец шпаги и, махая оной, созывал людей своих к бою, «как смертоносная пуля поразила его....» В архиве Пажеского корпуса находится документ с описанием подвига Чичерина: «он в продолжение всего сражения находился среди храбрейших воинов, поддерживая в них дух храбрости и мужества, сохраняя совершенный порядок в рядах их примером собственной неустрашимости».

Смертельно раненного Чичерина отнесли в госпиталь. Он чувствовал, что умирает, и пришедшего навестить его родственника генерал-майора Пашкова Чичерин попросил передать в полк пятьсот рублей, чтобы проценты с этой суммы отдать рядовым, тяжело раненым в Кульмском сражении. Так, в последний час он заботился о солдатах, сражавшихся рядом с ним. Но никто из пяти рядовых героев Кульма не смог воспользоваться завещанной суммой: после восстания 1820 г. Семеновский полк расформировали. Так и остались пятьсот рублей в казне Семеновского полка под названием «чичеринского капитала». Смерть Чичерина стала ударом для его друзей. «Ты не поверишь, как известие о Чичерине нас огорчило всех», — писал И.Д. Якушкин однополчанину И.Н.Толстому. Похоронен Александр Чичерин в братской могиле на русском кладбище в Праге вместе с сорока пятью нашими воинами. На памятнике по-русски и по-немецки высечено: «Памятник храбрым российским офицерам, которые от полученных ими ран в сражениях под Дрезденом и Кульмом в августе месяце 1813 г. в городе Праге померли. Да пребудет священ ваш прах сей земле. Незабвенны останетесь вы своему Отечеству». ⁹¹

ВОЙНА 1812 г.

И ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ

В ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКАХ А.Д. ЧЕРТКОВА

Очень подробно повседневная жизнь русского офицера в походных условиях отображена в путевых дневниках А.Д. Черткова, председателя Общества истории и древностей российских, основоположника русской нумизматики и создателя уникальной «Всеобщей библиотеки России», насчитывавшей 17 тысяч редких книг на церковно-славянском, русском и западноевропейских языках. На страницах дневника Чертков предстает в образе молодого гвардейского офицера, корнета, а затем поручика лейб-гвардии Конного полка, совершившего с русской

армией заграничные походы и успешно сочетавшего свои любовные похождения с отличиями в сражениях. Чертков очень подробно останавливается на описании городов, через которые проходят русские войска. В центре его внимания — города Пруссии, герцогства Варшавского, деревни, расположенные вдоль берегов Рейна: Йен, Лейпциг, Потсдам, Берлин и, конечно, Париж, которому автор посвящает самое подробное описание⁹²: «В Париже есть улицы столь узкие, что на них не могут разойтись и четыре человека. Большинство этих улиц столь грязны, к тому же темны из-за находящихся в них 7- и 8-этажных домов». В это же время есть очень красивые улицы, например, все бульвары и все улицы, проложенные при Наполеоне... Лейпциг... Город не очень большой. Он окружен аллеей для прогулок; есть также прелестный сад с купальнями... Город знаменит книжными ярмарками... Потсдам — очень милый город, построенный на берегу. Одна из его церквей имеет честь хранить останки Фридриха Великого... Мы посетили дворец Сан-Суси. Все там напоминает великого человека; мы бегло осмотрели дом и сад, где он всегда гулял. Видели его библиотеку, содержащую труды лучших французских авторов его времени; нам показали комнату, где он играл на флейте и где он умер... Во дворце видели Рафаэлева Иисуса, за которого Фридрих, говорят, заплатил 8000 дукатов... Берлин — очень славный город, построенный в современном стиле, с широкими улицами <....>»⁹³

Черткова интересовали все стороны жизни в европейских городах. С одинаковым интересом он пишет и об архитектуре, о театрах и их репертуаре, о библиотеках, церквях, монастырях, учебных заведениях, о климате. Причем последний вызывает у Чертова явное неудовольствие: «Во время всего нашего марша от Парижа досюда (т.е. Саксонии) мы не видели ни одного огурца и не ели зеленого горошка. Что касается арбузов, то мы их не нашли нигде во времена всего нашего похода ни в прошлом году, ни в этом. И после этого хвалят климат других стран: в этом отношении наша южная Россия во многом их превосходит». Чертков недоумевает по поводу нравов обывателей. Так, его неприятно поражает «немецкая бережливость: каждая семья покупает на кладбище маленький участок с правом хоронить там своих родственников». Любопытный молодой человек повсюду скупал старинные книги, гравюры, литографии и вместе с тем интересовался наличием в том или ином европейском городе публичных домов.

В Париже ему особенно запомнился Пале-Рояль, так как там было на «третьем этаже — сборище публичных девок, на втором — игра в рулетку». По мнению А.Д. Чертова, в этом вопросе Германия явно проигрывала Франции, потому что «во Франции, в самых маленьких городах, как

Шалон, Бар-ле-Люк и т.п., можно найти публичных девок, в Германии, напротив, в самых больших городах, как Карлсруэ, Вюрцбург, Штуртгарт, их совсем нет; причина этого та, что немецкие князьки, желая возродить германские нравы, запрещают бордели и велят пороть бедных девок, застигнутых на месте преступления...» Несмотря на это, в Бадене Черткову повезло: «...с большим трудом удалось раздобыть себе старую и дурную собой...»⁹⁴ Таким образом, дневник А.Д. Черткова дает представление о том, что жизнь офицера в походных, военных условиях оставалась неизменной в своей сути и военные действия вносили в нее лишь своего рода своеобразие.

С «Дневником» А.Д. Черткова перекликаются дневниковые записи военного инженера А.А. Лехнера. Дневник Лехнера охватывает период, богатый событиями в военной и дипломатической истории Европы. Также как и А.Д. Чертков, А.А. Лехнер особое внимание обращает на архитектуру европейских городов — Кельна, Парижа, Брюсселя, Роттердама, Амстердама. Подробно останавливается он и на посещении парижских театров, осмотре в Париже Ботанического сада, Дома инвалидов, посещает фарфоровую фабрику в Севре и Версаль. Аналогичные записи мы находим и в походных журналах 1813–1814 гг. поручика Ревельского пехотного полка И.Ф. Соловьева.⁹⁵

«ВОЙНА И МИР»

В «ДНЕВНИКАХ» Н.Д. ДУРНОВО

Дневник Н.Д. Дурново, представителя знатной дворянской фамилии, наиболее полно отражает повседневную жизнь русского офицера, так как у столичного офицера наиболее тесно переплетаются служебные обязанности и повседневная жизнь. В 1810 г. Н.Д. Дурново поступает колонновожатым в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, в апреле 1811 г. в чине прапорщика назначается адъютантом князя П.М. Волконского и находится при нем до конца заграничных походов, когда П.М. Волконский был уже начальником штаба Александра I.

В 1812 г. Н.Д. Дурново участвует в боях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном, в походе 1813 г. Он отважно сражается под Люценом, Бауценом, Кульмом, Лейпцигом, в марте 1814 г. вступает в Париж, в том же году производится в штабс-капитаны, и среди немногих наиболее отличившихся квартирмейстерских офицеров причисляется к Главному штабу. Пользуясь расположением Александра I, он и после загранич-

ных кампаний успешно продвигается по служебной лестнице: в 1815 г. он флигель-адъютант, в 1819 г. — полковник, заведует библиотекой Главного штаба, в 1823 г. он инспектирует военно-сиротские заведения на всей территории России, а с 1824 г. управляет канцелярией начальника Главного штаба И.И. Дибича.⁹⁶

И.И. Дибич

Т. Райт?

1820 г.

Еще перед войной 1812 г.

Н.Д. Дурново приобщается к тому кругу военной дворянской молодежи, из которой впоследствии вышли многие участники движения декабристов. Среди его друзей по квартирмейстерской службе и по военным походам — будущий основатель Союза спасения, Военного общества и Союза благоденствия А.Н. Муравьев и такие яркие представители движения декабристов, как М.Ф. Орлов и С.Г. Волконский. Дневник Н.Д. Дурново интересен прежде всего тем, что он начат до Отечественной войны 1812 г. и позволяет проследить те изменения в повседневной жизни офицера, которые происходят с началом военных действий, а затем меняются с переходом к мирному времени. Н.Д. Дурново делает записи в дневнике ежедневно и скрупулезно перечисляет свои занятия в течение всего дня. Мы остановим наше внимание на записях Н.Д. Дурново за январь — июнь 1812 г. Из них становится очевидным, как проходила жизнь молодого офицера в Петербурге.

«1 января. Ранним утром я отправился к великому князю Константину со всеми офицерами Главного штаба, чтобы поздравить его высочество с Новым годом; затем мы пошли к квартирмейстеру генералу Сухтелену и князю Волконскому. Парад был отменен. Я этим воспользовался, что-

бы поздравить старую графиню Зубову... В 9 часов вечера я отправился на придворный маскарад. Толпа купцов была такой большой, что с трудом удалось сквозь нее пробиться; жара столь удушающая, что я не думал, что выберусь оттуда.

2 января. Провел утро за работой в Главном штабе, обедал дома. Вечер — у полковника Жандра, адъютанта великого князя. Он давал небольшой бал. Хотя я много танцевал, это не помешало мне там соскучиться. В два часа ночи я вернулся домой.

7 января. Утром был у князя Волконского, затем при Дворе. Обед дома. Вечером бал у купца Кусова, было около 500 персон разного рода людей. Танцевали много экосезов, было более 100 пар. Ужин очень умеренный. Сегодня сгорел Аничков дворец. Это было объявлено в 7 часов вечера. Это не помешало сгореть части дворца. Хорошо поработала полиция!

14 января. Провел часть утра за чтением «Тридцатилетней войны» Шиллера, которую закончил, и за «Большими военными операциями» Жомини. Редкий случай, когда могу провести утро у себя дома. Нанес визиты господам Регименту и Безобразову. Победав у дедушки, отправился затем к господину Ададурову и завершил день у госпожи Козловой.

16 января. После чтения дома Жомини я отправился в Главный штаб работать. Обед у г-жи Козловой. От нее — в театре; опера и две комедии Фигаро меня немного развлекли. Вечер у Г. Демидова. Пришло много народа, но было скучно. Возвратился в полночь.

25 января. Сегодня исполнился год, как было основано наше общество под названием «Рыцарство». После обеда у Г. Демидова я к 9-ти часам отправился на наше собрание, состоявшееся у «отшельника». Мы оставались вместе до 3 часов утра; четыре первоприсутствующих рыцаря председательствовали на этом собрании.»⁹⁷

Характер записей не меняется и в феврале — марте 1812 г. Так же подробно автор пишет о своих занятиях в течение дня, работе в Главном штабе, чтении (кроме Жомини, он читает «Битву старых и новых богов» Парни и «Похождения Жиль Блаза из Сантьяны» Лесажа) посещении знакомых, балов, театра. Посещает Смольный монастырь, чтобы присутствовать на экзаменах благородных девиц. В марте появляются записи о предстоящей войне. В конце марта Н.Д. Дурново покидает Петербург для прохождения службы в Вильно. Здесь ему больше приходится заниматься служебными обязанностями, но также он продолжает много читать: это книга аббата Баррюэля «История якобинизма». Посещает Доминиканский монастырь. Июньские записи отражают тревожное состояние перед войной, которая кажется неизбежной: «Одним словом, кажется, что война решена <....>». «Тем лучше, — пишет Дурново, — мы

окунемся в родную стихию. Давно уже каждый из нас сгорает от нетерпения проявить себя на поле чести. Наши юные головы заняты мыслями о битвах, схватках с врагом и славных подвигах <....> И заключает: «Борьба начинается. Пришло время каждому русскому доказать свою любовь к Родине!». ⁹⁸

Вместе с тем здесь он переживает любовное приключение. Его избранницей становится Александра Удинец, дочь польского хорунжего. Но печальные предчувствия не обманули молодого прапорщика. С началом войны русские войска покинули Вильно. Отступая вместе с армией, Николай Дурново побывал в Сорокополе, в имении бабушки Александры Удинец. Это была последняя встреча влюбленных, больше они никогда не встречались.

Дневниковые записи, сделанные во время походов, также насыщены и скрупулезны. Он описывает и утомительность переходов, Бородинское сражение, смерть князя П.И. Багратиона, сдачу Москвы, отступление русской армии. Довольно критично Дурново настроен по отношению к Кутузову. Дурново не чужд честолюбивых устремлений. За Тарутинское сражение Дурново должен был быть награжден орденом Владимира 4-й степени, но его представили к награждению орденом святой Анны 3-й степени. В этом он видит козни Сергея Голицына, которого считает «зачинщиком всех гадостей в армии». В декабре 1812 г. Н.Д. Дурново получает разрешение увидеть своих родителей и прибывает в Петербург. Здесь он ведет прежний образ жизни. посещает знакомых, балы, театры, читает свои любимые романы: «Викфильдского священника», «Тома Джонса» Филдинга и «Орлеанскую девственницу» Вольтера. В то же время он внимательно следит за известиями из действующей армии и готовится вновь туда отправиться.

После войны, живя почти безвыездно в Петербурге, Дурново тесно соприкасается со столичной литературно-общественной средой. В его «Дневнике» за эти годы есть записи о Г.Р. Державине, И.А. Крылове, А.С. Пушкине, А.С. Грибоедове, А.А. Перовском, он посещает заседания литературного кружка «Беседа любителей русского слова» и музыкальные вечера, бывает у издателя «Отечественных записок» П.П. Свинына, где собирается литературный Петербург.

Восстание 14 декабря неприятным образом отразилось на карьере Н.Д. Дурново. Хотя бывший член организации «Рыцарство», встал на сторону правительственных войск и принимал участие в аресте своих товарищей, он был озабочен тем, как сложится их дальнейшая судьба, он явно им сочувствует. Так, в своем дневнике он делает запись после рассказа о сопровождении в крепость М.Ф. Орлова 28 декабря 1825 г.: «Мог ли я когда-

нибудь поверить, что мой прежний товарищ будет отведен мной в обиталище преступления и раскаяния». ⁹⁹ Н.Д. Дурново не без удовлетворения отмечает, что один только Александр Муравьев, его старый товарищ, был без ошеломления приговорен просто к жительству в Сибирь. ¹⁰⁰ И сам он на рубеже 1825 — 1826 гг. опасался, что вскроются его давние дружеские связи с членами тайных обществ. Так, 4 января 1826 г. он отметил в своем дневнике: «Рано утром приехал за мной фельдъегерь барона Дибича. Я думал уже, что буду отправлен в места отдаленные, но страх был напрасен». ¹⁰¹ (Как оказалось, ему поручалось от имени императора пригласить баварского генерала Левенштейна на военный парад).

При новом императоре Дурново не был отмечен ни новыми наградами, ни повышением в должности. Напротив, он 9 лет пребывал в полковничьем чине, занимая прежний пост в Главном штабе. При производстве в марте 1828 г. в генерал-майоры Н.Д. Дурново не был оставлен при Николае I. При открытии турецкой кампании, получив назначение в армейскую бригаду, 14 сентября он прибывает в действующую армию, а 18 сентября 1828 г. убит в боях под Варной. ¹⁰²

«ПАМЯТНИК ЖИЗНИ» —

ВОСПОМИНАНИЯ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ

ВОЙНЕ 1828–1829 гг.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. оставила довольно много воспоминаний ее участников. Приводимые здесь воспоминания далеко не единственные, но интересны прежде всего тем, что они написаны «русским офицером лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады», по всей вероятности, на основе дневниковых записей вскоре после пережитых автором событий. ¹⁰³ В рукописи содержится «Тетрадь I-я, главы II и III», глава I называется «Заграничный поход к Варне» ¹⁰⁴ и глава II «Осада Варны». ¹⁰⁵ Описываемые события происходят с 1 августа 1828 г. по 18 сентября 1828 г.

Надо отметить, что текст написан хорошим языком и вполне может восприниматься как литературное произведение. Автор часто употребляет образные, поэтические выражения, приводит яркие эпитеты для характеристики походной жизни и военного быта. Его наблюдения над природой и городами часто напоминают географические описания.

Начинаются воспоминания с описания переправы через Дунай — «с барабанным боем, с музыкою»; «прошедши мост — подались на гору и расположились лагерем». ¹⁰⁶ Таким образом, они оказались в «окружении

хребта малого Балкана, усеянного темными лесами, оврагами и глубокими пропастями, и быстрым, извилистым Дунаем с противным болотистым берегом, поросшим густым камышом».¹⁰⁷ Далее следует описание крепости Исакчи, находящейся в трех верстах от лагеря: «Это четырехугольная крепостица, примыкающая одною частию своею к самому Дунаю, выстроенная на вершине крутого, отрывистого берега реки, против острова, заросшего густым кустарником. По углам крепости возвышались настенные бастионы, наподобие кавальеров, связанные между собою длинными куртинами».¹⁰⁸ Автор описывает и внутреннее устройство крепости: «Гражданские строения оставлены, пусты. Дома, магазины, мечети — выстроены большею частью из известкового камня. Деревянные лавки загромождены почти съестными припасами, чаем, сахаром, арбузами, перцем, вином адабешским, водкою и прочим. Все продавцы молдаване, болгары и армяне, приехавшие сюда из Галаца и ближайших пограничных местечек австрийской империи».¹⁰⁹

Он заходит в «жидовскую лавку», где встречает «многих из конно-артиллерийских офицеров». Все вместе они отправились в «кофейный дом», где стали говорить о войне с бежавшими со своей Родины турками. Один из них, 70-летний старик, отвечал «худым русским наречием», что он «давно, со времен Екатерины воюет с русскими» и «хорошо знает войн русских», и, по его убеждению, «правоверные побеждены будут и теперь», потому что с русскими «молодой царь, добрый, честный, любящий народ свой».¹¹⁰

Осматривает рассказчик и местные достопримечательности. Среди них — Визиревый курган, «с вершины которого чудесный вид на окрестности: извилистый Дунай, омывающий границы России и Турции, со всеми островами своими, виден на обширном пространстве».¹¹¹ «Немного правее, против кургана, синее необозримое водное пространство Дунайского лимана. Вправо, возвышаются кремнистые горы малого Балкана, поросшие дремучим лесом: вершины деревьев его скрываются в облаках. Влево пестреют дома и укрепления Исакчи».¹¹² Время, проведенное в Исакче, автор вспоминает с удовольствием: «...мы веселились здесь 4 дня, ни в чем не имея недостатка и получая все за сходную цену. Маркитанты целыми обозами шли за нами и везли самое необходимое. Шампанского и адабешского вина было очень много и довольно дешево. Мы пили и прославляли веселую, бивачную жизнь нашу».¹¹³ Через четыре дня рассказчик «оставил Исакчу и Дунай за собою».

Далее он описывает тяжелый и долгий переход через горы по «узким, извилистым дорогам через густые, непроходимые леса». Через город Бабадаг, «где была назначена почистка и дневка», они движутся дальше. Пе-

ред их взором предстали «пустые, разоренные места, выжженные поля, хлеб, оставшийся на полях, был выжжен». Автор много внимания обращает на описание дорог. Так, «дороги в Шумну и Варну вились по обширной долине, ценной редкими кустарником, оврагами, холмами. Лесистые вершины гор как бы замыкают необозримую степь».¹¹⁴ Они приходят к крепости Кюстенджи, в «которой много гражданских строений, но нечистота большая, воздух неприятный». Особые эмоции рассказчик испытывает при виде моря: оставя за собой Кюстенджи, они шли берегом моря, которое «бушевало, кипело, наводило невольный ужас, страх».¹¹⁵ Оставляя город Мангами, они остановились «на берегу моря шумного, разъяренного»; «луна освещала черную поверхность воды, волны вздымались, и пенились, и разбивались о берег, у наших ног».¹¹⁶

Наконец, 15 августа автор воспоминаний приходит в город Каварну. «Авангардный лагерь был уже разбит на обширной равнине, близ моря. Назначено было 9 дней на отдохновение корпуса. Ожидали прибытия Государя и великого князя из Варны. Через несколько дней собрались все полки пехоты и кавалерии. Музыка гремела по утрам и вечерам во всех полках, все были веселы, пили вино и забывали о военном действии, о скором приближении к театру войны».¹¹⁷

Рассказчик занимал тогда «должность заболевших адъютанта и казначея, в бригаде», и, по собственному признанию, «шлялся по штабным палаткам, носился с казначейскими книгами», «приказы полковника Сим...го, почитавшего себя знатоком русской литературы, не давали <ему> покоя».¹¹⁸ И если в продолжение дня рассказчик и его товарищи «занимались службою», то по «вечерам собирались в палатку кого-нибудь из товарищей и шумно беседовали с Бахусом до полуночи»; «вечера же начинались обыкновенно чаем, к которому подливали мадеру, ром; потом являлись стаканы, полные донского вина, в заключение иногда кипело шампанское и производило хаос в головах наших, иногда они оканчивались одним пуншем, но всегда были одинаковые действия». Рассказчик вспоминал забавный случай, когда, собравшись у одного из товарищей, «провели шумно вечерок и с вертящимися головами» пошли провожать другого своего товарища, «переставляя ему ноги, и потом долго не находили палаточек своих».¹¹⁹

С удовольствием посещал автор и создателя русской ракетной артиллерии А.И. Засядко, своего знакомого по Петербургу. Генерал рассказывал ему и о Петербурге, и о быстром окончании осады Браилова. Рассказчик всегда оставался доволен беседами с Засядко, делившимся с ним 30-летним опытом военной службы.

В 20-х числах августа начался поход на Варну. Оставляя Каварну, в войсках отслужили молебен: «окропили святою водою знамена, орудия, людей и лошадей, и приложили ко кресту». ¹²⁰

При переходе, утолив жажду вином, предложенным ему одним из товарищей, рассказчик жестоко простудился, получил лихорадку, тем более что ночевать ему пришлось на сырой земле. Тем не менее он совершает спуск с вершины горы на лошади, чтобы скорее догнать свою роту. В таком состоянии он приблизился к театру военных действий.

Переходя непосредственно к осаде Варны, автор воспоминаний гораздо больше внимания уделяет подготовке и проведению военных действий, личностям начальников, ответственным за них. Глубокое разочарование вызывают у него командующие гвардейскими полками: «полки гвардейские находились под командою людей, не имевших понятия о войне, не обладавших ни мужеством, ни познаниями, ни доверенностью подчиненных, не понимавших чувств русского солдата и не умевших возбудить в них храбрость» ¹²¹.

Именно с этими качествами военачальников рассказчик связывает неудачи русских войск. Он тяжело переживает разгром одного из егерских полков, попавшего в засаду из-за

К.И. Бистром
И. Песоцкий.
1840-е гг.

ошибочных действий графа Залусского (Залуцкого), считавшегося «великим талантом, гением времени»). «В 12 часов, 11 сентября, уныние было написано на всех лицах, беспокойство было видно в движениях. Разговоры были тихи, печальны. Все пожимали плечами, испускали вздохи сожаления. Тайна пробегала из уст в уста, все кричали, по секрету: Егерский полк наголову разбит, нас ожидает та же участь!» ¹²²

Тем временем приблизился корпус Омиера, подошедший к Варне 16 сентября. Начались открытые боевые действия, во время которых было ранено много солдат и офицеров. Прибывает долгожданный корпус

Евгения Вюртембергского. Крайне отрицательно рассказчик относится к Сухозанету, представившему, по его мнению, «царю и Дибичу» гибельный план

Е. Вюртембергский

Т. Райт

с оригинала Д. Доу.

1824 г.

по взятию Варны. Столкновение при обсуждении боевых действий происходит у Сухозанета с принцем Евгением Вюртембергским и с К.И. Бистромом. «Начальник Главного штаба Дибич поддер-

живал Сухозанета, будучи не хорош с Евгением Вюртембергским, Бистром же ругал его перед всем отрядом».

Далее рассказчик приводит описание штурма 18 сентября. В этот день часть отряда принца Евгения Вюртембергского достигла турецкого редута и была опрокинута. В этой атаке был убит один из командиров отряда — Николай Дмитриевич Дурново. Бистром подвел лейб-гренадерский батальон к другому редуту... Бистром, с обнаженной саблей, без шапки, с поднявшимися дыбом волосами, бегал по редутам, возбуждая мужество, останавливая бегущих, рубил не повиновавшихся, производил чудеса храбрости и безумия, но отвратил опасность. В это же время Сухозанет, лежа под деревом, кричал, жалуясь на спазмы в желудке. Принц посылал его в дело, к вверенной ему части, но, видя неповиновение, ругал его при всем штабе трусом, подлецом (?), угрожал расстрелять его за отсутствие от места битвы и отрешить от командования, рапортуя об этом Государю». ¹²³

Автор воспоминаний не знает, насколько справедливы обвинения Сухозанета в трусости, но отмечает, что «по окончании дела он был пренебрегаем всеми; Государь, казалось, избегал видеть его». ¹²⁴ Эта глава воспо-

минаний доведена автором до 28 сентября и завершается на печальной ноте. Он рассказывает о своем безрадостном времяпрепровождении: «Иногда посещал я в то время генерала Засядку, скучавшего однообразною, несносною жизнью. Часто офицеры собирались все вместе, у кого-нибудь по вечерам, толковали обо всем; судили, рядили, всем доставалось в свою очередь. Иногда занимались приготовлением зарядов и отправлением их на южную сторону. Таким образом, длилось несносное время, не обещавшее, казалось, конца».¹²⁵

ОППОЗИЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

В ОФИЦЕРСКОЙ СРЕДЕ

В 20-х XIX вв.

ПО «ЗАПИСКАМ» Н.В. ВЕРИГИНА

В исторической литературе дан достаточно подробный анализ записок и воспоминаний декабристов и лиц из их окружения. Оппозиционные настроения в составе высшего офицерского общества были проанализированы в исследовании М.А. Давыдова «Оппозиция Его Величества. Дворянство и реформы в начале XIX века» (М., 1994), в котором автор представляет взгляды А.П. Ермолова, М.С. Воронцова, П.Д. Киселева, И.В. Сабанеева.

Нам также представляется особенно важным показать русское офицерское общество 20-х гг. XIX в. глазами их современников, не входивших в декабристские организации, но создавших свои кружки и свои общества. «Записки» Н.В. Веригина позволяют провести нам такую параллель. Н.В. Веригин — офицер лейб-гвардии Литовского полка, в котором произошли события, имевшие впоследствии политическую огласку. Н.В. Веригин подробно описывает интересы внутри полкового сообщества, складывание интеллектуального кружка среди офицества, характер бесед и споров. По собственному признанию Веригина, «разговоры о греках, римлянах, о немецкой философии, о революциях Англии, Франции, о правах человека на личность, о собственности — порождали возражения, споры, соглашения, и все это вело к сближениям с влиятельными офицерами в полку. Меня считали офицером с даром слова, а этого было достаточно, чтобы попасть в круг полковой аристократии, которая отзывалась обо мне, как о достойном быть их товарищем».¹²⁶

Особое внимание Веригин уделяет личностям штабс-капитанов Н.Н. Пушина и П.А. Габбе. Центральное место в воспоминаниях занимает конф-

ликт Н.Н. Пущина и П.А. Габбе с великим князем Константином Павловичем, послуживший причиной их ареста и исключения из полка. К конфликту оказался причастен и сам автор «Записок», поддержавший товарищей из солидарности. В основе конфликта Н.Н. Пущина с Ве-

ликим князем — нежелание Пущина подчиниться несправедливому требованию о наказании своего лучшего солдата по требованию офицера того же полка

М.С. Воронцов

А. Мюнстер
с литографии Ф. Ентцена
по рисунку Ненсена
с оригинала Ф. Крюгера.
1850-е гг.

Варпаховского. Пущин совершил немыслимо дерзкий поступок: он сорвал эполет со своего мундира в знак нежелания носить один мундир с великим князем. Пущин был арестован, офи-

церское собрание предпринимало отчаянные меры к освобождению своего товарища. Гневу великого князя подвергается весь полк, всех офицеров которого Константин Павлович называет «бунтовщиками». Офицеры подали рапорты об отставке.¹²⁷

В конце концов дело улаживается по желанию самого великого князя. Но тут в бумагах Пущина была найдена его частная переписка с П.А. Габбе и Н.В. Веригиным — с осуждением поступков великого князя и лиц императорской фамилии. П.А. Габбе отказывается признавать себя виновным и пишет письмо Великому князю, в котором было сказано, «что он, сколько ни рассматривает, сколько ни судит своих поступков во время всех полковых беспокойств, не может найти в себе такой вины, которая давала бы ему возможность искать великодушного прощения у его высочества, а просить прощения не быв виноватым значило бы оскорбить

не только чувство справедливости, но и подвергнуть себя нареканию общественного суда». ¹²⁸

Н.В. Веригин, П.А. Габбе и Н.Н. Пущин почти год содержались под арестом, во время которого Н.В. Веригин имел возможность «читать Гете, Шиллера, Байрона, Шлегеля, Виланда, Фосса, Канта, Циммермана». Веригин и Габбе были разжалованы в рядовые с лишением чинов, а Габбе и орденов, с определением Веригина в рядовые 50-го Егерского полка, а Габбе — Волинского пехотного полка. Волею судьбы полковые товарищи оказываются вновь вместе и, скрываясь от своего непосредственного начальства, проводят время за чтением и обсуждением книг. ¹²⁹

Впоследствии им были возвращены их чины, а Николай Николаевич Пущин, претерпев эволюцию своих политических взглядов, становится директором Дворянского полка, в котором сам когда-то учился, поднимает образовательную часть на высокий уровень, заводит библиотеку, и многие выпускники этого учебного заведения будут с благодарностью вспоминать о своем директоре. И все же скажется давний конфликт с лицами императорской фамилии. Великий князь Михаил Павлович не упускал Н.Н. Пущина из поля зрения. На одном из смотров великий князь Михаил Павлович, будучи главным начальником военно-учебных заведений, выразил неудовольствие Пущиным, и тот вскоре подал в отставку. ¹³⁰

События в лейб-гвардии Литовском полку описаны и генералом от инфантерии Алексеем Алексеевичем Одинцовым, который не являлся их непосредственным участником, а наблюдал все «со стороны». Он отмечает, как лейб-гвардии Литовский полк оказывается «на дурном счету», но больше пишет об умственных занятиях, состоящих из чтения политической литературы, а также о таком нововведении, как школа плаванья. А.А. Одинцову удалось сделать блестящую карьеру, начав ее в царствование Николая I, а завершив при Александре II в должности нижегородского губернатора. Этот пост он занимал в течение 12 лет с 1861 по 1873 гг. ¹³¹

С событиями в лейб-гвардии Литовском полку связана скандальная история с выпускником Пажеского корпуса прапорщиком Павлом Довре, отказавшимся в результате спора идти на палочный пикет. По этому поводу у главного начальника Пажеского и кадетских корпусов П.В. Голенищева-Кутузова были долгие объяснения с Великим князем Константином Павловичем, главным начальником военно-учебных заведений. ¹³² Не случайно в 1824 г. командующий 6-м корпусом, генерал от инфантерии И.В. Сабанеев представляет записку «О мерах к восстановлению дисциплины в Гвардейском корпусе». ¹³³

2. Кавказ и кавказские войны

Кавказ оставил неизгладимые впечатления практически у всех офицеров, там служивших. Это связано и с участием авторов воспоминаний в войнах, которые вела Россия, и с личностями тех людей, под началом которых им приходилось служить. Наиболее часто авторы воспоминаний упоминают А.П. Ермолова, И.И. Дибича, М.С. Воронцова, В.Г. Мадатова.

Несомненно, одной из самых ярких фигур был Алексей Петрович Ермолов. Неудивительно, что большинство офицеров, служивших под

А.П. Ермолов

К. Поль
с оригинала
П.З. Захарова-Чеченца.
1843 г.

его началом, вспоминают его как выдающегося военачальника и само ермоловское время считают временем расцвета края.

«Бешеным шайтаном» прозвали Ермолова горцы, и он своими действиями заслужил это прозвище. «Замирение» Кавказа Ермолов начал в 1818 г. с Чечни — на восточном фланге создаваемой им Линии. Против горских племен Ермолов применял военный террор. Прежде всего он созвал старшин надтеречных чеченцев и заявил, что если они через свои владения пропустят хищников, то их аманаты все до одного будут повешены. Генерал заявил, что ему не нужны мирные мошенники: либо покорность, либо полное истребление.¹³⁴

Вместе с тем Ермолов был неопровержимым авторитетом в глазах кавказского офицерства, которое как особая каста было выковано именно в ермоловское время. В личных свойствах Ермолова были такие черты — твердость характера, независимость суждений, забота о матери-

альных нуждах офицеров-армейцев, которые не могли к нему не привлекать симпатии в офицерских кругах. Популярность Ермолова поддерживала и немилостивая отставка, данная ему Николаем I в 1827 г. Заменивший его на этом посту граф Паскевич не был любим в офицерских кругах.

Правда, уже в устах ссыльных декабристов появляются критические нотки. Так, декабрист Н.И. Лорер, рассказывая о своей встрече с последователем ермоловской системы покорения Кавказа, генералом Зассом, отмечал, что когда тот сказал, что ему не нравится система войны, он ответил Лореру: «Россия хочет покорить Кавказ во что бы то ни стало. С народами, нашими неприятелями, чем взять, как не страхом и грозой? Тут не годится филантропия, и А.П. Ермолов, вешая беспощадно, грабя и сожигая аулы, только этим и успевал более нашего. Еще до сих пор его имя с трепетом произносится в горах, и им пугают маленьких детей». В поддержку проповедуемой Зассом идеи страха, на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру. Грустно было смотреть на это отвратительное зрелище.¹⁵⁵

Сходного мнения придерживается и другой декабрист — А. Е. Розен: «Мы подражали преждему, старинному образу действий: как Пизарро и Кортес, перенесли мы на Кавказ только оружие и страх, сделали врагов еще более дикими и воинственными, вместо того, чтобы приманить их в завоеванные равнины и к берегам рек различными выгодами, цветущими поселениями».¹⁵⁶

С весны 1826 г. Кавказ заполняют разные категории «наказанных» участников восстания на Сенатской площади. Среди них сосланные туда «с лишением дворянства и без выслуги» Коновницын, Цебриков, Кожевников и др.; М.И. Пущин был примером солдата, «лишенного дворянства, но с выслугой»; третьей категорией стали разжалованные в рядовые, с выслугой, но без лишения дворянства (Веденяпин 2-й, Фок). Немалое число было переведено из гвардии тем же чином в Отдельный Кавказский корпус. Так оказались на Кавказе полковники И.Г. Бурцов и В.И. Вольховский.

Всего было сослано 65 офицеров, из них 38 разжалованы в рядовые.¹⁵⁷ С конца 1826 г. на Кавказе действовал сводный гвардейский полк (38 офицеров, 1282 рядовых), где были сосредоточены многие провинившиеся и подозреваемые; в войсках, сражающихся с Персией и Турцией, 827 солдат мятежных полков, в основном Черниговского и Московского, а также около 700 рядовых других частей. Таким образом, всего в конце 1826 — начале 1827 гг. на Кавказе оказалось 2800 человек, так или иначе причастных к движению декабристов.¹⁵⁸

Многие из «замешанных» в «деле 14 декабря» сыграли выдающуюся роль в кампаниях 1826–1828 гг., давая ценные советы, а иногда и исправляя просчеты И.Ф. Паскевича, как, например И.Г. Бурцов. Практически всеми инженерными работами руководил рядовой М.И. Пущин.

Последними декабристами, оставшимися на Кавказе в 40-е годы, были М.М. Назимов и А.Н. Сутгоф. В 1848 г. 47-летний А.Н. Сутгоф был последним из декабристов переведен на Кавказ, через 7 лет он стал прапорщиком, через два года амнистирован.

Но Кавказ был не только местом ссылки опальных офицеров в конце 1820-х — 1840-е гг. и местом покорения горских народов, но он ассоциировался со страной свободы. Так, по высказыванию одного из современников Лермонтова, «...лучшие из офицеров старались вырваться из Михайловского манежа и Красносельского лагеря на Кавказ, а молодые люди, привязанные родственными связями к гвардии, и придворному обществу, составляли группу самых бездарных и бесцветных парадеров и танцоров».¹³⁹

По самым условиям горной войны в отдаленном, бездорожном крае военная служба на Кавказе была лишена однообразия казарменной муштры и мелочной шагистики. Начальство на Кавказе не могло быть так требовательно по части формы, как в самой России. Даже сам Николай I принужден был считаться с неизбежностью служебных вольностей на Кавказе. Когда он в 1837 г. производил в Геленджике смотр войскам (в числе которых был и Нижегородский драгунский полк, в котором служил Лермонтов), «ему, привыкшему к педантичной точности на каждом шагу, бросались в глаза отклонения от принятых форм и правил». «Хорошо, — говорил он, — что я не взял с собою брата Михаила Павловича: он бы этого не вынес». К царю «офицеры явились по-домашнему. Сам бригадный командир Ливен был в сюртуке, из-под которого на целую четверть виднелся бешмет из пестрой турецкой материи. В таких же фантастических костюмах были и другие... Форменных полусабель не было ни одной — у всех черкесские шашки».¹⁴⁰

Вместе с тем на Кавказе присутствовал и такой элемент, как глубокая неприязнь кавказского боевого офицерства к привилегированным гвардейцам, попадавшим на Кавказ в специальные командировки с целью быстрее получить следующий чин.

В довольно ядовитых по тону «Воспоминаниях о службе на Кавказе в начале 40-х гг.» М.Л. Ливенцова можно прочесть такие жалобы боевого офицера Навагинского полка: «Скоро понаедут к нам целые легионы «гвардионцев»...человек 60 прискачут, наверно, пронесутся по дорогам лихие курьерские тройки с бубенцами и колокольцами, «со звонами малиновыми» и с «пустозвонами прекрасными», шестьдесят наград отнимутся у наших

многотерпцев-строевиков для украшения этих украсителей модных салонов! Чудеса, право! Посылают их, видите ли, с тою полезною целью, чтобы ознакомить «будущих крупных деятелей» со всеми особенностями кавказской войны, ну, и расползутся эти «украсители» по штабам да в ординарцы к генералам. Какая же с них польза, и с чем они знакомятся? А послушали бы вы, что станут они рассказывать в Петербурге про наши дела не только барыням и барышням, а и важным чиновным старцам, — просто потеха. Оттого, вероятно, в России государственные деятели менее знают о Кавказе, чем каждый привратник в Париже — об Алжире».¹⁴¹

Еще одно вредное качество, принесенное на Кавказ гвардейскими офицерами, — это пьянство и азартные игры. «С уходом «бонжуров» уменьшились у нас картеж и пьянство, прежде денежки этих господчиков ходили в обращении, а затем настало безденежье, жизнь в обрез, на марки-тантскую книжку. А и право же лучше так: играют в банчишко или преферанс по маленькой, зато шуллеришек не разводится. Покучиваем мы уже не из хлопущек шампанских и портерных, а кизлярка, чихирь да очищенное отдуваются, а то и спирт разведенный хлебаем: дешево и сердито! По-прежнему-то бывало: подавай нам Клико да Эль — кок, портер, ликеры; цимлянским и пивом брезговали, чехирем — ноги мыли, — вот как важно»!¹⁴² Эти воспоминания не лишены предвзятости по отношению к гвардейским офицерам: они так же, как и «старые кавказцы» ходили под пулями, оказавшись в схватках.

«Военные экспедиции на Кавказе», по замечанию А.Е. Розена, кончались в июне. Другой декабрист, Н.И. Лорер, вспоминал, как в 1838 г. после экспедиции в Пятигорск нахлынули гвардейские офицеры. С их появлением общество еще более оживилось: «Молодежь эта здорова, сильна, весела, как подобает молодежи; вод не пьет, конечно, и широко пользуется свободой после трудной экспедиции. Они бывают также у источников, но без стаканов; их заменяют лорнеты, хлыстики<....>Везде в виноградных аллеях можно их встретить, увивающихся и любезничающих с дамами».¹⁴³

Кроме всего прочего, для военной молодежи из зажиточных дворянских семей, «минеральные воды» служили местом разгула. Это обстоятельство особенно раздражало «старых кавказцев». Так, сохранился счет, поданный товарищу Лермонтова князю Н.С. Вяземскому в 1838 г. кисловодским «купцом Нойтаки»; из него следует, что 27 июля князю было отпущено 4 бутылки «ренвейну», 1 — «виндерграфу», 2 — «шампанского» и 2 фунта восковых свечей, всего на 68 руб.; 28 июля — 5 бутылок «виндерграфу» и 1 — «ренвейну», на 23 рубля; 29-го июля — 1 «фунт шоколаду» за 4 руб.; 30-го 1 бутылка «виндерграфу» — 3 рубля; 1 августа — 5 фунтов восковых свечей, 3 ящика «пахитос», бутылка шампанского «креман» и 1 бутылка

рому, всего на 75 р. 50 к.; 4-го отпущено — 3 бутылки того же шампанского за 54 рубля, 2 фунта восковых свечей за 5 рублей и т.д. Таким образом, на попойку у Вяземского ушло 232 р. 50 коп. за 8 дней. Количество потребленных свечей говорит о карточной игре по ночам.¹⁴⁴

В альбоме того же Вяземского сохранился лист «Подписки на бал, даваемый 13 числа августа (1838 г.) в субботу в Кисловодске». В подписной складчине участвовали А.С. Пушкин, брат поэта, князь А.А. Суворов, князь В.С. Голицын, князь Гагарин и другие представители офицерской аристократии. Освещение стоило 207 р. 75 коп., ужин на 70 персон 700 руб., угощение чаем, мороженым и фруктами 190 рублей. На балу было выпито вина 61 бутылка (шампанское разных марок, ренвейн, сотерн, мадера, малага, мозельвейн и т.д.) на сумму 442 рубля. Всего, включая еще дополнительные расходы, было потрачено 1919 р. 05 коп., — колоссальная сумма для кавказского захолустья¹⁴⁵.

Еще один аспект военной службы на Кавказе — это взаимоотношения с местным населением. Это и отношения куначества с бывшими врагами. Многие русские офицеры (в их числе Лермонтов) куначествовали с горцами, уважая взаимную воинскую доблесть. В большинстве случаев под «куначеством» с русскими подразумевался простой обычай гостеприимства и охраны личности горца, свято чтимый всеми горцами. Лермонтов в поэме «Измаил-бей» (1832) описал яркий пример гостеприимства, изобразив ночную встречу в горах Измаила с русским офицером, подошедшим к его костру и попросившим у него гостеприимства.

Популярной темой в жизни русских офицеров на Кавказе была любовь к местным красавицам — черкешенкам. Так, Н.С. Мартынов в очерке «Гуаша» рассказал о любви к черкешенке одного из товарищей Лермонтова — князя А.Н. Долгорукова, служившего в 1837 г. на Кавказе: «Недалеко от Ольгинского укрепления на левом берегу Кубани есть мирный аул, куда все офицеры наши ездят покупать себе различные произведения. Случайно они увидели там черкешенку необыкновенной красоты, на ней не было чадры... По всему заметно было, что она принадлежала к аристократическому семейству... С первого дня, как увидел Долгорукий Гуашу... он почувствовал к ней влечение непреодолимое; но что всего страннее: и она с своей стороны тотчас же его полюбила. Выражала она эту любовь совершенно по-своему: безыскусственно и просто, как было просто и безыскусственно все ее обхождение, но даже и в самых мелочах было заметно предпочтение, которое она оказывала ему перед другими его товарищами».¹⁴⁶

Офицер Ф. Торнау, пробывший в плену у чеченцев, встретил там свою черкешенку Алан-Коз: «Чрезвычайно тонкая, стройная, тонкая в талии, как бывают одни черкешенки, с нежными чертами лица, черными, не-

сколько томными глазами и черными волосами, достававшими ей до колен, она везде бы была признана очень красивою женщиной. При том она была добродушна и чрезвычайно понятлива. Никогда я не слышал от нее ни одного бессмысленного вопроса или неуместного замечания.... Я встречался с нею часто, потому что она доставляла мне развлечение, которое я нигде и ни в ком не находил, и потому, что любил ее за искреннюю преданность ко мне. Воспользоваться посредством обмана ее красотой и молодостью мне и в голову не приходило. Да и сама она не допустила бы до этого. Черкешенки очень целомудренны и, несмотря на предоставленную им свободу, редко впадают в ошибку. <...> По целым часам я сидел возле нее, пока она работала, и рассказывал ей, сколько умел по-черкесски, все, что у нас делается, как наши женщины воспитываются, живут и одеваются. Несмотря на мой ломаный язык, она все понимала и доказывала это своими умными вопросами».¹⁴⁷ Алан-Коз предлагала Торнау перейти в мусульманство, в таком случае они могли бы пожениться. Отчаявшись обратиться Торнау в свою веру и сделать своим мужем, Алан-Коз помогла ему бежать из плена.¹⁴⁸

Итак, служба на Кавказе отличалась своей спецификой. Это и территориальная отдаленность от Европейской России, и обстановка максимальной опасности. С другой стороны, служба на Кавказе в какой-то степени была более свободной. Прежде всего офицеры не были так жестко поставлены перед необходимостью денно и нощно соблюдать дисциплину, хотя смотры случались и на Кавказе. Все это придавало офицерам, в течение долгого времени прослужившим на Кавказе и принимавшим участие в боевых действиях, чувство превосходства и некоторого высокомерия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

1 Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX. Статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн. 1992. С. 279-281. 2 Предтеченский А.В. Записка Т. Е. Бока // Декабристы и их время. — М.; Л., 1951. С. 198 3 Лотман Ю.М. Указ. соч. С.281.	4 Марченко Н.А. Быт и нравы пушкинского времени. — СПб., 2005. С. 7 5 Марченко Н.А. Указ. соч. С.7 6 ОР РГБ Ф. 95 П.П. Дурново Д. Приказы лейб-гвардейским полкам. 1798-1799 гг. ЛЛ. 3-128. 7 ОР РГБ Ф. 95 Д. Приказы гвардейским полкам за 1798-1799 гг. ЛЛ.3-

133. Об.; ГАРФ. Ф. 728 Зимнего Дворца. Оп. 1. Т. 1. Д. 481. Дневные и строевые рапорты лейб-гвардии Преображенского полка 1797–1798 гг. 15 лл.
- 8 *Комаровский Е.Ф.* Записки.
- 9 *Марченко Н.А.* Указ. соч. С. 8.
- 10 ОР РГБ. Ф. 95 Д. Приказы гвардейским полкам за 1798–1799 гг. лл.3–208.
- 11 *Гордин А.М., Гордин М.А.* Былой Петербург. Пушкинский век. — СПб., 2005. С. 105.
- 12 *Гордин А.М., Гордин М.А.* Указ. соч. С.105.
- 13 *Гордин А.М., Гордин М.А.* Указ. соч. С.106.
- 14 Там же. С. 107.
- 15 *Гордин А.М., Гордин М.А.* Указ. соч. С.107.
- 16 ОР РГБ. Ф. 218. Д. № 121 Вельяминов Н.Н. Воспоминания о Государе Императоре Николае Павловиче и его времени. лл. 6. Об.—7.
- 17 ОР РГБ. Ф. 218. Д. № 121. л. 15. Об.
- 18 Там же. лл. 17. Об.—18.
- 19 ОР РГБ. Ф. 218. Д. 121. лл.18.
- 20 Там же. л. 18. Об.
- 21 Там же. л. 19. Об.
- 22 ОР РГБ. Ф. 218. Д. 121. л. 24.
- 23 Там же. л.5 1.
- 24 ОР РГБ. Ф.218. Д. 121. л. 51.
- 25 ОР РГБ. Ф. 218. Д. 121.лл.49. Об.—50.
- 26 ОР РГБ. Ф. 218. Д. 121. лл.54. Об.—55.
- 27 Там же. л.50–50. Об.
- 28 ОР РГБ. Ф. 218. Д. 121. лл. 50.Об.—51.
- 29 ОР РГБ. Ф. 218.Д. 121. л. 55–56. Об.
- 30 ОР РГБ. Ф. 95. Д. 1450. Письма к Н.Д. Дурново разных лиц. Письмо от 14-го октября 1818 г. из Сосниц. л. 130.
- 31 ОР РГБ. Ф. 95. Д. 1450. Письма к Н.Д. Дурново разных лиц. Письма от Н.Н. Демидова от 27 июля, 4 и 9 августа 1821 года. лл. 237–241.
- 32 Там же. Письмо от 31 августа 1821 г. лл. 251–251. Об.
- 33 ОР РГБ. Ф. 95. Д. 1450. Письма к Н.Д. Дурново разных лиц. Письма Н.Н. Демидова. лл. 256–257. Об.
- 34 ОР РГБ. Ф. 95. Д. 1450. Письма к Н.Д. Дурново разных лиц. Письма Н.Н. Демидова. лл. 259—259. Об.
- 35 ОР РГБ. Ф. 95. Д. 1450. Письма к Н.Д. Дурново разных лиц. Письма Н.Н. Демидова. лл. 259.
- 36 Там же. л. 259. Об.
- 37 *Марченко Н.А.* Быт и нравы пушкинского времени. — СПб., 2005. С. 17.
- 38 *Колокольцев Д.Г.* Указ. соч. // Русская Старина.1883. № 6. С. 593—622.
- 39 *Стогов Э.И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. — М., 2003. С. 73
- 40 *Дурова Н.А.* Записки кавалерист-девицы // Избранные сочинения. — М., 2001. С. 124–125.
- 41 *Дрейлин И.Р.* Дневник // 1812 г. Воспоминания воинов русской армии. — М., 1990. С. 368.
- 42 ОР РГБ. Ф. 95. Д. 1450. Письмо Н.Д. Дурново от князя М. Путятина от 19 января 1819 года.
- 43 *Розен Е.А.* Записки декабриста. — Иркутск, 1984. С. 115.

- 44 Там же. С.115.
- 45 *Остен-Сакен Д.Е.* Отрывок из летописи Елисаветградского гусарского полка // Военный сборник.1870. Т. 75. № 10. С. 243–244.
- 46 *Остен-Сакен Д.Е.* Указ соч. С. 244.
- 47 *Марченко Н.А.* Указ. соч. С.318–319.
- 48 Декабристы. Материалы для их характеристики. — М., 1907. С. 165.
- 49 *Бегунова А.И.* Повседневная жизнь гусара в эпоху Александра I. — М., 2001. С. 290—291.
- 50 *Бегунова А.И.* Указ. соч. С. 291
- 51 ОР РГБ. Ф. 95. Ин 1450. Письма к Н.Д. Дурново от разных лиц» на русском и фр. языке. Письмо от 16 мая 1821 г от Н.Н. Демидова. Л. 45. Об.
- 52 Воспоминания севастопольца с 1854 по 1856 год; Воспоминания *Ф. фон Драхенфельса*; Воспоминания о Севастопольской обороне *Георгия Чаплинского*; Очерки из Крымской войны (дневник очевидца); Письма отставного флота капитана *Петра Ивановича Лесли*; Воспоминания о Севастополе командира 1-й Карабинерной роты Алексопольского егерского полка *Валериана Зарубаева*. // Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. — М., 1998. и ряд других воспоминаний.
- 53 Под походами 1812–1815 гг. имеются в виду походы русской армии, включающие в себя Отечественную войну 1812 года играничные походы 1813–1815 гг.
- 54 ОР РГБ. Ф. 218. картон 762. Д. 8. Биография или период жизни Маркиана Андреевича Войнова. Л. 8.
- 55 ОР РГБ. Ф.218. картон 762. Д. 8. Л. 8. Об.
- 56 Там же. Л. 8. Об.
- 57 Там же. Л. 8. Об.
- 58 Там же Л. 9
- 59 ОР РГБ Ф.218. картон 762. Д. 8. Л. 9. Об.
- 60 Там же. Л. 9. Об.
- 61 Там же. Л. 10.
- 62 Там же. Л. 10.
- 63 Там же. Л. 10.
- 64 ОР РГБ Ф. 218. Д. 8. Л. 10. Об.
- 65 Там же. Л. 11. Об.
- 66 Там же. Л. 11. Об.
- 67 Там же. Л. 12.
- 68 Там же. Л. 12.
- 69 ОР РГБ. Ф. 218. Д. 8. Л. 12. Об.
- 70 Там же. Л. 12. Об.
- 71 Там же. Л. 13. Об.
- 72 Там же. Л. 16
- 73 ОР РГБ. Ф. 218. картон 762. Д. 8. Л. 16. Об.
- 74 Там же Л. 18. Об.
- 75 Там же. ЛЛ. 18. Об.-19.
- 76 Там же. Л. 19.
- 77 ОР РГБ. Ф. 218. картон 762. Д. 8. Л. 19. Об.
- 78 Там же. Л. 23.
- 79 Там же. Л. 23. Об.
- 80 Там же. Л. 26.

- 81 ОР РГБ. Ф. 218. картон 762.
Д. 8. Л. 26. Об.
- 82 Там же. Л. 27. Об.
- 83 Там же. Л. 28.
- 84 ОР РГБ Ф.218. картон 762.
Д.8. Л.28. Об.
- 85 Там же. Л.28. Об.
- 86 *Чичерин А.В.* Дневник 1812 года.
М., 1966. С. 13–14;20
- 87 Там же. С. 18.
- 88 Там же. С. 20–22.
- 89 *Чичерин А.В.* Дневник 1812 года. —
М., 1966 С. 23
- 90 *Прегель С.* Тетрадь поручика
Чичерина // Куранты. Вып. 2.
- 91 Там же. С. 372.
- 92 *Чертков А.Д.* Путевой журнал //
1812–1814 год. Воспоминания
офицеров русской армии. —
М., 1992. С. 433–443.
- 93 Там же. С. 448–451.
- 94 Там же. С. 433–435.
- 95 *Лехнер А.А.* Дневник 1813–1814 гг. //
1812–1814 год. Воспоминания
офицеров русской армии. —
М., 1992.С. 345–346.
- 96 Из вступительной статьи А.Г. Тар-
таковского к «Дневнику» Н.Д. Дур-
ново за 1812 год. // 1812 год.
Военные дневники. — М., 1990.
С. 31–48.
- 97 Дневник Н.Д. Дурново. С. 48–54.
- 98 Дневник Н.Д. Дурново. С. 58–63.
- 99 *Козьменко И., Яшунский И.*
К истории восстания 14 декабря
1825 года. (Из дневника флигель-
адъютанта Н.Д. Дурново) //
Записки отдела рукописей Всесо-
юзной библиотеки им. В.И. Ленина.
Вып.3. — М., 1939. С. 14.
- 100 Там же. С. 17–19.
- 101 Там же. С. 13.
- 102 ОР РГБ. Ф. 178. Д. 9313. Памятник
жизни 1828 г. Тетрадь 1-я. (глава II
и III). ЛЛ. 16.
- 103 ОР РГБ. Ф. 178. Д. 9313. Памятник
жизни 1828 г. Тетрадь 1-я. (глава II
и III). ЛЛ.1–16; неизвестный
офицер, возможно, Николай
Лаврентьевич Кладо, так как на Л.1
стоит печать с этим именем.
- 104 Там же. Л. 1.
- 105 Там же. Л. 1. Об.
- 106 Там же. Л. 1.
- 107 Там же. Л. 1.
- 108 ОР РГБ Ф. 178. Д. 9313. Л. 1.
- 109 Там же. Л. 1. Об.
- 110 Там же. Л. 1. Об.
- 112 Там же. Л. 2.
- 112 Там же. Л. 2. Об.
- 113 ОР РГБ Ф. 178. Д. 9313. Л. 3.
- 114 Там же. Л. 5.
- 115 Там же. Л. 5. Об.
- 116 Там же. Л. 7.
- 117 ОР РГБ Ф. 178. Д. 9313. Л. 7.
- 118 Там же. Л. 7. Об.
- 119 Там же. Л. 8. Об.
- 120 Там же. Л. 9. Об.
- 121 ОР РГБ Ф. 178. Д. 9313. Л. 12. Об.

- 122 Там же. Л. 13. Об.
- 123 ОР РГБ Ф. 178. Д. 9313. Л. 16. Об.
- 124 Там же. Л. 17.
- 125 ОР РГБ Ф. 178. Д. 9313. Л. 17; Осаде Варны посвящены страницы воспоминаний А.И. Веригина, П.Н. Глебова, Н.С. Голицына, П. Должикова, В.М. Еропкина, В.И. Заболоцкого, П.А. Степанова, Г.Ф. Стефана, В.И. Фелькнера.
- 126 *Веригин Н.В.* Записки // Русская Старина. 1893. Т. 76. № 10. С 426-431.
- 127 *Веригин Н.В.* Записки. С. 435-444.
- 128 Там же. С. 435-444.
- 129 Там же. С. 435-444.
- 130 *Веригин Н.В.* Записки. Русская Старина. 1893. Т. 77. С. 600-615.
- 131 *Одинцов А.А.* Посмертные записки. С. 313-317.
- 132 РГВИА Ф. 25 Военная канцелярия великого князя Константина Павловича. Оп.2/161а. Д.983. Об ослушании, оказанном начальству прапорщиком лейб-гвардии Литовского полка Павлом Довре. 1824 г.
- 133 РГВИА. Ф. 492. Оп. 1. Д.593. О мерах к восстановлению дисциплины в Гвардейском корпусе. 1824г.
- 134 *Ковалевский П.И.* Завоевание Кавказа. История завоевания Кавказа. Т. 2.П.1915. С. 153.
- 135 Из «Записок Н.И. Лорера». Служба на Кавказе. // Русский Архив. Кн.2. — М., 1864. С.160-161; *Атафищikov Г.* За-метки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный Сборник. 1870. Т. 74. № 8, С. 309-303.
- 136 *Розен А.Е.* Записки декабриста. — СПб., 1907. С. 261.
- 137 *Эйдельман Н.Я.* Быть может, за хребтом Кавказа. Русская литера-тура и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский аспект. — М., 1990. С. 250.
- 138 *Эйдельман Н.Я.* Указ. соч. С. 250-251.
- 139 *Васильчиков А.* Голос. 1875. № 15.
- 140 *Потто В.* История 44-го Драгун-ского Нижегородского полка. Т. 4. — СПб., 1894. С. 82-83; Записки Г. Филиппсона // Русский Ар-хив.1883. № 6.С. 243-254.
- 141 *Ливенцов М.Л.* Воспоминания о службе на Кавказе. // «Русское Обозрение», № 8, 1894. С. 698.
- 142 Там же. С. 751-752.
- 143 *Лорер Н.И.* Указ. соч. С. 681-682.
- 144 *Дурылин С.Н.* Указ. соч. С. 216.
- 145 Там же. С. 207.
- 146 *Мартынов Н.С.* Гуаша. Отрывок из записок // Русский архив. 1898. Кн.1. № 2. С. 314-320.
- 147 *Торнау Ф.* Воспоминания кавказ-ского офицера 1835-1838 гг. Ч.2. — М., 1864. С. 130-131.
- 148 Там же. С. 132-134.

глава 5

Книги
в повседневной
жизни русского
офицера

Интерес к чтению был вызван стремлением к самообразованию и самосовершенствованию, широким распространением масонства в дворянской среде, что было характерным явлением для эпохи Просвещения. Это увлечение оказалось достаточно устойчивым среди офицерства и в первой половине XIX в. Чтение в какой-то степени стало привычкой, без которой они не представляли себе существования. Сложно сказать, для кого чтение имело большее значение для столичного или для провинциального офицерства. Ведь в «медвежьих углах» книги часто были единственным развлечением. Своеобразным звеном, соединяющим с «миром», становились книги и для тех офицеров столичных полков, которые по тем или иным причинам были переведены на службу в провинцию, на Кавказ или отправлены в ссылку.

Многие офицеры оказались обладателями прекрасных книжных собраний, которые стали складываться еще во время военной службы их владельцев. Так было положено начало библиотекам известного просветителя и ученого А.Т. Болотова и поэта, писателя, государственного деятеля М.Н. Муравьева, отца декабриста. Будущий московский предводитель дворянства, библиограф и нумизмат А.Д. Чертков начал собирать свою уникальную библиотеку во время зарубежных походов 1813–1814 гг.

Личные библиотеки не только отражают непосредственные вкусы их владельцев, но и являются свидетелями их умственной жизни, источником формирования мировоззрения представителей одного социального слоя. Как справедливо заметил исследователь И.Ф. Мартынов, «...отправляя другу письмо или оставляя потомству свои записки, их автор часто невольно выдает себя, «играет», стремится выглядеть лучше, умнее, образованнее, чем он есть на самом деле. В выборе книг для чтения ему нечего лукавить. Именно это свойство личных библиотек придает им значение первоисточника, когда мы пытаемся по крупицам воссоздать духовный мир давно ушедших из жизни людей»¹. Библиотеки — это те же дневники, если учитывать надписи, подчеркивания, пометы, причем дневники, гораздо более беспристрастно отражающие образ жизни их владельцев. Наличие частных библиотек, возникших в столичной и провинциальной дворянской среде во второй половине XVIII–первой половине XIX вв., характерно и для офицерства. Причем обладателями библиотек становились как офицеры из богатых дворянских фамилий, так и сыновья помещиков «средней руки», в прошлом офице-

ров. Нередко сыновья оказывались продолжателями дела отцов, т.е. пополнили доставшуюся им в наследство библиотеку.

Среди ярких представителей отечественной науки и культуры второй половины XVIII в., проявлявших неподдельный интерес к книге и создававших прекрасные библиотеки, можно назвать имя А.Т. Болотова.² Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) — основоположник русской сельскохозяйственной науки, ученый, художник, специалист по садово-парковому искусству, просветитель в самом широком смысле, родился в небогатой дворянской семье в имении Дворяниново Алексинского уезда Тульской губернии. В юношеские годы он находился на военной службе, затем в качестве гражданского чиновника жил в Петербурге. Будучи близким лицом к графу Г.Г. Орлову, А. Т. Болотов мог бы стать непосредственным участником дворцового переворота 1762 г., к подготовке к которому его хотел привлечь сам Г.Г. Орлов. Однако он сознательно избрал иную судьбу. В 1762 г., после появления «Манифеста о вольности дворянства», он вышел в отставку и возвратился в своё имение Дворяниново, где с энтузиазмом приступил к переустройству хозяйства и деревенской жизни в целом, стремясь тем самым воплотить мечту стать «просвещенным помещиком» и «идеальным хозяином».

С 1778 по 1779 гг. Болотов издавал один из первых в России сельскохозяйственных журналов «Сельский житель», а затем — журнал «Экономический магазин». В Дворянинове он написал свою «Детскую философию» (М., 1776–1779. Ч. 1–2), где подробно изложил свою систему взглядов на мир. За сочинения «Наказ управителя» и «О разделении полей» Болотов был награждён двумя большими золотыми медалями Вольного экономического общества. В 1776 г. он был назначен управителем Богородицкой волости. В последующие 20 лет службы в имении графа А. Г. Бобринского Болотов не переставал заниматься научными исследованиями.

Здесь он проявил себя как замечательный инженер-гидравлик и в 1784–1785 гг. создал живописный парк, справедливо названный «чудом здешнего края». Виды парка были зарисованы его создателем и вошли в альбом «Виды имения Бобринских, Богородицк, 1776». Для восьмитомной работы «Изображение и описание разных пород яблок и груш» Болотов зарисовал 600 плодов различных пород, представляющих ценнейший материал. В 1794 г. он был избран членом Королевско-Саксонского Лейпцигского экономического общества, которое способствовало переводу его работ на немецкий язык и их изданию в Лейпциге.

Будучи человеком, энциклопедически образованным, А.Т. Болотов на протяжении своей долгой жизни не представлял своей жизни без книги. Он собрал библиотеку, насчитывавшую несколько тысяч томов и отра-

жавшую читательские интересы русского дворянства на протяжении всего восемнадцатого столетия. В автобиографических записках «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» он отмечал то влияние, которое на него оказали книги. Так, одним из самых ярких детских впечатлений автора стало знакомство с книгой Ф. Фенелона «Похождение Телемака, сына Улисса», ставшей для него, как и для большинства его сверстников, пособием при изучении французского языка. В 1752 г. Болотов ознакомился с трагедией А.П. Сумарокова «Артистона», а в 1753 г. в доме своего дяди, отставного секунд-майора Матвея Петровича Болотова, — с сочинением Стефана Яворского «Камень веры». Там же он нашёл «несколько математических книг, печатных и скорописных, ...особенно прекрасную геометрию и фортификацию», которые юный Болотов скопировал от руки и в дальнейшем хранил на протяжении всей жизни.

Разумеется, читательские пристрастия образованного дворянина не оставались неизменными. Так, в первые годы военной службы, подобно многим своим сверстникам, он пережил увлечение романами. К началу 1760-х гг. его интересы изменились. В период Семилетней войны, находясь в составе действующей армии в Кёнигсберге, Болотов пришёл к мысли о том, что его «охота к литературе и ко всем ученым упражнениям не только не уменьшалась, но со всяким днем увеличивалась более» и, следовательно, он «рождён был не для войны, а для наук»³. Решающий перелом в его читательской судьбе произошёл в том же 1760 г.: «...читал я ...в сей год не одни уже романы и сказочки по-прежнему, но мало-помалу, стал уже привыкать к нравоучительным и степенным книгам».

Определяющее влияние на Болотова оказали труды немецких философов — «Нравоучительные рассуждения» Людвиг Гольберга и «Высшие философические науки» Иоганна Кристофа Готшеда. Страсть к чтению стала настолько сильной, что Болотов не пропускал ни одного книжного аукциона, проводившегося в Кенигсберге, и все свои свободные деньги тратил на книги. Постепенно у Болотова «начала формироваться порядочная библиотека, и было уже книг под сотенку и более», а из записей, относящихся к 1761г., узнаем, что «собрание ...могло уже называться библиотекою» и сделалось для владельца «первейшей драгоценностью в свете»⁴. Собираясь выйти в отставку, Болотов беспокоился о способе отправки в Россию уже весьма многочисленных своих книг. Он познакомился с одним из «русских судовщиков», поставлявших в Кенигсберг провиант, и тот по просьбе Болотова перевез на своем галионе его книги, упакованные в три больших сундука⁵.

Вскоре, вслед за своим собранием, в Россию вернулся и сам Болотов. Как уже говорилось, по выходе в отставку он поселился в имении Дворяниново. Позднее о своих первых книгах Болотов напишет следующее: «Оне послужили мне потом основанием всей моей библиотеки и принесли мне не только множество невинных удовольствий, но и великую пользу»⁶. В дальнейшем библиотека пополнилась великолепной подборкой сельскохозяйственных журналов и периодических изданий: «экономическими лексиконами» и энциклопедиями Цинка, Крюнитца, Хюбнера, Герменгаузена, трудами Вольного экономического общества, «Теорией садового и паркового искусства» Л.А.С. Гиршфельда.⁷

Увы, в целостном виде собрание ненадолго пережило своего владельца. Вскоре после смерти А.Т. Болотова «рукописи и некоторые старинные книги немецкие» были перевезены в орловское имение его сына, П.А. Болотова, который все печатные издания приобрел к своей библиотеке, а сочинения отца в рукописях поместил в «яблочную кладовую, где очень много пострадало от прожорливости крыс». Дворяниново было продано в середине XIX в., по-видимому, вместе с находящимся там имуществом. Другая часть книг была унаследована внуком Болотова, но в 1873 г. перешла к его дальнему родственнику помещику Бибикову⁸.

Помимо библиотеки А.Т. Болотова можно привести примеры других книжных собраний, возникших в провинции у отставных офицеров. Ведь выйдя в отставку, в глазах окружающих они продолжали оставаться военными. Среди костромского дворянства обладателями богатых фамильных библиотек были отец и сын Семичевы, отец и сын Сумароковы, Ф.Н. Грамотин и его сыновья. Так, выпускник Сухопутного Шляхетного корпуса, перешедший затем с военной службы на гражданскую и ставший преуспевающим петербургским чиновником, а впоследствии предводителем костромского дворянства (1782–1787), — Александр Дмитриевич Семичев завещал своему сыну Павлу, бывшему «архитекторским помощником в Экспедиции Кремлевского строения» редкую коллекцию рукописных и печатных драматических сочинений. Продолжая дело своего отца, П.А. Семичев не жалел средств на пополнение своего собрания, покупая или собственноручно переписывая нужные ему книги⁹.

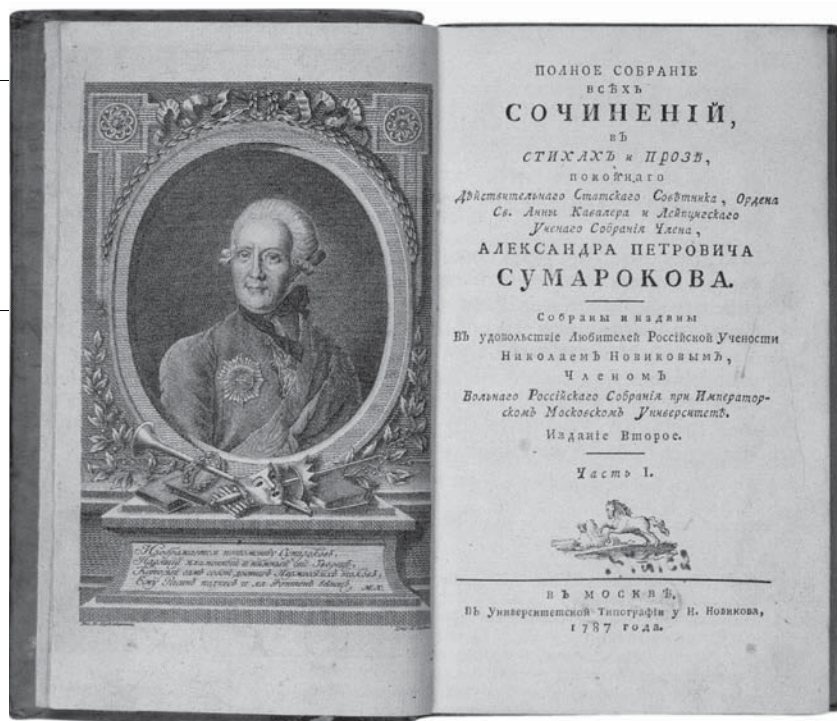
Библиотека отставного секунд-майора 2-го Гренадерского полка, участника Семилетней войны Николая Степановича Сумарокова (1733/35–1812), в усадьбе Корцово близ Костромы к концу жизни ее владельца насчитывала 6732 названия книг. В пополнении библиотеки Н.С. Сумарокову помогал его единственный сын Никита (1765/69–1811), получивший хорошее домашнее образование и вышедший в отставку после недолгой служ-

бы в Семеновском полку. После смерти Н.С. Сумарокова и его бездетного сына на аукционной распродаже имущества их библиотека была приобретена за 3155 рублей штабс-капитаном артиллерии А.И. Кожиным¹⁰.

Другой представитель старинного дворянского рода, оставивший заметный след в истории Костромы, Федор Николаевич Грамотин (1756–1801/1805), около десяти лет прослуживший в Тенгинском пехотном полку, после выхода в отставку поселился в родовой усадьбе Матвеевское Кинешемского уезда, где за двадцать лет собрал обширную библиотеку русских книг. Из каталога книг, составленного внуком Ф.Н. Грамотина А.А. Грамотиным и правнуком Н.П. Грамотиным известно о составе библиотек. Так, на полках усадебной библиотеки можно было встретить «Всеобщую и частную естественную историю» Ж.Л.Л. Бюффона (СПб., 1792–1794), «Историю российскую» В.Н. Татищева (М., 1768–1784) и М.М. Щербатова (СПб., 1784–1783), «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова и «Царственный летописец». Произведения античных авторов были представлены «Иудейской войной» (СПб., 1786–1787) и «Иудейскими древностями» (СПб., 1795) Иосифа Флавия, «Историей Александра Великого» Квинта Курция в переводе на русский язык С.П. Крашенинникова. Ф.Н. Грамотин собирал для своей библиотеки всю новейшую литературу по истории Франции («Начальные основания французской истории» К.Ф. Милло в переводе М.И. Веревкина (СПб., 1788) и «История короля Генриха Великого» А. де Перефикса. (Тамбов, 1789–1790), по истории Германии («История бранденбургского Фридриха II» (М., 1770) и «Описание жития и дел Евгения, герцога Савойского» (СПб., 1770)), по истории Англии («Начальные основания английской истории» К.Ф. Милло в переводе М.И. Веревкина. (СПб., 1786–1788)) и романского мира («История о переменах Неаполитанского королевства» Н. Бодо де Жюи (СПб., 1775–1780); «Всеобщая история Испании» Х. де Марианны (СПб., 1779–1782); «История о покорении Мексики» А. Солис-и-Рибаденеиры (СПб., 1765)¹¹. В библиотеке Ф.Н. Грамотина важное место занимали книги по географии. Это 19 томов фундаментального землеописания аббата Ж. Ла Порта «Всемирный путешественник» (СПб., 1778–1791) и 4 тома «Путешествий» знаменитого английского мореплавателя Д. Кука (СПб., 1796–1799).

Широко в библиотеке Ф.Н. Грамотина была представлена отечественная и переводная художественная литература. Здесь сочинения А.Д. Кантемира, А.П. Сумарокова, И.Ф. Богдановича, М.М. Хераскова. В переводах представлены «Илиада» (СПб., 1787) и «Одиссея» (М., 1788), «Неистовый Роланд» Л. Ариосто (М., 1791–1793), «Опыт о человеке» А. Попа (М., 1757), «Философические сны» Л.С. Мерсье (М., 1780–1784) и двухтомник «Песен

Полное собрание
сочинений
А.П. Сумарокова

Оссиана», литературной мистификации шотландского поэта Д. Макферсона, переведенных на русский язык с французского издания Е.И. Костровым (М., 1792). Владелец усадьбы «Матвеевское», вероятно, плохо знал иностранные языки, чем объясняется в его библиотеке наличие произведений известных иностранных авторов исключительно в переводах. что не мешало создать ему разнообразное по составу книжное собрание.

Представления о круге чтения провинциального дворянства Вологодской губернии можно получить из каталога библиотеки двух поколений Брянчаниновых. Потомственный офицер-артиллерист, а затем предводитель дворянства Грязовецкого уезда Вологодской губернии Семен Андреевич Брянчанинов, вернувшись с военной службы домой, в усадьбу Покровское, в 1772 г., активно занялся пополнением старой фамильной библиотеки. Здесь можно было найти «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» Ж.Ж. Руссо и «Кандида» Вольтера (СПб., 1769), «Песни Оссиана» Д. Макферсона (М., 1792). Свою любовь к книге С.М. Брянчанинов передал своему сыну Александру, и впоследствии в библиотеку Покровского поступали все новинки отечественной и переводной художественной литературы.¹²

часть

II ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА: МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

Неплохие книжные собрания были и у других вологодских помещиков, в прошлом офицеров. Это библиотеки первого историографа Вологды, отставного гвардейского поручика Алексея Александровича Засецкого, пожертвовавшего в 1780-х гг. Московскому университету десятки уникальных книг и рукописей¹³; подполковника М.М. Зубова, выпускника Пажеского корпуса Н.С. Левашова; родственников С.М. Брянчанинова — Афанасия Матвеевича Брянчанинова, отставного поручика лейб-гвардии Семеновского полка, и его сына, видного военного и администратора Сергея Афанасьевича Брянчанинова.

В Новгородской губернии фамильная библиотека принадлежала прадеду художника В.В.Верещагина отставному секунд-майору Алексею Петровичу Башмакову, бывшему в 1782–1783 гг. предводителем уезда в Череповецком уезде. В его имениях Любец и Пертовка находилась библиотека, состоявшая из традиционного по тому времени подбора литературы. В 1940 году потомки художника передали Череповецкому краеведческому музею старую усадебную библиотеку. Это собрание состоит главным образом из книг иностранных авторов XVIII–первой четверти XIX в. Всю европейскую литературу владельцы этого книжного собрания читали во французских переводах (лишь одна из представленных книг — на немецком языке).

В данной библиотеке находились произведения французских просветителей: «Дух законов» Ш.-Л.Монтескье, «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» Р. Рейналя, «Эмиль» Ж.-Ж.Руссо, сочинения Мармонтеля и других популярных авторов.¹⁴ Сын А.П. Башмакова Петр Алексеевич, бывший основным владельцем библиотеки в 1780–1800-е годы, пополнил библиотеку беллетристикой: например, он приобрел книги английских писателей во французских переводах. Это роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди», «Удольфские тайны» автора модных готических романов Анны Радклиф, «Монах» М. Льюиса, «Ватерлоо» Вальтера Скотта. Вкусы П.А. Башмакова к художественной литературе унаследовал его племянник Алексей Васильевич Верещагин, вышедший в 1838 г. в отставку в чине полковника.

В целом библиотеки провинциального офицерства дают достаточно полное представление о литературных пристрастиях рядовых читателей этой эпохи. И представляется не совсем справедливым мнение Н.Ф. Дубровина, что «в конце прошлого (т.е. XVIII в. — Н.А.) и в начале настоящего столетия читающей публики было так мало и число русских книг для чтения так ограничено, что библиотеку каждого легко было выучить наизусть»,¹⁵ так как в этот период возникали значительные книжные собрания не только в столице, но и в провинции.

Среди обладателей крупнейших библиотек в первой половине XIX века можно назвать покорителя Кавказа, генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского (около 42 тысяч томов)¹⁶; наместника Кавказа, генерал-фельдмаршала, светлейшего князя М.С. Воронцова (около 12 тысяч томов, унаследованных им от отца — графа С.Р. Воронцова и 40 тысяч томов книг и старинных рукописей, находившихся в Москве, Мошнах, Алушке и Одессе)¹⁷; генерала от инфантерии, бывшего генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова (библиотека достигала 60 тысяч томов)¹⁸; инженера-генерала, русского посланника в Стокгольме графа П.Х. Сухтелена (до 47 тысяч томов)¹⁹; адмирала, светлейшего князя А.С. Меншикова (до 50 тысяч томов, передана в дар его сыном, светлейшим князем В.А. Меншиковым Ставропольскому военному училищу и Тифлисской публичной библиотеке).²⁰

Значительными книжными собраниями владели: граф А.А. Аракчеев; бывший Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор, генерал-адъютант Д.Г. Бибииков (14 тысяч томов); А.П. Ермолов (до 9 тысяч томов, поступила в дар Московскому университету); генерал-адъютант князь А.Я. Лобанов-Ростовский (около 8 тысяч томов, впоследствии часть книг поступила в Императорскую публичную библиотеку); Московский дворянский предводитель, библиограф и нумизмат А.Д. Чертков (около 17 тысяч томов и 300 рукописей, передана в дар Москве и помещена в Румянцевский музей).

Отдельного внимания заслуживают библиотеки декабристов. Читательская эрудиция лиц, принадлежащих к декабристскому кругу, их определенные читательские вкусы, политические воззрения, осведомленность в вопросах истории, философии, экономики — во многом следствие внимательного изучения книг их библиотек. По личным библиотекам декабристов были проведены следующие исследования:

1. Проанализирован состав библиотек — на каких языках преобладали книги, характер разделов библиотек, наличие запрещенных книг на иностранных языках, тематика запрещенной литературы.
2. Прослежена история библиотек и книжных коллекций — в каком состоянии дошли до нас частные библиотеки: а) сохранились частично; б) не сохранились совсем.
3. Наличие печатных или рукописных каталогов или описей библиотек.
4. Косвенные свидетельства — воспоминания и письма самих владельцев и их современников.

Действительно, личные библиотеки могут быть более красноречивым источником и более откровенным, чем письма даже к лучшему другу. Недаром после восстания Николай I велел опечатать у «бунтарей» библиотеки.

Декабристы были большими наследниками XVIII в., чем они сами полагали. Ведь их апелляции к свободе личности, широким гражданским правам — это аргументация великих представителей эпохи Просвещения. А произведения французских просветителей были неотъемлемой частью дворянских библиотек XVIII в. Именно библиотеки оказывались связующим звеном между поколениями отцов и детей — дворянской военной молодежью. Конечно, вполне закономерно возражение, что не все представители старшего поколения читали Вольтера, Дидро или Руссо, но ведь были и те, кто читал. Таким примером может служить библиотека М.Н. и Н.М. Муравьевых.

Библиотека Муравьевых проделала большой путь. Так, Е.Ф. Муравьева, мать декабриста, переслала ему библиотеку из Петербурга в Читу. После смерти сына Е.Ф. Муравьева передала в дар Московскому университету 4067 томов и 40 рукописей. Каждая книга была снабжена экслибрисом с фамильным гербом Муравьевых и надписью: «Из книг М.Н. и Н.М. Муравьевых, пожертвованных К.Ф. Муравьевой». Библиотека содержит книги на 13 языках, в основном на французском²¹. Судя по составу библиотеки, можно заключить, что все известные писатели конца XVIII в. и начала XIX в. занимали в ней достойное место. М.Н. Муравьев — поэт, историк, педагог, известный просветитель XVIII в. и большой поклонник французской просветительской философии собрал прекрасную библиотеку этих авторов. Среди книг, сохранившихся в библиотеке Московского университета, находятся полный комплект «Encyclopedie ou dictionnaire raisonne» Д. Дидро и Ж. д'Аламбера, 12-томное собрание сочинений Монтескье, 8-томное собрание сочинений Ж.Ж. Руссо, сочинения Вольтера, Кондильяка, Мабли и Рейналя. Впервые в 13-летнем возрасте прочитав «Исповедь» Руссо, М.Н. Муравьев навсегда остался последователем его идей. Чтение произведений философов-просветителей вырабатывало у М.Н. Муравьева определенное мировоззрение. Так, еще в 1770-х гг., он писал в дневнике: «Состояние слуг для меня — проблема, которой я разрешить не умею. Зачем, добрые люди, философы, чтоб те служили человеку для прихотей своих?»²². И своему сыну М.Н. Муравьев, видимо, постарался привить эти убеждения. Какие же авторы, вызывающие интерес у Муравьева-отца, находили отклик у Муравьева-сына?

Воспитанный под непосредственным руководством отца, Н.М. Муравьев еще во время обучения в Московском университете познакомился с «Генриадой» Вольтера, произведениями Фенелона, «Эмилем» Руссо. Муравьевы были почитателями и 16-томного издания «Dictionnaire historique et critique». Так, графические пометы в томе пятом просле-

живаются в статьях «Democrite» (С. 457, 476), «Diogene, le cynique» (С. 552, 523, 534-533, 535), многочисленные пометы в статье «Erasmе». Большое количество графических помет, в виде отчеркиваний, значков можно отметить на книге Beaufort «La Republique romaine».

Какие же книги формировали политические интересы Никиты Муравьева и сознательно подбирались в библиотеку? Знакомство в Париже в 1815 г. с Бенжаменом Констаном придало определенную направленность воспринятым на уроках отца просветительским идеям. Библиотеку пополняют произведения Детю де Траси, работы Констан, мадам де Сталь, Ланжюмме. Так, во время работы над проектом конституции он изучает с этой целью большое количество источников конца XVIII — начала XIX вв. — это юридические кодексы и пособия по гражданскому, уголовному и процессуальному праву. Он пользуется в своей работе 2-томным обзором французской конституции, составленным Ланжюмме. Богатая коллекция книг посвящена истории французской революции. Среди них такая работа, как «Situation de la France, considérée sous les rapports politiques, religieux, administratifs, financiers, commerciaux» Баёля. Судя по следам чтения, большим вниманием у Никиты Муравьева пользовались «Mémoires de Charles Barbaroux, député a la Convention nationale avec une notice sur la vie par M.Oge Barbaroux, son fils et des eclarcissemens historiques» (Paris, 1822) (Collections des memoires relatifs à la Revolutions française, avec des notices sur leur auteurs et des eclarcissemens historiques).

Специальные исследования посвящены революциям в Греции, Неаполе, на острове Сан-Доминго. В его библиотеку входит новейшая по тем временам литература по вопросам истории, философии, политической экономики, истории государства и права таких авторов, как Сей, Сисмонди, Адам Смит. Здесь и Бентам, его «On the Liberty of Press and Publique Discussion», 1821, и «Plan of Parliamentary Reform», 1817, и «Radical Reform Bill with extracts from the Reasons».

Интерес у Муравьева вызывала литература, касающаяся юридических и правовых норм, например, «Commentaries of the Laws of England in four Books by William Blackson». А как известно, Никита Муравьев являлся большим поклонником английских политических свобод.

Примером великолепного книжного собрания, принадлежавшего лицу гражданскому, но тесно связанному с офицерским кругом, может служить библиотека Николая Ивановича Тургенева. В его библиотеку входили и книги его брата А.И. Тургенева, завещавшего свое личное книжное собрание и архив брату. Часть книг принадлежала рано умершему Андрею Ивановичу Тургеневу (1781-1803), сюда же входили книги их

отца — И.П. Тургенева, известного русского просветителя, масона, активного члена новиковского кружка. Еще в 1866 г. Н.И. Тургенев выслал из Парижа книги для петербургской публичной библиотеки. Значительную часть книг после его смерти перевез в Петербург член Отделения русского языка и словесности А.А. Фомин²³. Позднее они были переданы в Пушкинский Дом, но документы о передаче книг не найдены до сих пор. В настоящее время часть библиотеки Тургеневых находится в Библиотеке Академии наук, значительное количество книг находится в библиотеке Пушкинского Дома. В научной библиотеке МГУ находится около тысячи томов. По алфавитному каталогу библиотеки Тургеневых литературу можно выделить по следующим направлениям: историческая, философская, политическая и юридическая. Преобладают книги на французском и немецком языках.

Владельцем обширной библиотеки, не дошедшей до наших дней, был «один из самых образованных людей своего времени» П.И. Пестель. Познакомившийся с П.И. Пестелем в 1824 г. Н. И. Лорер позднее вспоминал, что «во всю длину его комнат тянулись полки с книгами, в основном политические, экономические, вообще ученого содержания, излагающие всевозможные конституции. Не знаю, чего этот человек не прочел на своем веку на многих иностранных языках»²⁴.

Но известна опись книг, предназначенных для продажи Софьей Ивановной Пестель, сестрой декабриста. Очевидно, это книги из библиотеки родителей декабриста. В списке книг содержатся многочисленные исторические произведения, сочинения Руссо, Вольтера, Монтескье, Рейналя, т.е. именно те книги, которые с детства формировали мировоззрение одного из главных деятелей тайных обществ. Любопытно, что эти книги были переданы впоследствии Михаилу Ивановичу Пущину, брату И.И. Пущина, знавшему о готовящемся восстании и также осужденному по делу декабристов. Так, в приписке к списку книг говорится: «Книгопродавец Пуан-Карро, имеющий книжную лавку на Невском проспекте, в доме у г-жи Энгельгардт, обманувший Софью Ивановну Пестель, сдал все значащиеся в этом каталоге книги Михаилу Ивановичу Пущину, в доме которого они и ныне находятся запечатанными в тую, с тем каталогом, который находился у книгопродавца Пуан-Карро»²⁵. Известна также опись библиотеки П.И. Пестеля на русском языке.²⁶

Поручик лейб-гвардии Финляндского полка Н.Р. Цебриков явно кривит душой, утверждая на следствии, что «книг либеральных никогда не читывал», и в доказательство этому приводит факт, что когда «капитан-лейтенант Лермонтов премного привез их из Портсмута, однако... не имея совершенно никогда никакой охоты читать их и не только не покупал

у него, но и не спрашивал»²⁷. Ему и незачем было приобретать их у Лермонтова: к услугам Н.Р. Цебрикова была богатая библиотека его отца. Правда, он делает признание, что «ко всем манускриптам имел отвращение с малолетства»²⁸ несмотря на то, что его отец, известный писатель, член Российской академии наук Р.М. Цебриков своим детям оставил хорошую библиотеку. Сам он был хорошо образованным человеком. Р.М. Цебриков знал французский, немецкий и латинский языки, переводил экономические и юридические труды, написал целый ряд трактатов, используя для этой цели большое число сочинений античных и западноевропейских авторов.

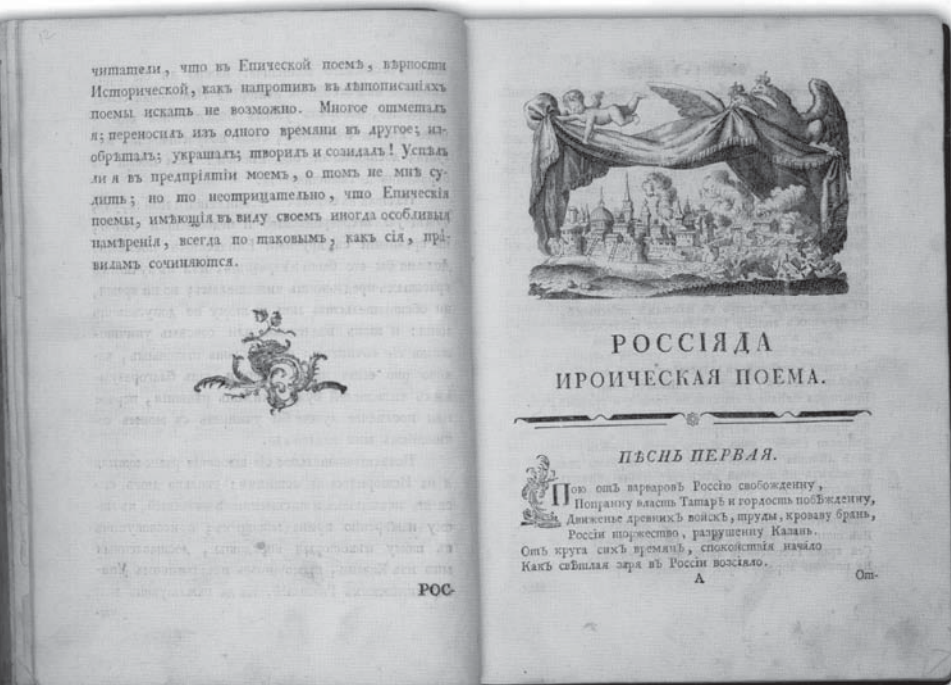
Так или иначе, Р.М. Цебриков способствовал воспитанию своих детей в оппозиционном духе. Не случайно один из них (а именно: Николай) впоследствии оказался в рядах декабристов, а позже был связан с Герценом. Надо полагать, немаловажную роль в образовании и формировании мировоззрения детей играла домашняя библиотека²⁹. Опись библиотеки включает 1297 названий книг и журналов: на русском (583), латинском (131), французском (206) и немецком (377). Всего 2062 тома (в том числе 1132 — на русском, 147 — на латинском, 296 — на французском и 497 — на немецком языках³⁰). Значительное место в библиотеке Р.М. Цебрикова занимали сочинения по философии и логике, среди них «Опыт о человеке» А. Попе, «Разговор о множестве миров» Фонтенеля, «Философские нравоучения» Э. Тезауро, произведения Гоббса, Канта и других мыслителей.

Часть книг в библиотеке Р.М. Цебрикова посвящена законодательству. Это 12-томный «Указатель российских законов», «Рассуждения о гражданском и уголовном законодательстве» И. Бентама, «Истолкование английских законов» В.Блэкстона, «Рассуждения о преступлении и наказании» Ч. Беккария и др.³¹

В специальном разделе можно выделить книги по вопросам образования и воспитания, сыгравшим определенную роль в интеллектуальном и эстетическом развитии детей Р.М. Цебрикова: «Полезный совет матерям в рассуждении важнейших пунктов физического воспитания детей» Х. Гуфеланда, «Наставники детей, или подарок в Новый Год», «О воспитании девиц» Фенелона, «Рассуждение о воспитании», «Правило, благопристойное для детей», «Методический опыт учить детей музыке», а также множество учебников, самоучителей, справочников, словарей по различным отраслям знания.

Самым интересным в этой библиотеке являлся отдел беллетристики, где были представлены сочинения античных, западноевропейских, и русских писателей. Это сочинения А.Д. Кантемира, М.В. Ломоносова, А.П.

Сумарокова (в 10 томах), М.М. Хераскова (в 12 томах), Я.Б. Княжнина (в 4 томах), В.И. Майкова, И.О. Богдановича, Г.Р. Державина, В.В. Капниста, Цицерона, Вергилия, Овидия, Горация, Гомера, Ариосто, Камонса, Тассо, Шекспира, Филдинга, Дефо, Руссо, Мильтона, Коцебу, Жанлис и ряд других писателей.

*Россияда
ироическая поэма
М.М. Хераскова*

В отличие от многих современников К.Ф. Рылеев не получил в наследство от родителей богатой семейной библиотеки. Имение его отца — отставного полковника Федора Андреевича Рылеева — было продано за долги в 1814 г. «с публичного торгу» и досталось киевскому мещанину Николаю Глоговскому. Сыну удалось получить на память об отце только несколько книг, среди которых оказался знаменитый екатерининский «Наказ»³². Тем не менее К.Ф. Рылееву удалось собрать довольно значительную библиотеку, приступив к ее составлению еще в период обучения в 1-ом Кадетском корпусе. Оттуда он писал отцу с просьбой «прислать деньги, также и на книги», потому что он «весьма великий охотник до них»³³.

В письме от 17 декабря 1812 г. он пишет, что «знает свет только по книгам».³⁴ Страстным поклонником чтения К.Ф. Рылеев оставался в течение всей своей жизни. Во время службы в Острогожске, по воспоминаниям ар-

тиллерийского офицера А.И. Коссовского, у К.Ф. Рылеева »В Санкт-Петербурге, по свидетельству рассыльного «Полярной звезды», в его «большом кабинете... были разложены три доски, обтянутые холстом, на них раскладывали разные бумаги, колектуры и книги нужные. И тут Кондратий Федорович занимался стоя, большей частью по ночам»³⁵. Часть библиотеки К.Ф.Рылеева пострадала еще во время наводнения 7 ноября 1824 г. В письме от 14 декабря 1824 г. он пишет жене, что А.А Бестужев «...спас почти все...попортились только <его> бюро, письменный стол, <ее> рабочий столик, половина <его> библиотеки...»³⁶

Много книг К.Ф. Рылеев покупал в лавке известного книготорговца и издателя А.Ф. Смирдина, беря некоторые книги в долг. Уже находясь под арестом в крепости, К.Ф. Рылеев выражал беспокойство по поводу отосланных ему книг. В письме жене от 27 мая 1826 г. он говорил: «Книги к Смирдину, на которых были номера его лавки, ты напрасно отослала. Многие у него куплены с номерами. Уведомь меня, сколько книг и на какую сумму ты отослала ему. Боюсь, что ты не отослала лучших книг, которые могли бы пригодиться и Настеньке со временем»³⁷. В письме к жене от 24 мая 1826 г. он просит, чтобы она потребовала от А.Ф. Смирдина «записку, какие книги он считает на мне»³⁸. Н.М. Рылеева отвечает ему 26 мая 1826 г.: «к Смирдину отослала книги, на которых есть номера его лавки; о прочих я просила дать записку, но он сказал, чтоб я не беспокоилась, только нет ли истории Рейналя 6 частей, которых я не нашла в твоих книгах. Не помнишь ли ты, кто взял их у тебя»?³⁹

В настоящее время из обширного собрания Рылеева до наших дней дошло около полутора десятков книг, находящихся в различных библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга и у частных владельцев. Все они имеют автографы — надпись на титульном листе «Из книг К.Ф. Рылеева». Одна из его книг «Танкред» Вольтера, в переводе Гнедича (СПб., в типографии Императорского театра в 1816 г.), кроме автографа имеет различные карандашные отметки на полях, которые выражают отношение Рылеева, читателя и критика, к содержанию трагедии: «худо», «слабо», «порядочно», «хорошо», «очень хорошо». Эта единственная книга, хранящая собственноручные пометки декабриста, находится в Российской государственной библиотеке⁴⁰.

У одного из биографов Рылеева, Д.А. Кропотова, имелся экземпляр сочинения Бентама во французском переводе с собственноручными пометами К.Ф. Рылеева⁴¹. В библиотеке К.Ф.Рылеева имелась французская азбука и грамматика⁴². Трагедия Вольтера «Меропа» в переводе Майкова на русский язык (М., 1775) хранилась в собрании И.С. Зильберштейна. После смерти мужа Н.М. Рылеева увезла большую часть его библиоте-

ки к себе на родину, откуда его книги с владельческими надписями постепенно разошлись. Некоторое время рылеевские книги хранились в доме опекуна его дочери Ф.И. Миллера⁴³.

Богатая библиотека принадлежала известному медалеру, художнику и скульптору, вице-президенту Академии художеств, отставному капитану флота графу Федору Петровичу Толстому. Об этом свидетельствует дошедший до нас каталог его библиотеки, находящийся в архиве Ф.П. Толстого, в Государственном Русском музее⁴⁴. «Каталог книгам графа Федора Толстого» представляет собой десять больших двойных листов и один одинарный (всего 41 страница), сшитых в тетрадь и размеченных типографским способом на отдельные графы для занесения наименования произведений и их авторов, количества томов и их местонахождения на полках и даже недостающих книг. Бумага имеет водяной знак 1811 г. Всего в каталоге указано 911 томов в 311 наименованиях, 578 из них на русском языке, остальные в основном на французском.⁴⁵ Каталог разделен на семь разделов: «математика», «история и география», «литература», «лексикон», «мифология» и «все, что касается до художеств», «смесь», и «Книги, пожалованные Ее Императорским Величеством Императрицею Елизаветою Алексеевной из собственной ее библиотеки».

В 1820–1821 гг. Ф.П. Толстой был членом «Союза Благоденствия» и одним из инициаторов и организаторов ланкастерских школ в России. Личность этого незаурядного человека раскрывается в «Воспоминаниях» его дочерей М.Ф. Каменской и Е.Ф. Юнге. В дальнейшем Ф.П. Толстой в тайных обществах не принимал участия, хотя был привлечен по делу декабристов, но вскоре выпущен и «высочайше оставлен без внимания». И в последующие годы, занимая высокий пост вице-президента Академии художеств, он, по словам его дочери Е.Ф. Юнге, «и в 60-е годы продолжал быть тем, чем он был прежде: горячим защитником всего свежего, молодого, сочувствовавшим всякому движению вперед, всякому благому начинанию, с ясным взглядом на вещи»⁴⁶.

Очень широко в библиотеке были представлены исторические сочинения. Это многотомные обзоры Роллена, Сегюра, Анкетилля, Милло, «История крестовых походов» Мишо, сочинения по древней истории, произведения Плутарха, Корнелия Тацита, Квинта Курция, жизнеописания великих античных полководцев, философов, многотомные издания по греческой истории, сочинения по мифологии и религии древних греков. В его библиотеку входили также 25 томов «Всеобщей древней и новой истории» Сегюра, значащиеся в «Индексе запрещенных книг»,

Среди исторических сочинений особое место занимают сочинения русской истории, и не только Н.М. Карамзина, но и М.М. Щербатова, и В.И. Та-

тищева, а также «Древняя российская Вивлиофика», изданная Н.И. Новиковым в 1788 г.; «Словарь русских суеверий», «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», «Древняя религия славян». В собрании Ф.П. Толстого находилась и такая популярная в декабристской среде книга, как «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» аббата Бартеlemi, и «Путешествия Пифагора» Сильвена Марешаля. Кроме того, в библиотеке Ф.П. Толстого имелось богатое собрание литературы по истории оружия, по геральдике, мебели и костюмам «всех времен и народов».

О влиянии французской литературы эпохи Просвещения на формирование мировоззрения Ф.П. Толстого говорит наличие в его библиотеке произведений Вольтера, Мари Жозефа Шенье, Расина, Ларошфуко и Лабрюйера, басен Лафонтена. Среди книг чрезвычайно популярные в XVIII в. «Странствования Телемака» Фенелона, «Разговор о множестве миров» Фонтенеля (в переводе Антиоха Кантемира, издания 1761 г.). Наряду с произведениями французских авторов в библиотеке Ф.П. Толстого имелись трагедии Шиллера, поэмы Оссиана (в нескольких изданиях), «Жизнь и мнения Тристама Шенди» и «Нравоучительные речи и некоторые нравоучительные мнения» Л. Стерна. Также в библиотеку входили сочинения русских поэтов и писателей. Так, в библиотеке Ф.П. Толстого хранились 5-томное собрание сочинений Я.Б. Княжнина, вышедшее в 1802 году и рукописный экземпляр запрещенной поэмы «Вадим Новгородский» 1793 г.

Книжное собрание Ф.П. Толстого, постоянно пополнявшееся во время его многолетней деятельности на посту вице-президента Академии художеств, находилось в здании самой Академии.⁴⁷ В архиве Ф.П. Корнилова имеются сведения, что «библиотека... отдана самим графом еще при жизни дочери его Марии Федоровне Каменской»⁴⁸. В настоящее время судьба книг, переданных М.Ф. Каменской, осталась неизвестной.

Обладателем еще одной обширной библиотеки был такой неординарный человек, как Г.С. Батеньков. Военный инженер и автор проектов государственных преобразований создал поистине уникальную библиотеку, о чем свидетельствует опись его библиотеки, сохранившаяся в его фонде⁴⁹. Опись книгам была сделана в начале января 1826 г. чиновниками ведомства Путей сообщения в присутствии С.Т. Аргамакова. На «описи книг» — писарской рукописи на 24 листах — имеются пометки, сделанные рукой С.Т. Аргамакова. Опись представляет собой тетрадь большого формата, сшитую из отдельных листов и разделенную на две части: «русские книги» и «французские книги» — имеющие подразделение по отраслям наук. Всего в описи указаны 557 сочинений, некото-

рые из них имеют по 4, 16, 24 и более томов. Из 557 названий — 260 русских и 297 книг на французском языке.

Из описи видно, что главное место в библиотеке Г.С. Батенькова занимали сочинения по политической экономии, философии, истории, правоведению. В описи указаны многочисленные издания Вольтера, Руссо, мадам де Сталь, интересная коллекция мемуаров и биографий. О том, насколько многогранны были интересы декабриста свидетельствуют такие разделы библиотеки, как книги по геометрии, военному искусству, навигации, медицине, статистике, математике, архитектуре, химии, гидравлике, и другим отраслям знания. Об увлечении Г.С. Батенькова египтологией говорит наличие в описи труда Ф. Шампольона (№ 251 раздела «французские книги»): «*Precis du système hierographique des anciens Égyptiens*», а под № 147 исследования «О египетских письменах», вышедшего в том же году в типографии Н.И. Греча.

Без номера в описи указана книга Буланжери «*L'antiquite devoilee par ses usages*», изданная после смерти автора в Амстердаме в 1766 г. В 1817 г. Г.С. Батеньков работал над переводом этой книги. В письме А.А. Елагину он сообщал: «Эта книга содержит в себе много важных истин и дает случай смотреть на род человеческий особенными глазами. Ей я обязан многими идеями и по совету почтенных людей решился трудиться за переводом». ⁵⁰ И дальше: «Жалею, Елагин, что не могу тебе доставить или пересказать в немногих словах творение Буланжера, которым теперь занимаюсь. Его дорогая книга, она мне доставила столько новых идей, что весь сонм педантов в париках во всю жизнь возбудить такого множества не в силах» ⁵¹.

В архиве Г.С. Батенькова, кроме описи книг на русском языке, содержится также и «реестр книг на французском языке». Он состоит из двух листов: в нем значится 71 наименование. Большинство изданий много томны. В основном эти книги философского содержания, исторического и художественная литература. Все эти произведения перечисляются в описи. Даты составления реестра нет. Указано общее число томов: 342 ⁵².

В настоящее время в отдельной коллекции ИРЛИ находится коллекция книг из библиотеки командира Ахтырского гусарского полка полковника А.З. Муравьева, обнаруженных Б.Г. Модзалевским летом 1926 г. в деревне Наволоки Лужского района Ленинградской области, некогда принадлежавшей А.З. Муравьеву. Б.Г. Модзалевскому удалось найти только 23 книги, составляющие 69 томов. Все книги одного формата, переплетены в одинаковые переплеты с вытесненными на корешках буквами «А.М.» и хорошо сохранились. ⁵³

Эти книги изданы в основном в Париже и в Женеве в 1801–1824 гг. на французском языке. Однако не удалось обнаружить никаких помет, сделанных рукой декабриста. Среди книг А.З. Муравьева преобладают книги по военной тематике: сочинения Жомини, Дюма, «Очерки всеобщей истории военного искусства», переведенные на французский язык работы Макиавелли о военном искусстве. Две работы принадлежат Бенджамину Франклину, очень популярному в среде декабристов. Таким образом, судя по работам Б. Франклина, сочинениям об европейских революциях, «Заметкам полковника Вутье о нынешней войне греков», историческим мемуарам, можно предположить, что ранее, в полном своем составе, библиотека А.З. Муравьева содержала богатую коллекцию книг о революциях, европейских преобразованиях, философскую и политическую литературу.

Большая библиотека была у генерал-майора М.Ф. Орлова, доставшаяся ему в наследство от отца. Здесь были широко представлены произведения Вольтера, Руссо, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Расина, Мольера, Мабли. Именно этих писателей называет Орлов как повлиявших на формирование в нем «свободного образа мыслей»⁵⁴.

Из материалов Следствия по делу декабристов мы узнаем о наличии библиотеки у корнета лейб-гвардии Кавалергардского полка П.Н. Свистунова, состоявшей из 250 книг. П.Н. Свистунов, уезжая из Петербурга, передал эту библиотеку М. Устинову. До этого М. Устинов брал у него читать Сея и четыре тома переписки Вольтера.⁵⁵ Сразу после восстания шкафы с книгами были опечатаны, как сообщается в письме от 19 декабря 1825 г. гр. Нессельроде. В библиотеке П.Н. Свистунова ценное место занимали сочинения Ж.Ж. Руссо и Б. Констан.⁵⁶

У отставного майора князя Ф.П. Шаховского большая библиотека состояла преимущественно из книг по всем областям знаний на русском, французском, итальянском, немецком и латинском языках. Интересно, что в состав библиотеки Ф.П. Шаховского вошла первая библиотека П.Я. Чаадаева, которую Ф.П. Шаховской приобрел у П.Я. Чаадаева в 1820 г. перед отъездом последнего за границу. В 1824 г. был составлен каталог библиотеки Ф.П. Шаховского, отмечавший 1026 наименований.⁵⁷ Каталог до сих пор не найден, но В.И. Семецкий в примечании к «Политическим и общественным идеям декабристов» приводит сведения об этом каталоге, полученные от внука декабриста, князя Д.И. Шаховского. Ореховецкая библиотека «была богата превосходными сочинениями по всем областям знания и литературы: богословию, юриспруденции, философии, педагогике, политике, политической экономике, статистике, естествознанию, математике, военным наукам,

изящным искусствам, литературе, истории и географии» на русском, французском, немецком, английском, итальянском и латинском языках, причем некоторые книги, быть может, принадлежали к библиотеке М.М. Щербатова. В библиотеке князя Шаховского были почти все те сочинения, которые чаще других отмечались декабристами в их показаниях как наиболее повлиявшие на развитие их мировоззрения: произведения Монтескье, Филанджиери, Ж.Ж. Руссо, Делольма, Бентама, Бенжамена Констана, Биньона, г-жи Сталь, Беккария, Вольтера, Гельвеция, Гольбаха, Рейналя, Вейсса, экономистов Адама Смита «О богатстве народов» и Жана-Батиста Сея «О богатстве народов»; сочинения Байрона, «История» Н.М. Карамзина, «Теория налогов» Н.И. Тургенева и др.⁵⁸ В его библиотеке были и «Les ruines» Вольнея, сочинения Лакретеley, сочинения Шиллера и Гете, «Le Censeur Europeen» Ш. Конта и Дюноае, книга графа Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами», книги и брошюры о Западной Европе и Америке первой четверти XIX в., много произведений греческих и римских классиков»⁵⁹. Было бы интересным сравнить библиотеки собственно Ф.П. Шаховского и П.Я. Чаадаева. Известно, что библиотека, собранная П.Я. Чаадаевым после выхода в отставку, заключала в себе до 3000 томов по немецкой классической философии, богословию и церковной истории⁶⁰.

Вообще, странные судьбы у Ф.П. Шаховского и П.Я. Чаадаева. Были друзьями, читали одни те же книги: перед отъездом за границу в 1820 г. П.Я. Чаадаев продал Шаховскому свою первую библиотеку. Чаадаев отошел от своих друзей-декабристов, Шаховской тоже. Чаадаева, правда, не привлекали по делу 14 декабря, а Шаховского сослали. За «Философическое письмо» Чаадаева объявили сумасшедшим, Шаховской на самом деле сошел с ума и умер в 1829 г.

В Борисоглебской городской библиотеке хранится несколько книг из библиотеки С. Г. Волконского: это несколько экземпляров с надписью «Мария Волконская» и пометами «видал Лепарский». Часть книжных собраний С.Г. Волконского и С.П. Трубецкого осталась в Сибири⁶¹.

Об отставном полковнике А.И. фон Бриггене граф Кушелев-Безбородко свидетельствовал, что «он любит историко-философские занятия. Читая сочинения Мабли, Смита или какую-нибудь философскую книгу, фон Бригген забывал весь свет. У него имелась хорошая библиотека французских, немецких и латинских книг»⁶². Итак, изучение библиотек показывает, что для всех офицеров-декабристов характерен особый интерес к политической, исторической и философской книге эпохи Просвещения и произведениям новейших французских публицистов. Декабристы-читатели были «глубокими экономами», читающими Ада-

ма Смита, и практически у всех была полка книг, «в которых отразился век и современный человек», вернее два века, но прошедший век для большинства из них продолжал оставаться современным.

Эпоха Просвещения выработала определенную типологию читателя, и мы можем говорить о единстве и устойчивости читательских вкусов среди офицерства конца XVIII–первой четверти XIX вв., что уже было неприемлемым для поколения 30–40-х гг.

ПОЛКОВЫЕ БИБЛИОТЕКИ (КОНЕЦ XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX вв.)

Помимо личных книжных собраний, которые существовали далеко не у всех офицеров, прежде всего из-за довольно высокой цены на книги, к услугам интересующегося литературой и событиями общественной и политической жизни офицерства были созданы библиотеки при полках. Полковые библиотеки в русской армии стали создаваться с 1810 г. Первой по времени учрежденной офицерской библиотекой считается библиотека лейб-гвардии Семеновского полка. В следующем, 1811 г. библиотека возникла и при лейб-гвардии Преображенском полку. Обе библиотеки, основанные по частной инициативе, вскоре получили ассигнования от казны. В основу обеих библиотек легли книжные собрания, образовавшиеся путем добровольных пожертвований, предоставивших более тысячи томов для каждой из библиотек. Среди основателей библиотеки лейб-гвардии Преображенского полка можно встретить имена члена Союза Спасения полковника И.П. Шипова, штабс-капитана И.В. Поджио, известного поэта и драматурга П.А. Катенина.⁶³ Во время службы в Семеновском полку в течение трех лет (1815–1818) полковой библиотекой заведовал С.П. Трубецкой. Библиотекой Главного штаба заведовал флигель-адъютант Н.П. Дурново.

В 1881 г. был составлен «Систематический каталог библиотеки лейб-гвардии Семеновского полка» заведующим библиотекой флигель-адъютантом капитаном Поповым 2-м, а в 1886 г. «Систематический каталог библиотеки лейб-гвардии Преображенского полка и описание достопримечательных вещей, хранящихся в библиотеке, арсенале и на Офицерском собрании» капитаном Д.А. Адлербергом.⁶⁴ Среди авторов, указанных в каталогах обеих библиотек, можно найти имена практически всех известных политических писателей XVIII–первой половине XIX вв.: Монтескье, Филанджери, Вольтера, Руссо, Гельвеция, Рейналя, Де-Лольма, Детю де Траси, Бенжамена Констан, а также экономистов Адама Смита, Сея, Мальтуса,

Сисмонди и русского академика Шторха. Русские авторы были представлены сочинениями Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов», К.И. Арсеньева — «Начертание статистики российского государства», А.П. Куницына — «Право естественное». В обеих библиотеках можно было встретить сочинения писателей античного мира: Плутарха, Тацита, Тита Ливия и др. По свидетельству Д.И. Завалишина, петербургские офицеры получили возможность читать серьезные книги, потому что «в Преображенском и Семеновском полках были библиотеки политических книг». ⁶⁵ По словам Н.И. Лорера, после возвращения из заграничных походов «все стали стремиться к чему-то высшему, достойному, благородному. ...молодежь много читала, стали в полках заводить библиотеки, появились книги — сочинения Франклина, Филанджиери, политическая экономия Сея». ⁶⁶ В 1817 г. по инициативе полковника лейб-гвардии Измайловского полка, автора «Писем русского офицера» Ф.Н. Глинки была основана библиотека при Гвардейском Генеральном штабе. Начальник штаба генерал-адъютант Сипягин предложил Ф.Н. Глинке издавать «Военный журнал», который сразу завоевал большую популярность. Став активным членом Общества военных людей, Глинка выступил с «Рассуждением о необходимости деятельной жизни, уче-

А.А. Аракчеев

Н.И. Уткин
с оригинала
Г. Вагнера
1818 г.

ных упражнений и чтения книг». ⁶⁷ И.И. Горбачевский, «будучи в Петербурге, в Дворянском полку прикомандированным, брал из библиотеки своего полка книги и в свободное время занимался чтением». ⁶⁸

Но в 1824 г. был введен регламент на пользование офицерскими библиотеками. Так, была создана специальная комиссия во главе с А.А. Аракчеевым, выработавшая специальные правила, которые должны были дать воз-

мжность «офицеру приуготовить себя наилучшим образом на пользу службы монарху». ⁶⁹ По новым правилам «книги, заключающие в себе вредные начала, не должны были иметь место в библиотеке». Таким образом, офицеры оказывались стесненными в пользовании библиотеками, «которые 3 дня в неделю были закрыты, а в остальное время можно было их посещать в определенной форме: в обыкновенные дни в сюртуках с эполетами, при шпагах и шляпах, а в табельные дни в мундирах...» ⁷⁰

К середине века практически во всех полках «старой гвардии» имелись «библиотеки офицерского собрания», именуемые иногда, «читальнями». Так, значительные книжные собрания были в лейб-гвардии Измайловском, лейб-гвардии Конном полках. Кроме книг по военному искусству, они содержали значительные собрания беллетристики, биографической и мемуарной литературы, а также собрания периодики.

О военных библиотеках в 20-е гг. в провинции можно говорить на примере библиотеки при штабе 2-ой армии в Могилеве. В 30-40-е гг. военные библиотеки уже существуют на Кавказе и Кубани. В 1830 г. вместе с полками регулярной армии сюда прибыли и полковые библиотеки. Характеристики этих книжных собраний содержатся в многочисленных историях стоявших там полков, наиболее подробная — в истории Тенгинского полка. ⁷¹ В библиотеке Тенгинского полка преобладали романы: А. Лафонтена «Вальтер, дитя ратного поля, или вторая любовь надежна» (М., 1819), «Любовь и тщеславие, или опасности кокетства» (М., 1821), «Странствующие музыканты, или Любовь при Мон-Жеане» (М., 1818), «Варвик или Ужасная жертва честолюбия» Ф. Арно (М., 1820), «Валентин, или Беззаботная голова» Ф. Пига-Лебрена (М., 1820), «Мои путешествия по пропасти злосчастий» Г. Шписа (М., 1821), «Старик везде и нигде» (М., 1817), изданные анонимно «Мария Брабантская, французская королева» (М., 1820), «Сестра милосердия, или Разрушение Лиссабона в Неделю Всех Святых» (М., 1816) и т.п. Библиотека включала также издания историко-политического характера: «Тайные злодеяния и явный обман Наполеона Бонапарта, выбранные из разных французских книг» (М., 1816), «Тайные причины французской революции. Из рукописи Марии-Антуанетты» (М., 1815). Книги русских писателей были представлены многочисленными сочинениями Н.М. Карамзина ⁷². Видно, что состав библиотек был достаточно «пестрым» и не отвечал в должной степени потребностям читателей.

В 1841 г. по инициативе начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирала Л.М. Серебрякова была предпринята попытка создания Новороссийской морской офицерской библиотеки. В письме начальству он так объяснял необходимость создания подобной библиотеки:

«Чтение для препровождения времени от служебных занятий свободного есть необходимая потребность всякого сколько-нибудь образованного человека, тем более, когда по местным обстоятельствам не представляется ни общественных удовольствий, ни других приличных развлечений. Единственное средство к достижению этой цели есть учреждение общественной библиотеки посредством подписки». ⁷³ Тем не менее резолюция кавказского начальства была отрицательной, и Серебряков обратился непосредственно в Петербург. В то же самое время в Петербурге по повелению Николая I было принято решение об открытии «типовых казенных библиотек в двадцати гарнизонных укреплениях Черноморской береговой линии, в соответствии с каталогом, утвержденным Его Величеством». ⁷⁴ Такая библиотека включала 68 названий. Преобладали книги по военной тематике, а также труды по отечественной истории, в том числе Н.М. Карамзина и Н.Г. Устрялова. Из произведений художественной литературы — произведения А.С. Пушкина и В.А. Жуковского. Кроме того, в библиотеке находилось несколько учебников и семь книг религиозного содержания.

А.М. Серебряков все же осуществил свою мечту: общественная библиотека была открыта в Новороссийске в 1844 г. Среди действительных членов библиотеки находились генералы, штаб- и обер-офицеры всех ведомств, а также гражданские чиновники, состоявшие на службе в Новороссийском и Кабардинском укреплениях, а среди «вольных подписчиков» — лица купеческого звания, представители других сословий. В первые два года существования комплектование библиотеки шло через книжный магазин Андрея Иванова в Петербурге, а с 1846 г. уже начали поступать книги из магазинов Ильи Глазунова, А.Ф. Смирдина и др. Из отчетов библиотеки за 1852 г. известно, что в библиотеке насчитывалось «2070 экземпляров различных сочинений, большей частью на русском, а отчасти на французском и немецком языках. Библиотека выписывала 6 журналов и 4 газеты на русском, 2 газеты и один журнал на французском, одну газету на немецком языке». ⁷⁵ Дальнейшая судьба библиотеки неизвестна. Вероятно, что она погибла при бомбардировке города в 1855 г. англо-французской эскадрой. В начале 1850-х гг. начинают формироваться библиотеки в военных округах Черноморского казачьего войска и вскоре появляются почти во всех казачьих полках. Особое значение имела библиотека Псекупского полка, командир которого, генерал-лейтенант И.Д. Попко, приложил много сил для усовершенствования библиотеки.

В заключение можно отметить роль полковых библиотек не только как части досуга офицерства, но и как важнейшего фактора в формировании мировоззрения и средства, способствующего поднятию культурного уровня в целом.

КНИГА В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Говоря о формировании мировоззрения, т.е. определенной системы взглядов, понятий, идей, типа мышления и умонастроения, необходимо обратиться к кругу чтения, как к одному из главных источников его формирования.

В конце XVIII в. образовался круг авторов, чьи произведения пользовались популярностью в дворянской среде и в первой четверти XIX в. и во многом являлись определяющими в формировании мировоззрения. Отсюда возникает вопрос о наличии или отсутствии преемственности в мировоззрениях «отцов» и «детей», т.е. у поколения, начавшего военную службу во времена Екатерины II и Павла I, и у тех, кто служил в Александровскую и Николаевскую эпохи. Так, в дневниках Михаила Никитича Муравьева, служившего в молодости в Измайловском полку, а в будущем известного просветителя и куратора Московского университета, отца декабристов, содержатся многочисленные переводы из античных авторов и европейских писателей.

Изучение читательских интересов позволяет не только проследить процесс формирования мировоззрения, но и реконструировать тип личности, сложившийся в эпоху конца XVIII-первой половины XIX вв., определить, насколько справедливо вообще утверждение М.О. Гершензона относительно мировоззрения, характерного для дворянства этого периода: «...даже когда в это традиционное мировоззрение вносилось нечто новое, какой-нибудь продукт западной жизни и западной мысли, его также брали готовым без борьбы; таков был энциклопедизм на русской почве, таковы были еще масоны и мартинисты; кровных нравственных исканий, трагедии духа мы не встречаем в нашем передовом обществе ни разу на всем протяжении XVIII в. и первой четверти XIX в. Как облако из морских испарений, так из быта рождалось мировоззрение, в общем одинаковое у всех и никем не выстраданное»⁷⁶.

Чтобы показать процесс формирования мировоззрения офицеров русской армии, представляется целесообразным обратиться к формированию мировоззрения декабристов.⁷⁷ Декабристы в данном случае нас интересуют, прежде всего, как часть русского дворянского образованного общества. Учитывая, что большинство из них были профессиональными военными, участниками военных действий и на момент восстания носили военный мундир или находились в отставке, на основании их книжных интересов и круга чтения можно судить о читательских вкусах в русской военной среде этого периода в целом. Ведь понятия «ти-

пичный» декабрист, «средний», «умеренный», «радикальный», «декабрист без декабря», которыми справедливо или несправедливо наградили их исследователи, возникнут гораздо позже, а впереди — еще война 1812 г., заграничные походы, служба и, наконец, сами тайные общества.

Многие деятели тайных обществ, так или иначе к ним причастные, впоследствии отошли от движения. Некоторые из них станут государственными деятелями уже Николаевской эпохи (например, Павел Дмитриевич Киселев), будут принимать непосредственное участие в подготовке отмены крепостного права. Но их духовный мир сложился на рубеже XVIII–XIX вв., так как многие участники декабристских организаций были не только «детьми 1812 г.», но по рождению и детьми XVIII в.

Интерес к книге проявился вначале, возможно, из-за чисто детского любопытства как раз через семейные библиотеки, заполненные новинками французской литературы. Дети «рылись» в старых отцовских библиотеках. Нередко и в столичных особняках, и где-нибудь в провинциальной глуши, в старых усадьбах, сохранялись богатые библиотеки, «набитые» романами XVIII в. Здесь уживались и «Приключения Телемака», и авантюрные сочинения Кребийона-отца и Кребийона-сына с «Пригожей поварихой» М.Д. Чулкова, и произведения моралистов Ретифа де ла Бретона Мерсье и, конечно, Ричардсона, «властителей дум» XVIII в. — Вольтера, Руссо и Дидро, а также литература античности. Здесь и Гомер, и герои Плутарха, возбуждавшие смутное чувство свободы из-за любви к героям.

Итак, книги на первом этапе имели влияние опосредованное, еще нельзя говорить об определенном интересе: дети читали то, что было дома. Тем более что доступ к домашним библиотекам был достаточно свободным, и не из-за небрежности родителей в воспитании, воспитанию как раз уделяли большое внимание (в семьях Муравьевых, Муравьевых-Апостолов, Бестужевых, Тургеневых, Норовых, Трубецкого, Пестеля, Лунина, да и многих других), но вследствие умонастроения самих родителей — детей XVIII в., воспринявших все ценности, все веяния, проникнувшиеся «духом времени» ушедшего века.

Это же относится не только к домашнему воспитанию — оно бывало часто и первоначальным — но и к общественному, т.е. обучению в Благородном пансионе при Московском университете, в самом университете, в лицее, кадетских корпусах, гимназиях. Отсюда вытекает еще одна проблема: каков был круг чтения (отличался или нет) у декабристов, получивших домашнее воспитание и обучавшихся в общественных учебных заведениях — частных и государственных. Был ли круг чтения обязательным (это касается, прежде всего, закрытых учебных заведений),

строго регламентированным, и каков был характер обязательной литературы — и учебной, и для домашнего чтения?

Примером литературы для домашнего чтения служит «Сокращенная библиотека» в 4 частях, составленная преподавателем 1-го Кадетского корпуса П. Железниковым; в эту «Сокращенную библиотеку» были включены отрывки из произведений всех лучших представителей французской литературы эпохи Просвещения. Впоследствии Н.И. Греч в «Записках» говорил, что «причиной вольнодумства Рылеева послужила книжка Железникова». Тут Ф.В. Булгарин с ним расходился во мнении, «восторженно говоря о книге и ее авторе». А вот мнение современного исследователя Н. Левковича: «Эта историческая хрестоматия, не содержащая на самом деле ничего революционного, тем не менее заставляла юного читателя задумываться над многими российскими порядками, была изъята в 1834 г. из школьных библиотек»⁷⁸.

Четыре части «Сокращенной библиотеки» были напечатаны в корпусной типографии в 1800–1807 гг. Уникальные экземпляры этих книг хранятся в библиотеках. Так, Государственная публичная историческая библиотека имеет четыре части, изданные в 1800–1807 гг. Библиотека Академии наук имеет четыре части, изданные в 1800–1804 гг. В Российской национальной библиотеке имеется тоже четыре части, но изданных в следующем порядке: часть 1 — 1800 г., часть 2-я — 1802 г., часть 3-я — 1804 г., часть 4-я — 1807 г. 1-я-3-я части имеются в Музее книги Российской государственной библиотеки.

Первая часть «Сокращенной библиотеки», 1800 г., хранящаяся в Музее книги ГБЛ, прежде находилась в домашней библиотеке декабриста С.Г. Краснокутского. Об этом свидетельствует владельческая запись: «Книга статского советника Григория Краснокутского. Куплена в Санкт-Петербурге за 2 руб. 50 коп. августа 13 дня 1801 году». И ниже приписка по-французски: а Nadinka.⁷⁹

По своему содержанию «Сокращенная библиотека» являлась исторической хрестоматией, и задача ее, как об этом сообщал сам П.С. Железников в посвящении великому князю Константину Павловичу, «служить материалом для размышлений воспитанников»⁸⁰.

Что же конкретно можно сказать о просветительской литературе: о ее распространении, об авторах, их основных идеях, о книгах наиболее популярных в дворянской среде? По словам современника, в начале XIX в. не было ни одной сколько-нибудь значительной книги французских просветителей, которая в подлиннике не встречалась бы на книжных рынках в России⁸¹.

Изучая сохранившиеся до наших дней каталоги библиотек, а также дневники, воспоминания, переписку, можно с уверенностью сказать, что ос-

новые произведения французских мыслителей и энциклопедистов находились во всех частных библиотеках в дворянских домах того времени. Широкому распространению французских просветителей способствовала книжная торговля. Так, в книжных лавках Клостермана, Эверса, Ридигера, в Москве у братьев Ге, у Куртенья и Утгофа можно было купить почти все издания, печатающиеся в Париже. В магазине Куртенья производилась подписка на все книги, выходящие во Франции, имелись каталоги появившихся в продаже и готовящихся к изданию книг.

Произведения французских просветителей печатались в типографиях Московского университета и 1-го Кадетского корпуса в Петербурге, а также в типографиях частных. Спрос на французскую литературу был настолько велик, что многие сочинения просветителей переписывались от руки и распространялись во многих списках. «В деспотической стране, — писал позже Н.И. Тургенев, — где пресса задушена цензурой, судить об общественном мнении можно только из разговоров, знаний фактов или из рукописной литературы»⁸².

За распространением иностранной литературы, особенно запрещенной во Франции, а также касающейся истории России, следил Петербургский цензурный комитет. И, судя по предписаниям Цензурного комитета, нельзя сказать об ослаблении цензуры в «дни александрова прекрасного начала». В 1806 г. на заседании Петербургского цензурного комитета рассматривались дела «О запрещении ввоза иностранных книг из-за границы» и «О запрещении продажи иностранных книг»⁸³.

Но, как говорит В.И. Семевский, «...книгопродавцы, по крайней мере, в Петербурге, имели возможность обходить эти стеснительные меры. Секретарь Цензурного комитета при Министерстве внутренних дел Гуммель показал, что он никогда не принимал лично ящиков с книгами; он получал только фактуру или списки книг, на которых отмечал чернилами названия запрещенных книг и требовал и оставлял у себя те, которые признавались подлежащими рассмотрению цензуры. Но фактуры содержали в себе только названия книг, без обозначения, сколько экземпляров привезено, так что книгопродавцы могли объявлять такое число, какое им заблагорассудилось, и они отсылали обратно, в случае признания книг запрещенными, указанное ими количество...» По словам Гуммеля, «в Риге и других портах на Балтийском море книгопродавцы, зная, что та или другая книга запрещена, удерживались от обозначения ее в своих фактурах и каталогах»⁸⁴. Об этом писал П.Г. Каховский Николаю I из крепости: «Во Франции воспретится книга — и в самом скором времени в России она появится»⁸⁵.

Каким же образом запрещенная литература «проникала» в частные библиотеки? Несмотря на запрет Комитетом министров в 1814 г. продажи ввозимых из Франций исторических и политических книг, кроме тех, на которых имелось разрешение полиции, приток предосудительной литературы не прекращался⁸⁶. Многие запрещенные книги привозили морские офицеры и продавали их⁸⁷. Н.Р. Цебриков показывал, что «капитан-лейтенант Лермонтов привозил из Портсмута множество либеральных сочинений, чтобы распродать их в Петербурге»⁸⁸. А.И. Тургенев получал книги из Парижа следующим путем: он просил выслать книги на имя какого-нибудь банкира в Риге, «а оттуда уже мне сухим путем доставят. Цензура не тронет их, если ты надпишешь их на имя какого-нибудь университетского, например, Ивана Александровича Двигубского»⁸⁹. Как ни строги были меры, но книги всегда удавалось приобрести, кому посредством знакомств, кому через курьеров. Так и получалось, что во многих библиотеках конца XVIII-первой четверти XIX вв. можно было найти запрещенные Цензурным комитетом издания.

Кто же из просветителей был «властителем дум» декабристов? Будет трудным и несправедливым назвать одного конкретного автора. Здесь и Вольтер, и Руссо, и Монтескье, и Мабли, и Рейналь, и многие другие. Воспоминания декабристов, их переписка, дневниковые записи, показания на следствии дают яркую картину их читательских интересов.

Одним из главных их кумиров, несомненно, был Вольтер, с которым многие из них познакомились еще в детстве. В домашних библиотеках, в бумагах их отцов они могли найти рукописные переводы его сочинений. Так, в дневниках М.Н. Муравьева, отца Н.М. и А.М. Муравьевых, наряду с многочисленными записями о чтении встречаются переведенные им самим отрывки из сочинений Вольтера. Произведения Вольтера печатались не только в столицах, но и в провинции⁹⁰.

Среди декабристов Вольтер был одним из наиболее читаемых авторов. По мнению Г.С. Батенькова, «Вольтер давно уже открыл целому свету, что беззакония, происки, коварство властолюбия и все ужасные грехи были свойством особ духовных»⁹¹. М.П. Бестужев-Рюмин пишет, что «первые либеральные мысли почерпнул в трагедиях Вольтера»⁹². П.И. Пестель советовал своим товарищам читать произведения великого мыслителя, так как без этого нельзя быть полезным «ни себе, ни обществу, ни отечеству»⁹³. Большое значение произведения Вольтера оказали на А.П. Беляева: «Я был любознателен и потому жадно принялся читать все, что наиболее возбуждало мое любопытство, в том числе Вольтера, Руссо и сочинения энциклопедистов... С неокрепшим еще, малообразованным умом скоро допустил в свои мысли порядочную долю тогдаш-

него скептицизма, а затем неверия. Из философского лексикона Вольтера более других действовали на меня «фанатизм» и другие в таком роде статьи. Таким образом, мало-помалу, наступило полное равнодушие и сомнение в религии, следствием этого явилось страстное влечение к наслаждениям»⁹⁴.

Братья П.И. и А.И. Борисовы советовали друзьям «бросить романы, читать хороших писателей, трагедии, стихи..., потом глубокомысленные рассуждения, как-то: некоторые переводы из Вольтера».⁹⁵

Из антиклерикальных произведений Вольтера особый успех среди декабристов имела «Орлеанская девственница», которую, впрочем, можно назвать и достаточно фривольным произведением. Ею зачитывался близкий в те годы к декабристским кругам Н.Д. Дурново.

Вторым «властителем дум» и у поколения отцов, и у поколения детей наряду с Вольтером был Жан-Жак Руссо. Его произведения, в том числе и запрещенные «Общественный договор» и «Эмиль», находились в домашних библиотеках М.Н. и Н.М. Муравьевых, Пестелей, и часто не в одном издании. А.В. Поджио называл себя «поклонником моего любимого Руссо».⁹⁶ «Первый декабрист», майор 32-го Егерского полка В.Ф. Раевский показывал, что «Contrait social» Руссо вытвердил как азбуку.⁹⁷ По свидетельству А.С. Гангелова, книга Ж.Ж. Руссо «О влиянии наук и художеств на нравы» открыла ему «необозримый простор для мысли, поразила его новизной и смелостью воззрений на ту степень искажения своей натуры, до какой, как вещал Руссо, дошел человек через лабиринт цивилизации», а «идеи Руссо пламенными чертами запечатлелись на его воображении»⁹⁸.

Н.Н. Муравьев-Карский также отмечал огромную роль сочинений Руссо: «Слог Жан-Жака увлекал меня, и я поверил в то, что он говорил. Не менее того чтение Руссо отчасти образовало мои нравственные наклонности, обратило их к добру; но со времени чтения его я потерял всякую охоту к службе; получил отвращение к занятиям, предался созерцательности и обленился.... Как водится в молодые лета, мы судили о многом, и я, не ставя преграды воображению своему, возбужденному чтением «Contrat social» Руссо, мысленно начертывал себе всякие предположения в будущем. Думал и выдумал следующее: удалиться через 6 лет на какой-нибудь остров, населенный диким народом, взять с собой надежных товарищей, образовать жителей острова и составить новую республику, для чего товарищи обязывались быть мне помощниками. Сочинив и изложив на бумаге законы, я уговорил следовать со мною Артамона Муравьева, Матвея Муравьева-Апостола и двух Перовских, Льва и Василия,...в собрании их я прочитал законы, которые им понравились»⁹⁹.

Не все декабристы воспринимают демократические идеи Руссо, прежде всего теорию общественного договора. А.А. Бестужев называет Руссо «независимым чудачком, Дон Кихотом утопии»: «Правда, подобно Платону, он заблудился в обмане: он не достиг истины — главного условия поэзии, но он искал ее, он первый хотел в бреду сказать, что мир может быть улучшен иначе, как было»¹⁰⁰.

Но если политические произведения Руссо вызывали неадекватные оценки, то «Новая Элоиза» и «Эмиль» были одними из излюбленных произведений художественной французской литературы Эпохи Просвещения. Е.А. Баратынский, будучи рядовым лейб-гвардии Финляндского полка, в феврале 1825 г. писал Н.В. Путяте, относительно сходства в характере В.К. Кюхельбекера и Ж.Ж. Руссо: «...характер его очень сходен с характером женеваго чудача; та же чувствительность и недоверчивость, то же беспокойное самолюбие, влекущее к неумеренным мнениям, дабы отличиться особенным образом мыслей; и порою та же восторженная любовь к прекрасному, которой он все готов принести в жертву. Человек, вместе достойный уважения и сожаления, рожденный для любви к славе (может быть, и для славы) и для несчастья».¹⁰¹ В этих строках Е.А. Баратынский как бы предвещал судьбу В.К. Кюхельбекера.

Произведения Руссо находили отклик у представителей разных слоев: и у будущих радикально настроенных офицеров (они-то и считали Руссо республиканцем, хотя он и писал, что демократия — правление для Богов) и у «консерваторов». Их внимание привлекали разные аспекты его творчества — кого общественные воззрения, кого — «романы». Интерес вызывали два «полюса» творчества Руссо: общественный — направленный ко всему человечеству (общее благо), и индивидуальный — благо индивидуума. К идеям Руссо обращались чуть ли не на протяжении всего XIX в., и именно в переломные моменты, кто с целью подкрепить свои собственные воззрения, кто желая опровергнуть или возразить.

О значении идей Монтескье писали в своих показаниях М.А. Фонвизин, Н.А. Крюков, П.П. Репин, С.Г. Краснокутский, П.П. Беляев.

Книги Монтескье также являлись неотъемлемой частью дворянских библиотек. Так, в фондах Научной библиотеки им. Горького МГУ хранится экземпляр полного собрания сочинений Монтескье, изданного в Париже и принадлежавшего Н.М. Муравьеву.

О наличии у К.Ф. Рылеева экземпляра «Духа законов» рассказывает в своих «Воспоминаниях» известный цензор А.В. Никитенко, встретившийся случайно с будущим декабристом в книжной лавке Острогжска, уездного городка Воронежской губернии: «Там, у прилавка, нас уже опередил молодой офицер. Он потребовал «Дух законов» Монтескье, заплатил

деньги и велел принести себе книги на дом». ¹⁰² В.И. Штейнгель в «Письмах на имя Николая I» из крепости указывал на произведения Монтескье как «дающих понятие о новых идеях относительно основания государственного блага» ¹⁰³.

О назначении сочинений Гельвеция, Гольбаха, д'Аламбера говорят показания В.И. Штейнгеля, ¹⁰⁴ П.Ф. Громницкого, утверждавшего, что «ближайшей причиной, побудившей <его> вступить в Общество Соединенных славян, было знакомство с Борисовым 2-м, его убеждения, подкрепленные текстами из Гельвеция, Вольтера, Рейналя и других» ¹⁰⁵.

Книги Рейналя и Мабли были широко знакомы членам тайных обществ. Ф.П. Шаховской, М.А. Фонвизин серьезно изучали книгу Рейналя «Философская и политическая история о заведениях и коммерции в обеих Индиях». ¹⁰⁶

Еще одним популярным автором был Филанджери. По мнению исследовательницы Г.А. Космолинской, «выход в свет в 1787 г. перевода нашумевшей книги неаполитанского юриста и философа Гаэтано Филанджери (1753–1788) «Наука законоведения» (La scienza della legislazione. Napoli, 1780–1787) сразу же заметили в Петербурге». ¹⁰⁷ В библиотеке М.Н. и Н.М. Муравевых сохранился экземпляр парижского семитомного издания сочинения Филанджери, которое с карандашом в руках тщательно читал Н.М. Муравьев. ¹⁰⁸ Особый интерес у него вызвал второй том, посвященный политическим и экономическим законам, а также главы, посвященные коммерции, демографическим вопросам, налогообложению, искусству и ремеслам в системе экономики.

Так в трудах французских просветителей будущие декабристы и люди их круга получали представления о приоритете человеческого разума, о естественном праве человека, народном суверенитете. Недаром А.П. Беляев говорил, что «понятие о законах и правах человека получил от чтения». ¹⁰⁹

Как писал впоследствии М.А. Фонвизин, «в это время (1816–1817 гг.) многие из офицеров гвардии и Генерального штаба со страстью учились и читали преимущественно сочинения и журналы политические, также иностранные газеты ...изучая смелые политические теории и системы весьма естественно, что занимающиеся ими желали бы видеть их приложение в своем отечестве». ¹¹⁰ Так, штабс-капитан М.М. Нарышкин в 1818–1819 гг. уделял много времени углублению своего образования. Он посещал по вечерам «лекции лучших профессоров права», занимался политическими и военными науками, историей. Среди его наставников — известные профессора К.Ф. Герман (статистика), Соловьев (физика), А.П. Куницын — право; среди изучаемых книг — книги крупней-

ших экономистов — Сея, Сисмонди, А.К. Шторха. В круг чтения Нарышкина входили также политические сочинения Б. Констана, Бентама и «Записки о необходимости законов» Фонвизина, которые Нарышкин потом давал читать принятому им в тайное общество М.А. Назимову.

Автор знаменитой реформы государственных крестьян П.Д. Киселев, будучи в 1818 г. начальником штаба 2-й армии, много времени уделял самообразованию. Так, он писал: «Я устроил себе комнату, из которой почти не выхожу, с бумагами провожу часов десять, остальное время с книгами».¹⁴¹ Киселев получил довольно поверхностное домашнее образование и восполнял в нем пробелы. Н.В. Басаргин не раз слышал от него, как ему «трудно было сделаться из светского полотера деловым человеком, и сколько бессонных ночей он должен был проводить, будучи уже флигель-адъютантом, чтобы несколько образовать себя и быть на что-либо годным».¹⁴²

Сохранившиеся каталоги тульчинской библиотеки П.Д. Киселева свидетельствуют о преобладающем направлении его умственных интересов того периода: подавляющую часть произведений составляли сочинения французских просветителей и публицистов XVIII-начала XIX вв. — Вольтера, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Мабли, Шатобриана, Бенжамена Констана, Бентама. Широко представлены были античные авторы, труды по политэкономии и истории.¹⁴³ Прочитанное Киселев обсуждал с друзьями, которые давали ему свои рекомендации в выборе авторов. Так, Д.В. Давыдов предлагал ему выписать «Ouvres de Benjamin Constant ou Choix de rapports, opinions et discours prononcés a la tribune nationale» Vol. 4, а также «Государственное хозяйство» Сея и «Politique constitutionnelle Benjamin Constant ou Bentham».¹⁴⁴

Как же расценивали роль книги в своей жизни сами декабристы, считали ли они ее главной виновницей своих политических убеждений и причиной укоренения в них «свободного образа мыслей»? Именно этот вопрос был задан оказавшимся под следствием деятелям тайных обществ первой четверти XIX в. Так, в анкете Следственной комиссии на вопрос о причинах «укоренения свободного образа мыслей» предлагалось несколько вариантов возможных ответов: «от сообщества ли или внушения других, или от чтения книг, или сочили в рукописях, и каких именно?» Недаром военный министр С.С. Татищев, председатель Комиссии по делу о замышленниках, замечал «слишком ретивым»: «Вы, господа, читали все — Destutt de Trassy, Benjamin Constant, Bentham и вот куда попали, а я всю жизнь читал только Священное Писание, и смотрите, что заслужил» — , показывая на два ряда звезд, освещавших его грудь¹⁴⁵.

Разумеется, Следственные дела — специфический источник. Но представляется несправедливым обвинять декабристов в намеренном решении возложить вину исключительно на книги французских писателей и публицистов. Будучи рационалистами по складу ума и людьми военными, они

точно отвечали на поставленные вопросы. Даже М.С. Лунину, гордо бросившему, что «свободный образ мыслей образовался в нем

М.С. Лунин
П.Ф. Соколов.
1992 г.

с тех пор, как он начал мыслить; к укоренению же оного способствовал естественный рассудок»¹¹⁶, мыслить помогли определенные книги. Он и в Сибири

собрал прекрасную библиотеку. То же самое можно сказать о показаниях Н.М. Муравьева и Н.Р. Цебрикова. Итак, на основании ответов на вопрос о «причинах укоренения свободного образа мыслей», можно выделить четыре варианта: 1) книги — заграничные походы и «дух времени» — книги; 2) книги и лица; 3) только чтение книг; 4) влияние книг отсутствовало.

*Книги — заграничные походы
и «дух времени» — книги*

С.П. Трубецкой:

«Свободный образ мыслей заимствовал я по окончании войны с французами, из последовательно утвержденного мира в Европе... Рассуждения, слышанные мною в обществах,... разговоры с членами бывшего Тайного Общества, чтение журналов и книг, касающихся истории и законодательства различных государств, способствующих к оному образу мыслей...»¹¹⁷.

С.Г. Волконский:

«Полагаю, что до 1813 г. не изменял тем правилам, которые получил в родительских наставлениях, и в домашнем и публичном воспитании. И, по собственному о себе понятию, считаю, что с 1813 г. первоначально заимствовался вольнодумческими и либеральными мыслями, находясь с войсками по разным местам Германии, и по сношениям моим с разными частными лицами тех мест, где находился. Более всего получил наклонность к таковому образу мыслей во время моего пребывания в конце 1814 и в начале 1815 года в Париже и Лондоне, как господствующему тогда мнению. Как в чужих краях, так и по возвращении в Россию вкоренился сей образ мыслей книгами к тому клонящимися»¹¹⁸.

Е.П. Оболенский:

«Свободный образ мыслей я заимствовал со времени вступления в службу, сообществом с людьми образованными, делавшими кампанию 1812 г., чтением разного рода политических книг, размышлением и нахождением в обществе, имеющем политическую цель. Утверждалось же оно и укоренялось духом времени и наблюдением происшествий, ознаменовавших последние годы почти все страны мира, исключая Африку. Какие же в особенности книги действовали на мой образ мыслей, я поистине сказать не могу, ибо чтение мое довольно разнообразно. Вообще, способствовало тому чтение публицистов и Benjamin Constant, Vignon и проч.»¹¹⁹

Книги и лица.

А.Н. Сутоф:

«В 1825 г. с февраля месяца г. Каховский ежедневно посещал меня во время моей болезни, передавая свои мысли, и приглашал вступить в Тайное общество, о существовании которого он объявил мне в марте месяце. Запрещенных книг я не читал, кроме «Естественного права» Куницына».¹²⁰

А.П. Арбузов:

«С 1824 г. свободный образ мыслей в одних мечтаниях получил я от чтения исторических книг, в распространении во мне свободомыслия и в укоренении его был лейтенант Завалишин»¹²¹.

М.Ф. Митьков:

«Свободный образ мыслей, столь пагубный, и который меня вовлек в столь ужасные заблуждения, я заимствовал из чтения книг и от сообщества Николая Тургенева, который наиболее способствовал внушению сих мыслей». ¹²²

Только чтение книг

П.Г. Каховский:

«Мысли формируются с годами: определенно я не могу сказать, когда понятия мои развернулись. С детства изучая историю греков и римлян, я был воспламенен героями древности... Наконец, чтение всего того, что было известным в свете по части политической, дало наклонность мыслям моим. Будучи в 1823 и 1824 гг. за границею я имел много способов читать и учиться: уединение, наблюдение и книги были мои учителя». ¹²³

А.А. Бестужев:

«Свободный образ мыслей я заимствовал из книг наиболее и, восходя постепенно от одного мнения к другому, пристрастился к чтению публицистов французских и английских так, что речи в палате депутатов и палате общин занимали меня, как француза или англичанина. Из новых историков более всех делал на меня влияние Герен, из публицистов Бентам. Что же касается до рукописных русских сочинений, они слишком мало важны и ничтожны для произведения какого-либо впечатления». ¹²⁴

И.И. Пущин:

«Свободный образ мыслей по естественному ходу духа времени заимствовал я от чтения политических книг, коими занимался по выходе из Лицея в свободное время от службы. Никто не способствовал к укоренению сих мыслей во мне». ¹²⁵

Н.А. Панов:

«Время начала свободного образа мыслей я не могу наверное назначить. Основания же им я получил от чтения книг о революциях». ¹²⁶

Н.П. Ретин:

«Что касается свободного образа мыслей, то получил оный весьма недавно и не могу обвинять в сем случае ни сообщество, ни чье-либо внушение, но единственно пристрастие к чтению. Авторы, в коих я почерп-

нул первые политические идеи, хотя еще и весьма несовершенные, суть: Монтескье, Филанджери, Дестю де Трасси, Адам Смит и Сей. Укоренению сих мыслей мне не способствовал совершению никто»¹²⁷.

В.Л. Давыдов:

«Политическими Науками я долго вовсе не занимался и о политике не помышлял. Но тому лет семь или восемь, слыша, что все говорят о политической экономии, в которой я ничего не знал, и я стал оную заниматься; потом и другими известными политическими сочинениями. Я не могу сказать, чтобы кто-либо внушал мне либеральные мысли, но почерпнув их в книгах, политических французских журналах и в других такого же рода сочинениях, и, встретясь потом с людьми одних мнений и прежде меня еще упражняющимися сими предметами, я, к несчастью моему, утвердился в сих мыслях»¹²⁸.

М.А. Фонвизин:

«Припоминая себе впечатления первой молодости, уверился я, что свободный образ мыслей получил я не от сообщества с кем-нибудь, но когда мне было 17 лет, из прилежного чтения Монтескье, Рейналя и Руссо, так и древней, и новейшей истории, изучением которой я занимался с большой охотой. Впоследствии двукратное пребывание за границей и любимое мое чтение новейших Французских и немецких публицистов, равно журналов и газет разных партий немало способствовало к утверждению моих политических мнений без особенного влияния чьей бы то ни было беседы или внушения»¹²⁹.

С.И. Муравьев-Апостол:

«Так называемые либеральные мнения родились во мне ни по чьему внушению, но по собственному размышлению и чтению книг, с 1818 г. они сделались главным предметом моих занятий»¹³⁰.

П.И. Пестель:

«Я никакого лица не могу назвать, кому бы я мог приписать внушение мне первых вольнодумных и либеральных мыслей и точного времени определить нельзя, когда они начали во мне возникать: ибо сие не вдруг сделалось, а мало, помалу и сначала самым для себя неприметным образом... Когда я получил довольно основательного понятия о политических науках, то я пристрастился к ним... Но сначала занимался я как с сими науками, так и вообще чтением политических книг со всею кропотливостью и без всякого вольнодумства с одним желанием быть когда-ни-

часть

II

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА:
МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

будь в свое время и в своем месте полезным слугою Государю и Отечеству. Продолжая таким образом заниматься, начал я потом уже рассуждать и о том, соотносятся ли в устройстве Российского правления правила политических наук, не касаясь, однако же, еще и Верховной власти, но размышляя о министерствах, местных правительствах, частных начальниках и тому подобных предметах»¹³¹.

П.И. Борисов:

«Никто не внушал мне вольнодумства и либеральных мыслей. Чтение Греческой и Римской истории и жизнеописания великих мужей Плутарха и Корнелия некогда поселили во мне с детства любовь к вольности и народодержавию. Я любил читать и размышлять, всякую новую мысль хотел прежде, нежели сделать своею, разобрать и доказать самому себе истину оной, но будучи ослеплен любовью к демократии и свободе, каждую вольную мысль находил справедливою и не мог ничем опровергнуть оной, для чтения избрал сочинения только тех писателей, коих мысли и дух были сходны с моими, таким образом я нечувствительно сделался либералом»¹³².

М.П. Бестужев-Рюмин:

«Первые либеральные мысли почерпнул я в трагедиях Вольтера, которые, к несчастью, слишком рано попались мне в руки. После приготовления к экзамену, учрежденному на основании указа 1809 г, я тщательно занимался Естественным правом, Гражданским, Римским и Политическою Экономиею. (Все сии предметы требуемы). Таковы занятия дали мне склонность к политике. Я стал читать известных публицистов, из коих более всего вреда мне наделал пустословный Прадт. Между тем, везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные. Это все более и более укореняло во мне либеральные мнения»¹³³.

Влияние книг отсутствовало

Н.М. Муравьев:

«Рукописей я не читал, никакие книги и лица не имели на меня влияния»¹³⁴.

А.И. Борисов:

«Я не нахожу в себе ни вольнодумства, ни либеральных мыслей, но все то, что здравый разум может внушить при беспристрастном и прилежном рассматривании вещей»¹³⁵.

П.А. Муханов:

«В приобретении свободного образа мыслей в той малой степени, которую я имею, не могу винить ни лица, ни книги. Оно ограничено весьма естественным понятием о возможности улучшений, для достижения которых мне никогда не входили в мысль никакие средства предрасуждения (читал я *L'economie Politique de Stordi*). Сие понятие, может быть, несколько убедило меня вступить в общество¹⁵⁶».

Н.Р. Цебриков:

«Книг либеральных никогда не читывал». ¹⁵⁷

Большинство показаний декабристов говорят об огромной роли книг в формировании их идеологии и мировоззрения. Разумеется, трудно судить о том, какие книги влияли больше на становление их как политических деятелей: произведения французских просветителей, экономистов (очень часто упоминаются имена Сея, Сисмонди, Смита, Бентама) или новейших французских публицистов. Но именно французская литература Эпохи Просвещения, наряду с греческой и римской историей (изучение которой было неотъемлемой частью системы воспитания эпохи Просвещения), дала определенное «направление ума». Здесь уместно привести слова В.И. Штейнгеля. В.И. Штейнгель говорил в одном из показаний: «Теперь трудно упомянуть все, что я читал, и какое сочинение наиболее способствовало развитию либеральных понятий; довольно сказать, что 27 лет я упражнялся и упражняюсь в беспрестанном чтении. Я читал Княжнина «Вадима», даже печатный экземпляр, Радищева — «Поездку в Москву», сочинения Фонвизина, Вольтера, Руссо, Гельвеция... Из рукописных — разные сочинения Грибоедова и Пушкина. Я увлекался более теми сочинениями, в которых представлялись ясно и смело истины, неведение коих было многих зол для человечества причиною. По совести должен сказать, ничто так не озарило ума моего, как прилежное чтение истории с размышлением и соображением». ¹⁵⁸

Произведения писателей «века нынешнего» и «века минувшего» соседствовали друг с другом. На протяжении длительного отрезка времени читатели обращались к одним и тем же книгам и одним и тем же авторам, что свидетельствует об устойчивых читательских интересах. У декабристов и близких к ним представителей дворянской офицерской среды при всей разности их взглядов на жизнь, на мир определенные произведения вызывали одинаковые чувства и эмоции. Возможно, тип мышления (воспитанный как раз на рационалистской литературе эпохи Просвещения) оп-

ределял и их мировоззрение, а для определенной части и идеологию.

Вся литература XVIII в. по своей сути была политической. Культурно-историческая эпоха определяла и политику и, более того, способствовала проведению этой политики в сознание через художественную литературу. Вследствие этого произошла политизация сознания. «Дух времени» XVIII в. больше всего проявился в политизации сознания, особенно у младшего поколения офицеров-декабристов, у которых сознание не было отягощено накопленным опытом, и в силу этого было так восприимчиво именно для политической литературы.

Не у всех декабристов существовала прямая связь между чтением и определенными политическими взглядами, т.е. нельзя сказать, что такая-то книга способствовала формированию исключительно «радикальных взглядов», а другая только «умеренных», поскольку одни и те же книги читались деятелями, политические убеждения которых носили различные политические оттенки. Восприятие той или иной книги зависело прежде всего от психологического склада читателя. Читательские вкусы не отличались большим различием у представителей по возрастной градации. Представители «младшего поколения» декабристов также являлись поклонниками Руссо и Вольтера, что, правда, вполне объяснимо тем, что они не успели «дойти» до произведений либеральных публицистов. О сильном психологическом воздействии книги говорит такой факт, что наибольшими «радикалами» и «поклонниками славы и свободы» являлись те декабристы, для которых роль книги, по собственному признанию, была определяющей в формировании их политических убеждений. Таким образом, и дневниковые записи, и анализ следственных дел, и переписка, и воспоминания наглядно показывают и эволюцию читательских интересов, и их постоянство.

Просветительного заряда от воспитания, от французской литературы XVIII в., от лозунгов Великой французской революции, которая притягивала и отталкивала декабристов, потому что самим им не довелось быть свидетелями «высоких зрелищ», хватило как раз на первую четверть XIX в., хотя уже появились новые «властители дум». И если раньше знакомились непосредственно с произведениями Монтескье, то теперь зачитывались «Комментариями» на «Дух законов» Монтескье Детю де Траси. По свидетельству М. Ф. Орлова, «эта книга стала высшей степенью премудрости»¹³⁹.

Для П.И. Пестеля знакомство с книгой Детю де Траси «сыграло огромную роль в окончательном определении <его> политического мирозерцания»¹⁴⁰. Новым кумиром становится Бенжамен Констан и его сторонники. Имя Бенжамена Констан часто встречалось в показаниях дека-

бристов — К.Ф. Рылеева¹⁴¹, А.В. Поджио¹⁴², М.Ф. Митькова¹⁴³. Во время следствия «старались выведать, не возил ли С.П. Трубецкой в Париж Пестелю на отзыв проект конституции»¹⁴⁴.

Хорошо знакомый с большинством оппозиционно настроенных офицеров Н.И. Тургенев писал, что «главная честь эпохи принадлежит Бенжамену Констану. Одаренный душой, пламенно стремящейся к благу своих ближних, своим редким талантом он более всех сделал для политического воспитания не только французов, но и всей Европы». Для политического образования членов тайного общества Н.И. Тургенев предложил изучать различные политические сочинения, содействовавшие развитию и уяснению взглядов по различным вопросам. Он «рекомендовал только что появившиеся комментарии Filandgieri, издание которых предпринял Бенжамен Констан», первый том этого сочинения «раздобыли во многих экземплярах, и некоторые из юных членов общества читали и изучали его очень усердно»¹⁴⁵.

М.Ф. Орлов в письме из Киева П.А. Вяземскому от 28 февраля 1820 г. также упоминал Констана: «В кого влюблен? В представительное правление, во все благородные мысли, во всех благородных людей, в числе коих и тебя помещаю. Живу с Вениамином Констаном, с Бентамом и прочими писателями сего рода»¹⁴⁶. С.Г. Волконский, В.К. Кюхельбекер, Н.М. Муравьев были лично знакомы с Констаном. Любопытно описывал Констана С.Г. Волконский: «Другая упомянутая личность — это Бенжамен Констан, великий оратор, великий мыслитель, тоже лицо, преследуемое некогда Наполеоном, и при новом порядке во Франции глава партии прямых конституционных начал; наружности более неловкой, нежели красивой, постоянный ценитель мадам де Сталь и своею знаменитостью сопутствующий, можно сказать, ее знаменитости»¹⁴⁷.

Н.М. Муравьев, находясь в Париже, жил в доме бывшего посланника в России Коленкура, куда очень часто для дружеской беседы заходил и Бенжамен Констан¹⁴⁸. Именно в это время (июль-сентябрь 1815 г.), как подчеркивал сам Н.М. Муравьев, большое влияние на него оказала работа Констана «О сущности, захвате и узурпации власти»¹⁴⁹. Будучи поклонниками Констана, декабристы не видели отличия его политической концепции от их собственной. Автор «Принципов политики» отделял свободу от революции, хотя считал революцию необходимой и полезной для утверждения свободы.

Сочинения Жермены де Сталь «Взгляд на главнейшие события французской революции», «О Германии», «О литературе, рассматриваемой в связи с гражданскими установлениями» стали настольными книгами многих декабристов. Так, Г.С. Батеньков за несколько дней до восстания изучал

«Взгляд на главнейшие события французской революции» и под ее впечатлениями «предавался мечтаниям о России под представительным правлением». ¹⁵⁰

Заметив только что вышедшую книгу на столе у И.И. Пущина, Н.И. Тургенев предложил ему написать статью о своих впечатлениях. Сам же он сделал в дневнике такую запись об этой книге: «...читаю теперь мадам де Сталь. Она живо представляет ненависть деспотизма и прелесть свободы и просвещения... Главная же черта, отличающая эту книгу от многих сего рода, есть: постоянная и пылкая любовь и уважение к человечеству». ¹⁵¹ Декабрист Н.В. Басаргин в показаниях Следственной комиссии из авторов политических книг, прочитанных им и оказавших на него огромное влияние, первой назвал Жермену де Сталь. ¹⁵²

Появились новые кумиры. Но прежние кумиры не были до конца «повержены». Ведь и концепции Констана и его сторонников и Детю де Траси восходят к Эпохе Просвещения: у Констана — от Монтескье, у Детю де Траси — от Руссо, в соответствии с этим разделением разделились и политические пристрастия декабристов.

Литературные вкусы декабристов, так же как и вкусы их родителей, были воспитаны на художественной литературе эпохи Просвещения и произведениях французских писателей периода классицизма. Обязательной принадлежностью библиотек их отцов были произведения знаменитых писателей, философов и поэтов периода классицизма Расина, Корнеля, Мольера, Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйера, Лафонтена и Буало. «Леона», «Эсфирь», «Митридат» и некоторые другие творения Расина, Корнеля и Вольтера превосходны», — писал К.Ф.Рылеев ¹⁵³. Расина и особенно Корнеля называл М.И. Муравьев-Апостол среди самых любимых своих поэтов ¹⁵⁴.

В систему традиционного дворянского чтения входили Мольер и Лафонтен.

«Мольер и Лафонтен, два гения, которые посреди всеобщего лицемерия и ползанья, сумели сохранить искренность и смело говорить правду» ¹⁵⁵.

М.Ф. Орлов считал, что «Мольер — глубочайший моралист и самый оригинальный ум, когда-либо порожденный Францией, нападал преимущественно на эту национальную страсть к преувеличению, которая уже в его время портила все, к чему ни прикасалась... К несчастью, Мольеру было суждено, как и многим другим великим людям — прийти, увидеть и сразиться, но не победить!» ¹⁵⁶

Одним из своих любимых авторов называл Ларошфуко В.И. Штейнгель. ¹⁵⁷

В библиотеке Ф.П. Толстого находились сочинения друга Вольтера, энциклопедиста Мармонтеля. Они имели в начале XIX в. огромный интерес у читателей и выдержали по 4-5 изданий. Так, «Велиэрий» Мармонте-

ля в 1803 г. выходит в свет 5-м изданием. Неменьшей популярностью пользовались «Странствия Телемака, сына Улиссова» Фенелона. Они перечитывались декабристами на протяжении всей их жизни. И, конечно, многие декабристы были прекрасно знакомы с комедией П. Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро», «Похождениями Жиль Блаза из Сантильяны» Алена Рене Лесажа. Большим почитателем Лесажа был Н.Д. Дурново.

Кроме произведений французских просветителей декабристы были знакомы с сочинениями и английских писателей эпохи Просвещения. Во французском переводе они читали Ричардсона, Дефо, Стерна, Смоллетта. Н.В. Веригин, находясь под арестом из-за конфликта офицеров лейб-гвардии Литовского полка с великим князем Константином Павловичем, имел возможность читать «Гете, Шиллера, Байрона, Шлегеля, Виланда, Фосса, Канта, Циммермана».¹⁵⁸ Будучи разжалованным, еще большее внимание уделял чтению и обсуждению прочитанного с П.А. Габбе, который также из-за этой истории был разжалован в пехотный полк. Н.И. Бестужев, находясь в заключении в крепости, просит прислать ему для чтения Стерна.

Если среди политических деятелей в начале 1820-х гг. появляются новые кумиры, то литературные вкусы у декабристов сохраняются. Во всяком случае, до 1825 г. нельзя говорить об увлечении ими произведениями французских романтиков — представителей нового литературного направления. Довольно прохладно отзывается о лидере этого направления Шатобриане С.Г. Волконский, лично с ним знакомый: «Шатобриан не произвел на меня столь сильного впечатления, как эти две именовавшиеся выше особы. Конечно, следует отдать должную дань дару слова его, но этот дар слова, в то время приправленный изысканностью, а не убеждением, имел своим предметом защищать тогда начала вовсе мне не симпатичные, не современные, уже пораженные временем и общими убеждениями, пахнувшие так сильно обветшалостью, что я не мог понять, как такой унылый человек мог стать защитником оных»¹⁵⁹.

Наиболее уничижительные отзывы получила от них мадам де Жанлис, автор многочисленных моралистических романов, которые содержали нападки на просветителей, ее выпады против Вольтера вызвали возмущение К.Н. Батюшкова: «Мерзавка, такая подлая, что я ее ненавижу, можно ли этой бабе поносить Вольтера и поносить его как мальчишку»¹⁶⁰. А.С. Пушкин отнес ее к «разряду бездарных писак», и столь же иронически отзывается о ней В.К. Кюхельбекер в письме к племяннице Ю.Г. Глинке: «Мадам Жанлис — препотенная старушка, но смею думать, что в ином случае каждая из вас умнее ее»¹⁶¹. Уничижительные отзывы о мадам де Жанлис

и у А.А. Бестужева: «Коцебу и Жанлис уже начали вводить в моду ложную чувствительность, аханье над пустяком, слезы участия для слабостей любви, именно для слабостей: огня страстей, яду страстей они не знали»¹⁶².

М.И Муравьев-Апостол писал, что он «никогда не любил Ламартина, т.к. он вызывал безнадежность, как и нетерпимость»¹⁶³ ».

Восхищение как писатели вызывали только Бенжамен Констан и Жермена де Сталь. П.А. Габбе написал в 1822 г. даже «Биографическое похвальное слово мадам де Сталь-Гольнштейнской».¹⁶⁴ В этом труде Габбе давал общую характеристику произведений де Сталь, отмечая, что важнейшее место среди них принадлежит работам по французской революции: «Обозрение революции и важности сего предмета займет, конечно, первое место среди произведений сего автора»¹⁶⁵.

С.Г. Волконский, лично знакомый с мадам де Сталь, оставил о ней интересные воспоминания. «Жермена де Сталь, дочь известного Неккера, была личность, вызванная на первый план и по знаменитости отца, и по собственным достоинствам, а частью и по преследованию ее Наполеоном, ибо личная вражда знаменитого человека выставляет и преследуемого. Обладая обширным умом и обширными познаниями, она имеет дар слова, может быть, выше способности ее пера; некрасивая собой, она имела глаза, преисполненные огня, выражающие глубокие думы и святое пламя в сердце. Редко сидящая, она эффектно обходила своих гостей, и ее звучный, преисполненный особенных взглядов разговор всегда был сопровождаем эффектными жестами ее рук, весьма красивых, что давало еще более весу ее суждениям; но скажу, однако, что прелесть ее разговора вместе с тем имела что-то театральное, мне не нравившееся по изысканности; простота, по-моему, более красноречива, когда она вытекает — не изученная, как бы невзначай»¹⁶⁶.

Особенно привлекал роман Б. Констан «Адольф». В «Записках о Пушкине» И.И. Пущин отмечает особое удовольствие от чтения «Адольфа».

Наши русские «сыны Вольтера» были воспитаны просветительской культурой с ее системой ценностей — романтический герой с его свободой личности, свободой духа им был не вполне непонятен. Романтический герой — бунтарь-одиночка, бунт его против общества глубоко индивидуалистичен, что было неприемлемо для большинства членов Тайных обществ, несмотря на любовь к героям Байрона и Шарля Нодье. У декабристов и их поколения еще не было чувства «внутренней свободы», свободы духа, чтобы стать романтиками.

Очень верно о становлении романтизма в России и о своеобразном отношении к нему декабристов говорит Л. Гинзбург: «Но подлинное, хотя и недолговременное развитие русского романтизма относится уже к периоду

после катастрофы 1825 г. Люди 10-20-х гг., поры дворянского вольнолюбия и дворянской революционности, еще решали задачи национальной культуры на почве просветительства и рационализма, унаследованной от XVIII в. Романтические веяния не могли их миновать, но они своеобразно ассимилировались исходным рационализмом». ¹⁶⁷

Не изменялись читательские вкусы декабристов на поселении. Один из наиболее образованных декабристов, В.С. Норов, находясь в заключении в Бобруйской крепости, наряду с новыми писателями, просит прислать его любимых с детства Корнеля, Расина, Плутарха, исторические сочинения Сегюра: «Новых романов не хочу, они очень посредственные» ¹⁶⁸. Еще в одном письме он просил прислать «Историю Наполеона» и «Историю Петра Великого», «Пуритан» и «Айвенго» Вальтера Скотта. ¹⁶⁹ По свидетельству Р.Х. Хохлова, на полях книги «Пуритане Шотландии», в главе XVI, в которой заключается описание сражения королевских войск с пуританами, пометки характеризуют постоянный интерес В.С. Норова к военным вопросам. ¹⁷⁰ Среди книг, присланных Норову в крепость, были и сочинения Фенелона. Об этой книге он писал из Бобруйска 19 июля 1831 г. своей сестре Евдокии Сергеевне: «Ваш Фенелон никогда не давал мне ни малейшего утешения; я еще сохраняю его как воспоминание, и, если вы увидите когда-нибудь эту книгу, вы узнаете, что я делаю, по заметкам, какие я делал на маржах», а в письме от 3 декабря 1830 г. он был еще откровеннее — «Фенелон мне надоел» ¹⁷¹. В более поздних письмах содержатся просьбы прислать новые романы Вальтера Скотта и В.Гюго, «книги из Русской поэзии». В письмах из Бобруйска Норов дважды повторял просьбу прислать ему Плутарха, так как из всех античных авторов он больше всего ценил «Жизнеописания знаменитых мужей» Плутарха. В одном из писем В.С. Норова из Абхазии встречается упоминание романа Ф. Купера «Пуритане». Не прекращался интерес В.С. Норова и к вопросам военного искусства, в том числе к работам популярного в России Жомини, литературе о военных кампаниях Наполеона.

А у Сергея Кривцова в Читинском остроге были такие книги: Muller — Histoire universelle; Robertson — Histoire du règne de l'Emp. Charles Quint, Montaigne Pensees u Lettres provinciales; Bossuet — Discours sur l'Histoire universelle; «Choix des chefs — d'oeuvres dramatiques», Say — Economie politique, Imitation de J.C. Bemtham et Claperon — Voyage en Afrique; Lamartine; Dupaty — Lettres sur l'Italie; Massilon — Les sermons u Le petit carême; Утешения Христианки; Проповеди Иоанна Златоуста; Сочинения Батюшкова; несколько частей Шиллера (очевидно, по-немецки); несколько книжек из немецкой Etui — Bibliotek. ¹⁷²

Для русского романтика А.А. Бестужева немецкая словесность раскрывается только на поселении: «...сизу безвыходно дома и с утра до позднего вечера читаю Шиллера и Гете. С первым чувствую, с другим мыслю. До сих пор не знал довольно основательно немецкий язык, чтоб понимать высокий слог, и теперь мне открылось в нем новое наслаждение, новый мир души. Я давно собирался влиться в германскую словесность, но вихорь света и поток обстоятельств несли меня вперед и вперед. Теперь есть и досуг и расположение, и я могу пользоваться обоими. Читаю медленно, чувствую глубоко; и фантастические создания двух великих поэтов составляют теперь весь быт мой, они друзья и знакомые, мой род и племя, мое ремесло, мое богатство. Шиллер хорошо знал сердце человека, Гете обнаружил ум его».¹⁷³

Во время службы на Кавказе А.А. Бестужев получал множество книг от братьев Полевых, Н.И. Греча, сестер: «...лучшие немецкие французские и английские авторы, хотя и поздно, всегда появлялись в его сакле; о русских книгах и говорить нечего: крайне неаккуратно, врассыпную, нередко сильно истрепанные дальним и небрежным перевозом, они все-таки прибывали к нему»¹⁷⁴. В письме К. Полевому А.А. Бестужев просил не присылать Шекспира, так как он уже получил прекрасное издание в одном томе. Много места в письмах занимали просьбы об арабских, турецких словарях и грамматиках. При этом Бестужев просил книги не только для себя, но и для других. Так, обращаясь к Полевым, он просил прислать «для моего доброго командира прямо на мое имя поскорее «Басни» Крылова и «Сочинения Карамзина» последних изданий».¹⁷⁵

Как же относились в образованной офицерской среде к немецкой классической философии? Для поколения, воспитанного на французской рационалистической философии, людей действия и к тому же военных, немецкая философия была слишком абстрактной, они не знали, к чему ее можно применить, а они во всем искали пользу делу, что являлось неотъемлемой чертой просветительского мировоззрения. На наш взгляд, наиболее верно причины неприятия немецкой философии объясняют А.А. Корнилов и Н.П. Павлов-Сильванский. Так, по мнению А.А. Корнилова, «из тех двух русл, по которым притекало в Россию влияние европейской мысли, — французской материалистической и в то же время по преимуществу политической, имевшей прямую связь с доктринами французских философов и идеями Великой французской революции, и немецкой идеалистической из «Начал» послекантовской критической философии, вплоть до 20-х гг. XIX века имело огромное подавляющее преобладание первой». Далее А.А. Корнилов утверждает, сто «среди членов тайных политических обществ 10-х и начала 20-х гг., из которых

вышли впоследствии декабристы и к которым принадлежал весь цвет русской интеллигентной молодежи этого времени, — в том числе и Пушкин, и Грибоедов, и даже Чаадаев в первую эпоху его развития, — господство социальных и политических интересов над интересами этическими, философскими и религиозными было распространено не только между воспитанниками французских эмигрантов и содержащихся ими пансионов, но даже между воспитанниками Геттинггенского университета, такими как Н.И. Тургенев, умственные интересы которых всегда были захвачены изучением истории, юриспруденции политической экономией и финансов. Среди этой молодежи один только Кюхельбекер является отчасти, да и то, впрочем, лишь с нач. 20-х гг., представителем противоположных немецких взглядов и носителем идей кантовской и послекантовской философии и основанной на ней эстетики»¹⁷⁶.

Точку зрения А.А. Корнилова разделяет и Н.П. Павлов-Сильванский. «В эти годы шеллингианцы были новаторами, они стояли в стороне от главного течения времени, которое завершилось столь незначительным по обстановке и столь крупным по историческому значению мятежом на Сенатской площади и при Белой Церкви. Шеллинг был чужд декабристам, за исключением немногих их товарищей. Декабристы были учениками французских писателей, политиков прежде всего, а в области философии — французских материалистов, или, точнее, сенсуалистов. Типичными представителями 20-х гг. были не мечтательные поклонники немецкой мечтательной метафизики, а политики и материалисты, воспитанные на французской литературе Века Просвещения».¹⁷⁷ В кружках декабристов всюду настольными книгами были французские классики по политике и философии и те иностранные политические сочинения, которые были усвоены французами. Эти книги изучали не менее серьезно, чем немецкую философию в кружке шеллингианцев и в позднейшем кружке гегельянцев.¹⁷⁸ По мнению Н.И. Павлова-Сильванского, декабристы потому не признавали еще Канта, Фихте и Шеллинга, «потому что их не признавали французы. У нас господствовал скептицизм Вольтера и Дидро и сенсуализм Гельвеция, Гольбаха и Кондильяка».¹⁷⁹

Из декабристов только Г.С. Батенькова можно назвать почитателем немецкой классической философии. У Г.С. Батенькова интерес к немецкой философии возник еще в 1814–1815 гг., во многом он объяснялся дружбой Г.С. Батенькова с А.А. Елагиным, отчимом будущих славянофилов П.В. и И.В. Киреевских. Письма его к А.А. Елагину за эти годы содержат размышления о «галиматейной» философии, как он шутивно называл ее. И в письме к П.В. Киреевскому из Томска от 10 мая 1847 г. Батеньков вспоминал об этих годах: «Еще во время утомительных походов фран-

цузской войны нас трое: Елагин, я и некто Паскевич — вздумал ли пересадить Шеллинга на русскую почву, и в юношеских умах наших идеи его слились с нашим товарищеским юмором. Мы стали изъясняться в новых отвлечениях легко и приятно. Целые переходы окружал нас конвой слушателей, и целые корпуса со всеми их штабами называли нас галиматейными философами. Это слово, верно, слышал и ты, вот как глубоко мое право почитать себя дедушкой литературных партий»¹⁸⁰. Но для большинства декабристов немецкая философия оставалась «галиматейной». Серьезный интерес она вызовет только на поселении. Так, М.А. Фонвизин напишет «Записку о философских системах Фихте и Шеллинга» и статью «Обозрение истории философских систем».

Что касается исторических взглядов декабристов, то, на наш взгляд, к 1825 г. еще нельзя говорить о сформированных исторических взглядах, во всяком случае, относительно русской истории. Русская историческая наука только формировалась, далеко не все декабристы знали малоизвестные исторические сочинения Шафирова, историков-купцов и даже произведения Татищева, Щербатова. «История Государства Российского» только стала выходить, они её жадно читали, но ни Орлов, ни Никита Муравьев не смогли ее оценить в силу собственных политических убеждений, хотя для Никиты Муравьева уроки его отца не должны были пропасть даром.

А вот запрещенные российские истории Левека, Леклерка, Рюльера, Шабо, и других иностранных авторов им были известны гораздо лучше. И дома, и в учебных заведениях они изучали историю России по Вольтеру. И дело не только в учителях-иностранцах, русские учителя изучали те же книги. И судя по каталогам дошедших до нас библиотек Пажеского корпуса и библиотек М.Н. и Н.М. Муравьевых и братьев Тургеневых, а также по книгам из библиотеки родителей Пестеля — историческая литература была иностранная. Хороший подбор русской исторической литературы, что, наверное, является исключением, только в каталоге библиотеки Ф.П. Толстого. Кое-что встречается в каталоге библиотеки Г.С. Батенькова. Впрочем, поскольку каталоги библиотек Муравьевых и Тургеневых находятся еще в «обработке», а русская часть библиотеки 1-го Кадетского корпуса рассредоточена в общем фонде ГБЛ, то трудно судить о наличии в них русской исторической литературы.

Исторические произведения, которые читали декабристы, носили специфический характер: это были в основном истории революций, что, с одной стороны, и соответствовало их настроениям и потребностям, а с другой стороны, и определяло их исторические представления. И к русской истории они подходили с позиций историй европейских государств и искали таким образом общие корни.

Хороший подбор русских историков был только в библиотеке Ф.П. Толстого: «История Российская с самых древнейших времен» Василия Николаевича Татищева. Типография Московского университета, 1768;

«История Российская от древних времен». Соч. князем Михаилом Щербатовым. СПб., 1794;

«История Государства Российского» сочинения Николая Михайловича Карамзина. Второе переправленное издание, изданием братьев Олениных. СПб., типография Н.И. Греча. 1818. 8 томов.

«Краткая история России с обозрением достопримечательных происшествий в некоторых других европейских державах». СПб., типография 1-го Кадетского корпуса, 1815.¹⁸¹

По словам Ю.М. Лотмана, «происходит широкая траверсия всех основных понятий. Общество, сложившееся после Петра I и зараженное французским влиянием, представляется миром предрассудков, а предрассудки — источник рабства. Михаил Орлов требовал от Карамзина выдумать Древнюю Русь, если ее нет в документах, Пестель придумал «древнерусские» неологизмы для военных и государственных реформ, которые должны были возратить русскую культуру к исконному состоянию. Бытовая реальность отождествлялась с французским влиянием»¹⁸².

Неудовлетворенный историей Карамзина, Никита Муравьев предлагал «издать Сокращенную Русскую историю, заключающую главные черты добродетели и геройства». С работами современных французских историков декабристы познакомятся в основном уже на каторге и поселении.

При изучении всеобщей истории они руководствовались французскими курсами Роллена, Анкетиля, Сегюра, Буленвиле, Сисмонди. Из историй революций наибольшей популярностью пользовалась книга полковника Вутье «О греческом восстании». Один из самых читаемых авторов был, несомненно, Кондильяк, находившийся во многих частных библиотеках (в библиотеке Н. Муравьева, Г.С. Батенькова, П.И. Пестеля и др.). По книге Кондильяка «Histoire ancienne» М.Н. Муравьев преподавал своему старшему сыну Никите древнюю историю. Возможно, и в учебных тетрадях Н.М. Муравьева содержатся выписки из этой книги. Выписки из 3-й части этой книги «О персах, египтянах, скифах, кельтах и других народах» содержатся в дневнике Н.И. Тургенева за 1807 г. Множество цитат и переводных отрывков из Кондильяка имеется в тетради Н.А. Крюкова, начавшего под его влиянием писать трактат «О воспитании».

В заключение можно сказать, что русские офицеры конца XVIII — первой четверти XIX в. были людьми книжной культуры независимо от того, насколько «блестящее» образование и воспитание они получили, в ка-

ких полках служили: в армейских или элитных гвардейских. Практически все они испытывали потребность в самообразовании, что, конечно, определяется и общим настроением эпохи. Нельзя забывать и о том, что государственные деятели николаевского времени формировались тоже в предыдущую эпоху.

Круг читательских интересов русского офицерства 40-50-х гг. только складывался, но был уже гораздо более регламентированным, прежде всего потому, что офицерство этого периода — в основном выпускники кадетских корпусов. А круг чтения в корпусах был определен и программой, и «Журналом для чтения воспитанников военно-учебных заведений».

Например, тот же Н.Н. Вельяминов, выйдя из Пажеского корпуса в 1842 г. и поступив прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк, сетовал, что он «хотел было заниматься, достал себе книг, хотел изучить наполеоновские войны, и французскую революцию, и много чего, но не по силам было заниматься»,¹⁸³ объясняя это тем, что «от напряженного внимания в карауле, когда часами стоишь на платформе и смотришь направо, налево, как бы не подъехал какой-нибудь начальник, так устанешь, что вечером уже не до чтения серьезных книг. Читаешь Paul de Коска и то часто откладываешь».¹⁸⁴ Но все же Вельяминов «нашел возможным прочитать первые войны Наполеона и знал их хорошо».

В каком-то плане новое поколение офицеров было более ограничено в выборе книг. Хотя именно в это время начинается расцвет русской художественной литературы и, судя по воспоминаниям воспитанников военно-учебных заведений, они стараются, насколько возможно, познакомиться с новинками художественной литературы, в том числе и запрещенной. Не случайно в кружке М.В. Буташевича-Петрашевского оказываются молодые офицеры, недавние выпускники Главного инженерного училища. В числе их будущий знаменитый писатель Федор Михайлович Достоевский. Многие из офицеров 40-50-х гг. становятся профессиональными литераторами.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1 Мартынов И.Ф. Библиотека и читательские дневники М.Н. Муравьева. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1981. С. 48-62.

2 А.Т. Болотова, конечно, нельзя назвать русским офицером исследуемого нами периода. Годы его службы больше совпадают с серединой XVIII в. К тому же его

- служба не была продолжительной. Но нам интересен именно то факт из его биографии, который свидетельствует об увлечении чтением книг и их приобретением именно во время службы в армии. Впоследствии собирательством книг во время военных походов занимался А.Д. Чертков. Некоторые из них вошли потом в состав его знаменитой коллекции.
- 3 *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанное самим им для своих потомков. СПб., 1874–1873. Т. 1. — СПб., 1958.
 - 4 *Болотов А.Т.* Указ. соч. Т.1. — СПб., 1860.
 - 5 Указ. соч. Т. 2. С. 72.
 - 6 Там же.
 - 7 *Глаголева О.Е.* Тульская книжная старина. Очерки культурной жизни XVIII—XIX вв. — Тула, 1992. С.70–71.
 - 8 *Глаголева О.Е.* Библиотека А.Т. Болотова // Книга в России XVI — середине XIX вв. С. 79.
 - 9 *Мафтынов И.Ф.* Книжные собрания в русской провинции конца XVIII—начала XIX вв. (по материалам книговедческого обследования библиотек, музеев и архивов Костромы в 1980 г.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII—первой половине XIX вв. — Л., 1981.С. 126
 - 10 *Мафтынов И.Ф.* Указ. соч. С. 128.
 - 11 Там же. С. 132.
 - 12 *Мафтынов И.Ф.* Провинциальные книголюбцы XVIII в. (по материалам книговедческого обследования библиотек, музеев и архивов Вологды в 1976 г.) // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX вв. — Л., 1978. С. 132–133.
 - 13 Указ. соч. С. 130.
 - 14 *Морозова Н.П.* Библиотека дворян Башмаковых-Верещагиных (XVIII—XIX вв.) // XVIII в. Сборник 18. — Л., 1993.С. 351–362.
 - 15 РС., 1894. 11. С.65–66.
 - 16 *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России // Русский библиофил. № 3. — М., 1911. С. 66
 - 17 *Иваск У.Г.* Указ. соч. № 6. С. 71.
 - 18 *Иваск У.Г.* Указ. соч. № 4. С. 50.
 - 19 *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России. Часть 2. — СПб., 1912. С. 52.
 - 20 *Иваск У.Г.* Часть 2. С. 8.
 - 21 *Комарницкая Ж.Е.* Декабристы — читатели французской книги // Дисс. на соиск. степ. канд. филолог. наук. — Л., 1976. С. 156.
 - 22 ОР ГПБ. Ф. 499. М.Н.Муравьева. Оп. 1. Ед. хр. 37. Записки при чтении, дневники, драматические произведения, 1770–е гг. — Л. 23.
 - 23 *Комарницкая Ж.Е.* Указ. соч. С. 185.
 - 24 *Лорер Н.И.* Из записок моего времени // Мемуары декабристов. — М., 1988. С. 344.
 - 25 ОР ГИБ, Ф. 531. А.С. Норова. Ед. хр. 881. — Л. 3.
 - 26 *Зайчковский П.А.* К вопросу о библиотеке П.И. Пестеля // Историк-марксист.1941. № 4. С.86–89; *Киянская О.И.* Опись

- библиотеки П.И. Пестеля на русском языке/14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 5. — СПб., Кишинев. 2002.
- 27 ВД. Т. 2. С. 312.
- 28 ВД. Т. 2. С. 312.
- 29 *Татаринцев А.Г.* Библиотека Р.М. Цебрикова. // Сборник статей и материалов по книговедению. — Л., 1970. С. 5.
- 30 Там же.
- 31 *Татаринцев А.Г.* Указ. соч. С. 7.
- 32 *Глаголева О.Е., Мартынов И.Ф.* Книги из библиотеки К.Ф. Рылеева в Туле // Книжное дело в России в XV-XIX вв. — М., 1982. С. 144.
- 33 Сочинения и переписка К.Ф. Рылеева. — СПб., 1872. С. 253.
- 34 Указ.произв., С. 254.
- 35 *Оксман Ю.Г.* Рассказы о Рылееве рассыльного «Полярной Звезды» // «Литературное наследство». Т. 59. С. 254-255.
- 36 Сочинения и переписка К.Ф. Рылеева. СПб., 1872. С. 284.
- 37 *Рылеев К.Ф.* Указ. соч. С. 324.
- 38 Там же С. 320.
- 39 Там же С. 321.
- 40 *Комафницкая Ж.Е.* Указ. произв., С. 151, цитируется по: Розанов И. Книга с пометками К.Ф. Рылеева // Сборник статей «Памяти П.Н. Сакулина». — М., 1931.
- 41 РГАЛИ, Ф. 423. Оп. 1. Ед.хр. 59. ЛЛ. 1-2, Д. 82. Л. 3.
- 42 РГАЛИ, Ф. 423. Оп. 1. Ед.хр. 61. Л. 26.
- 43 *Глаголева О.Е., Мартынов И.Ф.* Указ. соч. С. 147.
- 44 ОР ГРМ. Ф. 4 Ф.П.Толстого. Ед. хр. 32. ЛЛ.1—40; *Любавин М.А.* Библиотека Ф.П. Толстого.
- 45 ОРМ ГРМ. Ф. 4 Ф.П. Толстого. Ед. хр.32; *Комафницкая Ж.Е.* Указ. произв. С. 164.
- 46 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания (1843-1860 гг.). С. 5.
- 47 *Юнге Е.Ф.* Воспоминания. С. 32.
- 48 ОР РНБ. Ф. 379. Ф.П. Корниловича. Ед.хр. 477. Л. 2.
- 49 ОР РГБ. Ф. 20. Г.С.Батеньков. Картон № 13. Ед.хр. 56. ЛЛ. 1-24.
- 50 Письма Г.С. Батеньков, И.И. Пуцина и Э.Г. Толя. — М., 1936. С. 78.
- 51 Там же. С. 86.
- 52 ОР ГВП. Ф. 20, Г.С. Батенькова. Картон 13. Ед. хр. № 57. ЛЛ. 1-2.
- 53 *Степанов А.Я.* К вопросу об изучении библиотек декабристов // Сборник статей и материалов по книговедению. Л., 1965. С. 62.
- 54 *Павлова Л.Я.* Декабрист М.Ф. Орлов. — М., 1964.
- 55 ВД. Т. 14. С. 347.
- 56 Там же. С. 347.
- 57 *Комафницкая Ж.Е.* Указ. соч. С. 158.

- 58 *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 678.
- 59 *Семевский В.И.* Указ. соч. С.679.
- 60 *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России. Ч.2. — СПб., 1912. С. 68; ОР РГБ. П.Я. Чаадаева; Шереметева О.Г. Опись библиотеки П.Я. Чаадаева.
- 61 *Комарницкая Ж. Е.* Указ. соч. С. 146.
- 62 *Довнар-Запольский М. В.* Идеалы декабристов. — М., 1906. С. 215.
- 63 *Ахун М.И.* Декабристы и полковые библиотеки (библиографические заметки) // Альманах библиофила. — М., 1929.С. 159-160.
- 64 *Ахун М.И.* Указ. Произв. С. 155.
- 65 *Завалишин Д.И.* Записки. — Мюнхен. 1904. Т.1. С.84.
- 66 *Лорер Н.И.* Записки./ Мемуары декабристов. М.1988. С. 327.
- 67 *Пасецкий В.М., Пасецкая-Креминская Е.К.* Декабристы-естествоиспытатели. — М., 1989. С. 27.
- 68 ВД. Т.IV. С.197
- 69 *А.Т.Б. Граф Аракчеев* об офицерских библиотеках // Русский инвалид, 1903. 13 июля. № 153. С. 5.
- 70 Там же.
- 71 *Абельдяев Н.* Полковые библиотеки на Кавказе // Военный Сборник. 1859. Т. 7. С. 420-421.
- 72 *Ракович В.* Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. — Тифлис, 1900. С. 27.
- 72 *Слуцкий А.И.* Военные библиотеки Кубани в 1840-х-1850-х гг. XIX в. // Чтение в дореволюционной России. Сборник научных трудов. — М., 1995. С. 121.
- 74 Там же. С. 121.
- 75 Указ. соч. С. 122.
- 76 *Гершензон М.О.* История молодой России. — М., 1923. С. 5.
- 77 Роли литературы в формировании политических взглядов декабристов посвящен ряд исследований: *Дунаева Е.М.* Декабристы и книга. — М., 1967; *Комарницкая Ж.Е.* Декабристы — читатели французской книги. Дисс. на соискание степени канд. филол. наук. — Л., 1976; *Парсамов В.С.* Декабризм и французский либерализм. — М., 2001; *Семенова А.В.* Книги эпохи Просвещения и формирование идеологии декабристов // Книга в России XI—XX вв. — СПб., 2004. Вып. 21. С. 79-87.
- 78 *Левкович Н.* Книга, принадлежащая Рылееву // Нева. 1964. № 12. С. 245.
- 79 *С.Г. Краснокутский* — генерал-майор в отставке, после перехода в гражданскую службу — действительный статский советник, обер-прокурор в 1 отделении 5 департамента Сената, Г.И. Краснокутский — отец декабриста, Nadinka — Н.Г. Краснокутская, в замужестве Лукашевич — сестра декабриста.
- 80 *Капфалова Л.Ф.* Хрестоматия для декабристов // В мире книг. — М., 1975. № 12. С. 88.
- 81 *Джеджула Е.К.* Россия и Великая французская буржуазная революция к. XVIII в. Киев.1972. С.108

- 82 *Тургенев Н.И.* Россия и русские. Т. 1. — М. 1907. С. 50.
- 83 РГИА. Ф. 777. Петербургского цензурного комитета. Оп. 1. Ед. хр. № 6 и № 15.
- 84 *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. — СПб., 1909. С. 181.
- 85 Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. — М. — Л., 1951. Т. 1. С. 506.
- 86 *Середонин С.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. — СПб., 1902. С. 392–393.
- 87 *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов — СПб., 1910. С. 233.
- 88 ВД. Т. 2. С. 312.
- 89 Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневники А.И. Тургенева (1802–1804 гг.) — СПб., 1911, С. 348.
- 90 *Семенников В.К.* Литературная и книгопечатная деятельность в провинции конца XVIII — начала XIX. // Русский библиофил. 1911. № 8. С. 30.
- 91 Письма *Г.С. Батенькова*, *И.И. Пущина* и *Э.Г. Толя*. — М., 1936. С. 54.
- 92 ВД. Т.9. — М., 1950. С. 49.
- 93 *Нечкина М.В.* Вольтер // Вольтер и русское общество. — М., 1948. С. 86.
- 94 *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. — СПб., 1882. С. 75.
- 95 *Нечкина М.В.* Общество соединенных славян. — М.— Л., 1927. С. 29.
- 96 *Поджио А.В.* Записки декабриста. — М. — Л., 1930. С. 59.
- 97 Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. — М., 1956. С. 116.
- 98 *А.С. Ганеблов.* Воспоминания // Русский Архив. 1886. № 6. С.193.
- 99 *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки // Мемуары декабристов. — М., 1988.
- 100 *Бестужев А.А.* Собр. соч. в 2-х томах. Т. 2. — М., 1958. С. 585.
- 101 *Кюхельбекер В.К.* Дневник. Примечания. — М., 1929. С. 353.
- 102 *Никитенко А.В.* Моя повесть о себе самом. Т. 1. — М., 1904.
- 103 *Штейнфельд В.И.* Письма на имя Николая I // Мемуары декабристов. Северное общество. — М., 1981. С. 246.
- 104 ВД. Т.14. С. 176.
- 105 ВД. Т. 13. С. 135.
- 106 *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов. — М., 1958. С. 152.
- 107 *Космолинская Г.А.* Русские читатели Гаэтано Филанджери (конец XVIII—начало XIX вв.)// Век Просвещения. Т.1. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. — М., С. 294–325.
- 108 Указ. соч. С. 316.
- 109 ВД. Т. 14. С. 259.
- 110 *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. — Иркутск, 1982. Т. 2. | С. 184.

- 111 Сборник Русского Императорского общества. Т. 78. С. 34.
- 112 *Басаргин Н.В.* Записки // Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. — Иркутск, 1988. С. 54.
- 113 Автор выражает глубокую благодарность И.В. Ружицкой за предоставленные ею сведения о библиотеке П.Д. Киселева и ссылках на фонд П.Д. Киселева в ИРЛИ.
- 114 ИРЛИ. Ф. 143. П.Д. Киселева. Д. 29.6.92. Л. 2. Об.
- 115 *Розен А.Е.* Записки декабристов // Мемуары декабристов. — М., 1988. С. 117.
- 116 ВД. Т. 3.
- 117 ВД. Т. 1. С. 156.
- 118 ВД. Т. 10. С. 109.
- 119 ВД. Т. 1. С. 226.
- 120 ВД. Т. 2. С. 124.
- 121 ВД. Т. 2. С. 8.
- 122 ВД. Т. 3. С. 192.
- 123 ВД. Т. 11. С. 343.
- 124 ВД. Т. 1. С. 430.
- 125 ВД. Т. 2. С. 208.
- 126 ВД. Т. 2. С. 106.
- 127 ВД. Т. 2. С. 36.
- 128 ВД. Т. 10. С. 190–191.
- 129 ВД. Т. 3. С. 65–66.
- 130 ВД. Т. 4. С. 24.
- 131 ВД. Т. 4. С. 90.
- 132 ВД. Т. 5. С. 22.
- 133 ВД. Т. 9. С. 49.
- 134 ВД. Т. 1. С. 295.
- 135 ВД. Т. V. С. 85.
- 136 ВД. Т. III. С. 180.
- 137 ВД. Т. II. С. 242.
- 138 ВД. Т. XIV. С. 177.
- 139 *Орлов М.Ф.* Указ. произв., С. 85.
- 140 *Ланда С.С.* О духе революционных преобразований — М., 1976. С. 145–146, 194–195.
- 141 ВД. Т. 1. С. 156.
- 142 ВД. Т. 11. С. 37.
- 143 ВД. Т. 3. С. 222.
- 144 ВД. Т. 9. С. 77.
- 145 *Тургенев Н.И.* Россия и русские. — М., 1915. С. 50.
- 146 *Орлов М.Ф.* Указ. соч. С. 248.
- 147 *Волконский С.Г.* Записки. — СПб., 1904, С. 339.
- 148 Из записок *Н.И. Греча* // РВ. 1868. № 6. С. 406.
- 149 *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев. — М., 1933. С. 74.
- 150 ВД. Т. 4. С. 103.
- 151 Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Т. 3, С. 168.
- 152 ВД. Т. XII, С. 1310.

часть

II

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА:
МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

- 153 *Рылеев К.Ф.* Сочинения и переписка. — СПб., 1872. С. 226.
- 154 *Муравьев-Апостол М.И.* Воспоминания и письма. — Пг., 1922. С. 14.
- 155 *Бестужев А.А.* Сочинения в 2-х томах. Т. 2. — М., 1958, С. 585.
- 156 *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. — М., 1963. С. 28.
- 157 ВД. Т. 14. С. 177.
- 158 *Вершин Н.В.* Записки // РС. 1893. Т.77. №1—2. С. 446.
- 159 *Волконский С.Г.* Указ. соч. С. 339.
- 160 *Фридман Н.З.* Поэзия К.Н.Батюшкова. С. 71.
- 161 Литературное наследство. Т. 59. — М., 1964. С. 432.
- 162 *Бестужев А.А.* Указ. произв. Т. 1. С. 589.
- 163 *Муравьев-Апостол М.И.* Воспоминания и письма. С. 14.
- 164 *Минкин М.А. П.А. Габбе* в общественном и литературном движении 20-х гг. XIX в. // Освободительное движение в России. Вып. 6. — Саратов, 1973. С. 4.
- 165 Там же.
- 166 *Волконский С.Г.* Записки. С. 339.
- 167 *Гинзбург Л.Я.* Эвфемизмы высокого // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 201.
- 168 *Норов В.С.* Письмо сестре Екатерине Поливановой от 5 декабря 1830 // РА. 1900. Кн. 1. Ч. 2. С. 287.
- 169 *Хохлов Р.Х.* Книжные фонды личного происхождения как исторический источник (по материалам собрания Дмитровского краеведческого музея) // Проблемы отечественной истории. Ч.1. Сборник статей аспирантов и соискателей Института истории СССР. — М., 1973. С.309-310; Книги, присланные В.С. Норову родными во время его заключения, хранились потом в родительском имении Надеждино Дмитровского уезда Московской губернии.
- 170 Указ. соч. С. 310.
- 171 *Норов В.С.* Указ. соч. С. 288.
- 172 *Гершензон М.О.* Декабрист Кривцов и его братья. — М., 1915. С. 226.
- 173 ОР РНБ. Ф. № 69. Д. 12. Л. 229. Письмо А.А. Бестужева-Марлинского матери от 10 декабря 1828 г.
- 174 *Семевский М.И. А.А. Бестужев на Кавказе. 1829-1837: Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям* // Русский Вестник. 1870. № 6. С. 488.
- 175 Там же. № 4. С. 462.
- 176 *А.А. Корнилов.* Молодые годы Михаила Бакунина. — М., 1914. С. 107.
- 177 *Н.П. Павлов-Сильванский.* Материалисты двадцатых годов. Очерки по русской истории XVIII—XIX вв. — СПб., 1910. С. 239.
- 178 Указ. соч. С. 250.
- 179 Указ. соч. С. 252.
- 180 *Русские Пропилеи.* — М., 1916. Т. 11. С. 51.

- 181 ОР ГРМ. Ф. 4 Ф.П. Толстого Д. 3.
Лл. 9. Об-17.
- 182 Лотман Ю.М. Архаисты-просветители // Тыняновский Сборник. Вторые Тыняновские чтения. — Рига, 1986. С. 206.
- 183 ОР РГБ. Ф. 218. Д. 121. Л. 48.
- 184 Там же.

глава 6

Образ жизни
русского
офицера
в художественной
литературе

Русского офицера конца XVIII — первой половины XIX вв. без преувеличения можно назвать одним из наиболее популярных и привлекательных персонажей художественной литературы. Он, несомненно, «герой романа». К образу офицера, его повседневной жизни в мирное и военное время обращались Ф.Н. Глинка в «Письмах русского офицера», С.Н. Глинка и И.И. Загоскин в «Записках о войне 1812 г.», А.С. Пушкин в целом ряде своих произведений («Дубровский», «Метель», «Выстрел»); А.А. Бестужев-Марлинский, его брат Николай; М.Ю. Лермонтов («Княгиня Лиговская», «Измаил-бей», очерк «Два кавказца» и, особенно, «Герой нашего времени»; а также стихотворения и поэмы); М.Н. Загоскин («Русские в 1812 г.», «Рославлев»); Л. Н. Толстой и другие авторы.

Типы, представленные в художественной литературе, достаточно разнообразны. Среди офицеров на страницах произведений можно увидеть и гвардейских офицеров, и служивших в армейских полках, размещенных в провинции, и воюющих на Кавказе. Одним из излюбленных типов в художественной литературе был образ гусарского офицера. «Гусара» можно встретить в произведениях А.С. Пушкина («Выстрел», «Метель», «Станционный смотритель»), Л.Н. Толстого («Два гусара»), а также в многочисленных водевилях. Сюжеты нередко оказывались заимствованными из реальной военной жизни. Среди писателей первой половины XIX в., создавших образы русских офицеров, можно встретить авторов, находившихся на действительной военной службе или носивших военный мундир.

Темы, проходящие в этих произведениях, достаточно реалистичны и жизненны: читатель может найти в них и описание военных действий, и кочевую походную жизнь, службу и быт в столичных полках, рутину в провинциальных гарнизонах, а также занятия офицеров, причем не только такие интеллектуальные, как чтение книг, но и игру в карты, участие в дуэлях и кутежах, посещение балов, театров.

В первой четверти XIX в. такой популярности военных, без сомнения, способствовало победоносное участие русской армии в войне 1812 г., после окончания которой ее участники чувствовали себя настоящими триумфаторами. Так, в 1815–1816 гг. вторым изданием вышли в свет «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки, подготовившие появление целого ряда описаний путешествий и писем. Среди них «Походные записки русского офицера» И.И. Лажечникова, «Записки» Д.Д. Давыдова, «Записки кавалерист девицы» Н.А. Дуровой, написанные позднее, но также тематически связанные с произведением Ф.Н. Глинки.

 ВОЙНА 1812 г.

 И ОБРАЗ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Автор «Писем русского офицера» Ф.Н. Глинка родился в Смоленской губернии в 1786 г., в семи верстах от города Духовщина, в селе Сутоки, в семье отставного капитана Николая Ильича Глинки. Воспитание получил в I-м Кадетском корпусе, который закончил в 1803 г., после чего был направлен в чине прапорщика в Апшеронский пехотный полк. С 1805 г. он стал адъютантом М.А. Милорадовича, участвовал в наполеоновских войнах 1805–1807 гг. Ф.Н. Глинка — непосредственный участник битвы под Аустерлицем, где сражается в штыковом бою. В сентябре 1806 г. он выходит по болезни в отставку и поселяется в родном имении, следит за ведением хозяйства и приводит в порядок свои записи военного времени.

Работу над «Письмами русского офицера» Ф. Глинка начал во время похода русской армии в Польшу и Австрию в 1805–1806 гг. Сам автор так описывает условия, в которых создавал свои письма: «Служа в полку адъютантом, я старался воспользоваться некоторыми свободными минутами, которые мог похищать от моей должности, и в сии-то минуты, часто на голом поле или в черных мазурских избах, писал к тебе, любезный друг.<...> Что касается до слога, то я не старался, а может быть, и не мог сделать его витиеватым и кудреватым; я желал одного, чтобы все повествования мои отличались простотою и истиною». Первые отрывки из «Писем русского офицера» появляются в журнале «Русский вестник» в 1808 году.

В том же году книга вышла в двух частях под заглавием «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях и Венгрии; с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг.». Приблизительно треть книги занимают военные записки: о движении войск через государственную границу, об отступлении русских от Браунау до Кремса; особенно подробно описаны сражения при Амштетене и Кремсе, участником которых был автор, есть сведения о Шенграбенском и об Аустерлицком сражениях.

Иногда Глинка описывает какие-то определенные эпизоды сражений: о сожжении моста через Дунай или о том, как он чуть не погиб во время Амштетенского сражения и только случайность спасла его от упавшего рядом ядра. При этом Глинка старается избежать лишней патетики в изображении происходящего, а довольно буднично рассказывает о нем: «С сего времени до самого Кремса бригада наша оставалась в арьергарде. Тут-то наиболее претерпели мы беспокойства. Всякой

часть

II ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА: МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

день в перестрелке с неприятелем и часто дни по два и более без хлеба, питаюсь одними картофелями. Наконец 28 октября пришли в Кремс; того же вечера сожгли большой мост на Дунае, и теперь думаем быть спокойны». ¹ Так же обыденно описывает он походный быт. «От Браунау до Кремса, около четырехсот верст, шли мы день и ночь и во все время становились лагерем всегда на голом поле, без палаток и всякого прикрытия, кроме самых худых шалашей из соломы или тростнику, а от сильного холоду согревались у огня, который каждый у своего шалашу раскладывал<...>». ²

Выпустив первую часть «Писем русского офицера» в 1808 г., Глинка продолжал работать над книгой. В течение 1807–1811 гг. он совершил поездки по Смоленской, Тверской, Московской, Киевской губерниям, давшие ему новый материал. Этот материал впоследствии вошел во вторую и третью части книги — в ее втором издании.

С началом Отечественной войны 1812 г. Федор Глинка вновь надел мундир и вступил в ряды русской армии. Уже в июле 1812 г. он находился в рядах тех, кто защищал от французов Смоленск, в составе дивизий генералов Неверовского и Раевского. С документальной точностью и трагизмом он описывает сдачу древнего города.

Ф.Н. Глинка прошел всю войну, то отступая, то наступая с русской армией. После Бородинского сражения дошел до Тарутина, был непосредственным участником всех главных сражений: под Вязьмой, под Красным, под Малоярославцем. Освобождал родной Смоленск, принимал участие в заграничном походе 1813–1814 гг. За ратные подвиги Ф.Н. Глинка был награжден орденом Владимира IV степени, орденом Анны II степени, золотой шпагой с надписью «За храбрость».

Ф.Н. Глинка проявил себя не только доблестным воином, но и талантливым писателем. При первой возможности, в перерывах между боями, в походах, на привале он вел дневник, в который заносил свои мысли и рассуждения о происходящих событиях. Как впоследствии он сам признавался «...не в уединении спокойном, но под небом, освещенным огнями обширных пожаров, посреди шума сражений, наконец, во время длительного томления Отечества, сочинитель писал письма свои о войне Отечественной». ³

Все письма, относящиеся к Отечественной войне 1812 г., первоначально печатались в 1812 — 1813 гг. в журналах «Русский вестник» и «Сын Отечества». Журнал «Русский вестник», сравнивая «Письма...» Ф.Н. Глинки с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина, отметил, что если «Письма русского путешественника» «были песней соловья», то «Письма русского офицера» — «звук оружия». ⁴

«Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки вышли вторым изданием в 1815–1816 гг., куда Глинка включил свои записи о Бородинском сражении и о заграничных походах. «Письма...» имели огромный успех и сделали имя автора широко известным. Современник Ф.Н. Глинки и исследователь его литературной деятельности Н.В. Путья вспоминал: «Письма эти по появлению своем имели блистательный успех, они с жадностью читались во всех слоях общества, во всех концах России. Красноречивое повествование о свежих еще, сильно волновавших событиях, живые яркие картины, смело нарисованные в минуту впечатлений, восторженная любовь ко всему родному, отечественному и к военной славе, все в них пленило современников. Я помню, с каким восторгом наше, тогда молодое, поколение повторяло начальные строки письма от 29 августа 1812 г.: «Застонала земля и пробудила спавших в ней воинов. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Так началось беспримерное сражение Бородинское».⁵

Небывалая популярность «Писем...» была вызвана прежде всего проблематикой жанра. Глинке удалось в полной мере показать национальный подъем, общегражданский пафос, вызванный войной 1812 г. Между тем Глинка постоянно сопоставляет европейские и русские проблемы, что, в свою очередь, значительно расширяет проблематику жанра. «Письма русского офицера» не могут быть отнесены строго к жанру путевых записок. В тексте «Писем...» содержатся и повесть, и анекдот, и разные виды лирических описаний. Помимо сентиментальной и бытовой разновидностей русской прозы автор использует традиции обиходной и деловой прозы. Тема путешествия в «Письмах...» сменяется воинскими записками. Вообще, тема войны в четвертой части «Писем...» Ф. Глинки является преобладающей. Автор все время изменяет ракурс изображения войны: повествование ведется то от непосредственного участника событий, то со слов очевидца, то возникает очерк, обобщающий размышления автора о воинском искусстве.

Главный герой «Писем...» — русский офицер, доблестно проявивший себя на поле брани. Из-под пера Глинки выходит ряд портретов — и военачальников, и известных офицеров, и рядовых воинов. В отличие от предыдущих частей «Писем...», где упоминавшиеся люди скрывались за инициалами или имели обобщенный характер, Глинка называет подлинные имена и сообщает подлинные факты из жизни людей, с которыми его на войне сводит судьба. Так, Глинка восхищается героем 1812 г. — командиром бригады 3-й пехотной дивизии генерал-майором Александром Алексеевичем Тучковым 4-м, погибшим во время отражения одной из неприятельских атак на Багратионовы флеши, когда со знаменем Ревельского пехотного полка в руках он вел бригаду в контратаку.

Тучкову 4-му посвящены полные искреннего восхищения строки Ф.Н. Глинки: «Видали ль вы в портрете генерала молодого, со станом Аполлона, с чертами лица чрезвычайно привлекательными? В этих чертах есть ум, но вы не хотите любоваться одним умом, когда при этом есть что-то высшее, что-то гораздо более очаровательное, чем ум. В этих чертах, особливо на устах и в глазах, есть душа! По этим чертам можно догадаться, что человек, которому они

А.А. Тучков

И.А. Кляквин
с оригинала Д. Доу.
1840-е гг.

принадлежат, имеет сердце (теперь уже имел), имеет воображение, умеет и в военном мундире мечтать и задумываться!... Но в живом раз-

говоре о судьбе человечества в нем закипала особая жизнь. И в пылу загудевшего боя он покидал свою европейскую образованность, свои тихие думы и шел наряду с колоннами, и был, с ружьем в руках, в полетах русского генерала, чистым русским солдатом! Это генерал Тучков 4-й. Он погиб близ 2-го реданда. Под деревнею Семеновскою, у ручья, под огнем ужасных батарей, Тучков закричал своему полку: «Ребята, вперед!» — солдаты, которым стегало в лицо свинцовым огнем, задумались. «Вы стоите? Я один пойду!» — схватил знамя — и кинулся вперед. Картечь расшибла ему грудь. Тело его не досталось в добычу неприятелю. Множество ядер и бомб каким-то шипящим облаком обрушилось на то место, где лежал убиенный, взрыло, взбуравило землю и взброшенными глыбами погребло тело генерала». ⁶

Подвиг Александра Тучкова 4-го послужил прообразом подвига князя Андрея Болконского в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир». Образ Тучкова 4-го присутствует и в стихотворении Марины Цветаевой «Генералам 1812 г.». Рассказывает Глинка и о своих братьях: Григории, поручике Либавского пехотного полка, который храбро сражался, был ранен, заслужил любовь и уважение солдат; Сергея, который в патриотическом порыве уничтожил свою французскую библиотеку. Много раз упоминался непосредственный начальник Глинки генерал Милорадович. Глинка

П.И. Багратион

С. Карделли
с оригинала Н.И. Тончи
1812–1813 гг.

неоднократно упоминал и своих товарищей по кадетскому корпусу как близких по духу людей, сохранивших идеалы юности. «Многие из товарищей наших уже полковниками и в крестах; но обхождение их со мною точно то же, какое было за 10 перед сим лет, несмотря на то, что я только бедный поручик».⁷

Глинка приводил множество примеров мужества, героизма, человеколюбия, проявляемых русскими воинами. Он называет имена генералов Н.Н. Раевского, П.П. Коновницына, П.И. Багратиона, М.С. Воронцова. С нескрываемым восхищением Ф.Н. Глинка отмечал, что и высшие офицеры неустрашимо бросаются в самое пекло и терпят наряду с простым солдатом все тяготы военного быта, стойко перенося жажду, голод и холод. Так, со словами восхищения он обращается к лич-

часть **II** ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА:
МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

ности графа П.А. Строганова. «Нередко хожу я и с гренADERами, которых ведет граф Строганов. Смотри на сего вождя, не подумал ли какой-либо себялюбвец: имея неисчислимые способы к жизни, имея чины, заслуги, почести и дома у себя рай, зачем ему бросаться в бури, которыми дышит сам ад в наши дни; зачем наряду с простым солдатом, терпя потому труд и голод, стремиться к опасности, на раны и смерть? О, чувство благородное, чувство священное! Обладай вечно сердцами России!»⁸ В Бородинском

и смерть? О, чувство благородное, чувство священное! Обладай вечно сердцами России!»⁸ В Бородинском

П.А. Строганов

С.П. Шифляр
с оригинала Л. Монье
1820-е гг.

сражении погиб единственный сын П.А. Строганова.

С искренним уважением Глинка относится и к Барклаю-де-Толли

и неоднократно упоминает в своих письмах: «Всего удивительнее для меня необычайная твердость ведущего армии наши. Смотри на него, я воображаю Катона и прекрасное место из Лукиановой поэмы, где автор представляет этого великого мужа под пламенным небом Африки, среди раскаленных песков Ливии, преодолевающего зной, жажду и великую скорбь душевную. Тут же и прекрасный Горациев стих сам собой приходит на ум: «И на развалинах попранные Вселенной, Катон, под бурями, неколебим, стоит!...»⁹ Глинка сравнивал М.Б. Барклая де Толли и с Колумбом за то, что он провел от Немана до Вязьмы наши войска с таким искусством и осторожностью, что не позволил непри-

ятелю отрезать ни одного русского отряда, не потеряв «почти ни одного орудия, ни одного обоза».¹⁰

Глинка приводит в пример и ротмистра Клочкова, что оставил «прекрасную жену и пятерых детей, приехал служить и определился к почтенному ге-

нералу Лихачеву», который, «от тяжелой боли едва передвигая ноги и почти не владея руками, ездит на дрожках при своей дивизии и бывает в сражениях».¹¹

М.Б. Барклай де Толли
К. Зенф.
1816 г.

Так же образно Глинка описывал и военный быт в письме от 21 августа: «Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится.

Мы живем под тучами дыма и в области огней. Смерть все ходит около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут целыми обществами переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! Удивительно, как привыкли здесь к смерти, в каких бы видах ни являлась: свистит ли в пулях, сеется ль в граде картечи, или шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб — ее никто не пугается. Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель. Так умирают сии благородные защитники отечества! Сии достойные офицеры русские. Солдаты видят их всегда впереди. Опасность окружает всех и редко кого минует!».¹²

часть

II ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА: МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

Сам Глинка после участия в сражении под Смоленском, после Бородинской битвы и оставления Москвы прибыл в Тарутино в «синей куртке, сделанной из бывшего синего фрака, у которого от кочевой жизни при полевых огнях полы обгорели», без «свидетельств и аттестатов», которые «остались в руках неприятеля». ¹³ В таком виде он пошел представляться к генералу от инфантерии Милорадовичу, который узнал своего бывшего адъютанта и пригласил в службу

Д.Д. Шепелев

Г. Доу.
1928 г.

тем же чином, которым Глинка служил перед отставкой. ¹⁴ На следующий день Глинка был приглашен на обед, который давал генерал Дмитрий Дмитриевич Шепелев. Автор «Писем...» был в восторге от «великолепного и вкусного» обеда. «Казалось, что какая-нибудь волшебница лила и сыпала из неистощимого рога изобилия лучшие вина, кушанья и самые редкие плоды. Хозяин был очень ласков со всеми и прекраснейший стол украшал еще более искусством угощать. Гвардейская музыка гремела». И далее Глинка завершает свои впечатления такими словами: «Итак, твой друг, в корень разоренный смоленский помещик, бедный поручик в синей куртке, с пустыми карманами, имел честь обедать вместе с тридцатью лучшими из русских генералов». ¹⁵

Неизменной любовью и уважением у Глинки пользовался М.И. Голенищев-Кутузов — не только своим полководческим талантом, но и отношением к солдату и офицеру. Так, при преследовании французов «он позволил

офицерам тепло одеваться в морозы, веселиться, где можно, — и очаровал от души! Недавно докладывали ему: не прикажет ли запретить офицерам забираться в трактир, находившийся против самых его окон, где они привыкли играть, шутить и веселиться? «Оставьте их в покое, — отвечал светлейший князь, — пусть забавляются, мне приятно слышать, как они веселятся! Люди, освободившие Отечество, заслуживают уважение. Я не люблю, чтоб главная квартира моя походила на монастырь. Веселость в войске доказывает готовность его идти вперед»!¹⁶

Последние части «Писем русского офицера» посвящены заграничным походам русской армии. Из них читатель получал сведения о Польше, Силезии, Саксонии, Веймарском герцогстве, о быте и нравах различных слоев общества, о местных достопримечательностях. Особенно подробно Глинка останавливается на описании Парижа. Пристальное внимание он сосредотачивает на поведении русских войск в Европе, отношении к ним местных жителей. Окончание войны застало Глинку в прибалтийских губерниях. События, посвященные этому периоду, нашли отражение в «Дневных записках русского офицера», напечатанных в 1815 г. в журнале «Сын Отечества». «Дневные записки» сходны по стилю и жанру с «Письмами русского офицера» и с многочисленными записками других авторов, посвященных этой теме. Здесь Глинка скрупулезно рассказывает о пребывании войск в Вильно, о торжествах по случаю окончания войны, обо всем примечательном, что он здесь увидел.

К «Письмам русского офицера» тесно примыкают «Письма к другу», вышедшие в свет в трех частях в течение 1816–1817 гг. Они открываются рассуждением автора «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 г.».¹⁷ Будущий историограф, по мнению Ф.Н. Глинки, должен быть «прежде всего воин, историк и русский» Слог будущего военного историка «должен быть чист, ясен и понятен», он должен «напоить перо и сердце свое умом и духом драгоценнейших остатков древних рукописей наших». Многие современники такого историка видели в самом Глинке. Так, генерал А.А. Писарев в 1817 г. высказывал надежду иметь в лице Ф.Н. Глинки отечественного повествователя, который передаст «со всею точностью военной науки и с пламенеющим даром красноречия сбывшееся в войне Отечественной».¹⁸ Близкий друг и биограф Ф.Н. Глинки А.К. Жизневский писал: «Великие события, коих Федору Николаевичу привелось быть очевидцем, и особенность его таланта сделали его народным писателем и истолкователем народных чувств».¹⁹ Многие идеи «Писем к другу», особенно статья «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 год», предвосхитили написание «Очерков Бородинского сражения».

Кроме прозаических произведений, Глинка написал целый ряд стихотворений, посвященных событиям войны 1812 г., где прославил подвиги ее героев. Это — «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» (между 1812–1816 гг.), «Военная песнь» (Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии. Июль 1812 г.), две «Авангардные песни», посвященные М.А. Милорадовичу (1812 — 1816 г и 1813 г.), «Партизан Сеславин»(1827г.), «Партизан Давыдов»(1827), «Смерть Фигнера»(1826 г.), «Место славы. (Бородино)»(1826 — 1827гг.), «Гусарская песня»(1823г.), «1812-й г.»(Отрывок из рассказа)(1839 г.), «Стихи генералу Раевскому».

Старший брат Ф.Н. Глинки — Сергей Николаевич Глинка, известный писатель, издатель журнала «Русский вестник», автор трудов по русской истории, цензор, в «Записках о войне 1812 год» отводит многие страницы описанию героического поведения русских офицеров на полях сражений. С началом войны находившийся в отставке С.Н. Глинка одним из первых «записался в Москве в ратники» и был огорчен приказом остаться в Москве.²⁰ В «Записках» автор выражает собственные чувства по поводу сдачи Смоленска, Бородинского сражения, изображает состояние московского общества накануне сдачи Москвы. Отдельные очерки Глинка посвящает личностям М.И. Кутузова и Барклая-де-Толли.

Эмоционально описывает он встречу с раненым в Бородинском сражении полковником Ф.Ф. Манахтиным, своим товарищем по Сухопутному кадетскому корпусу в Петербурге.²¹ Рана Манахтина была смертельна, «но мужественный его дух преодолевал боль». «Наши дрались, как львы, — сказал он. — Это был ад, а не сражение. Я повел Петровский полк на возвышение Бородинское и сказал: «Ребята! Представьте себе, что это место — Россия, и отстаивайте его грудью богатырскою! Картечь поразила меня в живот. Знаю удалца! Он ворвется в Москву». Изнемогающий от смертельной раны Манахтин не мог не думать о Бородинском сражении, «огнем блистали его глаза, когда говорил он о юном адъютанте своем Корсакове». «Он будет отличным офицером», — выражал уверенность Манахтин.

Умирающего Манахтина С.Н. Глинка привез в дом князя Бориса Владимировича Голицына, который также «от бородинской контузии томился на смертном одре». «Вскоре они оба перешли за предел жизни». Благодарные сослуживцы с уважением вспоминали о Манахтине: «Он заводил неприятеля, выводил нас и, как будто бы силою волшебною, клал нам в руки продовольствие». Полковника Ф.Ф. Манахтина, по словам автора «Записок...», в силу его природного ума приглашали на «первостепенные совещания». Так, он «спасал и спас отрезанный в Литве корпус Дохтурова, в котором управлял штабом». Посмертно Манахтин был награжден

Георгиевским крестом и генеральским чином, а «неутешная мать воздвигла ему памятник с надписью: «Единственному моему сыну».²²

Проникновенные строки С.Н. Глинка посвятил еще одному другу своей юности — уже упоминавшемуся генерал-майору Александру Алексеевичу Тучкову 4-му. Эти воспоминания прямо перекликаются со строками его брата, Ф.Н. Глинка, посвященными Тучкову-4-му: «Со станом Аполлона Бельведерского соединял он душу ясную, возвышенную; сердце, дышащее тою чувствительностью, которая влечет и зовет к себе душу; ум, обогащенный всеми плодами европейского просвещения. Уста его цепенели, когда доводилось делать выговор, но громко и важно отражал он несправедливые притязательства».²³ Тучков «никогда не упоминал о своих военных подвигах», хотя в 1806 г. «в издаваемых тогда «Французских ведомостях» при главной квартире генерала Беннигсена говорилось, что «в сражении Голомин-

А.Н. Сеславин

И.В. Ческий
с оригинала
А.А. Витберга
1920-е гг.

ском князь Щербатов и полковник Тучков под градом пуль и картечи действовали как будто бы на ученье». «Ни бивачная жизнь, ни походы, ни битвы кровопролитные не пресекали его переписки со мною»²⁴, — вспоминал С.Н. Глинка.

В последний раз Глинка виделся со своим другом в 1809 г., когда тот направлялся в армию, а Глинка в Смоленск. Они вместе завтракали. Старшие братья Тучкова присылали за ним несколько раз для подписи купчей. В третий раз Тучков ответил посланному, чтобы тот передал его братьям, что купчую он подписать успеет, а с Сергеем Николаевичем, может быть, видится в последний раз. Как оказалось, Тучков предрек свой жребий: «он исчез в бурях 1812 г.». Яркими красками С.Н. Глинка описал подвиг своего друга: «На батарее у деревни Семеновской, где струится речка Огник и где гремел ад жерл наполеоновых, занимал он люнет. Ударил миг двинуться

часть

II ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА:
МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

вперед; Тучков закричал полку своему: «Ребята, вперед!» — полк дрогнул. «Вы дрогнули! — вскричал он, — Я один пойду». Схватил знамя, полетел, и в нескольких шагах от люнета роковая картечь поразила его в грудь». ²⁵

Одним из ярких сочинений, посвященных войне 1812 г., являются «Военные записки» Д. В. Давыдова, написанные, по словам А.С. Пушкина, «неподражаемым слогом». «Записки»

Д.В. Давыдова поднимают огромный пласт жизни русского общества, русской армии и дают серию блестящих очерков, в которых раскрывается характер войны 1812 г..

Подвиги русских офицеров в войне 1812 г. нашли отражение в поэзии В. А. Жуковского.

А.П. Тормасов

Гравюра неизвестного автора с оригинала К. Рейхеля(?)

1822 г.

В.А. Жуковский — знаменитый русский поэт, один из создателей русского романтизма, во время Отечественной войны вступил в ополчение, участво-

вал в Бородинском сражении. В Тарутинском лагере он написал поэму «Певец во стане русских воинов», ставшую патриотическим гимном, впервые опубликованную в декабре 1812 г. и принесшую широкую известность ее автору. В «Певце...» В.А. Жуковский воспел практически всех прославившихся военачальников и офицеров. Среди героев поэмы М.И. Голенищев-Кутузов, А.П. Тормасов, Л.А. Беннигсен, К.Ф. Багговут, П.А. Строганов, М.А. Милорадович, П.П. Коновницын, П.И. Багратион, Н.Н. Раевский, М.С. Воронцов, П.П. Пален, А.И. Чернышов, Я.П. Кульнев, П.С. Кайсаров, Д.В. Давыдов, А.Н. Сеславин, Фигнер. Популярность этого произведения была огромна. «Часто в обществе читаем и разбираем

«Певца во стане», новейшее произведение г. Жуковского, — говорит в «Походных записках русского офицера» И.И. Лажечников. — Почти все наши выучили сию пиесу наизусть... Какая поэзия! Какой неизъяснимый дар увлекать за собой души воинов!»²⁶ К образам русских офицеров-героев войны 1812 г. обращается В.А. Жуковский и в стихотворении «Бородинская годовщина», написанном в 1839 г.

Заграничные походы дали множество произведений, посвященных «описаниям чужих земель». Авторы их — молодые русские офицеры, почерпнувшие на войне свой первый жизненный опыт, впервые оказавшиеся за пределами Отечества и с интересом наблюдавшие новую для них жизнь, старались как можно подробнее описать увиденное. Так, в «Русском вестнике» несколько раз печатались материалы подполковника А.Г. Краснокутского, служившего при атамане М.И. Платове. Автор рассказывает о пребывании донского казака Александра Земленухина в Лондоне, куда он был отправлен с известием о взятии русскими войсками Гамбурга, и собственные впечатления о пребывании в Западной Европе. Краснокутский дает очень подробное описание водного курорта Ландека в 1813 г. («Ландек в Силезии»), где в это время лечились многие раненые офицеры союзных армий.²⁷

Идеальные черты русского офицера придает своему герою Вадиму Глинскому известный писатель-декабрист Николай Александрович Бестужев²⁸ в своей повести «Русский в Париже 1814 г.», написанной уже после восстановления²⁹. Герой Бестужева — молод (ему 20 лет, как и реально существовавшему Александру Чичерину), бесстрашен, благороден, великодушен. Благодаря этим качествам он завоевывает сердце прекрасной француженки. Эти черты вынуждены увидеть и признать в нем и вечерашние противники. С другой стороны, образ Глинского был собирателем и типичен для дворянской молодежи — участников Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Любопытно, что примерно в эти же годы немецкая писательница-романтик Беттина фон Арним пишет роман, героем которого также становится русский офицер — участник наполеоновских войн. Ее герой более реалистичен, что делает его образ более земным и в силу этого более притягательным.

ОБРАЗ ОФИЦЕРА

В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

В 20-х гг. с развитием жанра романтизма многие офицеры пробуют себя в художественной литературе. Братья А.А. и Н.А. Бестужевы среди них становятся одними из самых известных писателей. Причем

часть

II

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА:
МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

им вслед за Ф.Н. Глинкой представлялось важным указать на свою социальную и профессиональную принадлежность. Так, А.А. Бестужев³⁰ называет свой беллетризованный очерк: «Листок из дневника гвардейского офицера» (1821г., 28 мая) и дает первой из «ливонских» повестей «Замок Венден» (1821г.) подзаголовок «Отрывок из дневника гвардейского офицера» (1821 г., 23 мая). Еще в 1809 году поэт К.Н. Батюшков, находясь в военной службе, написал очерк «Картина Финляндии» с подзаголовком «Отрывок из писем русского офицера», где описание картин природы завершается упоминанием военного лагеря и рассуждением о войне. Позднее к такому подзаголовку прибегнет и М.Ю. Лермонтов, создавая «Героя нашего времени».

В своем очерке «Толбухинский маяк» (1821) Н.А. Бестужев описывает поездку «по должности» из Кронштадта к Толбухинскому маяку в парусной лодке и вынужденную (из-за бури на маяке) остановку там на ночь.³¹ В очерке все время присутствует образ автора, прибывшего на маяк «по должности», хотя эти сведения отнесены в примечания. Герои очерка — «шесть заслуженных моряков», живущих на островке и наблюдающих за маяком. Очерки Н.А. Бестужева в большинстве случаев связаны с жизненными впечатлениями и наблюдениями автора и посвящены либо морской службе, либо морским путешествиям. Помимо «Толбухинского маяка», это «Известие о разбившемся военном бриге «Фалке» в Финском заливе у Толбухина маяка, 1818 года, октября 1820 дня» (1818 г.), «Об удовольствиях на море. Письмо к***» (1823 г.), «Гибралтар» (1824 г.). Так, в очерке «Об удовольствиях на море» описывается служба морского офицера, но не непосредственное несение самой службы, а создание психологического типа личности моряка, которого характеризует прежде всего любовь к избранной стезе. Бестужев особо подчеркивает роль офицера на корабле: «Каждый корабль некоторым образом носит отпечаток вкуса и сведений того офицера, который его вооружает. Есть тонкости и в этом искусстве <...> и в сих-то тонкостях заключаются удовольствия моряков, полагающих славу свою, надежды и безопасность в искусстве, с которым приготавливают они корабли к походу».³² И далее он добавляет: «С таким расположением характера самые обязанности делаются для нас удовольствием, а это бывает очень редко».³³

Н.А. Бестужев придает своему герою черты, которые сам считает неотъемлемыми для офицера: это верность дружбе и товариществу. Офицеров на корабле связывает чувство корпоративности. В очерке Н.А. Бестужева много строк посвящено дружбе, соединяющей людей и особенно важной на море, так как именно она помогает перенести разлуку с родиной и сохранить верность близким, оставленным на земле.

Моряки, описанные Н. Бестужевым, на первый взгляд суровые и сдержанные люди. Это объясняется Н. Бестужевым спецификой морской службы: «Конечно, математическая, точная жизнь наша делает и характер наш будто холодным и равнодушным», но это «кажущееся равнодушие»⁵⁴. По мнению автора, к характерным особенностям моряков относятся их храбрость, презрение к смерти, обусловленные их жизнью и службой. Так, во время опасности на корабле все заняты общим делом, так как это залог общей безопасности.⁵⁵ В этом произведении Н.А. Бестужев впервые определил те черты поведения человека на войне, которые затем будут изображены в литературе Лермонтовым и Толстым, когда война показана как работа, а хороший офицер — прежде всего хороший работник.⁵⁶

Героям бестужевского очерка свойственны романтические черты: страсть к неизведанному, пренебрежение опасностями. Его герои — положительные герои в декабристском понимании: это люди, живущие для общего блага, во имя высоких общественных интересов, патриоты своего Отечества.

В незаконченной повести Н.А. Бестужева «Путешествие на катере (Отрывок из записок NN)», опубликованной в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» в январе 1825 г., уже гораздо больше реалистических примет быта и представлен целый ряд самых разнообразных характеров — как мужских, так и женских. Они показаны в будничной обстановке, при возвращении с петергофского праздника в Кронштадт. В центре повести стоит романтический характер внешне сдержанного и мужественного лейтенанта Брасова, история трагической любви которого к замужней женщине, жене своего начальника, не завершена.⁵⁷ В этой повести, как и в повести «Отчего я не женат» («Шлиссельбургская станция»)⁵⁸ присутствует автобиографический элемент: Н.А. Бестужев выразил свое чувство к Любови Ивановне Степовой.

Корифеем русской романтической прозы повести в 20-е — 30-е гг. становится младший брат Н.А. Бестужева А.А. Бестужев. Начавший свою творческую деятельность как поэт и выдающийся критик, Бестужев сосредоточил свой художественный интерес на прозаической повести. К какому бы виду повествования писатель ни обращался в 20-е гг., он придавал ему ярко романтический характер.⁵⁹

А.А. Бестужев в «Вечере на бивуаке» и «Втором вечере на бивуаке» (1823 г.) дал целую галерею образов, проявлявших разнообразные черты своего характера. Они предстают то бесшабашно-удальми, то сентиментально-мечтательными, то людьми сурово-романтического склада. Каждый из них характеризуется рассказанной им историей, своей речью и поведением среди товарищей. Их поведение представлено на фоне быта воен-

ного лагеря, изображенного специфическим языком с включениями военной терминологии. В этих повестях А.А. Бестужев сделал попытку воссоздать стиль и манеру общения в среде офицерской молодежи, к которой принадлежал и сам, несмотря на то, что он порой злоупотреблял в этих повестях ироничностью и игривостью стиля, пересыпал речь своих героев остротами и каламбурами. Некоторые исследователи творчества А.А. Бестужева полагают, что выбор им офицерской среды, приемы при создании характеров, воспроизведение определенной социальной среды послужили впоследствии примером для М.Ю. Лермонтова.

Повесть А.А. Бестужева «Роман в семи письмах» (1823 г.) является своего рода психологическим этюдом. В этой повести изображен внутренний мир молодого офицера S, который рассказывает о своих чувствах в письмах к другу.⁴⁰ Эта повесть целиком посвящена любовным переживаниям молодого человека, чувству, переродившемуся в настоящую страсть, мукам ревности, вызвавшим жестокие страдания. А.А. Бестужев показывает, как в душе человека происходит перелом: беспечный повеса превращается в человека, серьезно задумывающегося над смыслом жизни. Он решается на женитьбу, отставку и отказ от честолюбивых планов. Но вскоре его вновь настигают муки ревности, под влиянием которых он превращается в маньяка и злодея.⁴¹

S вызывает соперника на дуэль, хотя казалось, что накануне поединка, он был готов принести себя в жертву любимой женщине. В 6-м письме, написанном перед дуэлью, S предстает перед другом и читателем в просветленном образе. В нем пробуждаются благородные чувства. «Говорю, умру, потому что я решился ждать выстрела. Я его обидел». Далее он пишет своему другу: «Завещаю тебе одному священную вещь: свою любовь к Родине, живи для ней! Я сожалею лишь о том, что не для нее умру. К родным я написал — утешь их; оставляю своего Ивана — призри его».⁴²

Но развязка повести неожиданна: на дуэли S убивает соперника, и в конце повести он терзается муками совести: «Я убил его, убил этого благородного, великодушного человека! <...> Мы сблизились с двадцати шагов, я шел твердо, но без всякой мысли. Без всякого намерения: скрытые в глубине чувства совсем омрачили мой разум. На шести шагах, не знаю отчего, не знаю как, давнул я роковой шнеллер — и выстрел раздался в моем сердце!.. Я видел, как Эраст вздрогнул ... Когда пронесло дым — он уже лежал на снегу, и хлынувшая из раны кровь, шипя, в нем застыла». Героя Бестужева мучают кошмары: «...роковой выстрел звучит, смертное стенание раздирает слух мой; то опять шепчущая тишина, то вдруг похоронное пение, надо мною стук заступа, мне душно, я вдыхаю могильную пыль... гробовая доска давит грудь... червяк ползет по лицу...

вскакиваю, и капли холодного пота мне чудятся каплями крови...».⁴³

В этой повести А.А. Бестужев раскрыл образ главного героя, своего современника, в романтической манере, акцентируя внимание на его духовном мире, тем самым подводя читателя к мысли о сложности и непостижимости человеческой натуры. В отличие от героев своего брата у А.А. Бестужева нет однозначно положительных образов, его герои глубже и противоречивее, что, несмотря на применение автором многочисленных ярких эпитетов и романтических приемов, делает их образы глубже и реалистичнее.

К созданию образов русского офицера обращался и А.С. Пушкин в ряде своих произведений. В «Дубровском», «Метели», «Выстреле», «Станционном смотрителе», «Пиковой даме» главные герои носят или носили военный мундир. Обращение А.С. Пушкина к представителям военной среды было вызвано как непреходящим интересом в русском обществе к войне 1812 г., так и тем, что большинство знакомых и приятелей Пушкина были выходцами из этой среды, участниками походов русской армии.

В «Дубровском» и Кирила Петрович Троекуров, и Дубровский-старший служили в одном гвардейском полку и принимали участие в Турецких походах. Причем, если Андрей Гаврилович Дубровский «вышел в отставку из-за расстроенного состояния» гвардии поручиком, то Кирила Петрович дослужился до чина генерал-аншефа. И в определении суда, вынесшем постановление об имении, указываются чины, которые имели Дубровский и Троекуров до выхода в отставку. В конфликте Троекурова и Дубровского прослеживается не только разница в материальном благосостоянии, из-за которой Кирила Петрович Троекуров чувствует свое превосходство, но и элемент военной иерархии: он выше своего противника по званию. И если эта разница не мешала им во время дружбы, то во время ссоры оказалась определяющей.

Сын Андрея Гавриловича, Владимир, «выпущен был корнетом в гвардию»⁴⁴ и служит «в одном из гвардейских пехотных полков, находящемся в то время в Петербурге».⁴⁵ И его отец, насколько может, обеспечивает ему достойную жизнь в столице: «отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать».⁴⁶ Все это позволяло Владимиру вести в Петербурге светский образ жизни, более характерный для представителей аристократической молодежи: «Будучи расточителен и честолобив, он позволял себе роскошные прихоти; играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости».⁴⁷ Так Пушкин представляет Владимира Дубровского в компании офицеров, которые «сидели у него, развалившись по ди-

ванам и куря из его янтарей». ⁴⁸ Правда, получив из дома письмо от своей старой няньки, из которого узнает о болезни отца, он тут же принимает решение ехать к отцу «и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца это потребует». ⁴⁹ Владимир взял в полку отпуск «и через три дня был уже на большой дороге». ⁵⁰

Узнав по дороге о конфликте отца с Троекуровым, он приезжает в Кистеневку и застаёт отца умирающим. Потеря имения не только повлекла за собой смерть отца, но и грозила самому Владимиру нищетой: лишившись единственного «источника своего достояния», он не смог бы служить в гвардии, а перевод в армейский полк означал бы снижение социального статуса. И даже в этом случае прожить на одно лишь жалование армейского офицера было тяжело. С такими мыслями Владимир стоял перед портретом своей матери: «Итак, все кончено, — сказал он сам себе, — ещё утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты». ⁵¹ В последний раз Дубровский надел на себя военный мундир, явившись к Анне Савишне Глобовой под видом генерала, сослуживца ее покойного мужа. Разоблачив приказчика, присвоившего деньги, предназначенные для отсылки в Петербург ее сыну, гвардейскому офицеру, он заявил, что «Дубровский сам был гвардейским офицером, он не захочет обидеть товарища» ⁵², проявив в этом поступке не только благородство, но и принадлежность к определенной касте.

Военная проблематика, военный быт присутствуют и в «Повестях Белкина». В предисловии «От издателя» приводятся сведения об Иване Петровиче Белкине, из которых известно, что он отставной офицер: «восемь лет служил покойный в егерском пехотном полку с 1815 по 1823 г.», и «смерть родителей понудила его выйти в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину». ⁵³

Повесть «Выстрел», написанная Пушкиным последней, стоит во главе «Повестей Белкина». Повествование ведется от лица основного рассказчика — подполковника И.А.П. Кроме него, в повести присутствуют еще два рассказчика — Сильвио и граф Б. Все три рассказчика являются одновременно и действующими лицами. Главный сюжет повести — поединок, история дуэли Сильвио и графа. Эпиграфом к «повести» взята фраза, состоящая всего из двух слов «Стрелялись мы», далее следует пояснение, что это Е.А. Баратынский. Второй эпиграф взят из повести А.А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке»: «я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел)». Из рассказа подполковника И.А.П. узнаем об условиях жизни армейских офицеров в местечке***. Жизнь армейских офицеров скучна и однообразна:

«утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером пунш и карты. В *** не было ни одного открытого дома, ни одной невесты; мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего». ⁵⁴

В местное офицерское общество входил только один человек, «не будучи военным». ⁵⁵ Это окруженный таинственным ореолом отставной гусар Сильвио. От рассказчика читатель узнает о впечатлении, которое производил на молодых офицеров Сильвио: «Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сюртуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. Правда, обед его состоял из двух или трех блюд, изготовленных отставным солдатом, но шампанское лилось при том рекою. Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался его о том спрашивать.<...> Богатое собрание пистолетов было единственной роскошью бедной мазанки, где он жил». ⁵⁶

Сильвио — достаточно образованный человек и любитель чтения: «У него водились книги, большею частью военные, да романы. Он охотно давал их читать, никогда не требуя их назад; зато никто никогда не возвращал хозяину книги, им занятой». ⁵⁷ Сильвио — искусный стрелок: «Главное упражнение его состояло из стрельбы из пистолета. Стены его комнаты были все источены пулями, как соты пчелиные <...> Искусство, до коего достиг он, было неимоверно, и если б он вызвался пулей сбить грушу кого б то ни было, никто б в нашем полку не усумнился подставить ему своей головы». ⁵⁸ Но о дуэлях Сильвио рассказывает крайне сухо и неохотно, из чего офицеры сделали заключение, «что на совести его ждала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства». ⁵⁹

Однажды человек десять офицеров обедали у Сильвио. Пили, после обеда сели играть в карты, уговорив и Сильвио. Во время игры один из недавно переведенных в часть офицеров обсчитался. Сильвио его поправляет, возникает перепалка, офицер, в конце концов, в бешенстве схватив со стола со стола медный шандал, кидает его в Сильвио, который едва успевает уклониться от удара. Он просит офицера удалиться. Все присутствующие не сомневались в последствиях и уже «хоронили» своего товарища. Однако на следующий день вызова не последовало. Сильвио

по-прежнему упражняется в стрельбе, «сажая пулю на пулю в туза». Проходит три дня, офицер жив, а Сильвио удовлетворяется невразумительными объяснениями.⁶⁰

Со временем все забывается, но рассказчик, в силу своего «романтического» склада характера, полагал, что честь Сильвио была замарана и не омыта по его собственной вине. «Казалось, это огорчало его; по крайней мере, я заметил раза два в нем желание со мною объясниться; но я избегал таких случаев, и Сильвио от меня отступился».⁶¹ Однажды Сильвио получил пакет и, прочитав письмо, сообщил, что ночью ему надо отбыть по неотложным делам, затем пригласил офицеров в последний раз у него отобедать.

Во время обеда Сильвио намекнул рассказчику, что им следует поговорить. Сильвио объяснил, что «перед разлукой хотел бы объясниться», поскольку, несмотря на то, что «мало уважает постороннее мнение», но ему было бы «тягостно оставить несправедливое впечатление» в уме рассказчика. Сильвио объяснил свое «прощение» тем, что не имеет права подвергать свою жизнь даже малейшему риску. «Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив».⁶² Сильвио сообщил, что они дрались на дуэли, и показал «памятник» этого поединка — простреленную фуражку. Рассказчик узнает, что ранее Сильвио служил в гусарском полку, «был первым буяном по армии» и, пьянствуя, «перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым».⁶³ Дуэли в полку «случались поминутно», Сильвио на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом. Он спокойно наслаждался своей славой до того момента, «как в полку появился молодой человек богатой и знатной фамилии»: «Отроду не встречал счастливец столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, громкое имя, деньги, которым он не знал счета и которые никогда у него не переводились, и представьте себе, какое действие должен был он произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обообщенный моею славой, он стал, было, искать моего дружества; но я принял его холодно, и он без всякого сожаления от меня удалился».⁶⁴

В рассказе Сильвио открываются новые качества: болезненное самолюбие, ранимость, импульсивность, желание первенствовать. Дух соперничества, распространенный в офицерской среде, перерастает у Сильвио в едва сдерживаемую неприязнь. Постепенно неприязнь Сильвио к графу Б. возрастает. Наконец, на бале у польского помещика Сильвио, «видя его предметом внимания всех дам, и особенно самой хозяйки», бывшей с Сильвио в связи, затевает с соперником ссору. Открытая ссора дала повод к дуэли. Таким образом, дуэль Сильвио с графом Б. имела

прежде всего психологическую подоплеку: Сильвио провоцирует противника, делая дуэль практически неизбежной.

Граф Б. приходит на рассвете, в назначенный час, «держа фуражку, наполненную черешнями». ⁶⁵ Секунданты отмерили двенадцать шагов. Сильвио должен был стрелять первым, но в нем «волнение злобы было столь сильно», что он «не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступил ему первый выстрел». Противник не соглашался. Они «положили бросить жребий», «первый номер» достался графу Б., вечному любимцу счастья». ⁶⁶ Он прицелился и прострелил Сильвио фуражку; и в ожидании ответного выстрела ел спелые черешни, которыми была наполнена его фуражка. И тут Сильвио прерывает дуэль. Он признается, что его «взбесило равнодушие противника». Он решил отложить свой выстрел до лучших времен, поскольку, в его представлении, на тот момент жизнь графа Б. не представляет для него самого никакой ценности: он ни к кому не привязан, ничем не дорожит. ⁶⁷

Поступок Сильвио противоречит представлениям, принятым в офицерской среде: слово должно быть подкреплено поступком: «недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, которые в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков». Живя в этой среде, Сильвио не мог не усвоить ее «философии». Граф Б. от природы храбр, уверен в себе настолько, чтобы быть популярным среди офицерства. Но поведение графа не всегда просто и естественно. В нем много бравады и эпатажа. Так, в начале дуэли, стоя под дулом пистолета лучшего стрелка, он беспечно завтракает черешнями, хотя понимает, что сейчас, возможно, будет убит. Человеческая жизнь, в том числе и своя собственная, представляется графу не слишком большой ценностью. Эта причина и побудила Сильвио не убивать его на этой дуэли.

Позднее Сильвио вышел в отставку, но с тех пор «не прошло ни одного дня», чтобы он не думал о мщении. Но теперь час настал, так как поверенный по делам сообщал из Москвы, что «известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой». ⁶⁸ Месть переполняет Сильвио: «Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!» ⁶⁹. Простившись с рассказчиком, Сильвио уезжает.

Проходит несколько лет, и рассказчик поселяется в деревне, где отчаянно скучает. Здесь он узнает, что «в четырех верстах от него находилось богатое поместье, принадлежащее графине Б.***, но в нем жил только управитель, а графиня посетила свое поместье только однажды, в первый год своего замужества, и то прожила там не более месяца». ⁷⁰ Однако на второй год затворничества рассказчика «разнесся слух, что графиня

с мужем приедет на лето в свою деревню». Когда графиня приезжает, рассказчик отправляется откомендоваться ей.

Гость попадает в прекрасный интерьер, хозяин оказывается умным и образованным человеком, а хозяйка — красавицей. Пытаясь освоиться в новом обществе, он «стал ходить взад и вперед, осматривая книги и картины».⁷¹ Рассказчик не был знатоком живописи, но его внимание привлекла одна картина, изображавшая какой-то вид из Швейцарии, но поразила она его не живописью, а тем, что картина была прострелена двумя пулями, всаженными одна на другую. Разговор зашел о стрельбе и о необходимости каждодневной тренировки для поддержания формы. Гость упоминает о Сильвио, граф при этих словах приходит в сильное волнение, и выясняется, что он и есть тот самый противник Сильвио, «а простреленная картина есть памятник» их последней встречи. Граф рассказывает о том, как Сильвио ему отомстил: он приехал в деревню пять лет назад сразу после свадьбы графа. Однажды вечером, возвратившись с верховой прогулки, он застаёт у себя в кабинете человека, который не захотел объявить своего имени слугам. Войдя в комнату, граф узнает Сильвио, при виде которого у графа «волосы на голове встали дыбом».⁷²

Оказалось, он явился, чтобы произвести «свой выстрел». Граф отмерил двенадцать шагов и просил его стрелять скорее, «пока жена не воротилась».⁷³ Дуэль опять превращается в психологический поединок, но на этот раз Сильвио чувствует свое превосходство над графом. «Он медлил — он спросил огня. Подали свечи. — Я запер двери, не велел никому входить и снова просил его выстрелить. Он вынул пистолет и прицелился... Я считал секунды... я думал о ней... Ужасная прошла минута! Сильвио опустил руку. — «Жалею — сказал он, — что пистолет заряжен не черешневыми косточками... пуля тяжела. Мне все кажется, что у нас не дуэль, а убийство, я не привык целить в безоружного. Начнем сызнова; кинем жребий, кому стрелять первому. Голова моя шла кругом... Кажется, я не соглашался... Наконец мы зарядили еще пистолет; свернули два билета; он положил их в фуражку, некогда мною простреленную, я опять вынул первый номер».⁷⁴ Под непонятным воздействием граф выстрелил «и попал вот в эту картину».

Граф продолжил свой рассказ: «Я выстрелил — и, слава Богу, дал промах; тогда Сильвио стал в меня прицеливаться. Вдруг двери отворились, Маша вбегает. И с визгом кидается мне на шею».⁷⁵ Ее присутствие возвратило мужу бодрость, он попытался ее успокоить, но все же не мог не переживать в такую минуту. Ему было больно видеть унижение своей жены, бросившейся к ногам Сильвио. Этого и добивался Сильвио. Он отказался стрелять, объяснив графу, что он удовлетворен тем, что видел «его смятение, его робость».⁷⁶ Выходя из дверей, он оглянулся на про-

стреленную графом картину, выстрелил в нее, почти не целясь, и скрылся. В завершение рассказчик прибавляет слух о том, что Сильвио, «во время возмущения Александра Ипсиланти предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами».⁷⁷

Современники находили в Сильвио черты, сходные с чертами кишиневского приятеля Пушкина, подполковника Камчатского пехотного полка Ивана Петровича Липранди. Участник войны 1812 г. и заграничных походов, по взятии Парижа он был начальником русской военной и политической полиции во Франции. Позднее из-за многочисленных дуэльных историй был он вынужден сменить службу в Генеральном штабе на армейскую в захолустном Кишиневе.⁷⁸

Образ гусара встречается и в другом произведении Пушкина. В «Станционном смотрителе» одним из главных персонажей является гусар Минский. Поведение ротмистра Минского является достаточно распространенным для гусара первой половины XIX в.. Оказавшись на почтовой станции, он стал возмущаться отсутствием лошадей, «возвысил было голос и нагайку»⁷⁹, демонстрируя типичное гусарское поведение, но появление красавицы Дуни, дочери смотрителя, «произвело обыкновенное свое действие».⁸⁰ Гнев гусара прошел, он «согласился ждать лошадей и заказал себе ужин». Пораженный красотой девушки, ротмистр решает на обман. Минский подкупил лекаря и, притворившись больным, несколько дней провел на станции. Дуня за ним ухаживала. Выздоровев, ротмистр собирается в дорогу, вызывает подвезти ее до церкви и увозит ее с собой.

Потеряв дочь, старик-отец заболевает от горя, из-за того что его красавица дочь, которой он прочил тихое семейное счастье и в которой видел опору в старости, сбежала с проезжим гусаром. Из подорожной смотритель знал, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Оправившись, он отправляется в Петербург искать Дуню. В Петербурге, благодаря своему старому сослуживцу, отставному унтер-офицеру, он остановился в Измайловском полку. Ротмистр жил в Демутовом трактире. Смотритель явился к Минскому на квартиру с просьбой вернуть дочь. Минский отказывается отдать девушку, подсунув старику деньги. Обнаружив их, смотритель выбрасывает ассигнации.

Смотритель сделал попытку увидеться и с самой Дуней. Когда он случайно встречает дрожки Минского, то следует за ними и таким образом выясняет, где живет Дуня. Отец украдкой пробирается к дочери, но Минский прогоняет старика. После этого смотритель возвращается на станцию и больше уже не пытается искать и возвращать блудную дочь.

Увидев Дуню в Петербурге, прекрасно одетой, с нежностью смотрящей на Минского, выслушав его оправдание и обещание, он все равно не верит

Минскому, потому что не хочет верить в то, что Дуня может быть счастлива где-то, кроме маленького домика на станции. И завершает свой печальный рассказ словами: «Вот уже третий год, как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху, ни духу. Жива ли, нет ли, Бог ее ведает. Всяко случается. Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы».⁸¹

Минский более тонко рассматривает ситуацию, нежели Самсон Вырин. Гусар понимает, что Дуня «отвыкла от прежнего своего состояния», что ни отец, ни дочь — оба не забудут того, что произошло. Ротмистр Минский эмоционален, импульсивен, подвержен душевным порывам, легкомыслен. Безусловно, поддавшись чувствам, он ведет себя недостойно, совершенно не задумываясь о судьбе бедного зрителя. Однако гусар чувствует свою вину и искренне просит у зрителя прощения: «Рад просить у тебя прощения», — «в крайнем замешательстве»⁸² говорит он Вырину. Он дает зрителю слово, что его дочь будет счастлива. И Минский держит свое слово — вопреки всем представлениям здравого смысла он женится на бедной девушке. Видимо, для героя все же значимы понятия «чести» и «долга», «дворянского слова».

Литературоведами высказывалось мнение, что брак этот стоил Дуне больших душевных усилий, борьбы. В качестве иллюстрации этой мысли приводилось пушкинское замечание о «задумчивости» Минского в комнате Авдотьи Самсоновны. Но Минский, привлекательный повеса, привыкший к флирту, романам, должен был не просто решиться на женитьбу, но решиться на мезальянс в глазах света. И счастливый для Дуни финал этой истории определен был именно Минским: если бы он не любил Дуню, то не решился бы жениться на ней вопреки аристократическим предрассудкам. Подобный мезальянс совершил и близкий знакомый Пушкина — подполковник лейб-гвардии Гусарского полка Василий Львович Давыдов. Он женился на дочери бедного чиновника, Александре Ивановне Потаповой. Правда, официально она стала его женой только после восстания декабристов. Аналогичный случай произошел и с другим декабристом — поручиком Кавалергардского полка Иваном Александровичем Анненковым. Он также обвенчался с французенкой-модисткой Полиной Гебль, приехавшей к нему в Сибирь

В повести «Метель» любовная тема тесно связана с военной темой, а именно с войной 1812 г. И несостоявшийся супруг Марьи Гавриловны, Владимир, «бедный армейский прапорщик», и гусар Георгий Бурмин, случайно

ставший ее мужем, оказываются участниками Отечественной войны. Так, потрясенный потерей невесты, Владимир уезжает в армию «накануне войны с французами». И Марья Гавриловна «несколько месяцев уже спустя» нашла «его имя в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородиным». ⁸³ Владимир умер в Москве накануне вступления французов в столицу. «Память его казалась священной для Маши; по крайней мере, она берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее». Война тем временем кончилась, полки возвращались из-за границы. Все вокруг были счастливы и встречали возвращавшихся офицеров с ликованием.

Марья Гавриловна находилась в то время с матерью в «***губернии, и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, еще сильнее. Появление в сих местах офицеров было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было бы в его соседстве». ⁸⁴ Несмотря на холодность, Марья Гавриловна была по-прежнему окружена искателями ее руки. Но все искатели удалились с появлением раненого гусарского полковника Бурмина, «с Георгием в петлице и с интересной бледностью, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала». ⁸⁵ К тому же «молчание молодого гусара подстрекало любопытство и воображение».

Бурмин был веселым, беспечным, насмешливым и умным молодым человеком. Однако, несмотря на взаимную симпатию, Бурмин не делает предложения Марье Гавриловне. Она приписывает это его робости. Тем не менее близится решающее объяснение, но Бурмин впадает в характерную задумчивость, чем-то терзается. Наконец однажды Бурмин, придя к Марье Гавриловне и застав ее в саду, признается ей в любви. Однако тут же излагает причину своих терзаний: он женат. «Я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!» ⁸⁶

Далее Бурмин рассказывает, как в начале 1812 г. по пути в Вильну, где находился их полк, он во время метели сбился с дороги. Увидев огонек, он велел ямщику ехать туда. Они приехали в незнакомую деревню. Кто-то задал Бурмину вопрос: «Помилуй, где ты так замешкался?» Пояснив, что «невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад». ⁸⁷ Бурмин «молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами». ⁸⁸ На лавочке, в темном углу церкви, сидела девушка. Старый священник подошел к нему с вопро-

сом: «Прикажете начинать?» Бурмин рассеянно велел начинать. Между тем девушку подняли. Она показалась Бурмину недурна.

Бурмин признается Марье Гавриловне, что им овладела тогда «непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее пред наложником; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею». ⁸⁹ Их обвенчали. Новобрачным велели поцеловаться. Тут жена Бурмина обратила на него «бледное свое лицо». Бурмин хотел ее поцеловать, но она с криком: «Ай, не он! Не он!» — упала без памяти. Бурмин повернулся, вышел беспрепятственно из церкви, «бросился в кибитку и закричал: «Пошел!»

Выслушав исповедь Бурмина, Марья Гавриловна в волнении восклицает: «Боже мой! И вы не знаете, что сделалось с бедной вашею женою? Бурмин дает отрицательный ответ: «Не знаю, не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал». ⁹⁰ И с раскаянием признается: «В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой пошутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена». ⁹¹

Таким образом, спустя несколько лет Бурмин сознает легкомысленность и жестокость своего проступка. Его терзает раскаяние за свое «гусарское» поведение. По счастливой случайности героиня оказалась той девушкой, с которой легкомысленный гусар когда-то обвенчался. И Минский, и Бурмин оказываются в конечном итоге людьми, способными честно оценить свои негативные поступки, осознать неприглядность своего поведения. Им свойственны благородные порывы. Минский и Бурмин — люди одного поколения. Пушкин описывает их в романтической манере. Вообще, «увоз невесты», заключение «тайного брака» против воли родителей было достаточно распространенным явлением в военной, в частности «гусарской, среде», и не считалось особенно зазорным делом, особенно когда завершалось браком. Так, Эразм Иванович Стогов в своих «Записках жандармского офицера» с гордостью вспоминал, что, служа в Симбирске, помог двум гусарам «украсть невест» и «тайно обвенчаться». В дальнейшем к «гусарской» теме обратился Лев Николаевич Толстой. В своем рассказе «Два гусара» он противопоставляет гусар двух типов: гусара «старого» и гусара «нового» времени.

Еще один тип офицера представлен А.С. Пушкиным в «Пиковой даме», написанной осенью 1833 г. в Болдине. Это инженер Германн, немец по происхождению. Человек «сильных страстей», он резко выделялся среди светской конногвардейской молодежи. Читатель знакомится с ним во

время карточной игры у его приятеля, конногвардейца Нарумова. Карточная игра была одним из наиболее распространенных и любимых занятий офицеров во внеслужебное время. Недаром эпиграфом к повести Пушкин берет собственное стихотворение, написанное им в 1828 г.:

«А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — Бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом.⁹²

Присутствующие здесь офицеры Сурин и Томский рассуждали об удаче и невезении в карточной игре. Германн, по отзывам друзей, «отроду не брал карты в руки», но при этом «сидит с ними до пяти часов и смотрит на их игру».⁹³

Их удивляет его поведение. Германн признается, что «игра занимает его сильно», но он «не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее».⁹⁴ Но рассказ поручика Томского о своей бабушке, старой графине Анне Федотовне, сильно поразил его воображение. Им овладело непреодолимое желание узнать тайну трех заветных карт, которое превращается в навязчивую идею, ставшую причиной смерти старой графини и его безумия. Главный герой «Пиковой дамы» Германн — офицер «наполеоновского» типа (недаром Пушкин несколько раз подчеркивает сходство Германа с Наполеоном). Германн унижен и подавлен своей социальной зависимостью, социальным неравенством, и думает, что только деньги могут принести ему свободу.

В 30-е гг. к созданию образа русского офицера вновь обращается Н.А. Бестужев, находящийся в эти годы на каторге и ссылке в Сибири, в повести «Русский в Париже 1814 г.». Один из главных сюжетов повести — дуэль. Его герой Вадим Глинский защищает честь на дуэли с французом, кавалером ордена Почетного легиона: «Все дуэли похожи одна на другую. Когда приехали на место, секунданты отмерили от общего барьера, для которого была воткнута в землю сабля, по 10 шагов в обе стороны, поставили противников друг против друга. Дали им в руки пистолеты и сказали:

«Начинайте!» В это время Глинский, сделав шаг вперед, остановился и сказал своему противнику: «У вас выкатилась пуля из Вашего пистолета». В самом деле, пуля лежала у его ног; секунданты взяли пистолет, чтоб снова зарядить его — и это ли обстоятельство, которое никто не заметил и которое доказывало благородство Глинского, или мысль о том, какой опасности подвергается кавалер Почетного легиона, стреляя пустым пороховом и подставляя грудь свою на верную смерть, — или оба эти ощущения вместе, по всей вероятности, поколебали храбрость француза.⁹⁵

Тем временем Глинский, подняв пистолет, вновь подошел к барьеру, но «француз, пятясь на каждом полшаге, выстрелил не более как в двух шагах от своего места», Глинский пошатнулся и схватил себя за левую руку». «Это ничего, — сказал он, — теперь пожалуйте ко мне поближе, господин кавалер Почетного легиона», но г. кавалер не в состоянии был это сделать: мысль о том, что его жизнь совершенно зависела от Глинского, отняла у него последние силы. Колени затряслись, пистолет выпал из руки, и он почти повалился на руки секундантов, подбежавших поддержать его».⁹⁶

Противник Глинского бормотал едва внятным голосом: «Это не дуэль, а убийство». На что Глинский ответил, опустив пистолет: «Я знал это наперед, милостивые государи, истинно храбрый человек никогда не бывает дерзок. Теперь ему довольно этого наказания; но в другой раз я употреблю оружие, которое наведет менее страха, но сделает больше пользы».⁹⁷ Поведение Глинского в глазах окружающих — это поведение рыцаря без страха и упрека.

КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

В СОЗДАНИИ ОБРАЗА РУССКОГО ОФИЦЕРА.

А.С. ПУШКИН И «ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ»

В конце 20-х — 30-х гг. огромную роль в популяризации офицерской среды с ее специфическим бытом сыграли Кавказские войны и служба на Кавказе. Одним из первых к кавказской проблематике обратился в «Путешествии в Арзрум» (1829 г.) А.С. Пушкин. В начале 1828 г. он выразил желание «участвовать в начинающихся против турок военных действиях»,⁹⁸ в котором А.Х. Бенкендорфом от имени царя ему было отказано. Однако он не оставил желания попасть в кавказскую армию.

Понимая, что разрешения царя ему все равно не получить, и не спрашивая такого разрешения, он через год просто берет «подорожную» до Тифлиса и отправляется на Кавказ. По дороге, сделав большой крюк, Пушкин посещает в Орле опального генерала Ермолова, прибывает в Тифлис и,

наконец, с разрешения главнокомандующего генерала И.Ф. Паскевича, попадает в действующую армию. Посещение Пушкиным на пути в Грузию А.П. Ермолова, в течение десяти лет (1817–1827) командовавшего кавказским корпусом, объясняется желанием вникнуть в политическое и военное положение Кавказа: ход военных действий, отношения России и горских народов и т.п. Эти вопросы несколько раз затрагиваются на страницах «Путешествия в Арзрум». Пушкину было известно, что Ермолов, сменивший на своем посту И.Ф. Паскевичем, резко отрицательно относился к действиям своего преемника.

Ермолов интересовал Пушкина и по другой причине. Оппозиционно настроенный по отношению к Александру I, а затем Николаю I, он был популярен среди декабристов, даже прочивших его в члены временного правительства после свержения «самовластья».

В черновике предисловия к «Путешествию в Арзрум» Пушкин писал о своем намерении встретиться на Кавказе «с некоторыми из моих приятелей». Этими друзьями были сосланные на Кавказ декабристы или люди, так или иначе прикосновенные к декабристской идеологии и декабристскому движению. Среди них в первую очередь можно назвать Николая Раевского, названного Пушкиным в одном из писем «другом детства», молодого генерала, командовавшего в 1829 г. Нижегородским драгунским полком, вскоре после отъезда Пушкина с Кавказа арестованного и смещенного за общение с декабристами. (Еще 8 мая 1827 г. Пушкин писал брату о своем желании поехать в Грузию, чтобы увидеться там с Н. Раевским).

На Кавказ был переведен в 1827 г. из Сибири разжалованный в солдаты брат самого близкого друга Пушкина лицейских лет И.И. Пущина — Михаил Пущин (оставивший очень ценные воспоминания о пребывании Пушкина на Кавказе). На Кавказе служил обер-квартирмейстером русской армии один из лучших лицеистов пушкинского курса, также близкий к декабристам В.Д. Вольховский. Встреча со ссыльными декабристами входила в намерения поэта, а может быть, была и главной целью его поездки — отобразить в десятой главе «Евгения Онегина» его героя, гибнущего с разжалованными декабристами на Кавказе.⁹⁹

15 мая в Георгиевске Пушкин начал писать свои «Путевые записки» — рассказ о встрече с Ермоловым. Однако последовательное изложение в рукописи записок 1829 г. доведено лишь до того момента, когда глазам поэта открылась Койшаурская долина, то есть по материалу оно приблизительно соответствует первой главе «Путешествия в Арзрум». Неизвестно, продолжал ли Пушкин свои «Путевые записки». В 1830 г. Пушкин напечатал в «Литературной газете» (№ 6) отрывок из «Путе-

вых записок» под названием «Военная грузинская дорога». Под впечатлением поездки в Закавказье Пушкин написал ряд замечательных стихотворений: «Не пленяйся бранной славой», «Делибаш», «Был и я среди донцов...», «Стамбул гяуры нынче славят...», «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке» и другие.¹⁰⁰

Но Пушкин нигде не воспел арзрумский поход и, по выражению официального героя этой войны фельдмаршала И.Ф. Паскевича, «так померкнула заря достопамятных событий Персидской и Турецкой войны». Ф. Булгарин в № 37 «Северной пчелы» за 1830 г. упрекал Пушкина в том, что он не оправдал ожиданий. Думали, что он «устремится на Кавказ, чтобы напиться высокими чувствами поэзии; обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов, мы ошиблись!» Непосредственный толчок к возобновлению работы Пушкина над «Путешествием в Арзрум» дала книга французского дипломата Виктора Фонтанье (1834), посвященная «политическим отношениям» на Востоке. В этой книге Фонтанье приписывал Пушкину некую сатиру на Арзрумский поход. Это утверждение было опасным для Пушкина. В этих условиях ему не оставалось ничего другого, как заявить в предисловии, что публикуемое им «Путешествие» — это все, что было им написано о походе 1829 г.

«Путешествие в Арзрум» впервые было напечатано в журнале «Современник» в № 1 за 1836 г. с рядом цензурных купюр, а также заменой большинства имен звездочками или буквами.

Большую часть времени Пушкин проводил в палатке Н.Н. Раевского, где в кругу друзей велись оживленные беседы и споры на литературные и политические темы.¹⁰¹ По свидетельству мемуариста, несмотря на приглашение главнокомандующего И.Ф. Паскевича, Пушкин «предпочел не расставаться со своим старым другом Раевским; с ним и занимал он палатку в лагере его полка; от него не отставал и при битвах с неприятелем». В палатке Н.Н. Раевского Пушкин читал рукопись «Бориса Годунова». Их частые встречи и беседы между собой, с однополчанами и разжалованными декабристами, которых приблизил к себе свободомыслящий командир полка, отразились в «Путешествии в Арзрум» и многочисленных воспоминаниях участников кампании. Все это не могло понравиться командующему русской армией генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, который с настороженным недоброжелательством наблюдал за встречами друзей. Он учредил за поэтом тайный надзор и не хотел отпускать от себя «не только во время сражений, но и на

датом, фактически руководил инженерными работами на фронте военных действий. Когда в июне 1829 г. Пушкин был гостем Н.Н. Раевского-младшего, то в его палатке проводил свой досуг с его боевыми товарищами, среди которых был и М.И. Пущин. М.И. Пущин позднее вспоминал: «Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А.С. Пушкин бросился меня целовать».¹⁰⁴ О радости встречи со «славным товарищем и храбрым солдатом, Пушкин вспоминал и при написании «Путешествия». По окончании турецкой кампании» Пущин и Пушкин выехали на Кавказские минеральные воды, где провели вместе около месяца.

В лагере Пушкин общался еще с одним опальным офицером — Василием Дмитриевичем Сухоруковым (1794(?)–1841).¹⁰⁵ Пушкин писал о нем в «Путешествии в Арзрум»: «Вечера проводил я с умным и любезным Сухоруковым, сходство наших занятий сближало нас». Василий Дмитриевич Сухоруков — казачий офицер, сотник гвардейского казачьего полка, историк Войска Донского. За причастность к делу декабристов был он взят под тайный надзор, а несколько позднее у него были изъяты собранные им архивные материалы и выписки по истории Войска Донского.¹⁰⁶ По свидетельству их общего знакомого М.В. Юзефовича, Пушкин оказывал Сухорукову «самое нежное участие». Узнав об изъятии у него бумаг и выписок, Пушкин «чуть не плакал и думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопотать Сухорукову эти документы». Вскоре после посещения Пушкиным Кавказа тот был арестован и выслан в одну из донских станиц без права выезда.

Летом 1829 г., в лагерной обстановке, Пушкин встречался со своим четвероюродным братом ротмистром Кавалергардского полка графом Захаром Григорьевичем Чернышевым. З.Г. Чернышев был осужден на два год каторжных работ в Сибири и лишен чинов, графского титула и дворянства. В апреле 1829 г. был определен рядовым на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк, с ним Пушкин провел окончание турецкой кампании.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин также упоминал М.В. Юзефовича, ссыльных декабристов Н.Н. Семичева, графов П.П. Коновницына и В.А. Мусина-Пушкина, знаменитого дуэлиста Руфина Ивановича Дорохова, командира Сводного уланского полка полковника Р.Р. Анрепа, генералов И.Г. Бурцова и Н.Н. Муравьева, тифлиских военных губернаторов-генералов Н.М. Сипягина и С.С. Стрекалова.

Михаил Владимирович Юзефович (1802–1889) служил в 1829 г. штаб-ротмистром Чугуевского уланского полка.¹⁰⁷ В турецкую кампанию 1828–1829 гг., был адъютантом Н.Н. Раевского.¹⁰⁸ С Пушкиным его сблизила любовь к поэзии. Граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1798–1854), сын известного собирателя рукописей, был членом северного об-

щества декабристов, в 1829 г. — капитан Тифлисского пехотного полка; как бывший декабрист, находился под секретным надзором. 19 июля, в день отъезда из Арзрума, Пушкин получил от Паскевича печальное известие о гибели под Байбуртом генерала Бурцова. Поэт сообщал об этом такими словами: «Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть гибельно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче. Итак, война возобновлялась!». ¹⁰⁹ Генерал Иван Григорьевич Бурцов (1794–1829) — член «Союза Благоденствия», в 1826 г. был арестован и в 1827 г. переведен на Кавказ, где стал одним из видных руководителей русской армии в войне с Турцией.

Б. КАВКАЗСКИЙ ЦИКЛ В ТВОРЧЕСТВЕ

А.А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

Романы декабриста А.А. Бестужева, ставшего после 14 декабря 1825 г. ссыльным декабристом и взявшего псевдоним Марлинский по названию деревушки близ Петербурга, где начиналась его служба (правда, псевдоним использовался и до декабря 1825 г.), пользовались в 30–40-е годы, большим интересом. В эти годы А.А. Бестужев становится одним из самых читаемых писателей, и его по праву можно назвать ведущим писателем в жанре романтической прозы. ¹¹⁰ Во многом интерес к его произведениям объяснялся интересом к личности самого писателя. Овеянный романтическим ореолом, А.А. Бестужев в судьбе своих героев показывал собственную судьбу. Его «светские» и «кавказские» романы пользовались большим успехом, а герои сделались образцом для подражания.

В 1830 г., будучи рядовым 41-го Егерского полка в Дагестане, Бестужев-Марлинский написал две повести, действие которых разворачивается в светской среде. Это «Испытание» и «Страшное гадание».

В повести «Испытание» он создает образы положительных героев — офицеров Стрелинского и Гремина, образы которых, правда, не лишены идеализации. Вместе с тем героям Марлинского присущи искренность в отношениях, доброта, стремление жить по «законам чести». Любовные перипетии главных героев тесно связаны с дуэлью. Бестужев-Марлинский придает дуэли большое значение, приготовление к ней он описывает очень подробно. По словам Ю.М. Лотмана, автор «с почти документальной подробностью» ¹¹¹ описывает весь ритуал подготовки к ней:

«Старый слуга Валериана плавил свинец в железном ковше, стоя перед огнем на коленях, и лил пули — дело, которое прерывал он частыми мо-

литвами и крестами. У стола какой-то артиллерийский офицер обрезывал, гладил и применял пули к пистолетам. В это время дверь осторожно растворилась, и третье лицо, кавалерист-гвардеец, вошел и прервал на минуту их занятия.

- Bonjour, capitaine, — сказал артиллерист входящему, — все ли у вас готово?
- Я привез с собой две пары: одна Кухенрейтера, другая Лепаж, мы вместе осмотрим их.
- Это наш долг, ротмистр. Прогоняли ли Вы пули?
- Пули деланы в Париже и, верно, с особенною точностью.
- О, не надейтесь на это, ротмистр. Мне уже случилось однажды попасть впросак от подобной доверчивости. Вторые пули — я и теперь краснею от воспоминания — не дошли до полстола, и как мы ни бились догнать их до места, — все напрасно. Противники принуждены были стреляться седельными пистолетами — величиной едва ли не с горный единок, и хорошо, что один попал другому прямо в лоб, где всякая пуля, и менее горошинки, и более вишни, — производит одинаковое действие. Но посудите, какому нареканию подверглись бы мы, если б эта картечь разбила вдребезги руку или ногу?»¹¹²

В повести «Страшное гадание» главный герой — офицер «Северского конноегерского полка, расположенного в Орловской губернии», раздираем мучительной страстью к замужней женщине. В его душе борются самые разнообразные чувства. В этой повести, написанной в традиционном для Бестужева-Марлинского жанре романтической прозы, присутствуют такие характерные для этого жанра сюжеты, как гаданье, вещий сон. Страшный сон открывает герою глаза на его мечты и стремления и отвращает от неблагородного поступка: «Где я? Что со мной? Холодный пот катился по лицу, все жилки трепетали от ужаса и усилия. Озираюсь, припоминаю минувшее...И медленно возвращаются ко мне чувства. Так, я на кладбище!... Кругом склоняются кресты; надо мной потухающий месяц; подо мной роковая воловья шкура. Товарищ гаданья лежал ниц в глубоком усыплении...Мало-помалу я уверился, что все виденное мною был только сон, страшный, зловещий сон!

«Так это сон? — говорите вы почти с неудовольствием. Други, други! Неужели вы так развращены, что жалеете, для чего все это не сбылось на самом деле? Благодарите лучше Бога, как возблагодарил его я, за сохранение его от преступления. Сон? Но что же иное все было наше, как не смутный сон? И ежели вы не пережили со мной этой ночи, если не чувствовали, что я чувствовал так живо, если не испытанного в мечте, — это вина моего рассказа. Все это для меня существовало, страшно существовало, как наяву, как на деле. Это гаданье открыло мне глаза,

ослепленные страстью; обманутый муж, обольщенная супруга, разорванное, опозоренное супружество и, почему знать, может, кровавая месть мне или от меня — вот следствие безумной любви моей! Я дал слово не видеть более Полины и сдержал его».¹⁴³

В «кавказский» период Бестужев-Марлинский создает целый ряд произведений из военной жизни: «Фрегат «Надежда», «Лейтенант Белозор». Во «Фрегате «Надежда» (1832 г.) Бестужев-Марлинский раскрывал несостоятельность светских норм жизни, где в высших кругах «от собачки до хозяина дома, от плиты тротуара до этрусской вазы — все нерусское, и в наречии и в приемах». У представителей столичной знати «под улыбкой нет выражения, под слогом не дороешься до мысли, под орденами — сердца». По ходу повествования он показывал свое отношение к героям, размышлял о смысле жизни и сложности человеческих отношений. Положительные герои у него находятся в резком конфликте с окружающей средой.

В 1835 г. Бестужев-Марлинский написал повесть «Он был убит». Эта повесть непосредственно связана с кавказской проблематикой. В центре внимания читателя молодой офицер, убитый в схватке с горцами. Автор повести подчеркивает знакомство с ним: «Он был убит, бедный молодой человек! Убит наповал! Впереди всех бросился он на засаду — и назади всех остался; остался в тесном кружке храбрых, легших трупом с ним рядом».¹⁴⁴

При описании смерти главного героя Бестужев употребляет высокопарные, образные выражения: «Я знал его отвагу, я знал быстроту коня его и, удивленный, не видя его перед собою, проникнут холодом страшного предчувствия, оглянулся назад: в дыму, окровавленном выстрелами, сверкнуло мне лицо друга; железная рука смерти на всем скаку осадила разгоряченного бегуна его; задернут, он стал на дыбы, и пораженный всадник падал с него, качаясь. Я едва успел оборотить своего коня, едва успел сброситься с седла, чтобы принять на руки несчастного. Тихо опускаю на землю, гляжу: глаза закатились, не слышит, не дышит он... Рву сюртук, раздираю на груди рубашку, нет надежды. Свинец пробил сердце навывлет, самое сердце!!... Я освободил из оледеневшей руки мертвеца рукоять шашки; на клинке было написано имя того, кто за миг владел им».¹⁴⁵

В текст повести Бестужев-Марлинский включает дневник убитого офицера, страницы которого посвящены и страстной любви, и чтению романов, и будням армейской службы, и предстоящим схваткам, и ожиданию смерти, и размышлениям о человеческих отношениях. Для выражения душевного состояния своего героя Бестужев-Марлинский употребляет яркие эпитеты, порой выпренные выражения. Дневник показывает

читателю экспансивного молодого человека, которым овладевают то мрачное настроение, то лихорадочная жажда деятельности. «Крепко устал я. От ночи до ночи не слезал с коня. Фуражировка была очень удачна; мимоходом спалили три аула; раза два был в жаркой схватке. Застрелил одного шапсуга из пистолета; он кинулся на меня с шашкою, но заряд иголок вместо пули прошел кольчугу и самого чуть не насквозь»; «Хочу и не могу быть веселым. Нет сна на мое утомление; нет слез на тоску. Мысль о смерти гнездится в душе; порох пахнет ладаном. А мир прекрасен!»; «Бьют поход! Шапсуги грозно скликаются по вершинам, быть горячей схватке; и я рад этому. Сегодня я бодр и весел необыкновенно. Луч утра стоил долой с сердца весь свинец горя; рука сама хватается за шашку».¹⁴⁶

И погибает герой, оставив недописанную строчку в дневнике: «Что ж медлят? Что ж не ревут и не прядают по скалам наши горные единороги? Пора, пора! Страстно хочу я кинуться в пыл схватки: только ее обаятельный вихорь может сравниться с упоением любви. Были минуты, когда изнемогая от полноты счастья, прильнув устами к груди прекрасной, невольно роптал я: «Теперь бы сладко умереть». Сладко умереть и на груди славы... умереть теперь же, в этот миг!.. Лил...».¹⁴⁷

В конце повести автор заключает: «То была песня лебедя: его желание разрилось над ним его судьбою. Он был убит, убит наповал, и в самое сердце. Его тайны легли с ним в гроб; немногие цветки из венка его мечтаний отдаю я свету»...И описывает высокие душевные качества героя: «Душа общества в веселую пору, он не покидал изголовья больного товарища, не спал ночей, ухаживал за ним, как нежная мать, сносил все причуды, как самый покорный служка. Его рука и кошелек были открыты для каждого: никто не удалялся от его порога с тяжелым словом: нет! Кто вернее его служил государю словом и делом? Кто бывал впереди его в жаркой битве? Одним словом, кто был достойнее назваться человеком и кто носил это имя с большим благородством? И мы схоронили юношу. Возвратясь в Г-н, схоронили в чужую землю, в виду гор, на самом берегу Черного моря. Кровью залилось мое сердце, когда священник бросил горсть земли на гроб его. Когда и моя горсть глухим прощанием отозвалась из могилы...».¹⁴⁸

В судьбе своего героя Бестужев-Марлинский как бы предугадал собственную судьбу. 7 июня 1837 г. в возрасте 40 лет А.А. Бестужев-Марлинский, прапорщик 41-го Егерского полка, был убит в бою во время высадки русских войск на мыс Адлер. Он был вначале ранен, а затем зарублен, тело его не было опознано, когда на следующий день производился обмен убитыми.

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Выход в свет в 1840 г. «Героя нашего времени» потеснил интерес публики к произведениям Бестужева-Марлинского, а герои его произведений стали казаться излишне патетичными и напыщенными. По словам В.Г. Белинского, «Марлинский пролетел в литературе ярким метеором, который на минуту ослепил всем глаза и — исчез без следа».¹¹⁹ Под влиянием А.А. Бестужева-Марлинского находился и Лермонтов¹²⁰, хотя отношение последнего претерпело значительную эволюцию: если офицер в поэме «Измаил-бей» изображен им «по-Марлинскому», то уже Грушницкий с его романтической позой и фразой показан автором с нескрываемой иронией. Печорин представляет собой совершенно новый тип офицера, прежде не встречавшегося на страницах романа. В Печорине уже нет ничего общего с офицерами, изображенными в более ранних произведениях Лермонтова: ни с героем поэмы «Измаил-бей», ни с уланом из «Тамбовской казначейши». Впервые тип офицера, близкого Печорину, был очерчен Лермонтовым в автобиографическом стихотворении «Валерик».

Для русского общества в 1840–1850-е гг. роман М.Ю. Лермонтова явился своеобразным воплощением сущности военной службы и жизни на Кавказе. Так, Л.Н. Толстой в начале 1850-х гг. усиленно читал прозу М.Ю. Лермонтова и делал записи в дневнике. Так, в дневниках Толстого за 1852 и 1854 гг. есть записи о чтении «Героя нашего времени»: «Читал Лермонтова 3-й день» (1852, XII, 26), перечитывал «Героя нашего времени» (1854, XII, 11).

Хронологические рамки романа 1833–1838 гг. Из отдельных повестей, составляющих роман «Герой нашего времени», первой появилась в печати «Бэла» с подзаголовком: «Из записок офицера на Кавказе». Жанр «записок» путевых, военных, «офицерских», литературных был распространен в 1810–1830-е гг., в художественной прозе жанр «офицерских» записок уже разрабатывал Бестужев-Марлинский («Еще листок из дневника гвардейского офицера», 1821 г.; «Красное покрывало», 1831–1832 г.; «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», 1834 г.). В 1833 г. в «Московском телеграфе» была напечатана статья неизвестного автора «Поездка в Грузию», описывающая тот же самый перевал через Кавказский хребет, что и в «Бэле», но в обратном направлении. Лермонтов использовал жанр офицерских путевых записок для создания психологического портрета Печорина и для характеристики кавказского общества и природы Кавказа.

часть

II ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА:
МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

Если придерживаться хронологического порядка развертываемых событий, то они должны были быть представлены в следующем порядке: 1) высланный из Петербурга Печорин задерживается на пути в действующую армию в Тамани, где у него происходит столкновение с контрабандистами («Тамань»); 2) после какой-то военной экспедиции, в которой участвовал Печорин, ему разрешено пребывание на водах в Пятигорске и Кисловодске, где происходит история с княжной Мери и дуэль с Грушницким («Княжна Мери»); 3) сосланный за эту дуэль в глухую крепость, под начальство Максима Максимыча, Печорин переживает там роман с Бэлой («Бэла»); 4) во время пребывания в крепости Печорин на две недели отлучается в казачью станицу, где держит роковое пари с Вуличем («Фаталист»); 5) переведенный после смерти Бэлы из крепости в Грузию и возвращенный в Петербург, Печорин вновь появляется на Кавказе и по дороге в Персию встречается во Владикавказе с Максимом Максимычем и с проезжим офицером («Максим Максимыч»); 6) на обратном пути из Персии Печорин умирает (Предисловие к «Журналу Печорина»).¹²¹

При компоновании повестей в роман Лермонтов нарушил хронологическую последовательность событий жизни героя последовательностью знакомства проезжего офицера с личностью Печорина. Поэтому роман начинается «Бэлой», продолжается «Максимом Максимычем», оставаясь в пределах дорожных записок офицера. Затем роман переключается в записки и дневник самого Печорина, расположенные в хронологической последовательности событий, в них описываемых: 1) «Тамань», 2) «Княжна Мери», 3) «Фаталист». Таким образом, мы узнаем о Печорине от других лиц: Максима Максимыча и офицера, а потом уже от него самого.¹²²

Действие романа происходит на Северном Кавказе, в середине 1830-х гг. Исторический фон, на котором Лермонтов развешивал эпизоды из «Героя нашего времени» — война с горцами. Сам Печорин, как и другие действующие лица романа: Грушницкий, Максим Максимыч, автор «Путевых записок», Вулич и многие другие являются офицерами, непосредственными участниками войны с кавказскими горцами. Герой романа, Печорин, показан в повести через призму мыслей и чувств простого армейского служаки — штабс-капитана Максима Максимыча. В повести «Бэла» Лермонтов, с одной стороны, изобразил жизнь и быт русской крепости на так называемой «Кавказской линии», с другой стороны, горский аул. В «Бэле» рассказана романтическая история, которую Лермонтов старался показать с предельной достоверностью и простотой: она извлечена из записок обыкновенного проезжего офицера, а в записки внесена со слов обыкновенного армейского штабс-капитана.

В «Фаталисте» на той же «кавказской линии» изображена казачья станица.

В «Бэле» и «Максима Максимыче» видим изображение Военно-Грузинской дороги со всеми особенностями передвижения по ней в военное время. В повести «Тамань» Лермонтовым зарисован небольшой военный порт. Офицерское общество, отдыхающее и лечащееся на водах после военных экспедиций, выведено в повести «Княжна Мери». В разговорах действующих лиц романа постоянно встречаются рассказы, рассуждения и отзывы о горских племенах Кавказа, разбросаны сведения об их жизни, национальных особенностях.

В «Герое нашего времени» дает о себе знать склонность писателя к «зарисовкам с натуры». Так, в черновом варианте «Фаталиста» сохранена практически в неприкосновенности фамилия офицера, послужившего прототипом Вулича, — Вуич. Сослуживец Вуича в воспоминаниях о службе на Кавказе описывал его как «идеального юношу»: «красавец греческого или сербского типа, с изящными светскими манерами, умный, скромный, добрый и услужливый — Вуич был такой личностью, которой нельзя было не заметить».¹²³ Лермонтов, сохраняя приметы внешности реального лица, усиливает во внешности своего героя романтическое начало. «Он был родом серб, как видно было из его имени. Наружность поручика Вулича вполне соответствовала его характеру. Высокий рост и смуглый цвет лица, черные волосы, черные пронзительные глаза, большой, но правильный нос, принадлежность его нации, печальная и холодная улыбка, вечно блуждающая на губах его, — все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему вид существа особенного...».¹²⁴ Поручик Вулич — страстный игрок в карты. Карты были его единственной страстью, которой он не таил.

В воспоминаниях М.Н. Лонгинова содержится свидетельство, что в основу «Бэлы» положено «истинное происшествие, конечно, опоэтизированное и дополненное вымышленными подробностями, случившееся с родственником поэта А.А. Хастатовым».¹²⁵ Имеется свидетельство о том, что в «Фаталисте» Лермонтов использовал другой случай из жизни А.А. Хастатова, когда тот в станице Червленной ворвался безоружный в хату, где с пистолетом и шашкой заперся пьяный казак.¹²⁶

В романе содержится и ряд упоминаний о других реально существовавших лицах. Так, Печорин вместо того, чтобы провести вечер со штабс-капитаном, «остался ужинать и ночевать у полковника Н...» («Максим Максимыч»). Большинство биографов Лермонтова видят за этим инициалом майора П. Нестерова.¹²⁷

Печорин — образ собирательный. В этом персонаже угадываются и черты самого автора и черты его современников. Одним из тех, кто принадле-

жал к лермонтовскому поколению и отчасти послужил прототипом Печорина, был Андрей Николаевич Карамзин, сын знаменитого историка. Андрей Николаевич Карамзин имел университетское образование, но стал артиллерийским прапорщиком. Впоследствии погиб при обороне Севастополя.¹²⁸ В доме Карамзиных Лермонтов встречался и с графом Андреем Павловичем Шуваловым (1817–1876), сослуживцем по лейб-гвардии Гусарскому полку.¹²⁹ Шувалов вместе с Лермонтовым был членом «кружка шестнадцати» — группы оппозиционно настроенной аристократической молодежи, собиравшейся в Петербурге во второй половине 1839 г. Это общество состояло частью из выпускников университета, частью из кавказских офицеров. Современники также видели в Шувалове один из прототипов Печорина.

Впервые Печорин появляется в романе «Княгиня Лиговская», который может служить прологом к «Герою нашего времени». В «Княгине Лиговской» дается изображение петербургских лет Печорина, предшествующих высылке его на Кавказ. В «Княгине Лиговской» Печорин — молодой гвардейский офицер, с умом «резким и пронизательным», с «пышным воображением». Из университета ему пришлось пойти в военную службу, как самому Лермонтову, вступить в петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков, но «открылась польская кампания» — и вместо школы он попал на войну. После кампании он «был переведен в гвардию». По замыслу автора, на Кавказ Печорин попал в 1832 г., будучи высланным за «какую-то историю», когда ему было около 24 лет. Этой историей являлась дуэль, за которую он и был переведен из гвардейского полка в армейский. По дороге в действующую армию он пережил приключение в «Тамани», принял участие в делах на левом фланге («с чеченцами»). При встрече с ним старый кавказец Максим Максимыч сразу определил, что «он на Кавказе недавно». Печорин не опроверг этого наблюдения. Уже через год после пребывания Печорина на Кавказе, т.е. в мае — июне 1833 г., Печорин отдыхал на Минеральных водах. На Минеральных водах у Печорина произошла история с княжной Мери и Грушницким. Осенью 1833 г. Печорин уже находился в крепости на Линии под начальством Максима Максимыча, где через полтора месяца после своего прибытия записал окончание своей кисловодской истории. В крепости под началом штабс-капитана он пробыл «с год». Таким образом, с осени 1833 г. и до осени 1834 г. Печорин пережил историю с Бэлой, трагическое происшествие с Вуличем. Из крепости спустя три месяца после истории с Бэлой, Печорин, назначенный в «Е... ий полк», «уехал в Грузию». Служба в Грузии, возвращение оттуда в Петербург и жизнь там в отставке заняли примерно четыре года. Летом — осенью 1838 г. Печорин вновь встретился во Влади-

кавказе с Максимом Максимычем на пути в Персию. На обратном пути из Персии Печорин умирает.¹³⁰

Лермонтов лишил своего героя профессионально-кастового честолюбия, какое было у героев его предшественника А.А. Бестужева-Марлинского. За исключением первого месяца своей службы на Кавказе, Печорин исполняет свой профессиональный долг как скучную неизбежность. Он не принадлежал к тем офицерам, которые отправлялись служить на Кавказ, чтобы сделать скорую и блестящую карьеру. Ведь Печорин, несмотря на то, что он «храбр и смел до дерзости», остается все в том же первом офицерском чине, в котором приехал на Кавказ, — в чине прапорщика. Вероятно, Печорин, благодаря гордой независимости характера, был на подозрении у своего начальства. Лермонтов показывает в Печорине русского офицера, глубоко разочарованного в своем деле, что роднит его с героем «Валерика».

Для Печорина, как и для многих его сверстников, отправка на Кавказ была своего рода бегством от петербургской скуки. Но уже вскоре Печорин постарался поскорее вырваться с Линии, так как, по собственному признанию, уже «через месяц» «он привык к их (пуль) жужжанию и к близости смерти» и ему «стало скучнее прежнего», хотя еще совсем недавно Максиму Максимычу он признавался, что «это самое счастливое время его жизни».¹³¹ Однако Печорин не стал «профессионалом войны», как и сам Лермонтов, выказавший в нескольких экспедициях с чеченцами исключительную храбрость и удачливость (за участие в экспедициях он неоднократно был представлен к наградам, в 1840 г. за рукопашный бой при реке Валерик был представлен к золотой сабле с надписью «За храбрость»), но неуклонно добивавшийся отставки. Печорин потерял к войне всякий интерес, когда пришел к выводу, «что скука живет и под чеченскими пулями».¹³²

По социальному положению Печорин, несомненно, принадлежал к богатой «верхушке» поместного дворянства. На взгляд бедного армейского офицера Максима Максимыча, он — «богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещей». Богатством Максим Максимыч объясняет и странности поведения Печорина. На минеральных водах Печорин ведет жизнь состоятельного человека: делает дорогие покупки, для приятелей — у него открытый стол с вином, на конюшне четыре лошади. Путешествие в Персию он предпринимает со всеми удобствами: в щегольской заграничной коляске, с множеством чемоданов. Его неприязнь к Грушницкому вызвана прежде всего тем, что в действиях последнего он видит исключительно позу и подражательность. Они принадлежат к разным слоям офицерства, формально оставаясь в одной

часть

II ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА: МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ

группе. Различия внутри социальной группы, прежде всего из-за материального положения и круга общения, остро чувствовались и на Кавказе. В конечном итоге взаимная неприязнь и приведет к дуэли с трагическим концом.

При создании образа Грушницкого Лермонтов относился к прототипу как к материалу, подлежащему переосмыслению и переделке. Возможно, в характеристике этого персонажа проявляется восприятие автором прозы А.А. Бестужева-Марлинского. В.Г. Белинский, отметив сходство Грушницкого с героями Марлинского, подчеркнул, что Грушницкий и подобные ему молодые люди «страх как любят сочинения Марлинского, и чуть зайдет речь о предметах сколько-нибудь не житейских, стараются говорить фразами из его повестей».¹³³ Ряд мемуаристов сходятся на том, что «Лермонтов списал Грушницкого с Колюбакина». Действительно, в биографии и поведении Н. Колюбакина (1811–1868), уланского поручика, разжалованного в рядовые за пощечину полковому командиру, было сходство с биографией Грушницкого.¹³⁴

Колюбакин был сослан на Кавказ рядовым из «Оренбургского уланского полка за дерзость против полкового командира» и «явился в Нижегородский драгунский полк», в котором служил сам М.Ю. Лермонтов. В 1837 г. после участия в нескольких боях (в одном из которых он получил ранение в ногу) вновь был произведен в офицеры и награжден солдатским Георгием. Лермонтов познакомился с Колюбакиным в Пятигорске, куда тот отправился лечиться от раны.¹³⁵ По молодости лет и вспыльчивости характера Колюбакин имел несколько дуэлей, а в делах и поступках стремился подражать героям Марлинского. Своими дуэлями Н.П. Колюбакин был известен даже Николаю I, называвшему его «немирный Колюбакин».¹³⁶

По словам жены, Колюбакин «ни перед кем не гнул; солдатская шинель нимало не стесняла его, он по-прежнему держал голову высоко и всем смотрел прямо в глаза».¹³⁷ По мнению современника, «его избегали, потому что, по общему признанию, с ним было трудно ужиться. Его неуживчивость наделала ему много врагов. В то же время он отличается самую блестящую храбрость, покрыт ранами, из которых, к несчастью, третья доля получена им на дуэлях, и всегда ищет новых».¹³⁸ Как известно из воспоминаний окружавших его лиц, «Н.П. Колюбакин был другом Марлинского и в способе выражаться носил в себе следы влияния этой дружбы».¹³⁹ Вместе с тем, знакомые с Колюбакиным отмечали его незаурядную образованность, честность и храбрость. Эти качества способствовали тому, что впоследствии он дослужился до сенатора и стал одним из видных военно-административных деятелей на Кавказе.

В глазах некоторых современников на роль прототипа Грушницкого претендовал и П. Каменский (1810–1875). В «Литературных воспоминаниях» И. Панаева ему дается такая характеристика: «Интересный молодой человек, явившийся с Кавказа с повестями а la Марлинский и солдатским Георгием в петлице».¹⁴⁰ На Кавказе Каменский познакомился с Марлинским и сделался его близким приятелем, подражая ему во всем, прежде всего в манере речи. В 1838 г. П. Каменский выпустил две повести из кавказского быта, которые были крайне недоброжелательно встречены Белинским. Критик, не терпевший подражательности, указал на прямую зависимость произведений Каменского от манеры Марлинского: «подражатель «совершенно доказал славу своего образца, показав, как легко упражняться в этом ложном роде литературы, даже и не имея таланта, и особенно как смешон этот род».¹⁴¹

В одном из прототипов Грушницкого современники видели Н.С. Мартынова (1815–1875), от руки которого Лермонтов пал на поединке 15 июля 1841 г. у подножия горы Машук. Н.С. Мартынов — бывший товарищ Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в чине ротмистра Гребенского казачьего полка участвовал в тех же экспедициях на Кавказе, что и автор «Героя нашего времени». Таким образом, образ Грушницкого был собирательным. Тип поведения а la Марлинский в светском обществе 1830-х гг. был явлением достаточно распространенным. Черты Колюбакина и Мартынова представляют черты, общие для целого слоя кавказского офицерства из среды поместного дворянства. «Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких», — говорит Грушницкий, противопоставляя себя, как служащего в обыкновенном армейском полку кругу гвардейской офицерской молодежи и их семей.¹⁴² Взаимная антипатия объясняется антипатией двух различных слоев дворянства. Грушницкий хочет казаться изгнанником «с милого севера в сторону южную», когда говорит об обществе княгини Лиговской: «Какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?».¹⁴³ Фраза Грушницкого прямо противопоставляется записи Печорина в Кавказском дневнике: «жены местных властей... менее обращают внимание на мундир — офицерский или юнкерский, солдатский — они привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум».

Печорин имел в виду офицеров, разжалованных в солдаты или переведенных, как он сам, на Кавказ за провинность. Грушницкий же отправляется служить на Кавказ добровольно, при этом ему, как заметил В.Г. Белинский, «очень хочется, чтобы его считали не юнкером, а разжалован-

ным из офицеров: он находит это очень эффектным и интересным». ¹⁴⁴ Грушницкий с нетерпением ждал офицерского мундира, несмотря на скептическое замечание Печорина, что «армейский пехотный мундир, сшитый здесь на водах, не придаст ему ничего интересного», и «солдатская шинель ему очень идет». ¹⁴⁵ Действительно, именно благодаря солдатской шинели Грушницкий привлек внимание княжны Мери: «Княжна сказала, что уверена, что этот молодой человек в солдатской шинели разжалован в солдаты за дуэль». ¹⁴⁶ Замечание Печорина совпадает с высказыванием декабриста Н.И. Лорера: «В Керчи я сшил себе сюртук Тенгинского пехотного полка и когда посмотрелся в зеркало, то нашел себя очень смешным. Солдатская шинель мне как-то более к лицу». ¹⁴⁷ С другой стороны, офицерский мундир повышал социальный статус Грушницкого: теперь он мог, как равноправный, входить в дворянское общество, посещать «благородное собрание», балы, куда прежде, как рядовой, не имел доступа.

Печорин познакомился с Грушницким «в действующем отряде», у Грушницкого есть «георгиевский крестик», во время похода «он был ранен в ногу». Но и в храбрости Грушницкого Печорин видит романтическую патетику: «Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле: он машет шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость». ¹⁴⁸ Особенно желчно высказывается Печорин по поводу нового мундира Грушницкого в своем «Журнале». В мундире Печорин высмеивает безвкусное излишество во всем. Так, подчеркивается «неимоверная величина эполет, загнутых кверху в виде крылышек амура», «огромный платок», «двойной лорнет на загнутой цепочке». ¹⁴⁹ Сам же Печорин гордится тем, что носит черкесскую одежду, как носил гвардейский мундир в Петербурге: «И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди; ни одного галуна лишнего...». ¹⁵⁰

Примечательно, что в то же самое время выходит повесть В.А. Соллогуба «Большой свет», где великосветский законодатель Сафьев (под его именем был выведен друг и родственник Лермонтова А.А. Столыпин) поучает только вступающего в свет офицера Леонина: «Будь всегда одет по строгой форме, не позволяй себе ни цепочек, ни лорнетов, никаких вычур армейских франтов, ничего, одним словом, что бы заставило тебя заметить. Светской моды ты никогда не достигнешь». ¹⁵¹

В сатирической зарисовке внешности Грушницкого, занесенной в журнал Печорина, выявляется не только психологическая, но и культурно-социальная несовместимость гвардейского офицера, столичного «денди» и армейского провинциального офицера. Дуэль Печорина и Грушницкого — своеобразная кульминация не только нравственно-психологи-

ческого конфликта между этими персонажами, но и кульминация всей повести.

В лице пятидесятилетнего штабс-капитана Максима Максимыча Лермонтов дает портрет типичного русского армейского офицера, всю жизнь прослужившего на Кавказе. Если принять 1838 г. за время встречи Максима Максимыча с офицером — автором «Записок», то военная биография Максима Максимыча складывалась следующим образом. Он родился примерно в конце 1780-х — начале 1790-х гг. и был уже в чине подпоручика, когда приехал на «Линию» Алексей Петрович Ермолов. «Линия» — северокавказский (по Тереку и Кубани) театр военных действий русских с горцами. При Ермолове, «за дела против горцев» Максим Максимыч получил два следующих чина, т.е. поручика и штабс-капитана. В чине штабс-капитана Максим Максимыч оставался и на момент встречи с Печориным, и в год встречи с офицером — издателем «Журнала Печорина».

Особенности характера штабс-капитана Лермонтов подчеркнул в очерке «Кавказец», написанном в 1841 г., в котором был дан один из возможных вариантов развернутой биографии героя: «настоящий кавказец» — не индивидуальный характер, а обобщенный социальный тип кавказского армейского офицера. Очерк «Кавказец» предназначался для издания А.П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры» и был запрещен цензурой.

Над служившими на Кавказе в течение долгого времени Лермонтов сделал острые и не лишённые сарказма наблюдения: «Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское — склонность к обычаям восточным берет над ним перевес, но он стыдится ее при посторонних, т.е. при заезжих из России. Ему большей частью от 30 до 45 лет; лицо у него загорелое и немного рябоватое; если он не штабс-капитан, то уж, верно, майор».¹⁵² «Настоящих кавказцев вы найдете на Линии; за горами, в Грузии они имеют другой оттенок... Настоящий кавказец — человек удивительный, достойный всякого уважения и участия. Он воспитывался в кадетском корпусе и вышел оттуда отличным офицером. Он... воспламенился страстью к Кавказу. Он с десятью товарищами был отправлен туда на казенный счет с большими надеждами и маленьким чемоданом. Он еще в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохнатую шапку и черкесскую плетъ на ямщика. Приехав в Ставрополь, он дорого заплатил за дрянной кинжал и первые дни, пока не надоело, не снимал его ни днем, ни ночью. Наконец он явился в свой полк, который расположен на зиму в какой-нибудь станице, тут влюбился, как следует, в казачку — пока, до экспедиции; все прекрасно! Сколько поэзии! Вот пошли в экспедицию; наш юноша кидался всюду, где только провизжала одна пуля.

Он думает поймать руками два десятка горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты. Он во сне совершает рыцарские подвиги — мечта, вздор, неприятеля не видать, схватки редки, и, к его великой печали, горцы не выдерживают штыков, в плен не сдаются, тела свои уносят. Между тем, жары изнурительны летом, а осенью слякоть. Скучно! Промелькнуло пять, шесть лет: все одно и то же. Он приобретает опытность, становится холоднохрабр и смеется над новичками, которые подставляют лоб без нужды. Между тем, хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут. Он стал мрачен и молчалив; сидит себе да покуривает из маленькой трубочки; он также на свободе читает Марлинского и говорит, что очень хорошо; в экспедицию он больше не напрашивается: старая рана болит. Хотя порой ему служба очень тяжела, но он поставил себе за правило хвалить кавказскую жизнь; он говорит кому угодно, что на Кавказе служба очень приятна.¹⁵³

В очерке «Кавказец» выражено достаточно критическое отношение самого автора к службе на Кавказе, для ее описания Лермонтов не жалеет ярких красок. В глазах Лермонтова облик настоящего кавказского офицера-служаки глубоко печален. Образ жизни и потребности типового кавказского офицера мало отличались от солдатских.

В очерке «Кавказец» Лермонтов дал очень точное определение характера офицеров, подобных Максиму Максимычу: «чуждый утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую...»; «...он франтит своею беспечностью и привычкой переносить неудобства военной жизни, возит с собой только чайник; и редко на его бивачном огне варятся щи».¹⁵⁴ По сути, в «Кавказце» Лермонтов создал портрет целого поколения.

В портрете «Кавказца» 1841 г. уже нет романтического ореола, присущего героям Марлинского и лермонтовскому офицеру из «Измаил-бей»: «Но годы бегут, кавказцу уже 40 лет, ему хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во время перестрелки кладет голову на камень, а ноги выставляет на пенсион; это выражение там освящено обычаем. Благотельная пуля попадает в ногу, и он счастлив. Отставка с пенсионом выходит, он покупает тележку, запрягает в нее пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину, однако останавливается всегда на почтовых станциях, чтобы поболтать с проезжающими. Встретив его, вы тотчас отгадаете, что он настоящий, даже в Воронежской губернии он не снимет кинжала или шапки, как они его ни беспокоят. Станционный смотритель слушает его с уважением, и только тут отставной герой позволяет себе прихвастнуть, выдумать небылицу; на Кавказе он скромн — но ведь кто же ему в России докажет, что

лошадь не может проскакать одним духом двести верст и что никакое ружье не возьмет на 400 сажень в цель? Но, увы, большею частью он слагает свои косточки в земле басурманской».¹⁵⁵

Максим Максимыч примерно на десять лет старше офицера из очерка «Кавказец». Он изображен Лермонтовым непоколебимым служакой, для которого война стала делом службы, а ермоловское время в его восприятии — идеальный период кавказской войны. Обладая умом и наблюдательностью, Максим Максимыч не позволяет себе никакой критики по отношению к окружающему. Его отношение к горцам полностью совпадает с отношением к ним в правительственных сферах. В своих противниках он ценит только одно качество — храбрость. Он всецело предан службе и только раз он изменяет своему убеждению, когда при встрече с Печориным во Владикавказе он намного замедлил с посещением коменданта. Он сам смущен своим поступком, так как «в первый раз отроду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности».¹⁵⁶

С одной стороны, Максим Максимыч — обобщенно-социальный человеческий тип (образцовый военный), С другой стороны, в нем ярко проявляется индивидуально-личностное начало: добрая, чуткая, ранимая натура. Как и большинство кавказских офицеров, он одинок и понимает неизбежность своего состояния. Так, он признается встреченному им офицеру: «Надо Вам сказать, что у меня нет семейства, об отце и матери я уже 12 лет не имею известия, а запасть женой не догадался раньше».¹⁵⁷ Считая себя грубым солдатом, он любит Бэлой, ему досадно, что ни одна женщина не любила его так, как Бэла Печорина, что она не вспоминала о нем перед смертью. С теплотой он относится и к Печорину. Именно Максим Максимыч дает трогательное описание внешности Печорина.

Бессемейность была присуща большинству кавказских офицеров. Не имел семьи и Алексей Петрович Ермолов, хотя известно, что у него были незаконные дети от местных женщин. В очерке «Кавказец» Лермонтов писал: «Он женится редко, а если судьба и обременит его супругой, то он старается перейти в гарнизон, где жена предохраняет его от гибельной для русского человека привычки».¹⁵⁸ Материальная необеспеченность и бытовые условия военной службы в стране с враждебным населением обрекали рядового кавказского офицера на безбрачие.

В воспоминаниях М.П. Ливенцова дается печальная характеристика семейной жизни на Кавказе: «Нехорошо, <...> когда «ломовик» заведет сожительницу; да втянется, приживет трех-четырех ребят, и ради детворы — женится <...>. Ну, такой уж совсем пропащий, и как быть, и что делать не знает. Жена его — не то дама, не то — девка; показывать ее стыдно,

а не показывать — нельзя; грамоте она не знает, а учиться поздно. А тут еще дети пищат, кормить, одевать надо, а в хозяйстве-то: «гусь да курица, крест да пуговица!» — оборачивайся, как знаешь! Переменить же службу, куда-либо нечего и думать: бедняк так подготовлен, что только и годится для бродячей военной службы. А что будет, если убьют его прежде выслуги пенсии? Семья — умирай с голоду, детишки неповинные — ступай по миру!». ¹⁵⁹

Подобные впечатления отражены в рассказе о посещении Тамани в 1840 г. декабриста Н.И. Лорера, в «грустной, но обыкновенной у нас на Руси повести о семейном старике-офицере, дошедшем до вопиющей нищеты». Чтобы содержать семью, многосемейному офицеру приходилось прибегать к незаконным поборам и взяткам. Известный кавказский офицер Н.П. Колюбакин писал своему ратному товарищу И.Ф. Хлопову: «Детей, слава Богу, у нас нет: бедному служащему человеку дети не находка: заглушают своим криком голос совести». Впрочем, военная карьера Н.П. Колюбакина в дальнейшем сложилась успешно: он дослужился до генерала, занимал посты Кутаисского и Эриванского губернатора, стал сенатором.

Во взаимоотношениях Максима Максимыча с Печориным верно показан социальный аспект отношений армейского гарнизонного офицера и богатого офицера-гвардейца, аристократа, для которого служба на Кавказе либо вынужденная необходимость, либо поиск острых ощущений, либо надежда на быструю карьеру. Раздосадованный холодностью Печорина при встрече, штабс-капитан посылает горький упрек этой группе офицеров: «Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!.. Вы молодежь светская, гордая: еще покамест под черкесскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретитесь, так стыдитесь и руку протянуть нашему брату». ¹⁶⁰ Прямое отражение лермонтовского штабс-капитана можно увидеть в капитане Хлопове из рассказа Л.Н. Толстого «Набег» (1852 г.). Тот тоже представлен в противопоставлении мятущимся офицерам из образованного дворянского круга.

По мнению В.Г. Белинского, Максим Максимыч — «тип старого кавказского служаки, закаленного в опасностях, трудах и битвах, которого лицо так же загорело и сурово, как манеры простоваты и грубы, но у которого чудесная душа, золотое сердце. Максим Максимыч получил от природы человеческую душу, человеческое сердце, но эта душа и это сердце отлились в особую форму, которая так и говорит вам о многих годах тяжелой и трудовой службы, о кровавых битвах, о затворнической и однообразной жизни в недоступных горных крепостях, где нет других человеческих лиц кроме подчиненных солдат да заходящих для меня чер-

кесов <...> Для него «жить», значит, «служить» и служить на Кавказе. Но познакомьтесь с ним получше, — и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нежное сердце бьется в железной груди этого, по-видимому, очерстневшего человека; вы увидите, как он каким-то инстинктом понимает все человеческое и принимает в нем горячее участие; как, вопреки собственному сознанию, душа его жаждет любви и сочувствия, — и вы от души полюбите простого, доброго, грубого в своих манерах, лаконического в словах Максима Максимыча». ¹⁶¹

Подобную оценку Максим Максимыч получил и от Николая I, который считал его истинным «героем нашего времени»: «Когда я начал эту историю, я надеялся и радовался, что, вероятно, он будет героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, кого обыкновенно так называют. В кавказском корпусе есть много подобных людей, но их слишком редко узнают». ¹⁶²

Наряду с психологической характеристикой героев романа большое значение имеет изображение кавказского военного быта. У Лермонтова нет пространных описаний, он оперирует яркими деталями, воссоздающими время и место действия. В «Герое нашего времени» Лермонтов не повторяет описаний Марлинского и своих собственных в ранних поэмах и сознательно их избегает. Это отметил С.П. Шевырев: «Марлинский приучил нас к яркости, пестроте красок, какими он любил рисовать картины Кавказа... Ему хотелось насиловать образы и язык; он кидал краски со своей палитры гуртом, как ни попало, и думал: чем будет пестрее и цветнее, тем более сходства у списка с оригиналом <...>

Потому с особенным удовольствием можем мы заметить в похвалу нового кавказского живописца, что он не увлекся пестротой и яркостью красок, а, верный вкусу изящного, покорила трезвую кисть свою картинам природы и списывал их без всякого преувеличения и приторной выисканности. <...> Автор не слишком любит останавливаться на картинах природы, которые мелькают у него только эпизодически. Он предпочитает людей и торопится мимо ущелий кавказских к живому человеку, к его страстям, к его радостям и горю, к его быту образованному и кочевому» ¹⁶³.

Декабрист А.Е. Розен считал, что «верное изображение» Кавказа «не удалось ни вольному путешественнику поэту Пушкину, ни Грибоедову, ни невольным странникам — Бестужеву и Одоевскому. Всего лучше отрывками нарисован Кавказ поэтом Лермонтовым, который волею и неволею несколько раз скитался по различным направлениям чудной страны и чудной природы». ¹⁶⁴

В романе неоднократно упоминается так называемая Линия, созданная еще в XVIII в., чтобы обезопаситься от постоянных набегов и засад горцев.

Воевавшим на Кавказе это слово было привычно, а читающей публике оно разъяснялось так: «По общему выражению, — «кавказская линия», по военно-техническому — «кавказская кордонная линия», есть протяжение от Черного моря до Каспийского, тянущаяся сначала вверх по правому берегу Кубани, потом недлинною сухою границею — и, наконец, по левым берегам Малки и Терека. По этой линии проложена большая почтовая дорога, почти круглый год безопасная». ¹⁶⁵

По замечанию Максима Максимыча, «на противолежащих же берегах русскому нельзя и носа показать без прикрытия, не подвергаясь опасности быть схвачену в плен или убиту...». И далее Максим Максимыч пояснял: «Нынче, слава Богу, смирно; а бывало, на сто шагов отойдешь за вал, уж где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазевался, того и гляди — либо аркан на шее, либо пуля в затылке».

Для поддержания безопасности движения на Линии были расположены военные посты, форты и крепости. Правый фланг Линии, на котором происходило большинство событий романа, «простирался от границ Черноморья до Каменного моста на реке Малке» и состоял из трех «кордонных линий — Кубанской, Лабинской и Кисловодской; последняя, охранявшая Минеральные Воды, в военном отношении имела второстепенное значение».

О том, что представляли собой эти укрепления, узнаем из «Записок» А.Е. Розена: «... Часу в пятом пополудни пришли на ночлег в Пришибскую крепость. Только не воображайте себе крепости с каменными стенами, глубокими рвами и подъемными мостами. Земляной окоп с четырьмя бастионами, окружающий казарму, два-три дома и духан, или постоянный дом, или каба́к — вот крепость на военной дороге. При въезде и выезде поставлены палисады, на валу — пушки и денно и ночно старательный караул, который мало надеется на вал и пушку, но много на штык свой. Весь гарнизон такой крепости состоит из одной или двух рот, из двух офицеров и доктора <...>. Офицеры и солдаты, кроме самих себя и неприятеля, никого не видят; не знают прогулки вне крепости; а если нужда велит идти за дровами или пищею и кормом, то выходят не иначе, как с вооруженными проводниками».

В одной из таких крепостей, видимо, и служили Печорин и Максим Максимыч. Но судя по всему, обстановка там была более спокойная, поскольку они могли совершать дальние прогулки, охотиться и посещать соседа — кумыкского князя.

Помимо крепостей вся Кавказская линия — от Черного моря до Каспийского — ограждалась еще и цепью казых постов. Хотя серьезного сопротивления малочисленные казачьи отряды не могли оказать противни-

ку, они предупреждали основные войска о подходе неприятеля. Как раз о таком poste упоминал Печорин: «Я думаю, казаки, зевающие на своих вышках, видя меня, скачущего без нужды и цели, долго мучились этой загадкой, ибо, верно, приняли меня за черкеса». Описание подобного поста сделал сослуживец Лермонтова М. Цейдлер: «... на высоких столбах сторожки, открытые со всех сторон, с небольшими камышовыми или соломенными крышами в защиту сторожевому казаку от солнца или дождя. Тут же сделан маяк; это высокий шест, обвитый осмоленной соломой.<...>

С возвышения сторожевому казаку видна вся местность на далекое расстояние, а внизу, у поста, два или три казака держат в поводу коней, и по первому выстрелу зажигается маяк, и сигнал тревоги передается быстро на далекое расстояние. Верховой казак в то же время летит к ближайшему посту, сообщая, в чем дело: замечена ли переправившаяся партия черкесов или угнан у станичников скот».¹⁶⁶

В романе Лермонтова фигурирует ряд городов и крепостей на Линии, с которыми так или иначе связаны события, происходящие в романе. Это — Тифлис, Кизляр, Владикавказ, Екатериноград, Пятигорск, Тамань, Кисловодск. Несмотря на то, что по пестроте и красочности кавказские города были схожи, как многие южные города, у каждого из них было свое лицо.

Древнейшим из упоминаемых городов был Тифлис. Он возник в V в. и, несмотря на многочисленные опустошительные набеги и разрушения, каждый раз заново рождался. В восприятии декабриста А.Е. Розена «...в Тифлисе все предметы и лица имели особенный, не европейский отпечаток; дома с плоскими крышами, армяне с навьюченными верблюдами, грузины с арбами, женщины, покрытые чадрами, ослы с вязанками дров, кони с кожаными мехами на спине, налитыми водою или кахетинским вином.<...> Протяжные звуки слов грузинских и армянских, в коих особенно слышны буквы гортанные и в нос произносимые, перемешивались с живыми отрывистыми словами русского солдата».¹⁶⁷ В Тифлисе, расположенном на холмистой местности, дома были построены так, что, «не касаясь мостовой, а поднимаясь только и спускаясь с одной крыши на другую, можно было обойти целый квартал и открыть себе вход в любой дом».¹⁶⁸ В Тифлисе было много древних храмов, над городом возвышался построенный на горе Метехский замок с высокими круглыми башнями.

Тифлис по кавказским меркам был городом крупным: к концу 1830-х гг. в нем насчитывалось около 30 тысяч жителей, и имел он репутацию кавказского «маленького Парижа», так как в нем сосредоточился «ев-

ропейский элемент» края. Здесь были сосредоточены основные военные силы русских, в полках было немало образованных офицеров, в том числе и ссыльных декабристов. Стараниями А.П. Ермолова был открыт офицерский клуб, в котором можно было познакомиться с русскими и иностранными газетами и журналами. В Тифлисе была открыта первая на Кавказе гимназия, в магазинах, наряду с изделиями местных мастеров, можно было приобрести модные товары из Парижа и Лондона. Не случайно один из служащих в Грузии, переместившись сюда из столицы, отмечал, что «Тифлис скоро стал для него вторым Петербургом».

В отличие от Тифлиса Кизляр, который начинает упоминаться только с XVII в., был невзрачен. Он располагался на реке Старый Терек, в нездоровой болотистой местности неподалеку от Каспийского моря. Улицы представляли собой нагромождение саманных хижин с плоскими камышовыми или глиняными крышами, окна которых выходили во двор, огражденный глухими глиняными или состоящими из необработанных камней заборами. Но при этом Кизляр был важным торговым центром. Через него шли торговые караваны, направлявшиеся в Грузию, Персию, Индию. Ассортимент товаров был также разнообразен: здесь можно было купить и новинки последней парижской моды, и украшения местных ювелиров, и восточные пряности, и лошадей, и оружие...

Владикавказ, по словам ссыльного декабриста А.П. Беляева, «составляет ключ к горному проходу в Грузию и за Кавказ. Он имеет обширный форштадт с несколькими правильными и широкими улицами, красивыми домами и садами почти при каждом доме, большую площадь с собором посредине, общественный сад и бульвар по берегу шумного Терека <...>. Тут была прекрасная каменная гостиница <...> Площадь обстроена большими домами красивой архитектуры с большими окнами и балконами, откуда открывались во все стороны самые прекрасные виды <...> К югу возвышался снеговой хребет, увенчанный Казбеком». Город возник из русской крепости, построенной в 1784 г. на месте осетинского аула Капкай для охраны Военно-Грузинской дороги, и имел вполне европейское обличье.

Екатериноград также играл роль пропускного пункта, позволявшего держать в руках важнейший узел дорог и паромную переправу, так как стоял при впадении реки Малки в Терек. Он возник на месте небольшой крепости, которая в XVIII в. считалась столицей Кавказской губернии, но во времена описываемых Лермонтовым событий перешел на положение второразрядной почтовой станции.

Ставрополь возник в последней четверти XVIII в. с целью охраны южных границ России от набегов немирных горцев. При преобразовании Кав-

казской губернии в область в 1822 г. Ставрополь становится ее центром. Отсюда шел почтовый тракт на Москву и Петербург, здесь находился и штаб Кавказской армии. Ставрополь можно было назвать «русским» городом, так как в нем преобладало русское население. В первой половине XIX в. в нем насчитывалось около 5 тысяч жителей.

Наиболее европейский вид имел Пятигорск, основанный в 1770 г. как военное поселение. Пятигорск расположен «при минеральных серных и кисло-соленых горячих источниках на равнине, покатой к реке Подкумку, с северо-востока защищенной громадною массою горы Машук, к которой примыкают здания минеральных ванн. С северо-запада горизонт ограничивается остроконечными вершинами пятигория, отчего и самый город получил название Пятигорска»¹⁶⁹. Население стало распространяться вокруг источников около 1820 гг., а в 1830 г. поселение было возведено в ранг уездного города.

По словам декабриста А.Е. Розена, Пятигорск в 1838 г. имел такой вид: «Город построен на левом берегу Подкумка, на покатости Машука, имеет одну главную улицу с бульваром, который ведет в гору, на коей рассажена виноградная аллея Елизаветинского источника, где устроена крытая галерея. В различных местах горы, в недалеком расстоянии, бьют серные ключи различной температуры от 21 до 37 теплоты... При тихой погоде летом, при тумане зимою по всему городу распространяется сильный серный запах»¹⁷⁰. Известно и описание пятигорского бульвара, сделанное в 1839 г.: «Здесь вы не найдете ни фонтанов, ни статуй; это просто аллея стриженных липок, перерезывающая город во всю длину до самых источников минеральных вод. Зато с одной стороны вместо штукатуренных стен вы увидите дикие утесы с высеченными ступенями, ведущими к выстроенным на высоте ваннам, с другой — над городом фантастическую громаду скал, разбросанных в самом живописном беспорядке...».¹⁷¹

Елизаветинский источник был местом, где собиралась разнообразная публика. Именно около Елизаветинского источника Печорин повстречал Грушницкого. «Печорин, поднимаясь по узкой тропинке к Елизаветинскому источнику... обогнал толпу мужчин, штатских и военных, которые... составляют особенный класс людей между чающими движения воды. Они пьют — однако не воду, гуляют мало, волочатся только мимоходом. Они играют и жалуются на скуку. Они франты... Они исповедывают глубокое презрение к провинциальным домам и вздыхают о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают».¹⁷²

Корреспондент журнала «Московский телеграф» в 1830 г. дал более доброжелательную оценку пятигорскому обществу: «Люди, которые сходятся к кислосерному колодцу, составляют картину пеструю, живую, разно-

образную. Там вы увидите и франта, одетого по последней моде, и красавицу в щегольском наряде, и черкеса в лохматой шапке, и казака, и грузинку, и грека, и армянина, и калмыка с косою и огромным блюдом на голове...». ¹⁷³

В июне с окончанием экспедиций Пятигорск переполнялся военными. «Несколько раненых сидело на лавке, подобрав костыли, — бледные, грустные». ¹⁷⁴ К этой группе офицеров Лермонтов относился с симпатией и сочувствием. Офицерство, веселящееся на водах, изображено им резко отрицательно. Из цензурных соображений Лермонтов не мог поместить в «водяное общество» лечившихся в то время в Пятигорске ссыльных офицеров-декабристов — Н.И. Лорера, князя В.М. Голицына, князя А.О. Одоевского, барона А.Е. Розена.

Кисловодск, город (с 1830 г.) в Ставропольской губернии, расположенный в долинах рек Ольховка и Березовая. Кисловодск был основан в 1803 г. из военного укрепления и станицы как курорт на базе знаменитого источника Нарзан, «кислые воды» которого и дали название городу. С 1820-х гг. в нем велось строительство ваннх зданий, питьевых галерей, гостиниц, дач, пансионатов. Наряду с Пятигорском был в 1830 - 1840-х гг. популярным курортом.

Самым «скверным городишком из всех приморских городов России», по мнению Печорина, была Тамань. Такое отношение объяснялось прежде всего тем, что Печорин в «Тамани», по собственному признанию, «чуть-чуть не умер с голоду» и к тому же там его хотели утопить. В 1830-х гг. Тамань была «одной из самых небогатых и немногочисленных казачьих станиц Черноморского войска». Из Тамани шел почтовый тракт (210 верст) на Екатеринодар, оттуда на Ставрополь. Тамань входила в черту военной черноморской береговой линии. Близ Тамани находилась небольшая крепость Фанагория с военным госпиталем и провиантским магазином. Из некогда процветавшей древнегреческой колонии Тамань постепенно превратилась в заштатный город. Жителей в ней было не более тысячи, и те в основном занимались мелочной торговлей и контрабандой. Печорин, сосланный из Петербурга на Кавказ, направлялся в Геленджик, береговое укрепление на Черноморской линии, на которое опирались военные экспедиции, действовавшие на правом фланге против черкесов, живших на приморском склоне Главного хребта. ¹⁷⁵

В романе упоминаются и другие географические названия: Военно-Грузинская дорога, Гуд-гора, Крестовая, Каменный брод. Военно-Грузинская дорога, пересекающая центральную часть Кавказского хребта по долинам Терека, текущего на север с ледников Казбека, и Арагвы, текущей отсюда же на юг, была важнейшим и единственно удобным путем, со-

единавшим закавказские колониальные владения России (Грузия, Мингрелия, Имеретия, Армения), присоединенные к империи в 1801, 1803, 1810, 1828 гг., с исконной Россией. Дорога служила целям военного внедрения на Кавказ и экономического освоения края. Начинаясь от Екатеринодара, Военно-Грузинская дорога шла на Владикавказ и через Дарьяльское ущелье и долину реки Арагвы достигала Тифлиса, где было сосредоточено русское военное управление краем. Еще до присоединения Грузии, в 1799 г. русским правительством было открыто постоянное сообщение между Тифлисом и Владикавказом, прерванное в 1804 г. восстанием осетин. После подавления восстания строительство было доведено до конца.

Офицер-повествователь и Максим Максимыч едут «на перекладных из Тифлиса» по Военно-Грузинской дороге, в направлении из Грузии к Владикавказу. Они едут на «перекладных», т.е. на казенных почтовых лошадях, которые перепрягают на почтовых станциях. Как штабс-капитан, Максим Максимыч имел право на три лошади. Кроме «почтовых станций», вдоль дороги были расположены и частные «духаны» — харчевни, где оставались на ночлег грузины и горцы. Офицер-повествователь заметил у одного из духанов и «караван верблюдов».¹⁷⁶ В 1802–1829 гг., благодаря присоединению Закавказья к России, была открыта прямая караванная торговля с Персией и Турцией.

Вопрос Максима Максимыча насчет обвалов на Крестовой горе был вызван тем, что ледники, сползавшие с вершин Казбека, Крестовой и Гуд-горы, нередко вызывали обвалы, нарушающие движение по Военно-Грузинской дороге. Страшный обвал на Военно-Грузинской дороге случился в 1832 г., когда массами снега, льда и камней было засыпано ущелье Терек, прервавшего свое течение. Поэтому кавказские старожилы внимательно следили за накоплением льда и снега на горах.

Гуд-гора располагалась в Главном Кавказском хребте, по Военно-Грузинской дороге, между станциями Коби и Койшауром. Часть Военно-Грузинской дороги, пролежавшая по Гуд-горе, была самой опасной в зимнее время от нависших масс снега, которые нередко падали через дорогу обвалами в пропасть. Крестовая гора также входила в систему Главного Кавказского хребта, по Военно-Грузинской дороге, между Койшауром и Коби, и отделялась от Гуд-горы Чертовой долиною. Лермонтов заставил «офицера, автора записок» прозаически толковать читателю название «Чертова долина» и иронизировать над любовью читателя к романтическим названиям: «Вы уж видите гнездо злого духа между неприступными утесами — не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не черт».¹⁷⁷

Военный быт в «Герое нашего времени» тесно переплетен с гражданским бытом, поскольку линия фронта в приграничных Кавказу краях была понятием относительным. Офицеры расположенного в крепости гарнизона общаются с местным населением, вступая с ними в отношения куначества, учат язык. Офицерское общество здесь гораздо свободнее, чем в столице. Это сказывается и в ношении формы, и в обращении между собой. Так, штабс-капитан Максим Максимыч предлагает Печорину обращаться к нему по имени и отчеству и сам его называет Григорием Александровичем. Главный герой романа — вчерашний гвардейский офицер Печорин — ведет эту столь непривычную и странную для него жизнь постепенно осваивает гарнизонный быт.

Одной из главных тем романа можно назвать дуэль. Печорин был выслан на Кавказ за дуэль, поэтому участие его в новой дуэли грозило ему лишением дворянства и разжалованием в солдаты. Условия дуэли, затевавшейся компанией Грушницкого, не изменились и для дуэли, которая должна была состояться после вызова, сделанного Печориным. Грушницкий на них настаивал, поскольку ему принадлежало право голоса в вопросе о выборе условий дуэли. Грушницкий согласился на то, чтоб только его пистолет был заряжен пулей, и дуэль тогда превращалась в убийство.

Условия дуэли были очень жесткие: «Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник. От выдавшегося угла отмерили шесть шагов и решили, что тот, кому придется первому встретить неприятельский огонь, станет на самом угле спиной к пропасти; если он не будет убит, то противники поменяются местами».¹⁷⁸ Поведение Печорина во время дуэли было сложным. С одной стороны, он все же надеялся предотвратить дуэль, ожидая извинений от Грушницкого и надеясь, что тому будет стыдно «убить безоружного».¹⁷⁹

При всей нелюбви к Грушницкому Печорин надеялся, что тот не согласится участвовать в бесчестном деле («Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею»)¹⁸⁰ Грушницкий оказался впутанным в дуэль в силу слабости характера и в силу желания постоянно производить на окружающих впечатление. Но он выстрелил и ранил безоружного противника, тем самым став виновным в подлости. Печорин ранен и едва избежал участи упасть в пропасть. Тем не менее он делает последнюю попытку к примирению, но вместо раскаяния встречает «усмешливую улыбку». Тогда Печорин своими действиями разоблачает замысел драгунского капитана, чье поведение в сложившихся обстоятельствах представляется самым недостойным. Когда Печорин предлагает перезарядить пистолеты, капитан протестует. Но когда Печорин предложил

ему самому встать к барьеру, тот идет на попятную, проявляя себя достаточно жалким образом. Хотя, пока это было безопасно, капитан хвастался своей храбростью и опытностью в делах чести.

Дуэль Печорина с Грушницким вообще ведется не совсем по общепринятым правилам дуэльной практики, хотя и опытными в этом деле людьми. Секунданты не стараются примирить противников, нарушив правила дуэльной этики, поскольку после получения вызова все переговоры между соперниками должны вести секунданты, так как, ведя разговоры со своим противником, дуэлянт мог оказывать на него давление, делая тем самым поединок менее объективным.

Между тем, уже явившись на дуэль, Печорин и Грушницкий начинают препирательства. Печорин намеренно начинает бесить противника, затем перед поединком предлагает новые, еще более жесткие условия дуэли. Это обстоятельство также противоречит дуэльному кодексу: условия дуэли составляются заранее и изменению не подлежат. Печорину понадобились эти препирательства для того, чтобы получить право второго выстрела. В дуэльной практике стрелять вторым было выгоднее. Подобным образом обычно поступали опытные дуэлянты: не подходя к барьеру, на максимально дальнем расстоянии, выдержать первый выстрел. В этом случае дуэлянты (приняв допустимые меры предосторожности: вставали боком, поднимали пистолет, загораживая им голову, а локтем — грудь), затем призывали противника к барьеру и стреляли в упор, как и было в знаменитой четверной дуэли Шереметев — Завадовский — Якубович — Шереметев. Таким образом, дуэль Печорина с Грушницким перерастала в психологический поединок.

В дуэли Печорина с Грушницким можно отметить еще одно нарушение условий дуэльной этики: стреляющий первым не имел права стрелять на воздух. Это могло бы восприняться как шантаж или оскорбление противника, попытка заставить его тоже стрелять мимо. Только стреляющий вторым мог позволить себе такое. Так стрелял сам Лермонтов в поединке с Барантом. Стреляющий вторым мог и отложить свой выстрел. Так поступил пушкинский герой Сильвио. Подобное поведение описано А.А. Бестужевым в «Вечере на бивуаке».

Наконец, история с дуэлью могла не состояться вообще, если было бы соблюдено еще одно правило: стрелять из новых, парных пистолетов, никем не опробованных, и убедиться перед началом дуэли в правильности зарядов.

Перед тем как выстрелить, Печорин в последний раз обратился к Грушницкому, используя его же патетическую лексику: «И вы не отказываетесь от своей клеветы? Не просите у меня прощения? Подумайте хорошень-

ко: не говорит ли Вам чего-нибудь совесть?» Заявив Грушницкому, «если Вы меня не убьете, то я не промахнусь — даю Вам честное слово»¹⁸¹, Печорин почти открыто дает ему понять, что знает об истинной подоплеке происходящего. И одновременно как бы заранее снимает с себя ответственность за трагические последствия, поскольку предупредил о возможности такого исхода. В финальной сцене дуэли Печорин стреляет, и после того как дым рассеялся, все увидели, что Грушницкого нет на площадке.

Впоследствии переводчик и знакомый Лермонтова Фридрих Боденштедт, написал в своих воспоминаниях: «В конце романа описывается дуэль, в которой тот, кому первому предстоит подвергнуться выстрелу противника, должен стать на краю обрыва, чтобы в случае раны немедленно упасть туда на верную смерть: по странному сближению, почти точно таким же образом умер впоследствии сам Лермонтов. Это поразительное сходство положений объясняется тем, что Лермонтов был по убеждению отъявленным врагом дуэли, но, единожды доведенный до нее, не мог уже сделать из нее детской шутки или рисковать подвергнуться одному увечью. Поэтому он и принял такие меры, чтобы один из двух неизбежно остался на месте»

ОБРАЗ ОФИЦЕРА

В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Н. ТОЛСТОГО

Лермонтов был одним из любимейших писателей молодого А.Н. Толстого. В «Записках о Кавказе» (1852 г.) Толстой пишет: «В детстве или в первой юности я читал Марлинского и, разумеется, с восторгом, читал тоже с не меньшим наслаждением кавказские сочинения Лермонтова»¹⁸². В «Набеге» (1853) А.Н. Толстой выводит поручика Розенкранца — одного из наших молодых офицеров, удалцов-джигитов, образовывавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму «героев нашего времени, Мулла-Нуров и т. п. и во всех действиях руководятся не собственными наклонностями, а примером этих образцов».¹⁸³ В рассказе «Набег» Толстой иронически отталкивается от романтических традиций в освещении войны. Он иронически выводит образ поручика Розенкранца, напоминающий Грушницкого.

Розенкранц невольно копирует Грушницкого. Толстой разоблачает это копирование: «Часто ходя с двумя-тремя мирными татарами по ночам в горы засаживаться по дороге, чтобы подкарауливать и убивать немир-

ных проезжих татар; хотя сердце не раз говорило ему, что ничего тут удалого нет, он считает себя обязанным заставлять страдать людей, в которых он (поручик Розенкранц) будто разочарован за что-то и которых он будто бы презирал и ненавидел... Он был убежден, что чувства ненависти, мести, презрения к роду человеческому были самые высокие поэтические чувства, но любовница его, разумеется, говорила, что он был самый добрый и кроткий человек». ¹⁸⁴ Розенкранцу, печоринствующему по-Грушницкому, в «Набеге» противопоставлен капитан Хлопов «с его спокойной храбростью и мужественной простотой». У Хлопова была «одна из тех простых, спокойных русских физиономий, которым приятно и легко смотреть прямо в глаза». В офицерской среде немало рассуждали о том, что такое истинная храбрость: в полку живут предания и помнятся самые разные примеры. У капитана Хлопова есть свое мнение, которое поражает рассказчика-волонтера своей простотой и добротностью: «Храбрый тот, который ведет себя как следует».

Толстой долго будет работать над раскрытием понятия «как следует»: о субординации писаной и неписаной, о диспозиции начальников, которые претендуют на то, чтобы все заранее охватить и предусмотреть. Вся «романтика» в рассказе «Набег» сводится Толстым к описанию разбоя и жестокого истребления аула.

В рассказе «Рубка леса» (1855 г.) военное действие врывается неожиданной шальной пулей, убивающей солдата Веленчука, простого крестьянина, рубившего лес и копавшего окопы на Кавказе по приказу начальства так же, как он рубил бы дрова и копал картошку у себя дома. Здесь Толстой исследует типы русских солдат: покорных, начальствующих и отчаянных. И выполнение долга «как следует» связано со всеми суевериями: солдат называет противника всегда иносказательно «он»; солдат не любит то место, где кого-нибудь ранило. Солдаты вынуждены делать нелюбимое военное дело: они оторваны от семьи, от земли. В этом рассказе солдаты резко противопоставлены офицерам, которые, как пишет исследователь русской литературы В.И. Кулешов, «все эти болховы, крафты, с фанфаронадой и хитрыми фразами о смерти, выглядят марионетками бесчеловечной комедии войны». ¹⁸⁵ О ротном командире Болхове Толстой говорит, что он представляет собой тип офицеров, «называемых в полку бонжурами»: «Он имел состояние, служил прежде в гвардии и говорил по-французски. Но, несмотря на это, товарищи любили его. Он был довольно умен и имел достаточно такта, чтобы носить петербургский сюртук, есть хороший обед и говорить по-французски, не слишком оскорбляя общество офицеров». ¹⁸⁶ Болхов уже несколько

лет служит на Кавказе, но, несмотря на разочарование здешней службой, с иронией признается, что «не может теперь в Россию вернуться до тех пор, пока не получит Анны и Владимира, Анны на шею и майора, как и предполагал, ехавши сюда».¹⁸⁷

Так, несмотря на скептицизм и самоиронию, Болхов чувствует себя уже «неспособным к тому, чтобы вернуться в Россию тем, чем поехал», он «втянулся до того, что его всего коробит, когда Гнилокишкину дадут награду, а ему нет». И мучается тем, что как он «покажется на глаза в России своему старосте, купцу Котельникову, которому продает хлеб, московской тетушке после двух лет на Кавказе без всякой награды?». В конце разговора Болхов с грустью замечает: «...но уж так устроен человек, что я их знать не хочу, а из-за них гублю лучшие годы, все счастье жизни, всю будущность свою погублю».¹⁸⁸ Настроение Болхова, как и других офицеров в этом рассказе, во многом совпадает с чувствами героев лермонтовского «Кавказца».

С проблематикой рассказа «Рубка леса» тесно связана проблематика рассказа «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» (1856 г.).¹⁸⁹ В этом произведении Толстой также изображает местное офицерское общество, его интересы и занятия в перерывах между выступлениями: «Наша палатка стояла недалеко от орудий, на сухом и высоком месте, с которого вид был особенно обширен. Подле палатки, около самой батареи, на расчищенной площадке была устроена нами игра в городки, или чушки. Услужливые солдатики тут же приделали для нас плетеные лавочки и столик. По причине всех этих удобств артиллерийские офицеры, наши товарищи, и несколько пехотных любили по вечерам собираться к нашей батарее и называли это место клубом».¹⁹⁰ Разжалованный Гуськов, знакомый рассказчика по московскому обществу, выглядит жалким и опустившимся человеком.

Если в первых военных рассказах Толстого нет вопроса о целях войны, то в севастопольских рассказах вопрос о целях войны поставлен: война была справедливой, русские обороняли свою землю от французов и англичан. Толстой описывал события достоверно, тем самым оказав большое влияние на современников. В апреле 1855 г. Толстой отправил в «Современник» первый рассказ — «Севастополь в декабре месяце» (т. е. в декабре 1854 г.). Толстой обещал журналу присылать ежемесячно статьи современного военного содержания. Журнал в примечании сообщал, что автор будет присылать «картины севастопольской жизни» вроде прилагаемой.¹⁹¹ Но изменилось понимание «современности» и «картин». Хотя речь шла о реальных событиях, но Толстого не интересовали подробности сражений. Их практически нет, за исключением

эпизода в рассказе «Севастополь в августе 1855 г.». Не было батальных сцен в обычном смысле, но много говорилось о психологии офицеров, участников обороны Севастополя. Обороняющийся Севастополь поразила автора мертвой тишиной на улицах и бастионах. Наблюдатель, он же участник обороны, видит больных и раненых.

В рассказе «Севастополь в мае» Толстой более пристально рисует типы офицеров. Штабс-капитан Михайлов любит радости жизни, честолобив, мечтает о чинах: «Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде — даже на краю гроба...».¹⁹² К кружку «аристократов» принадлежали адъютант Калугин, адъютант Гальцин, поручик Непшитшеский, подполковник Нерфердов, ротмистр Праскухин, хвастливый барон Пест, поучающий солдат русскому патриотизму.¹⁹³ Если в прежних рассказах офицеры и солдаты были «разведены» у Толстого, то здесь они делают общее дело, но резко противопоставлено понимание ими смысла службы.

В рассказе «Севастополь в августе 1855 г.» Толстой сосредоточивает внимание на судьбах двух защитников Севастополя — братьев Михаила и Владимира Козельцовых. Старший, Михаил, уже немало потянул лямку и навидался под Севастополем всякого; Толстой передал своему герою собственный богатый опыт наблюдений над восприятием войны. Михаил охлаждает пылкий романтизм только что прибывшего под Севастополь Владимира, который смотрел на брата, как на героя схваток... Здесь Толстой еще полнее показывает военный быт, разные формы проявления храбрости и трусости, страха и спокойствия.¹⁹⁴

В повести Л.Н. Толстого «Два гусара» (1856 г.) противопоставлены два характера и две эпохи.¹⁹⁵ Герой первой части гусар граф Турбин воплощает в себе черты эпохи 1812 г., названной Денисом Давыдовым «веком богатырей», и под пером Толстого как бы фокусирует поэтические черты этой эпохи. На балу у губернского предводителя дворянства граф Турбин сумел всех очаровать своей любезностью и умением танцевать, хотя до своего появления на бале он вызывал противоречивые чувства: от него заранее ждали проявления эксцентричного поведения. «Еще на смех подымет этот мальчишка», — было мнение старух и мужчин. «Что если он меня похитит?» — было более или менее мнение молодых женщин и барышень». Во время представления графа Турбина Завальшевским жене предводителя дворянства «предводительша, испытывая некоторый внутренний трепет, чтобы гусар этот не сделал с ней при всех какого-нибудь скандала, гордо и презрительно отворотясь, сказала: «Очень рада-с! надеюсь, будете танцевать?» — и недоверчиво взглянула с выражением, говорившим: «Уж ежели ты женщину обидишь, то ты совершенный подлец после этого»».¹⁹⁶

Слухи о графе Турбине неоднозначные: «Это тот самый, знаменитый дуэлянт-гусар? — Картежник, дуэлист, соблазнитель, но гусар-душа, гусар истинный».¹⁹⁷ Между тем этот «привлекательный преступный тип» защищает обыгранного шулером Лухновым уланского корнета Ильина. Так, увидев, что шулер, заманив Ильина в игру, выиграл у него полковые деньги и поставил его тем самым на грань самоубийства, Турбин врывается в номер пересчитывающего выигрыш Лухнова, и между ними происходит следующая сцена:

« — Мне хочется поиграть с Вами, — сказал Турбин, садясь на диван.

— Теперь?

— Да.

— В другой раз с моим удовольствием, граф! А теперь я устал, и соснуть собираюсь.<...>

— А я теперь хочу поиграть немножко.

Лухнов не поддается уговорам графа Турбина. «Последовало непродолжительное молчание, во время которого лицо графа бледнело больше и больше. Вдруг страшный удар в голову ошеломил Лухнова. Он упал на диван, стараясь захватить деньги. <...> Турбин собрал лежащие на столе остальные деньги <...> и скорыми шагами вышел из комнаты...». Выходя из комнаты, граф бросает шулеру: «Ежели Вы хотите удовлетворения, то я к Вашим услугам».

Ухаживанье графа Турбина за хорошенькой вдовушкой Анной Федоровной нельзя не назвать легкомысленным. Тем не менее оно не лишено романтического ореола и было в духе описываемой автором эпохи.

Во второй части повести поведение графа Турбина сопоставляется с поведением его сына. Сын графа Турбина — благоразумный, блестяще образованный молодой человек, слишком расчетливый для того, чтобы играть в азартные игры. Вообще, он играет в карты, но только в «коммерческие». Так, в игре в преферанс он предложил «очень веселую», но неизвестную старикам-провинциалам разновидность преферанса — и без зазрения совести обыгрывает старушку, которая когда-то романтически увлеклась его отцом. И хотя сумма, им выигранная, для него совершенно незначительная, проигравшей Анне Федоровне этот проигрыш представляется громадным: «Ей, верно, казалось, что она проиграла миллионы и что она совсем пропала». Но сын графа Турбина не понимает бессердечности своего поступка. И на укоры своего приятеля, корнета Полозова, отвечает, что «десять рублей пригодятся и надо смотреть практически на жизнь».¹⁹⁸

Поведение Турбина-младшего по отношению к Лизе, дочери Анны Федоровны, полностью лишено романтики. Неудачная интрига вызывает у него

лишь досаду. Правда, за эту историю корнет Полозов называет его подлецом. Но дело не доходит до дуэли. «На другой день эскадрон выступил. Офицеры не видали хозяев и не простились с ними. Между собой они тоже не говорили. По приходе на первую дневку предложено было драться. Но ротмистр Шульц, добрый товарищ, отличнейший ездок, любимый всеми в полку и выбранный графом в секунданты, так успел уладить это дело, что не только не дрались, но никто в полку не знал об этом обстоятельстве, и даже Турбин и Полозов хотя не в прежних дружеских отношениях, но остались на «ты» и встречались за обедами и за партиями».¹⁹⁹

В этой повести Л.Н. Толстой не только противопоставляет типы гусаров двух эпох — «романтической» и «практической», но как бы подводит черту под эпохой, в которой образ офицера занимал центральное место. При создании образа офицеров у авторов уже нет воодушевления, напротив, офицерское общество, особенно на Кавказе, изображается без прикрас. После поражения России в Крымской войне отношение в обществе к русскому офицеру и к русской армии в целом будет лишено того пиетета, который был в первой половине XIX в. В русской литературе второй половины XIX в. русский офицер уже не будет играть заметной роли, на смену ему придут другие герои.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1 Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Ч. I. С. 80. 2 Там же. 3 Ссеков С., Удерековский Ю. Писатель, воин, гражданин. // Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. — М., 1985. С. 1.	4 Там же. С. 340. 5 Указ. соч. С. 340. 6 Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. — М., 1985. С. 82. 7 Глинка Ф. Н. Указ. соч. С. 147. 8 Там же. С. 151. 9 Глинка Ф. Н. Указ. соч. С. 153. 10 Там же. 11 Указ. соч. С. 155. П. Г. Лихачев, страдавший все время отступления от жестокого ревматизма, командо-

- вал дивизией сидя на стуле, поставленном на холме. Потеряв весь личный состав дивизии, Лихачев обнажил шпагу и, ковыляя на больных ногах, пошел навстречу атакующим французам. Был изранен, но чудом остался жив. Взятый в плен, был подведен к Наполеону, который распорядился отправить его на лечение в Париж. Но по дороге в Кенигсберг умер от ран.
- 12 Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 156.
 - 13 Указ. соч. С. 164.
 - 14 Указ. соч. С. 164.
 - 15 Указ. соч. С. 164-165.
 - 16 Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 178.
 - 17 Указ. соч. С. 198.
 - 18 Серков С., Удерецкий Ю. Писатель, воин, гражданин — Глинка Ф.Н. Указ. соч. // *Глинка Ф.Н. Письма русского офицера*. — М., 1985. С. 13.
 - 19 Там же. С. 14.
 - 20 Глинка С.Н. из «Записок о войне 1812 г.» // 1812 г. в русской поэзии и воспоминаниях современников. — М., 1987. С. 411.
 - 21 Указ. соч. С. 414-415.
 - 22 Там же. С. 415.
 - 23 Указ. соч. С. 415.
 - 24 Указ. соч. С. 415.
 - 25 Там же. С. 416.
 - 26 Михайлов О. «Недаром помнит вся Россия...» // 1812 г. в русской поэзии и воспоминаниях современников. — М., 1987. С. 9.
 - 27 Краснокутский А.Г. «Русский Вестник», 1814. Ч. 25, № 2; Ч. 25, № 1, С. 66-86.; Ч. 24, № 12, С. 20-40.
 - 28 Бестужев Николай Александрович (1791-1854).
 - 29 Повесть Н.А. Бестужева «Русский в Париже 1814 г.» датируется 1831-1840 гг.
 - 30 Бестужев Александр Александрович (1797-1840).
 - 31 Литературное наследство — М.; Л., 1956. Т. 60. Кн. 2. С. 64. В 1820 г. Н.А. Бестужев был помощником директора маяков Финского залива.
 - 32 Благонамеренный. 1821. Ч. 15. № 14. С. 109.
 - 33 Там же. С. 113.
 - 34 «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. — М.; Л., 1960. С. 400.
 - 35 Там же. С. 402.
 - 36 Архипова А.В. Литературное дело декабристов. — М., 1987. С. 154.
 - 37 Бестужев Н.А. Рассказы и повести старого моряка. — М., 1860.
 - 38 Бестужев Н.А. Шлиссельбургская станция // Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. — М., 1987. С. 69-98; Рассказы и повести старого моряка. — М., 1860, с цензурными пропусками, под названием «Отчего я не женат».
 - 39 Капунова Ф.З. Эстетика русской романтической повести. А.А. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы 20-30-х г. XIX в. — Томск., 1973; Троицкий В.Ю.

- Поэтика романтической повести.
А.А. Бестужев-Марлинский//
История романтизма в русской
литературе 20-30-х г. XIX в.(1825-
1840). — М., 1979. С.118; *Он же*.
Художественные открытия
русской романтической прозы
20-30-х XIX века. — М., 1985.
- 40 «Полярная звезда», изданная
А. Бестужевым и К. Рылеевым. —
М., Л., 1960.
- 41 «Полярная звезда», изданная
А. Бестужевым и К. Рылеевым.
С. 451-453.
- 42 Там же. С.453-454.
- 43 Там же. С.455.
- 44 *Пушкин А.С. Дубровский //*
Романы и повести. — М., 1968.
С.140.
- 45 Там же. С. 140.
- 46 Там же С. 140.
- 47 *Пушкин А.С. Указ. соч. С. 140.*
- 48 Там же. С. 140.
- 49 Там же. С. 141.
- 50 Там же. С. 141.
- 51 Там же. С. 150.
- 52 Там же. С. 162.
- 53 *Пушкин А.С. Повести покойного
Ивана Петровича белкина. //*
Романы и повести. — М., 1968. С. 40.
- 54 *Пушкин А.С. Указ. соч. С. 42.*
- 55 Там же. С. 42.
- 56 Пушкин А.С. Указ. соч. С. 43.
- 57 Там же. С. 43.
- 58 Там же. С. 43.
- 59 Там же. С. 43.
- 60 *Пушкин А.С. Указ. соч. С. 44.*
- 61 Там же. С. 45.
- 62 Там же. С. 46.
- 63 Там же. С. 46.
- 64 Там же. С. 46.
- 65 Там же. С. 47.
- 66 *Пушкин А.С. Указ. соч. С. 47.*
- 67 Там же. С. 47-48.
- 68 Там же. С. 48.
- 69 Там же. С. 48.
- 70 *Пушкин А.С. Указ. соч. С. 49.*
- 71 Там же. С. 49.
- 72 Там же. С. 51.
- 73 Там же. С. 51.
- 74 *Пушкин А.С. Указ. соч. С. 52.*
- 75 Там же. С. 52.
- 76 Там же. С. 52.
- 77 Там же. С. 53.
- 78 *Черейский Л.А. Современники
Пушкина. — М., СПб., 1999. С. 136.*
- 79 *Пушкин А.С. Станционный
смотритель //* Романы и повести. —
М., 1968. С. 73.
- 80 Там же. С. 74.

- 81 Пушкин А.С. Указ. соч. С. 78.
- 82 Там же. С. 76.
- 83 Пушкин А.С. Метель // Романы и повести. — М., 1968, С. 59.
- 84 Пушкин А.С. Указ. соч. С. 60.
- 85 Там же. С. 60-61.
- 86 Там же. С. 62.
- 87 Там же. С. 63.
- 88 Там же. С. 63.
- 89 Пушкин А.С. Указ. соч. С. 63.
- 90 Там же. С. 63.
- 91 Там же. С. 63.
- 92 Пушкин А.С. Пиковая дама // Романы и повести. — М., 1968. С. 195.
- 93 Там же. С. 195.
- 94 Там же. С. 195.
- 95 Марченко Н.А. Быт и нравы пушкинского времени. — СПб., 2005. С.319-320.
- 96 Бестужев Н.А. Русский в Париже 1814 г. // О прошлом Отечества. Из русской прозы первой половины XIX века. — Минск.1985. С. 428.
- 97 Бестужев Н.А. Указ. соч. С. 428.
- 98 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.14. — М.-Л., 1941. С. 14.
- 99 Черейский Л.А. Указ.соч. С. 213-214.
- 100 Там же. С. 214.
- 101 Черейский Л.А. Указ. соч. С. 214.
- 102 Там же. С. 214.
- 103 Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Романы и повести. — М., 1985. С. 348.
- 104 Черейский Л.А. Указ. соч. С. 217.
- 105 Пушкин А.С. Указ. соч. С. 360.
- 106 Черейский Л.А. Указ. соч. С. 218.
- 107 Черейский Л.А. Указ. соч. С. 220.
- 108 Там же. С. 220.
- 109 Пушкин А.С. Указ. соч. С. 348.
- 110 Роговер Е.С. Русская литература первой половины XIX века. — М.,2006.С.; История русской литературы XIX века. 1800-1830-е г. В двух частях. Ч.2. — М., 2001. С.30-37
- 111 Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 1994. С. 177.
- 112 Бестужев А.А. Испытание // Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т.1. — М., 1987. С. 334.
- 113 Бестужев А.А. Страшное гаданье // Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т.1 — М., 1987. С.376-377.
- 114 Бестужев А.А. Он был убит // Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т.1. — М., 1987. С.377-378.
- 115 Бестужев А.А. Указ. соч. С. 378.
- 116 Бестужев А.А. Указ. соч. С. 400-417.
- 117 Бестужев А.А. Указ. соч. С. 417.
- 118 Там же. С. 41-418.

- 119 *Белинский В.Г.* Избранные произв.
- 120 *М.Ю. Лермонтов.* Сб. статей и материалов. — Ставрополь, 1960. С.61; *Вацуфо В.Э.* Марлинский и Лермонтов // Творчество М.Ю. Лермонтова. — М., 1964. С. 341-363.
- 121 *Дурылин С.Н.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. — М., 2006. С. 26.
- 122 Там же. С. 26.
- 123 Роман *М. Лермонтова* «Герой нашего времени» (1840) // *Мещеряков В.П., Сербул М.Н.* «Дела давно минувших дней...» Историко-бытовой комментарий к произведениям русской классики XVIII — XIX веков. — М., 2003. С.119
- 124 Там же. С. 119.
- 125 *М.Ю.Лермонтов.* Герой нашего времени // Собр. соч. в 4-х томах. Т.4. — М., 1976. С. 477.
- 126 *М.Ю.Лермонтов.* Указ. соч. С. 477.
- 127 *Мещеряков В.П., Сербул М.Н.* Указ. соч. С. 119.
- 128 *Мещеряков В.П., Сербул М.Н.* Указ. соч. С. 125.
- 129 Там же. С. 125.
- 130 *Дурылин С.Н.* Указ. соч. С. 60-61.
- 131 *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. — М., 1976. С. 35.
- 132 Там же. С. 35.
- 133 *Мещеряков В.П., Сербул М.Н.* Указ. соч. С. 121.
- 134 Там же. С. 121.
- 135 *Дурылин С.Н.* Указ. соч. С. 107.
- 136 *Потто В.* История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 4. — СПб., 1894. С. 59,60.
- 137 *Колубакина А.А.* Воспоминания // «Исторический вестник». Кн.11. — СПб., 1894. С. 382.
- 138 *Бенкендорф К.* Воспоминания // «Русский Архив». Кн.2. — М., 1874. С. 955.
- 139 *Барфенев П.И.* Воспоминания // «Русский Архив». Кн.2. — М., 1874. С. 956.
- 140 *Мещеряков В.П., Сербул М.Н.* Указ. соч. С.122-123.
- 141 Там же. С. 123.
- 142 *Дурылин С.Н.* Указ. соч. С. 109-111.
- 143 *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. С. 65.
- 144 *Белинский В.Г.* Избр. произв. — М., 1948. С. 101.
- 145 *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. С. 75.
- 146 Там же. С. 71.
- 147 *Лорер Н.И.* Записки // «Русский Архив», Кн.2. — М., 1874. С. 668.
- 148 *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. С. 64.
- 149 Там же. С. 97.
- 150 *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. С. 79.
- 151 «Отечественные записки», № 3. Т. 9. 1840. С. 26.
- 152 *Лермонтов М.Ю.* Кавказец // Собр. Соч. в 4-х томах Т.4. — М., 1976.

- 153 *Лермонтов М.Ю.* Кавказец. С. 143–144.
- 154 *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. С.145
- 155 *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. С.145
- 156 *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени // Собр. Соч. в 4-х томах. Т.4. — М.,1976, С. 49.
- 157 *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. С. 31.
- 158 *Лермонтов М.Ю.* Кавказец. С. 145–146.
- 159 *Ливенцов М.П.* Воспоминания о службе на Кавказе в 1840-х гг. // «Русское обозрение». № 4.1894. С. 662–663.
- 160 *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. С. 49.
- 161 *Белинский В.Г.* Указ. соч. С. 88–89.
- 162 М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М., 1964. С. 400.
- 163 «Москвитянин». № 2, 1841. С. 519–520.
- 164 *Розен А.Е.* Записки декабриста. — СПб., 1907. С. 225.
- 165 *Мещеряков В.П., Сербул М.Н.* Указ. соч. С. 126.
- 166 Мещеряков В.П., Сербул М.Н. Указ. соч. С. 127.
- 167 *Розен А.Е.* Записки декабриста. С. 246.
- 168 Мещеряков В.П., Сербул М.Н. Указ. соч. С. 138.
- 169 *Мещеряков В.П., Сербул М.Н.* Указ. соч. С. 138.
- 170 *Розен А.Е.* Записки декабриста. С. 247.
- 171 «Московский телеграф», № 10, 1830, май. С. 182–183.
- 172 *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. С. 62–63.
- 173 «Московский телеграф», № 10, 1830, июнь. С. 188–189.
- 174 *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. С. 63.
- 175 *Дурылин С.Н.* Указ. соч. С. 180.
- 176 *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. С. 9.
- 177 *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. С. 29.
- 178 Там же. С. 123.
- 179 Там же. С. 123.
- 180 *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. С. 119.
- 181 *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. С. 126.
- 182 *Толстой Л.Н.* Собр. Соч. Т.3. — М.,1932. С. 245.
- 183 *Дурылин С.Н.* Указ. соч. С. 146.
- 184 *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 245–247.
- 185 *Кулешов В.И.* История русской литературы XIX века. 70 — 90-е гг. — М., 1983. С. 224.
- 186 *Толстой Л.Н.* Рубка леса // Повести и рассказы в двух томах. Т.1. — М., 1960. С. 17.
- 187 *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 25.
- 188 *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 25–26.

- 189 Толстой Л.Н. Из кавказских воспоминаний. Разжалованный // Повести и рассказы в двух томах. Т.1. — М., 1960. С. 230-254.
- 190 Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 231.
- 191 Кулешов В.И. Указ. соч. С. 225.
- 192 Толстой Л.Н. Севастополь в мае.// Толстой Л.Н. Повести и рассказы в двух томах. Т.1. — М., 1960. С. 72-74.
- 193 Там же. С. 74-112.
- 194 Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 113-172.
- 195 Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 161.
- 196 Толстой Л.Н. Два гусара // Повести и рассказы в двух томах. Т.1. — М., 1960. С. 187.
- 187 Там же. С.
- 198 Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 222-223.

Заключение

Изучение системы военного образования в России, составной частью которой являлись кадетские корпуса, дает нам более объективное представление об объективном военном прошлом России. В настоящее время представления об офицерстве I-ой четверти XIX века варьируются от декабристов и Чаадаева до такой неординарной личности, как граф Аракчеев. Реальный тип русского офицера — это прежде всего его социокультурный облик. У А. С. Грибоедова насмешку и презрение вызывает в первую очередь отсутствие образования у полковника Скалозуба, с его знаменитым «фельдфебеля в Вольтеры дам». Совсем по-иному предстает облик русского офицера по «Письмам русского офицера» Ф. Н. Глинки и в «Певце во стане русских воинов» В.А. Жуковского. Как видно из изученных источников, не менее сложное явление представлял собой и офицер николаевского времени. Представление о военной среде как образованной части дворянства прежде всего связано с декабристами: «декабристы были люди военные». Среди декабристов и лиц, близких к декабристской среде, были офицеры различного общественного и имущественного положения, получившие образование в одних и тех же учебных заведениях. Кадетский корпус мог окончить и скромный армейский офицер, и будущий важный военный сановник. Последнему, уже с 30-х гг. XIX века при условии окончания военной академии представлялась возможность стать представителем военной бюрократии. Сама структура военной службы, с ее строгой иерархией, беспрекословным подчинением старшему по званию, получением следующего звания через определенную выслугу лет, закладывалась в кадетских корпусах.

Кадетские корпуса — закрытые учебные заведения, имевшие, с одной стороны, внутреннюю автономию, а с другой находившиеся под непосредственным контролем Главного начальника военно-учебных заведений, которым в XIX в. последовательно являлись лица императорской фамилии — великие князья Константин Павлович и Михаил Павлович. Особую роль в деле управления кадетскими корпусами играл лично Николай I.

Политика правительства в области военного образования, особенно в царствование Николая I, была всегда четко определенной, ее нельзя назвать непоследовательной. Правительство всегда было в курсе всех событий

корпусной жизни: настроений кадет, высказываний в адрес правительства, происшествий. Все эти проявления заносились в кондуитные и аттестационные тетради, передавались в Главный Штаб военно-учебных заведений, а затем самому Императору. Вместе с тем все колебания, все противоречия в правительственном курсе: политика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, сменившаяся жестким курсом Павла, либерализм начала XIX в., «реакция» 20-х гг., откровенно самодержавная политика Николая I с тезисом «самодержавие, православие, народность» и с «мрачным семилетием» в конце 40-х — начале 50-х гг., — отражались в военно-учебных заведениях.

Поворотным моментом в истории кадетских корпусов, как, впрочем, и в истории всей страны, стало поражение в Крымской войне. Николаю I, желавшему все упорядочить, любое отклонение от нормы казалось неприемлемым, ибо вносило смятение. За 30 лет своего царствования он добился того, что Россия стала могущественной империей но к моменту Крымской войны зашла в тупик во всех вопросах общественной, политической и культурной жизни. Николай, искореняя «свободный образ мыслей», на практике искоренял и многое другое, прежде всего чувство сомнения.

Уверенный во всемогуществе России и себе самом, он не мог представить Россию побежденной. Поэтому поражение в Крымской войне стало катастрофой колоссального масштаба. Она способствовала изменению привычно-восторженного отношения к армии и военным. В корпусах произошли резкие перемены, выразившиеся в резком падении дисциплины, общей деморализации воспитанников, проявлении явного неуважения к начальству, когда считалось возможным не выполнять даже приказы самого императора. Это поставило вопрос о необходимости коренной реформы всей системы внутренней организации, а также воспитания и образования в корпусах.

Все эти изменения принято оценивать исключительно через призму реакционности николаевской политики и объяснять патологическим стремлением монарха к установлению системы всеобщего политического контроля, вызванного страхом перед надвигающейся революцией.¹ Известно и преклонение Николая I перед чёткостью и жёсткой централизацией военной системы, восприятие им армии как своеобразной идеальной модели общества. Все эти факторы, разумеется, нельзя недооценивать, и многие из них были очевидны уже современникам. Вместе с тем, они не могут служить единственным и всеобъемлющим объяснением интересующих нас явлений. Реальная ситуация была гораздо более сложной и многоплановой.

На примере истории военно-учебных заведений России это видно достаточно ясно. Либеральные реформы 60-х — 70-х годов первоначально затронули их самым непосредственным образом: в 1863 г. система кадетских корпусов была ликвидирована и на их месте были созданы военные гимназии, по внутреннему распорядку и учебному плану стоявшие гораздо ближе к гражданским средним учебным заведениям. Лишь Пажеский корпус сохранил свою старую структуру.

Воспоминания бывших выпускников кадетских корпусов стали своеобразным ответом на несправедливость критики в адрес воспитавших их учебных заведений. В конце 80-х — начале 90-х гг. наступило время, когда бывшие кадеты взяли реванш. Их воспоминания построены как полемика с военными гимназиями. В сложившейся ситуации проявилась сложившаяся в середине века оппозиция военных и гражданских лиц: ведь сам военный министр Д. А. Милютин получил первоначальное образование в Московской гимназии при Московском университете, по собственному признанию, довольно поверхностное, хотя впоследствии и окончил Академию Генерального штаба и прошел несколько кавказских компаний, но так и остался в глазах военных штатским человеком. Недаром в своих воспоминаниях П. П. Карцов сказал, что «бывшим гимназистам не понять», когда говорил о преимуществе сугубо военного образования для дальнейшей военной службы.²

С другой стороны, упрек реформаторам кадетских корпусов — это несогласие с изменениями в жизни общества в целом. Если Николаевская эпоха — торжество военных мундиров («9 министров и все — военные»), то эпоха Александра II-го — эпоха расцвета гражданской бюрократии, когда произошла смена мундиров. Для кадетов 30-50-х гг. Николай I был символом величия России, но не символом произвола. «Из стен корпуса» я вышел «чистый сердцем», — звучит в воспоминаниях одного кадета. Система закрытости препятствовала проникновению в корпуса «революционной заразы» и в то же время «по выходе из корпуса» как раз молодые офицеры очень легко оказывались втянутыми в различные общества, кружки (Н.Н. Обручев) и в 20-е, и в 40-е, и в начале 60-х гг. Некоторые кадеты Горного корпуса посещали кружок Бутаевича-Петрашевского.

Критическое отношение к милютинской реформе содержат воспоминания В.Г. фон Боля. Вся служба автора проходила между двумя реформами: «милютинской», 1862-63 гг., и 1881-82, получившей название «контрреформа» П.С. Ванновского. Будучи человеком прогрессивных воззрений, отрицательно относясь к телесным наказаниям и другим жестким мерам воздействия, фон Боль тем не менее не все одобрял и в реформе во-

енно-учебных заведений. Его взгляд крайне интересен для нас: не будучи политическим или общественным деятелем, не участвуя в спорах между «либералами» и «консерваторами», он рассматривал результаты реформ с точки зрения профессионала. Его характеристики конкретны и личностны, они лишены идеологизированной абстрактности, а потому крайне убедительны. Для него очевиден факт, что прежнее воспитание, основанное на одном страхе, оказалось никуда не годным: как только этот страх стал ослабевать, потребовались какие-то радикальные меры, чтобы привести корпуса в порядок. Но скептически Бооль оценивал и воцарившееся в обществе в середине 60-х гг. стремление к изменениям ради изменений, своеобразную моду на реформы, активно пропагандировавшуюся либеральной журналистикой. Вспоминая это время, один из его современников и коллег впоследствии писал о нем как об эпохе, которая «принесла с собой немало колебаний, увлечений и ошибок, способных затруднить спокойный ход всякого дела и особенно вредных именно в деле воспитания подрастающих поколений».³

Частично Бооль согласен с Александром II, который, выслушав доклады о неудовлетворительном состоянии корпусов, сказал: «Не знаю, почему теперь корпуса так дурны, при мне они были в отличном состоянии, если преобразования так необходимы, делайте это, хотя я этому не сочувствую». Сам В.Г. фон Бооль главные недостатки прежних кадетских корпусов видит в следующем: 1) неуместность совместного воспитания детей с юношами, готовившимися вступить в жизнь; 2) неуместность в детском возрасте военной дисциплины, заменившей нравственное воспитание; 3) большое число воспитанников, собранных в одном заведении; 4) почти полное отсутствие понимавших дело воспитателей, так как дежурные офицеры и ротные командиры по большей части не имели понятия о нравственном воспитании и передали его в руки унтер-офицеров, еще менее их способных понимать и вести это дело, требующее серьезной подготовки.⁴

Одобряя концепцию реформы кадетских корпусов, автор воспоминаний отмечает почти полное нарушение этих принципов на практике. Так, один из главных принципов, по которому предполагалось, что директор военной гимназии был только старшим воспитанником, дающим советы младшим, остался только на бумаге. Еще одной из причин неудачи проведения реформы он считает то, что проводить ее в жизнь было поручено генерал-майору Н.В.Исакову, человеку некомпетентному и незаинтересованному в этом деле. Он приводит высказывание Александра II, посетившего осенью 1864 г. 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию: «Государь нашел все грязно, неряшливо, воспитанники не умели даже

прилично стоять перед ним. Государь уехал и сказал Милютину: «Может быть, то, что я видел, так и должно быть, только больше я туда не поеду».⁵

Столь негативную характеристику получает реформа военных учебных заведений во многом потому, что В.Г.фон Бооль не только был ее очевидцем, но и вынужден был претворять в жизнь те решения, которые ему с точки зрения и военного, и педагога представлялись неверными. Даже много лет спустя преобразование I-го Кадетского корпуса он находит «поистине ужасным» и считает недопустимым «изгнание из исторического здания» первого «светского училища в России, давшего стране много славных военных, государственных и литературных деятелей».

При проведении реформы В.Г.фон Бооль отмечает такие негативные стороны, как «совершение преобразования без твердой установки, без всякого внимания к судьбе несчастных детей, которые, перемещаясь с места на место, привыкали к бродячей жизни». В примечаниях к своим «Воспоминаниям» он пишет, что эта часть «Записок» была им составлена в период проведения реформы кадетских корпусов, и при публикации он старался смягчить свои слишком резкие оценки происходивших событий. Но и из этого варианта явствует возмущение необоснованным приказанием Н.В.Исакова о перемещении I-го Кадетского корпуса в здание Павловского кадетского корпуса и наоборот.

Это создало массу лишних неудобств: во-первых, из-за хлопот, связанных с переездом, воспитанники отвыкали учиться, упала дисциплина; во-вторых, самому В. Г. фон Боолю пришлось проделать огромную работу по передаче Павловскому кадетскому корпусу библиотеки, фортификационного, физического, артиллерийского кабинетов, химической лаборатории, всех учебников по военным наукам, затем принять от Павловского кадетского корпуса физический и естественно-исторический кабинеты и в то же время перевезти на Петербургскую сторону зоологический кабинет и все учебные пособия. Возмущение Бооля по поводу переезда на новое место объяснимо: он воспитывался в I-м Кадетском корпусе и многие вещи оставлять новым владельцам было просто жаль.

Несомненно, Бооля беспокоила судьба поистине уникальной библиотеки I-го Кадетского корпуса, насчитывавшей около 10 тысяч томов на иностранных языках. Эта библиотека, состоявшая из книжных собраний Эггерса и Любераса, заботливо пополняемая графом Ф.Е.Ангальтом, считалась в XVIII в. одной из достопримечательностей Санкт-Петербурга. И неизвестно было, как новые хозяева отнеслись бы к ее судьбе. В то же время Боолю пришлось принимать «наследство» от Павловского кадетского корпуса, оказавшееся в «полном неустройстве». Здесь автор с горечью пишет о несчастной судьбе библиотеки Павловского кадетского

корпуса. «К счастью моему, уже успели назначить нового библиотекаря — поручика Загорского, а то бы мне пришлось разбирать и библиотеку, которая оказалась также в полном беспорядке.

По поручению Ванновского до 5000 книг были вынуты как негодные и свалены в библиотеке в угол». Для педагога, искренне заботящегося о нравственном воспитании детей, понимающего огромное моральное воздействие книги, роль книги в формировании личности, это распоряжение П.С.Ванновского представляется кощунственным. Эта история имела продолжение. Имея в виду недостаток места в библиотеке, П.С. Ванновский распорядился вынуть книги из шкафов и составил комиссию для удаления из библиотеки негодных книг для продажи с аукциона. Но, видимо, «эксперты» не сумели должным образом оценить достоинство книг, и «судя по каталогу, вынуты были, хотя и очень старые, но весьма редкие книги, так, например, /.../ знаменитый энциклопедический словарь д'Аламбера и Дидро; правда, их было в библиотеке два экземпляра, и выкинут был один из них, как дубликат, но и это непростительно: можно было его передать в другое военно-учебное заведение».

Кроме того, в «кучу» попали ценные математические книги и около 3.000 томов старых книг на латинском и польском языках, доставшихся Павловскому кадетскому корпусу от Калишского корпуса, закрытого после польских восстаний 1863–64 гг. В.Г.фон Бооль советовал своему преемнику, учитывая «драгоценное качество многих из этих книг, не принимать их в виде «кучи», где могло лежать не то, что указано в каталоге. Однако старому библиотекарю Павловского кадетского корпуса полковнику Руктешелю удалось разжалобить Загорского, и тот библиотеку принял, но по своей беспечности не составил описи. А через год директором корпуса становится генерал-майор Е.К.Баумгартен, который не пожелал исключить книги из библиотеки. За это время до 20 % книг, по всей вероятности, было расхищено.⁶

Возмущает Бооля и тот факт, что при переустройстве I-го Кадетского корпуса все памятники корпуса были заброшены, мраморные доски с именами первых выпускников корпуса были оставлены на складе, а мраморный бюст в.кн. Михаила Николаевича был заброшен с различным хламом. И как заключает Бооль, «...таким образом, одним ударом были разбиты все хорошие традиции I-го Кадетского корпуса». Много подобных явлений встречает Бооль и при переустройстве корпусов. Тем не менее, подводя итог реформе, В.Г.фон Бооль отмечает не только недостатки. По его мнению, главным достижением против прежних кадетских корпусов было то, что воспитанников окружали лица более образованные, чем прежде.

Размышления о реформе включил в свои воспоминания такой видный деятель в системе военного образования, как М.С. Лалаев. По мнению Лалаева, «быстро разрастающаяся у нас повременная печать при значительном облегчении прежних цензурных стеснений нередко оказывала дурное влияние не только на учащихся, но и на самих наставников. Большинство из них, в угоду якобы общественному мнению, уклонялось от всякого активного участия даже во внешнем надзоре за воспитанниками, которые только и думали о своих мнимых правах и возмущались каждым требованием исполнения обязанностей; в то же время резкие порицания кадетского воспитания сделались обычным явлением в нашей журналистике».⁷

С точки зрения барона Н.В. Медема, изложенной в докладной записке на высочайшее имя, «кадетские корпуса, открытые преимущественно дворянству, содействовали сохранению и распространению в армии того консервативно-монархического духа, которым была проникнута большая часть дворянства. Западная журналистика призывает открыть доступ к офицерским чинам для всех классов и тем самым заменить нынешний дух и образ мыслей». Далее Медем приходит к выводу, что «гимназии заменяют кадетские корпуса (с их спецификой), только в исключительных условиях, которых нет ни у нас, ни в большинстве других государств».⁸

Негативно высказывались о реформе военно-учебных заведений и другие известные военные деятели. Известность получила фраза директора Пажеского корпуса (с 1854 по 1861 гг.) В. П. Желтухина, ставшая реакцией на одну из предлагаемых новаций — отменить ношение мундиров преподавателями корпусов: «Умру, но мундира не сниму».⁹

Однако уже к началу 80-х гг. вполне проявились негативные черты этих нововведений: выпускники военных гимназий не соответствовали в полной мере ни требованиям гражданской службы (они уступали выпускникам классических гимназий), ни, что ещё более важно, службы военной, будучи непривычными к суровости военного распорядка и не имея необходимых знаний. Поэтому в 1882 г. система кадетских корпусов была восстановлена, и в основных чертах эти корпуса повторяли аналогичные заведения первой половины XIX в. и просуществовали в таком виде до 1918 г. Таким образом, тенденция к обособлению системы военно-учебных заведений, к специализации военного образования, проявляющаяся с начала века, получила закономерное завершение.

На наш взгляд, главную причину этому следует искать в процессе профессионализации военной службы в смысле её превращения в профессию из наследственной сословной обязанности дворянства. Этот процесс

всё более активно проявлял себя в течение XIX века (особенно — в пореформенную эпоху), хотя так и не получил полного завершения вплоть до I-ой Мировой войны. Его истоки следует искать как в общих тенденциях культурного развития страны (прежде всего речь идёт о становлении и развитии отечественной системы гражданского высшего и среднего образования), так и в изменении роли и места дворянства в социальной структуре общества в целом и в офицерском корпусе в частности.

Утрата дворянством земельных владений, увеличение удельного веса дворян, живущих исключительно за счёт службы и уже в силу этого неспособных воспользоваться старыми сословными привилегиями, постепенно подрывали основы старой государственной и военной системы. Одновременно признаки кризиса проявлялись и в духовной сфере, прежде всего в сфере самосознания дворянства как наследственной военной элиты.⁴⁰ В частности, по наблюдениям русского военного историка Н.Н. Головина, с 1920 г. проживавшего в Югославии, в конце XIX в. даже в гвардейских полках доля офицеров-дворян неуклонно сокращалась: расходы, связанные со службой в гвардии, становились непосильными для многих из них, и соответственно росло число офицеров, происходивших из среды купечества.⁴¹ Таким образом, сама жизнь всё более остро ставила вопрос о замене сословных основ системы военной организации. Неотъемлемой частью этого процесса было и формирование особой системы образования, учитывавшей соответствующую специфику. Как показало время, этим критериям кадетские корпуса соответствовали гораздо в большей степени, чем военные гимназии.

* * *

Повседневная жизнь офицера в исследуемую эпоху была достаточно сложным явлением. При общем настрое эпохи в начале XIX века, когда общество ждало от молодого царя перемен, внутренняя жизнь армии практически не была затронута в том плане, что, как и прежде, она оставалась строго иерархичной и замкнутой. Это позволяло, в свою очередь сохранять корпоративность в офицерской среде. Как и служебная, так и внеслужебная деятельность офицера была подчинена одним и тем же заранее обусловленным обстоятельствам. Как во время службы, так и вне ее у офицеров был один и тот же круг обязанностей, занятий и интересов. Сама повседневная жизнь проистекала из того образа жизни, который был обусловлен военной службой. Ведь офицер не мог полностью принадлежать себе, он, даже находясь вне службы, в любой

момент мог быть туда возвращен, в любой момент мог выступить в поход или заступить на дежурство, отправиться с донесением.

В связи с этим особую роль в жизни военного играла дисциплина. Именно она заставляла подчиняться приказам, так как владение дисциплиной, умение подчиняться и подчинять свою волю, было одним из необходимых условий при несении военной службы, особенно в эпоху Николая I, при котором все стороны жизни общества были четко регламентированы. Война, участие в военных походах, оставались, пожалуй, единственным местом, где военный мог проявить личную инициативу, и был относительно свободен, несмотря на достаточно специфические условия. Вот почему Отечественная война 1812 года, и особенно заграничные походы, вызвали такой подъем в армии. В 30-х — 40-х гг. своеобразным символом вольности становится Кавказ, куда ссылают не только провинившихся офицеров.

Практически во всех воспоминаниях преобладающим является отражение событий, связанных с несением службы, исполнением служебных обязанностей. Повседневная жизнь самими авторами воспоминаний рассматривается через призму непосредственно военной службы. Даже при описании внутренней жизни полка, полкового быта, взаимоотношений с начальством, сослуживцами, каких-то бытовых подробностей, автор никогда не забывает, что он прежде всего офицер. Это характерно и для офицеров столичных гвардейских полков, и для офицеров, которые несли службу в провинции. Даже находясь в отставке, они ощущали себя людьми военными и не забывали об этом по свидетельству современников, нередко сохраняли привычки военных людей. Об этом свидетельствуют и документы: в официальных бумагах к ним обращались «отставной поручик», «отставной штабс-капитан», «отставной полковник». Так же называли себя отставные военные и в прошениях. Профессиональная принадлежность прочно входила в их сознание.

Большинство офицеров, оставивших воспоминания, с благодарностью вспоминают свою службу, своих полковых товарищей, независимо от того, сколько лет они прослужили в военной службе перед выходом в отставку или переходом на гражданскую службу. Вообще, в первую половину XIX в. можно встретить не так мало лиц, прослуживших полвека. Это генералы Л.А. Васильковский, В.А. Докудовский, А.А. Одинцов, Я.О. Отрощенко. Столь продолжительная военная служба часто была продиктована необходимостью содержать многочисленную семью. В свою очередь, ранняя отставка, если она не была вызвана болезнью или ранениями, полученными на полях сражений, свидетельствовала

либо о достаточно прочном материальном положении, либо, наоборот, офицер был вынужден уходить в отставку из-за расстроенного состояния. Еще один вариант отставки — переход в гражданскую службу.

Интеллектуальные и духовные интересы русского офицера в целом совпадали с интересами его современников и определялись общим культурным уровнем эпохи. Можно говорить и о своеобразной моде на чтение. Так, интерес к книгам и увлечение чтением было свойственно поколению эпохи наполеоновских войн. И не только декабристам и близким им по взглядам лицам, но и их современникам, выбравшим иную дорогу. Обсуждать прочитанные книги было принято не только среди столичного, наиболее образованного офицерства, но и офицерами провинциальных армейских полков. Во многом этому способствовали и полковые библиотеки, как в столице, так и в провинции.

В художественной литературе офицер в первой половине XIX в. был одним из главных героев, что определялось, прежде всего, его статусом в обществе, который оставался неизменным до Крымской войны, во время которой статус русского офицера резко пошатнулся. Так, если тип русского офицера, изображенный Ф.Н. Глинкой в его «Письмах русского офицера», вызывает чувство гордости и восхищения, то офицер из «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого, чувство сострадания и безысходности, несмотря на неоднократно приводимые писателем примеры проявляемого им мужества и героизма. «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого, таким образом, явились одним из первых свидетельств того, что русский офицер и русская армия в скором времени будут лишены привычного пиетета, что говорит о грядущих изменениях общества в целом, так как в государстве всегда существует обоюдная зависимость армии, идеологии, и экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

1 См. напр. : *Алпатов Н.И.* Указ. соч., С. 58-59.

2 *Карцев П.П.* Указ. соч. С. 52.

3 *Бооль В.Г. фон.* Указ. соч. // РС. 1904. Т. 120. №9. С. 100 — 101.

4 Там же. С. 303.

5 Там же.

6 Там же.

7 *Лалаев М.С.* Наши военно-учебные заведения под главным начальством в. кн. Михаила Николаевича. 1860-1863. СПб., 1898. С.19.

- 8 Цит. по кн.: *Лалаев М. С. Указ.соч.* С.47-48.
- 9 *Левшин Д.М.* Пажеский е. и. в. корпус за сто лет. СПб., 1902.
- 10 Мы имеем в виду процесс слияния части дворянства с формирующимся слоем русской интеллигенции, разночинской в своей социальной основе. Этот процесс был неизбежно связан с ослаблением и даже постепенной утратой самой основы самосознания дворянства как избранного военно-аристократического слоя.
- 11 Детальное освещение данной проблемы выходит за рамки настоящей работы, и мы вынуждены ограничиться лишь отдельными примерами. Подробнее см.: *Головин Н.Н.* Российские офицеры. // Военно-исторический журнал, 1994, № 1-4 (особенно — №1, С. 46.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

РГВИА. Ф.326. Оп.1. Д. 14.

**Журнал заседаний Комитета
о разработке учебной и медицинской
части «Положения» и «Уставы
для военно-учебных заведений».**

Л. 37—49. Об.

«Общие положения

1. Цель учреждения. Военно-учебные заведения учреждаются с тою целью, чтобы юному российскому дворянству дать приличное звание сему воспитание, в том направлении, как ему быть должно, дабы укоренив в воспитанниках сих правила благочестия и чистой нравственности и обучив их всему, что в предопределении для военного звания знать необходимо, нужно сделать их способными с пользою и честью служить Государю, и благосостояние всей жизни их основать на непоколебимой приверженности престолу.
2. Средства к достижению сей цели. Для достижения важной цели сей, учредить в удобных местах империи цели военно-учебные заведения трех классов: первоклассные по губерниям, второклассные и третьеклассные в столице.
3. Управление военно-учебными заведениями. В каждое из заведений сих определяется директор для управления оным по всем частым, на основании Высочайше утвержденного для каждого положения.
4. Прием воспитанников в заведение. Воспитанники в заведение принимаются в малолетнее отделение (где таковое имеется или будет впредь устроено), и должны быть не старше 10 лет и не моложе 7, а где нет малолетнего отделения, там вновь принимаемые поступают в неранжированную роту, но не моложе 10 лет и не старше 12. Они должны по-русски уметь читать и писать, и знать первые правила арифметики. От воспитанников, принимаемых свыше 12 лет, должно требовать тех познаний, какие определены для того класса, в коем находятся воспитанники равных с ними лет. Старее же 14 лет воспитанников в заведения принимать не должно.
5. Какие документы следует предъявить при приеме в заведение. О каждом к приему представляемом воспитаннике должны быть представлены:
 - 1) свидетельство о дворянском происхождении;
 - 2) свидетельство о времени рождения и крещения;

- 3) свидетельство о здоровом телосложении, в коем должно быть означено: была ли оспа и какая, сие третье свидетельство должно быть не иначе, как по соображению с правилами, особенно начертанными для медиков, делающих освидетельствование детей при поступлении их в корпуса.
6. Осмотр к приему. Каждого, к приему предоставленного, осматривают медицинские чиновники (хотя бы он уже был осмотрен медиками в губернии или другими посторонними) для вящего удостоверения, имеет ли он каких-либо телесных недостатков, или не слабого сложения и здоровья, и буде кто таковым окажется, того принимать не должно.
 7. Время к приему воспитанников. Время представления воспитанников в заведения располагать должно таким образом, чтобы все представленные осмотры их, рассмотрения документов и самый прием воспитанников могли быть сейчас приняты в Пажеский корпус и 1-й Кадетский к 1-му января, во 2-й Кадетский к 1-му мая, в Императорский военно-сиротский дом к 1 сентября.
 8. Предварительные публикации. Директоры сих заведений до сих сроков за 4 месяца обязаны публиковать в Санкт-Петербургских и Московских ведомостях, что ежели кто из родителей и родственников к тому опоздает, нужно или подать начальству этих заведений прошение о принятии детей, то есть не представить прошение с документами по крайней мере за 2 месяца до вышесказанных сроков, или же здоровье детей не будет соответствовать начертанным здесь правилам, то таковым в приеме будет отказано.
 9. Образ воспитания и учения. Образ воспитания и учения для каждого военно-учебного заведения начертан в уставе для военно-учебного заведения.
 10. Производство воспитанников в офицеры по окончании воспитания. Ежегодно после экзамена те из воспитанников, кои достигли 18-летнего возраста, и находясь в верхних классах, заслужили одобрения начальства по успехам в науках и похвальной нравственности представляются к произведению в офицеры; из числа отличнейших по наукам: некоторые в гвардию, другие в Артиллерию и Инженерный корпус; успевшие же по наукам менее первых назначаются в армейские пехотные и кавалерийские полки. При сем наблюдать, чтобы в кавалерию назначаемы были только из тех, кои имеют достойное состояние, и без нужды в кавалерии содержать себя могут.
 11. О времени представления воспитанников к произведению в офицеры. Представления о воспитанниках, удостоиваемых к производству

- в офицеры и из пажей в камер-пажи, делать по окончании годового экзамена, соображаясь со сроками приемов, показанными в п.7.
12. Обмундирование и отправление произведенных в офицеры. Когда представления о воспитанниках, назначенных к производству в офицеры, удостоены будут Высшего утверждения, тогда заведения обмундировывают их установленным порядком из Всемиловейшим пожалованного денежного пособия по форме тех полков, в который кто на службу поступает, по совершенном же обмундировании и отдании в Высочайшем приказе о производстве их, проводятся они на верность службы Его Императорского Величества к присяге, отправляются в места нового их назначения.
 13. Пажескому Его Императорского Величества корпусу сохраняются все положенные его преимущества. Пажескому Его Императорского Величества корпусу сохраняются все преимущества, коими он пользуется, в том числе и дозволение избирать полк, в который кто на службу поступить пожелает, и получение при производстве в офицеры наградных денег: камер-пажам 500, а пажам 100 рублей серебром.
 14. Пособия произведенным в офицеры. Произведенным в офицеры из прочих заведений сохраняются также все выгоды и пособия, коими они пользуются при обмундировании и отправлении их в полки, то есть каждому выдавать от казны третное жалованье по роду войск, в которые они назначены, и вдобавок к тому по 45 рублей.
 15. Старшинство вновь произведенным в офицеры. Старшинство воспитанников при производстве в офицеры назначается по количеству баллов, при последнем экзамене в заведении полученных, с тем, однако же, что фельдфебелям отдается преимущество перед унтер-офицерами, а унтер-офицерам пред кадетами.
 16. Отправление в полки формулярных списков пожалованных в офицеры. О каждом из воспитанников, в офицеры произведенном, доставляется к новому о его начальству за подписанием Директора формулярный список по заведенному порядку.
 17. Перевод воспитанников из роты в роту на место произведенных в офицеры. По воспоследовании выпуска в офицеры, роты комплектуются следующим порядком: гренадерская из воспитанников отличной нравственности, оказавших по экзамену хорошие успехи и поступивших в верхние классы; а прочие по летам их: 1-я рота из 2-, 2-я из 3-, 3-я из неранжированной, а сия последняя из кадет малолетнего отделения, имеющих положенный возраст.
 18. Производство в классные чины неспособных к военной службе. Неспособные же к военной службе, но в прочем равного достоинства

с достаиваемыми к произведению в офицеры, представляются к определению в гражданскую службу, равняющиеся с назначениями в Артиллерию и Инженеры с чином 12 класса, а прочие с чином 14 класса. Каждому из них выдавать от казны 100 рублей и прогоны на 2 лошади по месту родины.

19. Выпуск в армию унтер-офицерами неспособных к военной службе. Если случатся такие воспитанники, которые при похвальном поведении не одарены от природы способностями к учению, и достигнув от 16 до 18 лет возраста не могли приобрести тех познаний, кои потребны, чтоб быть удостоенными к произведению в офицеры, таковых представлять к выпуску в армейские полки подпрапорщиками или юнкерами.
20. Ненадежных к исправлению удалять из учебных заведений. Ежели окажутся воспитанники поведения, благородным юношам несвойственного, и принятые к исправлению их меры остались безуспешны, таковых, если они достигли 16-летнего возраста, выписывать в наказание нижними чинами. Для сего о каждом таком воспитаннике корпусное начальство должно представлять мнение, по важности проступка основанное, сколько лет оставлять его без производства в следующие звания, с тем, что и по прошествии того числа лет не может он быть произведен иначе, как по усмотрении по службе совершенного его исправления. Но если бы оказались и такие воспитанники, как прежде достижения 16-летнего возраста предались столь сильным порокам, что корпусное начальство, с одной стороны, усматривает невозможность к исправлению, а с другой, впредь могущий распространиться и на других воспитанников, то об удалении столь опасного воспитанника из корпуса следует испрашивать предписание Высшего начальства. К сей мере обращаться должно наиболее в рассуждениях таких воспитанников, в коих оказалось явное неуважение к старшим и непослушание, ибо кто не способен повиноваться, тот и в службе терпим быть не может.
21. Неспособные вовсе к службе принимаются на попечение правительства. Воспитанник, в заведениях по болезни или иным случаем сделавшийся к службе вовсе не способным, возвращается родственникам, если они того пожелают, в противном же случае или ежели нет родственников, принимаются на попечение правительства.
22. Исключение относительно юнкеров Школы Гвардейских подпрапорщиков. Школа Гвардейских подпрапорщиков и по п. 2-му хотя состоит в числе второклассных учебных заведений, но в рассуждении приемов в оную, обучения, содержания, распространения, распределения времени экзаменов и выпуска в офицеры она остается при существую-

щих ныне о ней положениях, яко основанных на особливом положении воспитанников сей школы, следовательно, из составленного вместе с сим Уставе о военно-учебных заведениях второго класса, относятся к Школе Гвардейских подпрапорщиков только те статьи, кои заключают в себе правила о физическом и нравственном воспитании.

Устав для военно-учебных заведений

Часть первая

О ВОСПИТАНИИ

Глава первая

О ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

1. Цель физического воспитания. Физическое воспитание имеет целью сбережение и подкрепление здоровья, развитие и усовершенствование телесных сил и способностей.
2. Средства физического воспитания. Средства физического воспитания суть: пища, чистейший воздух, одежда, опрятность, место жительства, телодвижения, образ жизни и призрение больных.
3. Пища...
4. Чистый воздух...
5. Перемена погоды...
6. Одежда...
7. Опрятность. Воспитанник должен, вставши, умывать ежедневно по утрам в определенное время руки, лицо и шею холодной водой, полоскать рот и чистить зубы, а ногти обрезать. Волосы иметь воспитанникам выстриженные, чесать их ежедневно, но не помадить. Полотенце иметь каждому воспитаннику особливо. Переменять оные, равно как носимое белье и наволочки, 2 раза, а простыни однажды в неделю. В летнее время несколько раз в неделю купаться перед обедом или спустя не менее 4-х ч. После одного, в прочее же время года ходить ежедневно в баню, исключая, когда стужа выше 10-ти градусов или весьма ненастная погода.
8. Жительство...
9. Помещение в спальнях...
10. Телодвижения...
11. Гимнастика...
12. ...Сверх военной экзерциции учить их лазанию, плаванию, танцеванию, фехтованию, вольтижированию и упражнять в играх.

13. Образ жизни...
14. Призрение больных...
15. ..Больных воспитанников запрещается оставлять у родственников их для лечения, кроме одержимых хроническими болезнями, требующими продолжительного лечения. Таковых воспитанников отдавать родственникам дозволяется, но не более, как на один год. Если по истечении этого срока воспитанник не выздоровеет, то исключить его из корпуса.

Глава вторая

О ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ

16. *Цель нравственного воспитания.* Цель нравственного воспитания состоит в соделании воспитанников добродетельными и благочестивыми.
17. *Характер.* Основательное образование характера весьма важно в нравственном отношении. Характер человека должен быть основан на ясном и правильном понятии об истинных обязанностях его и на душевном убеждении о необходимости точного оных исполнения.
18. *Образ мыслей.* Все, что имеет влияние на образование мыслей, должно входить в соображение при нравственном воспитании.
19. *Нравственные чувства.* Чувства, кои должно стараться вселять в душу воспитанников так, чтобы они были неразлучны с ними во все продолжение их жизни, — суть: страх Божий, благочестие, чувство долга, беспредельная преданность Государю, повиновение начальству, нежная почтительность к родителям, уважение к старшим, благодарность и любовь к ближнему.
20. *Страх Божий и благочестие.* Главнейшее и решительное влияние на образ мыслей, на сердце и характер имеет Вера. Вселяя страх Божий и благочестие, она служит твердым и надежнейшим основанием нравственности.
21. *Чувство долга.* Из всех нравственных чувств после Веры важнейшим есть чувство долга, и потому и нужно внушать оное воспитанникам с юных лет, показывая им при всяком случае словом и примером необходимость исполнять долг так, чтобы и одно сие слово было уже священным, прежде нежели они в состоянии будут обнять всю важность значения оного, и чтобы отроки и юноши привыкали исполнять долг прежде, нежели сила страстей ослабит в них глас совести.
22. *Преданность Августейшему Государю и уважение к законам.* Вкоренить в воспитанников беспредельную преданность к Державнейшему

Государю и Августейшему Его Долгу и искреннюю приверженность ко всем государственным постановлениям.

23. *Повиновение начальству.* Повиновение начальству, или субординация, есть душа всякой службы, наипаче военной. Беспрекословное исполнение всякого по службе приказания есть долг каждого служащего.
 24. *Почтительность к родителям...*
 25. *Уважение к старшим...*
 26. *Благодарность.* Внушать воспитанникам, что за попечение и воспитание чувство благодарности они наибольшее питать должны к благодетельствующему правительству, а потом к наставникам и учителям, яко посвятившим себя на многотрудное для них, но благодетельное для воспитанников дело.
 27. *Любовь к ближнему...*
 28. *Нравственные качества.* Главнейшие нравственные качества суть: власть над собою, воздержанность, укрощение страстей, стремление к усовершенствованию себя, деятельность, порядок, честность, бескорыстие, правдолюбие, справедливость, твердость духа, неустрашимость и скромность.
 29. ...Для утверждения сих качеств в воспитанниках должно: 1) в случае проступков собственное признание есть первый шаг к исправлению, также и к уменьшению вины, а потому и заслуживают снисхождения, упорство в признании вины и лжи, усугубляя вину, тем строже наказывается, 2) предупреждая привычку к неправде, воспитатель должен внушать воспитанникам в случае проступков, что собственное признание есть первый шаг к исправлению вины, а потому и заслуживает снисхождения.
 30. *Средство к достижению цели нравственного воспитания.* Средство к достижению цели нравственного воспитания есть развитие нравственного чувства, пример соревнования честолюбия, учение чтения, разговоры, награждения и наказания.
<...>
 47. *Телесные наказания.* Телесные наказания дозволяются одни в присутствии товарищей, а другие при собрании одной или нескольких рот.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

РНБ. ОР. Ф.1057.

Рукописные журналы

Сухопутного Шляхетского корпуса. Д. (б.номера/).

Плоды счисления господ кадетов.

*Изречения и афоризмы, представленные в журнал**«Плоды счисления господ кадетов»**кадетами 2-3-го возрастов (9-12 и 12-15 лет). Выборка.*

(Тема: Добродетель, порок, добро, счастье, несчастье, довольство, благополучие, слава)

«3 возраст, 1790 г.

10 января

Несчастье учит людей разуму из добродетели.

Петровский

13 января

Благодарность есть не только высокая добродетель, но и мать всех добродетелей. И весьма великий вред, что можно сказать о человеке, что он обвиняем неблагодарностью.

Шахов (Л. 7)

19 января

Порок есть такое чудовище, что дабы его возненавидеть, надобно только его увидеть.

Данненберг (Л. 10)

23 января

В свете сем никого совершенного нет.

Клинкенберг (Л. 12)

28 января

Храбрость не есть добродетель, когда она же управляет разумом, иначе же она есть не что иное, как безумное презрение к жизни и глупая горячность.

Юркевич (Л. 14. Об.)

15 февраля

К благоразумию и мудрости восходят по трем ступеням: первая — познать добродетель; вторая — любить добродетель; третья — быть добродетельным.

Константинович (Л. 23. Об.)

- 4 марта Когда в ком видишь порок, не обличай его, но смотри сперва, нет ли в тебе такового.
..... (Л. 32)
- 26 июня Счастливо то семейство, которое не имеет много богатства и которое не претерпевает бедности.
Александр Рыкачев (Л. 89)
- 1 августа За счастливого человека почитается тот, которому мало зла приключается.
Мерлин (Л. 108)
- 31 октября Не довольно познать добродетель, но ее надобно и любить, но и еще не довольно и любить, но еще надобно и иметь.
Шмидт (Л. 152. Об.)
- 3 возраст, 1791 г.
- 20 февраля На счастье нельзя нам много полагаться.
В единый миг оно возможно миноваться.
Напрасно славиться высокостью чинов.
Высокие дубы скорее ветер сражает.
Скорее он верхи чертог златых ломает.
Как нежель шалаши невинных пастухов.
Константинович (Л. 26)
- 27 февраля Честь есть суета, бедность — беспокойство,
Слава — пустота, пустота — геройство.
Тарбеев (Л. 29. Об.)
- 15 апреля Истинное благополучие ни в великой силе и власти, ни в великом богатстве содержится, но от воздержания страстей, да еще от того зависит, дабы человеку все разумно и справедливо делать.
Шубин (Л. 58)
- 17 апреля Счастье и дары почти всегда таким людям достаются, которые всего меньше других достойны, а доброму и честному человеку заслуга то, что ему честь и слава приносит.
Каткаров (Л. 54)

- 21 мая Безумие есть вещь хотеть невозможного.
Бунинский (Л. 71)
- 26 июня Человек без добродетели есть прекрасное тело
без души.
Волков (Л. 89)
- 27 июня Не хвались своими добродетелями, как некоторые
хвалятся своими портками.
Каховский (Л. 89. Об.)
- 16 сентября Кто в счастии подвергается своевольству, тот спешит
к падению.
Воейков (Л. 30)
- 2 возраст, 1792 г.*
- 6 января Не должен из людей достойнейших никто,
Жизнь бедную ведя на век отчаиваться.
Дни злые наконец в другие изменятся.
Пономарев (Л. 31. Об.)
- 14 января Человеколюбие есть первая добродетель.
Кавалько (Л. 7. Об.)
- 17 февраля Не столько счастлив, кто богат,
Как тот, кто добр и тароват.
Богданов (Л. 24)
- 23 февраля Добродетель состоит не в словах, а в честных делах.
Калецкий (Л. 27)
- 19 марта Добродетель толикую имеет в себе приятность,
что и от самих ее врагов почтение.
Киле (Л. 40)
- 27 апреля Лучше быть достойным счастья, нежели счастливым.
(Л. 59. Об.)

- 17 мая Нет сильнее орудия, чем добродетель.
Степанов (Л. 69. Об.)
- 9 июля Если не можно всегда быть счастливым, то можно
всегда быть довольным.
Бахметьев (Л. 95)
- 2 сентября Рассудок есть источник нашего счастья.
Кавелин (Л. 122. Об.)
- 30 сентября Богатства скрывают порок, а бедность — добродетель.
... (Л. 137. Об.)
- 4 октября Если бедность есть мать пороков, то недостаток
разума — оных отец.
Борзов (Л. 139. Об.)
- 13 января Слабость есть единый порок, который нельзя
исправить.
Вячеслав (Л. 7)
- 20 января Несчастье служит для двух вещей: испытывать друзей
и почитать добродетель.
Кипан (Л. 10. Об.)
- 5 возраст, 1792 г.
- 29 января Несчастье учит людей рассуждать и быть добродетельными. Счастье или несчастье человека зависит наиболее от его воображения. Они счастливы или несчастливы, как оное себе воображают.
Бабич (Л. 15)
- 2 возраст, 1793 год
- 1 января Кто добродетель сохраняет,
Тот прямо счастливо живет,
Ничто его не устрашает
И дух спокойный не мятет.
Зиновьев (Л. 1)

- 14 января Раб страстей не может никогда сказать о себе,
что он не невольник.
Шубин (Л. 7. Об.)
- 15 января Нет никакой твердости в той добродетели, которая не
основана на смиренномудрии.
Кавалько (Л. 8)
- 18 января Презрение величества мира сего есть мера
истинного человеческого величества.
Иван Кавецкий (Л. 9. Об.)
- 13 марта Суета гораздо больше имеет участия
к великолепным делам, нежели добродетель.
Бабич (Л. 36. Об.)
- 8 апреля Прежде последнего часа жизни не должно
судить о счастии человечества.
Шубин (Л. 49. Об.)
- 9 сентября Убыток человека скорее всего научит.
Сен-Лоран (Л. 127)
- 3 возраст, 1793 год
- 10 августа Не всякому старцу в игуменах быть.
...
- 2 возраст, 1794 год
- 30 января Не рождение в подлом состоянии постыдно,
но обращение в делах подлых.
Крабб (Л. 15. Об.)
- 3 февраля Делать добро и сносить великодушно всякое
злословие есть царская добродетель.
Каменский (Л. 17. Об.)»

(Тема: Государство, закон, обязанности человека перед обществом, любовь к Отечеству, труд)

«5 возраст, 1790 г.

22 июля Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам.

Шватер

7 января Послушание и повиновение суть первые должности человека, хотящего исправить свою должность. Тот, кто хочет повелевать, должен знать повиноваться, и чтобы требовать повиновения, должен сам быть первым.

Маловиневский (Л. 4)

17 января Сделаться полезным обществу есть самое приятное удовольствие, до которого одаренное разумом творение в свете сил достичь может.

Смирнов (Л. 9)

18 января Всякий должен избирать такой род жизни, в котором может оказать добрые и полезные людям и Отечеству услуги.

Петров (Л. 9. Об.)

20 апреля Всякому младенцу предложат два великих пути: первый — справедливости, другой — любви к Отечеству.

Навроцкий (Л. 55. Об.)

21 апреля Закон предписывает человеку любить ближнего как самого себя.

Юркевич (Л. 56)

21 мая Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам.

Монахтин (Л. 71)

22 мая Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все были подвержены тем же законам.

Лопотов (Л. 71. Об.)

24 мая Законы можно назвать способами, коими люди сохраняются в обществе и без которых общество бы разрушилось.
Сквердин (Л. 72. Об.)

15 июля Труд есть должность наша и крепчайший щит против порока.
Радивоевич (Л. 98)

25 августа В государстве ничего так не полезно, как прилежание и трудолюбие подданных.
Сафронов (Л. 119)

6 сентября Самое большое счастье и достойное желание есть быть приятным своему Отечеству.
Смирнов (Л. 125)

25 октября Народ есть тело, а монарх ему глава.
Соболевский (Л. 150)

2 возраст, 1792

6 января Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам.
Журавский (Л. 3. Об.)

30 декабря С того времени, как истинное дружество между людьми исчезло, корыстолюбие стало управлять обществом.
Зиновьев (Л. 178. Об.)

3 возраст, 1792 г.

12 января Самое великое счастье и достойное желание есть то, чтобы быть полезным и приятным своему Отечеству.
Раковский (Л. 6. Об.)

15 февраля Награда честному человеку состоит в личном почтении, что есть залог, чем общество ему долженствует.
Уфимич (Л. 22. Об.)

19 марта Самое великое счастье и достойное желание есть то, чтобы быть полезным своему Отечеству.
Сенковский

21 мая Без законов все бы в обществе разрушилось.
...(Л. 70. Об.)

2 возраст, 1793 г.

8 июня Законы столь нужны в обществе, сколь необходимо в знаниях основание, а в часах пружина.
Мармолев (Л. 80)

20 июля Первейшая человеческая должность есть служить своему Отечеству.
Шлаттер (Л. 101)

13 августа Когда дом обеднел, можно узнать почтительного сына, когда в государстве смятение, можно узнать верного подданного.
И.Кавецкий (Л. 113. Об.)

22 сентября Народ — тело, монарх его глава.
Крабб (Л. 133. Об.)

2 возраст, 1794 г.

8 января Сколь благополучная держава того монарха, под которого властью и покровительством между прочими добродетелями науки и знания процветают.
Шубин (Л. 4. Об.)

10 мая Кто занимает общественные должности на пользу своего Отечества, тот действительно великий господин.
...(Л. 65. Об.)

11 мая Общество, которое подобно комедии, смешанной часто с печальными явлениями, в которой всяк играет свою роль хорошо или худо, но никто не знает ее содержания.
...(Л. 66)

15 мая Повинуйся законам, ибо они доставляют тебе спокойствие и безопасность.
...(Л. 63)

23 мая Начальникам будь послушен, с равными обходителен, с нижними приветлив.
...(Л. 72)

27 июня Надлежащие соразмерности составляют богатства государства.
Менатдер (Л. 104. Об.)

3 возраст, 1794 г.

март Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам.
...

25 апреля Не надобно никогда роптать на перемены, бываемые в обществе. Сего требует состояние света.
Зиновьев (Л. 45)

28 апреля Совершенство и благополучие общества требуют взаимного между собою спомоществования.
Бабиц (Л. 46. Об.)

30 июня В государстве нет ничего полезнее и нужнее трудолюбия и прилежания подданных.
Терской (Л. 70)

3 июля Ленивый и праздный человек есть бесполезное бремя и гнилой член общества.
Волков (Л. 79. Об.)

13 августа Ослушания закону должен каждый подданный как наибольшего зла остерегаться.
Литвинов (Л. 100)

14 августа Вообще долг каждого подданного есть быть послушну,
по введенным законам себя управлять и оных высоко
почитать.
Сол (Л. 100. Об.)

15 августа Все сочлены гражданского общества должны о состо-
янии оного усердно стараться.
Грабб (Л. 101)

17 августа Законы суть учреждение, коими определяют, что
правительство почитает полезным для благосостояния
государства.
...

18 августа Любовь к Отечеству есть должность члена государства
и каждого подданного.
Кавецкий (Л. 102. Об.)

24 сентября Скупые богачи суть скрытый антонов огонь
в государстве.
Бабич (Л. 121)

25 сентября Богатые люди суть сало, смазывающее в государстве
его колеса, а бедные суть огонь, стремящийся его
растопить.
Кавецкий (Л. 121. Об.)»

(Тема: Равенство, достоинство человека,
честь, богатство, бедность, лесть)

«3 возраст, 1790 г.

17 февраля Сердиться не должно на того, кто тебя выше или ниже,
в то в гнев не будет равенства.
Васильев (Л. 24. Об.)

24 февраля Стремление к богатству причиняет большую часть
наших несчастий.
Егоров (Л. 28)

- 9 марта Не титлами человек может приобрести достоинство.
Пыль, которую ветер возносит до небес не меньше
бывает подла, упавший бриллиант в навоз не теряет
цены.
(Л. 34. Об.)
- 14 декабря Человеку можно со всем своим богатством и знатно-
стью злополучнейшим быть.
Деларю (Л. 179. Об.)
- 3 возраст, 1791 г.
- 13 мая Эпиграмма гордому

Случилось гордого увидеть мне вельможу,
Который наклонить свою боится рожу,
Я кланялся ему, он не нагнулся мне.
Конечно, у него сел чирей на спине.
Потемкин (Л. 67)
- 14 июля Кто богатство предпочтет своей чести, то не достиг-
нет ни богатства, ни чести.
Шмидт (Л. 101)
- 29 августа Ищут богатства, а не находят, однако вещь странная:
не ищут конца дней своих, а находят.
Арбузов (Л. 121. Об.)
- 2 возраст, 1792 г.
- 8 января Коль хотите, чтоб все могли вас почитать,
Достоинство к тому старайтесь снискать:
Разумных предков честь глупцов не украшает,
Но более на них плевать лишь заставляет.
Киме (Л. 4. Об.)
- 13 февраля Бедного должника не отягощайте укоризнами,
а платите работнику должную цену за его труд.
Астафьев (Л. 22)

16 апреля Человек свободен только по праву, которое он имеет
судить о вещах по своему понятию.
Каменский (Л. 54)

18 апреля Ни порода, ни богатство и ни большой чин доставля-
ют уважение на сем свете, но употребление оных.
Шмопек (Л. 55)

8 сентября Унижайся без подлости и возносись без гордости.
Кавецкий (Л. 126. Об.)

10 сентября Лстецы свои слова отравой разметаю,
Хотя наружу мед в устах, на сердце яд скрывают.
Панин (Л. 127. Об.)

3 возраст 1793 г.

1 января Деньги

Беда, коль денег нет, но что за сила тянет
К богатству всех людей! Без денег счастье вянет.
И жизнь без них скучна, живи хотя сто лет.
Пока твой век минет. Беда, коль денег нет.
Беда, коль денег нет, везде они — законы.
Что деньгам воздают им ласки и поклоны.
О, деньги, деньги, вас и чтит и любит свет.
И каждый вопиет: беда, коль денег нет.
Беда, коль денег нет, имея жизнь столь кратку,
Приписывать должны мы счастье к недостатку.
Хоть деньги делают нам множество сует.
Однако без сует — беда, коль денег нет.
Глеркур (Л. 1)

7 января Праздность есть мать бедности, рука трудолюбивая
удаляет нужду, благоденствие и успехи последуют ей.
Егоров (Л. 4)

27 января Достоинство детей зависит от воспитания,
которое им дают.
Зинькевич (Л. 14)

- 18 мая Жадные к богатству всегда недовольны своим богатством.
Арбузов (Л. 69)
- 26 января Испытанная вещь
Без должности; не в службе
Без денег и не в дружбе
На свете плохо жить,
Как нечем пособить.
Вафнан (Л. 13. Об.)
- 1 февраля Богат ты или нет, то знать — не много барыша.
А нужно всем лишь знать, добра ль твоя душа.
Рединер (Л. 16. Об.)
- 2 марта Вопрос: кто всех богаче?
Ответ: Кто малым и нужным доволен.
Кавецкий (Л. 31)
- 3 возраст, 1793 г.*
- 18 сентября Жадность к богатству составляет большую часть нашего жития.
Боголюбов
- 2 возраст, 1794 г.*
- 7 марта Три вещи чудные

Три вещи для меня на свете очень чудны:
Бездельник, что богат, а честны люди скудны.
Что умными, тех чтут, которы безрассудны.
Рединер
- 1 сентября Разумный не взирает на то, каковой чубук носит, но на достоинства того, смотрит.
Лозовников (Л. 122. Об.)

3 возраст, 1794 год

27 января

Эпитафия

Под камнем сим лежит достойный сожаленья,
 Богатый человек, без злат, без серебра,
 Разумный без ума, ученый без ученья,
 Предобрый, никому не сделав в век добра.

Кулашиев (?) (Л. 14)

14 февраля

Богатство погубило больше людей, нежели сколько
 их от самой беспокойной нищеты принуждены были
 умереть.

Турчанинов (Л. 23)

22 июня

Часто думают люди, что одни только цари, князья,
 благородные и знатные якобы благополучную жизнь
 имеют: оне однако несправедливы: благость Божия
 ни единого человека не исключила из благополучия.

Кони? (Л. 74)

23 июня

Правда, что во всяком звании есть нечто приятное,
 чего другие звания не имеют, но зато и всякое звание
 имеет собственные свои тяготы.

Шубин (Л. 74. Об.)

26 июня

Истинное благополучие есть в нас самих.

Шубин. (Л. 76)»

(Тема: Предназначение человека, нравственные
 обязанности, правила поведения в обществе,
 воспитание, дружба, любовь)

«2 возраст, 1790 г.

5 января

Человеку дано
 всякое зло побеждать,
 всякую истину познавать,
 всякое добро достигать.

Шватер.

- 4 января Мысли свои и желания содержите в порядке и не терпите в себе никакого в себе беспорядочного движения.
Зендлин.
- 13 января Убегайте праздности как своего несчастья.
...
- 26 января Говорите мало, слушайте много, думайте сегодня и говорите — завтра.
...
- 6 июня Бога бойся, Государя своего почитай и повелениям его повинуйся.
...
- 3 возраст, 1790 г.*
- 12 января Говори мало: слушай больше,
не говори никогда худого ни о ком,
Не делай ничего насилием,
Не насмехайся над бедными.
Деларю (Л. 6. Об.)
- 16 января Кланяйся человеку, а не платью, у кого душа без порока, тот и благороден.
Вильчинский (Л. 8. Об.)
- 25 января Говорить много и хорошо — дарование здорового рассудка; говорить мало и хорошо — нрав мудрого; говорить много и худо есть порок невеж; говорить мало и худо есть слабость дурака.
Калитинский (Л. 13)
- 14 марта Невыполнение обещаний не есть искусство.
Обман не есть остроумие.
Хитрость не есть разум.
Тонкость не есть чистосердие.
Арсеньев (Л. 37)

- 31 декабря Гни дерево, как еще гнется.
Оленин (Л. 183)
- 3 возраст, 1791 г.*
- 19 января Юноши говорят то, что делают; старики то, что
сделали, а глупые то, что еще намерены сделать.
Казнаков (Л. 10)
- 7 апреля Всякому младенцу принадлежат два великих пути:
Первый — справедливость,
Второй — любовь к ближнему.
Кропоткин (Л. 49)
- 19 апреля Мы обмануты бываем
Всегда мнением своим,
Утром мудры быть желаем,
А днем глупости творим
Шумагин (Л. 55)
- 25 апреля Испытывай людей,
Наружности не верь.
Кто спящим кажется,
тот часто лютый зверь.
Каховский (Л. 58. Об.)
- 5 мая Труднее всех побед
Над чувствами победа
Черкасов (Л. 63)
- 16 мая Кто Бога боится и честно поступает, тот много узнает.
Кавалько (Л. 68. Об.)
- 22 мая Без притчи века не переживешь.
Котляров (Л. 71. Об.)
- 30 мая Беспристрастие есть качество весьма сомнительное,
и часто не меньше от глупости, как от твердости
происходит.
Веревкин (Л. 75. Об.)

- 4 сентября Даже во тьме небесной и то порядку повинуются.
...*(Л. 124)*
- 12 сентября Нет такого союза, который был бы приятнее соединения слов с делами.
Тихарской (Л. 128)
- 20 сентября Самое истинное доказательство благоразумительного человека есть чистосердечное признание своего невежества.
Арбузов (Л. 132)
- 2 возраст, 1792 г.*
- 25 января Раб страстей не может никогда сказать, что он свободен.
Окунев (Л. 11. Об.)
- 27 января Весьма редко или почти никогда не случается, чтоб насмешники в почтении были.
Каменский (Л. 13. Об.)
- 28 января Избегай шуток: они такая зараза, которая разум для нарушения человеческого спокойствия поощряет.
Албедин (Л. 14)
- 15 февраля Не метайтесь никогда душевными дарованиями.
Волков (Л. 23)
- 23 марта Кто в обхождении с людьми неискренно поступает, того скоро все возненавидят.
Кавелин (Л. 42)
- 27 марта Наилучшее средство против гордости есть познание самого себя.
Волхонской (Л. 44)
- 3 апреля Дворянство без воспитания не может нравиться.
Панин (Л. 47)

- 13 мая Наилучшее средство против гордости есть познание самого себя.
Каменский (Л. 67. Об.)
- 27 мая Кто сам себя знает, тот знает и Бога.
Мафмвелов (Л. 71. Об.)
- 25 июня Молодой человек должен говорить с великой осторожностью и воздержанием.
Кислинский (Л. 89)
- 13 июля Менее занимайтесь будущим днем и пользуйтесь настоящим.
Сент-Лоран (Л. 99)
- 26 июля Люби Бога и почитай царя.
Волхонский (Л. 105)
- 19 октября Самое искреннейшее доказательство благорассудочности человека есть чистосердечное признание своего недостатка.
Богданов (Л. 143. Об.)
- 3 декабря Кто ползать родился, тому уж не летать.
Кавецкий
- 3 возраст, 1792 г.
- 24 мая Не делай ласкательства перед человеком просвещенным.
Краснокутский (Л. 72)
- 10 сентября Эпиграмма
Ты сердишься за то, что я тебя люблю,
Безвинно от тебя жестокий гнев терплю.
Никитин (Л. 126. Об.)
- 18 октября Ласкатель есть гнусное чудовище.
Швейковский

....
 Что Господом дано,
 Ты тем наслаждайся,
 Чего не дано,
 О том не сокрушайся.

Человеку дано
 Всякое зло побеждать,
 Всякую истину познавать,
 Всякое добро достигать.

Завтра, завтра, но не сегодня, —
 говорят все ленивые люди.

...

2 возраст, 1793 г.

20 марта
 Бедно жить — гонят, богато — завидят.
 Подло — гнетут, высоко — ненавидят.
 Глупо — не любят, разумно — бранят.
 Свято — порочат, за худо — бранят.
 Кто всем понравиться в свете желает,
 Тот поскорее пусть умирает.

Спешнев (Л. 40)

24 марта
 Всех больше человек сам на себя взирает,
 Всех больше человек сам про себя не знает.

...

13 февраля
 Похвала и роскошь никогда не союжны.
Борзов (Л. 22. Об.)

4 марта
 Мы — господа нашей ненависти, дружбы, гнева,
 мнения и наших слов.
Рашет (Л. 42)

6 марта
 Кто крепок на Бога уповая,
 Тот недвижим смотреть на все злая.
Соболевский (Л. 33)

- 9 апреля Любовь есть упражнение людей, живущих в праздности.
Кавалько (Л. 50. Об.)
- 17 апреля Кто порабощен страстями, того вся жизнь основана на безволии.
Соболевский (Л. 54)
- 24 мая Сколько бы кто хорошо воспитан не был, однако трудно ему противиться худому примеру.
Кавецкой (Л. 69)
- 29 мая Горделивость никому не прилична и самим тем, кто имеет полномочную власть.
Соболевский (Л. 75)
- 19 октября Мы гораздо чаще обманываемся собственным нашим сердцем, нежели лукавством и мщением других.
Зиновьев (Л. 147)
- 27 октября Самолюбие, или любовь к самому себе есть чувство, начертанное в нас природой.
Волков (Л. 151)
- 3 возраст, 1793 г.
- 21 февраля Золотая узда не делает лошадь лучше, нежели богатое платье дурака разумнее.
Барятинский (Л. 31. Об.)
- Лишняя лживость порок нестерпимый.
Лишняя правда предмет мало чтимый.
- Кто много склонен к насмешкам, тот больше всех ими оскорбляется.

...

2 возраст, 1794 г.

7 января

Желание, которое превосходит свои пределы,
есть неосновательно.

Пономарев (Л. 4)

12 января

Жизнь человеческая всех вообще без всякого изъятия
подвергается владению смерти, которое не имеет
различия между людьми.

Борзов (Л. 6. Об.)

13 января

Всяк должен мыслить о своем происхождении
и не быть высокоумным.

Кавалька (Л. 7)

22 января

Дурные шутки подобны изношенной одежде. Первое
показывает недостатки в разуме, а другое в деньгах.

Мармолев (Л. 11. Об.)

29 января

В здоровом состоянии должны так поступать, как
общаемся в случае, когда бывает одержимы болезнью.

*Соболевский (Л. 15)**3 возраст, 1794 г.*

18 февраля

Философские мысли
некоторого французского писателя

Неблагодарны человеки,
Вотще судьбу вините вы.
Что тако кратки наши веки,
Что вы родились таковы.
В своих стремленьях безрассудны,
Вы в свете только жизнью скудны.
Старайтесь ону сократить.
И расточая всюду время,
Сугубите оное лишь бремя.

Раковский (Л. 25)

- 15 июня Знатные особы обязаны ко всем благоприятны,
учтивы и склонны быть.
Макарьев (Л. 70. Об.)
- 18 июня Великая ты тихость и чрезмерная кротость подобны
глупости.
...(Л 71. Об.)»
-

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

РНБ. ОР. Ф.1057.

Рукописные журналы Сухопутного
Шляхетского корпуса. Д. (без номера):
Журнал «L'aurore de 1001 semaine»
(«Тысяча и одна неделя»).

Т. 1, 2, 4.

*Афоризмы, пословицы и поговорки из учебных пособий,
представлявшиеся кадетами ежедневно в журнал
на русском, французском и немецком языках
(Фрагменты)*

Том первый

Понедельник,
21 октября 1790

Украшать мой разум, очищать мое сердце, удержи-
вать язык, занимать мою руку, есть умеренно и мало
спать — вот моя философия.

Калатинский (Л. 1)

Один молодой человек пришел пожаловаться своей
матери, что его шпага была очень коротка. Она ему
ответила: прибавь один из твоих шагов.

Кочетов (Л. 2)

Честь есть воздаяние добродетели.

Егоров (Л. 3)

Один стряпчий, увидев к себе презрение от некоего
президента по причине его младости, сказал ему:
«Государь мой, я молод, но я читал старые книги».
Дзикович (Л. 4)

Чему научаются в колыбели, то вечно не забывается.
Арсеньев (Л. 5)

Воин долженствует любовь к Отечеству являть
повиновением и храбростью.
Аленин (Л. 8)

Мудрый позабывает обиды, так, как неблагодарный
благодетеля.
Левшин (Л. 9)

Добродетель одна может делать совершенных героев.
Арсеньев (Л. 10)

Грубость портит, мешает и уменьшает удовольствие.
Кристофорович (Л. 11)

Мало на что надобно смысла, чтоб что опорочить.
Ключарев (Л. 12)

Честность есть неоцененное сокровище.
Нейхардт (Л. 13)

Хорошие законы суть подпорою государства.
Букинский (Л. 14)

Не все, что знаешь, говори, но при случае и времени.
Жеребцов (Л. 15)

Храни тайну, люби истину и береги дружбу.
Капулов (Л. 16)

Послушание есть первая должность.
Нейхардт (Л. 17)

Похвально прощать, когда имеешь власть отмщать.
Бобоедов (Л. 18)

Скучно, но полезно знать себя, приятно, но страшно
и вредно не знать себя.
Турчанинов (Л. 19)

Любовь и ненависть не продолжают вечно.

Лебядников (Л. 20)

Следуйте добродетели, отдаляйтесь пороков.

Ловиз (Л. 21)

Мудрого человека счастье не возвышает, но несчастье же не унижает.

Константинов ()

Добрый человек только дело имеет о своей добродетели: зло же только со своими богатствами.

Козлов (Л. 23)

Не советуйте ближнему, что ему приятнее, но что ему полезнее.

Переслодской (Л. 24)

Кто все добродетели любит, тот любит и воздержание.

Васильев (Л. 25)

Вторник, 22 октября

Ленивый сам себе в тягость.

Шарлестон (Л. 26)

Худой брат не имеет друзей.

Вильжинкин (Л. 28)

Несчастья служат для двух вещей: испытывать друзей и очищать добродетель.

Пенской (Л. 29)

Старый друг лучше новых двух.

Михайлов (Л. 30)

Дружество никогда от сердца мудрого не убегает.

...(Л. 31)

Воспитание совершает человека.

Жихарев (Л. 32)

Обещание без исполнения есть прекрасное дерево без плода.

Шушерин (Л. 33)

Разумный человек всегда может найти упражнение.

А. Фирсов (Л. 34)

Драгоценные камни имеют свою цену, но добрые
советы суть бесценны.

П.Фирсов (Л. 35)

Кто желает приобрести славу, тот должен в начале
возлюбить труд и добронравие.

Каховский (Л. 36)

Худое платье может прикрыть преизысканный ум.

Соколов (Л. 37)

Надлежит стараться украсить более душу,
нежели тело.

Микостан (Л. 38)

Стыдно человеку обличать другого своею виною.

Гронский (Л. 39)

Весьма трудно исправлять того, кто сам не старается
себя исправить.

Ребиндёр (Л. 40)

По заслугам воздаяние.

Риттер (Л. 41)

Нерадивый не почувствует сладости учения.

Биретов (Л. 42)

Ученому человеку — весь свет отечество.

Вальховский (Л. 48)

Ошибки свойственны человечеству.

Пафмонов (Л. 43)

Равенство всех граждан состоит в том, чтобы
все они были подвержены законам.

Пафмонов (Л. 44)

Нерадивая младость делает бедной старость.
Во всяком возрасте почитай своих родителей.

Гвртонский (Л. 45, Л. 47)

Наука столь высокой цены, что ее за деньги никто
не продает.

Брозих (Л. 48)

Надлежит быть проще, когда ищешь правду.

Делафиф (Л. 49)

Старших себя должно почитать.

Коловов (Л. 50)

Невежество и злой нрав суть следствие худого воспитания.

Сивербрин (Л. 51)

Счастлив тот, кто хорошо говорит и кто умеет хорошо молчать.

Решедов (Л. 52)

23 октября, среда

Изъявляйте всегда благодарность за благодеяние, вам оказываемое, потому что без оказания оного есть быть неблагодарным.

Смирнов (Л. 53)

Когда жизнь сон, так что есть веселие?

Юркевич (Л. 54)

Честно и славно умереть за отечество.

Шмидт (Л. 55)

Неблагодарность есть весьма презрительный порок.

Даннеберг (Л. 56)

Для сердца развращенного дружество не сделано.

Тимченко (Л. 57)

Труд имеет свое удовольствие.

Драхензев (Л. 58)

Добрые примеры служат нам к творению добра, а худые к уклонению нас от зла.

Потоцкий (Л. 59)

Дружество есть важнейшее дело всей жизни.

Оно имеет много оснований к благосостоянию для жизни и весьма часто руководствуется к блаженству и будущему.

Навроцкий (Л. 61)

Хилон обычно говаривал, что три трудные вещи: сечь хранить тайну, сносить обиды, и хорошо препровождать время свое.

Колярович (Л. 62-62. Об)

Все, что вы делаете, делайте с осторожностью,
и во всяком деле рассматривайте конец.
Навроцкий (Л. 64)

Оказанные кто услуги вспоминает, тот часто цену
их в ничто преображает.
...(Л. 65)

Все, что в законе называется наказание, в действительности не что иное, как труд и болезнь.
Минон (Л. 66)

Порок есть такое чудовище, что довольно увидеть,
чтобы возненавидеть.
Астафьев (Л. 68)

Слушайте много и говорите мало, ибо тот,
кто не умеет молчать, тот не умеет также говорить.
Сивердин (Л. 68)

Кто чувствует всю цену добродетели, тот весьма
близок к исправлению оной.
Гебенук (Л. 69)

Антисфен обычно говаривал, что весьма прилежно
примечать должно, что наши недруги рассуждают
и говорят о нас, потому что они говорят лучше,
нежели друзья рассматривают наши пороки.
И как от змеи лекарство, так от недругов пользы
ожидать должно.
Вырубов (Л. 70-70. Об.)

Человек без ума есть тело без души.
С. Глинка (Л. 71)

Работа часто бывает источником удовольствия.
Сердяковский (Л. 72)

Свет наподобие лестницы, один входит, а другой
нисходит.
Сердяковский (Л. 73)

Мудрый забывает обиды, как неблагодарный
благодетеля.
Недкович (Л. 74)

Не делай другому того, чего не хочешь,
чтоб тебе сделано было.

Вырубов (Л. 75)

Старый друг лучше новых двух.

Н. Глинка (Л. 76)

Говорите мало, слушайте много,
Не говорите худого ни о ком,
Не делайте ничего с насилием,
Не насмехайтесь над несчастьем.

Григу (?) (Л. 77)

Молодой человек должен избегать лени.

Вадишвель (?) (Л. 78)

Понедельник, 28 октября

Не делайте зла и не обижайте никого.

Гартуни

Во всяком деле должно слушать обе стороны,
пусть защищает всяк свою сторону.

Жихарев (Л. 197)

Великие хвастуны не могут много делать.

Брозих (Л. 203)

За оказанное добро будьте благодарны.

Глинка, Ремезов (Л. 206)

Среда, 30 октября

В государстве нет ничего полезнее трудолюбия
подданных, ничего же нет вредительнее лени
и праздности.

Шмидт (Л. 211-211. Об.)

Сноси великодушно проступки других, ибо нет
человека не свете, который был бы непогрешим.

Дамменберг (Л. 212)

Во время обеда некто захотел посмеяться над шутком,
который по другую сторону стола сидел, и спросил
его: какая разность между тобою и дураком; шут
ответствовал: стол.

...(Л. 214)

Дитя не знает, кто он таков, ребенок не рассуждает,
юноша все вожелает, муж всегда предлагает (?).
Взрослый человек подвержен печали, старик делается
младенцем. Вот смертный образ нашей жизни.

С. Глинка (Л. 216. Об.)

Ежели ты хочешь отмстить своему неприятелю, то
поступай хорошо.

Сердяковский (Л. 223)

Правосудие есть мать царей.

Н. Глинка (Л. 231)

31 октября

Золото испытывают огнем, человека же несчастьем.

Нагадкин (Л. 241)

Делай добро своим приятелям и неприятелям

Андроньев (Л. 242)

Мы правду получаем с небес и с земли заблуждения.

Лушин (Л. 247)

1 ноября

Лучше при трудах и работе быть старым учеником,
чем старым невежею.

Левшин (Л. 261)

В свете ничего нет совершенного.

Крок (Л. 277)

Государство счастливо, когда злые не могут
начальствовать.

Рыкачев (Л. 278)

Долг родительский есть дать учение.

Мениф (?) (Л. 283)

Государь, который часто законы переменяет,
не любит своих подданных.

Елашин (Л. 285)

Роскошь причиняет более бедствий народу,
нежели война и зараза.

Сафронов (Л. 286)

Людей судят по состоянию, воспитанию, расположению и знаниям.

Макафтин (Л. 291)

Власть судебская состоит в одном исполнении закона.

Цеддельман (Л. 305)

Чужие пороки у нас перед глазами, а мы носим наши за спиной.

Мальшевский (Л. 309)

Том второй

Понедельник,
4 ноября 1790 г.

Есть три рода невежества: ничего не знать, знать худо то, что знаешь, и знать другое, нежели то, что должен знать.

Калатинской (Л. 1)

Учтивость есть дополнение добродетели, хорошее воспитание оную дает, хорошее общество умножает.

Егоров (Л. 4)

Каждый должен избирать такой род жизни, в котором он может оказать добрые и полезные услуги людям и отечеству.

Аленин (Л. 6)

Бога бойся, будь верен Государю и живи честным и совестливым человеком.

Кристофорович (Л. 8)

Истинное благородство состоит в добродетели и мужестве.

Арсеньев (Л. 10)

Честный друг есть успех в обществе.

Лапатов (Л. 13)

Смерть сама по себе не делает вреда.

Ключарев (Л. 14)

Добродетель есть дочь неба.

Турчанинов (Л. 16)

Самолюбие есть самое большое из всех ласкательств.
Лебядников (Л. 17)

Мы не имеем довольно сил, чтоб следовать всему
нашему рассудку.
Бобоедов (Л. 19)

Знайся с честными людьми и со всеми
обходишь учтиво.
Караулов (Л. 21)

Чистая совесть делает, чтоб дни счастливо текли.
Переаидский (Л. 26)

Вторник, 5 ноября 1790 г. Насмешки есть часто недостаток разума.
...(Л. 27)

Чистота есть столь хорошее свойство, что можно
позволить назвать ее добродетелью.
Парамонов (Л. 38)

Употребляйте все ваше старание на свои должности.
Биретов (Л. 43)

Самое лучшее из всех наук есть поклон.
Вальховский (Л. 46)

Страх Божий есть начало премудрости.
Брозих (Л. 48)

Работай днем, чтоб иметь право отдохнуть ночью.
Глинка, Ремезов (Л. 51)

Знатная природа (происхождение) и великие богат-
ства не всегда человека счастливым делают.
...(Л. 53)

Среда, 6 ноября Состояние человека есть такое, что ежели труд
не преодолеет, то беспечность его умертвит.
Навроцкий (Л. 54)

Кто состоянием своим доволен,
тому жить веселее.
Выфубов (Л. 59)

Кто отвечает прежде, нежели выслушает, тот доказывает, что он глуп.

Труднее преодолеть себя, нежели своего неприятеля.

Астафьев (Л. 60, Л. 62)

Человек имеет природу, одаренную благом.

Кто что хочет говорит; тот услышит, чего не хочет.

Н. Глинка (Л. 71—72)

Не шутите никогда над законом.

Ребелев (Л. 75)

Человек от природы имеет хороший нрав, который воспитанием унижается или возвышается.

Мерлин (Л. 76)

Не суди по красоте, но по нравам.

Шмиттен (Л. 81)

Ревностный, усердный и рачительный человек на все готов.

Варнаков (Л. 82)

Покупаемые добродетели всегда стоят дорого.

Лахе (?) (Л. 86)

Добродетель и знания самые лучшие упражнения.

Нагаджин (Л. 93)

Премудрость — драгоценнейшая корона царей и начальников.

Андроников (Л. 94)

Беспутный человек не может быть счастливым.

Колензин (Л. 99)

Чтение должно быть сильнейшее и любимейшее упражнение честного человека.

Шефлер (Л. 100)

Истинная слава следует только за истинными достоинствами.

Барышников (Л. 103)

8 ноября

Учтивость есть одно из величайших благ общества.

Гедеонов (Л. 108)

Будь пред всеми людьми справедлив и честен.
Рудоль (?) (Л. 110)

Здравый рассудок и добрая воля много добрых дел
производит.
Мефтен (Л. 111)

Честный друг есть утеха в жизни.
Морско́й (Л. 113)

Человек должен учиться во всякое время и во всяком
возрасте.
Левшин (Л. 115)

Нерадивая младость делает бедной старость.
Елатин (Л. 116)

Мщение есть начало свирепства.
Полика́рпов (Л. 120)

Справедливый и смиреннoлюбивый человек всегда
будет наслаждаться внутренним успокоением.
Рыкачев (Л. 123)

Добрые дела сами собою воздаяние приносят.
Аксютин (Л. 125)

Человек имеет способ к деланию зла.
Длотовский (Л. 129)

На глупый вопрос нет ответа.
Сафронов (Л. 131)

Соперник лжи есть истина.
Тетерин (Л. 133)

Счастливый тот государь, который не верит, что ему его
льстецы говорят. Такое было Клеобулово нравoучение.
Циор (?) (Л. 136)

Всяк в обществе живущий подвержен общественным
законам.
...(Л. 137)

Душевное украшение несравненно полезнее телесного.
Полетика (Л. 140)

Закон повелевает человеку любить своего ближнего
как самого себя.

Мацкев (Л. 143)

Титлы и похвалы суть обыкновенны тщетности.

Трусов (Л. 146)

Любовь и ненависть не продолжаютя вечно.

Бек (Л. 148)

Предмет наук есть познавать правду, упражнение
оное — ее изыскивать, свойство оной — ее любить,
способы ее приобрести суть отвращения от страстей,
избегание расточительности и праздности.

Чижев (Л. 155–155. Об.)

Некто говаривал о человеке большого роста, который
не имел разума, что он походит на четырехэтажные
жилые дома, у которых самая верхняя горница
обыкновенно хуже всех (обставлена) украшена.

Калатинский (Л. 158–158. Об.)

11 ноября

Спросили у Сократа, зачем он ничего не хочет оста-
вить письменно? Он отвечал: бумага драгоценнее
того, что я хотел на ней написать.

Арсеньев (Л. 159)

Свет как театр, все люди входят по очереди на
явления, представлять свою роль. (Л. 162)

Аленин

Быть верным Отечеству есть средство привлечь
себе почтение всего света.

Гистатович (Л. 164)

Худая беседа похожа на собаку, которая марает тех,
коих она пуще любит.

Макаров (Л. 169)

Праздный человек всегда бывает скучен.

Бобоедов (Л. 171)

Труд преодолевается трудом.

Жеребцов (Л. 176)

Надлежит уступить сильнейшему.

Левин (Л. 177)

Выполнение обещания не есть искусство.

Обман не есть остроумие.

Хитрость не есть разум.

Тонкость не есть откровение.

Константинов (Л. 179)

Никакой человек в свете не есть твердый в зле.

Васильев (Л. 182)

Понедельник,
12 ноября 1790 г.

Прежде нежели друзей изберешь, должно рассматривать их нравы.

Брозих (Л. 205)

Учтивые слова имеют великую силу, а стоят мало.

Де Лафлер (Л. 207)

За счастливого почитается тот, кому меньше зла приключится.

Глинка, Ремезов (Л. 207)

Вторник,
13 ноября 1790 г.

Что Господом дано, о том и наслаждайся.

Чего же не дано, о том не сокрушайся.

На всякой степени приятная есть часть.

На всякой степени есть также и напасть.

С. Глинка (Л. 219)

Четыре вещи лишают человека рассуждения:

любовь, сребролюбие, гнев и пьянство.

Тимченко (Л. 224)

Человек создан для общества.

Недобров (Л. 228)

Лучше быть одному, нежели быть в худой компании.

Сердаковский (Л. 231)

Неблагодарного все ненавидят.

Н. Глинка (Л. 233)

Разум над телом должен иметь полную власть.

Федоров (Л. 244)

Бесполезно просить совета, если решено оному
не следовать.

Левшин (Л. 24..)

Природа нас научает, что всякое
излишество вредно.

Сафронов (Л. 288)

Самая мелкая ложь есть грех.

Макафтин (Л. 294)

Не шути никогда с законом.

Бек (Л. 305)

Том четвертый

Понедельник,
2 декабря 1790 г.

Размышляйте больше о том, что вам писать надобно,
нежели об образе письма, и даже более занимайтесь
чувствовать, нежели писать, чтобы оное в сердце
своём запечатлеть.

Калатинской (Л. 1)

Как пчела ищет цветов, в которых находится больше
соку, так и человек должен выбирать книги, которые
ему полезны суть, и читая оные с прилежанием,
он получит хорошие плоды.

Кочетов (Л. 4)

Пять родов людей нельзя узнать хорошо, как в следу-
ющих случаях: храброго человека в сражении, вели-
ких в огне (гневе), купца в его расчетах, друга в не-
счастьи, а добродетельного человека в бедности.

Аленин (Л. 6—6. Об.)

Наилучший друг есть тот, который говорит истину.

Ловиз (Л. 20)

Человек не должен в своей юности много книг читать,
потому что он не в состоянии оных разуметь, но ему
надлежит хорошие выбирать, дабы от оных полезное
получать.

Тон (Л. 26)

Вторник,
3 декабря 1790 г.

Человек бывает учен не силою, но беспрестанным
учением.

Гронский (Л. 35)

Разумные люди знают все обращать в свою пользу.

Михайлов (Л. 36)

Ничего не делать столь щедро и столь легко, как
советовать.

Кавалька (Л. 49)

Аристотель сказал, что умный от глупого так разнит-
ся, как мертвый от живого.

Ремизов (Л. 50)

Если сильный тебя обидит, прости его.

Колосов (Л. 51)

Слышать, видеть и молчать трудно исполнять.

Астафьев (Л. 63)

Кто первый был царем, тот был солдат счастливый.

С. Глинка (Л. 64)

Лошадь не бывает лучше от золотой узды, дурак же не
умнее от богатого платья.

Выфубов (Л. 66)

Вольность есть право все то делать, что законы
позволяют.

Сердяковский (Л. 76)

Четверг, 5 декабря 1790 г.

Солон говаривал, что не должно никогда вмешивать-
ся, повелевать, не научась прежде повиновению.

Наладкин (Л. 87)

Человеколюбие есть любезная добродетель.

Лунии (Л. 98)

Привычка есть вторая природа.

Варышников (Л. 105)

Пятница,
6 декабря 1790 г.

Сделаться полезным обществу есть самое приятное удовольствие, которого разумный человек может достигнуть в свете.

Мань (?) (Л. 123)

Если человек любит премудрость, то должен неперестанно исполнять свои должности.

Елашин (Л. 127)

Суббота, 7 декабря 1790 г.

Храбрость не есть добродетель, когда она не управляется разумом, иначе она не что иное, как безумное деяние.

Слепушкин (Л. 137)

Невоздержанный дух и порочливая необузданность делает юношество в государстве неспособным по правилам порядка жить.

Полетика (Л. 142)

Несмышленный человек любит волю.

Зильберарф (Л. 154)

Понедельник,
9 декабря 1790 г.

Упражнение, трезвость и умеренность в питье и явстве суть лучшие для души и тела нашего врач. Стыдно честному человеку обличать другого своею виною.

...(Л. 173-174)

Вторник,
10 декабря 1790 г.

Разум истребляется как всякое дело: науки суть его пища, они его питают и исчезают.

Виткунский (Л. 193)

Среда, 11 декабря 1790 г.

Человека познавать по его поведению, так, как птицу по ее крыльям.

С. Глинка (Л. 222)

Душевное спокойствие состоит в порядочном движении, которое ничем не пресекается и ничем не ускоряется.

Тимченко (Л. 225)

Всякий должен исполнять должности того государства, в котором находится.

Мещерский (Л. 239)

Четверг,
12 декабря 1790 г.

Меч уязвляет тело, а слово душу.
Некоторый философ, узря афинянина, который в движении своего гнева своего невольника бил, вот, сказал он, невольник, который бьет другого невольника.

Вольф (Л. 243—244)

Фалес говорил, что ложь столь отдалена от истины, сколько уши от глаз.

Морской (Л. 272)

Сохраняйте закон, который вы получите от Вашего Отца.

Аксютин (Л. 283)

Злой никогда не имеет покоя.
Причина греха есть незнание лучшего.

Елатин (Л. 284, Л. 286)

Не помните уже тогда своих обещаний, когда находитесь в безопасности.

Мак (?) (Л. 288)

Суббота,
14 декабря 1790 г.

Очки самолюбия сидят почти у каждого народа на носу.
Мало каких народов, которых сограждане о преимуществах всего народа себе преимущества доставляют.

Макартин (Л. 307)

Дерзновенно от того ожидать угождений, с которым ты часто обходишься не дружественно.

Рибаул (Л. 308)

Ярость и гнев смущают разум.

...(Л. 307)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

ЦГВИА. Ф.945.

Дежурство главного директора
Пажеского и кадетских корпусов.

Оп. 1. Д. 268. Л. 40-43. Об., 44-52. Об.

*«Каталог Российским книгам, находящимся в библиотеке
Пажеского Императорского Величества корпуса.
Марта 24 дня 1830 г.*

1. Российская история Щербатова. 12 ч.
2. Крузенштерна путешествие вокруг света с атласом и картами. 3 ч.
3. Римская история Роллена. Перевод Тредиаковского. 16 ч.
4. Российская история Карамзина. 11 ч.
5. История о римских императорах. Перевод Тредиаковского. 4 ч.
6. Древняя вивлиофика российская Новикова. 20 ч.
7. Продолжение оной. 11 ч.
8. Исторический словарь. 1 ч.
9. Квинта Курция «История Александра Великого». Перевод Крашенинникова. 2 ч.
10. История о странствиях вообще по всем краям земного шара. Перевод Прево. 22 ч.
11. Российская история Емена. 3 ч.
12. Размышления о причинах величества и упадка Римского народа. Перевод Поленова. 1 ч.
13. Основания всеобщей истории Милота. 9 ч.
14. Словарь математических и военных наук Вельяшева-Волынцова. 5 ч.
15. Артиллерийские записки касательно новой артиллерии с чертежами. 4 экз. в 2 ч.
16. Дифференциальное и интегральное исчисление Кузена. Перевод Гурьева. 1 ч.
17. Артиллерийские предложения Волынцева. 2 ч.
18. Библия. 1 ч.
19. Артиллерийский журнал 1808-го и 1809-го гг. каждого года 3 экз.
20. Нужные познания артиллеристу и инженеру в поле. 5 экз. в 3 ч.
21. Новый словотолкователь по Алфавиту. 3 ч.
22. Детский музей в переплете. 1 ч.
23. Словарь Российской Академии. 6 ч.
24. Полное собрание сочинений Ломоносова. 6 ч.
25. Творения Хераскова. 12 ч.

26. «О разуме законов» Монтескье, перевод Крамаренкова. 1 ч.
27. Нума Понтилия 2-го «Царь Римский Флориас». Перевод Г.Ш. 1 ч.
28. Гансан виордуанский. 1 ч.
29. Собрание сочинений Сумарокова, изданное Новиковым. 10 ч.
30. «Письма Персидские» Монтескье. 1 ч.
31. Географический словарь Российского государства. 6 ч.
32. Сердце и закон Екатерины II. 1 ч.
33. «История Абдеритов Вилланда». Перевод М.Г. 2 ч.
34. «Путешествие вокруг света» Лисянского с атласом. 2
35. Золотое зеркало. 4 ч.
36. «Музарион», или философия Греции» Вилланда. 1 ч.
37. Путешествие в полуденную Россию. Измайлов. В 4 ч. 2 экз.
38. Письма русского путешественника. 6 ч.
39. «Инки, или разрушение Персидской империи» Мармонтеля. 3 ч.
40. Агатон, или философическая картина нравов, обычаев греческих Вилланда. 4 ч.
41. «Донкихот, или чудные похождения Дона Сильвия де Разальвы» Вилланда. 2 ч.
42. Пантеон иностранной словесности. 3 ч.
43. Нравоучительные сказки Мармонтеля. 3 ч.
44. Новые новости Флориана. 1 ч.
45. Шесть новостей Флориана. 1 ч.
46. Новости греческие. 1 ч.
47. «Оберон» Вилланда. 1 ч.
48. Историческое похвальное слово Екатерине II. 1 ч.
49. Естелла пастушеская. Повесть Флориана. 1 ч.
50. Повести Флориана, изданные Вышеловцевым. 1 ч.
51. Статистические таблицы России. 1 ч.
52. «История 30-летней войны» Шиллера. Перевод Бутырского. 9 экз. в 2 ч.
53. «История Римская» Гольшмита. Перевод с английского. 10 экз. в 2 ч.
55. «Сокращенная история Англии» Гольдшмита. Перевод с английского. 10 экз. в 2 ч.
56. «Правила словесности» Толмачева. 10 экз. в 4 ч.
57. «Новейшее землеописание российской империи». Сочинение Зябловского в 2 ч. 1 ч.
58. Краткая записка об оковах. 1 ч.
59. Краткое извлечение из законов. 10 экз.
60. Краткое наставление о солдатском ружье. 4 экз.
61. Артиллерийские чертежи. 6 экз.
62. Собрание стихотворений Буниной. 3 ч.

63. Детский музей. 13 ч. по 14 экз.
64. Почт-словарь Российского государства. 1 ч.
65. Свод Российского узаконения. 3 ч.
66. Письма об образовании ума и сердца. 8 ч.
67. Описание Тульского оружейного завода. 1 ч.
68. Перевод «Истории государства Российского» Г-на Карамзина на итальянский язык. 8 ч.
69. Подробное наставление об изготовлении, употреблении и сбережении солдатского оружия. 2 экз.
70. Греческие классики.
Одиссея. 4 экз.
«История» Геродота. 5 экз.
Пиндора. 2 экз.
Лонгина 2 экз.
Анакреон. 1 экз.
Илиада. 4 экз.
Трагедии Софокла. 4 экз.
Имны Каллимана. 1 экз.
Басни Эзоповы. 1 экз.
71. Военный журнал за 1827 г. 6 экз.
за 1828 г. 6 экз.
за 1829 г. 6 экз.
72. Инженерные записки.
73. Общее наставление для обучения саперов и пионерного батальона. 6 экз.
74. Записки о военных укреплениях. 2 экз.
75. Российско-польский словарь. В 2 ч. по 2 экз.
76. Артиллерия Маркевича. 2 ч.
77. Беседы Блера. 3 экз.
78. Походы россиян в ХУШ столетии. 4 экз.
79. Ольфа Долина история Шведского государства. 8 ч.
80. История Херсона Таврического. 2 экз.
81. Сочинения Державина. 5 экз.
82. Сочинения Карамзина. 8 экз.
83. Сочинения Батюшкова. 2 экз.
84. Сочинения Жуковского. 4 экз.
85. Сочинения Озерова. 2 экз.
86. Басни Хемницера. 1 экз.
87. Басни Дмитриева. 1 экз.
88. Басни Крылова. 1 экз.
89. Басни Измайлова. 1 экз.

90. Записки об артиллерийском искусстве. 1 ч. 2 экз. Неполные экземпляры.
91. Сочинения Княжнина в 5 ч. (недостает 5-й ч.)
92. «История естественная» Бюффона в 6 ч. (недостает 3-й и 6-й ч.)
93. Географический словарь Российского государства в 7 ч.
(недостает первых 4-х ч.)
94. Плутарх для юношества, или жизнь великих людей в 8 ч.
(недостает последних 4-х ч.).

Библиотекарь 7 класса Пелль»

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 2. Д. 4194.

**О покупке российских книг для библиотеки
1-го Кадетского корпуса. 18 апреля 1806 г.**

Л. 2—6.

(Реестр)

«А

1. «Аониды» Карамзина. 3 ч.
2. Атлас Российской империи.

Б

3. «Басни» Хемницера.
4. «Беседы» Иоанна Златоуста.

В

5. «Всеобщий секретарь». 4 ч.
6. «Вестник Европы» Карамзина. 2 года.
7. «Велизарий». Новое издание.
8. «Влюбленный Роланд».

Г

9. «Грамматика философических наук». 4 ч.

Д

10. «Душенька», поэма Богдановича.
11. «Деяния Петра Великого», 30 т.
12. «Древняя российская библиотека», издание Н.И. Новикова. 20 ч.

13. «Древние русские стихотворения».
14. «Досуги» Попова. 2 ч.

Е

15. «Естественная история Бюффона». Перевод Академии. Без 3-ей ч. 7 ч.
16. «Энеида» Вергилия. Перевод г.Петрова.

Ж

17. «Жизнь генерала-фельдмаршала Румянцева-Задунайского». 4 ч.
18. «Жизнь Екатерины Великой».
19. «Жизнь генералиссимуса Суворова». 4 ч.
20. «Жизнь Ла Фарта и Гордона».
21. «Житие и славные дела принца Евгения».
22. «Житие Бэкона».
24. «Журнал Петра 1-го». 2 ч.

З

25. «Зрелище природы и художеств с картинками», 10 ч.
26. «Записки Монтесумы».
27. «Зороастр, Конфуций и Магомет». 4 ч.
28. «Зритель Божиих дел во Вселенной». 4 ч.

И

29. «Исследования свойств и прочего богатства народов» Адама Смита. 4 ч.
30. «История» князя Щербатова. 15 кн.
31. «История российская» Татищева. 4 кн.
32. «История о странствиях вообще». 22 ч.
33. «История описания российской коммерции» Чулкова. 21 т.
34. «Изображения разных памятников древностей», изданные Сакселем.
35. «История естественная», изданная Озерецковским и Севериным. 7 ч. с фигурами.
36. «История кораблекрушений» Яценко. 3 ч. с картинками.
37. «История об Александре Великом» Квинта Курция. 2 ч.
38. «История о государствовании Карла V» Робертсона. 2 ч.
39. «История о переменах в Римской республике» Вертота. Перевод Богдановича. 3 ч.
40. «История скифская» Лызлова.
41. «Инки». 3 ч. с картинами.
42. «Илиада» Гомера. 2 ч.
43. «История Карла XII». 4 ч. 1804 г.

К

- 44. «Критическая история философии» Бруккера
- 45. «Критические примечания на «Историю Российскую» Леклерка, сочиненные Болтиным. 2 ч.
- 46. «Кайя Саллюстия войны».

О

- 81. «О высоком» Лонгина. Перевод г. Мартынова.
- 82. «Опыт повествования о России» Елагина. 3 ч.
- 83. «Очищение разума» Сатра.

П

- 85. «Пантеон иностранной словесности» Карамзина.
- 86. «Пантеон российских авторов».
- 87. «Письма о разных физических и философских материях» Эйлера. 3 ч.
- 88. «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции». 2 т.
- 89. «Потерянный рай» Мильтона. Перевод с английского. 2 ч.
- 90. «Примечание» на ответ Болтина на письмо князя Щербатова.
- 91. «Путешествие по России Лепехина». 4 ч.
- 92. «Путешествие по России Палласа». 5 ч. с распространенными фигурами.
- 93. «Путешествие по России» Елагина.
- 95. «Путешествие Кука». Перевод Голенищева-Кутузова. 6 ч.
- 96. «Разговор о множестве миров» Фонтенеля.

С

- 98. Собрание сочинений Михайла Ломоносова. 6 ч. с его портретом.
- 99. Собрание сочинений Александра Сумарокова. 10 ч. с портретом.
- 100. Собрание сочинений Хераскова. 12 ч.
- 101. Собрание сочинений Якова Княжнина. 5 ч.
- 102. Сочинения Николая Карамзина. 8 ч.
- 103. Сочинения Державина.
- 104. Сочинения и переводы Дмитриева. 2 ч. с виньетками.
- 106. Сочинения и переводы Фонвизина, все.
- 108. «Словарь исторический». 14 ч.
- 109. «Словарь Академии Российской». 6 ч.
- 112. «Словарь географический Российского государства». 6 ч.
- 114. «Словарь коммерческий». 6 ч.
- 115. «Словарь церковный».
- 117. «Система Карла Линнея».
- 123. «Странствия Телемака». Перевод Захарова с картинками.
- 124. «Словарь юридический» Чулкова. 5 ч.

Ф

127. «Физика опытная». Бриссона. Перевод Страхова. 2 ч. с фигурами.
128. «Физика» Кузена. Перевод Северина.

Э

129. «Эстетитика» Мейнерса.

Ю

130. Юстия «Существенное изображение естества народных
обществ и различных законов». 2 ч.

Я

131. «Ядро российской истории» Хилкова.

(Так в документе.
Следует А.И. Манкиев).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 6063.

Начато 28 ноября 1856 — окончилось 31 января 1857 гг.
О 25-летнем юбилее начальнику Главного штаба Его
Императорского Величества
по Военно-учебным заведениям
господину генерал-адъютанту Ростовцеву.

Л.7, 11-11. Об., 14-14 об. (Фрагменты).

*Обед в честь генерал-адъютанта Ростовцева,
давался в 1-м Кадетском корпусе
23 декабря в 4 1/2 часа пополудни*

*(Текст
приветствия)*

Благодарим! Благодарим!
Вот что без лести, без искусства
Мы дружным хором прогремим
В сей день от искреннего чувства.

Когда наш царь нам указал
На путь добра и на науку,

Благодарим — Ты нам подал
Путеводительную руку!

И все согласно семьеи
Вслед за тобою четверть века
Прошли дорогою прямой
Мы к назначению человека!

О наш наставник и отец,
Семьи, царем тебе врученной,
Прийми признательных сердец
Живые чувства благосклонно!

Ты верный в них найдешь залог,
Что все твои нам указанья
Исполнить, как священный долг,
Горим мы пламенным желаньем.

Заслугам доблестным твоим
В твоей душе — вознагражденье...
А мы, мы снова повторим
В глубоком сердце умиление.
Благодарим! Благодарим!
Кадет Стоюкович»

*Роспись расхода вин,
водки, пива и воды*

«Израсходовано нижепоименованных вин
на юбилее, бывшем 23 декабря...
Штаба генерал-адъютанта Я.И. Ростовцева.

Шампанского	283 бутыли
Зельтер-воды	23
Пива	6
Портеру	74
Шато-лафит	164
Сотерну	72
Ренвейну	60
Мадеры	40

Хересу 50
Разной водки 27

Казначей штабс-капитан Флотов»

(Текст поздравления кадетов)

«К общему голосу признательности, любви и глубокого уважения, изъятых Вашему Превосходительству по случаю 25-летия военно-учебной службы Вашей, позвольте присоединить и выражение чувств Ваших детей-кадетов за Вашу нежную у нас попечительность, исполненную глубокого сочувствия и любви.

Благодарим Вас, как нашего наставника, за возбуждение в нас правил чести и основ высшей нравственности, за понятия о неукоснительном исполнении долга человека и военного. Скажем смело, Вы внушили нам истинную высочайшую патриотическую привязанность к нашему высокому Отечеству и к нашим отцам-государям.

Благодарим Вас, как отца, за нежные ласки, за то сердечное участие, которое Вы всегда принимали в наших семейных, до Вас не касающихся, огорчениях и потерях.

Благодарим Вас, как мудрого друга, за ваши советы каждому нуждающемуся из нас, советы, исполненные прожитым и ясным взглядом мужа, исполненного жизнью, богатого опытностью.

С этой благодарностью соединяем и теплые молитвы наши к Богу, да сохранит он надолго дни Ваши для блага и счастья огромной семьи Ваших питомцев».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 3. № 6073. 1857.

**Дело о 125-летнем основании
корпуса кадетов. Началось 24 декабря 1856 г.,
кончилось 20 декабря 1857 г.**

Л. 1—39. (Конверты с описанием 125-летнего юбилея 1-го Кадетского корпуса).

(Рассылка приглашений)

«21 число

Его Превосходительству Николаю Петровичу Анненкову
(получили домашние)

Его Превосходительству Владимиру Гавриловичу
Политковскому (получил Зубов)

Его Превосходительству Ивану Ильичу Хатову
(получил)»

(Счет за елку)

«Для елки воспитанникам
неранжированной роты 30-го сего декабря
и для чаю приторговано разных
принадлежностей.

Для елки:	конфет немецких 25 ф. по 90 коп. сер. фунт	22-50
	мармеладу 20 ф. по 30 коп. сер. фунт	6
	яблок апортовых крупных 300 шт. по 40 десяток	12
	свеч восковых белых 1 сорта 8 ф. по 50 коп. фунт	4
	За елку и уборку оной заплатить	5-50

Для чаю:	сахару рафинаду 1 сорта 20 ф. по 25 коп. фунт	5
	чаю цветочного 1 сорта 4 ф. по 3 р. фунт	75
	сливок густых 1 сорта 5 бут. по 30 коп. бутылка	1-50

Из булочной по заказу:	сухарей сахарных 150 шт. по 2 коп. каждый	42-3/4
	булочки печеные 5 ф. по 50 коп. фунт	2-50

Всего 60 р. 17-3/4 коп.»

29 декабря 1856:

(Черновик текста декоративного оформления)

«Под вензелем и. Анны Иоанновны

Начальники
корпуса

Граф Б.Х. Миних.
Барон У.А. Люберас

Воспитанники

Князь А.А. Прозоровский

Граф П.А. Румянцев-Задунайский
 В.А. Лопухин
 Граф М.И. Скавронский
 Я.Л. Брант
 Князь М.Н. Волконский
 Граф И.С. Гендриков
 Князь П.И. Репнин
 Х.Ф. Штофельн
 А.В. Олсуфьев
 Ц.И. Веймарн
 Граф А.М. Ефимовский
 И.И. Мелиссино
 А.М. Обрезков
 А.П. Мельгунов
 М.А. Деденев
 А.П. Сумароков

Под вензелем и. Елизаветы Петровны

Начальники корпуса Ландграф Л. Гессен-Гомбургский
 Князь В.А. Репнин
 Князь Б.Г. Юсупов
 Наследник и великий князь Петр Федорович

Воспитанники Граф М.Ф. Каменский
 И.Л. Голенищев-Кутузов
 И.П. Елагин
 М.И. Мордвинов
 Князь А.А. Вяземский
 Н.Е. Муравьев
 П.И. Мелиссино
 Н.А. Бекетов
 С.Ф. Стреколов
 Т.И. Тутолмин
 Е.П. Кашкин
 П.С. Валуев
 Граф М.В. Каховский
 М.М. Херасков

В царствование и. Елизаветы Петровны выше Хераскова необходимо должно помянуть графа И.Е. Ферзена.

Под вензелем и. Еккатерины II

Начальники корпуса	И.И. Шувалов
	Князь Н.В. Репнин
	И.И. Бецкой
	М.М. Философов
	А.Я. Пурпур
	Граф А.Б. Де-Бальмен
	Граф Ф.Е. Ангальт
	М.Ил. Голенищев-Кутузов

Воспитанники	Б.Ф. Кнорринг
	А.А. Беклешов
	А.В. Храповицкий
	И.И. Кушелев
	А.У. Болотников
	П.Г. Дивов
	Я.П. Кульнев
	С.С. Кушников
	И.Г. Гогель
	И.С. Горголи
	Граф И.Ф. Толь
	А.И. Хатов
	Князь И.Ф. Друцкой-Любецкий
	М.Е. Храповицкий
	В.А. Озеров
	С.Н. Глинка
М.В. Крбковский	
А.Х. Востоков	

В царствование императрицы Екатерины II

Воспитатель и преподаватели	Князь Ф.В. Сакен (ген.фельд.)
	Анастасий Братановский (архиепископ)
	Я.Б. Княжнин

*В числе воспитанников выше В.А. Озерова должен
быть поставлен Х.О. Штегман, над Кульневым —
П.П. Ушаков.*

Под вензелем и. Александра I

Начальники корпуса Цесаревич великий князь Константин Павлович
 Князь П.А. Зубов
 Граф П.П. Коновницын
 Граф П.В. Голенищев-Кутузов
 Ф.И. Клингер
 М.С. Перский

Воспитанники,
 достигшие чина
 2 класса (зачеркнуто
 карандашом)

П.В. Олферьев
 П.Х. Граббе
 В.А. Глинка
 Князь В.О. Бебутов
 Барон Н.И. Корф
 П.А. Витовтов

Приобретшие
 известность
 на других поприщах

О.А. Коцебу (мореплаватель)
 Писатель Ф.Н. Глинка
 Ф.В. Булгарин

В царствование имп. Александра I

Преподаватели

Михаил Десницкий (митрополит)
 Н.И. Фус
 Л.Ю. Крафт

Внизу под Ф.Н. Глинкою должен быть подписан Ф.В. Бумарин.

*(Уведомление обер-полицеймейстеру
 о спектакле и бале в корпусе)*

«Исправляющему должность Санкт-Петербургского
 обер-полицеймейстера, господину флигель-адъютанту,
 полковнику и кавалеру графу Шувалову

Считая долгом довести для сведения Вашего сиятельства, что в 1-м
 Кадетском корпусе по случаю празднования 125-летия от основания
 заведения, в пятницу, 15 числа сего февраля в 7 часов, имеет быть

домашний спектакль, а в субботу 16 числа бал в 9 часов вечера.
 На первом посетителей будет 400 человек, а на втором до 1500 лиц,
 имею честь покорнейше просить не оставить распоряжение о наряде
 для порядка при разъезде воинской команды.

*Директор ген.- майор Лихонин
 Секретарь правитель дел Львов»*

(Сценарий юбилейного спектакля, черновик)

«Пролог

(по случаю совершившегося 125 летнего от основания 1-го Кадетского корпуса
 сочинен, по случаю сего юбилея Ф.Н. Глинкою,
 бывшим воспитанником 1-го Кадетского корпуса)

Действующие лица:

кадеты четырех («эпох» — зачеркнуто карандашом)
 царствований
 кадеты («эпохи Миниха» — зачеркнуто и подписано
 карандашом) Императрицы Анны Иоанновны
 кадет («времен Ангальта» — зачеркнуто)
 императрицы Екатерины II
 кадет времен(и) Александра I
 кадеты («времен императора» — вставлено) Николая I
 кадеты царствования императора Александра II
 несколько кадет современных

Примечания к прологу.

Театр представляет одну из корпусных зал — окнами в сад или на один
 из корпусных дворов. У стен и на стенах бюсты или портреты основа-
 телей и начальников 1-го Кадетского корпуса, но отдельно от всех, на
 возвышении, поясной бюст государя императора Александра II. По
 сторонам сцены или где-нибудь в приличных местах могут быть
 поставлены транспаранты с означением трех (или четырех) оных:
 Миниховский, Екатерины II, Александра I и Николая I. На этих
 транспарантах должны быть вписаны имена начальников корпуса
 и воспитанников (тех эпох) — кадет, сделавшихся известными своими
 военными заслугами, чинами, талантами и высшими званиями
 в государстве. Таким образом глазам зрителей представится вся
 история корпуса в именах.

2-е

Предполагается, что кадеты прежних эпох (Миниховской, Ангальтовской, Александра I и Николая I) привлечены сочувствием к кадетскому празднику по случаю свершившегося 125-летия со дня основания 1-го Кадетского корпуса. Пожелание их или теней их произошло за сценою (за кулисами). Там они явились, сошлись, объяснились и освоились с нынешними кадетами, а на сцену (в сопровождении кадет Ник. 1-го и нынешних, выходят не только с тем, чтобы рассказать пред публикою в 1-м Кадетском корпусе, каким его знали в современных им эпохах.

Сцена 1-я

Кадет эпохи Миниха

*(в мундире и с амунициею своего времени)**(Осматривается кругом)*

Вот место, где провел я молодость мою!
Оно и то же и не то же,
Зато уж многого я здесь не узнаю —
И сад, и здания... Все, все меня моложе!
Все это дело поздних лет,
А я ведь Минихов кадет!!
Во дни императрицы Анны,
Из дальних русских мест, из глуши, из лесов,
Под царственный ее покров,
Мы вызваны во Град петров
И водянистый и туманный,
Но в нем светил науки свет
И слова Миниха светили,
Его-то мудрость заловила
Гнездо орлиное кадет!
И здесь птенцы орла российского мужали
И вышли рыцарями в свет!
Со мной росли и процветали:
Репнин, Голицын, Левашов,
Прозоровский и Долгоруков,
Чья слава отлилась на внуков,
Васильчиков, и Колычов,
И Новосильцев и Бахметьев.
И отрасль славных Шереметьев,
Скавронский, Пален, Ефимовский,

И Эссен, Розен, Корф, Волконский,
А Миних был светилом всех!
Миних, как сказано в описании, открыл классы
Рыцарской академии

* * *

Учили нас молиться Богу,
Служить, прямить... любить царя.
И праведно стоять по совести и Долгу, —
За трон и святость алтаря!

Мы *рыцарству* от юности учились,
И, возмужав в годах,
С татаринoм и турком бились,
И пешими, и на конях,
В степных, безводных пустырях.
И наши подвиги, в свой век, бывали громки!
А вы (к другим), что скажете, кадет былых потомки?

* * *

А мы? — Мы выросли в Екатеринин век,
Когда весь русский человек,
В красе своей природы развернулся:
Дружила слава нам в боях
И под зарей победной глянец
Водил полки свои Румянцев,
Тогдашний изумляя свет.
И... корпус радуйся! — Он был ведь твой кадет.
Тогда на Русь бросалось много взоров
Завистливых... но вот, за ним, явился сам
На честь своим, на страх врагам,
Монументальный наш Суворов!
— Так, столько славного сбылось в веке том,
Что был готов почестъ историк небылицей:
За то и чудился тот век, с своей царицей
Каким-то баснословным сном:
Она, ведя на отоманов
И русский меч, и русский крест,
Владычеством до океанов
И славой — возросла до звезд!*

И, новая Семирамида,
Возвысила пред светом нас:
Нам покорялася Таврида
И поклонился нам Кавказ!

* Два латинских стиха в приветствии
Станислава, короля польского, Екатерине II.

* * *

И этот век был веком золотым,
И для меня, тогдашнего кадета,
Наукам и трудам святым
Тут посвятил свои я розовые лета,
Тут развился мой смысл, тут оперился ум
И сердце расцвело в саду волшебных дум.
Нам чужды были тут тогдашние движенья,
Жизнь общества, страстей его волненье.
До нас не доходил из-за стены их шум!
Зато у нас и стены говорили:*

На них историк и мудрец
Добру и разуму в прогулках нас учили,
Но лучше всех учил наш общий всех отец,
Наш Ангальт дивный, незабвенный,
Слова его — на памяти сердец! —
«Ко мне, моя семья!» — кричал сей муж почтенный,
«Mer chers enfants» — и все, наперерыв,
Забыты детские забавы,
Одной семьей к отцу сбегались, —
Он всех ласкал, и мы к нему ласкались.
Он был прост, приветлив, говорлив!

* Известно, что в корпусе садовая стена была покрыта изображениями
и выписками из лучших авторов и называлась «говорящею». 3-й (эпоха Александра I)

* * *

— Так, озаренные Екатерины веком,
Мы, с детскою душой, шли к людям в мир сует,
Не зная ни людей, ни света... Но кадет,
По сердцу и уму, был полным человеком!
Сначала странен нам казался свет
И странными казались мы для света,
Но далее Ангальтовский кадет

И полководцем был, и мужем был Совета!
А я, друзья! Я тоже был кадет!
При Александре благодатном
И вышел я, когда весь свет
Кипел в каком-то зное ратном...
Народы сдвинулися с мест
И потекли кипучей лавой,
Россия приняла свой крест
И понесла его со славой...
«Сдавайся!» — запад нам кричал,
И двадцать шли на нас народов,
Но голос предков прозвучал
Из древних замогильных сводов,
И Вера с кличем пронеслась...
«Нет, *Запад*, не кичись!... Россия, не сдавайся!
И Русь Святая (карандашом — «родная») не сдалась».
Она во *весь свой* рост на подвиг поднялась,
Везде сверкал топор, да пика,
И всяк, — от мала до велика —
Пошел отстаивать дома!

И вел полки навстречу полусвета —
Порадуйтесь, кто вел! — Он другом был кадет,
Тот Гений битв, тот муж высокого ума,
Он *наш* — Великий вождь *Кутузов*!

Москва себя на жертву принесла,
Но след и труп Европы и французов
Московская зима снегами занесла!
И пела нам во дни Торжественного мира
Про славную войну поэтов русских лира.

Святая то была у нас война!
И ты — уведала смятенье,
О русский край! — О милая страна!
И нам, и нам грозило покоренье.

Враги, как буря, к нам войной,
И след их был — пожар и степи.
Для нас звучали рабства цепи,

И враг ругался над Москвой!
Но стали русские стеной
И отстояли трон и царство!!*

* На слова этого патриотического гимна знаменитый
нам г-н Маурер сделал превосходную музыку.

* * *

4-й (Николаевской эпохи) И мы стояли за Россию —
Не преклонял пред рогом व्यो
Наш самобытный Николай!
Потомство оценит дела...

* * *

С энергией

Один под солнцем православный,
Сказал он громко: «С нами Бог!» —
И... «Венгрия у Ваших ног!»
Писал к нему фельдмаршал славный.
А сколько перед тем побед
Его Россия совершила!!...
И он, могучий нам, любил,... любил кадет
И дал им брата Михаила!

А тот отцом нам незабвенным стал —
Берег наш ум, наш возраст детский,
Устроил мудро быт кадетский
И мужа разума в начальники нам дал,
По имени его мы здесь не называем,
Но ценим, чувствуем и знаем,
Чем корпус наш его заботой стал!

(Обращение к бюсту
или портрету Михаила Павловича)

А ты, наш Михаил, помощник верный брата,
Сам лучший был солдат и так любил солдат,
Что по-солдатски раз сказал поэт,
— «Тот бывший, как и мы, кадет:
Он с солдатом нараспашку,
«Не лежи лишь на боку,
И готов отдать рубашку

Сослуживцу — бедняку». —
Таков он был.

5-й

Но он не видел дней кровавых
(А как мог быть пригоден он!),
Когда Отечество со всех сторон
Заслышало грозу облавы
И разом с моря и земли
На нас текли полки, летели корабли!...
И мы, на бой готовясь правый, —
Увидели в сплошном пожаре вдруг
И север пасмурный, и наш прелестный юг.

*(помолчав и переменяя тон
на более нежный
и плавный)*

Там, где синею волною
Блещет море меж громов,
Где под нежною луною
Спеет южный виноград,
Где цветет чинар и тополь,
Где фосфор горит в волнах, —
Там стоял наш Севастополь
У Тавриды на часах.

(с большой энергией)

Вдруг надвинуло войною,
За ударом шел удар,
И за дымной пеленою,
Невиданный пожар...
И чугунным градом бомбы
Понеслись на бойцов!!
В погребы и катакомбы
Спрятав жен и стариков,
На стенах стеной стояли
(Веря в Бога и штыки)
Наши русские полки,
Верой русскою согреты...
(опять переменяя тон)
Туда рвались из корпуса кадеты
И те, кому судьбой дано,

По голосу царя, от прелестей столицы
 Спешили на Дунай, дрались у Олтеницы
 С кадетами былыми заодно:
 И было на душе у всех одно:
 «Стоять и умереть»... и многие почили
 Завидным сном... но здесь их не забыли:
 Сияют с честью, — у славы на руках —
 Сияют имена на золотых досках!

5-й (нынешний)

Но стихнула гроза... опять Россия в мире.
 И вся семьей стеснилась при отце:
 Надежды луч скользнул в порфире —
 И милости алмаз горит в его венце!...

(К товарищам)

*И в это время открывається
 на сцене транспарант
 со словами:*

«Юбилей 125-летней жизни 1-го Кадетского корпуса»,

кадеты прежних эпох незаметно уходят).

6-й (к товарищам)

И мы (указывая на бюст императора) к нему,
 усердием светлея,
 Без слов здесь можем ли стоять
 В сей день заветный юбилея,
 Когда уж лет прошло 125.
 С тех пор как первые вошли сюда кадеты
 — Александровской щедростью согреты —
 Должны и мы ему обет сердечный дать
 И получить Его благословенье.

(подходя к бюсту)

Монарх! Благослови младое поколение
 На дело жизни — в свет идти
 И нрав добрее, и здоровое ученье
 В твою Россию Пронести!...
 Да каждый, кто кадет, и в треволнениях всех,
 Самоотверженно, без страха и упрека,
 Христианина- человека, —
 Хранить достоинство везде!!!
 Да помнят юноши вождей своих Советы.
 Да будут все твои кадеты

Бесстрашны на боях и честны на суде.
 (после небольшой остановки)
 Да с прямизною пирамиды*
 Держись одною прямизной, —
 Не покривят весов Фемиды
 Ни брату, ни сестре родной!
 И, не поддавшись ни золоту, ни лести,
 Не выступят из рамок чести!
 Мир древний говорил: «Стой правде»,
 Так чувствовать и жить, монарх, есть наш обет!

(Кланяются и уходят).

* На одной из стен корпусных изображена была пирамида с надписью: «Me droiture me soutiens!» — «Держись своею прямизной!» (древняя пословица римских правителей). Покойный граф Милорадович приказал вырезать это у себя на печати.

(Счет расходов на празднование юбилея)

«О расходе суммы по случаю 125летнего юбилея
1-го Кадетского корпуса 17 февраля 1857 г.

- 1) За прокат и сшитие вновь костюмов, кафтанов, сукна, ковра, духи для курения, обойщикам и другие расходы по гардеробу и уборке — 540 р. 5 коп.
- 2) Лесные, железные и другие материалы и купленные и взятые напрокат сделанные возвышения в театре—179 р. 98 коп.
- 3) Прокат цветов — 69 р.
- 4) Прокат мебели и проч. — 216 р. 50 коп.
- 5) Освещение, настенники, лампы, розетки и пр. — 504 р. 34 коп.
- 6) Музыкантам—74 р.
- 7) Служение обедни духовными лицами — 22 р.
- 8) Десерт, чай, посуду, прислугу и пр. — 638 руб. 80 коп.
- 9) Устройство театра декора Александрову — 900 руб.
(зачеркнуто карандашом Актерам)
- 10) На подарки воспитанникам — 200 р. 24 к.
- 11) За напечатанную историю очерка и пролога, афиши, билетов и приглашений — 108 р. 26 к.»

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

РГВИА. Ф. 318. Оп. 1.Т. 6. Д. 8973. 1837 г.

Константин Жерве.

*(Письмо Константина Жерве директору
Пажеского корпуса П.Н. Игнатьеву
о посещении оружейного завода в Сестрорецке).*

«Многоуважаемый Государь Павел Николаевич!

Еще в понедельник мы все были обрадованы позволением Вашего Превосходительства отправиться в Сестрорецк для осмотра тамошнего оружейного завода. Вы для этого назначили среду, и признаюсь Вам, что вторник казался нам бесконечным от нетерпения, с которым мы обсуждали среду. Наконец, время нашего отправления наступило, в 7 часов утра мы, не привыкнув к загородным поездкам, старались одеться как можно теплее, сели в наши сани, извозчики ударили по лошадям, и мы пустились в путь. Погода была не совсем благоприятная, почти весь день шел снег, холодный и резкий ветер пронизал нас порядочно, несмотря на наше старание от него укрыться, особенно, когда мы ехали заливом. Не стану описывать вам дорогу, которая, пролегая большею частью по льду, состоящему из мелких береж и сосен (так как почти во всей старой Финляндии, что я заметил при моей последней поездке в Выборг, по-своему однообразно), весьма скучна. Только при проезде через Лахту был поражен воспоминанием, как некогда Петр Великий, движимый человеколюбием, для подания помощи погибающему пассажботу сам бросился в воду, но, желая спасти жизнь своих подданных, Государь потерял свое собственное здоровье, столь драгоценное для всей России. Как жаль только, что на этих местах нет никакого памятника, никакого знака, который мог бы указать место и напомнить проезжающему об этом самопожертвовании Государя.

Пробыв почти 2 1/2 часов в дороге, мы благополучно прибыли в Сестрорецк и подъехали прямо к квартире Директора завода генерал-майора Мазараки, чтобы уведомить его о нашем прибытии, начать осмотр завода. Но генерал заставил нас непременно взойти к нему, приняв нас весьма радушно, и предложил напиться у него чаю, и как мы порядочно прозябли, то не заставили долго просить себя и весьма охотно согласились на его просьбу. После этого генерал повел сам нас осматривать завод и показал нам производство всех частей ружья.

Весь завод разделен на 5 цехов: Стволозаварный, Сверлильный, Заточный, Ложевой и Белого орудия. И эти цеха подразделяют еще на отделения.

Все рабочие состоят из находящихся на задельной плате учеников и молотобойцев. Задельная плата расположена таким образом, чтобы каждый рабочий мог вырабатывать около рубля в день, каждый отвечает за вещь им сделанную до самой окончательной сдачи ее из завода, и то, что ежели вещь будет забракована, не только не получает за нее никакой платы за работу, которая пропадает, но обязан представить взамен испорченной такую же вещь из собственного материала, покупаемого им в казне; бракованную же вещь может возвратить в виде лома, и только за половинную цену. Самая неблагодарная в этом отношении работа, это есть заваривание стволов...».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

Декабристы-выпускники кадетских корпусов

1-й Кадетский корпус

Аврамов Павел Васильевич (?—?)

Годы обучения: 1798 г. — до 25 февраля 1806 г.

Булатов Александр Михайлович (1793–1825)

Годы обучения: 1801–1812 гг.

Веденяпин 2-ой Алексей Васильевич (1804–1847)

Годы обучения: 20.07.1820 г.; унтер-офицер — 06.04.1822 г.; выпущен прапорщиком в 9-ю Артиллерийскую бригаду — 09.04.1823 г.

Габбе Михаил Андреевич (1794–1834)

Годы обучения: поступил в 1802 г., окончил корпус в 1811 г., прапорщик л.-гв. Литовского полка — 1812 г..

Глинка Владимир Андреевич (1790–1862)

Годы обучения: выпущен подпоручиком в л.-гв. Артиллерийский батальон — 27.10.1806 г.

Граббе Павел Христофорович (1789–1875)

Годы обучения: 1798 г. — выпущен подпоручиком во 2-ой Артиллерийский полк — 04.03.1805 г.

Краснокутский Семен Григорьевич (1787–1840)

Годы обучения: 01.07.1798 г., унтер-офицер — 15.11.1802 г., выпущен прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк — 07.09.1805 г.

Мозгалеvский Николай Осипович (1801–1844)

Годы обучения: 11.08.1814 г., выпущен прапорщиком в Саратовский пехотный полк — 30.01.1821 г.

Розен Андрей Евгеньевич (1799–1884)

Годы обучения: поступил в 1815 г. — выпущен прапорщиком в л.-гв. Финляндский полк — 12.01.1815 г.

Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826)

Годы обучения: 12.01.1801 — выпущен прапорщиком в 1-ю Конную роту 1-й Артиллерийской бригады — 01.02.1814 г.

Тизенгаузен Василий Карлович (1779–1857)

Годы обучения: 13.06.1789 г. — выпущен подпоручиком в 3-й Егерский полк — 16.06.1802 г.

Шахирев Андрей Иванович (1799–1828)

Годы обучения: 18.02.1810 г., унтер-офицер — 25.03.1816 г., выпущен прапорщиком в Московский гренадерский полк — 22.12.1816 г.

Пажеский корпус**Бегичев Степан Никитич (1785–22.07.1859)**

Годы обучения: записан в корпус 18.11.1795 г.

Витгенштейн Лев Петрович (1799 — 1866)

Годы обучения: воспитывался в Пажеском корпусе, в службу поступил из камер-пажей корнетом в л.-гв. Кавалергардский полк — 08.02.1819 г.

Гангеблов Александр Михайлович (1801–1891)

Годы обучения: паж — 02.07.1813 г.; камер-паж — 04.02.1820 г.; выпущен прапорщиком в л.-гв. Измайловский полк — 26.03.1821 г.

Голицын Александр Михайлович (1798–1858)

Годы обучения: поступил около 1807 г. — выпущен в артиллерию — 26.05.1817 г.

Голицын Валериан Михайлович (1803–1859)

Годы обучения: зачислен пажом — 29.03.1811 г.; камер-паж — 01.02.1820 г.; выпущен прапорщиком в л.-гв. Преображенский полк — 28.03.1811 г.

Ивашов Василий Петрович (1797–1840)

Годы обучения: зачислен пажом около 1811 г., из камер-пажей выпущен корнетом в Кавалергардский полк — 28.02.1815 г.

Кавелин Александр Александрович (1793–1850)

Годы обучения: зачислен 06.07.1803 г. — выпущен подпоручиком в л.-гв. Измайловский полк — 02.12.1810 г.

Коновницын 2-й Иван Петрович (1806–1867 или 1871)

Годы обучения: зачислен пажом около 1820 г. — из корпуса выпущен прапорщиком в 9-ю конно-артиллерийскую роту — 13.04.1825 г.

Норов Василий Сергеевич (1793–1853)

Годы обучения: зачислен пажом 02.10.1801 г., камер-паж — 24.12.1810 г.; выпущен прапорщиком в л.-гв. Егерский полк — 27.08.1812 г.

Пестель Павел Иванович (1793–1826)

Годы обучения: числился пажом с 06.06.1803 г.; определен в Пажеский корпус в 1810 г. по возвращении в Россию из Дрездена; камер-паж — 4.12.1810 г.; выпущен первым по успехам и с занесением имени на Мраморную доску прапорщиком в л.-гв. Литовский полк — 14.12.1811 г.

Пуцин Павел Сергеевич (1785–1865)

Годы обучения: зачислен в 14.08.1797 г. — выпущен прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк — 04.11.1802 г.

Свистунов Петр Николаевич (1803 — 1889)

Годы обучения: зачислен около 1818 г. — выпущен из камер-пажей в л.-гв. Кавалергардский полк — 20.04.1823 г.

*Московская школа для колонновожатых***Басаргин Николай Васильевич (1800–1861)**

Годы обучения: поступил 22.12.1817 г.; выпущен прапорщиком квартирмейстерской части — 30.03.1819 г.

Бобрищев-Пушкин 1-й Николай Сергеевич (1800–1871)

Годы обучения: зачислен 31.01.1818 г.; выпущен прапорщиком — 10.03.1819 г.

Бобрищев-Пушкин 2-й Павел Сергеевич (1802–1865)

Годы обучения: зачислен 31.01.1818 г.; выпущен прапорщиком — 10.03.1819 г.

Заикин Николай Федорович (1801–1833)

Годы обучения: поступил 24.03.1819 г.; выпущен прапорщиком 14.04.1821 г.

Зубков Василий Петрович (1799–1862)

Годы обучения: выпущен прапорщиком квартирмейстерской части — 26.11.1817 г.

Корнилович Александр Осипович (1800–1834)

Годы обучения: август 1815 г.; выпущен прапорщиком в свиту по квартирмейстерской части — 30.08.1816 г.

Лихарев Владимир Николаевич (1803–1840)

Годы обучения: 07.12.1817 г.; выпущен прапорщиком по квартирмейстерской части — 12.03.1820 г.

Муханов Петр Александрович (1800–1854)

Годы обучения: 18.06.1815 г.; прапорщик с 30.08.1816 г.

*Морской кадетский корпус***Арбузов Антон Петрович (1797–1843)**

Годы обучения: 12.02.1810 г. — 07.06.1812 г..

Беляев 1-й Александр Петрович (1803–1887)

Годы обучения: поступил 20.05.1815 г.; гардемарин — 02.07.1817 г.; мичман — 23.02.1820 г.; определен в Гвардейский экипаж — 05.03.1820 г.

Беляев 2-й Петр Петрович (1805–1864)

Годы обучения: поступил 07.06.1819 г.; гардемарин — 07.07.1819 г.; мичман — 01.03.1822 г.; определен в Гвардейский экипаж — 16.03.1822 г.

Бестужев Николай Александрович (1791–1855)

Годы обучения: поступил 22.03.1802 г.; гардемарин — 07.05.1807 г.; мичман — 29.12.1809 г.; зачислен в штат Морского корпуса подпоручиком — 07.01.1810 г.; переведен во флот мичманом — 01.06.1813 г.; лейтенант — 22.07.1814 г.

Бестужев Михаил Александрович (1800–1871)

Годы обучения: поступил в 1812 г.; гардемарин — 10.06.1814 г.; мичман — 01.03.1817 г.; лейтенант 22.03.1822 г.

Бестужев Петр Александрович (1804–1840)

Годы обучения: поступил в 1812 г.; гардемарин — 1817 г.; мичман — 22.02.1820 г.

Бодиско 1-й Борис Андреевич (1800–1828)

Годы обучения: поступил 01.06.1809 г.; гардемарин — 19.07.1814 г.; мичман — 01.03.1817 г.; определен в гвардейский экипаж — 09.12.1817 г.; лейтенант — 22.03.1822 г.

Бодиско 2-й Михаил Андреевич (1803–1867)

Годы обучения: поступил 25.06.1812 г.; гардемарин — 23.06.1817 г.; унтер-офицер 16.02.1820 г., произведен в мичманы и определен в 1-й Флотский экипаж — 23.02.1820 г., переведен в Гвардейский экипаж — 15.03.1823 г.

Вишневский Федор Гаврилович (1798–1865)

Годы обучения: поступил в 1811 г.; гардемарин — 12.02.1813 г.; мичман — 16.02.1816 г.; определен в Гвардейский экипаж — 08.04.1816 г.; лейтенант — 23.04.1821 г.

Дивов Василий Абрамович (1805–1842)

Годы обучения: поступил в 1816 г.; гардемарин — 06.06.1818 г.; мичман — 02.03.1821 г.; определен в гвардейский экипаж — 10.05.1823 г.

Завалишин Дмитрий Иринархович (1804–1892)

Годы обучения: 02.06.1816; гардемарин — 10.06.1816 г.; унтер-офицер — 12.02.1819 г.; выпущен мичманом — 03.03.1819 г.; определен преподавателем в Морской корпус — 28.05.1820 г.

Кюхельбекер Михаил Карлович (1798–1859)

Годы обучения: поступил в 1811 г., гардемарин — 07.06.1813 г.; зачислен в Гвардейский экипаж — 02.02.1814 г.; мичман — 21.07.1815 г.

Торсон Константин Петрович (1793–1851)

Годы обучения: зачислен 04.09.1803 г.; гардемарин — 23.05.1806 г.; произведен в мичманы — 01.04.1809 г.

Штейнгель Владимир Иванович (1783–1862)

Годы обучения: поступил 14.08.1792 г.; гардемарин — 09.05.1795 г.; старший унтер-офицер — 18.10.1798 г.; мичман с определением в Балтийский флот — 18.05.1799 г.

Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович (1798–1858)

Годы обучения: поступил 05.03.1810 г.; гардемарин — 09.09.1813 г.; мичман — 18.02.1816 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аврамов П.В. 446
Агапчевский, адъютант 183
Ададуров 215
Адлерберг В.Ф. 153, 256
Адольф Густав 98, 279
Айрапетов О.Р. 27
Аксютин И., кадет 416
д'Аламбер Ж. 245, 265, 267, 370
Албедин, кадет 400
Александр I, император 18, 29, 45, 46, 60, 62, 78, 83, 93, 111, 116, 120, 111, 116, 120, 121, 162, 181, 185, 186, 188, 190, 232, 324, 435, 436, 437, 439, 440
Александр II, император 48, 50, 176, 224, 367, 368, 436
Александр Македонский 99, 241, 423, 427
Александр Невский 106
Александра Фёдоровна, императрица 27
Аленин (Оленин) В., кадет 406, 413, 417, 419
Аллерт Д. 65, 74
Алпатов Н.И. 12, 26, 71, 73, 74, 120, 121, 123, 173, 174, 177, 374
Алсуфьев, офицер 184
Альтшуллер Р.Е. 26
Анакреон 425
Анахарсис 252, 428
Ангальт Ф.Е. 12, 22, 41, 43, 50, 62, 106, 122, 141, 142, 143, 144, 145, 149, 156, 174, 175, 177, 369, 434, 436, 439
Андреев В., офицер 30
Андромаха 153
Андроников, кадет 414, 415
Андроньев 214, 412
Анкетиль Л. П. 136
Анна Иоанновна, императрица 37, 38, 135, 162, 432, 436
Анненков И.А. 319
Анненков Н.П. 431
Анненков М.Д. 167
Анненков П.В. 156
Аннибал (Ганнибал) 99
Анохин Ф., переводчик 39
Аношкина В.Н. 28
Антонов А.Н. 11, 25, 176
Антоновский, проф. 158
Апраксин В.С. 19
Апраксин С.В.
Аракчеев А.А. 17, 84, 92, 111, 196, 244, 257, 288, 365
Арбузов, кадет 394, 396, 400
Арбузов А.П. 169, 270, 449
Арбузов П.П. 167
Аренбашев П., офицер 23, 30
Ариосто Л. 241, 249
Арним Б., фон. 308
Арно Ф. 258
Арнольд Е., кадет 115
Арнольд М., кадет 115
Арнольди И.К. 29
Арсеньев, генерал 55
Арсеньев, директор 106
Арсеньев, историк 51, 98, 21
Арсеньев, паж 154
Арсеньев, проф. 100, 121
Арсеньев И.К. 29
Арсеньев К.И. 257
Арсеньев Н., кадет 398, 406, 413, 417
Аруэ Ф.-М. – см. Вольтер
Архипова А.В. 28, 359
Астафьев И., кадет 394, 410, 415, 420
Афанасьев А., кадет 115
Аурова Н.Н. 175
- ### Б
- Бабич, кадет 387, 388, 392, 393
Багговут А.Ф. 31, 307

- Багратион П.И. 216, 300, 307
 Базедов П., фон 28
 Байрон 224, 255, 278, 279
 Бальзак О. де 137
 Бальмен А.Б. де, граф 434
 Барант 202, 352
 Баратынский Е.А. 105, 116, 117, 123, 266, 313
 Барклай де Толли М.Б. 167, 301, 302, 305,
 Баррюэль, аббат 215
 Бартелеми О., аббат 252
 Бартельс, проф. 122, 100, 101, 122
 Бартенев П.И. 362
 Барышников, кадет 415
 Барятинский, кадет 403
 Барятинский А.И., князь 105, 106, 290, 448
 Басаргин Н.В. 268, 277
 Басов П., кадет 115
 Батеньков Г.С. 28, 252, 253, 264, 276, 282, 283, 284, 287, 289
 Багговут А.Ф. 31, 307
 Батюшков К.Н. 105, 138, 278, 280, 291, 309
 Баумгартен Е.К. 370
 Бахметьев, кадет 387, 437
 Бахтин А.А., полковник 92
 Башмаков А.П. 243
 Башмаков П.П. 243
 Бебутов В.О., князь 435
 Бегичев С.Н. 447
 Бегунова А.И. 18, 232
 Бедряга, офицер 184
 Безобразов, офицер 215
 Бек Н., кадет 417, 419
 Бекетов Н.А. 433
 Беккария Ч. 248, 255
 Беклешов А.А. 434
 Белинский В.Г. 161
 Беллинсгаузен Ф.Ф. 167
 Белокопытов, учитель 65, 73
 Бельгард В.А. 15, 24, 28, 30, 118, 123, 141, 166, 169, 173, 176, 177
 Бельшев, учитель 65, 73
 Беяев А.П. 169, 264, 267, 289, 347, 449
 Беяев П.П. 266, 449
 Бенедиктов В.Г. 165, 166
 Бенингсен, барон 204
 Беннигсен Л.А., граф 20, 197, 306, 307,
 Бенкендорф А.Х., граф 17, 184, 323, 362
 Бентам И. 167, 246, 248, 250, 255, 268, 271, 274, 276
 Беренс Е.А. 167
 Бердяев Г., кадет 116, 123
 Бернадотт, маршал 205
 Бернацкий В.А. 11, 25
 Бескровный Л.Г. 26
 Бестужев А.А. 64, 250, 266, 271, 279, 281, 289, 291, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 328, 329, 344, 359
 Бестужев А.Ф. 151, 158
 Бестужев М.А. 150, 449
 Бестужев Н.А. 150, 167, 168, 176, 308, 309, 310, 449, 359
 Бестужев Н.И. 278
 Бестужев П.А. 449
 Бестужев-Марлинский А.А. 295, 313, 328, 330, 331, 332, 336, 337, 352, 359
 Бестужев-Рюмин М.П. 264, 273, 273
 Бестужевы, братья 165, 169, 261, 308
 Бецкой И.И. 12, 26, 40, 41, 43, 44, 404, 434
 Бибииков А.И. 66, 240, 244
 Бильдерлинг (Бильтерлинг) А. 93, 121
 Бистром К.И. 220, 221
 Биретов С., кадет 408, 414
 Благовещенский И.М. 29
 Блер Г. 425
 Блэкстон В. 448
 Бобоедов Н., кадет 406, 414, 417
 Бобров А.П. 133, 149
 Богданов, кадет 386, 401
 Богданович И.О. 249
 Богданович И.Ф. 241
 Богданович М.Ф. 105
 Богданчиков М.А. 29
 Богданчиков С.Я. 29
 Боголюбов, кадет 396
 Боголюбов А.П. 168
 Богоявленский Г.П. 26
 Бодиско (1-й) Б.А. 449
 Бодиско (2-й) М.А. 449
 Бок Т.Е., фон 181
 Болотников А.У. 434
 Болотов А.Т. 237, 238, 239, 240, 285, 286
 Болтин И.Н. 105, 136, 428
 Большов, гардемарин 118
 Бомарше П. 136
 Боньо, мадемуазель 128
 Бооль В.Г., фон 15, 28, 74, 128, 166, 368, 369, 370, 374
 Борзов, кадет 387, 402, 404
 Борисов А.И. 265, 273
 Борисов П.И. 265, 273
 Брант Я.Л. 233
 Братановский Анастасий, архиепископ 434
 Бригген А.И., фон, 255
 Бриммер Э.В. 31, 166
 Бриссон Ж.-П. 429
 Брозих, кадет 408, 411, 414, 418
 Броневский С.Б. 166
 Бруккер А.Г. 428
 Брусилов Н.П. 15, 27, 140, 152, 173, 175
 Брюллов К.И. 162
 Брянчанинов А.М. 243
 Брянчанинов С.А. 242, 243
 Брянчанинов С.М. 242

Буало Н. 109
 Бужинский Г. 105
 Бужинский (Букинский) И.,
 кадет 106
 Буксгевден, ген. 204
 Буланжери Г. 253
 Булатов А.М. 446
 Булгарин Ф.В. 145, 147, 148,
 159, 174, 175, 262, 435
 Бунина А.П. 424
 Бурцов И.Г., ген. 195, 226,
 227, 315, 327, 328
 Бутаков Г.И. 168
 Буташевич-
 Петрашевский М.В. 285
 Бутовский Н.Ф. 28
 Бутырский, переводчик 424
 Бюффон Ж.Л. 426, 427
 Бэкон Ф. 427

В

Вадирвель, кадет 411
 Вадуев А.Д. 167
 Вадуев П.С. 433
 Вальховский, подполковник
 41
 Вальховский Л., кадет
 408, 414
 Ванновский П.С. 367, 370
 Варнаков, кадет 415
 Варнан, кадет 396
 Варун-Секрет И.А. 31
 Василевский, офицер 184
 Васильковский Л.А. 22,
 23, 373
 Васильковский В.А. 173
 Васильковский Л.С.,
 ген.-лейт. 145
 Васильев, гимназист 393,
 407, 418
 Васильчиков А., офицер
 234, 437
 Введенский И.И. 107, 140
 Веймарн Ц.И. 433
 Вельяминов И.А., ген.-губ.
 244

Вельяминов Н.Н. 19, 188, 190,
 191, 192, 193, 195, 193, 195,
 196, 231, 285
 Венедиктов И.И. 166
 Верёвкин И., кадет 399
 Веревкин М.И. 241
 Верещагин А.В. 243
 Верещагин В.В. 165, 243
 Вергилий (Публий Вергилий
 Марон) 249, 427
 Веригин А.И. 28, 123, 195
 Веригин Н.В. 7, 15, 23, 28, 30,
 62, 73, 155, 22, 223, 224, 234,
 278, 291
 Вертот 427
 Веселаго Ф.Ф. 11, 26
 Вилланд К.М. 424
 Вильгельм-Густав, принц. 141
 Вильжинкин, кадет 407
 Вильчинский, кадет 398
 Виртембергский Е., принц 221
 Висковатов А.В. 11, 15
 Висковатов В.И. 166
 Витгенштейн Л.П. 447
 Витовтов П.А. 435
 Витклунский, кадет 421
 Вишневский Ф.Г. 450
 Воейков, кадет 386
 Военский К.А. 21, 29
 Войнов М.А. 7, 19, 202,
 203, 204, 205, 206, 207, 208,
 209, 232
 Волков, кадет 386, 392,
 400, 403
 Волков С.В. 13, 26, 70, 71, 84,
 90, 120, 121
 Волков Ф.Г. 39, 165
 Волконский Д.М. 29
 Волконский М.Н., кн.
 433, 439
 Волконский П.М., кн. 213
 Волконский С.Г., кн. 214,
 215, 255, 270, 276, 278, 279,
 290, 291
 Волховский К. 172, 173, 176
 Волхонский, кадет 400, 401

Волынцев, кадет 423
 Вольмут (Вольгемут) И.,
 профессор физики 106
 Вольтер (Аруэ Ф.-М.) 136,
 138, 316, 242, 245, 247, 250,
 252, 253, 256, 264, 265, 267,
 268, 273, 274, 275, 277, 278,
 279, 282, 283, 289, 365
 Вольф, кадет 422
 Вольховский В.Д. 324
 Вольховский В.И. 226
 Воронцов М.И. 130
 Воронцов М.С., князь 31, 222,
 223, 224, 225, 300, 307
 Воронцов С.Р., граф 224
 Востоков А.Х. 142, 174, 434
 Вохин Н.В. 107, 123
 Врангель Ф.П. 167
 Всеволожский Н., паж 118
 Вырубов А., кадет 410, 411,
 414, 420
 Вуич, офицер 334
 Вышеловцев, издатель 424
 Вяземский А.А., князь 433
 Вяземский В.В. 29
 Вяземский Н.С., князь
 228, 229
 Вяземский Л.А. 29, 276
 Вязьмитинов, генерал
 от инфантерии 182, 185
 Вячеслов, кадет

Г

Габбе М.А. 446
 Габбе П.А. 222, 223, 224,
 278, 279, 291
 Гагарин, князь 229
 Гегемейстер Л.А. 167
 Галахов А.Д. 60, 73
 Галич А.И. 156
 Гамалея П.Я. инспектор
 150, 151
 Гангблов А.М. 447
 Гангблов А.С. 31, 141, 154,
 175, 265, 289
 Ганецкий, прапор. 184

- Ганнибал — см. Аннибал 99
 Галахов А.Д. 60, 73
 Гартунг, кадет 411
 Гастфрейнд Н. 176
 Гвртонский, кадет 408
 Гебенук А., кадет 410
 Геденов, кадет 415
 Гельвеций К. 254, 256, 257, 282
 Гендриков И.С., граф 433
 Генрих IV 109
 Георги Г.И. 174
 Герменсгаузен 240
 Геродот 425
 Герцен А.И. 161, 170
 Гершензон М.О. 18, 28, 160, 260, 288, 291
 Гете И. 146, 224, 255, 278, 281
 Гессен — Гомбургский Л., князь 433
 Гик, ген.-майор, князь 182
 Глаголева О.Е. 282, 287
 Гладилов И.И. 23, 30, 287
 Глазунов И., книготорговец 259
 Глебов П.Н. 11, 25, 70, 234
 Глеркур, кадет 395
 Глинка В.А. 435, 446
 Глинка Н.И. 296, 411, 415, 418
 Глинка С.Н. 15, 28, 30, 142, 144, 165, 174, 295, 305, 306, 359
 Глинка Ф.Н. 15, 16, 28, 30, 105, 138, 144, 145, 165, 174, 175, 254, 295, 196, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 309, 358, 359, 365, 374, 412, 435, 436
 Глинка Ю.Г. 278
 Глинонецкий Н.П. 78, 120
 Глоговский Н., офицер 249
 Гнедич Н.И. 138, 250
 Гогель И.Г., ген.-лейт. 62, 63, 434
 Гогель И.И., ген.-майор 62
 Гоголь Н.В. 105
 Годейн П.П., ген.-лейт. 106, 122, 162
 Голеневский Н.К. 138
 Голенищев-Кутузов И.А. 87, 88, 137, 158, 149, 433
 Голенищев-Кутузов М.И. 137, 167, 303, 307, 434
 Голенищев-Кутузов П.В., граф 14, 62, 79, 224, 435
 Голиков И.И. 105, 241
 Голицын А.В., князь 20, 29
 Голицын А.М., князь 152, 447
 Голицын Б.В., князь 305
 Голицын В.М., князь 152, 349, 443
 Голицын В.С., князь 229
 Голицын Д.В. 19
 Голицын Н.Б. 20
 Голицын Н.С., князь, ген.-адъютант 31, 183, 184, 234
 Голицын С., князь 216
 Головин Н.Н. 129, 173, 372, 375
 Головинский, ген.-майор 63
 Гольбах 254, 255, 267, 282
 Гольдшмидт О. 424
 Гомер 249, 261, 427
 Горбачевский И.И. 257
 Горбунов К., учитель 106
 Горбунов, офицер 183
 Горголи И.С. 434
 Гордин А.М. 231
 Гордин М.А. 231
 Горемыкин Г.К. 167
 Горяинов И., учитель 106
 Готшед И.К. 239
 Грабб, кадет 139, 393
 Граббе П.Х. 22, 31, 435, 447
 Грамотин А.А. 241
 Грамотин Н.П. 241
 Грамотин Ф.Н. 240, 241
 Греков Ф.В. 11, 25
 Греч Н.И. 107, 140, 148, 149, 174, 175, 253, 262, 284, 290
 Грибоедов А.С. 200, 216, 274, 282, 344, 365
 Григорий VII 109
 Григорович Д.В. 165
 Григу М., кадет 411
 Громова Л.Д. 28
 Гронский С., кадет 40, 86, 420
 Грот К.Я. 175, 176
 Гуммель, книготорговец 263
 Гурьев, переводчик 423
 Густав Адольф, король 99
 Гуфеланд Х. 248
 Гюне, воспитатель 118

Д

- Давыдов В.А. 272, 319
 Давыдов Д.В. 20, 29, 105, 268, 307, 320
 Давыдов Д.Д. 295, 315, 356
 Давыдов М.А. 222
 Даль В.И. 118, 165
 Данилович Г.Г. 12, 26, 128
 Даниэль, учитель 65, 74
 Данненберг Н., кадет 139, 384
 Дараган П.М. 15, 27, 141, 152, 153, 154, 175
 Двигубский И.А. 264
 Деденев М.А. 433
 Деларю, кадет 394, 398
 Делафир, кадет 408
 Деллинсгаузен И.Ф. 54
 Дельвиг А.И. 105
 Десянов Д.А. 201
 Демидов Н.И. 64, 65
 Демидов Н.Н. 194, 195, 201, 215
 Державин Г.Р. 105, 216
 Десницкий Михаил, митрополит 435
 Дефо Д. 249, 278
 Дзивович, кадет 140
 Дибич И.И. 47, 214, 217, 221, 225

Дивов В.А. 169, 450
 Дивов П.Г. 434
 Дидро Д. 245, 254, 261, 82, 370
 Диккенс Ч. 107
 Длотовский А., кадет 416
 Дмитриев И.И. 105
 Дмитриев М.А. 158
 Дмитриев С., кадет 117, 123
 Добролюбов Н.А. 164
 Довре П.А. 14, 27, 62, 66, 73, 224
 Докудовский В.А. 333
 Долгоруков А.Н. 229
 Долгоруков И.М., князь 105
 Должиков П. 234
 Долин О. 425
 Домонтович М.А. 15, 28, 72, 109, 110, 166, 176
 Дондуков-Корсаков А. М. 31
 Донской Дмитрий 104
 Достоевский Ф.М. 164, 165, 285
 Дохтуров Д.Р. 305
 Драке Л.А. 71, 74, 163
 Драхензев В., кадет 409
 Дрейлинг И.Р. 29, 197, 231
 Друцкой-Любецкий И.Ф. 424
 Дубельт А.В. 52, 172
 Дубровин А.И. 167
 Дубровин Н.Ф. 234
 Дунаева Е.М. 288
 Дурново И.Н. 19, 29
 Дурново Н.Д. 19, 23, 28, 29, 30, 193, 194, 195, 196, 198, 201, 213, 214, 215, 216, 217, 221, 231, 232, 233, 265, 278
 Дурново Н.П. 256
 Дурново П.П. 19, 29, 230
 Дурова Н.А. 20, 197, 231, 295
 Дурьлин С.Н. 28, 234, 362, 363
 Дюма А. 137, 254

Е

Егоров П., кадет 393, 395, 405, 413
 Егоров Е.А. 196
 Екатерина II, императрица 9, 11, 25, 40, 41, 42, 45, 70, 85, 89, 106, 141, 142, 144, 202, 218, 260, 289, 291, 366, 424, 427, 434, 436, 439
 Елагин А.А. 253, 282, 283
 Елагин И.П. 412, 416, 421, 422, 428, 433
 Елизавета Алексеевна, императрица 251
 Елизавета Петровна, императрица 39, 152, 433
 Ельчанинов Н., кадет 115
 Ермолов А.П. 167, 222, 225, 226, 244, 323, 244, 340, 347
 Еропкин В.М. 234
 Ефимовский А.М., граф. 433, 437

Ж

Жандр 215
 Жанлис А. 249, 278, 279
 Железников П.С. 98, 142, 145, 147, 148, 262
 Желтухин В.П. 106, 371
 Жемчужников А.М. 140
 Жемчужников В.М. 128, 140
 Жемчужников Л.М. 15, 28, 128, 137, 140, 162, 163
 Жерве К.К. 134, 445
 Жерве Н.П. 11, 25
 Жеребцов Д., кадет 408, 417
 Жесткова Т.П. 12, 26
 Жизневский А.К. 304
 Жирардот К.К. 163
 Жиркевич И.С. 142
 Жихарев Н., кадет 407, 411
 Жозефина 205
 Жомини Г.В. 53, 54, 72, 99, 100, 122, 215, 254, 280
 Жуковский В.А. 16, 105, 117, 138, 149, 259, 307, 308, 365

Жуковский В.П. 27
 Журавский, кадет 390

З

Завадовский А.П. 200
 Завадовский П.В. 40, 41, 70
 Завалишин Д.И. 168, 169, 257, 270, 288, 450
 Загоскин И.И. 295
 Загоскин М.Н. 105, 295
 Заикин Н.Ф. 448
 Зайцев А. 20
 Зайончковский П.А. 13, 26
 Закревский М.И. 201
 Залусский Я., граф 31, 220
 Засецкий А.А. 243
 Засс Г.Ф., ген. 226, 234
 Засядко А.Д. 166, 219, 222
 Захаров, переводчик 428
 Земленухин А. 308
 Зенденгорст К., кадет 149, 175
 Зендлин, кадет 398
 Зильберар Л., кадет 421
 Зильберштейн И.С. 250
 Зиновьев, кадет 387, 390, 392, 403
 Зиновьев Н.В. 162
 Зинькевич, кадет 395
 Златоуст Иоанн 280, 426
 Змеев В.А. 27
 Зорич С.Г., граф 41, 89, 111
 Зотов Р.М. 20
 Зубков В.П. 448
 Зубков М.М. 243
 Зубов П.А., князь 45, 435
 Зубова, гр. 215
 Зябловский 424

И

Иван III 105
 Иванов А., офицер 259
 Иванов, учитель 107
 Ивашев В.И. 152

- Ивашов В.П. 448
 Иваск У.Г. 28, 286, 288
 Игнатьев Н.П. 103
 Игнатьев П.Н. 445
 Измайлов В.В. 424, 425
 Изюмов Н.Г. 29
 Имеретинский Н.К. 15, 28, 137, 162, 174, 176
 Ипсиланти А. 318
 Исаков Н.В. 368, 369
 Искрицкий Д.И. 64, 157, 176
 Истомин В.А. 167, 168
 Истомина А.П. 200
- К**
 Кавалько (Ковалька), кадет 386, 388, 399, 404, 420
 Кавелин, кадет 387, 400
 Кавелин А.А. 50, 448
 Кавецкий И., кадет 388, 391, 393, 395, 401, 403
 Казакевич В., офицер 201
 Казаков И. М. 20
 Казнаков Г., кадет 399
 Кайданов И.П. 155, 98, 156
 Калакуцкий, офицер 198
 Калатинский (Калотинской) М., кадет 139, 405, 413, 417, 419
 Каллаш В.В. 21, 29
 Каллиман Имны 425
 Каменев А.И. 26
 Каменская М.Ф. 142, 174, 251, 252
 Каменский Н.П., офицер 338
 Каменский М.Ф., граф 433
 Каменский П., кадет 388, 395, 400, 401
 Камознс Л. 249
 Кант И. 224, 248, 278, 282
 Кантемир А.Д. 241, 248, 252
 Канунова Ф.З. 359
 Капнист А. 105, 249
 Капралова Л.Ф. 288
 Карабанов А.П. 11, 25
 Каразин В.Н. 157
 Карамзин А.Н. 335
 Карамзин Н.М. 105, 138, 142, 144, 251, 255, 258, 284, 423, 425, 426, 428
 Караулов И., кадет 406, 414
 Карл V 99, 427
 Карл XII 427
 Карпущенко С.П. 18, 28
 Карцов П.И. 156
 Карцов П.П. 11, 15, 26, 28, 72, 110, 176, 367, 374
 Каткаров, кадет 385
 Каульбарс В.Р., фон 196
 Каховский, кадет 366, 399, 408
 Каховский А.М. 149
 Каховский М.И., генерал 20, 21
 Каховский М.В. 433
 Каховский П.Г. 263, 271
 Качалов П.Ф. 151, 169
 Каченовский М.Т. 161
 Кашкин Е.П. 433
 Квинт Курций 241, 251, 423, 427
 Квицинский Д., кадет 115
 Кедрина Л.Е. 17, 28, 72
 Кикин, офицер 184
 Киле (Киме), кадет 386, 394
 Кинан, кадет 387
 Киреевский А.А. 118
 Киреевский И.В. 282
 Киреевский П.В. 282
 Киселев П.Д. 222, 261, 268, 290
 Кислинский, кадет 401
 Киянская О.И. 287
 Клиггер Ф.М., ген.-майор 44, 79, 93, 120, 121, 145, 146, 147, 148, 149, 153, 175, 435
 Клинкаберг, кадет 384
 Клиггерберг, полковник 153
 Клуге фон, ген.-майор 184
 Клугин Ц., кадет 115
 Ключарев И., кадет 406, 413
 Кнорринг Б.Ф. 434
 Кнышев В., ген-майор 185
 Княжнин Я.Б. 105, 139, 249, 252, 274, 426, 428, 434
 Ковалевский П.И. 234
 Кожин А.И. 241
 Козен П.А. 53, 54, 55
 Козлов, гимназист 407
 Козлов И.И. 105
 Козлова 215
 Козлятьев, офицер 182
 Козьменко И. 233
 Колензин А., кадет 415
 Колзаков П.А. 167
 Коллонтай А.М. 166
 Кологривов А. 185, 207
 Колокольцев Д.Г. 24, 31, 166, 196, 231
 Колосов, кадет 420
 Колычов, кадет 437
 Колюбакин Н.П. 337, 338, 343, 362
 Колярович А., 409
 Комаров А.А., 107, 140
 Комаровский Е.Ф. 182, 231
 Комарницкая Ж.Е. 286, 287, 288
 Комовский С.Д. 156, 160
 Кондильяк Э. 245, 282, 284
 Кони, кадет 397
 Коновницын И.П. 152, 226, 448
 Коновницын П.П. 14, 60, 61, 62, 73, 79, 152, 157, 300, 307, 327, 435
 Констан Б. 254, 268, 279
 Константин Павлович, вел. князь 10, 14, 19, 27, 45, 46, 58, 60, 62, 63, 73, 79, 111, 153, 157, 181, 186, 214, 223, 224, 365, 435
 Константин Николаевич, вел.князь 50
 Константинов, кадет 407, 418

Константинович, кадет 139, 384, 385
 Конт Ш. 255
 Корнева Г.А. 27
 Корнель П. 136, 277, 280
 Корнилов А.А. 281, 282, 291
 Корнилов В.А. 167, 168
 Корнилович А.Д. 449
 Корнилович Ф.П. 252, 287
 Корсаков А.Н. 28, 163, 176
 Корш, учитель 98
 Корф М.А. 73, 154, 156, 175, 176
 Корф Н.И. 435
 Коссовский А.И. 250
 Костров Е.И. 242
 Котляров, кадет 399
 Кочергин П. 28
 Кочетов Д., кадет 405, 419
 Кочубей В.П. 62
 Коцебу А.Е. 166
 Коцебу О.А. 435
 Коцебу О.Е. 167
 Кошанский Н.Ф. 98, 99, 107, 156
 Крабб П., кадет 388, 391
 Крамаренков, переводчик 424
 Краснокутская (Лукашевич) Н.Г. 288
 Краснокутский А.Г. 308, 359
 Краснокутский Г.И. 262, 288
 Краснокутский С.Г. 149, 288, 447
 Красовский С.Г. 31
 Крафт А.Ю. 106, 435
 Крашенинников С.П. 241
 Крашенинников, переводчик 423
 Кребийон, писатель 261
 Креницын, паж 64
 Кренке В.Д. 23, 30, 166
 Кривицкий А.
 Кривцов, ген.-майор 58
 Кривцов С. 280

Кристофорович В., кадет 406, 413
 Крок Н., кадет 412
 Кропоткин, кадет 399
 Кропоткин П.А., князь 165
 Кропотов Д.А. 173, 250
 Кротков А. 175
 Крузенштерн И.Ф. 53, 54, 55, 80, 103, 134, 151, 167, 423
 Крылов В.М. 13, 27
 Крылов И.А. 105, 144, 216, 281, 425
 Крылов И.О. 27
 Крылов Н.А. 71, 74, 163, 176
 Крюйс, адмирал 42
 Крюков Н.А. 266, 284
 Крюнитц 240
 Кузен 423, 429
 Кузьмин В., кадет 115
 Кузнецов, учитель 150
 Кук Д. 241, 428
 Кулешов В.И. 354, 363, 364
 Кульнев Я.П. 307, 434
 Куницын А.П. 50, 154, 155, 156, 157, 267, 270
 Купер Ф. 137, 280
 Куприн А.И. 165
 Куприянов А.И. 174
 Курганов Н.Г. 137, 138
 Кусов, купец 215
 Кутузов М.И. (см. Голенищев-Кутузов М.И.) 22, 26, 43, 44, 71, 145, 167, 207, 216, 303, 305, 307, 434, 440
 Кушакевич А.Я. 50
 Кушелев И.И. 434
 Кушелев-Безбородко, граф 255
 Кушников С.С. 434
 Кюи 165
 Кюхельбекер В.К. 165, 266, 276, 278, 282, 289
 Кюхельбекер М.К. 450

Л

Лабрюйер Ж. де 277
 Лажечников И.И. 147, 308
 Лазарев М.П. 167
 Лалаев М.С. 11, 12, 25, 26, 72, 73, 120, 128, 371, 374, 375
 Ланжерон А.Ф. 21
 Ламздорф, ген.-майор 183
 Ларошфуко Ф. де 252, 277
 Лафлер де, кадет 418
 Лафонтен Ж. де 252, 258, 277
 Лахе А. 415
 Лебядников Н., кадет 407, 414
 Левашов, кадет 437
 Левашов Н.С. 243
 Левенштейн, генерал 217
 Левершерн, прапорщик 184
 Левкович Н. 262, 288
 Левшин В., кадет 406, 412, 416, 419
 Левшин Д.М. 11, 25, 71, 72, 73, 122, 175, 375
 Леклерк Н.Ф. 136, 283, 428
 Лельо, учитель 108
 Леман А.И. 16, 28, 163, 173, 174
 Ленновский П. 28
 Леонтьев В., кадет 115
 Леонтьев, офицер 195
 Леопольд I 141
 Лермантов М.Н. 167
 Лермонтов М.Ю. 5, 7, 28, 140, 161, 165, 202, 227, 228, 229, 247, 264, 295, 310, 311, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 352, 353, 355, 362
 Лесаж А. 215, 278
 Лесков А.С. 167
 Лесков Н.С. 16, 28, 127
 Лехнер А.А. 30, 202, 213, 233
 Ливенцов М.А. 227, 234
 Ливенцов Н.П. 342, 363
 Линней К. 428

Липранди И.И. 29, 318
 Листовой С., кадет 70
 Лисянский Ю.Ф. 167, 424
 Литвинов, кадет 392
 Лихарев В.Н. 449
 Лихачев П.Г., ген. 302, 358, 359
 Лихонин О.С., ген.-майор 162, 436
 Лобанов-Ростовский А.Я., князь 208, 244
 Ловиз А., кадет 419
 Ломан Н.Л. 11, 25
 Ломоносов М.В. 105, 248, 423, 428
 Лонгин 425, 428
 Лопухин В.А. 433
 Лорер Н.И. 226, 228, 234, 247, 257, 286, 288, 339, 343, 349, 362
 Лоссовский 28
 Лотман Ю.М. 17, 181, 196, 230, 284, 292, 328, 361, 364
 Лузанов П.Ф. 11, 25, 70
 Лунин, кадет 4126 420
 Лунин М.С. 149, 181, 198, 269
 Лунин П.Н. 139, 149
 Лызлов 427.
 Львов А.Ф. 25, 30
 Львов, правитель дел 436
 Львов Т.В. 11, 26
 Львова Е.Н. 123
 Любавин М.А. 287
 Люберас, ген. 37, 136
 Люберас У.Л., барон 432
 Людовиг XIV 99

М

Мабли Г. де 245, 254, 255, 264, 267, 268
 Магницкий И., переводчик 39
 Мадатов В.Г. 225
 Мазараки, ген.-майор 445
 Майков В.Н. 249

Майков П.М. 26
 Мак, кадет 422
 Макартин Ф., кадет 422, 413, 419
 Макарьев, кадет 405
 Макферсон Д. 242
 Малиновский С.С. 29
 Малов А., священник 101, 122
 Маловиневский, кадет 139, 389
 Мальшевский, кадет 413
 Малышев, офицер 184
 Мамаев Н.И. 30, 133, 173
 Манахтин Ф.Ф. 305
 Манкиев А.И. 429
 Маны(?), кадет 421
 Марешаль С. 252
 Марин С.Н. 185
 Мария Федоровна, императрица 154
 Маркевич А.И., ген.-майор 54, 55, 62, 97, 425
 Марков М.А., писатель 166
 Маркович М., кадет 115
 Марлинский А.(см. Бестужев-Марлинский) 105, 328, 332, 337, 338, 341, 353, 362
 Мармолев Е., кадет 139, 391, 404
 Мармонтель Ж.Ф. 243, 277, 424
 Мартынов И.Ф. 237, 285, 286, 287
 Мартынов Н.С. 202, 229, 234, 338
 Марченко Н.А. 18, 230, 231, 232, 361
 Матюшкин Ф.Ф. 156
 Маурер, композитор 441
 Мацкев Н., кадет
 Медем Н.В. 371
 Мейнерс 429
 Мельгунов А.П. 433
 Мелиссино И.И. 433
 Мелиссино П.И. 50, 433

Мельгунов А.П. 433
 Мельнанд, подпоручик 185
 Мельницкий Н.Н. 11, 25, 70, 71, 72, 74, 123
 Меньков П.К. 23
 Меньков П.К. 23, 30
 Меньшиков А.С. 244
 Меньшиков В.А., князь 244
 Мердер К.К. 50
 Мерзляков А.Ф. 158
 Мерлин П., кадет 385
 Мерсье А.С. 241, 261
 Мертен, кадет 416
 Мешетич Г.П. 29
 Мещерский, кадет 422
 Мещеряков В.П. 28, 362
 Мещеряков П., кадет 72, 163
 Микостин, кадет 408
 Миллер, ген.-майор 182
 Миллер И. 99
 Миллер Ф.И. 251
 Милло К.Ф. 136, 241, 251
 Милорадович, ген. 300, 303
 Милорадович Г.А. 11, 25, 175,
 Милорадович М.А. 197, 296, 305, 307
 Мильтон Д. 249, 428
 Милютин Д.А. 367, 369
 Миних Б.Х., граф 38, 432, 436, 437, 438
 Минон А., кадет 410
 Мирабо О.-Г.-Р. 136
 Митьков М.Ф. 271, 276
 Михаил Николаевич, вел. князь 50, 370, 374
 Михаил Павлович, вел. князь 10, 51, 52, 58, 59, 66, 68, 72, 115, 133, 167, 171, 172, 181, 188, 189, 191, 224, 227, 365, 441
 Михайлов, кадет 114
 Михайлов А.А. 27
 Михайлов М., кадет 407, 420
 Михайлов О. 359
 Мозгалеvский Н.О. 447
 Монахтин, кадет 389

Мольер Ж.Б. 136, 254, 277
 Мономах Владимир 104
 Монтень М. 40
 Монтекума (Монтесума) 427
 Монтескье де, Ш. 243, 245, 247, 255, 256, 264, 266, 267, 268, 272, 275, 277, 424
 Мориоль де, гр., кадет 65, 73
 Морской П., кадет 416, 422
 Муравьев А.З. 253, 254
 Муравьев А.М. 264
 Муравьев А.Н. 24, 244, 247
 Муравьев М. Никитич 237, 245, 260, 283, 284, 285, 286
 Муравьев М. Никол. 245, 264, 265, 267, 283
 Муравьев Н.Е. 433
 Муравьев Никита М. 157, 246, 264, 265, 266, 267, 269, 273, 276, 283, 284, 290
 Муравьев Н.Н. 327
 Муравьева Е.Ф. 245
 Муравьев-Апостол М.И. 210, 277, 279, 291
 Муравьев-Апостол С.И. 272
 Муравьев-Карский Н.Н. 210, 245, 289
 Мусин-Пушкин А.И. 41
 Мусин-Пушкин В.А., граф 327
 Муханов П.А. 274, 449
 Мышецкий В.С. 30

Н

Набоков И.А. 195
 Навроцкий И., кадет 389, 409, 410, 414
 Нагадкин П., кадет 412, 415, 420
 Нагаев А.И. 87
 Надеждин Н.И. 161, 291
 Надсон С.Я. 165
 Назаров А.Н. 18, 26, 173
 Назимов М.Н. 227
 Наполеон, император 20, 169, 188, 204, 205, 212, 258, 276, 280, 285, 322, 359

Нахимов П.С., адмирал 167, 168
 Неверовский Д. ген. 297
 Недкович А., кадет 410
 Недобров, ген.-майор 1826 1836 418
 Нейхардт, кадет 140, 406
 Неклюдов, прапор. 184
 Некрасов Н.А. 164
 Нелединский - Мелецкий Ю.И. 105
 Нестор, летописец 104
 Нечкина М.В. 289
 Никитин, кадет 401
 Никитин Н.В. 23, 30
 Никитенко А.В., цензор 266, 289
 Николай I, император 10, 19, 20, 29, 48, 49, 50, 51, 54, 59, 66, 72, 82, 107, 118, 130, 131, 133, 146, 154, 161, 162, 163, 169, 171, 172, 176, 187, 188, 190, 191, 202, 217, 224, 244, 365, 367
 Никольский, автор Грамматики 98
 Новиков Н.И. 423, 424, 426
 Новосильцев А.В. 437
 Нодье Ш. 279
 Норов В.С. 24, 130, 152, 154, 165, 173, 280, 286, 311, 448
 Нума Понтилий, римский царь 424

О

Оболенский Д. 117, 123
 Оболенский Е.П., князь 200, 270
 Оболенский С. 117, 123
 Образцов И.В. 173
 Обрезков А.М. 433
 Обручев Н.Н. 27, 128, 367
 Одинцов А.А. 23, 30, 166, 224, 234, 373
 Одоевский А.О., князь 349
 Озерецковский Н.Я. 427

Озеров В.А. 22, 43, 44, 104, 105, 425, 434
 Оксман Ю.Г. 287
 Окунев, кадет 400
 Оленин, кадет 399
 Оленина В.А. 200
 Олсуфьев А.В. 433
 Олферьев П.В. 435
 Опперман К.И. 27, 52, 53, 55, 72, 95, 101, 121
 Орлов Г.Г. 238
 Орлов М.Ф. 24, 214, 216, 254, 275, 276, 277, 283, 284, 287, 290, 291
 Орурк И.К. 29
 Остен-Сакен Д.Е. 199, 232
 Остроухов И.М. 30
 Отрошенко Я.О. 373
 Охлябинин С.Д. 18

П

Павел I, император 25, 43, 44, 93, 181, 182, 185, 198
 Павлов-Сильванский Н.П. 281, 282, 291
 Пален П.П., граф 307
 Палибин, адъютант 122
 Паллас П.С. 428
 Панин, кадет 395, 400
 Парни Э. 215
 Парамонов., кадет 408, 414
 Парсамов В.С. 288
 Пасецкая-Креминская Е.К. 288
 Пасецкий В.М. 288
 Паскевич И.Ф. 187, 226, 227, 283, 324, 325, 326, 328
 Пашков, ген.-майор 211
 Пель А.И., библиотекарь 426
 Пенский (Пенской), кадет 407
 Переслодский (Переслодской), кадет 407
 Перовский А.А. 216
 Перовский В.А. 265

- Перовский А.А. 265
 Персей 153
 Перский М.С., ген.-майор 54, 55, 62, 65, 106, 131, 265, 435
 Пестель П.И. 152, 153, 165, 169, 181, 247, 265, 272, 275, 284, 287, 448
 Петр I (Петр Великий), император 22, 30, 37, 42, 49, 99, 136, 198, 280, 284, 445
 Петров, кадет 139, 389
 Петров, переводчик 427
 Петров А.Н. 11, 26
 Петров М.М. 29
 Петров П.В. 11, 25, 26, 70, 174
 Петров Ф.А. 29
 Петровский, кадет 384
 Петрушевский А.Ф. 110, 176
 Пиг-Лебрен Ф. 258
 Пильблар, прапор. 183
 Пиндор 427
 Плаксин В.Т. 50, 107, 140
 Платов М.И. 308
 Плутарх 257, 261, 280, 426
 Пнин И.И. 158
 Погожев В.Н. 15, 23, 28, 131, 173
 Погоржельский, кадет 65, 73
 Поджио А.В. 256, 265, 276, 289
 Поленов, переводчик 423
 Полетика П.И. 416, 421
 Поликарпов, кадет 416
 Поливанов А.Н. 11, 26
 Поливанов Н.П. 175
 Политковский В.Г. 432
 Полоцкий С. 105
 Помяловский Н.Г. 164
 Пономарев, кадет 65, 73, 383, 404
 Понятовский, Станислав-Август, король Речи Посполитой 439
 Попко И.Д. 259
 Попов Н.А. 23, 30
 Попова О.В. 175
 Потапова А.И. 319
 Потемкин, кадет 394
 Потоцкий П., кадет 409
 Потто В.И. 234, 362
 Похитонов Г.Н. 127
 Прево А.Ф. 423
 Предтеченский А.В. 230
 Приклонский, камергер 116
 Приклонский, паж 116
 Прозоровский А.А., князь 432, 434
 Прокопович Ф.
 Прокопович - Антонский А.А. 158
 Прокопьев М. 26
 Прутков Козьма 140
 Пуар-Карро, книготорговец 247
 Пуквиль 136
 Путята Н.В. 298
 Путятин М.П., князь 198, 231
 Пушкин А.С. 50, 105, 107, 117, 130, 138, 156, 169, 172, 173, 175, 176, 259, 273, 274, 279, 282, 295, 307, 312, 313, 318, 319, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 344, 360, 261
 Пушкин А.С. 229
 Пушин И.И. 247, 271, 277, 279, 287, 289, 324
 Пушин М.И. 15, 28, 131, 173, 226, 247, 324, 326, 327
 Пушин Н.Н. 62, 109, 222, 223, 224
 Пушин П.С. 210, 448
- ## Р
- Радивоевич, кадет 182
 Радищев А.Н. 165, 168
 Радклиф А. 243
 Раевский А.Ф. 21
 Раевский Н.Н., генерал 167, 297, 300, 305, 307, 324, 326, 327
 Расин Ж. 136, 252, 254, 277, 280
 Расцветаев Ф., кадет 115
 Рахманов, полковн. 185
 Рашевский, кадет 65, 73
 Рашет, кадет 402
 Ребелер, кадет 415
 Ребиндер В., кадет 408
 Регимонт Т. 215
 Редингер, кадет 396
 Резанов М., учитель 106
 Рейналь Г.Т.Ф. 186, 243, 247, 250, 256, 264, 267, 272
 Ремезов, кадет 411, 414, 418
 Репнин В.А., князь 433
 Репнин Н.В., князь 434
 Репнин П.И., князь. 433
 Репцевич, учитель 656 74
 Решедов, кадет 408
 Ржевский, офицер 184
 Ржевский Н., паж 636 73
 Риббаул К., кадет 422
 Риттер Ф., кадет 408
 Римский-Корсаков Н.А. 165, 167
 Римский-Корсаков Н.П. 167
 Ричардсон С. 261, 278
 Робертсон У. 427
 Роговер Е.С. 28, 361
 Розенгейм М., кадет 115
 Розен А.Е. 15, 28, 29, 147, 175, 198, 226, 228, 231, 234, 290, 344, 346, 248, 363, 438, 447
 Роллен Ш. 136, 251, 284, 423
 Романов Б.Г. 27
 Романович П., кадет 65, 73
 Рославлев, прапорщик 184
 Росси К.И. 187
 Ростовский Д. 105
 Ростовцев Я.И. 5, 58, 59, 66, 67, 68, 69, 95, 112, 118, 119, 130, 429, 430
 Ростопчин Ф.В. 29, 130, 149
 Руднев И.Г. 168

Рудоль, кадет 416
 Румянцев-Задунайский П.А., граф 423, 427
 Рунич Д.П. 50
 Руссо Ж.-Ж. 40, 136, 240, 242, 243, 245, 247, 249, 253, 254, 255, 256, 264, 265, 266, 272, 274, 275, 277
 Рыкачев Александр, кадет 385
 Рыкачев Алексей, кадет 412, 416
 Рылеев К.Ф. 133, 136, 157, 148, 149, 159, 160, 165, 169, 173, 249, 250, 251, 262, 266, 276, 277, 278, 291, 359, 360, 447

С
 Сабанеев И.В. 222, 224
 Савельев, офицер 183
 Савельев А.И. 70
 Савицкий К., кадет 115
 Сакен Ф.В., князь, ген.-фельдмаршал 434
 Сакен, барон 194
 Сакен, офицер 194
 Саксель 424
 Саллюстий, Кай 428
 Самойлова, граф 24
 Саргер, штабс-капитан 198
 Сатр 428
 Сафронов, кадет 390, 412, 416, 419
 Свиньин П.П. 216
 Свистунов П.Н. 152, 165, 254, 448
 Северин, переводчик 427, 429
 Сегесбен Г., библиотекарь 137
 Седков Е.И. 71
 Сей Ш.- Б. 246, 272
 Селиванов В.А. 142
 Селунский К.И. 21
 Семевский В.И. 157, 176, 254, 263, 288, 289
 Семевский М.И. 166, 291

Семенников В.К. 289
 Семенов П., музыкант 115
 Семенов-Тянь-Шанский П.П., географ, сенатор 165
 Семичев А.Д. 240
 Семичев В.В. 27
 Семичев Н.Н. 326, 327
 Семичев П.А. 240
 Сен-Лоран (Сент-Лоран), кадет 388, 401
 Сенковский, кадет 391
 Сент-Илер 37
 Сербул М.Н. 28, 362, 363
 Серебряков Л.М., контр.-адм. 258, 259
 Сердяковский, кадет 410, 412, 420
 Сеченов И.М. 165
 Сивердин (Сквердин), кадет 410
 Сиверс Е.К., гр. ин.-адъютант 54, 55, 80
 Сильченко О.В. 174
 Симанский Л.А. 21
 Симонов И.С. 26, 74, 124
 Сисмонди П. 246, 257, 268, 274, 284
 Сипенко Н., кадет 116, 123
 Скавронский М.И., граф 433, 437
 Скалон Д.А. 74, 109, 123, 163
 Скотт Вальтер 137, 243, 280
 Славской, офицер 31
 Слепушкин, кадет 421
 Слуцкий А.И. 288
 Смирдин А.Ф. 250, 259
 Смирнов М., кадет 139, 389, 390, 409
 Смит А. 246, 255, 256, 272, 274, 427
 Смоллетт Т. Д. 278
 Смолян О.А. 175
 Соболевский, кадет 390, 402, 403, 404
 Соколов, кадет 408

Соколов Д.А. 11
 Соколов П.Ф. 269
 Соллогуб В.А. 30, 213
 Соловьев И.Ф. 30, 213
 Соловьев, проф. 267
 Софокл 425
 Софроний 104
 Спешнев, кадет 402
 Срезневский В.И. 174
 Сталь Ж. де 246, 253, 255, 276, 277, 279, 283
 Станкевич Н.В. 161
 Станюкович К.М. 168
 Станюкович М.Н. 168
 Старов В.П. 187
 Степанов, кадет 387
 Степанов А.Я. 287
 Степанов П.А. 31, 196, 234
 Стерн Л. 243, 252, 278
 Стогов Э.И. 197, 231, 321
 Стоюкович, кадет 430
 Стреколов 433
 Стрельников, офицер 184
 Строганов П.А. 301
 Строев В.А. 25
 Строев В.К. 11
 Стройковский, граф 255
 Стуковский В., учитель 106
 Сумароков А.П. 39, 105, 139, 239, 241, 242, 248, 249, 428, 433
 Сумароков Н.С. 240, 241
 Сунгуров, поручик 161
 Суражевский, кадет 65
 Сутгоф А.Н. 227, 270
 Сухозанет И.О. 221, 104
 Сухоруков В.Д. 327
 Сухтелен, офицер 214, 244
 Сю Э. 137

Т
 Талызин М., учитель 98, 106
 Тарбеев, кадет 385
 Тартаковский А.Г. 21, 29

Тассо Т. 249
 Татаринцев А.Г. 287
 Татищев В.Н. 136, 241, 284
 Татищев С.С. 157, 268
 Тацит Корнелий 137, 251, 257
 Тезаурио Э. 248
 Теккерей У. 107
 Телемак 148, 239, 252, 261, 278, 428
 Терской, кадет 392
 Тетерин Д., кадет 416
 Тизенгаузен В.К. 140, 447
 Тимирязев Ф.И. 30
 Тимченко Д., кадет 409, 418, 422
 Тимченко - Рубан И.Р. 23, 30
 Титов А.Е. 167
 Титов Н.А. 30, 166
 Толмачев, переводчик 424
 Толстой И.Н. 241
 Толстой Л.Н. 7, 16, 25, 28, 295, 300, 310, 321, 332, 243, 353, 354, 355, 356, 358, 363, 364, 374
 Толстой Ф.А. (Американец) 199
 Толстой Ф.П., граф 251, 252, 277, 283, 284, 287, 292
 Толстой Я.Н. 152
 Томашевский, офицер 195
 Торнау Ф.Ф., офицер 229, 230, 234
 Топоркин Н., паж 117, 118, 123
 Торсон К.П. 450
 Трасси Д. де 272
 Троицкий В.Ю. 359
 Трубецкой С.П. 157, 198, 210, 255, 256, 261, 269, 276
 Трусов Д., кадет 417
 Тургановский И., кадет 414
 Тургенев А.И. 117, 246, 264, 289
 Тургенев И.П. 247
 Тургенев И.С. 164
 Тургенев Н.И. 154, 157, 160, 176, 177, 246, 247, 255, 257,

263, 271, 276, 277, 282, 289, 290
 Турчанинов П., кадет 306, 397, 406, 413
 Тучков А.А. 298, 299, 300
 Тучков П.А. 29
 Тютчева А.Ф. 177

У

Уваров С.С. 49
 Угринич, кадет 390
 Удинец А. 216
 Унковский, кадет 65, 73
 Устинов М. 254
 Устрялов Н.Г.
 Ушаков Н.А., ген.-майор 167, 206, 207, 208
 Ушаков П.П. 434

Ф

Федоров Н.С. 150
 Федоров С., кадет 418
 Федоров, ген.-майор 184
 Фелькнер В.И. 234
 Фенелон Ф. 148, 239, 245, 248, 252, 278, 280
 Ферзен И.Е. 433
 Фигнер А.С. 305, 307
 Филанджиери Г. 255, 257
 Филдинг 216, 249
 Филиппова А.А. 22, 30, 145, 173, 175
 Филиппсон Г.И. 31, 234
 Фирсов А., кадет 407
 Фирсов П., кадет 408
 Фихте И.Г. 282, 283
 Флориан 424
 Флотов, штабс-капитан 431
 Фомин А.А. 247
 Фонвизин Д.И. 105
 Фонвизин М.А. 266, 267, 268, 272, 274, 283, 290, 428
 Фонтенель Ф. 137, 248, 252, 428

Фосс 224, 278
 Франклин Б. 254, 257
 Франциск I 99
 Фрейман О.Р., фон 11, 25, 130, 173
 Фрейтаг, офицер 195
 Фридрих II, король Пруссии 99, 241
 Фролов, инспектор классов 155
 Фрунзе М.В. 26
 Фус Н.И. 435

Х

Хазин О.А. 13, 27
 Ханыков Д., паж 116, 123
 Харкевич В.И. 21, 29
 Харламов В.И. 27, 71
 Хатов А.И. 434
 Хатов И.И.
 Хвостов, офицер 201
 Хемницер И.И. 425, 426
 Херасков М.М. 105, 139, 241, 249, 423, 428, 433
 Хохлов Р.Х. 280, 291
 Храповицкий А.В. 434
 Храповицкий М.Е. 434
 Храповицкий Я.С. 29
 Хюбнер 240

Ц

Цебриков Н.Р. 226, 247, 248, 264, 269, 274
 Цебриков Р.Н. 248, 287
 Цецдельман, кадет 413
 Цейдлер М., офицер 346
 Церетели Д. 117, 123
 Циммерман 224, 278
 Цинк 240
 Циор П. 416
 Цицерон 249
 Цурикова Г.И. 175, 176
 Цылов Н.И. 22, 30, 31, 131, 173

Ч

Чаадаев П.Я. 17, 254, 255, 282, 288, 365
Чагеев Н., кадет 114
Черкасов, кадет 399
Чернецов Г.Г. 188
Чернышев З.Г. 327
Чернышевский Н.Г. 164
Чертков А.Д. 7, 30, 196, 202, 211, 213, 233, 244, 286
Чижев, кадет 417
Чижев, проф., математики 101
Чичерин А.В. 7, 23, 30, 202, 209, 210, 211, 308
Чувардин Г.С. 18
Чулков М.Д. 136, 261, 427, 428
Чулков Г.И. 175

Ш

Шапошников, генерал-майор 93
Шарлестон, кадет 407
Шахирев А.И. 447
Шахов, кадет 384
Шаховский, капитан-лейт. 134
Шаховской Ф.П., князь, майор 254, 255, 267
Шватер, кадет 139, 387, 397
Швейковский, кадет 401
Шевырев С.П. 344
Шекспир У. 249, 281
Шеллинг Ф.В. 282, 283
Шеншин, офицер 185
Шенье А. 252
Шепелев Д.Д. 303
Шереметев В.В. 200, 352
Шереметев Н.П. 93, 120, 121
Шестаков И.А. 124, 168
Шефлер А., кадет 415
Шиллер Ф. 215, 224, 252, 255, 278, 280, 281, 424
Шиллинг, мадам 78, 120

Шиман Н.П. 72
Шиц 185
Шишков А.С. 48, 161
Шлегель Ф. 224, 278
Шлиппенбах К.А. 105, 106, 122, 188
Шмидт И., кадет 385, 394, 409, 411
Шмонек, кадет 395
Шрам Ф.А. 135
Штегман Х.О. 434
Штейнгель В.И. 15, 28, 149, 154, 169, 175, 257, 274, 277, 289, 450
Шторх А., академик 257, 268
Штофельн Х.Ф. 433
Шуберт Ф.Ф. 30
Шубин, кадет 385, 388, 391, 397
Шубников, кадет 139
Шувалов А.П. 335
Шувалов И.И. 130, 434
Шувалов П.И. 85
Шуди Г.Ф., барон 70
Шушарин (Шушерин), кадет 407

Щ

Щепин-Ростовский Д.А., кн. 450
Щербатов М.М., князь 105, 136, 241, 251, 255, 283, 306, 423, 427, 428
Щербатов, офицер 185
Щербачев Г.Д. 176

Э

Эггерс, комендант г. Данцинга 135, 369
Эзоп 425
Эйдельман Н.Я. 234
Эйлер А.Х. 21, 196
Эйлер Л. 137, 428
Эльтман, граф 182
Эпинус Ф.УТ. 40

Энгельгардт Е.А. 62, 155, 156, 247
Эссен, кадет 438

Ю

Юзефович М.В. 327
Юркевич П., кадет 384, 389, 409
Юсупов Б.Г., князь 433
Юшневский А.П. 157

Я

Яворский С. 239
Ягужинский П.И. 38, 70
Яковлев Р.Н. 176, 177
Якубович А.И. 200, 252
Якушкин И.Д. 157, 210, 211
Ярошенко Н.А. 165
Яфимовский, граф 118, 123
Яхонтов, офицер 185
Яшунский И. 233

научное издание

АУРОВА
Надежда Николаевна

от кадета
до генерала...

*Повседневная жизнь
русского офицера
в конце XVIII —
первой половине XIX века*

Издатель ЛЕОНИД ЯНОВИЧ

Редактор С. АЛЕКСЕЕВА

Корректор Н. СЕРПОВА

Верстка
и оригинал-макет А. БАЙДИНА

Обложка А. БАЙДИНА

Налоговая льгота —
Общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Подписано к печати 09.12.2009
Формат 70х100/16. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Печатных листов 29
Тираж 1500 экз. Заказ № ____

НП издательство «НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,
по вопросам реализации 8-916-346-8273

E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве
в Интернете: <http://www.novhron.info>

Отпечатано в ОАО «Полиграфическо-издательский
комплекс Идел-Пресс»
г. Казань, ул. Декабристов, д. 2